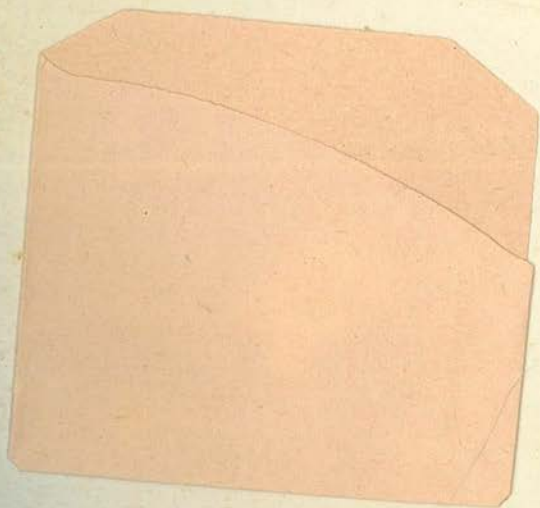

05 Исторический
вестник

1883 г. декабрь
(XVII)

С ПЕТЕРБУРГСКОГО
ПЕРСПЕКТИВНОГО
СУХОДОЛЬНОГО

Меморандум
№ 1
24 квіт.
Р.

Историческая библиотека

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ДЕКАБРЬ 1883.

12.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

ДЕКАВРЬ, 1883 г.

	Стр.
I. СЪ СИЛНЫМЪ НЕ БОРИСЬ. (Картинка нравовъ первой половины XVIII вѣка). В. О. Михневича	473
II. РУССКІЕ ДѢЯТЕЛИ ВЪ ОСТЗЕЙСКОМЪ КРАѢ. (Свои и чужія наблюденія, опыты и замѣтки). XVII—XXVI. Н. С. Лѣскова	492
III. ОТЗЫВЫ СОВРЕМЕННИКОВЪ О ПУШКИНѢ. (Къ матеріаламъ для его біографіи). Д. Н. Садовникова	520
IV. ПРОЕКТЪ О ПОХОДѢ ВЪ ИНДІЮ М. Д. Скобелева	543
V. АВТОБІОГРАФІЯ ПРОТОПРЕСВИТЕРА В. Б. Бажанова (съ портретомъ)	556
VI. ДВѢ ГЕРЦОГИНИ КУРЛЯНДСКІЯ (съ двумя портретами). К. Н. В.	565
VII. ВЕНЕЦІЯ. Статья Генри Джемса ; (съ 14-ю рисунками)	576
VIII. ПЕРВЫЕ ГОДЫ ВТОРОЙ ИМПЕРІИ. В. Р. Зотова	597
IX. ИНОСТРАННАЯ ИСТОРИОГРАФІЯ. В. С. Р.	612
X. КРИТИКА И ВІДЛОГАФІЯ: А. Н. Радищевъ, авторъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“. М. И. Сухомлинова. Спб. 1883. А. П. Незеленова .—Эдуарда Гиббона: Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи (съ портретомъ автора) изданіе Джоржа Белля. 1877 года. Съ примѣчаніями Гизо, Венка, Шрейтера, Гуго и др. Перевелъ съ англійскаго В. Н. Невѣдомскій. Часть I—II. Изд. Солдатенкова. Москва. 1883 г. А. К. —Грамоты XIV и XV вв. Московскаго архива министерства юстиціи. Ихъ форма, содержаніе и значеніе въ исторіи русскаго права. Изслѣдованіе Д. М. Мейчика. Москва. 1883 г. К. Н. В. —Памятники русской старины Владимирской губерціи. Рисоваль и издалъ И. Гольшевъ. Гольшевца, Вязниковскаго уѣзда. 1883. Н. Д. Скаго .—А. И. Маркевичъ. О лѣтописяхъ. Изъ лекцій по русской исторіографіи. Выпускъ 1. Одесса. 1883 г. Д. К. ва .—Отчетъ о занятіяхъ коммисіи для изысканія мѣръ и улучшенія преподаванія новыхъ языковъ въ среднихъ заведеніяхъ Кавказскаго учебнаго округа. Тифлисъ. 1883. В. З.	614
XI. ЗАГРАНИЧНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ	626
XII. ИЗЪ ПРОШЛАГО: Французскіе стихи въ честь Петра Великаго. Сообщено П. Я. Бутковскимъ .—Письма графини М. А. Румянцовой къ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Сообщено Г. В. Ешновымъ .—Шуточное стихотвореніе. З.	631
XIII. СМѢСЬ: Столѣтіе Россійской Академіи.—Столѣтіе Большаго театра.—Пятидесятилѣтній юбилей Почаевской лавры.—Столѣтняя годовщина смерти Эйлера.—Четырехсоглѣтній юбилей рожденія Лютера.—Памятники Лафайету, Датерру, Александру Дюма, Леклау.—Некрологи: Н. П. Мурзакевича; графа Е. В. Путитина; А. А. Шляревскаго; Роберта Минцлова; Майнъ-Рида и Леона Галеви	638
XIV. ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ: Къ словарю псевдонимовъ русскіихъ писателей. Вячеслава Катенева	648
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Кромвель. Историческій романъ Ю. Роденберга . Часть четвертая. Главы IV—XIII. Часть пятая. I—XII. (Окончаніе). 2) Портреты Екатерины II, Павла I и Александра I . Съ рѣдкой гравюры Больта. Гравироваль на деревѣ Паннемакеръ, въ Парижѣ. 3) Алфавитный указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ „Историческаго Вѣстника“ 1883 года. 4) Указатель гравюръ помѣщенныхъ въ четырехъ томахъ „Историческаго Вѣстника“ 1883 года.	
Къ этой книгѣ прилагаются объявленія: 1) Объ изданіи журнала „Историческій Вѣстникъ“ въ 1884 году. 2) О подпискѣ на иллюстрированный журналъ „Всемирную Иллюстрацію“. 3) О подпискѣ на иллюстрированный журналъ „Модный Свѣтъ“. 4) О подпискѣ на иллюстрированный журналъ „Новый Русскій Базаръ“. 5) О подпискѣ на музыкальный журналъ „Новеллетъ“. 6) О подпискѣ на историческій журналъ „Кіевская Старина“.	

О ПОДПИСКѢ ВЪ 1884 ГОДУ

НА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(ПЯТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1884 году по той же программѣ и на тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ предше-
ствовавшіе четыре года (1880—1883).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ, со всѣми
приложеніями, десять рублей съ пересылкой и доставкой на
домъ.

Редакція, вполне обезпеченная разнообразнымъ литературнымъ
матеріаломъ, обратитъ особенное вниманіе на рисунки и обяза-
тельно будетъ давать въ каждой книжкѣ журнала нѣсколько иллю-
страцій (въ 1883 году въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ помѣщено
болѣе 130 гравюръ).

Для приложенія въ 1884 году къ „Историческому Вѣстнику“
редакція приобрѣла отъ лейпцигскаго издателя Шпамера право
изданія иллюстрированнаго (40-ка гравюрами на деревѣ) культурно-
историческаго очерка Адольфа Глазера „Саванарола“.

Для первыхъ книжекъ „Историческаго Вѣстника“ 1884 года
въ распоряженіи редакціи уже находятся статьи слѣдующихъ
писателей:

Д. В. Аверкіева, А. В. Арсеньева, Н. В. Верга, Ѳ. И. Булгакова,
В. П. Вуренина, А. Я. Вутковской, И. Д. Вѣлова, Н. А. Вѣлозерской,
Е. М. Гаршина, В. И. Герье, Н. А. Добротворскаго, И. И. Дубасова,

ЗВЕРНЕНО 1961 р.

Державна історична
БІБЛІОТЕКА УРСР

Г. В. Есипова, И. Н. Захарьина, В. Р. Зотова, П. П. Каратыгина, Е. П. Карновича, А. И. Кирпичникова, Н. М. Коншина, М. С. Корелина, Н. И. Костомарова, Д. А. Корсакова, А. Н. Корсакова, В. Д. Кренке, Н. С. Кутейникова, Д. П. Лебедева, Н. С. Лѣскова, В. Н. Майнова, С. В. Максимова, П. К. Мартьянова, А. Н. Маслова, Л. С. Мацѣевича, А. П. Милюкова, В. О. Михневича, Д. Л. Мордовцева, А. И. Незеленова, В. И. Немировича-Данченко, Н. И. Петрова, А. С. Пругавина, Д. Н. Садовникова, графа Е. А. Сальяса, И. Н. Смирнова, А. И. Соболевскаго, В. Я. Стоюнина, М. И. Сухомлинова, С. Н. Терпигорева, П. С. Усова, Ф. Н. Устрялова, М. К. Цебриковой и др.

Гравюры для иллюстраціи статей заказаны преимущественно граверамъ: Паннемакеру въ Парижѣ и Зубчанинову въ Петербургѣ.

Подписка принимается въ главной конторѣ „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, д. № 38, и въ Москвѣ, въ отдѣленіи конторы, при московскомъ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Кузнецкій мостъ, д. Третьякова.

Въ главной конторѣ можно получать оставшіеся, въ весьма ограниченномъ числѣ, экземпляры „Историческаго Вѣстника“ за прошлые годы (1883 года остается 21 экз.). Цѣна каждому году, со всѣми приложениями, десять рублей съ пересылкой и доставкой.

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТАГО ТОМА.

(ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ И ДЕКАБРЬ 1883 ГОДА).

	СТР.
Александръ I и русская партія въ Польшѣ. Ө. М. Уманца	5
Московскіе люди XVII вѣка. Главы XXII—XXIV (съ 7-ю рисунками). Е. П. Карновича	48, 264
Изъ моихъ воспоминаній. Я. Н. Вутковскаго	78, 325
Усмиреніе польскаго мятежа въ Кіевской губерніи въ 1864 году. Отрывокъ изъ воспоминаній генераль-лейтенанта В. Д. Кренке	106
Послѣдній гуманистъ (съ 2-мя рисунками). В. Р. Зотова	135
Путешествіе императора Александра I по Финляндіи въ 1819 году (съ 7-ю рисунками)	154
Отець новѣйшей критики. Ө. И. Вулгакова	172
Борьба за существованіе мысли. (Историко-литературные очерки). Статья IV. В. Р. Зотова	179
Русскіе дѣятели въ Остзейскомъ краѣ. (Свои и чужія наблюденія, опыты и замѣтки). Н. С. Лѣскова	235, 492
Одинъ изъ суздальскихъ узниковъ. (Очеркъ изъ новѣйшей исторіи раскола). А. С. Пругавина	294
Воспоминанія о И. С. Тургеневѣ. Н. В. Верга	366
Воспоминанія о И. С. Тургеневѣ (съ 3-мя рисунками). Е. М. Гаршина	378
Литературная дѣятельность Тургенева. (Библиографическій очеркъ). Д. Д. Языкова	399
Древнехристіанскія катакомбы (съ 6-ю рисунками). А. И. Кирпичникова	430

Съ сильнымъ не борись. (Картинка правовъ первой половины XVIII вѣка). В. О. Михневича	473
Отзывы современниковъ о Пушкинѣ. (Къ матеріаламъ для его біографіи). Д. Н. Садовникова	520
Проектъ о походѣ въ Индію М. Д. Скобелева	543
Автобіографія протопресвитера В. В. Важанова (съ портретомъ)	556
Двѣ герцогини Курляндскія (съ двумя портретами). К. Н. В.	565
Венеція. Статья Генри Джемса; (съ 14-ю рисунками)	576
Первые годы второй имперіи. В. Р. Зотова	597

ИНОСТРАННАЯ ИСТОРИОГРАФІЯ: **Ө. В.** и **В. С. Р.** . 430, 612

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ:

А. П. Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ, кн. III. Спб. 1883 г. съ приложеніемъ чертежа Москвы XVII вѣка, двухъ картинъ и 7-ми снимковъ съ старинныхъ актовъ. Д. К—ва.—Собрание трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. Составилъ Ф. Мартенсъ. Т. VI. Трактаты съ Германіею 1762—1880 гг. Спб. 1883 г. В. 3.—М. И. Семевскій. Очерки и рассказы изъ русской исторіи XVIII вѣка. I. Царица Праксовья (1664—1723). Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1883. Д. К—ва.—Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки. Третье путешествіе въ Центральной Азіи. Н. М. Пржевальскаго. Изданіе Географическаго общества на высочайше дарованныя средства. Спб. 1883 г. В. 3. — Кремль въ Москвѣ. Очерки и картины прошлаго и настоящаго М. П. Фабриціуса. Москва, 1883 года, 336 страницъ и 90 рисунковъ.—Краткая исторія французской литературы. Д. Сентсбѣри, переводъ съ англійскаго. Спб. 1884. — Историческій очеркъ военно-походной е. и. в. канцеляріи съ 1797 по 1882 годъ. Составилъ Н. А. Шведовъ. Спб. 1883. В. 3. — Исторія XIX вѣка. Директорія Мишле; переводъ М. Цебриковой, Спб. 1883. В. 3.—А. Н. Радищевъ, авторъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву». М. И. Сухомлинова. Спб. 1883. А. И. Незеленова.—Эдуарда Гиббона: Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи (съ портретомъ автора) изданіе Джорджа Белля. 1877 года. Съ примѣчаніями Гизо, Венка, Шрейтера, Гуго и др. Перевелъ съ англійскаго В. Н. Невѣдомскій. Часть I—II. Изд. Солдатенкова. Москва. 1883 г. А. К.—Грамоты XIV и XV вв. Московскаго архива министерства юстиціи. Ихъ форма, содержаніе и значеніе въ исторіи русскаго права. Исслѣдованіе Д. М. Мейчика. Москва. 1883 г. К. Н. В.—Памятники русской старины Владимірской губерніи. Рисоваль и издалъ И. Голышевъ. Голышевка, Вязниковскаго уѣзда. 1883. Н. Д.—скаго.—А. И. Маркевичъ. О лѣтописяхъ. Изъ лекцій по русской исторіографіи. Выпускъ 1. Одесса 1883 г. Д. К—ва.—Отчетъ о занятіяхъ комиссіи для изысканія мѣръ и улучшенія преподаванія новыхъ языковъ въ среднихъ заведеніяхъ Кавказскаго учебнаго округа. Тифлисъ. 1883. В. 3. . . . . 198, 433, 614

ИЗЪ ПРОШЛАГО:†

Къ исторіи холеры въ 1830—1831 гг. — Письмо И. С. Тургенева къ С. А. Левитской. — Французскіе стихи въ честь Петра Великаго. Сообщено **И. Я. Бутковскимъ**. — Письмо графини М. А. Румянцевой къ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Сообщено **Г. В. Есиповымъ**. — Шуточное стихотвореніе. **Z. 213, 453, 631**

СМѢСЬ:

Юбилей Антонія Печерскаго. — Село Ратмирь. — Каменный вѣкъ въ Сибири. — Скнѣская могила. — Томскіе курганы. — Память о Петрѣ Великомъ въ Карлсбадѣ. — Открытіе памятника братьямъ Монгольфьеръ. — Открытіе статуи въ память защиты Парижа. — Статуя республики. — Закладка памятника Глинкѣ. — Могила Шевченки. — Императоръ Александръ II и «Записки охотника». — Архіерей и театр. — Раскопки въ Москвѣ. — Раскопки въ Смоленскѣ. — Столѣтіе католической церкви св. Екатерины. — Открытіе памятника войны 1870 года. — Празднованіе двухсотлѣтней годовщины освобожденія Вѣны. — Столѣтіе Россійской Академіи. — Столѣтіе Большаго театра. — Пятидесятилѣтній юбилей Почаевской лавры. — Столѣтняя годовщина смерти Эйлера. — Четырехсотлѣтній юбилей рожденія Лютера. — Памятники Лафайету, Дагерру, Александру Дюма, Леблану. — Некрологи: Князя А. Н. Церетелева. — А. Н. Савича. — А. Пушкина. — О. И. Гордина. — И. М. Добротворскаго. — Ю. В. Жадовской. — И. С. Панова. — Н. Н. Мурзакевича. — Графа Е. П. Путятина. — А. А. Шкляревскаго. — Роберта Минцлова. — Майнъ-Рида. — Леона Галеви. — Роберта Кастрена. — Генриха Шмидта. — I. С. Скрейшовскаго. — Генриха Консианца. 225, 456, 638

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ:

Отвѣтъ на вопросъ. Ред. — Портреты Тургенева. — Дорожные кресты въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Александра Нокорева. — Новые дополненія къ словарю псевдонимовъ русскихъ писателей. — Похороны Тургенева. — Къ словарю псевдонимовъ русскихъ писателей. Вячеслава Катенева 231, 465, 648

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Кромвель. Историческій романъ Ю. Роденберга. Часть третья. Главы V—X. Часть четвертая. Главы I—XIII. Часть пятая. Главы I—XII. (Окончаніе). 2) Портретъ И. С. Тургенева. Съ фотографическаго портрета Бергамаско; гравироваль на деревѣ А. И. Зубчаниновъ. 3) Портреты Екатерины II, Павла I и Александра I. Съ рѣдкой гравюры Болта. Гравироваль на деревѣ Паннемакеръ въ Парижѣ. 4) Алфавитный указатель личныхъ именъ, помѣщенныхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» 1883 года. 5) Указатель гравюръ помѣщенныхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» 1883 гбда.

ПОРТРЕТЫ ЕКАТЕРИНЫ II, ПАВЛА I и АЛЕКСАНДРА I.

Съ рѣдкой гравюры Вольта. Гравироваль на деревѣ Паннемакеръ, въ Парижѣ.

Дозволено ценз. Сиб., 28 января 1883 г.

Тип. А. Суворина, Эртел. пер., д. 11—2

СЪ СИЛЬНЫМЪ НЕ БОРИСЬ ¹⁾.

(Картинка нравовъ первой половины XVIII вѣка).

I.

Незванный гость—хуже татарина.

БЛО БЫЛО въ Ригѣ, осенью, въ 1747 году. Оберъ-кригсъ-комиссаръ Семень Спичинскій справлялъ свои именины у себя на квартирѣ, въ домѣ поручика Нейлиза, на Форштадтѣ.

По рангу и служебному положенію, оберъ-кригсъ-комиссаръ представлялъ собою довольно важную персону, а по роду службы, мѣсто его было—мѣсто «теплое» и «хлѣбное». Кригсъ-комиссары, тоже, что нынѣшніе интенданты, вѣдали провіантскую часть и, вообще, довольствіе войскъ, слѣдовательно, могли «грѣть» руки около солдатскаго пайка, и грѣли ихъ на самомъ дѣлѣ съ алчностью и проворствомъ, неуступающими ловкости современныхъ намъ героевъ «хищеній». Кригсъ-комиссаріатъ и его чиновники пользовались недоброй славой въ прошломъ столѣтіи, какъ это не

¹⁾ Матеріаломъ для этого разсказа послужило главнымъ образомъ имѣвшееся въ портфель редакціи «Историческаго Вѣстника», нигдѣ еще не напечатанное, «Дѣло о дракѣ генераль-маіора князя Долгорукова съ ассесоромъ Даниловымъ», извлеченное изъ бумагъ гос. архива (разрядъ VIII, № 197).

разъ было официально засвидѣтельствовано и правительствомъ, сурово изобличавшимъ ихъ, случилось, въ недобросовѣстности и мздоимствѣ.

Въ какой степени причастенъ былъ къ комиссаріатскимъ грѣхамъ Семенъ Спичинскій—неизвѣстно, но достовѣрно то, что чело-вѣкъ онъ былъ достаточный и хлѣбосольный. Имянины онъ справлялъ на славу, съ утра. На обѣдъ къ нему собралось чело-вѣкъ двадцать пріятелей изъ среды рижскаго чиновничества и офицерства. Вино лилось рѣкой, гремѣла музыка, составленная изъ хора весьма любимыхъ въ тѣ времена гобоистовъ. Пирушка была холостецкая, безъ дамъ, потому что хозяинъ не имѣлъ жены—по крайней мѣрѣ, не имѣлъ ее при себѣ въ данную минуту. На такихъ пирушкахъ въ тѣ времена пилось очень много, а у Спичинскаго гости должны были пить тѣмъ охотнѣе, что угощалъ онъ ихъ отборными, изысканными и весьма цѣнными тогда напитками: венгерскимъ и бур-гундскимъ винами, не считая другихъ видовъ «хмѣльнаго зелья».

Послѣ обѣда, уже въ сумерки, когда пиръ былъ въ полномъ разгарѣ и приходилъ къ концу, къ имениннику вѣхали во дворъ въ берлинской коляскѣ новые неожиданные гости. Слуги прибѣжали сказать, что пожаловалъ генераль, князь Долгоруковъ... Это былъ очень знатный гость, и его непрошенное посѣщеніе составляло для обыкновеннаго смертнаго особенную милость и честь. Такъ понималъ это хозяинъ и его собутыльники. Всѣ они вскочили и гурьбой вышли на крыльцо встрѣчать его сіятельство, желая отличиться въ чиновочитаніи, которое въ то доброе старое время насквозь проникало каждую подъяческую и служилую душу, обязательно требовалось старшими и выражалось въ крайне раболѣпныхъ и грубо-холопскихъ формахъ.

Прибывшій гость былъ князь Владиміръ Петровичъ Долгоруковъ, отецъ знаменитаго впоследствии Юрія Владиміровича Долгорукова—одного изъ екатерининскихъ орловъ, отличнаго генерала, со славою участвовавшаго во многихъ войнахъ и дослужившагося до высшихъ степеней и до андреевской ленты. Что касается Владиміра Петровича, то, не принадлежа къ богатой и вліятельной линіи рода Долгоруковыхъ, онъ не былъ близокъ ко двору, не игралъ никогда важной роли и ничѣмъ особеннымъ, по части доблестей, не запечатлѣлъ свое имя въ исторіи. Мы застаемъ его въ довольно не-авантажномъ положеніи «безмѣстнаго» генерала. Передъ этимъ онъ исполнялъ должностъ рижскаго вице-губернатора, но, почему-то, вынужденъ былъ ее оставить. Впоследствии же, онъ былъ сдѣланъ лифляндскимъ губернаторомъ и оставался имъ до смерти. Умеръ онъ въ 1761 году въ чинѣ генераль-лейтенанта, оставивъ двухъ сыновей и четырехъ дочерей. Не смотря, однако, на свое не особенно блестящее служебное положеніе въ описываемый моментъ, князь, какъ сейчасъ увидимъ, мнилъ о себѣ очень много и—ненапрасно. Рав-

нымъ образомъ, Спичинскій и всѣ его гости, хотя и не находились въ служебной зависимости отъ князя, относились къ нему подобострастно, какъ къ высокопоставленной, важной и знатной персонѣ.

— Не погнѣвайся,—сказалъ князь хозяину, когда тотъ вышелъ ему на встрѣчу,—что я къ вамъ незванный пріѣхалъ... Пріѣхалъ же я поздравить васъ съ вашимъ тезоименитствомъ.

Спичинскій разсыпался въ благодарностяхъ и любезностяхъ за оказанную ему честь и сталъ радушно звать князя въ домъ. Долгоруковъ, поддерживаемый хозяиномъ и его гостями, вышелъ изъ коляски. Онъ былъ тучный, осанистый человѣкъ и на ту пору грузенъ болѣе обыкновеннаго отъ сильнаго подпитія. Всѣ замѣтили, что его сіятельство былъ «весьма пьянъ», благодаря чему, вѣроятно, и пожаловалъ незванный въ гости, по пословицѣ «пьяному море по колено». Передъ этимъ онъ былъ у товарища, генерала князя Мещерскаго, гдѣ и наугощался. У Мещерскаго онъ встрѣтилъ ассесора Данилова, явившагося туда съ имениннаго обѣда у Спичинскаго. Они были между собою знакомы, и на этотъ разъ Долгоруковъ особенно изъяслялъ свое «снисходительство» ассесору, по выраженію послѣдняго. Узнавъ объ именинахъ, онъ «всеижайше, почти насильно» уговорилъ Данилова ѣхать съ нимъ къ имениннику на пиръ. Тотъ далъ себя уговорить и они отправились.

Надо полагать, что князь Владиміръ Петровичъ, вообще, былъ склоненъ къ буйству во хмѣлю. Теперь же, очутившись среди компаніи работяно относившихся къ нему людей, которыхъ онъ считалъ неизмѣримо ниже себя, князь, какъ человѣкъ неразвитой, грубый, да еще пьяный, почувствовалъ похоть показать свое начальственное величіе и превосходство. Онъ началъ, какъ говорится въ просторѣчій, «куражиться» и въ очень ужъ безцеремонныхъ формахъ. Первымъ, на кого онъ обрушился, былъ поручикъ Нейлизъ, вмѣстѣ съ другими гостями выходившій встрѣчать князя. Входя въ домъ, Долгоруковъ увидѣлъ въ сѣняхъ Нейлизу и закричалъ на него ни съ того, ни съ сего:

— Ты, плутъ, шельма, зачѣмъ здѣсь? и, не ожидая отвѣта, обратился къ Спичинскому съ упрекомъ: — Зачѣмъ онъ здѣсь у тебя? Ежели онъ здѣсь, то я не могу тутъ быть!

Чѣмъ былъ такъ непріятенъ князю злополучный Нейлизъ—неизвѣстно, но, когда его сіятельство круто поставилъ вопросъ, что или ему или Нейлизу быть въ гостяхъ у Спичинскаго, то послѣдній, не колеблясь, «далъ знакъ рукою, чтобы поручикъ ушелъ прочь». Поручикъ, видно, былъ малый чувствительный. Обруганный княземъ и выпровоженный хозяиномъ, онъ заплакалъ и, взявъ шляпу, вышелъ изъ компаніи, не сказавъ ни слова; но и послѣ этого Долгоруковъ не могъ о немъ забыть.

— Зачѣмъ ты такого шельму при себѣ держишь? продолжалъ онъ упрекать Спичинскаго, войдя въ покой. Когда я буду здѣсь, въ Ригѣ, по прежнему, вице-губернаторомъ, куражился онъ далѣе, то таковыхъ переведу...

— Успокойтесь, ваше сіятельство! отвѣчалъ хозяинъ, стараясь подладиться къ строптивому гостю. Нейлизъ у меня въ командѣ недолго будетъ и скоро смѣнится...

Съ этими словами, имянинникъ, подойдя къ стоявшему въ той же свѣтлицѣ пиршественному столу, загроможденному бутылками, налилъ бокаль лучшаго венгерскаго вина и поклонился имъ князю. Князь благосклонно принялъ бокаль и осушилъ его. Пиръ могъ возобновиться, съ участіемъ знатнаго гостя, и продолжаться мирнымъ путемъ, хотя въ тѣ времена, даже у наиболѣе образованныхъ русскихъ людей, холостые пиры рѣдко кончались прилично и благополучно. Были случаи, что первостепенные сановники, министры, подвыпивъ въ компаніи, начинали между собою считаться, отъ пререканій переходили къ брани, а брань кончалась кулачной потасовкой...

Подбодрившись лишнимъ бокаломъ, Долгоруковъ почувствовалъ еще болѣе сильный аппетитъ къ самодурству и «куражу». Спровадивъ Нейлиза, онъ искалъ теперь другую какую нибудь личность, которую могъ бы также оборвать и показать на ней свою власть. Оглядывая компанію, онъ увидѣлъ смиренненько стоявшаго у печки рижскаго портоваго сбору секретаря Суровцова, тоже невѣдомо за что и почему не пользовавшагося благосклонностью князя.

— Ахъ, и ты здѣсь, плутъ! закричалъ на Суровцова Долгоруковъ и, на этотъ разъ, не ограничившись бранью, далъ волю рукамъ.

Съ перваго же слова, его сіятельство бросился на бѣднаго секретаря и сталъ его хлестать по щекамъ при всей честной компаніи.

Въ высшей степени характеристично то, что противъ этого безобразнаго и безпричиннаго насилія ни съ чьей стороны не послѣдовало ни сопротивленія, ни протеста. Почтенная компанія и самъ гостепріимный хозяинъ безучастно хлопали глазами на зрѣлище, какъ пьяный дебоширъ ни за что, ни про что, лупитъ ихъ товарища—точно, такъ и слѣдъ тому быть, и это только потому, что на дебоширѣ генеральскій чинъ и княжескій титуль... До такой степени еще слабо было развито чувство человѣческаго достоинства въ этихъ свежееиспеченныхъ «европейцахъ», носившихъ подъ модными французскими кафтанамъ вполнѣ холопскія душонки, проникнутыя азіатскимъ раболѣпствомъ.

Самъ Суровцовъ покорно, не сопротивляясь, принималъ княжескія пощечины и только кланялся, да приговаривалъ жалобнымъ тономъ:

— За что, ваше сіятельство, изволите бить меня напрасно?

«И по уговору же всѣхъ гостей, которые въ то время были,— засвидѣтельствовалъ потомъ одинъ очевидецъ этой отвратительной сцены, — Суровцовъ кланялся ему, генераль-майору, и просилъ прощенія». При этомъ, кое-кто изъ гостей, взявъ его за воротникъ, заставляли кланяться почаще и пониже...

Въ чемъ секретарь «просилъ прощенія» — свидѣтель не пояснилъ, но, вѣроятно, компанія, исходя изъ мудрой житейской максимы, что «у сильного безсильный всегда виноватъ» и всегда долженъ быть виноватъ, находила, что бѣдный секретарь тѣмъ уже провинился, что осердилъ его сіятельство, возбудилъ въ немъ непріятныя чувства.

На униженныя извиненія Суровцова князь, повидимому, смягчился.

— Добро, поцѣлуемся! — сказалъ онъ ему милостиво.

Суровцовъ почтительно подошелъ къ Долгорукову и поцѣловалъ его, но, при этомъ, получилъ новую пощечину — благо у князя расходилась.

— Я знаю его, такого-сякого: онъ у меня канцеляристомъ былъ! — какъ-бы въ оправданіе своей расправы сказалъ князь и, «не удовольствуясь тѣмъ,—поясняетъ свидѣтель-очевидецъ — и еще его-же, Суровцова, генераль-майоръ билъ по щекамъ нѣсколько разъ».

Это становилось скучнымъ и, во всякомъ случаѣ, мѣшало веселому препровожденію времени. Тогда Даниловъ, обнадеженный «снисходительствомъ» къ нему Долгорукова, «желая то неспокойство прекратить, съ учтивостью сталъ генераль-майора просить, добы онсе оставилъ», и отвель его. О томъ-же «съ учтивостью» просили князя и другіе; но «неспокойство» расходившагося буяна, чувствовавшаго полную безнаказанность своего самодурства, остановить было не легко.

Въ компаніи, между прочими, былъ секундъ-майоръ Гайзеръ — безъ сомнѣнія, нѣмецъ, имѣвшій, вѣроятно, нѣсколько болѣе отшлифованныя понятія о чести и о человѣческомъ достоинствѣ. Зрѣлище дикой расправы надъ Суровцовымъ и его рабья покорность передъ княземъ возмутили «шляхетнаго» нѣмца — не слишкомъ, положимъ, но настолько, что, когда избитый секретарь отошелъ въ сторону, то Гайзеръ сказалъ ему съ насмѣшливымъ упрямомъ.

— Такъ-то тебя подчуютъ: лучше убирайся отсюда!

Эти слова какъ-бы пробудили въ Суровцовѣ чувство оскорбленнаго достоинства. Ему стало стыдно, но и послѣ этого, разумѣется, на какой-нибудь протестъ духу въ немъ не хватило. Впрочемъ, и то уже было съ его стороны немалымъ мужествомъ, что онъ, подъ впечатлѣніемъ упрека Гайзера, рѣшился заявить князю

свою претензію, съ явнымъ рискомъ попасть подъ новый градъ оплеухъ.

— Ваше сіятельство,—сказалъ онъ,—изволили меня, бѣднаго, напрасно обидѣть, а мнѣ офицеры смѣются. Это сегодня дѣлается, а завтра мнѣ нельзя будетъ показаться.

Выходило такъ изъ словъ Суровцова, что не княжескіе побои ему больны и обидны, а насмѣшки офицеровъ, дерзающихъ сомнѣваться въ непререкаемости и безнаказанности этихъ побоевъ.

Такъ понялъ жалобу «бѣднаго» секретаря Долгоруковъ, и считая его уже, какъ-бы, своимъ крестникомъ, призналъ за благо вступиться за него.

— Кто дерзаетъ надъ тобою смѣяться? — спросилъ онъ грозно. Суровцовъ указалъ на Гайзера.

— Вотъ этотъ толстенкій!—воскликнулъ князь.—А подайте ка мнѣ его сюда—я ему задамъ (князь прибавилъ «скверное руганіе»)!

Услышавъ эту угрозу, секундъ-майоръ струсиль и «тихимъ молчаніемъ» далъ тягу, что посовѣтовали ему сдѣлать и другіе гости, во избѣжаніе «какой причины», какъ дипломатично выразили они, разумѣя, конечно, возможность новаго «неспокойства» со стороны буйнаго князя по отношенію къ благородной фізіономіи секундъ-майора. Но Долгоруковъ впаль уже въ новый пароксизмъ неистоваго «неспокойства» и бросился искать Гайзера. Секундъ-майоръ былъ, видно, легокъ на ногу и успѣлъ улепетнуть.

Не найдя его въ свѣтлицѣ, гдѣ происходилъ пиръ, свирѣпый князь кинулся шарить по всему дому, заглядывая во всё «каморки» и при этомъ, опрокинулъ два стола—одинъ съ фарфоромъ, другой съ напитками и хрустальной посудой. Дебошъ принималъ опустошительный оттѣнокъ Мамаева побоища. Злополучный хозяинъ приходилъ въ отчаяніе и не зналъ, что дѣлать. Пусть бьютъ его гостей, но зачѣмъ-же бить посуду и чинить убытокъ имениннику?

II.

Концертъ съ неподдѣльно - живой картиною.

Изыскивая способы, какъ унять разбушевавшагося знатнаго гостя мѣрами угожденія и подхалимства, такъ какъ иныхъ мѣръ и допустить не могла въ этомъ случаѣ чиновничья раболѣпная мысль, Спичинскій вспомнилъ о музыкѣ. Самъ онъ былъ, видно, большой ея любитель и крѣпко полагался на ея смягчающее нравы дѣйствіе.

— Ваше сіятельство!—почтительно обратился онъ къ Долгорукову: — не изволите ли приказать, я велю гобоистамъ на музыкѣ заиграть? У нихъ есть новые концерты—весьма хороши!

Обольщеніе подѣйствовало. Князь заинтересовался — точно ли хороши концерты? Взявъ новый бокалъ вина, онъ отправился, въ сопровожденіи хозяина и кое-кого изъ гостей, въ «каморку», гдѣ сидѣли гобоисты, и приказалъ имъ играть.

Оркестръ грянулъ.

Долго ли наслаждался его игрою Долгоруковъ и что, именно, въ этотъ промежутокъ времени произошло—свѣдѣнія въ дѣлѣ не полны и разнорѣчивы; но какъ бы тамъ ни было, во время игры гобоистовъ и въ той «каморкѣ», гдѣ они играли, глазамъ компаніи представилась вдругъ такая соблазнительная и скандальная «живая картина»: на полу катались, свѣпившись между собою, князь и Даниловъ, и ожесточенно тузили другъ друга. По показанію одного, вполне достовѣрнаго, повидимому, свидѣтеля, ассесоръ Данилъ сидѣлъ верхомъ на сіятельномъ генераль-майорѣ и мѣсилъ ему фізіономію кулаками, а генераль-майоръ теребилъ его обѣими руками за волосы.

Зрѣлище это было тѣмъ болѣе неожиданное, что еще за минуту Долгоруковъ выражалъ всячески свое «снисходительство» Данилову. Всѣ видѣли, какъ онъ «неоднократно» цѣловалъ его, и оба они «дружелюбно» называли другъ друга кумовьями. Съ другой стороны, зрѣлище это было крайне афрраппирующее и чрезвычайное для чиновниковъ-очевидцевъ. Когда, передъ этимъ, на ихъ глазахъ генераль бранилъ и колотилъ маленькихъ людей низшаго ранга—тутъ они не видѣли ничего ни необычайнаго, ни возмутительнаго; но увидѣть, какъ того же генерала, квитъ за квитъ, святоотечественно надѣляетъ ударами какой-то ассесоръ, значительно низшей чинъ, сравнительно съ генеральскимъ, — это должно было до глубины потрясти каждую чиновлюбивую душу, свято исповѣдующую, какъ символъ вѣры, табель о рангахъ и Господню заповѣдь: чинъ чина почитай!

Такое, именно, благоговѣйное потрясеніе испытали нѣкоторые изъ очевидцевъ описанной картины, всего же болѣе и прежде всѣхъ оберъ-квартирмейстеръ Данило Шрейдеръ, который первый бросился разнимать борцовъ, и не столько разнимать, сколько стараться освободить генераль-майора отъ осѣдлавшаго его ассесора и оградить его благородную генеральскую персону отъ ассесорскихъ кулаковъ. Это ему и удалось послѣ немалыхъ усилій и при содѣйствіи другихъ лицъ. При этомъ Шрейдеръ велъ такую хитрую тактику, что, освобождая князя изъ рукъ Данилова, оставлялъ, однако же, ему возможность драть послѣдняго за волосы сколько душѣ угодно, что впоследствии, какъ увидимъ, онъ и поставилъ себѣ чуть ли не въ заслугу.

Изъ-за чего же загорѣлась эта ожесточенная битва? Показанія дѣйствующихъ лицъ по этому вопросу были очень противорѣчивы. Показанія эти давались уже на слѣдствіи, когда каждый изъ об-

виняемыхъ всячески старался оправдаться и свалить всю вину въ начинаніи драки, а также въ нанесеніи побоевъ, на другаго.

По словамъ Долгорукова, драку началъ онъ, но вслѣдствіе нестерпимаго оскорбленія, нанесеннаго ему, якобы, Даниловымъ.

«Ассесоръ Даниловъ, — писалъ князь въ своемъ показаніи, — вступаясь за секретаря Суровцова, котораго я, будто бы (sic!), обидѣлъ, употребилъ мнѣ нѣкоторыя противныя слова, а именно: «выбравивъ поматерно, сказалъ: ежели бы ты, толстобрюхой, меня такъ, какъ Суровцова, обидѣлъ, то я бы зналъ, что съ тобою дѣлать!» «Напротивъ того я ему сказалъ, что-де и ты не великъ человекъ и почти-де такой же секретарь, какъ и оной Суровцовъ, ибо ту должность и по указу тебѣ править велѣно». На это Даниловъ «мнѣ тихимъ образомъ, такъ, что слышать другимъ было не можно, сказалъ: да ты-де и самъ—безмѣстной генераль! что я въ крайнюю обиду причтя, не могъ вытерпѣть и его, Данилова, ударилъ, который ту жъ минуту подъ ноги меня самъ ногами подшибъ, а потомъ и обѣими руками въ лицо ударилъ, отчего упалъ я навзничъ, и онъ, Даниловъ, стоячи надо мною, билъ меня по лицу и говорилъ: что знай меня, я — Даниловъ! Я же, напротивъ того, его не только бить не могъ, но и оборониться никакова (средства?) не имѣлъ, ибо все, уже отъ того упаденія и отъ оныхъ его побоевъ, сила была у меня отнята, и билъ оной ассесоръ Даниловъ столь долго, покуда оберъ-квартирмейстеръ Шрейдеръ, пришедъ, его Данилова отъ меня отвелъ, а потомъ паки, у него, Шрейдера, онъ, Даниловъ, вырвавшись, бросился еще меня бить и билъ; то въ то время уже и я за волосы его схватилъ»... «Какъ же онимъ оберъ-квартирмейстромъ я отъ него Данилова отнять былъ, тогда оной ассесоръ, пошедъ изъ покоевъ вонъ, еще меня поносительными словами бранилъ»... «И отъ тѣхъ побой были глаза у меня подбиты и на лицѣ имѣлъ знаки, что генераль-лейтенанты графъ Салтыковъ, Ливень, Лопухинъ, генераль-майоръ князь Мещерскій и прочіе, для посѣщенія бывшіе у меня, видѣли, отъ чего принужденъ былъ въ квартирѣ оставаться болѣе семи недѣль, а пользовалъ отъ того самъ собою».

Даниловъ, въ своемъ объясненіи, отвергалъ показаніе Долгорукова и представлялъ всю исторію въ такомъ видѣ, что виновнымъ оказывался одинъ князь, а онъ, Даниловъ, былъ лишь жертвой и «невольникомъ» труднаго положенія, заставившаго его обороняться, спасенія ради живота своего. Вслѣдствіи мы встрѣтимъ объясненіе такого образа защиты обвиняемаго ассесора.

«Никакихъ противныхъ словъ ему, генераль-майору, я не говорилъ, — показывалъ Даниловъ на слѣдствіи, — но только, когда онъ неоднократно секретаря Суровцова билъ, то хозяинъ и я и другіе гости, желая, чтобы то неспокойство прекратилось, съ учтивостью его, генераль-майора, просили, дабы оное оставилъ, но онъ

не послушалъ»... «И таковыхъ словъ, что онъ, генераль-маіоръ, безмѣстной, я не говорилъ и отъ него, генераль-маіора, якобы я такой же секретарь, какъ помянутой Суровцовъ, рѣчей таковыхъ не слыхалъ, да и говорить оныхъ рѣчей было некогда, ибо онъ, послѣ бою Суровцова, искалъ маіора Гайзера бить».

«По ударѣ имъ меня въ лицо, своими ногами его ногъ не подшибалъ и обѣими руками въ лицо его не билъ, а на полъ онъ упалъ не отъ того, и что — «знай меня, я Даниловъ!» — такихъ словъ не говорилъ. А то происходило такимъ образомъ: когда онъ, генераль-маіоръ, отбрани капитана Нейлиза и отбивъ секретаря Суровцова, и послѣ исковъ маіора Гайзера, не сыскавъ его вскорѣ, знатно въ тѣхъ сердцахъ, подойдя ко мнѣ и ничего не говоря, державъ въ правой рукѣ покаль, другою рукою ударилъ въ лицо и глазъ поушибъ, отъ котораго удару едва на ногахъ я устоялъ и въ безпамятство пришелъ, и тотъ же моментъ оной генераль-маіоръ, броса тотъ покаль, ухватилъ меня за волосы и хотѣлъ ударить о полъ, точію, держа меня за оные, самъ напередъ упалъ и меня на себя повалилъ, и какъ я вдругъ на него упалъ, то нечаянно своею головою въ лицо его попалъ, и тѣмъ оное лицо и губы расшибъ, и по упаденіи онъ, генераль-маіоръ, паки меня за волосы, сколько его силы допустило, дралъ же, отъ котораго, спасая животъ свой, дабы, до шпаги добрався, меня не умертвилъ, во время разниманія и самъ принужденъ былъ я себя, а не онъ, оборонять и въ непамяти же отбивался своими руками, и въ такомъ случаѣ можетъ быть и по лицу его попалъ, а знаки на немъ тогда какіе были-ль усмотрѣть было мнѣ невозможно, ибо ежелибъ хозяинъ и гости его рукъ изъ моихъ (волосъ) не вытащили, то бы не могъ и освободиться, а, освободясь, тотчасъ вонъ пошелъ и со слезами говорилъ: «За что меня, генераль, бить?—Я не секретарь Суровцовъ, воля всемилостивѣйшей государыни моей, ибо имѣю рангъ маіорскій»... «И кромѣ той моей обороны, его, генераль-маіора, я не бивалъ, въ оное-жъ его на меня нападеніе я не кричалъ... ибо отъ крѣпкаго его меня удару пришедшее мнѣ тогда безпамятство и кричать не допускало»...

Равнымъ образомъ, Даниловъ отрицалъ и то, что онъ, послѣ того, какъ его розняли съ княземъ, снова бросился на него. Въ подтвержденіе своего показанія онъ ссылался на свидѣтелей, и въ томъ числѣ на Шрейдера, но Шрейдеръ не совсѣмъ подтвердилъ его слова. Изъ всѣхъ свидѣтелей самое обстоятельное и вѣское, а также и наиболѣе правдоподобное показаніе далъ, именно, Шрейдеръ, хотя онъ и уклонился объяснить, какъ, съ чего и кѣмъ началась драка, а, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ не видѣлъ этого.

Когда Спичинскій возымѣлъ мысль утихомирить князя Долгорукова музыкой, Шрейдеръ, по его словамъ, не сталъ дожидаться концерта и собрался уйти по добру по здорову; но, не успѣлъ онъ

взять шляпу, какъ «вдругъ услышалъ шумъ и, осмотрясь, увидѣлъ, что ассессоръ Даниловъ князя Долгорукова, лежащаго на землѣ, бьетъ кулаками, а князь его, Данилова, держитъ обѣими руками за волосы. И я, — говоритъ Шрейдеръ, — прискача, ассессора Данилова поймалъ за руку и сталъ его съ генераль-маіора тащить прочь; только онъ, Даниловъ, вырвавъ у меня свою руку, паки сталъ бить; то я, видя такой ихъ непорядокъ, взялъ ассессора одною рукою за его руку, а другою за кафтаннй воротникъ, потащилъ сильно, причемъ генераль-маіоръ, лежучи подъ ассессоромъ, нечаянно своею ногою по моей ногѣ попалъ, отчего я упалъ на землю, его, ассессора, лежучи на землѣ, стащилъ съ него, генераль-маіора; только онъ, генераль-маіоръ, волосовъ изъ своихъ рукъ не выпускалъ, и артиллеріи поручикъ Богданъ Арендтъ сталъ онаго князя руки изъ волосъ ассессора вынимать, ибо тогда при томъ болѣе никого не было. Спичинскій былъ въ каморкѣ у гобойстовъ (здѣсь разнорѣчіе: по другимъ показаніямъ, вся сцена происходила въ той же каморкѣ, гдѣ были гобойсты); но, услыша крикъ и пришедъ, къ розниманію учинилъ помощь. И какъ скоро отъ той драки ихъ розняли, то ассессоръ Даниловъ выговорилъ: «Я-де не секретарь Суровцовъ, ты меня по щекамъ не бей; меня-де никто бить не можетъ, кромѣ всемилостивѣйшей государыни, ибо я-де патентованный и рангъ имѣю маіорской!» и самъ вышелъ вонъ»...

По всѣмъ вѣроятіямъ, такъ, именно, и произошла вся описанная «живая картина», значительно искаженная въ показаніяхъ ея главныхъ дѣйствующихъ лицъ, князя Долгорукова и Данилова, изъ коихъ каждый, какъ мы видѣли, старался выставить себя со всѣмъ ужь неправдоподобнымъ агнцемъ кротости и невинности, ставшимъ жертвою насилія другаго. Впрочемъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что начинателемъ происшедшаго побоища былъ князь Долгоруковъ, какъ это можно заключить по предшествовавшему его поведенію.

Видно, что князь своимъ придиричивымъ буйствомъ разогналъ значительную часть гостей Спичинскаго. Хотя у всѣхъ тутъ, конечно, сильно шумѣло въ головахъ отъ радушнаго имяниннаго угощенія; но тѣмъ не менѣе у большинства гостей настолько еще сохранилось благоразумія и чувства чинопочитанія, что они сочли за благо «тихимъ молчаніемъ» ускользнуть, чтобы не подвергнуться участи побитаго секретаря Суровцова, такъ какъ на отпоръ драчливому генераль-маіору едва ли нашлись бы въ комъ нибудь изъ нихъ мужество и дерзновение.

Между тѣмъ у князя Владиміра Петровича, искусившагося уже въ насиліи, не смотря на миротворящее дѣйствіе музыки, все еще зудѣло плечо и чесались руки. Въ такомъ боевомъ пароксизмѣ, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, для буяна уже что ни

пень, то—колода, кто ни подвернулся бы подъ руки, тотъ—и крестникъ. Подвернулся Даниловъ, который могъ оболящаться, во вниманіе къ знакамъ благосклонности, выраженнымъ ему княземъ, что на него-то ужъ не обрушится гроза. Вѣроятно поэтому, а также благодаря подпитію, онъ не остерегался и не сторонился Долгорукова... Ну, и—наскочилъ!

Самъ князь сознался, что онъ первый ударилъ Данилова; за что, про что—знать не важно, такъ какъ въ пьяномъ естествѣ сами борцы не всегда это знаютъ и еще рѣже помнятъ, изъ-за чего они передрались? На этотъ разъ генераль-маіоръ неудачно выбралъ жертву; жертва дала весьма чувствительный отпоръ. Надо полагать, что Даниловъ былъ человѣкъ энергической и, судя по его словамъ, исполненный высокаго мнѣнія о своемъ маіорскомъ чинѣ и о своей «патентованности»... А, впрочемъ, сказать это трудно; быть можетъ рѣшимость отразить нападеніе генерала-князя и задать ему трепку дерзновенный ассесоръ почерпнулъ исключительно на дѣлѣ осушенныхъ имъ, вѣроятно, многихъ бокаловъ, безъ воздѣйствія которыхъ въ немъ и не оказалось бы такой храбрости. По крайней мѣрѣ, изъ показаній и прошеній Данилова можно заключить, что онъ въ вопросѣ о чести, при столкновеніи высшихъ чиновъ съ нижними, въ теоріи не возвышался надъ уровнемъ понятій какого нибудь Суровцова.

Концертъ съ «живою картиною», а съ ними и имянинный пиръ кончились такимъ отнюдь не живописнымъ финаломъ.

Когда Даниловъ, послѣ драки, убѣжалъ, князь Долгоруковъ поднялся съ пола, сѣлъ и сталъ вытирать себѣ лицо платкомъ, «ибо у него, по изображенію очевидца, изо рта и изъ носу шла кровь, и лицо было избито» (также и у ассесора Данилова одинъ глазъ былъ подбитъ). Посидѣвъ, приведя себя сколько нибудь въ порядокъ, князь спросилъ, невѣдомо для чего, гдѣ Даниловъ? Ему отвѣтили, что онъ уѣхалъ.

— Ну, когда онъ уѣхалъ, то и я пойду!—рѣшилъ онъ и, «ни мало не мѣшкавъ», уѣхалъ въ своей коляскѣ.

«Мѣнкатъ» болѣе, дѣйствительно, не представлялось ни резона, ни удовольствія.

III.

Двѣ шкуры съ козла искупленія.

Бурный и отчасти даже кровопрлитный дебошъ, испортившій оберъ-кригсъ-комиссарскія имянины, не могъ конечно остаться тайной для рижскаго служебнаго мірка. Провинціальныя общества, какъ теперь, такъ и тогда, были очень чутки къ подобнымъ событіямъ, доставляющимъ столько матеріала для чесанія праздныхъ

языковъ. Скрыть скандалёзное происшествіе въ данномъ случаѣ было невозможно, вопервыхъ, потому, что оно было очень ужъ шумное и безобразное и совершилось на глазахъ цѣлаго собранія, воторыхъ, потому, что въ немъ главнымъ героемъ явилась видная и не маловажная персона, какъ по титулу, такъ и по рангу, а, въ третьихъ, наконецъ, потому, что оно запечатлѣлось весьма выразительными боевыми вещественными доказательствами на фізіономіяхъ дѣйствующихъ лицъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что на другой же день весь городъ зналъ уже о томъ, какъ и чѣмъ ознаменовались именины Спичинскаго. Узнало объ этомъ конечно и высшее рижское начальство, съ генераль-губернаторомъ во главѣ, должность котораго исполнялъ тогда въ Ригѣ престарѣлый фельдмаршалъ графъ Ласси. Объ этомъ можно заключить, между прочимъ, изъ показанія князя Долгорукова, въ которомъ онъ упоминаетъ о посѣщеніи его, какъ недужнаго, представителями мѣстнаго генералитета. Словомъ, скандалъ получилъ полную огласку. Оставалось что нибудь предпринять, чтобы его загладить и найдти виноватаго и распорядиться законнымъ порядкомъ въ интересъ пострадавшихъ какъ лицъ, такъ и требованій общественной нравственности. Все это зависѣло главнымъ образомъ отъ князя Долгорукова, такъ какъ трудно было ожидать инициативы въ этомъ случаѣ отъ такихъ маленькихъ, ничтожныхъ людей, какъ всѣ эти, замѣшанные въ исторіи, поручики, секретари и ассесоры, которые обыкновенно, при столкновѣніи съ сильными, за тычкомъ не гонятся и въ излишнюю обидчивость не вдаются.

Надо думать, что князь, проспавшись и сознавъ, что онъ кругомъ виноватъ въ происшедшемъ «непорядкѣ», по термину Шрейдера, ничего лучшаго не могъ придумать, какъ постараться его забыть и предать забвенію, благоразумно отказавшись даже отъ какого бы ни было возмездія и на Даниловъ за причиненные его генеральской персонѣ побои. Съ этой цѣлью онъ и засѣлъ дома—«пользовать самимъ собою» увѣчья и выжидать, пока неприятная исторія сколько нибудь забудется. Вѣроятно, рѣшеніе князя Владиміра Петровича выйдти такимъ политичнымъ манеромъ изъ сквернаго анекдота было доведено его друзьями и до свѣдѣнія стараго фельдмаршала. Ласси былъ человѣкъ добрый и разсудительный, да къ тому-жъ можетъ быть и лично расположенный къ Долгорукову. Въ виду всего этого, онъ могъ склониться на рѣшеніе князя—предать все дѣло волѣ Божіей. Въ самомъ дѣлѣ, что за радость подымать прибранную къ сторонкѣ грязь, размазывать ее и при этомъ пачкать ею людей публично и официально, волочить ихъ по судамъ и портить имъ карьеру за то только, что они въ своей компаніи побуянили между собою во хмѣлю?—Никто не жалуется, не подаетъ доноса, и—слава Богу!

Но въ тѣ времена (какъ и въ нынѣшнія, впрочемъ) сильно процвѣтало дилетантское фискальство, которое никому не прощало ни одной погрѣшности, ни одной ошибки, зорко бдѣло надъ всѣми и сильными и слабыми, жадно подхватывало малѣйшій поводъ для злостнаго наущничества и строчило, строчило безъ конца красно-рѣчивыя донесенія куда слѣдуетъ, не стѣняясь и сочинительствомъ. Доносъ тогда былъ выраженіемъ общественной совѣсти, восполнялъ недостатокъ гласности и отождествлялъ собою нынѣшнія газетныя корреспонденціи. При отсутствіи печати, только страхъ доноса могъ сдерживать нѣсколько произволь и безправіе сильныхъ міра сего въ провинціальныхъ захолустьяхъ. Разумѣется, это былъ, самъ по себѣ, очень грубый, часто лживый и безнравственный коррективъ общественныхъ правовъ; онъ часто употреблялся, какъ орудіе личной мести, злобы и эгоизма, да, кому-жъ, и не всегда достигалъ цѣли, не говоря уже о томъ, что жертвами его сплошь и рядомъ дѣлались люди невинные и праведные, почему-либо ставшіе поперекъ дороги доносчикамъ; но, такъ или иначе, доносъ былъ тогда почти единственнымъ орудіемъ гласности.

Кто, именно, и изъ какихъ побужденій сообщилъ интимно въ Петербургъ о непріятной исторіи съ княземъ Долгоруковымъ на именинной пирушкѣ у Спичинскаго, — осталось тайной; но только въ Петербургѣ сообщеніе это произвело весьма рѣзкое впечатлѣніе — настолько рѣзкое, что рѣшено было дать дѣлу форменный, официальный ходъ, въ пику и въ назиданіе рижскимъ властямъ, изболоченнымъ въ поущеніи «непорядку» и въ бездѣятельности.

Съ роковаго дня именинь Спичинскаго прошло болѣе пяти мѣсяцевъ; и хозяинъ и гости его давнымъ давно о нихъ забыли, забыли и о происшедшихъ на нихъ непріятныхъ событіяхъ; подравшіеся давно успѣли залѣчить взаимно нанесенныя въ бою увѣчья, успѣли, быть можетъ, и мировую уже справить... Какъ вдругъ, въ одно февральское утро 1748 года, петербургская почта, неожиданно негаданно, ошеломила дряхлаго генераль-губернатора такимъ грознымъ высочайшимъ указомъ изъ кабинета, за собственноручной подписью императрицы:

«Увѣдомились мы, говорилось въ указѣ, что генераль-майоръ князь Владиміръ Долгоруковъ отъ ассесора Данилова въ дракѣ между ими безчестно битъ и изувѣченъ, о чемъ намъ отъ васъ и доношенія не прислано (sic!), а понеже такіе поступки съ генералитетомъ и равными между себя по воинскимъ уставамъ терпимы быть не могутъ, колыми паче генераль-майора, человѣка знатной породы, битъ ассесору, человѣку пороною и чиномъ незнатому, терпимо отъ насъ быть не можетъ; да и по воинскимъ артикуламъ, всякому обиженному отъ кого-бы не случилось, велѣно искать обороны своей судомъ, а не самому управляться, а драки всякія запрещены, и чиненъ сей поступокъ противу почтенія къ намъ, по-

тому что мы всемилостивѣйше каждаго по заслугамъ жалуемъ чинами, ожидая отъ него службы по пожалованному отъ насъ чину; но вмѣсто того видимъ, что противу почтенія къ намъ данные отъ насъ знатныя чины въ такое безчестіе повергають, что срамно и слышать, а наипаче въ чужихъ земляхъ (sic!) безславіе на нашу армію отъ того происходитъ; того для, повелѣваемъ вамъ о всемъ томъ неприличномъ поступкѣ прислать къ намъ извѣстіе обстоятельное, взявъ подъ присягою подписки у всѣхъ при томъ бывшихъ въ томъ: какъ, когда, гдѣ оное было и онаго генераль-майора князя Долгорукова осморть бою на немъ обрѣтающагося прислать, а ихъ обоихъ въ преступленіи воинскихъ регуловъ, такія безчинства запрещающихъ, по учиненіи фергеровъ, судить воинскимъ судомъ, и подписавъ сентенцію, кто чему будетъ достоинъ, прислать къ намъ для надлежащей конфирмаціи; тоже учинить и съ тѣми, кто при томъ были и такому безчинству быть допустили, а не розняли по должности, въ воинскомъ артикулѣ положенной».

Заслуженный фельдмаршалъ, избалованный милостями и всегдашней благосклонностью государей съ дней еще Петра Великаго, долженъ былъ испытать нѣсколько горькихъ и непріятныхъ минутъ при чтеніи этого указа, прямо укорявшаго его въ послабленіи власти и въ недостаточной ревности по охраненію «почтенія» къ августѣйшему авторитету императрицы. Вѣроятно, ему и въ голову не приходило, чтобы это, въ сущности, пустяшное дѣло могло заключать въ себѣ такое важно противугосударственное значеніе и относиться къ категоріи криминальныхъ нарушеній противъ величества. Онъ судилъ просто по-человѣчески и, если не возбуждалъ дѣла, то въ угоду, вѣроятно, самому князю Долгорукову, который желалъ замаять непріятный для него случай. Но, вотъ, нашелся какой-то досужій анонимный блюститель нравовъ и достоинства генералитета, который не могъ успокоиться на такомъ рѣшеніи и настроичилъ тайный доносъ, возмѣтившій столь грозныя послѣдствія.

Нечего было дѣлать: приходилось, въ исполненіе указа, разрыть затянувшійся уже корою забвенія грязный фактъ и копаться въ немъ для установленія поправленныхъ «воинскихъ регуловъ», приходилось потянуть къ Иисусу и замѣшанныхъ въ немъ лицъ, не спрашивая уже ихъ—ищутъ-ли они сами, или прощаютъ взаимно понесенныя обиды?

Прежде всего Ласси нужно было оправдаться въ томъ, что онъ не сдѣлалъ своевременнаго «доношенія» и ничего не предпринялъ для наказанія виновныхъ въ «неприличномъ поступкѣ». Въ томъ же февралѣ, спустя нѣсколько дней послѣ полученія указа, фельдмаршалъ послалъ въ Петербургъ отписку, въ которой извѣщалъ, что онъ уже учредилъ военный судъ, въ исполненіе высочайшаго повелѣнія. «Не доносилъ же я до сего времени потому, оправдывался онъ далѣе, что ни отъ кого прошенія въ подавніи не имѣлъ, зачѣмъ

и осмотра ему, генераль-майору, тогда учинить и всеподданнѣйше мнѣ вашему императорскому величеству донести было не съ чего, а нынѣ, по усмотрѣнію, боевыхъ знаковъ на немъ, князь Долгоруковъ, не видно».

Представлялся, самъ собою, процессуальный вопросъ, вытекавшій изъ представленія дѣла, какъ видно изъ указа, въ такомъ видѣ, что пострадавшимъ лицомъ былъ-де одинъ князь Долгоруковъ: почему-же онъ самъ молчалъ, не обвинялъ своего обидчика и не искалъ, слѣдуя воинскому артикулу, «обороны своей судомъ»?

Его объ этомъ и спросили на слѣдствіи. Князь отвѣчалъ: «О томъ понесенномъ отъ ассесора Данилова боѣ и безчестіи я никогда не просилъ затѣмъ, что отъ побой онаго, Данилова былъ боленъ, а какъ отъ оной болѣзни сталъ чувствовать облегченіе, тогда по прошествіи трехъ дней о томъ уже и просить, въ силѣ указовъ, слѣдственности не имѣлъ».

Отговорка, очевидно, неосновательная и крайне натянутая. Ясно, что князь самъ не хотѣлъ поднимать дѣла, и несомнѣнно также, что доносъ послѣдовалъ въ Петербургъ, хотя и въ его пользу, но безъ его вѣдома и участія. Нельзя, однако, не замѣтить, судя по содержанию указа, что доносъ былъ сочиненъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, лицомъ, благоволившимъ къ князю Долгорукову или изъ личнаго расположенія, или-же изъ сословнаго, аристократическаго чувства, возмущеннаго фактомъ нанесенія побоевъ генеральской и княжеской персонѣ «человѣкомъ, породю и чиномъ не знатнымъ».

Такое заключеніе вытекаетъ изъ чтенія самого указа, въ которомъ фактъ драки Долгорукова съ Даниловымъ представленъ невѣрно и не согласно съ дѣйствительностью: вмѣсто констатированія взаимности побоевъ, какъ было на самомъ дѣлѣ, тамъ прямо и категорически сказано, что «безчестно битъ и изувѣченъ» былъ, будто-бы, одинъ только князь. Несомнѣнно, что въ такомъ именно смыслѣ было представлено это происшествіе въ доносѣ, на основаніи котораго былъ составленъ и указъ. А переданное въ такомъ видѣ дѣло не могло, конечно, не возбудить особеннаго негодованія въ петербургскихъ представителяхъ генералитета, ревнующихъ о сохраненіи его достоинства и авторитета.

Впрочемъ, все это дѣло тѣмъ особенно и характеристично, что въ немъ рельефно выразилась аристократическая тенденція тогдашняго правительства, явно, изъ принципа, покровительствовавшего знатнымъ и чиновнымъ людямъ въ такой степени, что, когда послѣдніе, сталкиваясь съ людьми темными и маленькими, являлись предъ лицо правосудія, то оно завѣдомо мирволило имъ. Это мы сейчасъ увидимъ изъ хода описываемаго здѣсь слѣдственнаго дѣла.

Учрежденный Ласси военный судъ состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: презуса, генераль-лейтенанта де-Бриньи, и членовъ—генераль-майора де-Фредерици, генераль-квартирмейстера Ливена, полков-

ника Якова Бильса, подполковника Закревскаго и подполковника Якова Сухотина.

Судъ отнесся къ дѣлу очень серьезно, но, если бы онъ отнесся къ нему въ такой же мѣрѣ безпристрастно и съ одинаковой справедливостью къ обѣимъ сторонамъ, безъ предвзятости въ пользу одной изъ нихъ, то дѣло должно было рѣшиться очень просто, скоро и коротко. Прежде всего слѣдствіе должно было убѣдить судей, что виновнѣе всѣхъ безспорно въ происшедшемъ безчинствѣ князь Долгоруковъ, если не онъ одинъ виновенъ во всемъ. Затѣмъ, что касается его драки съ Даниловымъ, то, признавъ ихъ, положимъ, одинаково виновными въ нарушеніи благочинія, справедливость требовала признать, по отношенію къ вопросу о нанесеніи побоевъ и безчестья, равномѣрную взаимность этого нанесенія—не иначе. По справедливости и по буквѣ законовъ, никакого не было основанія считать вину Данилова въ этомъ случаѣ болѣе тяжкою, сравнительно съ виновностью Долгорукова. Съ его стороны тутъ не было ни преступленія по должности, ни нарушенія субординаціи и правилъ подчиненія начальству «во время исполненія обязанностей». Драка его съ княземъ произошла внѣ службы и не при исполненіи кѣмъ-бы то ни было изъ участниковъ дебоша своихъ должностныхъ обязанностей; Долгоруковъ не былъ его начальникомъ, даже вовсе не представлялъ собою въ данную минуту какое-нибудь важное начальственное лицо въ городѣ, которому всѣ обязаны оказывать извѣстную долю почтенія. Мы знаемъ, что онъ былъ просто «безмѣстный» генераль, и такъ какъ онъ былъ военный генераль, а Даниловъ штатскій чиновникъ, то послѣдняго нельзя было обвинить и въ нарушеніи, на примѣръ, дисциплины, обязательной для военныхъ чиновъ при сношеніи ихъ съ какимъ-бы ни было военнымъ генераломъ.

Словомъ, по всѣмъ обстоятельствамъ и глядя на дѣло съ современной намъ процессуальной точки зрѣнія, судъ долженъ былъ отнестись съ одинаковой суровостью или съ одинаковой снисходительностью какъ къ князю Долгорукову, такъ и къ ассесору Данилову; но судъ заранѣе былъ вдохновленъ указомъ мѣрять виновность подсудимыхъ различными мѣрами. Во-первыхъ, ему было поставлено въ прямой долгъ возстановить «почтеніе» къ величеству, поправное якобы нанесеніемъ такого «безчестія знатному чину, что срамно и слышать»; во-вторыхъ, отъ него требовалось задать острастку «человѣку, породю и чиномъ незнатному», который осмѣлился поднять руку на генераль-маіора, представителя знатной породы,—что «термимъ быть не можетъ» ни подъ какимъ видомъ, на взглядъ петербургскихъ олимпійцевъ; и, наконецъ, въ-третьихъ, онъ долженъ былъ догадаться, что въ желанія тѣхъ же олимпійцевъ входитъ, чтобы виноватымъ оказался одинъ Даниловъ. На догадку такую могло наводить уже самое констатированіе въ

указъ обсуждаемаго факта такимъ образомъ, что нанесеніе побоевъ и безчестія приписывалось одному злосчастному ассесору.

Въ такомъ, именно, духѣ и было поведено слѣдствіе, чему содѣйствовалъ не мало и князь Долгоруковъ, тонкимъ нюхомъ почувшій, въ какую сторону вѣтеръ дуетъ. Подлаживаясь къ требованіямъ сезона и къ содержанію петербургскаго указа, являвшася грознымъ протестомъ за авторитетъ знатной породы и высокихъ чиновъ, князь выбралъ для себя благодарную роль ни въ чемъ неповинной жертвы грубаго, безшабашнаго насиія со стороны темнаго плебѣя-разночинца. По совѣсти, сознавая себя неправымъ, онъ хотѣлъ было замаять все дѣло; но теперь, когда оно всплыло наружу и когда онъ увидѣлъ, что наверху расположены за него заступиться, какъ за обиженнаго знатнаго и чиновнаго человѣка, ему ничего не оставалось, какъ прикинуться такимъ, именно, кругомъ обиженнымъ казанской сиротою... Онъ такъ и сдѣлалъ, какъ мы видѣли изъ его показанія, потому что на прямое, чистосердечное признаніе у князя Владиміра Петровича не хватило ни честности, ни мужества. Расчетъ его, впрочемъ, въ практическомъ отношеніи оказался вѣренъ.

Судъ съ первыхъ же шаговъ слѣдствія крайне неравномѣрно проявилъ свою суровость къ подсудимымъ, явно мирволя князю Долгорукову; но особенно рѣзко это выразилось въ его «сентенціи» и ея послѣдствіяхъ. Сентенція состоялась 19-го апрѣля 1748 года. Донося о ней въ Петербургъ, Ласси писалъ, что, руководясь ею, «князю Долгорукову при командѣ быть нынѣ онъ призналъ за невозможное, для чего и дѣйствительно отказано, а ассесора Данилова уже и до сего (т. е. до сентенціи) находившагося безъ команды и подъ политичнымъ арестомъ» онъ нынѣ, по сентенціи суда, арестовалъ дѣйствительно.

Такимъ образомъ, видно, что и при слѣдствіи и въ сентенціи судъ распорядился съ Даниловымъ гораздо строже, чѣмъ съ княземъ Долгоруковымъ. При исполненіи же сентенціи эта кривосудная разница была уже доведена до послѣдней, вопіющей крайности. Въ то время, какъ Долгоруковъ былъ оставленъ на полной свободѣ, не только безъ всякаго ущерба своихъ правъ и преимуществъ, но даже, какъ утверждалъ въ своей жалобѣ Даниловъ, съ оставленіемъ за нимъ и команды, и жалованья, — бѣдный ассесоръ, отставленный отъ службы, подвергся тяжкой участи колодника.

«Былъ я — писалъ онъ во всеподданнѣйшей, «слезной» жалобѣ, — арестованъ и отданъ плацъ-майору, яко по важному дѣлу, подъ караулъ и чрезъ городъ Ригу, въ поруганіе мое, съ примкнутыми у гранадеръ штыками веденъ въ цытадель, гдѣ на гаубвахтѣ, какъ сущій злодѣй, скованъ, а потомъ для моей совершенной болѣзни отпущенъ въ мою квартиру подъ арестомъ и черезъ недѣлю раскованъ, гдѣ нѣсколько мѣсяцевъ до конфирмаціи и со-

держался, а въ декабрѣ мѣсяцѣ того же году плацъ-майоромъ въ ту же цытадель на гаубвахту больной взять, и цѣлый мѣсяцъ окриванннй содержался; но, чтобы тамъ уже не умеръ, больной же, въ желѣзахъ, привезенъ въ домъ мой, гдѣ уже, по репортамъ дохтурскимъ, для той моей болѣзни, тѣ желѣза сняты, въ коихъ близъ двумѣсяцевъ находился, отъ котораго заключенія, а паче отъ того поступку и страху, поврежденной праличемъ, едва не умеръ...»

Въ такомъ тяжкомъ заключеніи злополучный ассесоръ находился болѣе двухъ лѣтъ и, наконецъ, потерявъ терпѣніе, обратился, уже въ августѣ 1749 года, на высочайшее имя съ умоляющимъ прошеніемъ, «дабы указомъ повелѣно было, для многолѣтняго ея величества и ея дражайшей фамиліи здравія и для высочайшаго радостнаго тезоименитства ея и. в., всемилостивѣйше помиловать и отъ показаннаго заключенія освободить» его, Данилова.

Но въ дни Елизаветы Петровны не торопились ни съ помилованіями, ни съ дѣлопроизводствомъ, вообще, особенно по дѣламъ, поступавшимъ на высочайшее благоусмотрѣніе. Прошло еще слишкомъ два года, а отъ начала дѣла — четыре, пока состоялась, наконецъ, по немъ окончательная конфирмація. Только въ декабрѣ 1751 года послѣдовалъ имянной указъ въ военную коллегію, въ которомъ излагался такой приговоръ надъ подсудимыми: «1) генераль-майора князя Долгорукова, за его не по чести и должности своей поступки и продерзости и за начинаніе драки, какъ въ дѣлѣ значить, за что по воинскимъ регуламъ подлежалъ лишенію чина и служить за рядоваго, однако, мы, въ разсужденіи того, чтобы онъ прежде въ такихъ продерзостяхъ былъ — не видно, къ тому-жъ находился подъ судомъ безъ команды, изъ высочайшей нашей императорской милости отъ приговореннаго ему штрафа освобождаяемъ, только обиженнаго секретаря Суровцова за безчестье и увѣче, по окладу его, годовымъ жалованьемъ ему удовольствоваться, а притомъ ему объявить, чтобы впредь отъ такихъ продерзостей и непристойныхъ чести и чину его поступковъ остерегался; 2) ассесора Данилова, которой, хотя не начинатель той драки, былъ, однако, отмщеніемъ, право свое потерялъ и, хотя за учиненныя притомъ продерзости подлежалъ неупустительному штрафу, но понеже онъ прежде въ такихъ продерзостяхъ не бывалъ, но порядочно служилъ, да онъ же четыре года и семь мѣсяцевъ въ жестокомъ арестѣ и заключеніи содержится и будучи въ томъ болѣзнію поврежденъ, и для того оная вмѣняется ему въ штрафъ же и, свобода отъ ареста, опредѣлить его къ дѣламъ тѣмъ же чиномъ въ другое мѣсто и удержанное у него жалованіе, по его бѣдности, ему выдать; 3) оберъ-кригсъ-коммисара Спичинскаго, секундъ-маіора Сигунта и артиллеріи поручика Аранта, кои при той дракѣ свидѣтелями были и по суду невинными признаны, а по разсужденію военной коллегіи, якобы поступали не такъ, какъ по воинскимъ

регуламъ надлежало, за винныхъ почтены, а паче хозяинъ, у ко- его положено вычестъ на полгода изъ жалованья на гофшпиталь: оныхъ всѣхъ отъ штрафовъ освободить, а судящихъ (это уже ка- мушекъ въ огородъ коллегіи) выбирать и опредѣлять впредь къ таковымъ дѣламъ съ осторожностью знающихъ довольно право и указы...»

Какъ можно судить, конфирмація была очень милостивая: она всѣмъ прощала «продерзости» и отпускала вины противъ воин- скихъ регуловъ. Маленькая только разница выходила въ ея ре- зультатахъ: для однихъ, напримѣръ, для князя Долгорукова, она являлась своевременно, а для другихъ, напримѣръ, для Данилова, слишкомъ ужъ поздно... Какое утѣшеніе могло доставить это про- щеніе несчастному, за всѣхъ поплатившемуся ассесору, выдержав- шему почти пятилѣтнее «жестокое заключеніе», отнявшее у него и доброе имя, и кусокъ хлѣба, и здоровье? Единственный поло- жительный результатъ, который могъ извлечь Даниловъ изъ этого горькаго опыта, заключался развѣ только въ урокъ мудрости: «съ сильною породой и чиномъ не борись, даже и въ томъ случаѣ, когда онъ станетъ чистить тебя по зубамъ за здорово живешь!»

Секретарь Суровцовъ зналъ этотъ, преподанный житейскою мудростью XVIII столѣтія урокъ твердо, — за то начальство его и погладило по головкѣ!

Вл. Михневичъ.

РУССКІЕ ДѢЯТЕЛИ ВЪ ОСТЭЙСКОМЪ КРАѢ ¹⁾.

(Свои и чужія наблюденія, опыты и замѣтки).

XVII.

ВЪ ТОМЪ, что должно любить свою родину и дорожить ея интересами, конечно, ни для одного правильно мыслящаго человѣка не можетъ быть сомнѣнія; но, разумѣется, есть нѣчто еще болѣе священное, чѣмъ родина. Это—самъ Предвѣчный Родитель духа и всякія плоти. И, однако, когда князь Мещерскій и другой соумышленный ему недоумокъ консерватизма стали консервировать по своему набожность, то Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ «Руси» двукратно привелъ имъ французское замѣчаніе Шербюлье, что «Богъ больше любить тѣхъ, кто его не хочетъ знать, чѣмъ тѣхъ, кто его компрометируетъ». Не бывъ въ совѣтѣ Бога, сердцемъ чувствуешь какая вѣрная мысль заключается въ этихъ словахъ!

То же самое, кажется, примѣнимо и къ нѣкоторымъ нападкамъ обрядовиковъ на Суворова и на другихъ русскихъ дѣятелей, которые не хотѣли исполнять въ Ригѣ нѣкоторыхъ вещей, удобныхъ въ Москвѣ, но неудобныхъ въ Ригѣ.

Суворовъ сказалъ, что онъ не палуется съ русскими потому, что «не хочетъ обидѣть нѣмцевъ». Справедливо судя, тутъ нѣтъ ничего худаго и неблагоприятнаго со стороны правителя, пребывав-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XIV, стр. 237.

шаго въ такомъ пестромъ краѣ, какъ прибалтійская окраина. Зная нѣсколько характеръ Суворова и достаточно зная самый край и нравы преобладающаго здѣсь нѣмецкаго населенія, я рѣшился бы допустить, что князь Суворовъ дѣйствительно не только не хотѣлъ «обидѣть» нѣмцевъ, но онъ даже могъ опасаться, чтобы обычай троекратнаго цалованія, къ которому тутъ не привыкли, не показался неумѣстнымъ и, вмѣсто серьезныхъ чувствъ, не возбудилъ бы смѣха. И это отнюдь нельзя поставить князю въ вину и назвать съ его стороны ошибкою. Князь Суворовъ могъ бы на этотъ случай найти себѣ вполне достаточныя оправданія въ поступкахъ самого православнаго духовенства, которое въ Остзейскомъ краѣ нашло неудобнымъ практиковать многіе церковныя обычаи и оставило ихъ именно потому, чтобы не вызвать столкновеній, какія тутъ уже и бывали. Такъ, напримѣръ, во всей Россіи духовные отцы берутъ съ своихъ духовныхъ дѣтей деньги за исповѣдываніе грѣховъ и за записку въ книги, а равно за «запите» при св. причастіи, а въ православныхъ церквахъ прибалтійской окраины, русскіе духовные, боясь осужденія со стороны нѣмцевъ, ничего этого не взимаютъ. И это, слава Богу, не худо. Въ Россіи церковныя причты, въ полномъ составѣ, иногда и съ женами и съ дѣтьми, ходятъ о Пасхѣ по домамъ прихожанъ съ крестомъ, а о Крещенніи со святою водою; иногда они даже носятъ образа, воздухи и «покровцы», и сими послѣдними врачуютъ болѣзни и изгоняютъ нечистыхъ духовъ,—а здѣсь русскіе духовные все это тоже находятъ неудобнымъ, и не дѣлаютъ. Въ Россіи въ употребленіи молебны и водосвятія на поляхъ и при кладезяхъ, а здѣсь и отъ этого отступились, тоже опять опасаясь производить ненадлежащее впечатлѣніе на непривычныхъ къ этимъ обычаямъ нѣмцевъ. Въ Россіи священники ходятъ по домамъ прихожанъ читать передъ розговинами разрѣшительныя «розговѣйныя молитвы», а здѣсь не ходятъ. Въ Россіи есть обычай преполовенскаго и крещенскаго водосвятія на рѣкахъ,—и этотъ обычай считается очень важнымъ у православныхъ, но нѣмцы ничего этого не понимаютъ и собирались толпами смотрѣть на эти удивительныя для нихъ процессіи не съ благоговѣніемъ, какое желательно было бы видѣть русскимъ, а съ однимъ любопытствомъ, которое русскіхъ обижало. Результатомъ этого были непріятныя сцены въ Ревелѣ, а въ Вейсенбергѣ дѣло дошло до суда, на которомъ русскія власти не отстояли ни священника, ни начальника военной команды, бывшей въ церемоніи и видѣвшей, какъ нѣмецъ закурилъ сигару отъ церковной свѣчи.

Нѣмцу казалось, что это какъ будто возможно!

Видя не разъ такую неподготовленность непонимающихъ православія нѣмцевъ, сами владыки рижскіе «благословили» этихъ обычаевъ не исполнять. И весьма возможно, что если бы князь Суворовъ испросилъ у архіерея благословеніе не христосоваться на

официальномъ приѣмѣ, то онъ тоже получили бы такое благословеніе и тогда былъ бы чистъ и передъ Господомъ Богомъ и передъ Юрьемъ Ѳедоровичемъ Самаринымъ; но Суворовъ былъ горделивъ и у владыки не благословился, и въ томъ, конечно, ему вина. Если вспомнить, что въ Россіи всѣ военные сами благословляютъ людей, говоря при каждой посылкѣ «пошелъ съ Богомъ», то и тутъ Суворовъ поступилъ по-военному. Таковъ ихъ военный обычай.

Вообще, я думаю, что обвиненіе, возводимое Самаринымъ на Суворова въ томъ, что онъ не христосовался въ Ригѣ, можно съ князя снять. Дурно только, что онъ не сдѣлалъ это просто, а наболталъ вздоръ о «потливости», но ужъ таковъ былъ его словоохотливый характеръ.

XVIII.

Загѣмъ, когда изъ Риги выбылъ несомнѣнно умный и политически дальновидный Филаретъ Гумилевскій, въ рижскую епархію, по выраженію «Церковно-Общественнаго Вѣстника», «повалили, не находившіе дѣла дома», государи-псковичи, и тогда были сдѣланы попытки водворить здѣсь повсемѣстно весь русскій обычай въ его «священной цѣлокупности». Но результаты таковыхъ усилій вышли неудачные и, къ сожалѣнію, даже довольно скандальные, — что для религіи всего хуже.

Началось это съ мелочей: то тутъ, то тамъ, нѣмцы появлялись на наши внѣшнія церковныя церемоніи и смотрѣли на нихъ съ любопытствомъ и удивленіемъ, но безъ того благоговѣйнаго уваженія, какое хотѣлось видѣть псковичамъ, пріѣхавшимъ насаждать здѣсь «истинное благочестіе». Пошли жалобы, что нѣмцы «глумятся», «не оказываютъ уваженія, — не снимаютъ шапокъ, прохоятъ мимо съ закуренными трубками и сигарами», и т. д.

Это угрожало разростись до скандала, и разрослось.

Гражданскія власти, безъ всякаго преувеличенія, очень часто находили себя въ безъисходномъ затрудненіи — какъ мирить этого рода щекотливыя претензіи духовенства съ недостатками благоговѣйности въ нѣмцахъ; а претензіи становились все чаще и досадительнѣе. Начались столкновенія, за которыми не трудно было предвидѣть трескучій скандалъ и, наконецъ, онъ разыгрался съ шумомъ, крикомъ и даже съ потасовкой, точно на одномъ изъ вселенскихъ соборовъ.

Произошло это въ маленькомъ эстляндскимъ городкѣ Вейзенбергѣ, о которомъ раньше вскользь было упомянуто. Русскіе задумали здѣсь устроить молебную церемонію съ водосвятиемъ на городской площади. Молебенъ и освященіе воды совершалъ священникъ Михайлъ Иконниковъ, а командою, отряженною въ парадъ отъ Островскаго пѣхотнаго полка, распоряжался того же полка майоръ Вертинскій.

Поставили столъ, образа, чашу съ водой, зажгли свѣчи и начали молебствовать. Городокъ крошечный, никогда такого зрѣлища невидавшій, весь сбѣжался на площадь. Желая какъ можно ближе поглядѣть, что такое здѣсь будутъ дѣлать надъ чашей—нѣкоторые нѣмцы подошли къ самому столу, а большая часть стала у дверей своихъ домовъ. Иные же размѣстились на прилавочкахъ и думая, что тутъ они дома,—вели себя по-домашнему.

Всѣ они были съ покрытыми головами, т. е. въ шапкахъ, а нѣкоторые даже курили свои вонючія нѣмецкія сигары. Это не могло скрыться ни отъ кого изъ присутствующихъ, а священнику Иконникову и начальнику парада, маіору Вертинскому, даже показалось, какъ будто нѣмцы своимъ присутвіемъ въ шапкахъ и съ дымящимися сигарами тамъ, гдѣ русскіе стоятъ и молятся обнаживъ головы, — нарочно стараются выказать свое неуваженіе къ русскимъ религіознымъ обычаямъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что это, дѣйствительно, такъ и было. Маіоръ сдѣлалъ попытку внушить иновѣрнымъ зрителямъ почтеніе къ русскому священнодѣйствию, и велѣлъ одного изъ грубо ему отвѣчавшихъ нѣмцевъ взять подъ арестъ. Съ этого началась исторія: другіе нѣмцы вступились за арестованнаго и, въ пылу объясненій, наговорили маіору дерзостей. Мало того, пока шло споръ, другіе нѣмцы приблизились къ горѣвшимъ церковнымъ свѣчамъ и стали закуривать отъ ихъ огня свои погасшія сигары...

Скандалъ вышелъ самый полный и самый публичный, еще болѣе дополненный при производствѣ начавшагося затѣмъ слѣдствія. Священникъ Иконниковъ (по нынѣ здравствующій въ Ревелѣ) получилъ «вопросные пункты», которые я читалъ и въ которыхъ всего яснѣе и настойчивѣе выступалъ вопросъ: «развѣ маіоръ Вертинскій не былъ пьянъ?».

Всѣ эти вопросы, съ которыхъ я имѣю въ своемъ портфелѣ копія, давали дѣлу такой тонъ, какъ будто при исполненіи упомянутой священной церемоніи у русскихъ главнымъ образомъ имѣло участіе пьянство участвующихъ въ церемоніи лицъ...

Это была обида горькая и тяжкая и ее, однако, пришлось снести безъ всякаго утѣшенія, такъ какъ дѣло о Вейсенбергскомъ происшествіи, сколько мнѣ извѣстно, до конца не дошло и оскорбители остались не наказанными, а только священникъ Михайлъ Иконниковъ былъ переведенъ въ кладбищенскую церковь въ Ревель, да и это считалъ для себя благодѣяніемъ...

Поняло ли это, неизвѣстно кѣмъ и какъ прикрытое дѣло, на видъ недавно ревизовавшаго управленія Остзейскаго края сенатора Манасина,—я не знаю, но знаю, что случай въ Вейсенбергѣ былъ сочтенъ достаточно убѣдительнымъ, чтобы сократить или даже вовсе оставить «оказательныя» церковныя церемоніи подъ открытымъ небомъ, которыя, однако, составляютъ общеупотребительные

обычай православной церкви въ Россіи... И отмѣну эту никакъ нельзя не одобрить, ибо безъ нее случаи, подобные вейсенбергскому, весьма вѣроятно, еще не разъ бы повторились и, можетъ быть, даже въ гораздо худшихъ проявленіяхъ, за послѣдствія которыхъ никакъ нельзя бы поручиться... Слѣдовательно, не лучше ли было бы еще, еслибы вмѣсто такой уступки, которая явилась вынужденною *post factum*—самая возможность подобнаго, унижительнаго для русскихъ столкновенія была предупреждена устраненіемъ самаго повода, поданнаго обычаемъ, значеніе котораго для здѣшней мѣстности странно и непонятно...

Иначе, ужъ надо было держать сторону своихъ русскихъ энергичѣе, а не такъ, какъ ее держали.

XIX.

Разумѣется, мы не желаемъ уничтоженія всѣхъ обычаевъ нашей родной церкви въ Остзейскомъ краѣ, но есть обычай и обычай. Между ними есть разница и со всѣми съ ними одинаково стремиться на видъ въ среду чуждаго и незнакомаго съ ними населенія, конечно, неудобно. Къ таковымъ можетъ быть слѣдуетъ причислить и публичное христосованіе, котораго не исполнилъ князь Суворовъ и котораго, сколько мнѣ извѣстно, не исполняютъ въ храмахъ и многіе русскіе священники Остзейскаго края,—между тѣмъ, какъ въ центральныхъ мѣстахъ Россіи, по селамъ и городамъ, духовенство между утренею и обѣднею выстраивается врядъ по среди церкви, имѣя у себя въ рукахъ святые иконы, а у ногъ соломенные лукошки для яицъ, куда мужики и бабы должны класть принесенныя яйца.

Обычай этотъ патріархаленъ и, можетъ быть, даже трогателенъ, но онъ неудобенъ, и потому онъ оставленъ духовными не только въ Остзейскомъ краѣ, но и въ Петербургѣ и во многихъ другихъ большихъ русскихъ городахъ. И высшая церковная власть, кажется, этого не осуждаетъ и на непремѣнномъ соблюденіи такого обычая не настаиваетъ. А потому, можетъ быть церковь не осудила за это и князя Суворова, а напротивъ, при погребеніи его въ Сергіевской пустыни, устами избраннаго проповѣдника, укрѣпила за нимъ доблестное имя «настоящаго православнаго князя и боярина».

Но другое дѣло, напримѣръ, обычай, соединяющій въ себѣ и символъ, и впечатлѣніе, и сущность. Такимъ конечно ни за что нельзя поступиться безъ вреда дѣлу, а отступника нельзя оставить безъ осужденія. Какъ на одинъ изъ таковыхъ случаевъ можно, напримѣръ, указать на общее русскимъ людямъ стремленіе къ единенію на «спирѣ вѣры» въ утреннемъ служеніи великаго дня св. Пасхи. Это глубокая черта, и въ то же время—черта характерная

и важная. Обычай быть въ эту ночь въ церкви вмѣстѣ со всѣми столь силенъ и всеобщъ у русскихъ, что его свято исполняютъ не только всѣ вѣрующіе и постоянно посѣщающіе храмы, но даже отъ него не хотятъ освободить себя люди невѣрующіе или, по крайней мѣрѣ, никогда храмовъ не посѣщающіе. Отъ того и происходитъ всѣмъ извѣстная тѣснота и давка въ храмахъ на пасхальной заутрени. Къ этому напряженному порыву всего православнаго міра чрезвычайно идетъ и торжественная соборность священно-служащихъ, которая соблюдается повсюду. Гдѣ есть архіерей или архимандритъ, онъ непременно въ этотъ день служить въ первомъ храмѣ своего города; въ селѣ надѣваетъ ризы или стихарь престарѣлый заштатный іерей или такой же дьяконъ и всѣ соборомъ объявляютъ міру: «Христосъ воскресъ». Представимъ же, что кто-либо изъ священно-служителей дерзнулъ бы пренебречь этимъ многозначимымъ обычаемъ, и вмѣсто того, чтобы соборовать со всѣми, онъ вдругъ отдѣлился бы отъ главнаго храма для того, чтобы служить пасхальную утреню на дому у одного изъ своихъ почетнѣйшихъ прихожанъ... Онъ этимъ, конечно, тяжко обидѣлъ бы церковь, и совершилъ бы положительно дурное, соблазнительное и непростительное дѣло. Такъ, по русскимъ понятіямъ велико и существенно важно значеніе этого обычая, обязывающее духовныхъ быть всѣмъ у своего алтаря и со всѣмъ множествомъ входящаго народа, а не съ тѣмъ или другимъ кружкомъ избранныхъ... И духовенство православной церкви—надо ему отдать справедливость—свято и неизмѣнно чтить этотъ обычай и никогда его не нарушаетъ. Покрайней мѣрѣ намъ не приводилось ни видѣть, ни слышать, чтобы какой-нибудь уѣздный протопопъ или другой настоятель осмѣлился оставить на Пасху свой храмъ и пошелъ служить пасхальную заутреню въ домъ зажиточнаго прихожанина. Первый случай въ этомъ родѣ намъ приводится узнать только изъ разсматриваемаго нами письма достоуважаемаго Юрія Федоровича Самарина. «Суворовъ (пишетъ профессору Шульгину Самаринъ), который до сего числа не былъ въ соборѣ, не поѣхалъ туда слушать и заутреню на Свѣтлое Воскресеніе—вслѣдствіе чего архіерей служилъ ее также не въ соборѣ, а въ замковой церкви ²⁴⁶ 1), гдѣ не было ни кого изъ главныхъ губернскихъ чиновъ»...

Мы недоумѣваемъ, какъ отнестись къ такому странному факту, въ которомъ уже дѣйствительно чувствуется обидное нарушеніе весьма существеннаго русскаго церковнаго обычая. Архіерей, самъ архіерей, оставилъ свой каѳедральный храмъ, полный народа, и отправился служить въ домовую церковь князя «вслѣдствіе того,

¹⁾ Домовая церковь генералъ-губернаторовъ называлась «замковою» потому, что мѣстомъ пребыванія этихъ лицъ служилъ старый «замокъ», находящійся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ собора.

что тотъ не былъ въ соборѣ и не поѣхалъ туда на заутреню»!.. Юрій Федоровичъ ни слова не говоритъ о томъ, какъ ему представляется этотъ поступокъ владыки рижскаго? Во всемъ этомъ Самаринъ винитъ только одного Суворова. Такая постановка вопроса слишкомъ одностороння и неудовлетворительна. Односторонность же здѣсь является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ партійной несвободности, которая у Самарина иногда граничитъ съ пристрастіемъ. Это, впрочемъ, удѣлъ почти всѣхъ безъ исключенія партійныхъ людей, и критика должна бережно, но смѣло отсортировать въ ихъ часто прекрасныхъ сочиненіяхъ партійныя послабленія однимъ и натяжки для другихъ.

То самое имѣемъ и здѣсь, — въ строгомъ обвиненіи генераль-губернатора Суворова безъ всякой оцѣнки поступка архіерея, который, разумѣется, ни подъ какимъ предлогомъ не долженъ былъ оказать такую слабость, чтобы въ противность народному обычаю и своему долгу—оставить всю паству, собравшеюся у его кафедръ, и служить въ торжественнѣйшій день вѣры на дому у генераль-губернатора. Каковъ бы ни былъ этотъ генераль-губернаторъ, — во всей полнотѣ его властныхъ полномочій—онъ не могъ имѣть ни права, ни силы, заставить архіерея публично совершить такое нарушеніе важнѣйшаго обычая; архіерей могъ недопустить князя за одинъ пріемъ обидѣть и всю православную паству, и нанести крайній ущербъ личному архипастырскому авторитету.

Описанное предпочтеніе, которое архіерей оказалъ Суворову къ обидѣ всей паствы, не только не внушило князю уваженія къ владыкѣ, но, напротивъ, лишь усилило княжескую наглость.

Самаринъ рассказываетъ, что къ концу этихъ же «первыхъ трехъ недѣль» своего рижскаго управленія князь Суворовъ уже «во всебѣднѣе сталъ писать на отношеніяхъ архіерея резолюціи въ родѣ слѣдующихъ: справьтесь съ закономъ и разъясните, кто правъ, кто виноватъ, кто глупъ, кто смѣшонъ».

Дерзость такой надписи по-истинѣ возмутительна, но нельзя не видѣть, что поведъ къ подобной азартной выходкѣ былъ поданъ князю самимъ же архіереемъ... ¹⁾

¹⁾ Выражая наше мнѣніе объ этомъ прискорбномъ случаѣ, мы сами не знаемъ: какого именно изъ рижскихъ архіереевъ это касается. Цитируемое нами письмо Самарина не датировано его рукою, а покойный Виталій Яковлевичъ Шульгинъ написалъ внизу его «1848 г. февраль или мартъ» — что несомнѣнно надо считать ошибкою. По крайней мѣрѣ въ февралѣ это письмо ни какъ не могло быть писано, потому что въ немъ идетъ рѣчь о пасхальной заутренѣ, а пасха никогда въ февралѣ не приходится. Слѣдовательно, письмо это могло быть писано не ранѣе самыхъ послѣднихъ чиселъ марта или, всего вѣроятнѣе, въ апрѣлѣ. Несомнѣнно же можно быть увѣреннымъ, что оно писано во всякомъ случаѣ раннею весною 1848 года, а пасха въ этомъ году приходилась 11-го апрѣля. Изъ книги же покойнаго товарища синодальнаго оберъ-прокурора Юрія Толстаго

Этою характерною надписью князя Суворова мы начали нашу статью, — ею же и заключимъ наши извлеченія изъ любопытнаго письма Самарина и перейдемъ теперь къ другимъ наблюденіямъ и замѣткамъ.

XX.

По племенному чувству, которое всегда сохраняетъ свою силу надъ каждымъ человѣкомъ, мы охотно желали бы стать безъ оглядки на сторонѣ тѣхъ, кто стремился внушить правителямъ Остзейскаго края самое сильное «предпочтеніе русской натурѣ». И если бы «русская натура» была непререкаемымъ синонимомъ лучшей природы среди всякихъ людей другаго племени, то мы ощутили бы себя на высотѣ счастья, стоя за указанное предпочтеніе. Тогда мы считали бы возможнымъ ждать отъ этого «предпочтенія» полного успѣха всѣмъ драгоцѣннѣйшимъ и самымъ существеннымъ интересамъ нашей родины. Но, къ сожалѣнію, по совѣсти говоря, намъ кажется, что если бы безусловное «предпочтеніе» получило теперь такое развитіе, какое для него желалъ Ю. Ѳ. Самаринъ, то это привело бы совсѣмъ не къ благопріятнымъ для русскихъ результатамъ. Оно только заставило бы ихъ коснѣть и отдалять время своего прочнаго сравненія съ тѣми иноплемениками, которымъ ихъ твердый характеръ и основательность образованія даютъ первѣсь.

Мы не говоримъ объ уравниніи правъ и объ учрежденіи порядковъ одинаково безобидныхъ для всѣхъ жителей края. Это, конечно, требуется самою простою справедливостію и это должно быть сдѣлано немедленно же; но рѣчь идетъ о «предпочтеніяхъ», что совсѣмъ не вяжется съ идеею справедливости и едва ли отвѣчаетъ пользамъ государственнымъ.

«Предпочтеніе» легко оказывать, но только лучшему, ибо тогда это можетъ идти не въ ущербъ справедливости, которая должна имѣть наивысшій почетъ и первое мѣсто въ глазахъ правящей власти. Но всегда ли и во всемъ русская натура являетъ здѣсь лучшее? Въ нашей прошлогодней статьѣ о князѣ Суворовѣ, мы имѣли случай показать, какъ сами нѣмцы, желая остепенить невыносимое гонительство православнаго духовенства на русскихъ старообрядцевъ, выставляли на видъ добрыя свойства этихъ унижаемыхъ

«Списки архіереевъ и архіерейскихъ кафедръ» (1872 года) видимъ, что рижскую кафедру до 6-го ноября 1848 года занималъ Филаретъ Гумилевскій, который только 6-го ноября получилъ новое назначеніе въ Харьковъ, а въ то же самое число въ Ригу на его мѣсто былъ назначенъ Платонъ Городецкій, нынѣшній митрополитъ кіевскій и галицкій. Слѣдовательно, изъ сопоставленія этихъ чиселъ возможенъ одинъ выводъ, что 11-го апрѣля 1848 года, когда праздновалась пасха, въ Ригѣ епископствовалъ Филаретъ.

Н. Л.

людей, и даже заступались за нихъ. Нѣмцы указывали на раскольничье трудолюбіе, трезвость и благонравіе, и со стороны власти можетъ быть было бы вполне достойно взять этимъ нѣмецкимъ защитами, а не тѣмъ, кто, претендуя на «предпочтеніе», самъ не милуетъ единокровныхъ своихъ. Чтобы «оказать предпочтеніе» этимъ надо было въ корень искоренить другихъ «честныхъ и трудолюбивыхъ людей» той же «русской природы».

Да будетъ благословенно имя Божіе, что это не далось, къ сраму и поношенію русскаго народа.

Потомъ, когда старовѣрческая молодежь, вслѣдствіе уничтоженія школъ и обезсилія общества «образовала (по выраженію Суворова) вредный класъ карманщиковъ» и предалась такимъ гнусностямъ, за которыя испеленъ былъ Содомъ и Гомора, какое же «предпочтеніе» могло имѣть мѣсто какъ по отношенію къ этимъ несчастнымъ, такъ и по отношенію къ тѣмъ, кто ихъ довель до этой ужасной степени паденія? Кого тутъ было предпочитать: гонителей или гонимыхъ одной и той же «русской природы»? Намъ, можетъ быть скажутъ, что мы беремъ однѣ низины, въ которыя сливалась вся муть съ русскихъ горъ, но мы съ этимъ не можемъ согласиться, ибо цѣлое старовѣрское населеніе Остзейскаго края нельзя считать за пустыки. Но оставимъ эти «низины», покинемъ расколь и обратимся къ тому, что не расколь.

Въ чемъ же выразилось право на «предпочтеніе»? Не расколь проявлялъ себя здѣсь только въ гоненіи на расколь и въ усиленномъ храмоводствѣ. Для постройки церквей здѣсь было сочинено особое управленіе съ особымъ заправителемъ, который этимъ путемъ создавалъ себѣ карьеру. Былъ особый главнoзавѣдующій дѣлами возведенія церквей, «статскій генералъ» г. Голоушевъ. Церкви строились, и на это собирались деньги, но еще Самаринъ выражалъ опасенія, что они «достанутся нѣмцамъ подъ пивоварни», а не за долго передъ своею смертію то же опасеніе высказывалъ епископъ Филаретъ Филаретовъ... Стремленіе болѣе заботиться о храмоводствѣ, чѣмъ о насажденіи живой вѣры въ душахъ людей, къ сожалѣнію, тоже есть несомнѣнная черта «русской природы», и стремленіе это можно понять и извинить, ибо въ этомъ, какъ справедливо замѣчено Знаменскимъ или Голубинскимъ, выражается отчаянное усиліе хоть видимыми знаками множества крестовъ какъ нибудь засвидѣтельствовать неимѣніе креста въ сердцѣ. Это насѣдье византіиства, измысливаго многоглавыя храмы, не рѣдко съ фальшивыми куполами, служащими только для умноженія числа крестовъ на одной церкви. Во все время церковь православная не дала здѣсь ни одного даровитаго проповѣдника, котораго бы талантъ и сила слова просіяли. А здѣсь, какъ въ странѣ лотеранской, проповѣдь въ обычай, и народъ любитъ слушать проповѣдниковъ. Надо было достигъ того, чтобы отъ этого отучить, и до-

стигли, а церкви все строили и строили и насылали туда пастырей, часто даже вовсе непонимавшихъ языка пасомыхъ...

По «вѣдомостямъ» это выходило отлично!

Но что было на дѣлѣ? На дѣлѣ многіе священники не умѣли служить на языкѣ прихожанъ и жили въ закутахъ. Да, буквально въ закутахъ. Покойный настоятель ревельскаго собора, отецъ Ѳеодоръ Знаменскій, безъ слезъ не могъ вспоминать, какъ онъ съ женою и дѣтьми «сидѣлъ зиму въ сараѣ» и питался однѣми черными сухарями, а случалось и тѣхъ не имѣлъ и не зналъ какъ попросить у эстовъ хлѣба. А въ это время въ Ригѣ возводился замѣчательный архіерейскій домъ съ библиотечною залою, напоминающею залъ библиотеки въ Потсдамскомъ дворцѣ германскаго императора...

Все это происходило на виду нѣмцевъ, которые можетъ быть и не умѣли понять, что все это такъ именно и нужно «въ русскомъ духѣ».

Вдобавокъ, строители иногда устраивали довольно забавные анекдоты.

Вышею, такъ сказать кульминаціонною точкою храмоздательскихъ операцій здѣсь было упомянутое возведеніе въ Ригѣ новаго большаго православнаго собора. Не станемъ разсуждать: ощущается ли въ немъ настоятельная надобность для торжества православія и не было ли здѣсь у православія нуждъ гораздо болѣе существенныхъ. Скажемъ только, что и старый, нынѣ служащій православнымъ соборъ, намъ не удавалось видѣть переполненнымъ до стѣсненія. Разсудили однако, что «новый соборъ нуженъ для величія», и даже «для политики, что бы колоть глаза нѣмцамъ» — пусть такъ: колоть, такъ колоть.

Но тогда значить новый соборъ, конечно, будетъ образцовымъ зданіемъ, которое превзойдетъ здѣшніе храмы лютеранъ и покажетъ нѣмцамъ высокое состояніе русскаго искусства.

Но увы, изъ всей этой постройки вышло только громоздкое, претенціозное, но безстильное зданіе, которое застряло въ своемъ окончаніи и стоитъ «въ чернѣ», какъ пресловутый кіевскій соборъ св. Владиміра. А то, что въ новомъ рижскомъ соборѣ окончено — произведено вполнѣ въ духѣ «русской природы», т. е. безъ всякаго разсчета. Колокольня этого собора возведена такъ, что большой колоколь, который отлить для него въ Москвѣ, не лѣзетъ въ ея амбразуры и влѣзть въ нихъ не можетъ. Это такъ расчитано... Колоколь этотъ приходится оставить на землѣ или сдѣлать для него особую пристройчку, съ которой огромный звонъ его конечно уже не будетъ слышанъ во всемъ московскомъ великолѣпіи...

Эта строительская несообразительность напоминаетъ того русскаго мужика, который построилъ въ избѣ борону такой величины, что ее нельзя было протащить въ двери...

XXI.

Ю. О. Самаринъ, какъ человѣкъ необыкновенно умный, конечно, не обмолвился, требуя «предпочтенія русской натурѣ». Несомнѣнно она ему казалась болѣе всѣхъ другихъ достойною по соображеніямъ очень серьезнымъ и, какъ намъ кажется, именно по соображеніямъ политическимъ. Человѣкъ «русской природы» по самой природѣ своей приверженъ къ Россіи и ея правительственному устройству, а человѣкъ нѣмецкой «натуры» являетъ иное. По словамъ Самарина натура нѣмецкаго обывателя въ Остзейскомъ краѣ «обнаруживаетъ непрочность государственной связи, основанной не на любви къ общему отечеству, не на единствѣ языка и вѣры, а на расчетѣ выгодъ и личной привязанности къ царствующему дому». Это не преступленіе со стороны нѣмцевъ, а такова ихъ натура. Самаринъ зналъ нѣмецкую натуру и такое знаніе за нимъ утверждено признаніемъ очень большого числа просвѣщенныхъ людей. Нѣмецкій консерватизмъ, по представленіямъ Юрія Федоровича, недостаточенъ для русскихъ требованій... Уважаемъ и чтимъ мнѣнія Юрія Федоровича, но слова имъ сказанныя, все-таки, желаемъ себѣ разъяснить и провѣрить. Но чѣмъ? Вниманіе наше по этому поводу останавливается на чужеземномъ авторѣ, именно на Едгарѣ Кине, ибо въ его сочиненіи «Esprit nouveau», написанномъ послѣ того, какъ французы стали основательно «изучать нѣмцевъ», есть много интереснаго для опредѣленія нѣмецкаго консерватизма.

Кине даетъ огромное значеніе разницѣ натуръ, воспитанныхъ въ культѣ лютеранства противъ натуръ, воспріявшихъ болѣе или менѣе значительное вліяніе «византизма». Отъ послѣдняго, по его выводу, не свободны расы романскія. «Византия имѣла время бросить на нихъ свой отблескъ». Расамъ, получившимъ «отблескъ византизма», Кине противопоставляетъ германскую породу, окрѣпшую въ лютеранскомъ культѣ. Отсюда онъ дѣлаетъ любопытныя и поучительныя послышки и сравненія, какъ однѣ и тѣ же идеи воспринимаются людьми разнаго культа. Это не лишено значенія для насъ.

Вотъ передъ нами, на примѣръ, именно то, что намъ интересно— «консерваторъ-французъ и консерваторъ-нѣмецъ», какъ изображаетъ ихъ Кине (II глава III часть) съ глубокомысліемъ и искренностью разсматривающій «новый духъ, водворяющійся въ Европѣ съ силою неотразимою».

«Посмотрите на нѣмецкаго консерватора. Вы подумаете, что имѣете дѣло съ консерваторомъ французскимъ. Та же ненависть къ пролетариату, на который онъ смотритъ какъ на бичъ времени; то же негодованіе противъ равенства избирательныхъ правъ;

то же желаніе предоставить дворянству и высшей буржуазіи преимущества надъ ремесленниками и чернорабочими. Монархія представляется нѣмецкому консерватору, какъ единственный якорь спасенія среди бурь и волненій современности, и до сихъ поръ вы, французскій консерваторъ, рукоплещите консерватору нѣмецкому. Вы узнаете въ немъ вашего союзника, видите въ немъ свой образъ и спѣшите протянуть ему руку черезъ Рейнъ... Но подождите. Послушайте нѣмецкаго консерватора о другихъ предметахъ и скажите тогда будетъ ли онъ вамъ своимъ».

Кине приводитъ нѣсколько вопросовъ и отвѣтовъ, которые часто слышатся въ самыхъ спокойныхъ кружкахъ нѣмецкой публики. Они взяты, цитируемымъ нами авторомъ, изъ сочиненія Штрауса «Der alte und der neue Glaube» (1872 г.) и одно указаніе на этотъ источникъ для нашихъ читателей должно быть достаточнымъ объясненіемъ, почему мы не приводимъ въ подлинникъ крайне неконсервативныхъ (съ русской точки зрѣнія) мнѣній консерваторовъ нѣмецкихъ. Скажемъ вкратцѣ, что нѣмецкіе консерваторы не видятъ, напримѣръ, никакой нужды скрывать, что они христіанства, въ его старой, соборной формѣ, болѣе не признаютъ и вообще не видятъ нужды терять время и досугъ въ какихъ бы то ни было церковныхъ спорахъ. Нѣмецкіе строгіе консерваторы находятъ все подобное «слишкомъ суетнымъ для настоящаго строгаго времени, когда росту народнаго самосознанія надо уже препятствовать болѣе сильными средствами, чѣмъ устрашеніе адомъ, для котораго, по несомнѣннымъ выводамъ геологій, — нѣтъ мѣста внутри земного шара». Въ концѣ выходитъ, что и Богъ нѣмецкаго консерватора — совсѣмъ не тотъ ипостасный Богъ, къ служенію котораго французскій консерваторъ желаетъ привлечь ограниченный въ консервативномъ духѣ народъ французскій. Все то, къ чему консерваторъ «съ византійскимъ отблескомъ» стремится въ религіи, по соображеніямъ строгаго нѣмецкаго консерватора, уже запоздало и совсѣмъ не годится, — и онъ не хочетъ объ этомъ думать, ибо, по его понятіямъ, «на этомъ уже не удержишься». Отъ этого самый нѣмецкій консерватизмъ имѣетъ другой характеръ, и такое слѣдствіе лютеранской культуры, должно быть, принимаемо за натуру.

Кине говоритъ: «здѣсь мы касаемся настоящей разницы между консерваторомъ французскимъ (въ культѣ котораго авторъ чувствуетъ струю византизма) и консерваторомъ нѣмецкимъ (вырожденнымъ въ культѣ протестантизма). Французъ, вступающій на путь реакціи, отдается ей весь — умомъ, разсудкомъ, воображеніемъ и всѣми своими чувствами. Онъ попадаетъ какъ бы въ желѣзную мельницу, гдѣ ни одна часть его духа не остается не перетертою и не перемолотою въ пыль. Нѣмецкій же консерваторъ отдаетъ удержу или застою только самую необходимую и,

сравнительно, очень небольшую часть самого себя,—именно свою политическую внѣшность, но самымъ твердымъ и ревнивымъ образомъ сохраняетъ въ неприступной неприкосновенности все, что составляетъ область его ума. Какъ бы онъ ни реакціонировалъ въ своей политической внѣшности, его свободная воля остается здравой и невредимой, а его стремленіе къ знаніямъ и къ философской независимости даже увеличивается отъ уступокъ, которыя онъ дѣлаетъ въ своей политической внѣшности». Консервирующий французъ думаетъ, что онъ уже «не имѣетъ никакой нужды въ свободномъ умѣ», и что все его дѣло въ томъ, чтобы держаться за указанное ему старье, «не сохраняя ни малѣйшей части самого себя». Онъ «весь преданъ безъ отвѣта задачѣ удержать все, что было.» «Обязанный отрицать все, что принялъ и провозгласилъ умъ, онъ дѣлаетъ это съ однимъ только безпокойствомъ, какъ быть, когда ему придется, можетъ быть, отрицать даже и эти незаконныя отрицанія. Это порождаетъ въ немъ внутреннюю тревогу и мученія, которыя становятся сущностію его бытія, и въ этой ужасной пустотѣ, его посѣщаютъ самыя зловѣщія призраки... Онъ видитъ бѣду вездѣ и во всемъ; онъ теряетъ всякій критерій,—живетъ безъ мысли и безъ будущаго и, наконецъ, онъ не вѣритъ ни во что и не чувствуетъ даже собственной головы на плечахъ»...

Образумливать или «разувѣрять» такого консерватора съ византійскимъ помазаніемъ приходится «встрѣчному прохожему», а навстрѣчу ему насмѣшливый рокъ, какъ на зло, выпускаетъ теперь именно консерватора нѣмца, и... вотъ происходитъ удивительное дѣло: «два консерватора не узнаютъ другъ друга, а побѣждаетъ нѣмецъ, ибо онъ знаетъ, что можно консервировать, но такъ, чтобы консерватизмъ имѣлъ жизнь въ себѣ».

Это какъ будто тотъ консерватизмъ, о которомъ у насъ въ недавнее время хорошо выразился И. С. Аксаковъ,—консерватизмъ живой и наступательный, а не «топотанье на одномъ мѣстѣ».

XXII.

Самаринъ въ откровенномъ письмѣ къ Шульгину усматриваетъ хитрость и ласкательство въ томъ, что остзейскіе нѣмцы встревожились приглашеніемъ ихъ въ германскій парламентъ и поспѣшили искать возможности представить императору Николаю Павловичу адресъ въ удостовѣреніи ихъ вѣрноподданническихъ чувствъ, подъ условіемъ сохраненія нѣмецкихъ преимуществъ въ Остзейскомъ краѣ.

Конечно, трудно прозирать тайны минувшаго и критиковать мечты и помысленія, которыя болѣе или менѣе тщательно сокрыты

отъ постороннихъ, но Юрій Федоровичъ, надо полагать, свидѣтельствуетъ о разсказанномъ ухищреніи, тоже, по слухамъ, ибо нельзя думать, чтобы онъ лично былъ допускаемъ туда, гдѣ нѣмцы втайнѣ обсуждали свои ограничительныя ковы. А потому къ вѣстямъ объ этомъ замыслѣ позволительно относиться съ осторожностью какъ къ слуху, ни чѣмъ обстоятельно не доказанному.

Что до насъ, то въ нашихъ глазахъ замыселъ ограничить императора Николая не вяжется ни съ осторожнымъ тактомъ нѣмцевъ, ни съ характеромъ государя, котораго нѣмцы очень хорошо знали... Да сомнительно, чтобы и князь Суворовъ будто брался представить Николаю Павловичу адресъ объ условной ему преданности...

Любопытно было бы, если бы кто нибудь изъ свѣдущихъ русскихъ или нѣмецкихъ писателей разъяснилъ это.

Остзейскіе нѣмцы въ огромномъ большинствѣ дѣйствительно консерваторы, но консерваторы въ томъ фазонѣ, по которому консерватизмъ выкраивается у людей протестантскаго культа: все, что св. писаніе внушаетъ протестантскому школяру въ его школѣ о повиновеніи власти, онъ усваиваетъ и вноситъ въ практику, «дабы проводить жизнь тихую и безмятежную» (1 Рим., 2, 3).

Намъ на это могутъ замѣтить, что среди нѣмцевъ нынче очень много людей не вѣрующихъ или, по крайней мѣрѣ, такихъ, которые едва ли приѣмляютъ слова св. писанія за «волю Божию».

Совершенно справедливо, но пусть тотъ, кому это придется въ голову, вспомнить извѣстный разсказъ о «невѣрующемъ нѣмцѣ», который послѣ большого изученія догматическихъ и философскихъ наукъ пришелъ къ убѣжденію, что «Бога нѣтъ».

Что же онъ сдѣлалъ съ этимъ убѣжденіемъ?

Во-первыхъ, изъ осторожности, онъ перевелъ это убѣжденіе въ категорію сомнѣній, а потомъ, все-таки, продолжалъ утромъ и вечеромъ молиться, такую осторожною молитвой:

«Господи!—если ты есть,—помилуй душу мою—если она есть».

Властвующій надъ нимъ культъ перешолъ въ натуру, которая сама себя бережетъ отъ всего, что не будетъ благопріятствовать «тихому и безмятежному житію».

XXIII.

Ю. О. Самаринъ сравниваетъ, какъ русскій народъ проявляетъ свою любовь къ своимъ государямъ и какъ дѣлаетъ это нѣмецъ. Что въ русскихъ чувствахъ къ государю преобладаетъ такая теплота, какую теперь мы напрасно стали бы искать гдѣ бы то ни было въ другихъ странахъ Европы,—это не подлежитъ сомнѣнію. Бывало подобное у французовъ къ ихъ королямъ, но теперь уже тамъ нѣтъ

и королей. Въ другихъ же странахъ отношенія стали въ рамки долга и взаимныхъ обязательствъ,—межъ тѣмъ, какъ у насъ они имѣютъ семейный характеръ. «Ты нашъ отецъ.—Мы твои дѣти»,—вотъ какъ выражаетъ или такъ обыкновенно желаетъ выразить свои чувства къ государю русскій человѣкъ, когда онъ лелѣетъ мысль имѣть съ нимъ разговоръ о своемъ дѣлѣ. Этого рода домашности нѣтъ уже у народовъ Запада, а въ русскомъ человѣкѣ еще очень много. Отсюда и его взглядъ на образъ правленія и беззавѣтная его, сыновняя преданность какъ отцу и строителю земли. Таковъ опять русскій культъ, а до чего культъ и у насъ способенъ переходить въ натуру—это доказываетъ, на примѣръ, расколъ тѣхъ толковъ, гдѣ долго не хотѣли молиться или и о сю пору еще не молятся за царя. Ихъ представляли послушниками или даже недругами царской власти и они за то немало пострадали, но все это ихъ немоленіе и подчасъ нетерпѣливыя слова о томъ или другомъ царскомъ повелѣніи не измѣнили въ существѣ ихъ душевнаго настроенія къ самодержавному царю. Споръ о богомоленіи, это у современныхъ раскольниковъ—догматическая услада ихъ богословской мысли, а чувства ихъ къ главѣ русскаго государства—тѣ же, что у всего народа.

Раскольники предполагаютъ и утверждаютъ, что купецъ Иголкинъ, сдѣлавшій себѣ историческую извѣстность убійствомъ шведскаго солдата, который непочтительно говорилъ о Петрѣ,—былъ будто «ихъ вѣры», т. е. раскольникъ.

Такъ это или не такъ, но одно желаніе усвоить себѣ Иголкина, отмѣтившаго свой слѣдъ на землѣ самозабвенною ревностію за честь царя, рукою котораго древнему благочестію нанесены самыя тяжкія раны,—свидѣтельствуешь, что и самого великаго Петра наши старовѣры собственно говоря любятъ... Они это иногда и высказываютъ: «Грубіанъ былъ, говорятъ,—вѣрѣ и благочестію нагрубилъ, а въ прочемъ молодець».

Любовь человѣка нѣмецкой природы отличается большей разсудочностію, но она вѣрна и тоже можетъ быть трогательна. Онъ только болѣе сортируетъ въ умѣ вопросы и ставитъ все на свое мѣсто, такъ что одно не заслоняетъ другаго. Приведу маленькій, но характерный анекдотъ о чувствѣ одного прекраснаго нѣмца къ покойному государю Александру II, къ которому этотъ человѣкъ можно сказать горѣлъ самою преданною любовью.

XXIV.

Въ Петербургѣ жилъ и не очень давно скончался контръ-адмиралъ Андрей Васильевичъ Фрейгантъ, человѣкъ удивительно доброй души, нѣжнѣйшаго сердца и вообще возвышеннѣйшихъ нрав-

ственныхъ качествъ. Нѣжность и доброта заставили его «измѣнить нѣмцамъ и предаться ихъ невольникамъ—латышамъ и эстамъ». Такъ говорилъ онъ о себѣ самъ и такъ говорили о немъ дѣла всей его жизни. Фрейгангъ могъ быть только на той сторонѣ, которая претерпѣваетъ обиды. Но онъ не былъ сентименталь,—напротивъ имѣлъ духъ трезвый и бодрый. Въ самыхъ преклонныхъ лѣтахъ онъ никогда не отставалъ отъ литературы, ревниво слѣдилъ за всякимъ движеніемъ мысли и пользовался замѣчательно единодушнымъ расположеніемъ всѣхъ, кто зналъ этого по истинѣ «праведнаго старика». Его, какъ мнѣ извѣстно, чтить М. Н. Катковъ и уважали извѣстные петербургскіе славянофилы, такъ какъ Андрей Васильевичъ тоже страстно любилъ «несчастныхъ славянъ», для которыхъ все что-то собиралъ и посылалъ имъ,—писалъ къ нимъ, писалъ о нихъ, и за нихъ и т. п. Вообще, это былъ нѣмецъ съ самыми русскими симпатіями. О любви его къ Россіи и къ государю, разумѣется, уже нечего и говорить. Императоръ Александръ II за его «освободительныя идеи» имѣлъ въ Фрейгангѣ восторженнаго почитателя,—а затѣмъ я прошу прослушать слѣдующій рассказъ, за вѣрность котораго я отвѣчаю.

Въ какомъ-то изъ женскихъ учебныхъ заведеній шли экзамены по закону Божію. На одинъ изъ этихъ экзаменовъ, не знаю, для какой надобности, былъ приглашенъ одинъ іерархъ, извѣстный тѣмъ, что «умѣлъ загинаять загвоздочки». Воспитанница стаетъ втупикъ, а его преосвященству это очень утѣшно.

«Загвоздочки» были въ такомъ родѣ: предлагался на примѣръ вопросъ: гдѣ теперь душа Богородицы?» и т. п. Съ теченіемъ обстоятельствъ владыка впрочемъ измѣнялъ свои «загвоздочки» и доходилъ съ ними до большой виртуозности. Такъ, одинъ разъ, въ одномъ заведеніи онъ прилепелъ къ вопросамъ о долгѣ и о послушаніи властямъ слѣдующій вопросъ собственнаго сочиненія:—«Что если бы вы плыли черезъ рѣку въ лодочкѣ, въ которой имѣли бы возможность спасти только одного человѣка, и вдругъ увидали въ опасности двухъ: одного своего родного отца а другого—отца народа,—кого бы изъ сихъ двухъ спасли вы?»

Дѣвочка страшно сконфузилась, а потомъ, оправясь, отвѣчала:— Я бросилась бы въ воду сама, чтобы они спаслись оба.

Отвѣтъ не понравился: онъ вышелъ «не благочестивъ», ибо «самоубійство — грѣхъ», и экзаменаторъ опять началъ досаждать дѣвушкамъ.

Тогда несчастная дала отвѣтъ, доказывавшій, что ея возрасту были уже доступны сложныя соображенія, но съ этимъ же бросилась вонъ и истерически зарыдала... Своего отца ей тоже было жалко...

Многіе объ этой «загвоздочкѣ» слышали, и... ничего. Иныхъ она даже смѣшила, но какъ вы думаете отнесся къ этой штукѣ

Андрей Васильевичъ Фрейгангъ—нѣмецъ и старый морякъ, совершавшій самыя дальнія путешествія и издавшій Богъ вѣсть какія опасности? А вотъ какъ: узнавъ, что «архіерей осмѣлился такъ оскорбить дѣтское чувство и поставить имя государя такъ, чтобы съ воспоминаніемъ о немъ соединилось нѣчто тягостное для сердца», контръ-адмиралъ заплакалъ какъ дитя и написалъ государю горячее и трогательное письмо, съ которымъ ходилъ въ Лѣтній садъ, чтобы подать письмо государю внѣ правилъ, такъ, чтобы «за это арестовали», лишь бы до государя непременно дошло, какъ смѣютъ дѣлать мысль о немъ тягостною сердцу.

Кому-то стоило большого труда удержать ветхаго днями и здоровьемъ энтузіаста и вѣрнопопданнаго отъ этой подачи...

А Фрейгангу тогда было уже много, много лѣтъ... и онъ былъ бѣденъ.

Одинъ архіерей, которому мнѣ разъ случилось привести этотъ случай, замѣтилъ:

- Штука нѣмецкая.
- И хорошая, сказала я.
- Да; но неправильно.
- Почему, говорю. Въ чемъ вы видите неправильность?
- Государя царствуютъ такъ же на страхъ.
- «Врагамъ», подсказалъ я.
- Нѣтъ, также и всѣмъ, отстоялъ владыка.
- Но хоть по крайней мѣрѣ не дѣтямъ!
- А также и дѣтямъ.

Конечно, всѣ эти люди добрые вѣрнопопданные, но только разной культуры и разной природы.

Не наведетъ, я думаю, скуки на читателя если я расскажу еще одинъ анекдотъ, въ которомъ видна паралель боголюбія и богопочтенія. Рѣчь будетъ не о богословахъ, которые и у нѣмцевъ почти такъ же нетерпимы какъ и у насъ, и такъ же способны сердито браниться и клясть тѣхъ, кто съ ними несогласенъ на счетъ существа Божія, или высшихъ цѣлей Провидѣнія, открытыхъ духовенству болѣе, чѣмъ всѣмъ прочимъ. Паралель будетъ идти между русскимъ чиновникомъ, человѣкомъ которому правительство довѣряло смотрѣніе за непокорными, и между университетскимъ студентомъ остзейскаго происхожденія, который самъ за свое поведеніе попалъ на каторгу.

Произшествіе относится къ теплымъ днямъ минувшей молодости нашего поколѣнія,—именно къ тому году, когда впервые появились въ печати «Записки изъ мертваго дома» Ф. М. Достоевскаго. Онѣ читались тогда съ необычайною жадностію и производили впечатлѣніе самое глубокое, но разнообразное. Вотъ объ этомъ разнообразіи я и скажу.

Мы, помнится въ шестеромъ, сидѣли вечеромъ въ квартирѣ извѣстнаго въ литературномъ мѣрѣ Артура Бенни, прекраснаго, восторженнаго юноши, сына лютеранскаго пастора изъ Томашова Равскаго¹⁾. Въ числѣ собравшихся были талантливый молодой беллетристъ того времени Василій Ал. Слѣпцовъ, докторъ М—овъ, извѣстный впоследствии эмигрантъ Варѳоломей Зайцевъ, еще одинъ молодой писатель, я и студентъ Б—отъ. Послѣдній былъ сынъ лютеранскаго пастора изъ Остзейскаго края, зналъ по-эстонски и по-латышски и дѣлалъ для «Сѣверной Пчелы» выборки изъ газетъ, издававшихся на этихъ языкахъ. Б—отъ былъ настоящій, типическій «сынъ пастора», какъ намѣчено у Гейне: бѣлый, румяный, съ дѣвственнымъ выраженіемъ глазъ при страстныхъ ярко-пунсовыхъ и полныхъ устахъ. Поведеніе его и Бенни побуждало товарищей звать ихъ «фрейлейнами». Это были молодые юноши чистые, какъ цѣломудреннѣйшія дѣвушки. Вообще компанія наша состояла изъ людей молодыхъ, достаточно добрыхъ и небездарныхъ.

Докторъ М—овъ читалъ вслухъ только-что вышедшій кусокъ «Записокъ изъ мертваго дома»—всѣ слушали, разумѣется съ большимъ вниманіемъ, но вдругъ, чего ни кто не ожидалъ, произошелъ скандалъ, прервавшій чтеніе и наполнившій мою душу до сихъ поръ памятнымъ тяжкимъ ощущеніемъ.

Чтеніе дошло до того эпизода, гдѣ Достоевскій рассказывалъ о начальникѣ, который, въ видахъ особеннаго своего удовольствія, наказывалъ каторжныхъ розгами съ особеннымъ приступомъ. Арестанта обнажали, растягивали на землѣ и заставляли лежа съ голой спиною читать вслухъ молитву Господню. Арестантъ разумѣется повиновался,—читалъ, и когда онъ произносилъ: «Отче нашъ, иже еси на небеси»—начальникъ подхватывалъ:

— А ты ему поднеси!

И съ этимъ вмѣстѣ пучки розогъ начинали свистать...

Бенни при этомъ вскочилъ и быстро выбѣжалъ въ свою спальню, а Слѣпцовъ расхохотался и, подхвативъ маленькаго, щуплаго Варѳоломея, поднялъ его какъ бы въ жертву поднесенія, и повторилъ:

— А ты ему поднеси.

Но въ это же мгновеніе изъ спальни раздался мучительный истерическій вопль Бенни... Молитва Господня въ такомъ богохулительномъ примѣненіи произвела на него ужасное впечатлѣніе и онъ не могъ удержать рыданій; но то, что было съ Б—отомъ, было еще страшнѣе. Когда мы привели въ чувство Бенни, Б—отъ

¹⁾ Правительственные органы ни за что не хотѣли признать этого происхожденія Бенни и на этомъ основаніи Бенни, судимый по дѣлу о передержательствѣ Кельсѣева, былъ высланъ за границу, какъ иностранецъ. Курьезъ до стойный быть не забытымъ. Бенни умеръ отъ раны полученной подъ Ментанано въ италіанскомъ госпиталѣ.

стоялъ неподвижно какъ статуя посреди комнаты и только губы его шептали:

— Гдѣ?.. гдѣ?

Его спросили: чего онъ ищетъ, о комъ спрашиваетъ?

— Гдѣ онъ... этотъ... который заставлялъ... Я убью его!

И Б—отъ не былъ въ мгновенномъ возбужденіи, которое сейчасъ же готово и пройти. Съ эффектомъ восторженнаго гелертера онъ поднялъ вверхъ свою руку и произнесъ:

— О, клянусь, что я его найду!

Съ этимъ онъ выбѣжалъ и цѣлую ночь ходилъ по городу, видя передъ собой гдѣ-то очами души начальника отдаленнаго сибирскаго острога.

И Богу лишь вѣдомо можетъ быть они и встрѣтились, ибо вскорѣ же нашъ розовый сынъ пастора встрялъ въ какую-то компанію, съ которою и понесъ тягостную участь по дѣлу, сущность коего мнѣ обстоятельно не извѣстна. Да Богу же единому вѣдомо конечно и то, когда Б—оту впервые приключилась мысль дѣлать то, чего ему не слѣдовало дѣлать... Насъ, впрочемъ, занимаетъ только параллель между силою впечатлѣнія, произведеннаго однимъ и тѣмъ же явленіемъ, при совершенно одинаковыхъ условіяхъ на людей русскихъ и на людей «протестантской культуры».

Не станемъ разбирать кто изъ нихъ хуже, кто лучше, кто имѣть больше правъ на сочувствіе, а кто меньше, но отмѣтимъ одно, что когда напимъ беззавѣтнымъ ребятамъ пришла мысль «нахлопать Вавку» (такъ звали Зайцева), тогда въ душахъ самообладающихъ сыновей пасторовъ поднялось что-то доходившее до раздѣленія души съ тѣломъ...

Думается, приведенныхъ примѣровъ довольно, чтобы въ средней и высшей степени образованія людей нѣмецкой и русской культуры можно было признать и снисходительно уважить большое и характерное различіе, и во имя этой разницы не укорять ихъ одного другимъ и не наказывать одного «предпочтеніемъ натуры другаго».

Рекомендуемое «предпочтеніе» можетъ быть оказалось бы болѣе у мѣста на низшихъ степеняхъ культурнаго развитія. Въ низшихъ слояхъ общественности, гдѣ по нашему народному выраженію «люди въ наукахъ не зашлись», натура беретъ свое сильнѣе, и тутъ мы, можетъ быть, въ состояніи указать черты, которыя могутъ заставить «предпочитать» насъ прочимъ. Въ самомъ дѣлѣ—примитивности въ насъ больше и самый «византійскій отблескъ», лежащій на нашей религіозности, страстнѣе и горячѣе холодноватаго «протестантскаго культа». Но къ сожалѣнію является иное препятствіе для сравненій: нѣмецкая натура оказывается несостоятельною, чтобы усвоить всю полноту чувствъ и особенно роскошную образность представленій русской натуры съ «византійскимъ отблескомъ».

Попытаюсь для наглядности представить здѣсь маленькій разсказъ о благочестивыхъ сотоварищахъ русской и нѣмецкой природы, происхожденія скромнаго и учености самой малой—простонародной.

XXV.

Когда я въ первую свою побывку въ Ригѣ (1863 г.) жилъ, благодаря покойному генераль-губернатору Ливену, среди старовѣровъ на всей свободѣ и безъ всякихъ подозрѣній, ко мнѣ хаживали разные люди, преимущественно изъ охотниковъ поговорить о вѣрѣ. Въ числѣ моихъ гостей были два старца, плакавшіе о «государынѣ пустынѣ», хотя одному изъ нихъ пустыня, мнѣ казалось, совсѣмъ бы не годилась, ибо онъ «ковчежець» нѣкій имѣлъ и давалъ деньги въ ростъ за христіанскіе проценты—по 5% въ мѣсяць.

Но, не анализируя себя многосторонне, старикъ несмѣтенно и ростовщичествомъ занимался и «ко святымъ простирался».

Тогда незадолго покойный Д. Е. Кожанчиковъ выпустилъ нѣсколько раскольничьихъ книгъ, между которыми особенно любовью и успѣхомъ у безпоповцевъ пользовалась «Исторія выговской старообрядческой пустыни, по рукописи Ивана Филиппова». Въ повѣсти этой много своеобразныхъ, то трогательныхъ, то чудесныхъ исторій, доставляющихъ прелюбопытное чтеніе, особенно для тѣхъ людей, которымъ все это близко и родственно. То старовѣры тягостно мучатся, то они дивно спасаются, то ихъ терзаютъ Самаринъ и другіе враги внѣшніе, то появляется среди ихъ внутренней предатель «отъ чреслъ своихъ»... Все это дѣйствительно прелюбопытно. А потомъ цѣлый рядъ подвиговъ высокаго духовнаго восхожденія и образцовъ самыхъ дѣйствительнѣйшихъ молитвъ на всякій случай «отъ страха самаринскаго». Словомъ книжка такая, которую всякому хотѣлось почитать, тѣмъ болѣе, что прежде всѣ эти священныя повѣсти встрѣчались только въ рукописяхъ и потому были и очень дороги, и очень рѣдки.

Старець ростовщикъ купилъ за три рубля это (какъ они тогда называли) «изданіе Кожанчина», а другой, бѣдный старецъ, по недостаткамъ своимъ присосѣдился къ этому капиталисту и они «читали вдвоемъ, въ товарищахъ», и оба напитались благоуханіемъ «благопопѣдныхъ повѣстей» несказанно. Души ихъ порою такъ переполнялись фиміамомъ выговскихъ чудесъ, что оба старца приходили ко мнѣ выпустить излишки своихъ восторговъ, т. е. «выславиться». — Пили у меня мой чай «изъ своего стекла» и разсказывали, и вдохновлялись, вскакивали, и опять садились и книгу передо мною клали, по старому фасону «желтымъ воскомъ измѣчену», и тыкали въ нее пальцами, и прочитывали вслухъ «како, гдѣ и коими стежами богоявися Господь вѣрнымъ своимъ».

Сильнѣе и восторженнѣе религиозныхъ фанатиковъ не вдохновляется никто, но когда такое вдохновеніе дѣйствуетъ въ русскомъ раскольникѣ, онъ, въ своемъ родѣ, — загляднѣе для художника и поученіе для историческаго писателя. Какъ «нельзя не видя океана себѣ представить океанъ», такъ безъ живыхъ и, по возможности, тѣсныхъ сближеній съ раскольниками нельзя писать о расколѣ. Оттого расколъ понятнѣе у П. И. Мельникова, чѣмъ у вѣчной памяти митрополита Макарія Булгакова, и совсѣмъ непонятенъ у Щапова.

Я видалъ Авксентія Курку и другихъ знаменитыхъ штундистовъ, и близко ихъ знаю, но это совсѣмъ не то, что заматерѣлый, буквенный обрядовикъ русскаго наученія. По штундистамъ и молочанамъ словно прошелъ тихій «свѣтъ не вечерній» слова Христова — они мягче сердцемъ и увѣщанія апостола «не сваритесь» у нихъ всегда въ памяти. Штундистъ кротокъ, самообладающъ, и притомъ, онъ на столько проще раскольника, на сколько, напримеръ, «credo» Иова проще «credo» отцовъ никейскаго собора. Тутъ нѣтъ никакихъ христологическихъ споровъ, а просто «Credo quod redemptor meus vivit».

Что просто, то и неспорливо, но раскольникъ, напротивъ, простоты не любитъ, — его казуистическій умъ не можетъ довольствоваться простотою: онъ не даромъ одѣлъ своего Христа въ золотую одежду византійскихъ императоровъ; не даромъ онъ усадилъ его «не имѣвшаго, гдѣ головы приклонить» на золоченое тронное кресло, обставилъ его «предстоящими и припадающими». Словомъ, онъ на иконѣ изобразилъ цѣлый этикетъ и назвалъ это испорченнымъ китайскимъ словомъ «чинокъ». И чѣмъ больше на этомъ «чинкѣ» изображено придворныхъ, т. е. «предстоящихъ и припадающихъ», тѣмъ это раскольнику достолюбезнѣе, но за то и хлопотливѣе, ибо богочтителъ этотъ «всякой звѣздѣ воздаеть свою славу». И онъ часто до того увлекается звѣздами, что за ними забываетъ о Солнцѣ...

Нѣмцамъ такая набожность совсѣмъ не свойственна и непонятна, но иногда и среди нихъ появляются рѣдкія лица, какъ Цедергольмъ и другіе, которыхъ вдругъ такъ и потянетъ къ себѣ именно набожность русскаго человѣка.

Когда въ Россіи при Александрѣ II въ русскомъ обществѣ занялись благородныя чувства состраданія къ расколу, — то же самое затеплилось и въ нѣкоторыхъ благочестивыхъ людяхъ изъ нѣмцевъ. Имъ и прежде бывало жалко этихъ «трудолюбивыхъ и честныхъ» людей, а тутъ они захотѣли даже «облобызать ихъ какъ братьевъ во Исусѣ Христѣ» (по слову апостольскому).

Симпатіи этого послѣдняго рода свойственны были и нѣмцамъ, изъ людей не очень ученыхъ, но благочестивыхъ и добрыхъ.

Такой одинъ былъ мнѣ извѣстенъ въ Ригѣ. Онъ въ то время былъ уже старичокъ, — очень пріятный и необыкновенно чистень-

кій, въ коричневомъ сюртучкѣ и безукоризненной бѣлизны огромныхъ воротничкахъ изъ того фасона, что называются «полисонами»; звали его Генрихъ Ивановичъ. Происхожденіемъ онъ былъ откуда-то изъ маленькаго остзейскаго городка, но собственно говоря старичекъ «не имѣлъ здѣсь пребывающаго града, а искалъ грядущаго Иерусалима». Онъ былъ какой-то сектантъ безъ роду, безъ племени — привиталъ гдѣ-то въ садовой бесѣдочкѣ у одного рижскаго фотографа, и цѣлые дни бродилъ съ вышитымъ ридикюлемъ, въ которомъ у него были книги священнаго писанія на языкахъ нѣмецкомъ и латышскомъ. Русскіе евангелія тогда еще не были выпущены въ ихъ нынѣшнемъ портативномъ форматѣ.

Генрихъ Ивановичъ былъ кольпортеръ какого-то библейскаго общества (т. е. книгоноша). При этомъ онъ былъ, разумѣется, и проповѣдникъ, и даже хорошій проповѣдникъ, пріятный, убѣжденный и одаренный плѣнительною ласковостію. Его знали взрослые и дѣти, и когда бы его не завидѣли не безъ удовольствія говорили:

— Вонъ нѣмецкій старчикъ идетъ — онъ сейчасъ заведетъ чтонибудь о нерукотворенномъ Спасѣ, сказывать, какъ онъ по морю ходилъ и самъ рыбушку ловилъ.

Это непременно такъ и случалось. Поймаетъ ли Генрихъ Ивановичъ школяра или школьницу, или солдата — онъ сейчасъ возьметъ его за руку и идетъ съ нимъ вмѣстѣ куда угодно. Самъ его провожаетъ, а самъ ему толкуетъ все о Христѣ и доброй жизни. Нѣмчину этому всюду была дорога, гдѣ онъ только могъ кому-нибудь говорить о своемъ Господѣ.

Говорилъ онъ по-русски немножко смѣшно, но очень свободно и понимать его было можно, а самъ онъ понималъ русскую рѣчь вполне.

Въ русскомъ разговорѣ стараго Генриха, какъ это нерѣдко случается съ иностранцами, его постоянно путало одно облюбованное имъ русское словечко — это словечко было «понимай», которое онъ вставлялъ кстати и некстати и безъ него не умѣлъ рассказать ничего.

— Я не понимаю, говорилъ онъ, и ты не понимай, какъ о насъ нашъ Господь понимай; а Господь все понимай, что мы съ тобой сами о себѣ не понимай, и ты это понимай.

За это русскіе мальчики московскаго форштата въ шутку звали его «дѣдушка Понимай».

Вотъ этотъ-то «дѣдушка Понимай», бывшій свидѣтелемъ суворовскихъ свирѣпствъ надъ русскими раскольниками, вдругъ ощутилъ къ нимъ «братскій любовь во Іезусѣ Христусѣ» (онъ всегда произносилъ это святое имя именно такъ, — по-нѣмецки).

Русскіе простолюдины по удивительной игрѣ случая ему нравились даже съ той стороны, съ какой они князю Суворову были противны.

— Я не понимаю, говорилъ онъ, какъ онъ не понимаю, что они такіе хорошіе люди суть: они всегда работаетъ весь день и ѣсть, понимаю, одна «хлѣбушко».

Генрихъ любилъ сидѣть на бережку у пристани подѣ Гребенчиковской моленной и смотрѣть, какъ чернорабочіе старовѣры таскаютъ всякія тяжести.

— Понимай, ужасно какъ онъ трудится, весь какъ землячка чорный. Обѣдать станеть руки моеть,—это хорошо. Съ рукъ землячка съ водой течеть. Передъ вечеромъ, понимаю, зѣ мыломъ въ рѣкѣ себѣ голова моеть и изъ голова у него землячка течеть. Это очень прекрасно.

Правилось ему, что съ мужика, гдѣ ни помой, отовсюду «землячка течеть».

Чудесный старичекъ!

Генрихъ Ивановичъ точно чувствовалъ на своей душѣ какую-то родовую неправоту передъ этими простыми и часто весьма темными людьми съ сердцами добрыми, но нѣсколько раздраженными отъ долгихъ обидъ и притѣсненій.

Чуждый, какъ всѣ кольпортеры, всякихъ вопросовъ, имѣющихъ мало-мальское отношеніе къ политикѣ, онъ, однако, осуждалъ Суворова.

— Все понимаю, говорилъ онъ мнѣ, я тогда ничего ни понимаю и теперь я тоже ни понимаю, какъ это можно такъ... совсѣмъ... ohne Herz mit... съ своими братьями во Іезусѣ Христусѣ!.. А я тогда былъ такой большой озоль, что такъ понимаю будто... будимъ такъ сказать, эти люди совсѣмъ какъ идолопоклонникъ...

Наставлять «братій во Іезусѣ Христусѣ» дѣдушка Понимай понималъ только при условіи распространенія книжекъ Новаго Завѣта на живомъ русскомъ языкѣ; а таковыхъ тогда, какъ я говорю, еще не было по нынѣшней дешевой цѣнѣ. За-границею же, въ Лондонѣ, книги эти были уже изданы съ обозначеніемъ, что они воспроизведены «точно» съ бывшаго законнаго русскаго изданія, которое въ это время стало уже библиографическою рѣдкостью, но распространеніе русскихъ Евангелій лондонской печати въ Россіи было запрещено, а Генрихъ Ивановичъ ничего запрещеннаго не дѣлалъ.

Способъ распространенія евангельскаго слова былъ одинъ, если бы «братія во Христусѣ» стали гдѣ нибудь сходиться и бесѣдовать съ Генрихомъ Ивановичемъ. Онъ бы имъ все рассказалъ «какъ онъ по морю ходилъ и какъ рыбицу ловилъ», и они бы его дѣйствительно пожалуй не безъ пользы могли послушать.

Безъ сравненія въ талантливости — пересказы Генриха имѣли много сходнаго съ изложеніемъ ходящей нынче въ рукописяхъ евангельской исторіи графа Льва Николаевича Толстаго. Просто, даже

будто уже черезъ чуръ просто, а въ мозгъ и въ сердце такъ и долбить сильно и неотразимо какъ рокъ.

Читаешь какъ въ живѣ видишь,—заснешь и во снѣ оно ясно: ловилъ рыбку—уловилъ мою душу. Смилуйся удержи ее—не дай вырваться.

На душѣ легко и ново, а она давно утомилась несносною сушью, давно жаждетъ «живой воды». И вотъ она канула и чудо совершила.

Узнавъ, что я веду знакомство съ такими людьми въ расколѣ, которые имѣютъ вліяніе на прочихъ, Генрихъ Ивановичъ пришелъ ко мнѣ познакомиться. Онъ былъ въ своихъ великолѣпныхъ, сѣбѣ обѣдѣйшихъ полисонахъ и съ ридикюлемъ, полнымъ книгъ Новаго Завѣта. Посѣщеніе свое онъ объяснилъ желаньемъ «свести его съ такими, которые любятъ Писаніе».

— Мы будимъ другъ друга понимай, что всѣ мы суть братья во Іезусѣ Христусѣ, и потомъ мы будемъ вмѣстѣ читать по-русски Отче нашъ, и говорить отъ святой Евангеліумъ».

Я конечно сразу понималъ несостоятельность его доброй и трогательной затѣи, и очень желалъ его отклонить, но онъ не понималъ моихъ намековъ и настаивалъ рѣшительно. Тогда нечего дѣлать,—надо было свести его у себя со старцами.

Старцы съ перваго же слова о приглашеніи дали «признакъ рѣчи московской», какъ говорили дипломатическіе каверзники посольскаго приказа.

— О чемъ намъ говорить съ этимъ старчикомъ? (они старцы, а онъ только старчикъ) мы ихъ вѣры нѣмецкой не знаемъ, и не способны читать, чтò въ ихъ книжкахъ писано. А впрочемъ придемъ и свою книжку захватимъ.

Ничего это не обѣщало хорошаго, но однако нельзя было ожидать и того, чтò случилось.

XXVI.

Вечеромъ, за часъ до солнечнаго заката они встрѣтились: съ одной стороны ростовщикъ съ сотоварищемъ древлянаго благочестія, а съ другой дѣдушка Понимай въ своихъ обѣдѣйныхъ полисонахъ, на которыхъ съ лучезарной радостію качалась его маленькая головка. Они были каждый съ своею литературою, то есть Генрихъ Ивановичъ съ подвижнымъ складомъ крохотныхъ Евангелій, а раскольники съ томомъ «изданія Кожанчина», переплетеннымъ ради большаго благочестія въ дощечки, оклеенныя изморенной чернилами кожею.

Благочестивой книгѣ только такой окладъ и подобаеть.

Раскольники пили чай изъ своихъ стакановъ, а Генрихъ изъ

моего, и все подпрыгиваль. Ему нестерпимо хотѣлось прочесть вмѣстѣ «Отче нашъ» и затѣмъ начать излагать «проспектусъ».

Я только всемѣрно старался не допустить чтенія молитвы Господней, потому что старовѣры, разумѣется, не стали бы молиться со мною, никоніаниномъ и съ лютарскимъ еретикомъ, — а это послѣднее непременно обидѣло бы Генриха. Поэтому я самъ предупредилъ Генриха и хватилъ дѣло съ середины: я завелъ разговоръ о томъ: въ какомъ жалкомъ нравственномъ состояніи находится старовѣрческая молодежь, что пороки ея даже въ образчикъ нравственнаго паденія ставятся.

Генрихъ сейчасъ и «понимай», что надо «спасти эти души Евангеліумъ».

Старцы не спустили старчику это умствование, а «предложили» — какъ онъ судить о спасеніи: отъ себя оно у человѣка, или отъ Бога?

Генрихъ сейчасъ изъяснить имъ пошелъ по апостолу Павлу о вѣрѣ и любви.

— Понимай если мы любимъ какого друга, — мы не хотимъ сдѣлать что ему непріятно есть. Мы не хотимъ видѣть его какъ огорченнаго суть. Кто полюбитъ Іезуса Христа и тотъ никогда не станетъ огорчать Его — вотъ и начнется добрая жизнь во Христусъ».

Старовѣры выслушали и улынулись: слова «полюбить» и «огорчить» показали имъ хуленіями, которыя развѣ только и можно простить еретику.

— А намъ-де это и слушать сумнительно.

И пошли вѣщать.

— Аще бы не имѣли быхомъ на небеси святые молитвенники, и т. д. Потомъ стали приводить что «и у святыхъ отецъ писано», и «въ Лучѣ Духовномъ чтется яко и смрадъ женскій юной вдовѣ угоденъ былъ ко спасенію ея отъ блуднаго бѣса, искусившаго инока...

И пошло это своимъ московскимъ кругомъ.

Генрихъ Ивановичъ только досталъ изъ жилетнаго кармана точеную коробочку и положилъ въ ротъ пиперментикъ.

Потомъ опять очень вѣжливенько попомнилъ о Евангеліи...

— Имѣемъ и мы на Евангеліе, отвѣчали сотоварищи, и оно при службахъ чтется, а надо спасенія искать и въ отеческихъ книгахъ древляго правленія, какъ было за благочестивыхъ патриарховъ, потому что это для насъ путь столбовой, царскій, по которому въ небо прошли такіе мужи и жоны ихъ же недостойны бѣ весь міръ.

Я видѣлъ, что нѣмецъ ничего не понимаетъ.

— Вотъ тымъ царскимъ путемъ и тѣхъ молитвами и заступленіемъ и спасенія чаемъ, продолжали старцы. А если хочешь проникнуть души, кои за насъ подвизались, и кое имъ Бога вѣденіе

было открыто и то нынѣ можешь, ибо передаетъ нынѣ о томъ для всѣхъ изданіе Кожанчина.

Сотоварищи пощупали загнутую и измѣченную вощечкомъ страницу о подвижницѣ вдовѣ Евдокеи Лукьяновой (гл. CV, стр. 353) «иже мало зѣло на ребрахъ почивала, а денно и ношно въ молитвѣ пребывала», и безъ околичностей, дали нѣмцу читать. Тотъ зачиталъ какъ вдова «братскою пищею питалася, не искавши прибавочныхъ пищей, не имѣвши сластолюбія меду и пряниковъ, ягодъ изюмныхъ и яблоковъ, и прочихъ сладкихъ пищей отнюдь не вкушала; аще и въ гостинцахъ приплюють—больничникамъ отдавала, дабы не лишиться пищи райскія»...

Читая все это, дѣдушка Понимай протиралъ глазки, стараясь понять: къ чему тутъ «пряники» и «изюмныя ягоды» и какъ все это далеко, безъ сравненія, ниже словъ: на горѣ и смерти на крестѣ.

А сотоварищи держали свой терминъ, и побуждали: читай!

«Евдокія воды на главу живучія во общежительствѣ и на ноги не возливала во всю жизнь свою, а вшей у себя не имѣла и о семь вельми плакаше».

При этомъ извѣстїи лицо нѣмца выразило глубокое изумленіе и какъ бы растерянность. Можетъ быть ему показалось, что надъ нимъ смѣются, но онъ еще взялъ терпѣніе и читалъ дальше какъ «плакала преблаженная преогорчеваясь» что при всемъ ея цѣло-жизненномъ, неомовенномъ неопрятствѣ она «вшей у себя имѣть не сподобилась», но отъ того огорченія дошла до «тонкаго помышленія, что ей въ будущемъ вѣщѣ будутъ вши яко мыши»...

Послѣднія слова Генрихъ Ивановичъ дочиталъ уже съ трепетомъ, и въ концѣ ихъ буквально уронилъ книгу изъ рукъ и схвативъ свою шляпенку откланялся и несмотря на осенній холодъ и на свое слабое здоровье пошолъ въ рѣчку купаться, и долго, долго нырялъ и плавалъ какъ пингвинъ.

— Я не понимаю, говорилъ онъ мнѣ послѣ, какъ это понимаю, что мнѣ очень удивительное сдѣлалось.

А очень удивительное было то, что во время чтенія о блаженной Евдокеи нѣмцу по ассоціаціи идей стало казаться, будто на него изъ самой книги ползуть уже такія крупныя вши, «какъ мыши», — которыхъ старовѣрская праведница ждала себѣ въ воздаяніе только еще «въ будущемъ вѣщѣ».

— Такъ и кусай, такъ менѣ и кусай, говорилъ Генрихъ, и я скорѣй въ воду полѣзай.

Слава Богу, что не утонулъ и не заболѣлъ, бѣдный старчикъ.

А загнавшіе его въ Двину старовѣры, умствуя иначе, тихо улыбались и говорили:

— Не стерпѣлъ еретикъ силы праведницы ¹⁾).

¹⁾ Простымъ и неученымъ людямъ изъ нѣмцевъ надо вполне простить ихъ нѣкоторую брезгливость къ нѣкоторымъ пріемамъ русскаго престопаднаго

XXVII.

Я не имѣю ни одного возраженія противъ того, что «умственное и нравственное развитіе русскаго народа покоится на основахъ грековосточнаго православія и отвѣчаетъ его духу», но я не вижу, чтобы при всемъ этомъ было много шансовъ русскому простолудину взять «предпочтеніе» и подчинить себѣ протестантскую культуру нѣмца. А чего не вижу и не чувствую, о томъ и судить съ утвержденіемъ не смѣю.

Конечно я могу очень сильно погрѣшати и ошибаться, но меня согрѣваетъ надежда, что невольныя ошибки мои могутъ быть мнѣ прощены.

Въ заключеніе еще три коротенькія отмѣтки, три блика, кажется не совсѣмъ излишніе для освѣщенія набросанныхъ мною очерковъ и картинокъ.

Эти три блика, три желанія русскаго народонаселенія Остзейскаго края, которыя я слышалъ много разъ отъ многихъ здѣшнихъ русскихъ людей, и потому считаю ихъ стоящими вниманія не менѣе всякаго единоличнаго мнѣнія, хотя бы то было даже мнѣніе Самарина.

I. Никогда, ни отъ одного изъ русскихъ обывателей Остзейскаго края я не слыхалъ желаній, чтобы имъ было оказываемо «предпочтеніе». Они желаютъ только равноправія во всѣхъ отношеніяхъ, что и на взглядъ всѣхъ, кромѣ остзейской аристократіи, представляется справедливымъ и должнымъ.

II. Въ отношеніи мѣстныхъ администраторовъ русскаго происхожденія у русскихъ обывателей Остзейскаго края нѣтъ непремѣн-

благочестія,—въ числѣ коихъ есть неумыванье лица, не чесанье головы, не обрѣзыванье ногтей и нѣчто еще въ этомъ родѣ. Понятно и то, что нѣмцы не образованные считаютъ это природною чертою русскаго человѣка. Нѣмецъ не образованный или малообразованный заключаетъ такъ потому, что подобное неряшество, допускаемое въ видахъ богоугожденія, онъ видитъ только у русскихъ, но весьма странно, что то же самое охотно говорятъ люди образованные, которымъ лучшія изслѣдованія по церковной исторіи были доступнѣе, чѣмъ намъ, русскимъ. Неряшество какъ подвигъ благочестія—это совсѣмъ не русская природная черта, а такъ сказать чужеземный фанозъ спасенія, занесенный къ намъ съ византійскаго востока. Наши языческіе предки, какъ извѣстно, строили бани и въ нихъ мылись и «хлестались прутьями» въ то время, когда византійскіе новокрещенцы, передѣлывая въ своемъ вкусѣ христіанство, старались удалить людей ради спасенія души отъ всякой привычки къ опрятству. Въ синайскомъ патерикѣ (VI—VII вѣка) авва Александръ плачется: «отцы наши никогда не умывали лица, а для насъ открыты народныя бани. Горе мнѣ дѣти,—потеряли мы житіе ангельское». То же, если не суровѣе, наблюдали надъ собою восточныя женщины, даже не инокини, а мірянки.

наго желанія имѣть людей русскаго рода. Можетъ быть оно когда-то было, и говорятъ будто было именно при назначеніи Суворова «русскаго князя», но потомъ совершенно прошло.

III. Идеаль мѣстнаго правителя у образованныхъ русскихъ обывателей Остзейскаго края, — не скажу есть ли теперь, но утвердительно могу сказать, что онъ былъ въ шестидесятыхъ годахъ.

Теперь, надѣюсь, объ этомъ можно свободно говорить, потому что и желаніе это конечно позабылось, да и тотъ, чье имя было при этомъ именовано, отошелъ въ страну, откуда путникъ къ намъ не возвращался. Съ самымъ большимъ сочувствіемъ здѣсь говорили о Пироговѣ.

Да; какъ бы это кому ни показалось невѣроятнo, но дѣло было такъ: и умъ людей образованныхъ и инстинктъ протонародный выражалъ самое наибольшее довѣріе этому человѣку, котораго здѣсь знали совсѣмъ не какъ врага нѣмцевъ, и не боялись, что у него между нѣмцами были друзья.

Н. Лѣсковъ.

ОТЗЫВЫ СОВРЕМЕННОКЪ О ПУШКИНѢ.

(Къ матеріаламъ для его біографіи.)

ОСЕНЬЮ 1882 года, мнѣ были переданы въ Симбирскѣ племянникомъ Н. М. Языкова, Павломъ Александровичемъ Языковымъ, всѣ бумаги покойнаго поэта—большой ящикъ, въ которомъ заключалось болѣе пуда литературной переписки. Послѣ смерти Федора Васильевича Чижова (1877 г.), взявшагося написать біографію Николая Михайловича, и для этого потребовавшаго къ себѣ всѣ его бумаги, переписка была возвращена въ Симбирскую губернію и хранилась въ имѣніи П. А. Языкова, въ селѣ Анненковѣ, до помянутой осени 1882 года.

Письма были приведены въ порядокъ и собраны по годамъ еще братомъ поэта, Александромъ Михайловичемъ Языковымъ.

Въ предлагаемой статьѣ я воспользовался изъ нихъ лишь тѣми выдержками, гдѣ говорится о Пушкинѣ, рассчитывая, что для публики небезынтересенъ взглядъ современниковъ поэта на его характеръ и талантъ. Я, по возможности, строго держался хронологической послѣдовательности, чѣмъ и объясняется мѣстами нѣкоторая отрывочность изложенія.

Личное знакомство Языкова съ Пушкинымъ состоялось только въ 1826 году. До этого времени онъ зналъ лишь брата поэта, Льва Сергѣевича. Съ нимъ и Баратынскимъ судьба свела его одновременно въ Дерптѣ, лѣтомъ 1823 года. Пушкинымъ онъ постоянно

интересовался, какъ человѣкомъ нѣсколько загадочнымъ и какъ извѣстнымъ поэтомъ, стихи котораго расходились въ то время по рукамъ въ безчисленномъ количествѣ грамотныхъ и безграмотныхъ списковъ. Такъ, мы знаемъ, что осенью 1820 года Татариновъ, впоследствии тоже дерптскій студентъ, привезъ въ Петербургъ полную коллекцію стиховъ Пушкина, и Языковъ, извѣщая объ этомъ родныхъ, обѣщался переписать неизвѣстныя пьесы и привезти къ нимъ въ Симбирскъ.

Изъ русскихъ профессоровъ въ Дерптѣ Языковъ сошелся на первыхъ порахъ съ Перевощиковымъ. Они вмѣстѣ читали, бесѣдовали о прочитанномъ и Перевощиковъ, какъ человѣкъ, обладавшій большими знаніями, оказывалъ извѣстное вліяніе на молодого человѣка, готовящагося вступить въ университетъ. Чтеніе нѣмецкихъ авторовъ: Шиллера, Гёте и Лессинга, вообще основательное знакомство съ германской литературой, заставляли его относиться очень строго къ произведеніямъ молодой русской словесности, въ томъ числѣ, конечно, и къ Пушкину. Первыми понятіями объ эстетикѣ, первымъ развитіемъ вкуса, Языковъ обязанъ Перевощикову. На многое тогда смотрѣлъ онъ глазами своего профессора. «Онъ» пишетъ о немъ Николай Михайловичъ къ брату, въ декабрѣ 1822 года, «говорить про Пушкина, что въ его поэмахъ видно большое дарованіе, но что онъ не имѣютъ полного эстетическаго достоинства; что въ поэзіи также какъ въ сапожномъ ремеслѣ труднѣе скроить вѣрно, чѣмъ сдѣлать хорошій рантъ».

Спрашивая брата Александра читалъ ли онъ пьесу Пушкина «Къ войнѣ»¹⁾, Языковъ находитъ стихотвореніе, какъ всегда, довольно хорошимъ, «за то, пишетъ онъ, ни начала, ни середины, ни конца, нѣчто чрезвычайно романическое; но вѣрно въ Петербургѣ ее хвалятъ».

Изъ этихъ немногихъ строкъ видно съ какой мѣркой подходилъ Языковъ къ оцѣнкѣ Пушкина.

Съ 1822 года, интересъ къ творцу «Руслана» и «Кавказскаго плѣнника» все растетъ: въ письмахъ Языкова къ роднымъ все чаще и чаще встрѣчаются отзывы о вновь выходящихъ произведеніяхъ, слухи о томъ гдѣ Пушкинъ, что дѣлаетъ, что пишетъ и пр.

Въ концѣ зимы 1823 — 24 года, Языковъ прочелъ въ Дерптѣ полный списокъ «Бахчисарайскаго фонтана» и пишетъ о немъ, отъ 2-го марта 1824 года, слѣдующее:

«Эта поэма едва ли не худшая изъ всѣхъ его прежнихъ. Есть нѣсколько стиховъ прекрасныхъ, но вообще они какъ-то вялы, невыразительны и даже не такъ гладки, какъ въ прочихъ его стихотвореніяхъ. Что-то, каковъ будетъ его романъ въ стихахъ «Ев-

¹⁾ См. соч. Пушкина, 1880 года, т. I, стр. 384.

«Истор. вѣстн.», декабрь, 1883 г., т. XIV.

геній Онѣгинъ»? Его тоже, какъ и «Бахчисарайскій фонтанъ», впередъ расхваливаютъ, чтобы также не обманутся»...

Съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ, когда книгопродавецъ Сленинъ прислалъ ему печатный экземпляръ поэмы, Языковъ перебрѣнилъ о ней свое мнѣніе.

«Какое глупое предисловіе!», пишетъ онъ къ брату Александру, «прежде читаль я его (т. е. «Бахчисарайскій фонтанъ») въ спискахъ и притомъ женскихъ, а женщины не знаютъ ни стопосложенія, ни грамматики, и тогда стихи показались мнѣ недальняго достоинства; теперь вижу, что въ этой поэмѣ они гораздо лучше прежнихъ, уже хорошихъ. Жаль, что Пушкинъ мало, или лучше сказать, совсѣмъ не заботится о планахъ ¹⁾ и характерахъ и приводитъ много положеній совсѣмъ ненужныхъ и лишнихъ; напри- мѣръ, зачѣмъ сидитъ Гирей? Зачѣмъ такъ много рассказывать о эвнухахъ? Зачѣмъ купаются жены Гирея? Притомъ, характеръ нѣсколько ясный только Маріи, а важнѣйшія лица: самъ ханъ и Зарема—одинъ вовсе не изображенъ, а другая чуть чуть; а этаго мало для полнаго прекраснаго цѣлаго. Впрочемъ, какая красота въ описаніяхъ! Какая живость красокъ! Перевоициковъ замѣчаетъ, что у этой поэмы голова преогромная, а туловище съ ноготокъ! И сверхъ того, онъ же замѣчаетъ, что изъ всѣхъ сочиненій Пушкина онъ видитъ, что онъ самъ не имѣетъ характера и постоянныхъ правилъ нравственности, приводя латинскую пословицу: *Qui proficit in litteris et deficit in moribus, plus deficit quam proficit* ²⁾.

Въ письмѣ отъ 24-го мая, Языковъ передаетъ, какъ слухъ, что Пушкинъ прислалъ въ Петербургъ первую часть поэмы въ родѣ «Шильдъ Гарольда» и «Донъ-Жуана-Онѣгина», въ которой есть описаніе Крыма и Бессарабіи. Осенью того же 24-го года, онъ получаетъ отъ поэта извѣстное посланіе:

«Издревле сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуетъ».

Пушкинъ ждетъ его въ мѣстѣ своего заключенія, въ Михайловскомъ. Языковъ не знаетъ, что отвѣчать ему и даже говорить въ одномъ мѣстѣ по поводу приглашенія, что «съ ними вязаться лишь грѣхъ, суета». Очевидно, знакомство съ Пушкинымъ, человѣкомъ находящимся подъ надзоромъ полиціи, онъ считаетъ не совсѣмъ безопаснымъ и колеблется.

Пушкина многіе въ то время считали человѣкомъ неблагона- мѣреннымъ.

¹⁾ Этотъ недостатокъ сознавалъ и самъ Пушкинъ, что видно изъ одного письма 1824 года. См. А. С. Пушкинъ въ его поэзіи, стр. 134.

²⁾ Смыслъ латинской фразы тотъ, что литературные успѣхи, при отсутствіи нравственныхъ началъ — не успѣхи.

«Евгеній Онѣгинъ» болѣе чѣмъ не понравился молодому поэту. Онъ говоритъ, что не желалъ бы сочинить то, что знаетъ изъ «Онѣгина». Считая его за самое худое произведеніе Пушкина, онъ пишетъ къ брату Александру, въ концѣ февраля 25-го года, что мы русскіе мѣряемъ умственные творенія все маленькимъ аршиномъ. «Какъ мало», говоритъ Языковъ, «наше великое, ничтожно-значительное и низко-возвышенное, если взглянуть на него, зная Гете и Шиллера».

Онъ утверждаетъ, что мы, русскіе, только думаемъ, что равны имъ, отчасти потому, что не имѣемъ понятія объ истинной поэзіи. «Есть люди», говоритъ онъ, «которымъ часто кажется божественнымъ и высокимъ то, что нѣмцы называютъ *das Erhabene des Unsinnns*». «Если Пушкинъ, продолжаетъ Языковъ, изображаетъ себя подъ именемъ лица, разговаривающаго съ поэтомъ, то не дай Богъ злomu татарину быть Пушкинымъ! Мысли ни на чемъ не основанныя, вовсе пустыя и софизмы минувшаго столѣтія очень видны въ «Онѣгинѣ» тамъ, гдѣ поэтъ говоритъ отъ себя; тоже и въ предисловіи» ¹⁾... Почти въ одно время съ первой пѣсней «Онѣгина» вышелъ и «Чернецъ» Козлова. «Дай Богъ, чтобы онъ былъ лучше «Онѣгина»! восклицаетъ Языковъ, два мѣсяца спустя послѣ приведеннаго письма.

Вторая глава «Онѣгина» понравилась ему не больше первой. Онъ читалъ ее въ рукописи.

«То же отсутствіе вдохновенія, пишетъ онъ 24-го мая 1825 года, та же рифмованная проза, которою такъ простосердечно восхищаются наши цѣнители и судьи. Вотъ уважать кого должны мы на безлюдьи!»

Позже, осенью того же года, Языковъ отзывается о второй части «Онѣгина» нѣсколько снисходительнѣе, — утверждая лишь, что она совершенно лишена, также какъ и первая, того, что нѣмцы называютъ *Numot* и «что одно могло бы, какъ мнѣ кажется, дать занимательность и поэтизмъ этому роду сочиненій».

«Онѣгина» оцѣнили по достоинству не журналы и не образованный классъ читателей, а публика средняго уровня. Она первая поняла ту поэзію обыденной жизни, которую Пушкинъ такъ мастерски затронулъ въ своемъ романѣ; поняла Татьяну и полныя простой прелести картины родной природы. У нея не было пройденной школы, которая бы мѣшала вѣрности перваго впечатлѣнія.

Н. М. Языковъ, человекъ обладавшій несомнѣннымъ литературнымъ вкусомъ, человекъ русскій въ полномъ смыслѣ этого

¹⁾ Шестьдесятъ лѣтъ спустя, Блотьеръ, авторъ статьи о нашемъ Некрасовѣ (*Le nihilisme poétique*), говоритъ о Пушкинѣ тоже, что онъ («*Byron russe*») *est fortement imbu de tendances françaises et imitant à l'occasion Voltaire*. См. газету «*Le Temps*» 1883 года (февраль и мартъ).

слова, и тотъ не могъ сразу разобраться въ Пушкинѣ, когда появился его «Онѣгинъ». Не говоря уже о томъ, что онъ сильно увлекался въ это время нѣмецкими классиками, въ особенности Шиллеромъ, самый строй языковской лиры былъ совершенно иной: на болѣе торжественный ладъ. Онъ былъ отголоскомъ Державина, которому, какъ русскому поэту, принадлежала первая любовь Николая Михайловича. Жуковский и Карамзинъ занимали вторыя мѣста.

Пушкинъ вообще, на взглядъ общества, и писалъ и поступалъ не такъ, какъ принято. Судя по различнымъ отзывамъ о немъ — можно заключить, что его считали одни — за чудака, другіе — за безумца, третьи — за пустаго человѣка. Не отрицали только талантъ.

Нечего далеко ходить за примѣрами: тотъ же Языковъ, по поводу извѣстнаго письма Пушкина къ Ивану Филиповичу Мойеру¹⁾, пишетъ къ брату Александру слѣдующее: «Вотъ тебѣ анекдотъ (?) про Пушкина. Ты вѣрно слышалъ, что онъ боленъ аневризмомъ; его не пускаютъ лечиться дальше Пскова, почему Жуковский и просилъ здѣшняго извѣстнаго оператора Мойера туда къ нему съѣздить и сдѣлать операцію. Мойеръ, разумѣется, согласился и собирался уже въ дорогу, какъ вдругъ получилъ письмо отъ Пушкина, въ которомъ сей просить его не пріѣзжать и не беспокоиться о его здоровьи. Письмо написано очень учтиво и сверкаетъ блестящими самолюбія. Я не понимаю этого письма Пушкина. Впрочемъ, едва ли можно объяснить его правилами разсудка».

Между тѣмъ, дѣло объясняется очень просто: Пушкинъ не хотѣлъ лечиться у Мойера потому, что надѣялся получить позволеніе ѣхать лечиться за границу²⁾.

Поэтическимъ приглашеніемъ Пушкина Языковъ, какъ мы уже знаемъ, воспользовался лишь два года спустя, лѣтомъ 1826 года.

«Вотъ тебѣ новость», пишетъ онъ брату, 5-го мая этого года, «о мнѣ самомъ: въ началѣ лѣтнихъ каникулъ я поѣду на нѣсколько дней къ Пушкину. Кромѣ удовлетворенія любопытства познакомиться съ человѣкомъ необыкновеннымъ, это путешествіе имѣетъ и цѣль политическую».

9-го іюня, онъ пишетъ брату Петру Михайловичу, завѣдывавшему его денежными дѣлами: «Жду денегъ, чтобы отправиться къ Пушкину», а 23-го іюня извѣщаетъ его уже изъ Тригорскаго: «Я, что называется, перевернулся и теперь тамъ, гдѣ желалъ быть, и хвала за то Провидѣнію! 28-го іюля, онъ пишетъ изъ Дерпта: «Вотъ уже четыре дня, какъ я здѣсь. Лѣто провелъ въ Псковской губерніи у г-жи Осиповой и провелъ въ полномъ удовольствіи».

¹⁾ Отъ 25-го іюля 1825 года. См. соч. Пушкина 1882 г., т. VII.

²⁾ О намѣреніи Пушкина тѣмъ или инымъ путемъ бѣжать изъ Россіи см. «А. С. Пушкинъ въ александровскую эпоху», П. Анненкова, глава VII.

Такимъ образомъ, Языковъ прожилъ въ обществѣ Пушкина и его сосѣдей по имѣнію цѣлый лѣтній мѣсяць. О первой встрѣчѣ съ поэтомъ, о подробностяхъ знакомства съ нимъ, писемъ, къ сожалѣнію, не уцѣлѣло — по крайней мѣрѣ, въ той обширной перепискѣ, которая у насъ въ рукахъ, ихъ нѣтъ. Нѣтъ никакихъ сомнѣній, что письма эти были: самъ Языковъ упоминаетъ о томъ въ письмѣ къ брату, отъ 11-го августа 26-го года.

Долгое пребываніе вмѣстѣ сблизило обоихъ поэтовъ настолько, что, въ концѣ лѣта помянутаго года, у Языкова началась переписка съ Пушкинымъ. Она представлялась Н. М. очень любопытнымъ дѣломъ. «Дай Богъ только, чтобы не вмѣшалась въ нее земская полиція», говоритъ онъ смѣясь.

Въ письмѣ Александра Михайловича Языкова, отъ 23-го сентября 1826 года, къ брату Петру Михайловичу передается радостное извѣстіе, что Пушкинъ привезенъ на казенный счетъ въ Москву и освобожденъ.

Въ запискѣ, наскоро набросанной изъ деревни ¹⁾, Пушкинъ, въ восторгѣ отъ присланнаго «Тригорскаго», извѣщаетъ Николая Михайловича, что царь освободилъ его отъ цензуры и что надо печатать «Годунова».

Въ ноябрѣ (число не выставлено) Языковъ проситъ брата Александра познакомиться съ Пушкинымъ, когда тотъ пріѣдетъ въ Петербургъ. «Этимъ благословеннымъ поступкомъ, пишетъ онъ, ты меня сильно удовлетворишь»; и повторяетъ свою просьбу еще разъ, 26-го декабря, говоря, что Пушкинъ, кажется, поѣхалъ изъ деревни въ Петербургъ. Отъ милостей, оказанныхъ государемъ Пушкину, Языковъ ждетъ благодѣтельныхъ послѣдствій для литературы. Онъ пишетъ брату (29-го декабря 1826 г.), что «Годунова» Пушкинъ читалъ ему въ деревнѣ, говоритъ, что эта трагедія лучше всего прежняго и «вообще, подвигъ знаменитый».

По поводу письма Пушкина отъ 21-го ноября ²⁾, Н. М. Языковъ пишетъ къ брату, 2-го января 1827 года: «Не въ охулку сказать почтенному поэту, а участвовать въ журналѣ дѣло не поэтическое».

Московская жизнь закружила Пушкина: зима прошла шумно и весело. Поэтъ читалъ друзьямъ своего «Бориса» и встрѣтилъ общія похвалы. Больше двухъ мѣсяцевъ Языковъ не получалъ отъ Пушкина ни одной строки, такъ что пишетъ 31-го марта къ брату: «Не слышно ли чего о Пушкинѣ? «Богъ знаетъ чего не можно предполагать для объясненія сего молчанія».

Въ апрѣлѣ, Пушкинъ написалъ къ Языкову (въ бумагахъ Нико-

¹⁾ См. Сочиненія Пушкина, т. I, 1855, стр. 173, гдѣ Анненковъ приводитъ въ примѣчаніи только первую половину записки.

²⁾ Согласно съ оригиналомъ самого Пушкина.

лая Михайловича письма этого не сохранилось) и приглашалъ его на лѣто въ деревню. Въ маѣ, наконецъ, было получено давно ожидаемое разрѣшеніе на проѣздъ въ Петербургъ; въ іюнѣ Пушкинъ уже на берегахъ Невы, а 14-мъ іюнемъ помѣчено его второе посланіе къ Языкову, въ Дерптъ:

«Къ тебѣ собирался я давно,
Въ нѣмецкій градъ, тобой воспѣтый»...

Въ Петербургѣ онъ познакомился и съ братомъ поэта Языкова, Александромъ Михайловичемъ. При первомъ же свиданіи, онъ сказалъ ему, что ждетъ Николая Михайловича въ Тригорское.

«Радуюсь, что ты знакомишься съ Пушкинымъ. Онъ напрасно ждетъ меня въ Тригорское», пишетъ Языковъ брату Александру 22-го іюня 1827 года, не желая отрываться отъ своихъ дерптскихъ занятій.

Самъ Пушкинъ попалъ въ деревню, гдѣ его ждали цѣлое лѣто, только къ осени. «Онъ, какъ пишутъ», сообщаетъ Языковъ (19-го августа), «помирился съ отцомъ своимъ и видно хочетъ вплотную жить съ своей музой». Въ октябрѣ разносится слухъ, что Пушкинъ пишетъ въ деревнѣ исторію Петра I и Александра I.

«Илличевскій ¹⁾ кажется не знаетъ по-польски, Пушкинъ—тоже; какъ же они пускаются въ переводы съ польскаго? Чудны дѣла твои, Господи!» восклицаетъ Языковъ по поводу перевода изъ Мицкевича ²⁾. Основываясь на числѣ, выставленномъ на письмѣ къ брату Александру Михайловичу (18-го января 1828 г.), отрывокъ изъ Валленрода, помѣщенный въ изданіи Соч. Пушкина 1880 года, безъ помѣты,—въ отдѣлѣ стихотвореній за 1828 годъ, слѣдуетъ отнести къ 27-му.

«Пушкинъ написалъ много новаго, между прочимъ поэму «Стенька Разинъ», пишетъ Языковъ къ брату 7-го марта 1828 года. Эта «поэма», какъ онъ называетъ ее по слухамъ, была цѣлымъ рядомъ извѣстныхъ намъ «Пѣсенъ о Стенькѣ Разинѣ» въ талантливой обработкѣ поэта ³⁾. Пушкинъ не первый годъ собиралъ и записывалъ въ тетрадь словесные памятники народнаго творчества: сказки, пѣсни, обороты рѣчи и проч. «Видно онъ», продолжаетъ Языковъ, «много занимается своимъ дѣломъ. Слава и честь ему, и счастье—блаженство! А я многогрѣшный!»

Языковъ въ это время самъ интересовался русскими сказками и читалъ сборникъ Чулкова. Онъ говоритъ, что, ознакомившись

¹⁾ Одинъ изъ трехстепенныхъ стихотворцевъ того времени, товарищъ Пушкина по лицу.

²⁾ См. «Отрывокъ изъ Конрада Валленрода». Сочин. Пушк., т. II, стр. 251.

³⁾ Часть ихъ была напечатана два года назадъ въ газетѣ «Русь». То, что напечатано въ ней—принадлежитъ самому Пушкину, а не записано имъ отъ народа. Замѣчаніе г. Незеленова въ его книгѣ о Пушкинѣ (стр. 193) вѣрно лишь относительно пѣсенъ, помѣщенныхъ въ газетѣ «Порядокъ».

съ ихъ духомъ, можно написать произведеніе «самостоятельное, своенародное, а не *mixtum compositum*, подобно Руслану и Людмилѣ».

На послѣдняго многіе смотрѣли тогда, какъ на поэму въ народномъ духѣ; совсѣмъ иначе, какъ намъ извѣстно, смотрѣлъ на нее самъ авторъ, и судя по тому, что во второй половинѣ 20-хъ годовъ написаны имъ «Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ» или «Поэма о Разинѣ», оказывается, что нашъ великій поэтъ опередилъ чаянія своихъ современниковъ, создавши первый образчикъ пѣсенъ чисто въ народномъ духѣ, передъ которыми выпущенныя имъ позже сказки являются уже сравнительно слабыми, полушуточными произведеніями, за исключеніемъ «Золотой рыбки» и въ особенности «Балды».

Стихотвореніе «Къ друзьямъ» ¹⁾, написанное Пушкинымъ въ отвѣтъ на нападки за стансы: «Въ надеждѣ славы и добра, гляжу впередъ я безъ боязни», очень не понравилось Языкову. «Стихи Пушкина «Къ друзьямъ», пишетъ онъ 20-го сентября 1818 года, «просто дрянъ. Эткими стихами никого не выхваляешь, никому не польстишь, и доказательствомъ тонкаго вкуса литературнаго въ нынѣ царствующемъ государѣ есть то, что онъ не позволилъ ихъ напечатать». «Стансы» Пушкина были пересланы Языкову братомъ А. М. еще осенью 1827 года, вмѣстѣ съ какой-то солдатской пѣсней. Николай Михайловичъ интересовался знать, «что именно написалъ нашъ русскій Байронъ къ государю, нынѣ благополучно царствующему». «Между нами будь сказано», писалъ онъ тогда, «стихи его слишкомъ холодны. Солдатская пѣсня въ своемъ родѣ лучшее, но и въ ней есть кое-что неприличное: стихи для рифмы, выраженія неумѣстныя».

Еще болѣе строго отнесся онъ, какъ мы видимъ, къ оправданію Пушкина передъ друзьями, появившемуся много мѣсяцевъ спустя.

Александръ Михайловичъ Языковъ продолжалъ пересылать брату изъ Петербурга въ Дерптъ вновь появившіеся стихи Пушкина, Баратынскаго и другихъ. Въ бытность свою въ Петербургѣ, Пушкинъ, случалось, пользовался его частыми сношеніями съ Николаемъ Михайловичемъ, какъ оказіей. Такъ, въ началѣ ноября 1828 года, Николай Михайловичъ получилъ отъ него черезъ брата «Онѣгина» и черепъ. Такой же черепъ посланъ былъ Пушкинымъ въ 1827 году любимцу—Дельвигу, съ извѣстнымъ посланіемъ въ стихахъ и прозѣ.

Братья Языковы переписывались часто, иногда раза по два въ недѣлю; къ сожалѣнію, письма Александра Михайловича къ брату Николаю, вплоть до конца 30-хъ годовъ, уничтожены нѣсколько

¹⁾ См. Соч. Пушкина, 1880, т. II, стр. 177.

лѣтъ тому назадъ, по какимъ-то семейнымъ причинамъ. О величинѣ этой переписки можно судить по тому, что уцѣлѣло. Вмѣстѣ съ интимными подробностями, чисто семейнаго характера и поэтому не представляющими интереса для публики, пропало съ нею несомнѣнно и много такого, утрата чего невознагражима. Александръ Михайловичъ отличался замѣчательной наблюдательностью; умѣлъ въ нѣсколькихъ словахъ очертить фizioномію человѣка, мѣтко обрисовать его характеръ, и былъ очень остроуменъ. Всѣ эти качества разительно выступаютъ, когда читаешь его живую лѣтопись симбирской провинціальной жизни—сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ. Вѣроятно, много было въ этихъ письмахъ къ брату и о Пушкинѣ.

Осенью 1828 года, Пушкинъ написалъ «Полтаву». Первое извѣстіе о ней завезъ въ Дерптъ проѣзжавшій за границу юноша—Соболевскій, «пріятель, обожатель, бирючъ и gastfreund Пушкина», какъ называетъ его Н. М. Языковъ. Онъ обрадовалъ послѣдняго извѣстіемъ о новой поэмѣ «Мазепа», поэмѣ, которая лучше всѣхъ, написанныхъ до этого. Кромѣ того, по его рассказамъ, Пушкинъ написалъ множество балладъ, пѣсенъ и сказокъ, часть которыхъ должна появиться въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ».

О той же поэмѣ, отъ 3-го ноября 1828 года, сообщаетъ Ал. Мих. Языкову и Василій Дмитріевичъ Комовскій ¹⁾: «Пушкинъ написалъ «Мазепу» въ трехъ главахъ, какъ говорятъ одни, а по словамъ другихъ три главы «Мазепы». Въ томъ же письмѣ онъ хвалитъ «Утопленника» и говоритъ, что ему не по вкусу разговоръ поэта съ чернью.

Намъ неизвѣстно, какое впечатлѣніе произвела «Полтава» на Н. М. Языкова: 1829 годъ не богатъ его письмами, и о Пушкинѣ нѣтъ въ нихъ положительно никакихъ извѣстій. Въ этотъ годъ, почти одновременно, оба поэта, и Пушкинъ и Языковъ, разъѣхались въ разные концы Россіи: одинъ — на Кавказъ, другой — въ Симбирскъ. Для Языкова 1829 годъ былъ однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ во многихъ отношеніяхъ: онъ принужденъ былъ отказаться отъ мысли сдать университетскій экзаменъ, сильно задолжалъ и рѣшился бросить Дерптъ, порядкомъ ему наскучившій. Въ бумагахъ Н. М. мы нашли одно письмо, помѣченное 19-мъ февраля 1829 года, и полученное имъ изъ Москвы, отъ Киселева. Въ немъ есть, нелишенная интереса, замѣтка о Пушкинѣ и его поэмѣ. «Пушкинъ, пишетъ Киселевъ въ Дерптъ, живетъ въ одномъ домѣ со мною, у Демута. Онъ помышляетъ о напечатаніи «Мазепы», но игра занимаетъ его болѣе, и одинъ пріѣздъ твой можетъ обратить его на путь истины...»

¹⁾ В. Д. Комовскій—правитель канцеляріи министерства народнаго просвѣщенія, редакторъ старинныхъ актовъ и переводчикъ (Менцеля и Шлегеля).

Пробѣль о «Полтавѣ» и о тѣхъ толкахъ, которые она возбудила въ образованной публикѣ, пополняется изъ переписки А. М. Языкова съ В. Д. Комовскимъ. Вотъ что пишетъ первый, отъ 18-го іюня 1829 года, въ Петербургѣ, отвѣчая на письмо Комовскаго, не сохранившееся въ бумагахъ Николая Михайловича: «Полтава» дѣйствительно никуда не годится. Странно, что Пушкинъ такъ важнаетъ въ предисловіи и такъ не важенъ въ поэмѣ. Видно журналисты наши начинаютъ замѣчать, что въ Пушкинѣ ничего нѣтъ общаго съ Байрономъ и что онъ, Пушкинъ,—не геній. Ему вѣрно не понравилось званіе послѣдователя, которое даетъ ему «Сынъ Отечества». Въ Петербургѣ его хотятъ разжаловать, но учтиво и, если можно, съ его спроса; въ Москвѣ напротивъ («Атеней» и «Вѣстникъ Европы») придираются безъ всякой деликатности, на чтѣ онъ могъ бы отвѣчать какъ нибудь благороднѣе, а не пошлыми эпиграмами...»

«Пушкинъ такъ спустился, пишетъ Комовскій, что въ «Полтавѣ» слѣшилъ незавидную повѣсть. Хотя онъ и подшучиваетъ надъ Аладьинымъ ¹⁾, однакожъ, кажется, читая «Полтаву», будто онъ повѣсть Аладьинова только въ стихи переложилъ...»

Говоря передъ этимъ о «Выжигинѣ», онъ утверждаетъ, что «Выжигинъ» въ прозѣ тоже, что «Евгеній Онѣгинъ» въ поэзіи, только хуже написанъ. «Евгеній Онѣгинъ, Эдда (Баратынскаго), Чернецъ (Козлова), Борскій (Подолинскаго) и самъ Донъ-Жуанъ не предметы для поэмъ». Комовскій считаетъ всѣ эти произведенія порожденіемъ окружающей современной жизни, которая чужда поэзіи, неспособна возбудить истинное вдохновеніе и дать свободу фантазіи, «безъ дѣятельности коей нѣтъ поэзіи». По его мнѣнію, такія поэмы составляютъ переходную ступень къ истинному роману — эпопее. «Кто ихъ герой? пишетъ онъ къ А. М. Языкову, безчувственный Евгеній, равно глухой и для добродѣтели и для порока, монахъ-убійца... развратный графъ, прокрадывающійся въ спальню чужой жены, для полученія оплеухи (и то еще слава Богу!). Прямымъ доказательствомъ того, что самъ авторъ «Онѣгина» ничего не имѣлъ противъ опредѣленія рода, къ которому слѣдуетъ отнести его произведеніе, служить самое названіе: «романъ въ стихахъ», выставленное въ заголовкѣ.

Весной, 1830 холернаго года, Языковъ поселился въ Москвѣ, въ домѣ Елагиныхъ, у Красныхъ воротъ. «Пушкинъ у Весселя ²⁾ часто бываетъ, пишетъ Александръ Михайловичъ къ сестрѣ Прасковѣ Михайловнѣ Бестужевой ³⁾, онъ — большой забавникъ и доставляетъ намъ много удовольствія...»

¹⁾ Литераторъ того времени и издатель «Невскаго Альманаха».

²⁾ Весселемъ братья Языковы звали Николая Михайловича.

³⁾ У Николая Михайловича, кромѣ братьевъ Петра и Александра, были еще сестры: Прасковья Михайловна и Екатерина Михайловна; послѣдняя вышла въ оплѣдствіи за А. Ст. Хомякова.

Въ концѣ апрѣля, Н. М. шлетъ домой первое извѣстіе о томъ, что Пушкинъ «женится на Гончаровой, старшей изъ трехъ сестеръ, красавицѣ и хорошо образованной». 23-го іюня, онъ пишетъ брату въ Петербургъ: «Пушкинъ ускакалъ въ Питеръ печатать «Годунова». Свадьба его будетъ въ сентябрѣ...»

Ал. Мих., въ свою очередь, увѣдомляетъ объ этомъ Комовскаго, въ письмѣ отъ 5-го августа, прибавляя, что «видно «Годуновымъ» Пушкинъ намѣренъ сыграть свою свадьбу».

Свадьба и выходъ «Годунова» въ одинаковой степени интересовали всѣхъ знавшихъ поэта. 1830 годъ былъ для Пушкина однимъ изъ самыхъ суетныхъ и вмѣстѣ плодотворныхъ. Онъ все время разбѣжалъ по дѣламъ изъ Петербурга въ Москву, изъ Москвы въ Нижегородскую деревню и обратно, такъ что трудно за нимъ услѣдить, и осенью много писалъ.

«Пушкинъ здѣсь, пишетъ Н. М. изъ Москвы, 28-го августа. Свадьба его еще не скоро совершится: недавно скончался его дядя, Василий Львовичъ Пушкинъ, извѣстный сочинитель «Буянова» и т. д. «Годуновъ» на дняхъ выйдетъ».

Въ концѣ августа Пушкинъ уѣхалъ въ Нижній осматривать деревню, которую ему отдалъ отецъ, и заложить ее; по крайней мѣрѣ, такъ объясняетъ причину его отъѣзда Н. М. Языковъ, въ письмѣ отъ 5-го сентября. До половины декабря, Пушкинъ жилъ въ Балдинѣ, гдѣ написалъ двѣ главы «Онѣгина», нѣсколько драматическихъ отрывковъ, полемическихъ статей и проч.

Его внезапный отъѣздъ породилъ слухи, что будто бы свадьба разстроилась, что онъ просто скрылся отъ невѣсты. Другіе утверждали, что онъ просто не совсѣмъ поладилъ съ ея матерью и уѣхалъ на время попользоваться свободой. Слухи эти болѣе или менѣе, какъ мы знаемъ, были близки къ правдѣ.

22-го октября, Николай Михайловичъ пишетъ брату Александру: «Свадьба Пушкина не состоялась: его Мадонна ¹⁾ выходитъ за князя Давыдова». Двѣ недѣли спустя онъ опровергаетъ этотъ слухъ, какъ невѣрный.

«Годунова», наконецъ, разрѣшили къ печати. Комовскій написалъ объ этой новости Александру Михайловичу въ письмѣ отъ 22-го октября. «Ему (т. е. Пушкину), пишетъ въ отвѣтъ Языковъ, давно пора это сдѣлать, чтобы утвердить свою репутацію на чемъ нибудь болѣе прочномъ, нежели ефемерныя порожденія нашего русскаго, пошлаго духа времени».

14-го января 1831 года, умеръ Дельвигъ. 28-го, Н. М. Языковъ пишетъ изъ Москвы брату: «Вчера совершалась тризна по Дель-

¹⁾ См. соч. Пушкина, 1880 годъ, томъ II, стр. 296, стихотвореніе Мадонна Оно было посвящено невѣстѣ.

виѣ. Вяземскій, Баратынскій, Пушкинъ и я, многогрѣшный, обѣдали вмѣстѣ у Яра, и дѣло обошлось безъ сильнаго пьянства».

Черезъ мѣсяцъ, онъ сообщаетъ брату, что 18-го февраля Пушкинъ женился благополучно и прибавляетъ, что наканунѣ этого торжественнаго дня «у Пушкина былъ дѣвишникъ, такъ сказать, или лучше сказать, пьянство прощальное съ холостой жизнью».

Давно ожидаемый «Борисъ» вышелъ изъ печати. Его встрѣтили холодно и онъ плохо раскупался.

«Пушкинъ, пишетъ Н. М. Языковъ, 11-го февраля 1831 года, точно издалъ его слишкомъ и слишкомъ поздно. Добро бы хоть онъ въ эти пять лѣтъ поправилъ его, а то все прежнее и все вообще не то, чего ожидать слѣдовало».

Слова эти какъ-то странно звучатъ послѣ того сочувственнаго отношенія, которое встрѣтило «Бориса» въ Москвѣ, пять лѣтъ назадъ.

Александръ Михайловичъ Языковъ, слышавшій «Бориса Годунова» въ очень удачномъ чтеніи (вѣроятно самого Пушкина), называя это произведеніе явленіемъ совершенно необыкновеннымъ въ русской литературѣ, интересуется мнѣніемъ Комовскаго, на что тотъ посылаетъ ему свои довольно обстоятельныя замѣчанія, которыя мы и приводимъ цѣликомъ:

«Борисъ Годуновъ», пишетъ онъ, безспорно важнѣйшее явленіе нынѣшняго года и нынѣшней нашей литературы. Это первый шагъ²⁾ къ исторической драмѣ, составляющей вершину новѣйшей поэзіи, которая уже не можетъ никакъ произвести эпопеи, замѣненной для нашего времени романомъ. Въ «Борисѣ Годуновѣ» нѣтъ драматическаго, или, лучше сказать, театральнаго интереса. Пушкинъ не проникъ въ глубокое значеніе той исторической эпохи, которую предпринялъ изобразить, не постигъ ея идею и не изобразилъ ее со всею живой очевидностью и стройнымъ единствомъ въ многообразіи, не раскрылъ въ полнотѣ и съ совершенствомъ душу человѣка и характеры историческіе, но набросалъ прекрасныя очерки, провелъ передъ нами бѣглыя сцены, показалъ намъ наскоро отрывки великаго событія, если можно такъ сказать, предоставилъ намъ самимъ дополнить многое недостающее. Языкъ необыкновенно хорошъ. Можно также упрекнуть и Б. Годунова въ томъ, въ чемъ повиненъ Ю. Милославскій, т. е. въ сихъ твореніяхъ эпоха самая бѣдственная для нашего отечества изображена такъ, что въ семь изображеній чаще приходится смѣяться, чѣмъ сътовать. Это и доказываетъ, что поэтъ не совсѣмъ принялъ ее къ сердцу».

Затѣмъ Комовскій перечисляетъ замѣченныя имъ несообразности въ дѣйствіяхъ лицъ:

²⁾ Подчеркнуто въ оригиналѣ.

«Князю Шуйскому, говоритъ онъ, если онъ увѣренъ, что Борисъ приметъ вѣнецъ, не должно ничего говорить о немъ дурнаго, иначе зачѣмъ отпираться отъ словъ послѣ? Зачѣмъ ни прежде сцены съ конемъ, ни послѣ, Димитрій не показываетъ ни малѣйшаго легкомыслія, которое, по исторіи, должно въ немъ быть. Разговоръ у фонтана съ Мариною, о которомъ я прежде слышала много въ похвалу, показался мнѣ слишкомъ длиннымъ и безъ всякаго движенія. Пустою уловкою, неловкимъ *coup de théâtre*, нахожу я то, что Гришка кинжаломъ прокладываетъ себѣ дорогу къ окну, изъ котораго выпрыгиваетъ».

На эти строія и мѣстами очень вѣрныя замѣчанія, А. М. Языковъ пишетъ Комовскому большое письмо, въ началѣ котораго говоритъ, что «если бы стихотворство какой нибудь націи ограничивалось единственно предметами совершенно новѣйшими, драматическими картинами нравовъ, безъ вымысла поэтическаго, повѣствованіями, заимствованными изъ случаевъ общежитія, и остроумными стихотвореніями на случай, то едва ли было бы возможно, или нужно, трудиться надъ исторіею или критикою такого стихотворства, точно такъ какъ ефемеръ лѣтняго вечера нельзя дѣлать предметами анатомическихъ изслѣдованій...» Вотъ справедливый приговоръ и повѣстямъ Баратынскаго и «Онѣгину», и многому прочему!

Затѣмъ, переходя къ «Годунову», онъ сходится съ Комовскимъ въ общности впечатлѣнія, не отрицаетъ неполноты изображенія характеровъ и проч. «Но, пишетъ Ал. Мих., это первый шагъ, и большой. Языкъ готовъ; можетъ быть Пушкинъ обдумаетъ еще что нибудь подробнѣе, живѣе и проникнетъ глубже, что совершенно необходимо для картины столь разнообразной, обширной и трудной, какъ историческая драма. Не худо ему почитать и почитать, да и подумать побольше!»

Статья Пушкина (подъ вседонимомъ Косичкина): «Торжество дружбы» ¹⁾, очень понравилась своей злой смѣхотворностью Николаю Михайловичу Языкову, а Комовскаго привела почти въ негодованіе. Въ письмѣ къ А. М., отъ 16-го октября 1831 года, онъ говоритъ, что стыдно Пушкину писать такія вещи, и удивляется понятіямъ этихъ господъ о литературѣ и литературныхъ приличіяхъ. «Позволительно ли, пишетъ онъ, въ насмѣшку надъ живымъ еще человѣкомъ, называть себя публично его другомъ? Конечно, Пушкину хотѣлось еще болѣе осмѣять Булгарина, но бѣднаго Орлова употребилъ онъ какъ орудіе, которымъ можно располагать какъ заблагоразсудится, какъ будто тотъ и не долженъ смѣть сказать что нибудь противъ такого литературнаго самодержавія...»

¹⁾ Телескопъ 1831 года, № 13. Соч. Пушкина. 1880 г.

По его мнѣнію, Бугаринъ только разсерженъ, а Орловъ—обиженъ.

Осенью, въ Москвѣ прошелъ слухъ, что Пушкинъ сдѣланъ исторіографомъ Петра. Поводомъ къ этому слуху послужило разрѣшеніе, данное поэту государемъ, рыться въ архивахъ и бібліотекахъ. Н. М. Языковъ, въ письмѣ къ брату, отъ 4-го октября, смѣется надъ легковѣріемъ первопрестольной. Изъ письма Комовскаго, писаннаго нѣсколько позже (октября 16-го)—слухи подтверждаются. Онъ пишетъ, что государь велѣлъ Пушкину написать исторію Петра Великаго и рассказываетъ по этому поводу даже какъ это случилось. Пушкинъ встрѣтился съ государемъ въ царскосельскомъ саду и на предложенный вопросъ: «почему онъ не служитъ?» отвѣчалъ:— «Я готовъ, но кромѣ литературной службы не знаю никакой». Тогда государь приказалъ ему сослужить службу—написать исторію Петра Великаго.

А. М. Языковъ въ письмѣ изъ Уфы, отъ 4-го ноября 1831 года, не вѣритъ, чтобы Пушкинъ написалъ эту исторію, хотя бы даже и рѣшился. «Главное, достанетъ ли у него терпѣнія читать и думать? Впрочемъ, пусть пишетъ, только бы писалъ!»

Узнавъ изъ Москвы отъ брата Н. М. о томъ, что Пушкинъ только и говоритъ что о Петрѣ, «котораго не возлюбяетъ», что онъ много уже собралъ и еще соберетъ новыхъ свѣдѣній въ своей исторіи, много открылъ, сообразилъ, освѣтилъ и пр., А. М. съ прежнимъ недоувѣріемъ къ усидчивости и знаніямъ Пушкина, пишетъ 31-го декабря Комовскому: «Теперь онъ (Пушкинъ) за все хватается». «Въ исторіи Петра есть гдѣ разуму разгуляться и почему разбѣжаться глазами, да столько работы совсѣмъ не по Пушкину!» «Странно, пишетъ онъ дальше, встрѣча его въ семь дѣлѣ съ Свербѣвымъ, но Свербѣвъ сдѣлаетъ больше: у него вѣрно будетъ новое».

Въ началѣ ноября 1831 года, должны были выйти въ свѣтъ повѣсти Бѣлкина. Н. М. Языкову они не особенно понравились; В. Д. Комовскому—тоже. Первый, находя «Выстрѣлъ» и «Барышню-крестьянку» удачнѣе другихъ повѣстей, говоритъ, что Баратынский рассказалъ ему «Выстрѣлъ» несравненно стройнѣе и лучше самого Пушкина; второй не находитъ въ нихъ ни дурнаго, ни хорошаго, но прибавляетъ въ письмѣ къ Н. М. отъ 17-го ноября, что можетъ быть не сумѣлъ оцѣнить ихъ по достоинству, потому что передъ этимъ не задолго читалъ «Вечера на хуторѣ» Гоголя. «Поживя въ такой тѣсной связи съ вѣдьмами и колдунами, не заслушаешься москаля, который думаетъ, что и Богъ вѣсть какъ игриво его воображеніе, создавшее высокій вымыселъ о пьяномъ гробовщикѣ, который во снѣгъ угощаетъ мертвецовъ».

Въ первой половинѣ декабря 1831 года, Пушкинъ былъ въ Москвѣ и читалъ отрывки изъ своихъ сказокъ Н. М. Языкову. «Это не его родъ», пишетъ Языковъ брату, отъ 16-го декабря — «Пуш-

кинъ» читаемъ дальше, «говорить что онъ сличилъ всѣ донинѣ напечатанныя русскія пѣсни и привелъ ихъ въ порядокъ и сообразность, зане вѣдь онѣ издавались безъ всякаго толку; но онъ кажется хвастаетъ.»

22-го декабря 1831 года, Пушкинъ выѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, что видно изъ письма Н. М. Языкова къ брату А. М., помѣченнаго этимъ числомъ. «Между нами будь сказано, пишетъ Н. М., онъ пріѣзжалъ сюда по дѣламъ не чисто литературнымъ, или вѣрнѣе сказать, не за дѣломъ, а для картежныхъ сдѣлокъ, и находился въ обществѣ самомъ мерзкомъ: между шелкоперами, плутами и обдиралами ¹⁾. Это всегда съ нимъ бываетъ въ Москвѣ. Въ Петербургѣ онъ живетъ опрятнѣе. Видно, братъ, не права пословица: женится—перемѣнится!»

Во взглядѣ на сказки Пушкина и Жуковскаго, Комовскій расходится съ Николаемъ Михайловичемъ. Ему больше нравится сказка Пушкина (Салтанъ): въ ней онъ не видитъ той искусственности, какая у Жуковскаго.

«Жуковскій, пишетъ онъ къ Н. М. ²⁾, какъ сказочникъ, обрился и пріодѣлся на новый ладъ, а Пушкинъ—въ бородѣ и армякѣ. Читая «Спящую царевну», нельзя забыть, что ее читаешь; читая же сказку Пушкина, кажется будто слушаешь рассказъ ея по русскому обычаю для того, чтобы сонъ нашелъ».

Тутъ же прибавляетъ онъ, что сказка «О попѣ толоконномъ лѣѣ и работникѣ его Бадѣ», не можетъ увидѣть свѣтъ ни по наименованію, ни по содержанию своему...

На вопросъ Комовскаго, нравится ли ему сказка Пушкина (о царѣ Салтанѣ), Александръ Михайловичъ пишетъ, что она порядочно рассказана, но не вполне удовлетворяетъ требованіямъ людей знакомыхъ съ нашей сказочной литературой. При этомъ онъ, какъ на лукавое мудрствованіе стихотворца, указываетъ на дѣйствующихъ въ сказкѣ насѣкомыхъ. «Мы сличимъ его, пишетъ онъ 6-го іюня, съ подлинникомъ и васъ подробно обо всемъ увѣдомимъ».

Александръ Михайловичъ, по просьбѣ брата Николая, уже давно собиралъ народные стихи, пѣсни и сказки; слѣдовательно, какъ судья, былъ вполне компетентенъ въ данномъ случаѣ. Пушкинъ очень цѣнилъ его взгляды; также относился къ нему впоследствии и Гоголь.

Лѣтомъ 1832 года, распространился слухъ о томъ, что Пушкинъ хочетъ издавать газету. Н. М. Языковъ сообщаетъ брату, что государь велѣлъ Нессельроде доставлять Пушкину извѣстія, что га-

¹⁾ Въ 1831 году Пушкинъ списывался о карточныхъ долгахъ своихъ Догоновскому и Жемчужникову, съ П. В. Нащокинымъ. См. соч. Пушкина 1882 года т. VII.

²⁾ 25-го апрѣля 1832 года.

зета будетъ политико-литературная, что она разрѣшена и Пушкинѣ приглашаетъ въ нее его и П. Кирѣевского. Газета, по словамъ послѣдняго, должна была выходить ежедневно и быть величиною съ «Journal des Débats».

Александръ Михайловичъ радуется, что за изданіе газеты берется Пушкинѣ, а не кто другой. «Она все же будетъ, пишетъ онъ Комовскому 13-го сентября 1832 года, лучше «Молвы» и «Пчелы»; а у насъ на Руси и за это слава Богу!»

Пересуды и толки о Пушкинской газетѣ шли долго, а сама газета не появлялась. Вотъ что пишетъ по этому поводу Комовскій, отъ 16-го ноября:

«Онъ (Пушкинѣ) разладилъ съ Сомовымъ ¹⁾ за благоразумное присвоеніе почтеннымъ Орестомъ Михайловичемъ денегъ, которыя выручилъ отъ изданія «Сѣверныхъ цвѣтовъ», вслѣдствіе чего должность повѣреннаго и хлопотуна отнята у Ореста и въ оную обличенъ Наркизъ Отрешковъ». «Для пушкинскаго изданія вербуетъ онъ всѣхъ и каждого, заводитъ типографію и въ то же время фабрику для немедленнаго перевода и изданія лучшихъ иностранныхъ книгъ». «Получилъ и я вызовъ сдѣлаться фабричнымъ на заводѣ Отрешкова. За симъ слѣдуетъ заключеніе тако: Пушкинѣ и журналъ, или газета, его не иное что какъ вздоръ! Но вотъ что было бы не вздоромъ, по крайней мѣрѣ для кармана Пушкина: Гречъ предлагалъ ему по 1,000, или по 1,200 руб. въ мѣсяць, если онъ вступитъ въ «Сѣверную Пчелу» и «Сынъ Отечества» и слѣдовательно введетъ за собою и всю знаменитую ватагу. Не смотря на то, Пушкинѣ отказался, дабы не ѣсть изъ одной чашки съ Ѳ. Булгаринимъ. Это въ немъ похвально».

Гречъ въ то время распространялъ слухъ, что Пушкинѣ хочетъ войти въ соглашеніе съ нимъ и Булгаринимъ и работать за одно въ «Сѣверной Пчелѣ»; а изъ «Сына Отечества»—сдѣлать нѣчто вродѣ англійскихъ обозрѣній. Еще въ началѣ февраля 1832 года, вѣроятно на основаніи такого рода слуховъ, Николай Михайловичъ пишетъ изъ Москвы къ брату: «Пушкинѣ, кажется, примиряется съ Булгаринимъ. Sic transit gloria mundi!»

Совершеніе такого факта было бы тѣмъ болѣе странно, что еще въ 1829 году составлена была оппозиція противъ Полеваго—Гречъ и Булгаринъ, «участниками которой были провозглашены: Пушкинѣ, Баратынскій, Подолинскій, Сомовъ, Вяземскій, Титовъ, В. Одоевскій, Н. Языковъ и др.

«Пушкинѣ былъ недѣли двѣ въ Москвѣ», пишетъ П. В. Кирѣевскій Н. М. Языкову, отъ 12-го октября 1832 года, «и третьяго дня уѣхалъ. Онъ учится по еврейски, съ намѣреніемъ переводить Гова и намѣренъ какъ можно скорѣе издавать русскія пѣсни, ко-

¹⁾ Орестъ Мих. Сомовъ—издатель «Подсѣжника» и «Сѣверныхъ цвѣтовъ».

торыхъ у него собрано довольно много». Кирѣевскій думаетъ даже послать Пушкину копію съ своего собранія.

Въ письмахъ Н. М. Языкова за 1832 годъ ¹⁾ есть небольшой анекдотъ о Пушкинѣ, изъ московской жизни поэта. И. И. Дмитріевъ въ одно изъ своихъ посѣщеній англійскаго клуба, на Тверской, замѣтилъ, что ничего не можетъ быть страннѣе самаго названія: московскій англійскій клубъ. Случившійся тутъ Пушкинъ, смѣясь сказалъ ему на это, что у насъ есть названія еще болѣе странныя, «какія же?» спросилъ Дмитріевъ «а императорское человѣколюбивое общество?» отвѣталъ поэтъ ²⁾.

Этотъ анекдотъ о Пушкинѣ единственный во всей перепискѣ.

Въ 1833 году, вышель «Онѣгинъ». Изданіе было дурно напечатано и пущено въ продажу по 12 руб. ассигнаціями, вмѣсто прежнихъ сорока. «Все таки жидовски дорого», по замѣчанію Комовскаго. По выходѣ въ свѣтъ этой поэмы и третьей части стихотвореній, образованнѣйшіе изъ читателей, тщетно отыскивая въ прежнихъ произведеніяхъ поэта черты индивидуальнаго характера, стоящія вниманія, замѣчаютъ преобладаніе грустной насмѣшливости. Въ одномъ изъ писемъ Комовскій говоритъ, что «у Пушкина видна досада, неудовольствіе на литературный черный народъ» и повидимому этимъ отчасти хочетъ объяснить грустно насмѣшливый тонъ многихъ произведеній поэта, писанныхъ, когда уже ему минуло тридцать лѣтъ.

Въ августѣ 1833 года, съ планомъ исторической повѣсти въ головѣ, Пушкинъ, послѣ продолжительной работы въ архивахъ, уѣхалъ изъ Петербурга на востокъ осматривать тѣ мѣста, гдѣ дѣйствоваль Пугачевъ, дѣло о которомъ его очень занимало.

Въ «Матеріалахъ» П. В. Анненкова говорится ³⁾, что Пушкинъ, посѣтивъ по дорогѣ Казань, выѣхалъ изъ нея 8-го сентября и 12-го былъ въ селѣ Языковѣ ⁴⁾, Корсунскаго уѣзда, Симбирской губерніи, имѣніи, принадлежавшемъ Николаю Михайловичу Языкову, а 14-го выѣхалъ уже изъ Симбирска, по направленію къ Оренбургу. Затѣмъ мы имѣемъ свѣдѣнія, что Пушкинъ оставилъ Оренбургъ 23-го сентября и черезъ Саратовъ и Пензу возвратился 2-го октября въ свое Нижегородское Болдино.

¹⁾ Письмо къ брату А. М. отъ 18-го февраля 1832 года.

²⁾ Анекдотъ этотъ относится къ концу 1831 года, какъ это видно изъ помнутаго письма Н. М. Языкова.

³⁾ Въ усадьбѣ села Языкова живетъ теперь богатый еврей-фабрикантъ, Степановъ, которому, если не ошибаюсь, принадлежитъ и самое имѣніе. Можетъ быть въ недалекомъ будущемъ языковскому дому, видѣвшему въ своихъ стѣнахъ Пушкина, грозитъ тоже, что и глинкавской усадьбѣ—какъ знать?

⁴⁾ См. соч. Пушкина, 1855 года, т. I, стр. 372.

По свѣдѣніямъ, которыя даетъ Анненковъ выходить, что Пушкинъ былъ въ селѣ Языковѣ всего разъ (12-го сентября); на самомъ же дѣлѣ онъ былъ въ немъ два раза. Въ первый прїѣздъ, онъ не засталъ хозяевъ и проѣхалъ въ Симбирскъ; о второмъ прїѣздѣ на обратномъ пути съ Урала имѣется письменное свидѣтельство обоихъ братьевъ Языковыхъ.

«Вчера», пишетъ Александръ Михайловичъ, отъ 1-го октября 1832 года, къ Комовскому, «былъ у насъ Пушкинъ, возвращавшійся изъ Оренбурга и съ Яика въ свою нижегородскую деревню, гдѣ пробудеть мѣсяца два, занимаясь священнодѣйствіемъ передъ алтаремъ Камень. Онъ ѣздилъ-де собирать изустныя и письменныя извѣстія о Пугачевѣ, исторіей времени котораго будто бы теперь занимается. Изъ питерскихъ новостей онъ прочиталъ намъ свою сказку Гусаръ (ее купилъ дескать у него Смирдинъ за 1,000 рублей сто стиховъ ¹). Дѣло идетъ о похожденіи малороссійской вѣдьмы; написана она весьма живо и занимательно. Знаете ли вы что Гоголь написалъ комедію Чиновникъ? Изъ нея Пушкинъ сказалъ намъ нѣсколько пассажей чрезвычайно острыхъ и объективныхъ. Мы отъ него первые узнали, что онъ и Катенинъ избраны членами Россійской академіи и что послѣднее производитъ тамъ большой шумъ, оживляя симъ сонныхъ толкачей (sic), іереевъ и моряковъ. Во второй уже разъ дошло до того, что ему прочли параграфъ устава, которымъ велѣно выводить изъ засѣданія членовъ непристойно себя ведущихъ. Старики видятъ свою ошибку, но дѣлать уже нечего: зло посреди ихъ; вѣковое спокойствіе нарушено навсегда, или по крайней мѣрѣ надолго».

Изъ разсказа самаго Пушкина объ академіи наукъ видно, что онъ не особенно серьезно смотрѣлъ на труды и обязанности ученаго сословія, какъ то утверждаетъ П. В. Анненковъ ²).

И такъ Пушкинъ былъ во второй разъ въ Языковѣ 29-го сентября 1833 года. Онъ засталъ дома всѣхъ трехъ братьевъ и познакомился со старшимъ изъ нихъ, П. М. Языковымъ. Онъ ему очень понравился.

Семейное преданіе разсказываетъ, что Александръ Сергѣевичъ засталъ братьевъ Языковыхъ одѣтыхъ по домашнему, въ халатахъ, и на первыхъ же порахъ пристыдилъ и разбранилъ ихъ за азіатскія привычки. Пробылъ онъ въ Языковѣ почти два дня, которые прошли очень весело, и уѣзжая далъ обѣщаніе быть зимой въ Симбирскѣ.

30-го сентября, Пушкинъ выѣхалъ изъ Языкова въ Болдино. Лѣтомъ 1833 года, стихи Николая Михайловича были собраны въ тетрадь и рукопись отослана въ Петербургъ для печати, къ Комовскому,

¹) У Анненкова показано 2,000. См. стр. 393.

²) См. стр. 359 его «Матеріаловъ».

«Истор. вѣстн.», декабрь, 1883 г., т. XIV.

который взялся быть редакторомъ и принялъ на себя всѣ хлопоты по изданію. Въ письмѣ А. М. Языкова, отъ 1-го октября, есть небольшая приписка поэта Языкова, въ которой онъ спрашиваетъ Комовскаго, правда ли, что Пушкинъ встрѣтилъ его въ книжной лавкѣ съ его стихами и кое что поправилъ въ рукописи.

Комовскій пишетъ на это, отъ 16-го октября, что не задолго до отъѣзда Пушкина на Уралъ, дѣйствительно сошелся съ нимъ у Смирдина, только что получивъ съ почты стихи Н. М.; что Пушкинъ кое что прочелъ изъ нихъ, исправилъ нѣкоторыя описки; хотѣлъ даже взять рукопись, чтобы просмотрѣть и исправить всю, но не получилъ на то разрѣшенія.

Вымысломъ Гусара Пушкинъ, по словамъ того же Комовскаго, обязанъ Оресту Сомову. «Смотрите его кievскія вѣдьмы въ Новосельѣ», пишетъ онъ А. М. Затѣмъ, говоря о принятіи Пушкина членомъ въ академію наукъ, сообщаетъ что «вслѣдъ за нимъ вошли Борька Ѳедоровъ и Панаевъ» ¹⁾.

28-го ноября, Пушкинъ вернулся изъ Болдина и привезъ съ собою по слухамъ три новыхъ поэмы. «Смирдинъ», пишетъ Комовскій отъ 10-го декабря 1833 года, «возвратившись при мнѣ отъ него въ свою лавку, съ прискорбіемъ жаловался на него: за эти три пьески, въ которыхъ-де не болѣе трехъ печатныхъ листовъ будетъ требуетъ Александръ Сергѣевичъ 15,000 руб.!. У этого барона не дурна фантазія. Онъ же написалъ какую то повѣсть въ прозѣ: или «Мѣдный Всадникъ» или «Холостой Выстрѣлъ», не помню хорошенько! Одна изъ этихъ пьесъ прозой, другая въ стихахъ».

«Пушкинъ правъ, продавая въ три-дорога свои стихи. Съ торгашами такъ и должно», пишетъ на это въ отвѣтъ Александръ Михайловичъ.

Отвлеченный другими работами, Пушкинъ, какъ видно, раздумалъ издавать сборникъ народныхъ пѣсень, и всѣ матеріалы, изъ разныхъ рукъ, стали понемногу стекаться въ Москву, къ П. В. Кирѣевскому. Признавая громадное значеніе русской народной поэзіи, Пушкинъ ограничился теперь обѣщаніемъ написать къ сборнику свое предисловіе.

Новый, 1834 годъ, Пушкинъ встрѣтилъ въ званіи камеръ-юнкера; графъ Хвостовъ одинъ изъ первыхъ извѣстилъ Н. М. Языкова о томъ, что Пушкинъ «сіяетъ въ златошвейномъ кафтанѣ».

Эта новость удивила всѣхъ. «Ты вѣрно замѣтилъ въ газетахъ», пишетъ 17-го января Кирѣевскій Н. М. Языкову, «что Пушкинъ камеръ-юнкеръ!! Когда онъ проѣзжалъ черезъ Москву, его никто почти не видалъ. Онъ пробылъ здѣсь только три дня и никуда не показывался, потому что ѣхалъ съ бородой, въ которой ему хотѣлось показаться женѣ. Уральскихъ пѣсень, обѣщанныхъ передъ

¹⁾ Владиміръ Ив. Панаевъ, авторъ извѣстныхъ «Идиллій».

отъѣздомъ туда, онъ, кажется, ни одной не привезъ, по крайней мѣрѣ мнѣ не присылалъ».

Въ началѣ февраля 1833 года, когда уже рукопись Пугачева была представлена на разсмотрѣніе государя, А. М. Языковъ передавалъ Пушкину черезъ Комовскаго, что Д. Давыдовъ рекомендуетъ бытописателю челоуѣка обладающаго любопытнѣйшими матеріалами о самозванцѣ, помѣщика Бузулуцкаго уѣзда, села Могутова, Ивана Григорьевича Пыхачева. Языковъ просилъ К. сообщить объ этомъ Пушкину «если Пугачевъ все еще не на шутку его интересуетъ».

Узнавъ что исторія Пугачева уже написана, А. М. сильно сомнѣвается. «Пушкинъ, повидимому, важничаетъ, пишетъ онъ къ Комовскому 21-го апрѣля. Странно какъ онъ успѣлъ такъ скоро состряпать исторію Пугачева! Вѣрно будетъ тра-та-та!»

«Пушкинъ свою повѣсть ¹⁾ плохо сладилъ, пишетъ онъ дальше. Въ ней всего лучше эпиграфы, особенно атанде-съ».

Въ началѣ осени, Пушкинъ, проѣздомъ въ Болдино, пробылъ нѣсколько дней въ Москвѣ. А. И. Языковъ пишетъ 13-го сентября къ Комовскому о своемъ намѣреніи заѣхать къ Пушкину въ деревню, причемъ опять въ недоумѣніи спрашиваетъ, правда ли что Пугачевъ уже напечатанъ.

Въ Болдино онъ заѣхалъ 26-го сентября, всего на нѣсколько часовъ, и звалъ Пушкина въ Языково, на свою свадьбу. Поэтъ, при всемъ желаніи, не могъ однако исполнить его просьбы, ссылаясь на то, что у него жена и дѣти.

«Онъ мнѣ показывалъ, пишетъ Языковъ, исторію Пугачева (она недурна кажется), нѣсколько сказокъ въ стихахъ, въ родѣ Ершова, и исторію рода Пушкиныхъ».

Въ Болдинѣ, осенью 1834 года, у Пушкина созрѣла мысль издавать журналъ, будущій «Современникъ».

Когда Пугачевъ вышелъ изъ печати, онъ встрѣтилъ строгое осужденіе со стороны А. М. Языкова. Какъ челоуѣкъ научно образованный и склонный къ кабинетному, усидчивому труду, онъ не могъ одобрить спѣшной работы Пушкина. 15-го января 1835 года, онъ пишетъ Комовскому слѣдующій отзывъ: «Пушкинскую исторію Пугачева я прочелъ. Она написана весьма небрежно и поверхностно; замѣтно, что у него было слишкомъ мало матеріаловъ и что онъ историкъ не дальній. Почти вся 2-я часть доставлена нами».

«Пугачевъ Пушкина» пишетъ онъ мѣсяца два спустя, изъ Симбирска, «кажется, написанъ для того, чтобы скорѣе продать заглавіе. У насъ имъ очень недовольны. Что-то возгласятъ журналы?»

Приведенная выше фраза, что «почти вся 2-я часть доставлена нами» указываетъ на живое участіе въ историческомъ

¹⁾ Шикова дама.

трудъ Пушкина братьевъ Языковыхъ, имѣвшихъ возможность предоставить въ руки поэта-историка массу матеріаловъ о Пугачевщинѣ. Александръ Михайловичъ, передавая эти матеріалы Пушкину, былъ въ правѣ разсчитывать, хотя и сильно сомнѣвался, не на журнальную статью о Пугачевѣ, а на обстоятельный историческій трудъ, гдѣ бы сырые факты второй части не давили скудное содержаніе первой. Въ силу этого, въ сентябрѣ 1834 года, онъ былъ немало удивленъ исторіей Пугачева уже написанною. Опасенія Языкова оправдались: Пушкинъ слишкомъ поторопился, не успѣвъ воспользоваться указаніями Д. Давыдова и другихъ, не думавшихъ, что онъ въ нѣсколько мѣсяцевъ можетъ покончить съ такимъ важнымъ историческимъ трудомъ.

«Здѣсь толкуютъ о стихахъ Пушкина, напечатанныхъ въ «Наблюдателѣ»¹⁾, пишетъ А. М. Языковъ въ письмѣ къ Комовскому отъ 22-го января 1836 года, «и видятъ тутъ намеки на Уварова²⁾; стихи плохи (какая же дрянъ его Вастола!). Уваровъ все-таки лучше всѣхъ своихъ предшественниковъ; онъ сдѣлалъ и дѣлаетъ много хорошаго и совсѣмъ не заслуживаетъ, чтобы въ него бросали изъ-за угла грязью. Впрочемъ это нашъ либерализмъ, наша свобода тисненія!»

Сплетни и скандальные слухи, тревожившіе Пушкина, между тѣмъ, все росли и роковая развязка была недалеко. Неожиданная дуэль и затѣмъ смерть Пушкина поразили всѣхъ. Вотъ что пишетъ Н. М. Языковъ изъ Симбирска, къ сестрѣ Пр. Мих. Бестужевой, 18-го февраля 1837 года: «И здѣсь надѣлала много шуму смерть Пушкина, столь жалко погибшаго отъ руки нѣмчурки. Собираются и еще собираются служить по немъ панихиду и сдѣлать поминки. Петръ Александровичъ³⁾ привезетъ тебѣ подробное описаніе этой ужасной исторіи, сочиненное на мѣстѣ А. И. Тургеневымъ. И горько, и досадно, и жалъ!» Какъ нарочно, писемъ В. Д. Комовскаго къ А. М. Языкову, за весь 1837 годъ, нѣтъ въ бумагахъ ни одного! Комовскій, какъ человѣкъ служившій при Уваровѣ, могъ болѣе чѣмъ кто-либо знать всю грязную исторію намековъ, сплетенъ и анонимныхъ писемъ, которые привели Пушкина къ дуэли и кинули не заслуженную тѣнь на его жену. Мы принуждены поневолѣ ограничиться выдержками изъ писемъ Александра Михайловича къ Комовскому, за неимѣніемъ болѣе прямыхъ источниковъ.

А. М. жилъ всю зиму 1837 года въ Симбирскѣ и получилъ довольно подробныя свѣдѣнія о смерти Пушкина отъ А. И. Тургенева. По распоряженію послѣдняго, въ Симбирскѣ были высланы копія съ писемъ покойнаго поэта въ Москву и кн. Вяземскаго—къ Бул-

¹⁾ См. соч. Пушкина, изд. 1880 г., т. III, стр. 423.

²⁾ Уваровъ былъ тогда министромъ народнаго просвѣщенія.

³⁾ Мужъ Пр. Мих. Языковой.

гакову. Александръ Михайловичъ просить Комовскаго въ письмѣ отъ 2-го марта прислать журналы Даля и Спасскаго, вмѣстѣ съ письмомъ Пушкина къ старику Гекерну, говоря что они «важны въ дѣлѣ».

«Разумѣется Пушкинъ, пишетъ онъ, судя по послѣднимъ неудачнымъ его попыткамъ (?), умеръ во время и торжественно; вѣрно онъ самъ не желалъ лучшей смерти и не ожидалъ столь громкаго изъявленія привязанности къ нему публики. Это совершенно небывалое явленіе! Теперь ясно, что и у насъ литературный талантъ есть власть и этотъ выводъ всего важнѣе въ этомъ происшествіи».

Дальше Языковъ говорить о томъ, что уваженіе Петербурга къ Пушкину и милости, оказанныя государемъ семейству убитаго поэта, очень тронули московскихъ литераторовъ: Хомякова, Баратынскаго и друг. «Они всѣ собираются писать (теперь можно и должно)», замѣчаетъ Александръ Михайловичъ.

Комовскій незамедлил доставить Языкову письмо князя Вяземскаго и журналъ Спасскаго.

«Пушкину, пишетъ А. М., 13-го апрѣля 1837 года, слѣдовало просто уѣхать изъ Петербурга отъ этихъ подлецовъ. Этимъ онъ спасъ бы и себя и жену; во всемъ виноватъ болѣе онъ самъ, нежели толпа холостыхъ гвардіонцевъ, съ жадностью бросающихся на всякую женщину. Ихъ можно извинить: они голодны! Спасайся кто можетъ, или не сердись за послѣдствія. Много ли новаго нашли въ его бумагахъ? Тургеневъ пишетъ о какомъ-то «Мѣдномъ Рыцарѣ», который-де лучше всего прежняго, о переводѣ «Донъ-Жуана»¹⁾ и проч. Нащокинъ говорилъ о поэмѣ «Русалка». Правда ли? Вамъ должно бѣть все извѣстно. Странно, что въ объявленіи объ изданіи его сочиненій не сказано осталось ли что ненапечатанное, или нѣтъ».

«Вы совершенно дополнили наши свѣдѣнія о смерти Пушкина», пишетъ Языковъ Комовскому, 20-го апрѣля. «Теперь мы имѣемъ все, что имѣть можно, всѣ подробности, записки и наблюденія. Есть ли у васъ письма А. И. Тургенева? Я могу вамъ прислать съ нихъ списокъ. Мнѣ кажется, что эту исторію всего лучше объясняютъ слова Пушкина, приведенныя Далемъ: «Мнѣ здѣсь не житье». Гекернъ и все прочее только придирки, только удобный случай попробовать отдѣлаться отъ жизни».

«Изъ Москвы пишутъ, что будто Мицкевичъ вызвалъ на дуэль Дантеса» прибавляетъ онъ на послѣдней страницѣ своего письма.

¹⁾ Неизвѣстно, говорится ли здѣсь про «Каменнаго гостя» или про переводы изъ байроновскаго «Донъ-Жуана».

Свѣдѣнія о Пушкинѣ изъ литературной переписки братьевъ Языковыхъ ограничиваются тѣми выдержками, которыя я здѣсь привелъ ¹⁾.

Къ поэту относились строго, часто даже придирчиво, признавая однако въ немъ большой талантъ. Последняго не отрицали ни прямые враги Пушкина, не такіе нелицепріятные судьи, какъ А. М. Языковъ, говорившій про поэта, что «онъ за все хватается» «нуждается въ предметахъ гѣнія», «имѣетъ большую склонность болтать и надувать свѣтъ Божій» что «у него мало штофу» и проч.

Мы не въ правѣ винить современниковъ Пушкина въ томъ, что они не признавали въ авторѣ «Онѣгина» и «Полтавы» русскаго генія: они были къ нему слишкомъ близки; болѣе справедливаго обвиненія заслуживали люди, жившіе и писавшіе тридцать лѣтъ спустя, что Пушкинъ только версификаторъ.

Время, этотъ, по выраженію Байрона

«Единый врачъ истерзанныхъ сердець
И исправитель нашихъ заблужденій» —

произнесло уже надъ ними свой приговоръ.

Д. Садовниковъ.

¹⁾ Письма 1833 года за октябрь и ноябрь мѣсяцы.

ПРОЕКТЪ М. Д. СКОБЕЛЕВА О ПОХОДѢ ВЪ ИНДІЮ.

ПРИ РАЗБОРѢ бумагъ покойнаго князя Черкаскаго, въ числѣ лично ему принадлежащей переписки, нашлось въ высшей степени характерное письмо покойнаго М. Д. Скобелева, написанное къ одному изъ его близкихъ родственниковъ, изъ г. Кокана 26-го января 1877 года. Мы уже имѣли случай познакомить читателей «Историческаго Вѣстника» съ нѣкоторыми мнѣніями покойнаго генерала о походѣ въ Индію какъ со стороны политическихъ соображеній, такъ и съ чисто военной точки зрѣнія¹⁾. Но, печатая новый документъ, касающійся того же вопроса, мы теперь имѣемъ въ виду совсѣмъ не походъ въ Индію, какъ его проектировалъ М. Д. Скобелевъ, такъ какъ покойный и самъ къ концу своей, рано угасшей жизни отказался отъ идей, высказанныхъ въ помѣщаемомъ нами историческомъ документѣ. Нѣтъ, на этотъ разъ мы имѣемъ въ виду, такъ сказать, собственными словами Скобелева очертить его собственную, удивительно живую и энергическую личность. Какъ горячо онъ чувствовалъ, какъ искренно, активно любилъ родину, и какъ смѣло, по собственному сознанию—до безумія смѣло готовъ былъ служить ей государственными интересамъ, лучше всего видно изъ прилагаемаго ниже письма.

Печатая это письмо съ подлинника, мы должны сказать нѣсколько словъ объ его внѣшнемъ видѣ. Оно писано на довольно толстой почтовой бумагѣ, крупнымъ, четкимъ, весьма разборчивымъ почеркомъ, и, заключая въ себѣ 30 страницъ, не имѣетъ ни вставокъ ни помарокъ. Судя по помѣтѣ, письмо написано сразу въ 1 часъ 20 минутъ времени, съ 11¹/₂ часовъ вечера 26 до 1 часа безъ 10 минутъ утра 27-го января. Это уже можетъ дать понятие о быстротѣ, съ которою покойный генералъ умѣлъ работать перомъ, подготавливая имъ, по военному выраженію, все необходимое для будущаго успѣха штыковой работы. Теперь переходимъ къ самому письму.

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ» 1882 года.

Сердцемъ благодарю тебя за неизмѣнную память обо мнѣ; я благодаренъ, но не удивленъ; твоимъ содѣйствіемъ я началъ жить на поприщѣ военномъ и тебѣ обязанъ первыми впечатлѣніями самостоятельной боевой службы. Я до извѣстной степени смѣло высказываю убѣжденіе, что ты и впредь будешь интересоваться и способствовать мнѣ продолжать службу исключительно для войны, которая (а послѣ пріобрѣтенныхъ мною на службѣ успѣховъ, это стало для меня еще болѣе очевиднымъ) есть для меня въ жизни не средствомъ, а цѣлью, и притомъ единственною, заставляющею меня дорожить жизнью. Въ этомъ-то собственно и заключается исключительность моего честолюбія, не всегда для всѣхъ понятнаго. Ты, сознательно поддержавшій меня болѣе 12 лѣтъ тому назадъ, вѣроятно и теперь не откажешь мнѣ въ просьбѣ совершенно тождественнаго характера, конечно сообразно съ новыми обстоятельствами и положеніемъ, съ какою стоялъ передъ тобою кавалергардскаго полка корнетъ Скобелевъ.

Впрочемъ, просьба моя далеко не безусловна; если я и рѣшаюсь беспокоить тебя, то это потому, что глубоко убѣжденъ въ томъ, что ничего рѣшительно-серьезнаго, со стороны населенія въ Туркестанѣ, намъ ожидать нельзя, въ случаѣ войны съ Турціей и, что если мы будемъ воевать исключительно съ Турціею, или что мысль о грозномъ наступательномъ, безусловно, быть можетъ, рѣшающемъ значеніи Туркестана, въ случаѣ войны съ Англіею, еще не дозрѣла въ высшихъ сферахъ, то здѣсь оставаться въ военное время было бы слишкомъ тяжелымъ испытаніемъ.

Цѣль настоящаго письма отчасти напомнить о себѣ, о недавнемъ моемъ отвѣтственномъ боевомъ прошломъ, а, главное, высказать передъ тобою, съ полною откровенностію, чтò по моему мнѣнію и должно, и можно, предпринять изъ Туркестана, въ случаѣ рѣшительнаго разрыва съ Англіею, для торжества и величія Россіи.

Цѣль, на которую я указываю, имѣетъ великое міровое значеніе. Всякій русскій патриотъ, сознающій возможность успѣха и поставленный судьбою близко къ дѣлу, не можетъ не указать на тѣ весьма значительныя средства, которыя, позволю себѣ сказать, наше правительство случайно скопило на здѣшной окраинѣ и съ которыми, при соотвѣтствующей рѣшимости и своевременныхъ приготовленіяхъ, можно нанести Англій не только рѣшительный ударъ въ Индіи, но и сокрушить ее въ Европѣ. Все это, повторяю, при полномъ владѣніи нами Туркестанскимъ краемъ и совершенномъ обезпеченіи его въ смыслѣ операціонной базы; въ послѣднее я твердо вѣрю и имѣю слишкомъ много данныхъ, чтобы не быть убѣжденнымъ въ безусловности нашей силы и обаянія, конечно при непремѣнномъ въ Азіи, болѣе чѣмъ гдѣ

либо, условіи «не тратить словъ тамъ по пустому, гдѣ нужно власть употребить».

Сильный необходимостью исполнить въ такую серьезную для Россіи минуту свой долгъ, я подалъ записку генераль-губернатору 27-го декабря 1876 года, писалъ дядѣ Сашѣ и теперь пишу тебѣ, не думая о послѣдствіяхъ для меня лично того, что сдѣлалъ, а только моля Бога, чтобы тамъ, гдѣ слѣдуетъ, обращено было вниманіе на ту грозную, наступательную силу, которою мы владѣемъ въ Средней Азіи.

Начальникомъ Наманганскаго отдѣла я былъ назначенъ 22-го сентября 1875 года. Мнѣ же былъ порученъ отрядъ, который предназначался для дѣйствій оборонительныхъ, въ ожиданіи имѣвшихъ прибыть къ веснѣ 1876 года подкрѣпленій изъ имперіи. Положеніе дѣлъ на нашей границѣ тогда было крайне серьезное, для насъ неблагоприятное, доказательствомъ чему, между прочимъ, служить то обстоятельство, что для обороны отдѣла назначено было 18 ротъ, 8 сотенъ казаковъ, при 14 полевыхъ орудіяхъ, не считая орудій на вооруженіи.

Тотчасъ по уходѣ главныхъ силъ, подъ начальствомъ командующаго войсками округа, къ Ходженту, 16-го октября 1875 года, вся серьезность положенія ввѣреннаго мнѣ отряда стала очевидною.

Непріятель всѣми своими массами обрушивается на недооконченныя укрѣпленія Намангана 23-го октября и съ этихъ поръ начинается рядъ непрерывныхъ съ нимъ столкновеній. Результатомъ ихъ былъ сначала разгромъ Намангана и очищеніе Наманганскаго отдѣла отъ присутствія непріятельскихъ шаекъ, а затѣмъ, по обезпеченіи войскъ продовольственными средствами, начинается періодъ наступательныхъ дѣйствій: пораженіе всѣхъ наличныхъ силъ бывшаго Коканскаго ханства, въ числѣ болѣе 40 тысячъ человекъ подъ Балыкчами, 12-го ноября 1875 года, и послѣ цѣлаго ряда болѣе или менѣе кровопролитныхъ дѣлъ (28-го ноября при Гуръ-тюбе, 2-го декабря подъ Уладжибаемъ, я назову наиболѣе результатными), Наманганскій дѣйствующій отрядъ штурмуетъ во второй разъ Андиджанъ, 8-го января 1876 года, разбиваетъ послѣднія силы, выставленныя партією войны подъ Ассакѣ, принуждаетъ къ сдачѣ предводителя этой партіи Абдурахмана Автобачи и засимъ послѣ 6-ти мѣсячной кампаніи повергаетъ все бывшее Коканское ханство къ стопамъ государя императора.

Все это было годъ тому назадъ; съ этимъ временемъ и совпадаетъ назначеніе меня военнымъ губернаторомъ Ферганской области.

Понятно, что въ области оставалось очень много безпокойныхъ элементовъ. Съ цѣлью окончательнаго замиренія, войска двинуты были на Алай, гдѣ я, задавшись исключительно мирными цѣлями, дѣйствовалъ совершенно противоположно противъ прежняго. Алайскій походъ не стоилъ Россіи ни одной капли крови и мятежники

были вынуждены покинуть занимаемые или неприступныя позиціи исключительно стратегическими обходами ¹⁾, чѣмъ я полагаю въ высшей степени исполнена воля государя, столь дорожащаго кровью своихъ подданныхъ.

Что было сдѣлано по управленію, ты имѣлъ возможность усмотрѣть изъ приказа генераль-губернатора, отданнаго послѣ объѣзда имъ Ферганской области.

Само собою разумѣется, что не мнѣ распоряжаться, въ подобное время, своею судьбой и начальство лучше меня знаетъ, гдѣ наиболѣе полезно меня держать. Я раскрываю передъ тобою свое сердце на всякій случай и предупреждаю о своемъ желаніи во всякую данную минуту и въ какомъ бы то ни было положеніи идти въ дѣйствующія войска; я тѣмъ менѣе, повторяю, могу безусловно проситься изъ этого края, что твердо вѣрю въ его могучее наступательное значеніе при разрѣшеніи восточнаго вопроса.

Неоднократно высказывалось опасеніе, что Россія изъ Средней Азіи можетъ угрожать владычеству англичанъ въ Индіи и что по этому Англии необходимо теперь же принять мѣры къ удержанію наступленія русскихъ въ Туркестанѣ.

Дѣйствительно, если взглянуть кругомъ, то увидимъ, что положеніе наше здѣсь, въ Туркестанѣ, весьма грозно и опасенія англичанъ ненапрасны. Мы создали въ Средней Азіи сильную базу, съ арміей около 40 тысячъ человекъ, изъ которыхъ всегда можемъ выдѣлать для дѣйствій внѣ предѣловъ генераль-губернаторства не менѣе 10—12 тысячъ человекъ; причемъ можно ручаться за спокойствіе края, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ нѣтъ сколько нибудь серьезныхъ указаній относительно связи между мусульманами въ Турціи и въ Средней Азіи въ данный политическій моментъ.

Если боевыя средства Туркестана усилить изъ Западной Сибири хотя бы 6-ю ротами, сколь возможно большимъ количествомъ казаковъ Сибирскаго войска и одною батареей, да изъ Оренбурга 3-мя полками казаковъ, тогда можно составить корпусъ, коего приблизительно составъ будетъ равняться 14—15 тысячамъ человекъ.

Такой корпусъ, переброшенный черезъ Гиндукушъ, можетъ сдѣлать многое.

Всякій, кто бы ни касался вопроса о положеніи англичанъ въ Индіи, отзывается, что оно непрочно, держится лишь на абсолютной силѣ оружія; что европейскихъ войскъ достаточно лишь для того, чтобы держать ее въ спокойствіи и что на войска изъ туземцевъ положиться нельзя. Всякій, кто ни касался вопроса о возможности вторженія русскихъ въ Индію, заявляетъ, что достаточно одного прикосновенія къ границамъ ея, чтобы произвести тамъ всеобщее возстаніе.

¹⁾ Прик. по войскамъ округа, № 406.

Скажуть, что предпріятіе противъ англичанъ въ Индіи есть предпріятіе рискованное, что оно можетъ окончиться гибелью русскаго отряда. Я полагаю, что отъ себя и не слѣдуетъ скрывать, что это дѣло рискованное. Надо помнить только, что при полной удачѣ предпріятія мы можемъ разрушить Британскую имперію въ Индіи, послѣдствія чего въ самой Англіи заранѣе и изчислить трудно. Компетентные люди въ Англіи сами сознаются, что неудача у границъ Индіи можетъ повлечь за собою даже социальную революцію въ самой метрополи, такъ какъ за послѣдніе 20 лѣтъ тождественныя во всѣхъ отношеніяхъ съ Франціей причины и явленія (въ томъ числѣ и неспособность къ войнѣ) тѣснѣе чѣмъ когда либо связали современную Англію съ ея индійскими владѣніями. Однимъ словомъ, паденіе Британскаго могущества въ Индіи будетъ началомъ паденія Англіи. При неполномъ успѣхѣ со стороны нашей, т. е. когда въ Индіи не произойдетъ возстанія и мы не въ состояніи будемъ вторгнуться въ ея предѣлы, мы прикуемъ всю индійскую армію къ Индустану и лишимъ ее возможности выдѣлить какую либо часть ея въ Европу, даже заставимъ часть войскъ изъ Европы перевести въ Индію. Однимъ словомъ, можемъ въ значительной степени парализовать сухопутныя силы Англіи для войны въ Европѣ, или же для созданія новаго театра войны отъ персидскаго залива на Таврисъ, къ Тифлису, въ связи съ турецкими и персидскими силами, о чемъ уже съ Крымской войны мечтають англійскіе военные люди.

На необходимость участія Туркестана въ предстоящихъ событіяхъ указываетъ и то, что, въ случаѣ неудачи войны, очищеніе нами Туркестанскаго края или ограниченіе тамъ нашего положенія, неминуемы. Если мы, даже при полной неудачѣ нашихъ предпріятій, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи, докажемъ, хотя и несчастною предпримчивостью, всю возможную грозность нашего теперешняго положенія въ Средней Азіи, то, при необходимости заключить несчастный миръ, Россіи предстоитъ, быть можетъ, откупиться цѣною Туркестана, поднявшагося въ цѣнѣ.

Не можетъ быть сравненія между тѣмъ, чѣмъ мы рискуемъ, рѣшаясь демонстрировать противъ англичанъ въ Индіи и тѣми мировыми послѣдствіями, которыя будутъ достояніемъ въ случаѣ успѣха нашей демонстраціи. Громадная разница въ результатахъ въ случаѣ успѣха, существующая между нами и непріателемъ, должна побуждать насъ смѣло идти впередъ.

Когда послѣдуетъ объявленіе войны съ Англіей, то въ Туркестанѣ слѣдовало бы начать съ того, что послать немедленно посольство въ Кабуль и въ Самаркандѣ сформировать дѣйствующій отрядъ (для большаго обаянія я бы назвалъ его «армією») изъ 10-ти баталіоновъ, 14 сотенъ, до 40 орудій, всего отъ 10—12 ты-

сячь человекъ; это minimum и притомъ безусловный нашихъ наличныхъ боевыхъ наступательныхъ средствъ.

Цѣль посольства втянуть въ союзъ съ нами Ширъ-Али и войти въ связь съ недовольными въ Индіи, а чтобы переговоры достигли своей цѣли, то необходимо немедленно по сформированіи отряда, двинуть его черезъ Баміанъ къ Кабулу. Если бы Ширъ-Али, не смотря на все это, остался сторонникомъ англичанъ (на что весьма мало вѣроятіи; приглашенію его въ числѣ вассаловъ, въ Дели на празднество, по случаю провозглашенія титула «Императрицы Индіи» было имъ не принято и вообще онъ выражалъ крайнее неудовольствіе на будто бы причиненную ему этимъ приглашеніемъ обиду), то выдвинуть претендента на авганскій престолъ Абдурахаманъ-Хана, живущаго въ Самаркандѣ, и черезъ то посѣять въ странѣ междоусобную войну, а между тѣмъ изъ-подъ руки побудить Персію возобновить свои притязанія на Гератъ. Обративъ вниманіе Персіи на Афганистанъ, мы отвлекаемъ ея военныя средства отъ Кавказа; и такъ какъ движеніе персидскихъ войскъ къ Герату потребуетъ въ огромныхъ размѣрахъ продовольственныя и перевозочныя средства, то это между прочимъ будетъ самымъ дѣйствительнымъ образомъ парализировать возможный планъ англичанъ двигаться отъ персидскаго залива къ Тифлису.

Вслѣдъ за выступленіемъ дѣйствующаго отряда изъ Самарканда, въ этомъ послѣднемъ долженъ быть сформированъ новый отрядъ изъ 2-хъ баталіоновъ пѣхоты, батареи и 16 сотенъ казаковъ, какъ для занятія опорныхъ пунктовъ на нашей коммуникаціонной линіи, такъ и вообще для службы въ тылу.

Вообще, не касаясь подробностей, походъ дѣлится въ моемъ представленіи на два періода: первый періодъ дѣйствій крайне быстрыхъ, періодъ дипломатическихъ переговоровъ съ Афганистаномъ, которые необходимо поддержать наступленіемъ дѣйствующаго отряда къ Кабулу; второй періодъ по занятіи Кабула, выжидательный, во время котораго мы должны войти въ сношеніе со всѣми недовольными въ Индіи элементами, постараться дать проявленію ихъ возможно болѣе соответствующее нашимъ интересамъ направленіе (главная причина неудачи возстанія 1857 года заключалась въ недостаткѣ регуляризаціи усилій инсургентовъ) и наконецъ, и это главное, организовать массы азіатской кавалеріи, которую во имя крови и грабежа, направить въ предѣлы Индіи, въ видѣ авангарда, возобновивъ времена Тимура!..

Опредѣлять въ планѣ кампаніи дальнѣшнія дѣйствія собственно русскаго отряда изъ Кабула было бы гадательно. Въ лучшемъ случаѣ они могли бы окончиться присутствіемъ русскихъ знаменъ въ Бенаресѣ; въ худшемъ—отрядъ можетъ съ честью отступить къ Герату, на встрѣчу выдвинутымъ войскамъ съ Кавказа. Для подобнаго репли нужно нѣсколько баталіоновъ и по 6 орудій на 1,000

человѣкъ. Азіатскій непріятель, особенно туркмены въ полѣ не страшень, и даже побѣдоносная англійская армія, при движеніи къ Герату будетъ таять ¹⁾ въ значительной степени, да и выдвинуть изъ предѣловъ Индіи, при современномъ состояніи британской арміи, англичане могутъ не болѣе 25,000 человѣкъ, изъ коихъ придется оставить на опорныхъ пунктахъ довольно значительное количество. Кромѣ того, не надо забывать, что туркестанскій округъ будетъ находиться на флангѣ коммуникаціонной линіи непріятели, а наши средства по мѣрѣ приближенія къ Каспію будутъ увеличиваться.

Я уже сказалъ, что все это предпріятіе, конечно, рискованно, но оно оправдывается величіемъ цѣли, неизмѣримою результатовъ; ставъ на точку зрѣнія результатовъ, для Россіи не можетъ быть и рѣчи о рискѣ, а о Туркестанѣ не стоитъ и говорить.

Отъ войскъ, которыя будутъ осчастливлены участіемъ въ подобномъ походѣ, должно требовать бѣльшаго чѣмъ самоотверженія, даже въ высшемъ значеніи, для военного человѣка, этого слова.

Когда отрядъ перевалитъ черезъ Гиндукушъ, по моему мнѣнію, слѣдуетъ вести дѣло такъ, чтобы всякій солдатъ понималъ, что пришелъ въ Авганистанъ побѣдить или умереть; что государь отъ всѣхъ требуетъ послѣдняго!.. Что намъ не будетъ поставлено въ упрекъ если наши знамена останутся въ рукахъ непріятели, когда за Гиндукушемъ не будетъ въ живыхъ ни одного русскаго воина.

Подобное сознаніе, подобная рѣшимость въ дѣломъ отрядѣ, по моему, могутъ только опираться, въ русской арміи, на несомнѣнномъ чувствѣ для всѣхъ безпредѣльной привязанности и любви къ своему монарху. Трудная задача воодушевить отрядъ до степени, соотвѣтствующей характеру предпріятія, наилучшимъ образомъ разрѣшается присылкою въ отрядъ одного изъ сыновей государя, который, когда наступитъ время, объявилъ бы войскамъ, что отъ нихъ ожидаютъ царь и Россія. Я твердо вѣрую, что отрядъ осчастливленный присутствіемъ сына государя, сдѣлаеть чудеса и ни въ какомъ случаѣ не уронитъ имени русскаго.

Въ теченіи 10-ти лѣтняго пребыванія нашего въ здѣшнемъ краѣ, туркестанскія войска выработали себѣ цѣлую систему военныхъ дѣйствій (основанную на знаніи мѣстныхъ условій, характера противника, всегда тождественнаго во всей мусульманской Азіи, а, главное, на сознаніи своей собственной боевой годности), которая даетъ имъ возможность сознательно рѣшаться въ будущемъ на военныя предпріятія, соотвѣтствующія современнымъ боевымъ средствамъ Туркестана. Можно сказать, что теперь для насъ въ Средней Азіи, если мы будемъ продолжать дѣйствовать съ отрядами такъ, какъ

¹⁾ Безспорно, что акклиматизированныя войска Россіи гораздо способнѣе переносятъ трудности средне-азиатскаго похода, нежели англійскія. См. «History of the war in Afghanistan by John William Kaye». London. 1851.

дѣйствовали до сихъ поръ, не существуетъ болѣе неодолимыхъ преградъ. Азіатскія массы насъ могутъ только беспокоить, но нисколько не помѣшать намъ осуществлять наше намѣреніе. Мы дошли теперь до того, что при цѣлесообразныхъ систематическихъ дѣйствіяхъ, при обезпеченіи отряда орудіями и снарядами въ пропорціи, далеко превосходящей требованія европейской войны, можемъ бить въ Средней Азій почти навѣрняка, какъ въ полѣ, такъ и въ городахъ, и это, повторяю, при умѣнши, почти безъ потерь, чего такъ недавно еще не было. Однимъ словомъ, при современномъ нашемъ опытѣ, молодецкихъ войскахъ, весьма значительныхъ, какъ мнѣ кажется, боевыхъ средствахъ, нѣтъ такой Азій, которая могла бы дѣйствительно помѣшать намъ выполнить самыя широкіе стратегическіе замыслы.

Политика наша въ послѣднее десятилѣтіе возвысила міровое значеніе Россіи. Величавая дѣятельность нашего правительства, по мнѣнію англичанъ и азіатцевъ, здѣсь, въ Азій, не имѣетъ предѣловъ. Это обаяніе главнымъ образомъ и служитъ обезпеченіемъ нашего положенія. Недавно читая сочиненіе подполковника англійской службы Керри «*Shadows of coming events or the eastern menace. London, 1876*», я былъ пораженъ заявленіемъ, что онъ иначе и не представляетъ себѣ туркестанскую власть, какъ соединяющую Чарджуй на Аму-Дарьѣ съ Москвою желѣзною дорогою. Азіатцы до сихъ поръ вѣрятъ, что когда наши войска идутъ на «ура», то они плюютъ огнемъ.

Знакомство съ краемъ и съ его средствами непременно приводитъ къ заключенію, что присутствіе наше здѣсь, во имя русскихъ интересовъ, можетъ быть лишь оправдано стремленіемъ способствовать отсюда разрѣшенію въ нашу пользу восточнаго вопроса; иначе овчинка не стоитъ выдѣлки и затраты на Туркестанъ будутъ непроизводительны. Напротивъ того: весьма слѣдуетъ, казалось бы, опасаться, чтобы бездѣйствіемъ своимъ здѣсь, въ Средней Азій, въ рѣшительный моментъ на Западѣ, мы не доказали бы врагамъ всю случайность нашихъ захватовъ; это неминуемо повлечетъ за собою уменьшеніе нашего обаянія и въ будущемъ потребуетъ еще большихъ непроизводительныхъ затратъ. Повторяю, съ сорокатысячнымъ войскомъ (minimum), при умѣнши дѣйствовать, теперь еще возможно не только удержать въ спокойствіи Туркестанскій край съ Кашгаромъ и Бухарою, дѣйствующими противъ насъ въ союзъ, но смѣю высказать это увѣренно, очистить Туркестанскій край и вновь завоевать его.

Въ случаѣ нужды можно притянуть въ здѣшній край 6 сибирскихъ казачьихъ конныхъ полковъ (36 сотенъ), нѣсколько ротъ изъ Западной Сибири (6 ротъ) и батарею (8 орудій) бить можетъ полка 3 изъ Оренбурга (18 сотенъ).

Не слѣдуетъ забывать, что направивъ черезъ Гиндукушъ даже

до 16—20 тыс. человѣкъ, съ соотвѣтствующею артиллеріею, въ которой недостатка нѣтъ въ Туркестанѣ, при упомянутыхъ подкрѣпленіяхъ, для охраненія края останется около 31,800 человѣкъ, и это не трогая всю наличную силу Аму-Дарьинскаго отдѣла (2 бат. 4 сотни 8 полев. орудій) и не считая тѣхъ силъ, которыя находятся въ Закаспійскомъ краѣ.

Въ Средней Азій намъ въ будущемъ, безъ сомнѣнія, предстоитъ испытать еще многое, но для этого необходимо, чтобы подросло мусульманское поколѣніе, родившееся, увы! подъ сѣнью русскихъ законовъ; чтобы создался цѣлый классъ вліятельныхъ людей, близко насъ знающихъ и сознательно относящихся къ дѣйствительнымъ причинамъ нашей силы и успѣховъ. Извѣстный Нана-Сагибъ воспитывался въ европейской средѣ, былъ принимаемъ въ высшемъ англійскомъ обществѣ и только потому могъ быть столь грозенъ англичанамъ. Подобные элементы у насъ еще не создались. Въ этомъ заключается одно изъ нашихъ безусловныхъ преимуществъ предъ англичанами и разъ событія на Западѣ складываются рѣшительно, это важное соображеніе, въ связи со многими другими, должно побуждать насъ извлечь изъ Туркестана всю ту пользу, которую онъ въ состояніи дать.

En Asie, là ou cessent les triomphes, commencent les difficultés (lettre du duc de Wellington a lord Aucland, gouv. des Indes, 1839). Это бесспорно вѣрно — мы теперь въ смыслѣ политическомъ переживаемъ эпоху торжества и этимъ надо пользоваться.

Ты видишь, какъ много я ожидаю отъ нашей мочи въ Средней Азій; понятно, что имѣвъ счастіе продолжительное время дѣлать боевые труды съ туркестанскими войсками, я не могу желать промѣнять боевую службу здѣсь на какую бы-то ни было другую; но мнѣ было бы слишкомъ тяжело здѣсь бездѣйствовать, когда большинство нашей арміи будетъ проливать кровь за отечество на Западѣ!.. Поэтому, прошу тебя еще разъ не забывать меня въ случаѣ объявленія войны.

Тебя любящій и тебѣ благодарный **Михаиль Скобелевъ.**

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Нѣсколько приказовъ по войскамъ Ферганской области, для характеристики нашей здѣсь жизни. Прочти ихъ и не откажи подѣлиться своими, для меня столь цѣнными, впечатлѣніями.

Только что получилъ 358 № «Голоса», отъ 29-го декабря 1876 года. Изъ чтенія передовой статьи я усматриваю, что объявленіе войны со стороны Россіи Оттоманской Портѣ «представляется

событіемъ желаннымъ для нашихъ враговъ»; что «Европа запутала вопросъ и надѣется на торопливость Россіи, столь для нея (Россіи) невыгодную» и, наконецъ, что событія сложились такъ, что «рѣшительная и скорая развязка ихъ сдѣлалась совершенно немислимою».

Не таковымъ, смѣю это высказать, представляется намъ, знакомымъ съ военными средствами нашими въ Азіи, этотъ роковой восточный вопросъ, разрѣшеніе котораго должно быть страшно лишь врагамъ Россіи (прошу заранѣе извинить рѣшимость, побуждающую меня высказаться передъ тобою, я привыкъ знать, что ты, если я ошибаюсь, простишь меня ради намѣренія).

Еще въ 30-хъ годахъ, нынѣ генераль-фельдмаршалъ графъ Мольтке указывалъ на невозможность приобрѣтенія быстрыхъ и рѣшительныхъ результатовъ въ Европейской Турціи и признавалъ веденіе въ ней войны безъ помощи сильнаго флота и абсолютнаго господства на Черномъ морѣ, крайне затруднительнымъ. Какъ извѣстно, еще фельдмаршалъ князь Варшавскій, въ 29-мъ году, выразилъ сомнѣніе въ значеніи наступательныхъ дѣйствій въ Малой Азіи, за неимѣніемъ рѣшающаго предмета дѣйствій, и признавалъ таковымъ наиболѣе выгоднымъ торговые пути, соединяющіе Багдадъ съ Скутари. Но въ настоящее время, съ прорытіемъ Суэцкаго канала, и эта линія потеряла свое значеніе.

И такъ, можно казалось бы даже рѣшиться сказать, что какъ бы счастливо ни велась кампанія въ Европѣ и Азіатской Турціи, на этихъ театрахъ войны трудно искать рѣшенія восточнаго вопроса. Чистосердечное поведеніе Англіи, согласное видамъ нашего правительства, насколько я понимаю вопросъ, конечно, повело бы къ удовлетворенію законныхъ требованій нашихъ, а потому, мнѣ кажется, не слѣдуетъ раздѣлять понятія о войнѣ съ Англіей. Англія, не объявляя намъ формально войны, но посылая своихъ офицеровъ въ турецкіе ряды и помогая Турціи средствами, тѣмъ самымъ будетъ находиться съ нами въ войнѣ.

Не лучше ли воспользоваться нашимъ новымъ, могущественнымъ стратегическимъ положеніемъ въ Средней Азіи, нашимъ сравнительно гораздо лучшимъ противъ прежняго знакомствомъ съ путями и со средствами въ обширномъ смыслѣ этого слова въ Азіи, чтобы нанести дѣйствительному нашему врагу смертельный ударъ, въ томъ случаѣ (сомнительномъ), если явные признаки того, что мы рѣшились дѣйствовать по самому чувствительному для англичанъ операціонному направленію не будутъ достаточны для того, чтобы побудить ихъ къ полной уступчивости.

Положеніе дѣлъ, повидимому, крайне серьезно и потому, даже при рѣшимости оставаться въ оборонительномъ положеніи на Дунаѣ и въ Азіатской Турціи, но высадивъ 30 тысячный корпусъ

въ Астрабадѣ, для наступленія совмѣстно съ войсками туркестанскаго военнаго округа къ Кабулу, мы быть можетъ тѣмъ самымъ избавимъ русскую армію въ Европѣ и въ Малой Азіи отъ тѣхъ неодолимыхъ трудностей, съ которыми она періодически безуспѣшно борется по нѣсколько разъ въ каждомъ столѣтіи.

Не мнѣ, конечно, позволительно обсуждать, съ какими средствами можно оборонять Закавказье отъ вторженія турецкой арміи, а также насколько беспомощное положеніе христіанскаго населенія въ Турціи дозволило бы, въ случаѣ объявленія войны, дунайской арміи оставаться въ безусловно оборонительномъ положеніи; но, во всякомъ случаѣ, беру на себя смѣлость высказать убѣжденіе:

1) Что если вторженіе въ Индію съ 18 тысячнымъ корпусомъ, при современномъ состояніи англійской власти въ Азіи, представляется дѣломъ хотя и рискованнымъ, но возможнымъ и желаннымъ, то такое вторженіе съ 50 тысячнымъ корпусомъ никакого риска не представляетъ.

2) Что на Каспійскомъ морѣ съ ранней весны мы обладаемъ всѣми средствами къ быстрому сосредоточенію 30 тысячнаго отряда въ Астрабадѣ и обезпеченію его необходимымъ продовольствіемъ.

3) Что страна отъ Астрабада къ Герату и къ Кабулу представляется во всѣхъ отношеніяхъ удобною для движенія значительныхъ силъ. При соотвѣтствующемъ политическомъ давленіи на Персію, можно будетъ базироваться въ продовольственномъ отношеніи на Хоросанъ¹⁾.

4) Что туркестанскій военный округъ, при усиленіи его 6-ю полками сибирскаго казачьяго войска, 3-мя полками оренбургскаго войска, 6-ю ротами пѣхоты и 1-ю батареєю изъ Западной Сибири (войска эти могутъ прибыть въ Туркестанъ, т. е. Ташкентъ къ веснѣ) можетъ выдвинуть до 18,000 для наступленія къ Кабулу съ соотвѣтствующей артиллеріей.

5) Что движеніе изъ Самарканда къ подножію Гиндукуша возможно и что переходъ отъ Хулума, черезъ Хейбекъ, Куремъ, Бамянъ и перевалы Кара-Котель, Дентанъ-Шикенъ, Акъ-Робать, Калуйскій, Хаджигакскій и Унна, въ долину рѣки Кабуль-Дарья, также возможенъ. Хотя и есть указанія на то, что полевая артиллерія (батареинныя орудія) проходила черезъ эти перевалы безъ приспособленій, но тѣмъ не менѣе, чтобъ быть готовыми на худшее, я занялся вопросомъ о тѣхъ приспособленіяхъ, которыя необходимо сдѣлать для вполнѣ успѣшнаго передвиженія полевой артиллеріи по горнымъ тропамъ.

¹⁾ Закавказье, Закаспійскій отдѣлъ и Персія дадутъ средства передвиженію.

«Истор. вѣстн.», декабрь, 1883 г., т. XIV.

Теперь ужъ я могу съ увѣренностью сказать, что простѣйшій способъ найденъ и вчерашняго числа новая повозка, съ подвѣзанымъ 4-хъ фунтовымъ орудіемъ выдержала испытаніе удачно. Но окончательный приговоръ о ея достоинствахъ и слѣдовательно о возможности переходить какія угодно горы, можно дать лишь послѣ практическаго похода въ февралѣ мѣсяцѣ, разрѣшеннаго съ 2-мя пробными орудіями черезъ снѣговыя горы, въ предѣлахъ области.

6) Что Ширъ-Али, наслѣдникъ Достъ-Магомеда не можетъ не мечтать объ овладѣніи Пейшауромъ и что вообще всю Азію не трудно поднять на Индію, во имя крови и грабежа, возобновивъ времена Тимура!..

7) Что Ширъ-Али въ настоящее время не доволенъ англичанами.

8) Что англійскихъ войскъ въ Индіи едва ли болѣе 60,000 при соответствующей артиллеріи и, что войска изъ туземцевъ скорѣе угроза, чѣмъ поддержка для своихъ властителей.

9) Что даже прикосновеніе къ границамъ Индіи незначительныхъ силъ можетъ имѣть результатомъ поголовное возстаніе въ странѣ и гибель Британской имперіи.

Въ настоящую минуту казалось бы слѣдовало обратить на все вышеизложенное вниманіе.

27-го января 1877 года.

Городъ Кокандъ, безъ 10 м. 1 ч. утра.

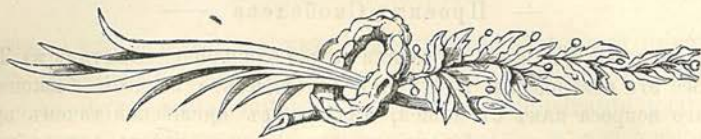
Шесть слишкомъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ прозвучала эта энергическая рѣчь, какъ была написана прекрасная фраза патріота, что когда идетъ дѣло о благѣ Россіи, то не можетъ быть и рѣчи о рискѣ, такъ какъ русскіе войны, перевалившіе за Гиндукушъ, съумѣютъ въ случаѣ необходимости умереть до послѣдняго! Шесть лѣтъ и какихъ лѣтъ? Война на которую только еще робко просился въ то время покойный была объявлена, блистательно выиграна войсками, но проиграна дипломатіей! Къ Ширъ-али ѣздилъ посольство генерала Столѣтова, и вернулось... мы недавно изъ книги доктора Яворскаго узнали какъ. Вскорѣ и условія, въ которыхъ находилась наша Туркестанская граница въ 1877 году, измѣнились блистательнымъ завоеваніемъ Ахаль-Текинскаго оазиса. Наконецъ и внутри государства произошли событія ужасающей важности и значенія, такъ какъ теперь главныхъ дѣятелей 1877 года уже не стало. Въ Возѣ почилъ государь Александръ II, скончался генераль Кауфманъ, на вѣки умолкъ самъ Скобелевъ! Съ другой стороны и Британія не сохранила своего прежняго положенія. Удачное разгромленіе Араби-паши въ Египтѣ и возникшее изъ этого фактическое преобладаніе англичанъ на Суэскомъ каналѣ, значительно измѣнили восточный вопросъ, и придали ему въ военномъ отношеніи совершенно другой характеръ. Послѣдніе успѣхи англичанъ въ Авганистанѣ также оста-

лись далеко не безъ вліянія на задачи нашей ближайшей политики въ Туркестанѣ. Все это совершенно измѣняетъ историческое значеніе безконечнаго восточнаго вопроса какъ съ нашей, такъ и съ англійской точекъ зрѣнія. Кто знаетъ поэтому какъ бы посмотрѣлъ на него теперь авторъ письма, которое мы только что предложили читателямъ? Продолжалъ ли бы онъ думать, что въ Индіи ахиллессова пята великобританскаго могущества, что въ Индіи узелъ восточнаго вопроса, разрубивъ который по способу Тимура, Россія только и можетъ добиться прочнаго обладанія воротами въ свое собственное Черное море? Кто знаетъ! На это уже не можетъ быть прямого отвѣта. Большой умъ—сохранившій способность просто мыслить—умолкъ, сердце столь горячо любившее родину перестало биться. Несомнѣнно только одно, что люди такого склада, какъ покойный генералъ, въ своей широкой гениальности, всегда найдутъ простое ближайшее рѣшеніе для всякаго дѣла, взятаго въ обстановкѣ самаго момента дѣйствія. Они конечно не станутъ искать у историческихъ дѣятелей подобныхъ Скобелеву детальныхъ рѣшеній, такъ какъ послѣднія прямо обуславливаются измѣняющимися обстоятельствами, но за то найдутъ много поучительнаго въ манерѣ дѣйствовать смѣло, въ энергіи убѣжденія, въ прямотѣ и безстрашии выводовъ. И вотъ въ этомъ-то смыслѣ, напечатанный нами документъ—имѣетъ самую авторитетную историческую поучительность.

АВТОБІОГРАФІЯ ПРОТОПРЕСВИТЕРА В. Б. БАЖАНОВА.

ВЪ НЫНѢШНЕМЪ году, 31-го іюля, скончался на 83 году своей жизни протопресвитеръ и докторъ богословія Василій Борисовичъ Бажановъ.

Въ теченіи шестидесяти лѣтъ покойный неумоимо служилъ церкви и родинѣ, сперва какъ священникъ и законоучитель въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, затѣмъ, съ 1835 года, какъ преподаватель закона Божія дѣтямъ и внукамъ покойнаго императора Николая I, и духовникъ ихъ высочествъ; а съ 1848 года, какъ духовникъ ихъ величествъ, какъ членъ святѣйшаго синода и старшій священникъ гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ.

До сихъ поръ еще никому изъ православнаго, блага духовенства не довелось, въ продолженіи, безъ малаго, полувѣка, и въ теченіи трехъ царствованій, стоять такъ близко къ царскому семейству! Такую продолжительность столь почетнаго служенія слѣдуетъ объяснить не одной лишь скромностью жизни покойнаго, но и стойкостью и независимостью его характера и убѣжденій. Если личные достоинства покойнаго протопресвитера доставили ему такое преимущество, то беззавѣтная преданность его своему долгу и обязанностямъ поставила его выше и внѣ всякихъ дворцовыхъ, случайныхъ вліяній и себялюбивыхъ побужденій и удержала его на высотѣ его призванія.

Многое было дано покойному и этимъ многимъ онъ воспользовался какъ христіанинъ, на служеніе правдѣ и истинѣ. Будущій историкъ русской церкви не можетъ умолчать, что покойный протопресвитеръ былъ, и по времени и по силѣ, первымъ борцомъ и

ДВѢ ГЕРЦОГИНИ КУРЛЯНДСКІЯ.

ИЗЪ РУССКИХЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ сочиненій настолько извѣстна личность герцога курляндскаго и семагальскаго Эрнста-Йоганна Бирона, а также причины и обстоятельства какъ его возвышенія и могущества, такъ и его паденія, что обо всемъ этомъ излишне было бы упоминать въ разсказѣ о двухъ принадлежавшихъ къ его семейству герцогиняхъ курляндскихъ, изъ которыхъ одна имѣла значеніе собственно только для Курляндіи, а другая, хотя и косвеннымъ образомъ, вліяла весьма чувствительно на ходъ политическихъ событій въ цѣлой Европѣ, въ первыя три десятилѣтія текущаго столѣтія.

Обѣ упомянутыя герцогини курляндскія носили одинаковое имя, такъ какъ назывались и та и другая Доротеєю, почему ихъ такъ часто и смѣшивали между собою. По поводу такого смѣшенія, биографъ обѣихъ герцогинь, баронъ фонъ-Гогенгаузенъ, проживающій въ Берлинѣ, желая сказать любезность на счетъ этихъ двухъ дамъ—матери и дочери давно уже отошедшихъ въ вѣчность—выразился, что поводомъ къ такому взаимному смѣшенію было то, что обѣ онѣ, какъ пышныя розы, цвѣли на одномъ и томъ же кустѣ и что младшая герцогиня была преемницею титула и красоты своей матери.

Старшая Доротея явилась на свѣтъ божій 3-го февраля 1761 года въ Курляндіи, въ родовомъ помѣстьи своего отца, курляндскаго дворянина Йоганна Фридриха фонъ-Медема, отъ втораго его брака съ вдовою Луизою Шарлоттою фонъ-Нольде, рожденною Цегефонъ-Мантейфель, и такимъ образомъ Доротея, и по мечу, и по прялкѣ, происходила изъ извѣстнѣйшихъ въ Курляндіи древнихъ

фамилій. Такъ какъ тамошніе дворяне вели всегда чрезвычайно исправно свои поколѣнные росписи, то можно было бы прослѣдить за нѣсколько вѣковъ назадъ длинный рядъ предковъ обворожительной фрейлейнъ, и по мужскому, и по женскому колѣнамъ. Это было бы, впрочемъ, совершенно напрасной работой, такъ какъ для генеалогическаго ея тщеславія достаточно будетъ замѣтить, что одинъ изъ ея предковъ, Конрадъ фонъ-Медемъ, не только имѣлъ въ качествѣ гермейстера верховную власть надъ Курляндіей, но и кромѣ того, между 1269 и 1272 годами, основалъ Митаву, сдѣлавшуюся впослѣдствіи столицею особаго герцогства Курляндскаго, хотя и столицей весьма скромной. Такъ древнее и знаменитое, въ отношеніи Курляндіи, происхождение Медемовъ проводило рѣзкую разницу между ними и Биронами, хотя и причисленными уже къ владѣтельнымъ фамиліямъ, но тѣмъ менѣе все-таки оставшимися плебеями въ глазахъ надменнаго древняго дворянства въ Курляндіи.

Семейство Иоанна Медема состояло собственно изъ трехъ семей, такъ какъ онъ отъ перваго брака съ Луизой Корфъ имѣлъ сына и дочь, а будущая герцогиня курляндская Доротея или, съ прибавкою двухъ другихъ именъ, Анна-Шарлотта-Доротея, родилась отъ втораго брака, но въ свою очередь и мать Доротеи, имѣла отъ перваго мужа, фонъ - Нольде, также дѣтей. Доротея была еще малюткой, когда умерла ея мать и отецъ ея женился въ третій разъ тоже на вдовѣ, имѣвшей дѣтей отъ перваго брака. Такимъ образомъ Доротеи приходилось расти въ семьѣ разнороднаго состава, подъ попеченіемъ мачихи, которая, однако, по своей любви къ дѣвочкѣ, замѣнила ей родную мать. Старшая дочь Медема отъ перваго брака, Элиза, вышла за мужъ за курляндца фонъ-дерь-Рекке и впослѣдствіи, подъ фамилією своего мужа, приобрѣла себѣ достаточную извѣстность въ нѣмецкой литературѣ, но была такъ несчастлива въ супружествѣ, что, спустя не много лѣтъ послѣ брака, должна была развестись съ своимъ мужемъ. Въ отношеніи къ сыну Медема отъ перваго брака, мачиха Доротеи вела себя такъ круто, что, какъ говорили, была причиною его самоубійства.

Въ это время утѣшеніемъ для старѣвшаго барона была подраставшая Доротея, чему весьма много содѣйствовала ея мачиха, которая старалась выставить Доротею въ глазахъ ея отца какимъ-то ангеломъ-хранителемъ. Она между прочимъ сочиняла для падчерицы разныя трогательныя привѣтствія, которыя и произносила Доротея передъ отцомъ при подходящихъ къ тому случаяхъ. Она же устраивала домашніе спектакли, въ которыхъ пѣвшая и танцовавшая малютка была всегда главнымъ дѣйствующимъ лицомъ.

Въ ту пору, когда подрастала фрейлейнъ Доротея, герцогомъ курляндскимъ, хотя и былъ еще возстановленный вновь Россією въ

этомъ достоинствѣ Биронъ, но послѣ испытанной имъ передраги и будучи уже въ преклонной старости, онъ не правилъ своимъ государствомъ въ-одиночку, но соправителемъ его былъ старшій его сынъ, Петръ, выросшій на попеченіи императрицы Анны Ивановны. Между отцемъ и сыномъ была замѣтная разница въ отношеніи ихъ наклонности къ женскому полу. О любовныхъ шашняхъ старика-Бирона не было никогда ничего слышно. Положимъ, что въ зрѣлые годы, по особенностямъ его положенія, ему не совсѣмъ удобно было заниматься по этой части, но и въ молодости онъ не

Доротея, герцогиня Курляндская.

Съ портрета писаннаго Графъомъ.

отличался женолюбіемъ. Въ немъ господствовали, какъ извѣстно, двѣ сильныя страсти: къ картамъ и къ лошадямъ, заглушавшія сердечныя порывы. Въ противоположность этому, сынъ герцога Эрнста былъ завзятый волокита и—какъ человѣкъ, отличавшійся этимъ свойствомъ—онъ, независимо уже отъ другихъ условій, не могъ ужиться съ своими супругами. Такъ, онъ развелся съ первою своею женою, рожденною принцессою Вальдекъ; развелся онъ и со второю—княжною Евдокією Борисовною Юсуповою, и теперь жилъ на холостую ногу, усердно занимаясь танцами съ курляндскими пѣмочками. Въ герцогскомъ замкѣ были безпрестанные балы, на которые, разумѣется, приглашаемо было и семейство Медемовъ. Ма-

чиха Доротеи, находя, что дѣвицамъ надобно пріучаться къ обществу съ самаго ранняго возраста, возила съ собою на балы герцога и семилѣтнюю Доротею, и всѣ восхищались этой малюткой, которая уже отлично танцевала, мило пѣла и хорошо, относительно своихъ лѣтъ, играла на клавесинахъ.

На одномъ изъ придворныхъ баловъ герцогъ-регентъ вздумалъ протанцевать соло съ Доротеей. По окончаніи танцевъ онъ такъ былъ восхищенъ этой дѣвочкой, что, взявъ ея на руки, поцѣловалъ и предрекъ ей слѣдующее: «милочка, лѣтъ черезъ десять ты будешь покорять сердца всѣхъ мужчинъ». Въ этомъ предсказаніи герцога Петра, конечно, вовсе не мудреномъ, было, между прочимъ, предсказаніе и на счетъ его самого.

Едва минуло Доротеи семнадцать лѣтъ, какъ въ домъ отца ея стали являться женихи и она была помолвлена уже два раза, но оба предположенные брака не состоялись, вѣроятно въ виду иного болѣе знатнаго искателя руки молодой дѣвушки и скоро такой женихъ нашелся въ лицѣ герцога Петра. Онъ сообщилъ Меду о своемъ желаніи вступить въ бракъ съ Доротеею, но въ бракъ не формальный, а морганатическій, т. е. въ такой бракъ, при существованіи котораго, не смотря на его законность, Доротея не могла пользоваться не только тѣми особыми преимуществами, какія должны были бы принадлежать полноправной супругѣ владѣтельнаго герцога курляндскаго и семигальскаго, ни его родовою фамиліею, ни его гербомъ. Такія же ограниченія должны были быть распространены и на дѣтей, рожденныхъ отъ этого брака. Дворянская гордость вспыхнула въ баронѣ при такомъ предложеніи герцога. Меду напелъ такое предложеніе крайне оскорбительнымъ и заявилъ, что даже полноправный бракъ герцога съ Доротеею сдѣлалъ бы честь не ей, а герцогу, который, хотя и владѣтельный государь, но по своему происхожденію все-таки не болѣе какъ только сынъ выскочки, тогда какъ предокъ невѣсты еще за пятьсотъ лѣтъ тому назадъ былъ гермейстеромъ и основателемъ Митавы, т. е. былъ также владѣтельною особою. Къ поводамъ для тщеславія Медема своею пороодою присоединилось еще и новое обстоятельство: онъ въ это время получилъ отъ римско-нѣмецкаго императора титулъ графа священной римской имперіи, а въ ту пору лицо, пожалованное этимъ титуломъ, становилось почти на уровень владѣтельныхъ князей.

Съ своей стороны герцогъ не отказывался и отъ формального брака съ фрейлейнъ Доротеею, но ссылаясь только на то, что такой бракъ въ настоящее время для него невозможенъ, такъ какъ обѣ прежнія его супруги еще здравствуютъ, и, не смотря на то, что онѣ разведены съ нимъ формально, стануть препятствовать его новому браку.

Встрѣтивъ отказъ со стороны отца невѣсты на предложеніе ей морганатическаго или тайнаго брака, пятидесяти-пяти лѣтній герцогъ впалъ въ романическое настроеніе. Страсть его къ Доротее усилилась и вскорѣ не знала уже разумныхъ предѣловъ, особенно когда герцогъ, любившій выпить, бывалъ подъ хмѣлькомъ. Въ это тяжелое для влюбленнаго старца время явилась на выручку мачиха Доротея. Она стала склонять и невѣсту, и ея отца, уступить желанію герцога, т. е. согласиться на бракъ съ нимъ въ тихомолку. О томъ же самомъ принялась хлопотать и мать самого герцога, желавшая женить сына на вполнѣ достойной дѣвушкѣ, а такой, подходящей во всѣхъ отношеніяхъ невѣстой, казалась ей фрейлейнъ Доротея фонъ-Медемъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что неподатливый на первыхъ порахъ новопожалованный имперскій графъ и родовитый курляндскій фрейгеръ согласился на морганатическій бракъ своей дочери съ его свѣтлостію. Переговоры о такомъ согласіи тянулись, однако, въ теченіи цѣлаго года.

Когда дѣло такимъ образомъ сладилось и Доротея явилась въ роскошномъ подвѣчномъ уборѣ въ герцогскій замокъ, а осчастливленный женихъ привелъ свою невѣсту въ каплицу, гдѣ долженъ былъ совершиться бракъ въ присутствіи только не многихъ свидѣтелей,—дверь къ каплицѣ неожиданно отворилась, и изъ пріемной, примыкавшей въ каплицу, въ нее вошли государственные чины Курляндіи и Семигаліи, а также и представители иностранныхъ державъ, находившіеся при митавскомъ дворѣ. Эту неожиданность, поразительно-пріятную и для невѣсты, и для ея родителя и мачихи и для многочисленныхъ сродниковъ ихъ, устроилъ герцогъ, такъ что бракъ его изъ тайнаго брака, обратился теперь въ явный, и Доротея тутъ же всѣми присутствовавшими была поздравлена какъ свѣтлѣйшая герцогиня курляндская и семигалская. Рассказывали, что такому благопріятному для невѣсты обороту дѣла поспособствовала императрица Екатерина, принявшая участіе въ судьбѣ молодой дѣвушки и отговорившая герцогиню Евдокію Борисовну отъ всякихъ претензій къ ея бывшему супругу. Что же касается первой супруги герцога, рожденной принцессы вальдекской, то она, будучи больна при смерти, жила въ это время въ Лозаннѣ, гдѣ вскорѣ и умерла. Почти одновременно съ нею умерла и герцогиня Евдокія, такъ что новобрачный герцогъ Петръ совершенно освободился отъ прежнихъ брачныхъ узъ, которыя налагали на него нѣкоторыя довольно тяжкія обязанности по денежной части.

Сохранился, впрочемъ, объ обстоятельствахъ брака герцога съ Доротеею и другой не совсѣмъ скромный рассказъ. Есть печатное извѣстіе, что мачиха Доротея, желая принудить страстно-влюбленнаго въ Доротеею герцога, поднялась на хитрость, рѣшившись заманить въ западно неугомоннаго волокиту. Передъ отъѣздомъ на балъ въ герцогскій замокъ, собравшіяся родственницы устроили нарядъ

молодой дѣвушки такъ, что она сдѣлалась неприступной для самаго смѣлаго и отчаяннаго обольстителя, а родственники ея, тоже отправлявшіеся на балъ, были посвящены мачихою Доротеи въ тайну ея заги. Во время бала, участвовавшіе въ заговорѣ бароны и фоны тщательно слѣдили и за своей родственницею и за герцогомъ, и когда въ пылу сильной страсти, герцогъ, ничего не подозревавшій, удалился съ Доротеєю въ особую комнату для пріятной бесѣды, то по пятамъ за нимъ неслышно подкралась бароны, фоны и т. д., и всѣ они гурьбой ввалились въ ту комнату, гдѣ находился герцогъ съ молодой дѣвушкой, въ тотъ самый моментъ когда ласки герцога доходили до того, что ему, при внезапно появившихся свидѣтеляхъ, не оставалось ничего болѣе какъ только повиниться въ своемъ покушеніи на непорочность Доротеи.

Надобно, впрочемъ, предполагать, что разсказъ этотъ только выдумка со стороны завистниковъ и особенно завистницъ такого блестящаго брака, какой выпалъ на долю Доротеи и что во всякомъ случаѣ она была тутъ не при чемъ. Какъ бы то ни было, но этотъ бракъ герцога, послѣ двухъ неудачныхъ браковъ, былъ вполне счастливъ и отъ него родились три дочери и одинъ сынъ, наименованный наслѣднымъ принцемъ курляндскимъ.

Вскорѣ послѣ брака, молодая высокопоставленная чета, съ пышной обстановкой, отправилась путешествовать черезъ Россію, въ Италію, но въ это время стало обнаруживаться волненіе среди курляндскаго дворянства. Сперва оно было очень довольно вступленіемъ въ бракъ герцога съ одною изъ представительницъ этого сословія.

«Герцогъ самъ по себѣ негодяй и, какъ сынъ выскочки, онъ среди насъ чужой человѣкъ—говорили курляндскіе бароны—но за то герцогиня изъ нашей среды», добавляли они и все ихъ сочувствіе клонилось на сторону герцогини тѣмъ болѣе, что между герцогомъ и дворянствомъ, а также и государственными чинами вообще, начались, по разнымъ вопросамъ, сильныя, все болѣе и болѣе увеличивавшіяся пререканія. Среди этихъ пререканій высказывалась мысль, что герцога слѣдовало бы устранить отъ власти и провозгласить герцогиню правительницею за ея малолѣтняго сына. Но у молодой герцогини чувство супружескаго долга преобладало надъ честолюбіемъ, и она старалась устроить дѣло миролюбиво, такъ, чтобы верховная власть оставалась по прежнему за герцогомъ, но чтобы къ управленію герцогствомъ были призваны и государственные чины. Вскорѣ, однако, споры этихъ послѣднихъ съ герцогомъ и участились, и усилились, но смерть наслѣднаго принца прекратила замыслы той партіи, которая хотѣла дѣйствовать въ пользу герцогини.

Ходъ внутреннихъ дѣлъ въ Курляндіи зависѣлъ главнымъ образомъ отъ Польши, такъ какъ герцоги курляндскіе и семигаль-

скіе состояли въ вассальныхъ отношеніяхъ къ королямъ польскимъ, и съ цѣлью уладить эти дѣла, герцогиня, въ сопровожденіи своей сводной сестры Елизы фонъ-деръ-Рекке, отправилась въ 1790 году въ Варшаву. Тамъ ей, какъ молодой, умной, красивой и образованной женщиной не трудно было привлечь на свою сторону поляковъ. Но Польша не могла уже ничего сдѣлать въ пользу Курляндіи. Въ Петербургѣ предрѣшено было отреченіе герцога Петра

Доротея, герцогиня Саганская.

Съ гравированнаго портрета Вечера.

отъ курляндской короны и затѣмъ Курляндія и Семигалия должны были быть присоединены къ Россіи.

Предварительно отреченія герцога Петра состоялось еще и другое отреченіе. Въ 1795 году отказался отъ престола Станиславъ-Августъ Понятовскій, король польскій, принимавшій живое участие въ судьбѣ герцогини. Между ними установились самыя дружественныя отношенія и престарѣлый король смотрѣлъ на молодую герцогиню какъ на свою родную дочь и этимъ нѣжнымъ именемъ онъ называлъ ее въ своихъ къ ней письмахъ. Понятовскій былъ отличный знатокъ женской красоты, но и онъ ставилъ Доротею въ пер-

вомъ ряду тѣхъ очаровательныхъ женщинъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться въ продолженіи его жизни.

Въ эту тревожную пору у герцогини Доротеи и у слишкомъ семидесятилѣтняго ея супруга родилась 21-го августа 1793 года, самая младшая дочь, въ Берлинѣ, гдѣ герцогиня укрывалась отъ шумѣвшей вокругъ нее политической бури. Она очень радовалась, что младенецъ былъ дѣвушка, а не мальчикъ, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ ей приходилось бы много хлопотать о томъ, чтобы устроить его будущность. Мать новорожденной обратилась къ королю Станиславу съ просьбой, чтобы онъ, въ качествѣ восприемника, далъ явившейся на свѣтъ малюткѣ свое имя, но король отказалъ въ этой просьбѣ, ссылаясь на то, что имя его принесетъ несчастье новорожденной принцессѣ, и предложилъ дать ей имя ея матери.

Между тѣмъ герцогъ Петръ былъ вынужденъ отказаться отъ короны и умеръ въ 1800 году на семьдесятъ шестомъ году отъ роду, оставивъ малютку Доротею на попеченіи ея матери.

Для своего потомства покойный герцогъ оставилъ весьма значительное недвижимое имѣніе, а именно: помѣстье Находъ и герцогство Саганское въ Силезіи, а также нѣсколько дворянскихъ помѣстій. Всѣ они были въ очень хорошемъ состояніи, такъ какъ давали такой значительный доходъ, что вдовствующая герцогиня могла купить на эти доходы помѣстье Лебихау въ Альтенбургѣ. Она роскошно отдѣлала находившійся въ этомъ помѣстьѣ, близъ парка, замокъ. Сюда, привлекаемые радушіемъ хозяйки, съѣзжались многочисленные гости, изъ которыхъ многіе принадлежали къ извѣстнымъ личностямъ своего времени. Въ числѣ ихъ былъ и императоръ Александръ Павловичъ, неоднократно посѣщавшій герцогиню, въ ея новомъ мѣстѣ жительства, а она, въ свою очередь, два раза, по его приглашенію, пріѣзжала въ Петербургъ, гдѣ проводила время въ кругу царскаго семейства. Писанныя ею изъ Петербурга письма заслуживаютъ вниманія въ томъ отношеніи, что они опровергаютъ ходившую тогда въ публикѣ молву о разладѣ между императоромъ Александромъ I съ его супругою Елизаветою Алексѣевною. По разсказу же герцогини, оказывается, что государь считалъ себя счастливымъ супругомъ до смерти своей единственной дочери, а потомъ послѣ смерти Наталіи Нарышкиной онъ совершенно упалъ духомъ.

Хотя императоръ Александръ и приходился герцогинѣ Доротеи по душѣ, но предметомъ самаго страстнаго ея обожанія былъ Наполеонъ I, особенно въ началѣ своего блестящаго поприща. Поѣздка герцогини въ Парижъ еще болѣе усилила въ ней расположеніе къ императору Наполеону. Онъ и супруга его, Жозефина, чрезвычайно обласкали герцогиню, которая была поражена могуществомъ Франціи, блескомъ ея императорской столицы. Но, кромѣ того, въ Парижѣ находилось еще одно лицо, обращавшее особенное вниманіе на герцогиню курляндскую — князь Талейранъ. Когда

онъ увидѣлъ ее въ первый разъ съ ея молоденькой—въ ту пору пятнадцатилѣтней дочерью, то же Доротею, о которой мы уже упоминали,—то онъ тотчасъ задумалъ породнить свою, то же знатную фамилию, съ герцогскимъ курляндскимъ домомъ.

Онъ, въ 1808 году, воспользовался эрфуртскимъ конгрессомъ и уговорилъ императора Александра ѣхать съ нимъ въ Лебихау въ качествѣ свата племянника князя—графа Эдмонда Талейрана-Перигора къ дочери герцогини. На предложеніе высокаго свата герцогиня не рѣшалась дать положительнаго отвѣта въ виду того, что принцесса Доротея едва только вышла изъ дѣтскаго возраста. Три старшія ея сестры были уже давно за мужемъ.

Бракъ первой изъ нихъ Екатерины былъ весьма не удаченъ: сперва она вступила въ супружество съ княземъ де-Роганомъ, но вскорѣ развелась съ нимъ и вышла замужъ за князя Сергія Васильевича Трубецкаго. Она развелась и съ Трубецкимъ, проживъ съ нимъ менѣе года, и, наконецъ, въ третьемъ бракѣ она была за графомъ Шуленбургомъ и, какъ старшая представительница въ старшей линіи дома Бироновъ, она, кромѣ титула герцогини курляндской, имѣла еще и титулъ герцогини саганской.

Вторая дочь Доротеи, Паулина, была за мужемъ за принцемъ Фридрихомъ Гогенцоллернъ-Гехингенъ. Единственный ихъ сынъ, въ 1849 году, отказался отъ своихъ владѣтельныхъ правъ въ пользу короля прусскаго.

Третья дочь герцогини Доротеи, Иоганна, была за мужемъ за Францискомъ Пиньятели де Бельмонте, герцогомъ д'Ачеранца.

23-го апрѣля 1809 года, былъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ совершенъ бракъ принцессы Доротеи съ графомъ Талейраномъ. Повидимому, этотъ брачный союзъ сулилъ счастье молодой четѣ, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ казалось, вскорѣ упрочился рожденіемъ дочери. Князь Талейранъ, имѣвшій такую силу при императорѣ Наполеонѣ, добылъ своему племяннику титулъ герцога Дино, а будучи самъ бездѣтенъ предоставилъ ему, или, вѣрнѣе сказать, его женѣ громадное богатство, которое цѣнилось въ восемнадцать милліоновъ франковъ.

Независимо отъ всѣхъ этихъ добавокъ къ красотѣ и знатности герцогини Биронъ-Дино, графини Талейранъ-Перигоръ, принцессы курляндской, она отличалась замѣчательнымъ умомъ. Извѣстный въ свое время профессоръ, а потомъ и министръ, Вильмень, писалъ о ней слѣдующее:

«Она имѣла такой всеобъемлющій умъ, что всегда съ удивленіемъ приходилось слушать приводимыя ею доказательства, хотя бы при ней высказывались самыя противоположныя мнѣнія. Своеобразное и остроумное изложеніе того, что она писала, дѣйствовало весьма сильно на каждаго, и она отличалась чрезвычайнымъ умѣніемъ вести интригу».

Всѣмъ со временемъ стало извѣстно, что герцогиня Дино принимала самое дѣятельное участіе въ ловкомъ веденіи Талейраномъ, дядею ея мужа, европейской политики. Она составляла для него проекты дипломатическихъ бумагъ, спорила съ нимъ и нерѣдко ея черновые наброски посылались прямо въ канцелярію для переписки на-обѣло, какъ окончательно выработанные дипломатическіе акты или политическіе меморандумы. Государи, которымъ сообщались эти акты, и не подозрѣвали, что они первоначально были писаны женскою рукою.

Талейранъ отличался умѣніемъ пользоваться чужою работою. Этимъ, однако, воспользовалась въ свою очередь его хорошенькая племянница и подчинила своей власти знаменитаго государственнаго человѣка. Подъ ея нравственнымъ вліяніемъ онъ значительно исправился и отвыкъ отъ многихъ непохвальныхъ продѣлокъ. Присутствіе молодой и красивой женщины возбуждало въ немъ дѣятельность и какъ бы перерождало его къ лучшему во многихъ отношеніяхъ. Это было тѣмъ важнѣе, что онъ подъ вліяніемъ своей малообразованной супруги началъ уже скучать. Онъ женился на госпожѣ Грантъ послѣ того, какъ разошелся съ госпожею Сталь, и по поводу этого онъ однажды выразился такъ: «on doit avoir aimé madame de Stael pour comprendre le plaisir d'aimer une bête et une sotté».

По мнѣнію лицъ, знавшихъ Талейрана, онъ сохраненіемъ игривости и утонченности своего ума былъ всего болѣе обязанъ бесѣдамъ съ герцогиней Доротеей.

Послѣ смерти Талейрана, 17-го мая 1838 года, она, на оставленный имъ ей капиталъ, купила въ Силезіи герцогство Саганское, которое въ 1786 году было приобрѣтено ихъ отцомъ герцогомъ курляндскимъ Петромъ у князей Лобковичей за 9,000,000 франковъ, а король прусскій возвелъ это владѣніе на степень герцогства. Послѣ смерти герцога Петра, саганское помѣстье и перешло по наследству къ его старшей дочери княгинѣ де-Роганъ. Когда же она умерла, то герцогство Саганское досталось старшей по ней сестрѣ, вдовѣ принца Гогенцоллернскаго, а отъ него оно перешло къ герцогинѣ Дино, которая къ своимъ прежнимъ титуламъ прибавила еще и титулъ герцогини Саганской.

Въ новопріобрѣтенномъ въ 1845 году герцогствѣ, Доротея явилась покровительницею ученыхъ, литераторовъ и художниковъ; на покровительство этимъ лицамъ она имѣла громадныя денежныя средства. Въ Саганъ, за-просто, какъ гость, пріѣзжалъ къ герцогинѣ король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ IV съ супругою своею княгинею Лигницъ, а также нынѣшній германскій императоръ Вильгельмъ съ своею супругою принцессою Августой. Будучи гостепріимной хозяйкой, герцогиня вмѣстѣ съ тѣмъ любила блистать роскошью и пышностію какъ въ своихъ нарядахъ, такъ и во всей

обстановкѣ. Въ Германіи того времени сравнивали Саганъ съ Феррарою, гдѣ Торквато Тассо замѣнялъ вдохновенный поэтъ князь Лихновскій, тогда еще юноша, а въ послѣдствіи австрійскій министръ, погибшій, въ 1848 году во Франкфуртѣ, насильственной смертью. Въ Саганѣ гостилъ также нерѣдко и знаменитый виртуозъ Франц Листъ.

Герцогиня Доротея умерла послѣ тяжелой болѣзни, 19-го сентября 1862 года, и герцогство Саганское перешло къ старшему ея сыну Луи-Наполеону, который имѣетъ теперь дочь Доротею, напоминающую собою и свою мать, и свою бабушку.

К. Н. В.

ВЕНЕЦІЯ.

(Статья Генри Джэмса).

ОЧЕРКЪ Венеціи, помѣщаемый нами, принадлежитъ перу американскаго писателя г. Генри Джэмса (младшаго), пользующагося заслуженною извѣстностью и симпатіями многочисленныхъ читателей не только въ предѣлахъ Сѣверо-Американской республики, но и во всѣхъ странахъ, гдѣ англійскій языкъ — родной языкъ. Мы остановились именно на этомъ очеркѣ Венеціи потому, что онъ отличается своей безыскусственностью, простотой, отсутствіемъ лицемѣрно-рутинныхъ восторговъ художественными сокровищами Венеціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ выдается своею жизненностью, свѣжестью и нѣкоторой особенной оригинальностью воззрѣній, въ которыхъ художественно сочетаются вліянія европейской и американской культуръ. Кое-гдѣ въ переводѣ допущены сокращенія, обусловливаемые недостаткомъ мѣста и желаніемъ помѣстить сразу весь очеркъ, хотя бы и въ нѣсколько сжатомъ видѣ.

I.

Тысячи писателей описывали красоты Венеціи. Изъ замѣчательнѣйшихъ городовъ всего свѣта Венеція безспорно тотъ городъ, съ которымъ можно легче всего ознакомиться, который можно удобнѣе другихъ обозрѣть, не посѣщая его. Войдите въ любой эстампный магазинъ, и васъ завалятъ видами Венеціи, раскрашенными и не раскрашенными, фотографіями, литографіями, гра-

вюрами и т. д. Войдите въ любой книжный магазинъ—и вамъ охотно возьмутся составить цѣлую бібліотеку о Венеціи, историческую, археологическую, политическую, этнографическую, по живописи и архитектурѣ этой древней столицы, въ стихахъ и прозѣ, на всевозможныхъ языкахъ. Казалось бы, послѣ всего этого, что новаго можно сказать о Венеціи? Но старое часто привлекательнѣе новаго, и можетъ быть было бы очень прискорбно, если бы пришлось вести рѣчь о венеціанской новизнѣ.

Во всякомъ случаѣ, строки эти не имѣютъ цѣлью руководить или поучать тѣхъ, кому случилось бы посѣтить когда либо Венецію. Очутившись въ Венеціи, можно быть вполне счастливымъ только бросивъ всякое чтеніе, махнувъ рукой на критику и анализъ и прогнавъ всякія серьезныя думы. Нигдѣ, кажется, не предаются въ меньшей степени глубокомысленнымъ размышленіямъ, какъ въ Венеціи, хотя предметовъ или сюжетовъ для размышленія тамъ не менѣе, чѣмъ въ любомъ другомъ мѣстѣ. Какъ и вездѣ, въ Венеціи столько же счастья, сколько и юдоли. Последняя тамъ на виду у всѣхъ, безъ нея картина была бы неполна; ревностный приверженецъ «мѣстнаго колорита» сказалъ бы, пожалуй, что безъ нея не было бы такъ цѣлостно наслажденіе, доставляемое Венеціей.

Венеціанцы—народъ бѣдный. Главное ихъ богатство, это—прирожденное право жить въ одномъ изъ прелестнѣйшихъ городовъ міра. Но жилища ихъ сильно обветшали, налоги тяжелы, карманы пусты, надежды на поправленіе дѣлъ—слабы. И однако жизнь ихъ представляется имъ съ такими привлекательными сторонами, на которыя, казалось бы, они не могли рассчитывать при столь непривлекательныхъ условіяхъ; съ своей жизнью они мирятся легче, чѣмъ многіе другіе люди, поставленные въ гораздо болѣе счастливое положеніе. Они то нѣжатся подъ яркими лучами солнца, то плещутся въ морѣ; на плечахъ яркія лохмотья—но сколько граціи въ позахъ, въ движеніи, въ этой вѣчной *conversazione*, которая составляетъ полжизни венеціанца. Трудно сказать, желательно ли было бы ихъ видѣть иными; но они безусловно были бы иными, если бы лучше питались. Въ Венеціи до жалости много такихъ личностей, которыя очевидно вѣчно недоѣдаютъ; но еще печальнѣе было бы, если бы мы не видѣли, что богатая натура венеціанца разцвѣтаетъ даже при такомъ невольномъ воздержаніи въ пищи. Солнце, досугъ, бесѣда и прелестные виды—вотъ что необходимо для существованія венеціанца. Итальянцы, вообще, имѣютъ счастье или несчастье быть весьма скромными въ своихъ нуждахъ, такъ что если принимать совокупность послѣднихъ за мѣрило степени развитія народа, какъ это теперь дѣлается, то дѣти лагунъ заняли бы въ сравнительной графической таблицѣ современнаго изслѣдователя одно изъ послѣднихъ мѣстъ.

Конечно, не эта бѣдность венеціанцевъ прельщаетъ путешественниковъ—прельщаетъ легкость, съ которой переносить эту бѣдность и уживается съ ней этотъ прекрасный народъ, живущій въ такой мѣрѣ силой своего воображенія. Если вы дѣйствительно желаете насладиться Венеціей, то должны слѣдовать примѣру венеціанцевъ и находить удовольствіе въ самыхъ простыхъ вещахъ. Впрочемъ, въ Венеціи всѣ удовольствія очень просты, какъ ни казалось бы парадоксальнымъ подобное увѣреніе. Что можетъ быть проще, какъ наслаждаться прекрасной картиной Тиціана, Тинторетто или обозрѣвать соборъ св. Марка, или плыть покачиваясь въ гондолѣ, или глазѣть, перевѣсившись черезъ балюстраду балкона, или наконецъ тянуть кофе у Florian'a. День въ Венеціи проходитъ въ «занятіяхъ» подобнаго рода, и вся суть заключается въ впечатлѣніяхъ, которыя эти «занятія» оставляютъ. А впечатлѣнія безспорно пріятны—иначе Венеція была бы невыносимо скучна.

II.

Встрѣчаются путешественники, находящіе, что Венеція отвратительна. Тѣ, кто съ ними несогласны, желаютъ прежде всего одного, чтобы число подобныхъ путешественниковъ постоянно возросло. Кому Венеція по душѣ, тотъ прежде всего и болѣе всего желаетъ, чтобы число любителей Венеціи было какъ можно ограничѣннѣе. Нынѣшняя Венеція, въ нѣкоторые мѣсяцы года, уподобляется громадному музею, при входѣ въ который счетный аппаратъ вѣчно и ежеминутно щелкаетъ, какъ бы оповѣщая, что вотъ и еще стало однимъ посѣтителемъ больше. Эта масса посѣтителей ужасно надоѣдаетъ своими замѣчаніями вслухъ: вамъ нельзя ничѣмъ насладиться самостоятельно—все кругомъ уже ранѣе васъ замѣчено, всѣ детали открыты, рассмотрѣны, указаны, раскрытываны. Но это не вина Венеціи—это вина всего остального міра.

Сама Венеція если и страдаетъ какимъ либо недостаткомъ, то это тѣмъ, что ею легко восхищаться, но въ ней трудно ужиться.

Пробывъ здѣсь недѣлю и окончательно освоившись съ новизною впечатлѣній, вы начинаете недоумѣвать надъ тѣмъ, способны ли вы примѣниться къ особеннымъ условіямъ венеціанской жизни. Вы не можете удовлетворить вашимъ прежнимъ привычкамъ и вынуждены поддѣлываться къ новымъ, нежелательнаго и неудобнаго свойства. Гондола вамъ надоѣла (по крайней мѣрѣ такъ вамъ кажется), вы насладились уже зрѣлищемъ всѣхъ знаменитыхъ и прославленныхъ картинъ, вы прислушались уже къ названіямъ дворцовъ, которыя вашъ гондольеръ произноситъ съ отчетливостью англійскаго лакея, докладывающаго о пріѣздѣ титулованныхъ лордовъ. Вы обошли нѣсколько сотъ разъ la Piazza и пріобрѣли нѣ-

Венеціанскій балконъ.

скільки связокъ фотографій. Вы побывали у антикварія, ужасная вивѣска котораго безобразить одинъ изъ лучшихъ видовъ въ Canal Grande. Вы посѣтили оперу и убѣдились, что труппа плоха; наконецъ вы выкупались на Лидо и нашли, что тамъ ужасно мелко. Вы начинаете ощущать такое впечатлѣніе, какъ если бы вы были на громадномъ кораблѣ, гдѣ Piazza кажется вамъ салономъ, а Riva

degli Schiavoni — верхней палубой, отведенной для прогулокъ; вы точно въ клѣткѣ; со всѣхъ сторонъ препятствія, стремленіе къ пространству не удовлетворяется; вы лишены обычнаго движенія. Гондола, какъ уже выше упомянуто, надоѣла и кажется вамъ громадной дѣтской люлькой; вы вовсе не желаете, чтобы васъ укачивали въ ней до сна — и въ то же время вы не можете заснуть, потому что васъ постоянно раздражаетъ и видъ мелководной лагуны, и поза гондольера съ вытянутымъ впередъ подбородкомъ, съ вывернутыми носками ноги и его глупые удары весла. Отъ каналовъ несетъ ужаснымъ запахомъ, — а вѣчно та же самая Piazza

Кормленіе голубей въ скверѣ св. Марка.

обращается для васъ въ бѣличье колесо — если не въ колесо, въ которомъ топчутся каторжные на одномъ мѣстѣ: вы пересмотрѣли здѣсь всё до одного товары, выставленные въ окнахъ магазиновъ, и убѣдились, что все это разная дрянь. Вамъ надоѣли и молодыя венеціанки, продающія бисерные браслеты и виды, которые они назойливо суютъ вамъ въ руки, надоѣли и все тѣ же тщательно примазанные офицеры въ мундирахъ, плотно застегнутыхъ на всё пуговицы, обсаыващіе тѣ же самыя соломенки, сидя впереди тѣхъ же пустыхъ столовъ, все тѣхъ же caffés.

Вотъ приблизительно каково отчаянное настроеніе духа тѣхъ поверхностныхъ обозрѣвателей, которые находятъ, что Венеція

можно посвятить недѣлку времени — не болѣе. Если въ такомъ настроеніи вы рѣшаетесь покинуть Венецію, то поступаете съ роковой поспѣшностью. Теряете отъ этого только вы одни; всѣ тѣ, кто остается—выигрываютъ, ибо если и есть непріятныя стороны жизни въ Венеціи, то безспорно самая непріятная изъ нихъ—это множество пріѣзжихъ обозрѣвателей. Дѣйствительно, условія жизни въ Венеціи совершенно особенныя, но вы примиряетесь съ ними ранѣе, чѣмъ успѣете озлобиться противъ нихъ. Когда вы потребовали счетъ, рѣшившись уѣхать—уплатите по счету и оставайтесь:

Мостъ вздоховъ.

на слѣдующій же день вы убѣждаетесь, что глубоко привязались къ Венеціи. Только день за день начинаете вы сознать всю полноту прелести этого города. Венеція подобно нервной женщинѣ: каждый день она выглядитъ иначе и вы познакомитесь съ ней вполне только послѣ того, какъ увидите ее во всѣхъ видахъ. Она то возбуждена, то замираетъ, то блѣдна или румяна, то холодна или привѣтлива, то жива или безжизненна, смотря по погодѣ и по часу дня. Всѣ эти стороны ея жизни становятся дорогими вашему сердцу; по отношенію къ вашимъ чувствамъ городъ начинаетъ при-

нимать образъ какой-то личности, сознательной, человѣческой, чувствующей вашу привязанность. Вы окончательно влюбляетесь въ дочь Адри.

Нужно и то сказать, что если вы попадаете въ Венецію въ половинѣ марта, то возможно и даже вѣроятно нѣкоторое разочарованіе. Въ это время городомъ овладѣваютъ варвары, и онъ обращается въ какой-то толкучій рынокъ, въ какую-то засмотрѣнную панораму, у круглыхъ стеколъ которой топчется толпа зѣвакъ. Въ теченіи всей весны, до конца мая, толпы дикихъ германцевъ запруживаютъ la Piazza, и ихъ ужасный говоръ стоитъ стономъ въ залахъ дворца дожей и академіи. Послѣ нихъ являются англичане и американцы и наконецъ французы; послѣдніе менѣе другихъ несносны и проводятъ большую часть времени въ ресторанахъ.

Соборъ св. Марка и Компанила.

III.

Въ эти мѣсяцы особенно оскверняется соборъ св. Марка, обращающійся въ мѣсто какого-то торжища. Вообще соборъ этотъ служитъ во всѣхъ видахъ добычею разныхъ хищниковъ, и если бы ему не былъ присущъ особый духъ величія, то путешественникъ

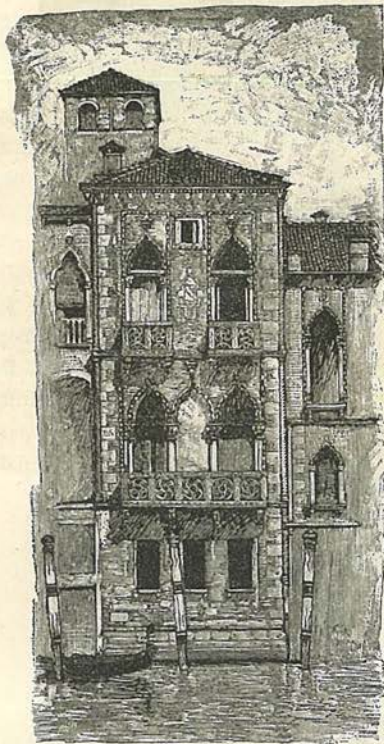

легко бы могъ усомниться въ религиозномъ назначеніи этого зданія. Недавняя реставрація внѣшнихъ стѣнъ, о необходимости которой такъ много спорили за и противъ — является по истинѣ оскорбленіемъ нанесеннымъ собору. Всюду гдѣ дотронулась зданія рука реставратора, исчезли признаки красоты — о чемъ нельзя не сожалѣть искренно, потому что, въ теченіи не малаго числа лѣтъ, впечатлѣніе внѣшней прелести собора св. Марка уступало только впечатлѣнію, которое производила внутренность собора, сравнительно болѣе сохранившая первоначальный свой видъ. Удивительно гармоническое сочетаніе выщѣтшей мозаики и постарѣвшаго мрамора стѣнъ, поражающее глазъ путешественника, при выходѣ его изъ узкихъ улицъ, ведущихъ на Piazza, въ скоромъ времени совершенно исчезнетъ. Мягкость и нѣжность красокъ, выработывав-

Пiazza (la Piazzetta).

паяся вѣками, подѣ вліанієм испареній соленого моря, уступаєть мѣсто громаднымъ заплатамъ изъ современныхъ матеріаловъ, заплатамъ кажущимся скорѣе болѣзненными наростами, а не заживляющими скрѣпленіями. Онѣ производятъ то же впечатлѣніе, что румяна и бѣлила на лицѣ почтенной матроны. Особенно старательно обновлена та сторона собора, которая обращена къ Пляццеттѣ (Piazzetta), но этотъ лоскъ и новизна такого свойства, что напоминають впечатлѣніе, которое производитъ новая пара сапоговъ.

Домъ Дездемоны.

Я не желаю однако пускаться въ ученый споръ по этому вопросу и просто отмѣчаю фактъ достойный, по моему мнѣнію, сожалѣнія. Впрочемъ о развитіи искусства въ объединенной Италіи не слѣдуетъ судить по такимъ частнымъ случаямъ, которые какъ бы указываютъ на то, что прежде чѣмъ занять почетное мѣсто въ ряду современнаго искусства другихъ націй, Италіи придется пройти черезъ большія испытанія и пережить минуты сильнаго упадка вкуса и поруганія всѣхъ тѣхъ красотъ, передъ которыми она прежде преклонялась.

Теперь, во всякомъ случаѣ, еще рано произносить окончательное сужденіе въ этомъ дѣлѣ—итальянское искусство еще такъ поразительно, что порой находятъ минуты, когда готовъ простить даже реставраціи собора св. Марка, коснувшіяся отчасти и внутренности послѣдняго. Тутъ были

сдѣланы попытки привести зданіе въ нѣсколько болѣе опрятный видъ «почистить» его, но къ счастью онѣ не причинили большаго вреда. Въ моей памяти особенно вѣзалось исправленіе каменнаго мозаичнаго пола: мозаика отъ времени почернѣла, мѣстами ее выпучило, образовались волнистыя неровности. Въ большей части собора этотъ полъ остается до сихъ поръ такимъ, какимъ его знали цѣлыя поколѣнія: темнымъ, потрескавшимся, испещреннымъ кусками порфира и потемнѣвшаго отъ времени малахита, отполированнымъ колѣнами тысячей вѣрующихъ, съ неровностями, угодными ему застывшимъ морскимъ волнамъ. Но

Мостъ Ріальто, построенный Антоніемъ ди-Понте, въ 1588—91 гг.

въ нѣкоторыхъ частяхъ храма реставраторы, повидимому, не представляли себѣ океана иначе какъ вѣчно гладкимъ и, исправляя полъ, взяли за образецъ мозаиковые полы какого нибудь лондонскаго клуба или нью-іоркскаго отеля. Впрочемъ, мнѣ кажется, что едва ли найдется венеціанецъ или италіанецъ, котораго озабочивала бы такая перемѣна, и когда, нѣсколько времени тому назадъ, вопросъ этотъ обсуждался въ Times'ѣ, а въ Лондонѣ по этому поводу собирались митинги, то дорогіе дѣти лагуны, если только до нихъ дошли вѣсти и слухи объ этомъ, навѣрное смотрѣли на этихъ странныхъ англичанъ, какъ на суетливыхъ хлопотуновъ, отчасти же считали ихъ прямо ослами. Никогда современному венеціанцу не придетъ на умъ, что это вопросъ—заслуживающій обсуждения; никогда современный венеціанецъ не въ состояніи будетъ постигнуть возможности тихаго строя общества, въ которомъ личные интересы такъ безсодержательны, что на ихъ мѣсто выдвигаются заботы объ охраненіи цѣлости мраморныхъ и кирпичныхъ стѣнъ въ далекомъ, чужомъ городѣ.

IV.

Даже въ тѣ годы, когда Венеціи пришлось окончательно убѣдиться, что столицѣ дождей судьбою суждено обратиться на будущее время въ музей рѣдкостей, даже тогда можно было насладиться жизнью, поселившись на Rivo degli Schiavoni и любясь изъ оконъ на блестящую далеко въ окружности лагуну. Сколько удовольствія доставляло уже одно разсматриваніе ближайшаго сосѣдства и ознакомленіе съ своеобразными сторонами венеціанскаго внутренняго обихода. Затѣмъ, вдали, прямо передъ моими окнами, выросла изъ воды розовая масса церкви San Giorgio Maggiore, не казистой дворцовой церкви, производящей однако удивительно благоприятное впечатлѣніе.

Впечатлѣніемъ этимъ Сан-Джоржіо Маджіоре обязано своему мѣсторасположенію, своему колориту и громадной одиноко стоящей «компанилѣ», увѣнчанной высокимъ золотымъ ангеломъ. Не знаю почему, потому ли что Сан-Джорджіо такъ выдѣляется своей громадностью или потому, что въ его стѣнахъ столько мѣстъ, въ которыхъ кирпичная кладка сильно поблекла и повывѣтрилась, только очень многимъ зрителямъ все зданіе кажется залитымъ какимъ-то розовымъ свѣтомъ и цвѣтомъ. Если бы меня спросили, какаѣ краски

Сан-Джорджіо Маджіоре.

преобладаетъ въ венеціанскихъ впечатлѣніяхъ, я конечно, отвѣтилъ бы: розовая, хотя на самомъ дѣлѣ я не помню, чтобы часто наталкивался на эту нѣжную краску. Этотъ розовый колоритъ, о которомъ идетъ рѣчь,—какой-то томный, воздушный, водянистый, расплывающійся; этой краской воспламеняются блестящія поверхности моря, ея, какъ кажется, упиваются и блѣдно-зеленыя воды каналовъ и лагунъ. Можетъ быть это происходитъ оттого, что въ Венеціи очень много новыхъ кирпичныхъ зданій, но цвѣтъ кирпичей никогда не рѣжетъ глазъ своей свѣжестью и рѣзкостью: они какъ будто вѣчно пережженные и необыкновенно мягкаго тона.

Когда я вспоминаю о Венеціи, въ моемъ воображеніи вырастаетъ не Canale Grande, не Piazza, не базилики аркады большой площади, не темные своды св. Марка. Мнѣ просто представляется крошечный каналъ въ самомъ сердцѣ города, узкая поверхность зеле-

Узкій каналъ.

ной воды и вырастающія изъ нея розовыя стѣны. Гондола движется чуть медленно и все таки за ней бѣжитъ вдоль стѣнъ большая мягкая волна. Скользя подъ мостомъ, гондольеръ что-то вскрикиваетъ, и крикъ его раздается въ этой тишинѣ точно своего рода всплескъ воды. Вверху, по крошечному мосту, со сводомъ, уподобляющимся верблюжьему горбу, проходитъ дѣвушка, въ старой шали, небрежно накинутой на голову: она очаровательна, когда фигура ея вырисовывается на небѣ, какъ это кажется вамъ, смотрящему снизу.

Розовый тонъ старой стѣны кажется наполняетъ и все пространство и пронизываетъ даже матовыя воды. Вверху надъ стѣ-

ной садъ, откуда перегибаются через стѣну длинныя вѣтви бѣлыхъ іонскихъ розъ—розы въ Венеціи восхитительны. По другой сторонѣ этой узкой водяной дорожки высится громадный, ободраный фасадъ съ готическими окнами и балконами—съ балконами, на которыхъ развѣшано грязное тряпье, а внизу, у низкихъ,

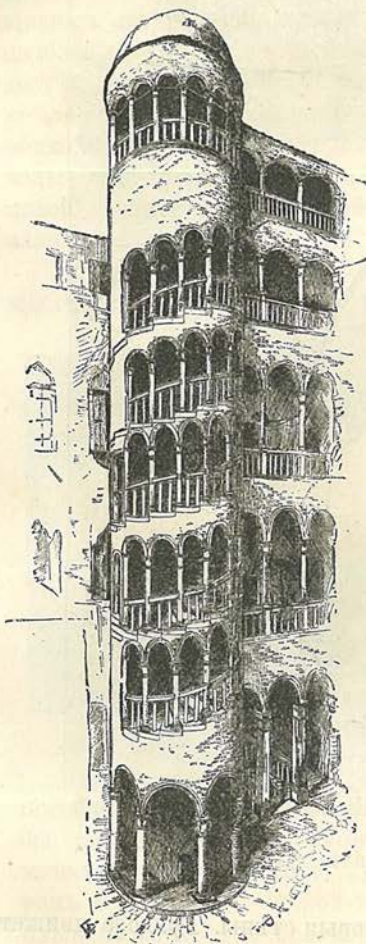
скользкихъ, мокрыхъ ступеней пробить какой-то пещерообразный входъ. Во дворѣ причудливыя лѣстницы и опять балконы и балкончики.

Въ воздухѣ тихо и знойно, какой-то странный, особенный запахъ стоитъ надъ каналомъ—и все, вмѣстѣ взятое, производитъ очаровательное впечатлѣніе.

Толковать о краскахъ и колоритѣ Венеціи—это значитъ тратить по пустому жалкія слова. Впечатлительный туристъ вѣчно наслаждается ими изъ своего окна, если только онъ не качается гдѣ нибудь на водѣ, въ гондолѣ, сознавая, что онъ самъ отчасти играетъ роль въ общемъ впечатлѣніи. Окна и балконы въ Венеціи измѣннически соблазнительны: сидя, облокотясь на ихъ мягкія подушки, не замѣчаешь какъ летятъ часы дорогого времени.

Въ сущности Венеція, особенно въ хорошую погоду, вовсе не такое мѣсто, которое располагало бы къ размышленіямъ. Необходимо употребить по истинѣ героическія усилія, чтобы усидѣть у письменнаго стола, когда, кажется, вся природа манитъ васъ на просторъ и софистически шепчетъ, что въ тяжкія минуты можно

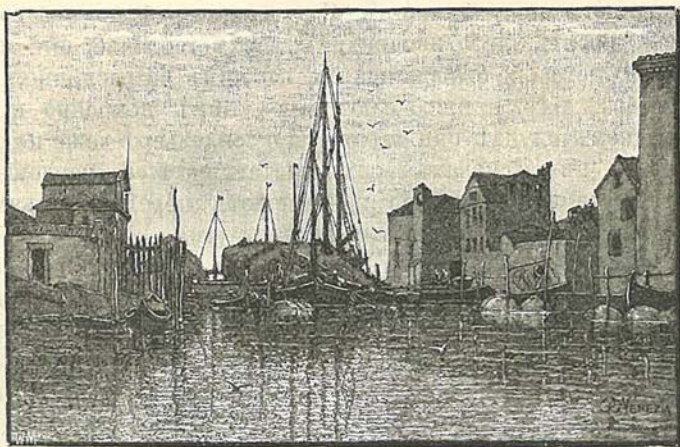
только собирать впечатлѣнія, но не передавать ихъ бумагѣ. Даже и въ холодные, сырые дни непогоды можно находить постоянную пищу для наблюдений: картина принимаетъ сплошь холодный оттѣнокъ, по сѣро-стальной поверхности лагуны скользятъ мелкою рябью, противъ теченія, вѣтеръ. Затѣмъ наступаютъ очаровательные холодные промежутки, во время которыхъ церкви, дома, рыбацьи суда, ка-

Scala antica—старинная лѣстница во дворѣ дома Гольдони.

чающіяся на якорѣ, вся красивая извилина «Ruble» какъ бы окрашиваются бѣлымъ инеемъ. Нѣсколько позже все окутывается теплыми тонами и странно, эта «теплота» ощущается не только зрѣніемъ но и всѣми остальными чувствами. Во второй половинѣ мая вся Венеція какъ бы въ какомъ-то пылу. Море играетъ тысячами красокъ, но въ сущности это только безчисленные оттѣнки его синевы; въ это же время начинаютъ накаляться на солнцѣ тѣ розовыя стѣны, о которыхъ говорилось выше. Каждое пятно, каждый кусокъ отсырѣвшей штукатурки, каждый уголокъ сада и неба, видимого изъ глубины канала, начинаютъ горѣть и блестѣть своеобразными красками. Лагуны пересѣкаются нитями какихъ-то встрѣчныхъ теченій. Число гондолъ растетъ и лагуны пестрѣютъ ими.

Барки съ сѣномъ. Малый каналъ отдѣляющійся отъ канала «Della Giudecca».

Въ нѣкоторомъ разстояніи всѣ гондолы и всѣ гондольеры удивительно какъ похожи другъ на друга. Въ этой таинственной безличности гондолы есть что-то странное и прельщающее. Когда вы сидите въ гондолѣ, она какъ будто бы имѣетъ нѣкоторыя субъективныя свойства, но когда она скользитъ мимо васъ, эта субъективность исчезаетъ вслѣдствіе того, что всѣ гондолы одного размѣра, одного вида, одного цвѣта, одного хода, одной поступи. Изъ моего окна на «Ривѣ» я всегда наблюдалъ одинъ и тотъ же длинный черный силуэтъ, поднимающій и нѣсколько откидывающій назадъ свою голову, движущійся, хотя почти незамѣтно, съ грубоватой фигурой гондольера на кормѣ. Говоря вообще, можно сказать, что въ свободныхъ движеніяхъ самаго граціознаго гондольера есть доля угловатости, а въ движеніяхъ самаго угловатаго изъ нихъ есть доля граціи. Конечно, въ хорошо сложенныхъ субъектахъ грація движеній преобладаетъ—и дѣйствительно нѣтъ ничего красивѣе

какъ то широкое, рѣшительное движеніе, съ которымъ они, не безъ нѣкоторой доли ремесленного хвостовства, управляютъ съ своимъ громаднымъ весломъ. Тутъ соединена смѣлость, рѣшительность ныряющей птицы съ правильностью движеній маятника. Если лежа на мягкихъ подушкахъ гондолы, вамъ удастся наблюсти это движеніе въ профиль на гондольерѣ другой гондолы, скользящей мимо васъ, вы подмѣчаете такое благородство линій въ согнутомъ корпусѣ гондольера, что въ умѣ невольно является воспоминаніе о фигурѣ съ какого нибудь классическаго греческаго фриза.

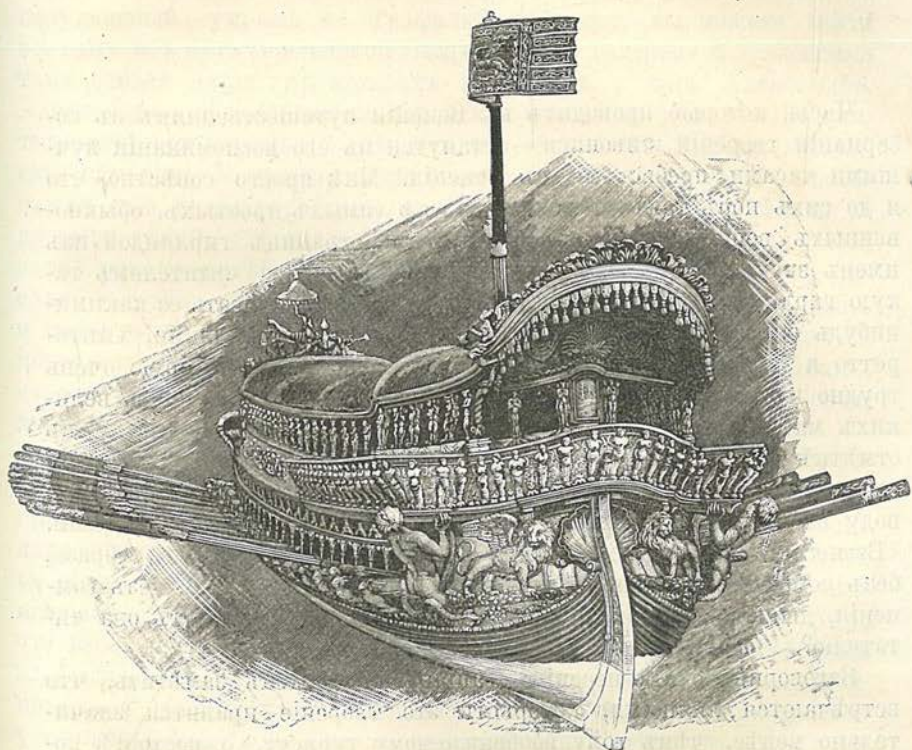
Въ Венеціи вашъ лучший другъ—гондольеръ, если только вамъ улыбнулось счастье при его выборѣ—отъ этого выбора зависитъ свойство большинства вашихъ впечатлѣній. Гондольеръ—это часть вашего дня, часть вашего существа, вашъ двойникъ, ваша тѣнь; онъ дополняетъ вашу личность. Я думаю, что большинство туристовъ либо любятъ, либо ненавидитъ своихъ гондольеровъ; мало такихъ лицъ, которыя относились бы къ нимъ безразлично. Тѣ, которыя любятъ ихъ, привязываются къ нимъ искренно и сильно, въ послѣднемъ случаѣ они заботятся о гондольерѣ даже по отъѣздѣ изъ Венеціи, въ разказахъ своихъ выставляютъ его перломъ между его собратьями и непременно настаиваютъ передъ друзьями ѣдущими въ Венецію, чтобы они розыскали его.

Гондольеры большею частью отличные малые, и, въ сравненіи съ остальнымъ населеніемъ, могутъ по преимуществу присвоивать себѣ прозвище «дѣтей Венеціи»; они составляютъ часть ея существа, часть присущихъ ей прелестей, ея типины и грусти. Говоря о тишинѣ, я долженъ, впрочемъ, тотчасъ же оговориться и замѣтить, что гондольеры причастны и звуковой сторонѣ венеціанской жизни. Они очень разговорчивы въ своей средѣ; въ *traghetti* они всегда ведутъ оживленный разговоръ, всегда находя какой-нибудь предметъ спора; они кричатъ во все горло черезъ каналы; они стараются предугадать ваши распоряженія при нашемъ приближеніи; они издали перебраниваются другъ съ другомъ. Я рѣшаюсь даже утверждать, что голосъ гондольера въ сущности—это голосъ, звукъ Венеціи. Особенность города и составляетъ, пожалуй, отсутствіе всякихъ другихъ звуковъ. Тамъ нѣтъ другаго шума, кромѣ шума человѣческихъ голосовъ, нѣтъ дальняго отголоска городской сумятицы, не слышно сливающегося грохота колесъ и подковъ. Можно даже, пожалуй, сказать, конечно съ нѣкоторой натяжкой, что Венеція, по преимуществу, городъ разговоровъ. Жители ея громко бесѣдуютъ на улицахъ и площадяхъ, потому что ничто не мѣшаетъ имъ слушать другъ друга. Простонародье ведетъ, такимъ образомъ, семейную бесѣду; рѣчь доносится далеко по тихой гладкой поверхности воды, и добрые благодушные венеціанцы пользуются этимъ общедоступнымъ телефономъ для дружеской домашней бесѣды на разстояніи полумили. Благодаря своему болтливому

нарѣчію, венеціанцы обращаютъ свою жизнь въ вѣчный разговоръ — *conversazione*.

Гондольеръ цѣнитъ свои услуги замѣчательно скромно и обладаетъ счастливымъ даромъ быть весьма услужливымъ безъ малѣйшаго оттѣнка холопскаго прислужничества. Вознагражденіе свыше условеннаго или спрошеннаго, неожиданная прибавка «на чай», пробуждаетъ въ немъ настоящій приливъ лирической благодарности. Манеры его, какъ и большинства венеціанцевъ, замѣчательно

«Бучентавръ» — государственный катеръ Венеціи.

хороши. Къ этому народу привязываешься очень скоро вслѣдствіе искренности и простоты обращенія — черта свойственная вообще италіанцамъ и особенно венеціанцамъ. Невольно чувствуешь, что имѣешь дѣло съ представителемъ древней расы, въ крови котораго отражается богатая и древняя культура, и если фортуна ему не улыбнулась, то года во всякомъ случаѣ отполировали его. Но онъ не имѣетъ никакой особой склонности къ добродѣтели, да и не заявляетъ никакихъ претензій въ этомъ отношеніи. Онъ не за-

думается выставить ложь за истину и способенъ принять чужое добро за свое. Если къ нѣжнымъ чувствамъ онъ питаетъ особенную слабость, то я не думаю, чтобы съ другой стороны онъ былъ бы особенно храбръ и трудолюбивъ. Но онъ безошибочно угадываетъ прелести жизни, и самый бѣдный венеціанецъ—все-таки самый естественный, самый простой человекъ въ мірѣ. Во всякомъ случаѣ, онъ лучше, сноснѣе, чѣмъ люди того же класса въ націяхъ трудолюбивыхъ и добродѣтельныхъ, среди которыхъ также встрѣчаются «порой» охотники солгать и стянуть чужое добро.

V.

Часы, которые проводитъ въ Венеціи путешественникъ въ созерцаніи твореній живописи—останутся въ его воспоминаніи лучшими часами пребыванія въ Венеціи. Мнѣ просто совѣстно, что я до сихъ поръ такъ много говорилъ о самыхъ простыхъ, обыкновенныхъ вещахъ и не украсилъ этихъ страницъ гирляндой изъ именъ знаменитыхъ живописцевъ. Но, преподнеся читателямъ такую гирлянду, въ состояніи ли я буду иллюстрировать ее какими-нибудь описаніями? Назвавъ имена Карпаччіо и Беллини, Тинторетто и Веронеза, затрагиваешь такую область, въ которую очень трудно пускаться. Все, что можно было сказать объ этихъ великихъ мастерахъ, уже было сказано — и весьма мало смыслу въ отмѣткѣ факта, что произведенія ихъ пришлись по-вкусу и по-сердцу еще одному путешественнику, записавшему по этому поводу въ своемъ дневникѣ: «Сегодня, утромъ, былъ въ академіи. «Вознесеніе» Таціана мнѣ очень понравилось». Эта честная фраза, безъ сомнѣнія, украшаетъ не одну записную книжку и, безъ сомнѣнія, дышетъ полною искренностью — но что поясняетъ она читателю?

Заговоривъ о «Вознесеніи» Таціана, я долженъ замѣтить, что встрѣчаются личности, которымъ это твореніе нравится значительно менѣе, чѣмъ тому воображаемому туристу, о восторгѣ котораго упоминалось выше. Созерцаніе этой картины способно уготовить вамъ одно изъ возможныхъ разочарованій въ Венеціи. Конечно, твореніе это придаетъ величественный, роскошный видъ той стѣнѣ академической залы, которую она украшаетъ, — но въ той же комнатѣ находятся двѣ или три картины менѣе прославленныя, могущія въ меньшей степени привести васъ въ восторгъ. Въ записной книжкѣ одного простодушнаго путешественника было отмѣчено слѣдующее: «Вознесеніе» поразило меня своей грубостью и поверхностью». Какъ это ни странно, но знакомясь съ Тиціаномъ въ Венеціи, можно разочароваться въ этомъ великомъ художникѣ; дѣло въ томъ, что въ его «пріемномъ»

городѣ собраны далеко не лучшія произведенія этого художника— и съ послѣдними надо знакомиться въ галереяхъ Мадрида, Парижа, Лондона, Флоренціи, Дрездена и Мюнхена. Другіе художники, напротивъ, живутъ какъ бы только въ одномъ завѣтномъ родномъ домѣ — таковъ напримѣръ Тинторетто. Рядомъ съ нимъ слѣдуетъ поставить Карпаччіо и Беллини — они-то и представляютъ собой ослѣпительное тріо венеціанской живописи. Павла Веронеза можно видѣть и восторгаться имъ и въ другихъ городахъ: въ Венеціи имѣются великолѣпные образцы его кисти, но самыя блестящія его творенія въ Парижѣ и Дрезденѣ. Гуляя въ полудневный сумракъ по Трафальгаръ-скверу, вы можете зайти въ одну изъ залъ лондонской «національной галереи» и любоваться тамъ семьей Дарія, въ мольбахъ и слезахъ у ногъ Александра. Александръ—прекрасный венеціанскій юноша въ малиновыхъ панталонахъ; вся картина согрѣваетъ венеціанскимъ жаромъ лондонскія сумерки. Можно просидѣть передъ нею цѣлые часы — воображая себя подплывающимъ въ гондолѣ къ входу съ канала во дворецъ дожей, гдѣ васъ встрѣчаетъ старикъ-нищій, обладающій одной изъ красивѣйшихъ головъ въ мірѣ. Сотни живописцевъ писали съ этого старика дожей лицъ болѣе высокопоставленныхъ и священныхъ... Этотъ нищій пользуется особенной привилегіей подводить вашу гондолу къ ступенямъ крыльца — или воображать, что онъ это дѣлаетъ—чтобы подставить вамъ за эту услугу свою жирную, непомящую вѣка шапку.

Но для того, чтобы въ самомъ дѣлѣ познакомиться съ твореніями остальныхъ изъ названныхъ художниковъ, вы должны отправляться въ Венецію: пока вы тамъ, творенія эти составляютъ какъ бы часть вашего существа, поясняютъ вамъ вашъ взглядъ на міръ, на вселенную. Въ высшей степени трудно опредѣлить ясно отношенія, которыя тутъ устанавливаются: дѣло въ томъ, что весь художественный міръ Венеціи, всё ея художественные элементы такъ близки и сродны дѣйствительности, такъ дополняютъ и расширяютъ послѣднюю, что трудно безпристрастно утверждать чему или кому обязанъ бываешь болѣе, чѣму или кому менѣе. Едва ли, кажется, въ самой Голландіи, искусство и жизнь такъ сродственны, такъ тѣсно переплетаются между собой. Все богатство свѣта и красокъ, вся роскошь колорита, вся исторія Венеціи изображены на стѣнахъ и плафонахъ ея дворцовъ; въ то же время весь гений ея художниковъ, всё образы и видѣнія запечатлѣнные ими въ ихъ картинахъ, такъ и мелькаютъ въ лучахъ палящаго солнца Венеціи и въ волнахъ ея лагуны и каналовъ, ея моря. Не ради разнообразія впечатлѣній вы покидаете улицу и площадь и уходите въ картинныя галереи и церкви — а потому, что тамъ вы находите художественное воспроизведеніе окружающей среды. Вся Венеція была въ одно и то же время и худож-

никомъ и образцомъ, которымъ художникъ вдохновлялся въ своихъ твореніяхъ; жизнь была такъ живописна, что искусство не могло сдѣлаться инымъ. Венеціанская жизнь и до сихъ поръ носить тотъ же отпечатокъ, конечно въ нѣсколько меньшей силѣ— и это-то и придаетъ удивительную свѣжесть впечатлѣнію при созерцаціи произведеній венеціанской школы. Вы судите о нихъ не какъ знатокъ, но какъ человѣкъ отъ того же міра, вы наслаждаетесь ими потому, что они такъ современны и такъ близки дѣйствительной жизни. Изъ всѣхъ художественныхъ созданій одинаковой высоты, творенія венеціанской школы воспринимаются зрителемъ съ наименьшимъ усиленіемъ мышленія — онъ наслаждается ими непосредственнѣе, чѣмъ всѣми другими.

VI.

Май въ Венеціи лучше апрѣля, но самое лучшее время года— это іюнь. Тогда наступаютъ знойные, но не черезъ-чуръ жаркіе дни, и ночи, которыя не могутъ сравниться ни съ какимъ днемъ. По утрамъ Венеція кажется тогда болѣе розовой, чѣмъ когда-либо,

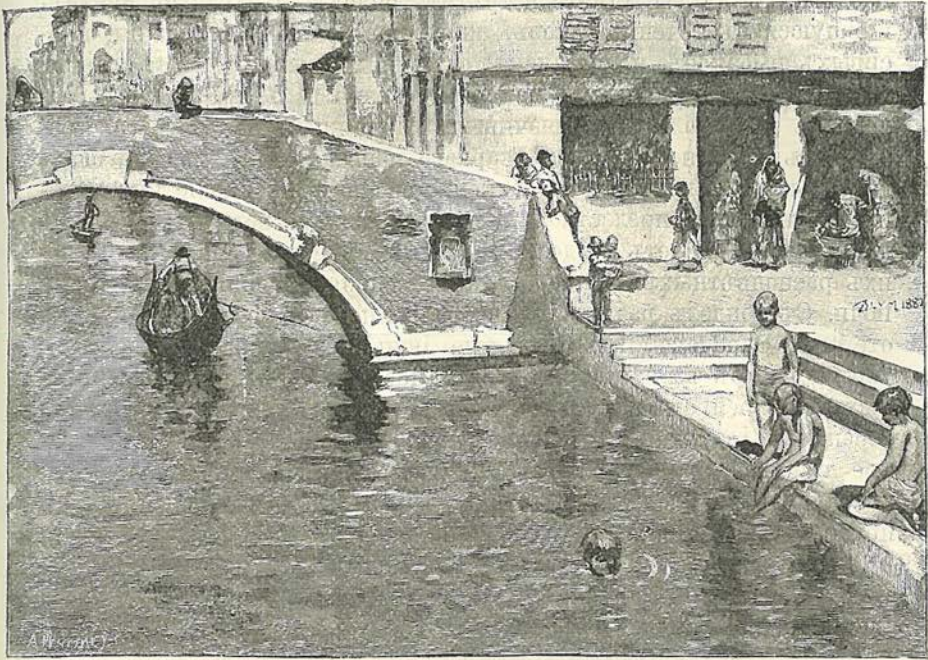

Видъ изъ сада на островъ Сан-Лазцаро.

а на склонѣ дня утопаетъ въ цѣломъ морѣ золотого свѣта. Она какъ будто бы расцвѣтаетъ и испаряется, всѣ эффекты отраженія и свѣторазсѣянія какъ бы умножаются.

Жизнь населенія Венеціи и странность склада этой жизни обращаютъ ее въ эти дни въ нескончаемую комедію или, по крайней мѣрѣ, въ какое-то нескончаемое лицедѣйствіе. Гондола обра-

На память о Венеціи.

щается въ ваше постоянное жилище, и вы проводите цѣлые дни между моремъ и небомъ.

Вы отправляетесь на Лидо, который, впрочемъ, теперь испорченъ. Въ 1869 году, когда я его впервые посетилъ, природа не была здѣсь еще исковеркана. Отъ пристани тянулась через крошечный островъ, къ морскому берегу, первобытная аллея. Въ тѣ дни тамъ было отведено мѣсто для купанья, существовалъ ресторанъ, правда плохой, но вы не обращали вниманія на обѣдъ, протывавшій исподволь въ тѣ теплые вечера, которые вы проводили сидя на деревянной терасѣ, выдававшейся въ море. Теперь на Лидо выросло затѣйливое селеніе и отъ Santa Elisabetta къ Адриатикѣ проложенъ третьестепенный пыльный бульваръ съ газовыми рожками. Тамъ и сямъ на островѣ цементныя постройки, гостиницы, отели, лавки, театръ. Купальное заведеніе расширено, расширенъ и ресторанъ, но кухня осталась по-прежнему отвратительной. Чтобы насладиться теперь морскимъ берегомъ Лидо, надо отойти въ сторону отъ пригороднаго селенія. Возвращеніе въ Венецію при закатѣ солнца классически обязательно — и, дѣйствительно, картина оставляетъ глубокое впечатлѣніе.

Можно предпринимать и болѣе отдаленныя прогулки изъ Венеціи — отправляясь на острова Бурано, Торчелло, Миламокко,

Кіоджіа. Вездѣ вы можете встрѣтить рядомъ съ жизнью, неизмѣняющуюся въ теченіи вѣковъ, шаги новѣйшей цивилизаціи; красивыхъ рыбаковъ и рыбачекъ съ добрымъ взглядомъ и славной душой, но съ отчаянными манерами; вездѣ васъ преслѣдуютъ далеко въ море толпы неотвязчивыхъ мальчишекъ-поцрошаекъ. Вернувшись въ Венецію, послѣ жаркаго іюньскаго дня, часовъ около десяти вечера, выйдите на балконъ, висящій на Canale Grande — и наслаждайтесь прелестной картиной: внизу, подъ вами, по водамъ канала снуютъ гондолы, отражая въ водной ряби огни своихъ разноцвѣтныхъ фонарей, таинственно свѣтящихся въ мракѣ ночи. Съ гондолъ раздаются серенады, передъ тѣмъ или другимъ отелемъ. Впрочемъ, въ нѣкоторые іюньскіе вечера иногда собирается черезъ-чуръ много гондолъ, черезъ-чуръ много разноцвѣтныхъ фонарей отражается въ водѣ и раздается черезъ-чуръ много серенадъ. Послѣдними особенно злоупотребляютъ въ Венеціи. Самое лучшее, что вы можете сдѣлать въ такія минуты — это уйти съ балкона и провести остатокъ вечера въ собравшейся у васъ пріятной компаніи...

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ВТОРОЙ ИМПЕРИИ.

Республика без республиканцевъ.—Значеніе записокъ Вьель-Кастеля.—Благодарственный молебень послѣ декабрскихъ убійствъ.—Новое министерство.—Отношеніе Луи-Наполеона къ печати.—Хищенія дѣятелей 1848 года.—Развитіе социализма.—Политическія преступленія и укрощеніе говоруновъ.—Журналисты-ренегаты.—Протесты легитимистовъ.—Ихъ неумѣнье дѣлать гражданское мужество.—Авторъ «предостереженій».—Наполеониды.—Первое представленіе «Дамы съ камеліями».—Приближенные Луи-Наполеона.—Предостереженіе газетъ «Constitutionnel».—Принцъ Жеромъ.—Черито.—Префектъ полиціи.—Поѣздка Луи-Наполеона.—Парадный спектакль.—Герцогиня Орлеанская.—Продѣлка Луи-Филиппа.—Провозглашеніе имперіи.—Депутатъ съ усердіемъ все превозмогающимъ.—Письмо Наполеона I.—Счастье Луи-Филиппа.—Дейць.—Придворные скандалы.—Записки Барраса.—Робеспьеръ въ могилѣ Людовика XVI.—Бракъ императора.—Маменька императрицы.—Наполеонъ I и Камбасересъ.—Самоубійство графа Камерата и его любовницы.—Дядюшка императора.—Рашель.—Столовореніе.—Евгенія въ частной жизни.—Министръ Фульдъ и Россини.—Восточная война.—Принцесса Матильда.—Французскія женщины.

МЫ ГОВОРИЛИ уже о любопытныхъ запискахъ графа Гораса де-Вьель Кастеля, на основаніи которыхъ попытались набросать картину послѣдняго года второй республики («Историческій Вѣстникъ», апрѣль, т. XII). Нынѣшнимъ лѣтомъ вышла вторая часть этихъ записокъ, возбуждавшая такое же неудовольствіе въ высшихъ административныхъ кружкахъ французскаго общества и такія же озлобленныя выходки партіи бонапартистовъ, какъ и первая часть. Не смотря на то, что третья республика существуетъ во Франціи уже тринадцать лѣтъ, въ ней, по признанію всѣхъ непристрастныхъ лицъ, еще очень мало республиканцевъ. За то въ ней все еще больше бонапартистовъ, чѣмъ этого можно было ожидать послѣ всѣхъ разоблаченій по-

зорнаго наполеоновскаго режима. Монархистовъ въ ней также не мало, и теперь съ исчезновеніемъ легитимизма, въ лицѣ его главы и представителя, графа Шамбора, они еще крѣпче сплотились между собою и могутъ производить сильное вліяніе на дѣла правленія, имѣя во всѣхъ отрасляхъ его своихъ единомышленниковъ. Почти всѣ административныя учрежденія наполнены ими, и имъ не менше бонапартистовъ непріятны обличенія Вьель-Кастеля, такъ какъ многіе изъ нихъ занимали разныя должности во время имперіи, а послѣ ея паденія, старались вернуть Францію къ монархическому образу правленія, служа въ то же время республикѣ. Понятно, что рѣзкія сужденія автора «Записокъ» о некрасивыхъ продѣлкахъ ихъ самихъ или близкихъ къ нимъ лицъ, не по-сердцу всѣмъ искателямъ теплыхъ мѣстъ и большихъ доходовъ. Правда Вьель-Кастель колеблетъ имъ глаза, но тѣмъ дороже она для насъ, для всякаго мыслителя, который, въ сторонѣ отъ этой погони за богатствомъ, почестями, властью, роскошной жизнью, во всей этой правительственной комедіи видитъ только урокъ исторіи да законы вѣчной правды, рано или поздно берушей верхъ надъ людскою несправедливостью. Поэтому-то мы еще разъ возвращаемся къ запискамъ покойнаго графа и, на основаніи ихъ, представимъ картину первыхъ годовъ странной эпохи, такъ рельефно рисующей всѣ дурныя стороны нашего вѣка. Объ этой эпохѣ писано не мало, но Вьель-Кастель освѣщаетъ яркимъ свѣтомъ многія подробности ея, всегда любопытныя и характеристичныя. Не смотря на свою близость ко двору и главнымъ дѣятелямъ имперіи, онъ еще не зналъ многого, что обнаружилось только впоследствии (записки его оканчиваются 1864-мъ годомъ) и продолжаетъ открываться въ появляющихся ежегодно новыхъ документахъ. Мы воспользуемся и этимъ матерьяломъ, чтобы не оставить въ тѣни ни одной стороны этой эпохи, поучительной не смотря на всю ея непривлекательность.

За декабрскими убійствами на парижскихъ бульварахъ, за разстрѣливаніемъ «бунтовщиковъ» и травлею защитниковъ конституціи во всей Франціи, новый 1852 годъ начался, конечно торжественнымъ благодарственнымъ молебномъ въ соборѣ парижской богородицы, наполненномъ министрами, чиновниками, офицерами. Намаршалъ Жеромъ Бонапарте былъ такой распитый золотомъ мундиръ, что подъ галунами и позументами нельзя было узнать, какого цвѣта сукно. Въ Луврѣ большой выходъ и пріемъ кончился только въ шестомъ часу вечера. Луи-Наполеонъ показался и народу, привѣтствовавшему его громкими криками. Это былъ все тотъ же «народъ», который толпился подъ балкономъ Людовика XVIII, крича: «да здравствуетъ король и Бурбоны!» который называлъ Карла X коломемъ-рыцаремъ, Луи-Филиппа королемъ-гражданиномъ, а въ 1848 году провозгласилъ республику. Новый режимъ начался безчисленными наградами, производствами въ чины, пожалованіемъ

орденовъ, раздачею мѣстъ и должностей. Фаворитизмъ проявился съ первыхъ же дней, и Вьель-Кастель въ особенности негодуетъ на то, что министръ внутреннихъ дѣлъ Морни вытащилъ за собою своего протеже Монгюйона, члена жокей-клуба, закулиснаго завсегда-теля, прогорѣвшаго гуляку, которому государство поспѣшило назначить крупный окладъ и крестъ почетнаго легіона. Цензура была введена съ перваго же дня новаго режима и лучшая изъ газетъ того времени «Journal de Débats» протестовала тѣмъ, что стала выходить безъ передовыхъ политическихъ статей. Луи-Наполеонъ послалъ за Бертенемъ, собственникомъ газеты, и сказалъ ему:

— Очень жаль, что вашъ періодическій органъ, бывший всегда другомъ порядка, молчитъ въ ту минуту, когда всѣ лица, желающія спасти отечество, соединяютъ для этого всѣ свои усилія. Возобновите помѣщеніе вашихъ передовыхъ статей, которыя могутъ принести большую пользу теперь, когда необходимо очистить Францію отъ тайныхъ обществъ.

Бертенъ отвѣчалъ, что онъ считаетъ возможнымъ печатаніе политическихъ сужденій только подъ условіемъ свободы печати и уничтоженія предварительной цензуры.

— Пока я въ главѣ правленія, возразилъ Луи-Наполеонъ,—не рассчитывайте на свободу печати, обратившуюся въ необузданное своеволие.

Этотъ отвѣтъ Вьель-Кастель находитъ совершенно логичнымъ на томъ основаніи, что «у насъ всего слабѣе власть и что ее необходимо укрѣпить, придавъ ей силу и уваженіе». Но развѣ уваженіе внушается подневольнымъ молчаніемъ? Жалуясь затѣмъ на упадокъ семейныхъ связей и хищеніе чиновниковъ, авторъ приводитъ случай, рисующій въ некрасивомъ свѣтѣ дѣятелей 1848 года. При осмотрѣ знаменъ французской арміи найдено было, что шитье, галуны и позументы на нихъ—мишурные, а не золотые, между тѣмъ національное собраніе назначило на этотъ предметъ и на шарфы меровъ пять милліоновъ франковъ... Кто же положилъ въ свой карманъ эту сумму? спрашиваетъ Вьель-Кастель—и предлагаетъ спросить объ этомъ Мараста, Флакона и «разныхъ Кремье». Къ сожалѣнію, всѣ они уже умерли, а современные правители не заботятся о томъ, чтобы очистить память своихъ предмѣстниковъ отъ недоказанныхъ обвиненій.

Въ развитіи социализма авторъ обвиняетъ болѣе всего Англію, дающую у себя убѣжище всѣмъ бѣглецамъ и преступникамъ, пріютившую Ледрю-Роллена, Луи-Блана, открывшую подписку на Мадзиневскій заемъ, въ которомъ приняло большое участіе шотландское духовенство, съ цѣлью истребленія папства, какъ оно открыто сознавалось въ этомъ. На самомъ же дѣлѣ заемъ этотъ шелъ болѣею частью на пропаганду социализма; Америка дѣлала оваціи Косшуту; въ Европѣ инсургенты, гонимые въ своей странѣ, находятъ

въ сосѣдней пріютъ и почетъ, а между тѣмъ «политическія преступленія слѣдуетъ преслѣдовать безъ различія границъ и національностей. Инсурекція будь она венгерская, польская, итальянская или французская, должна одинаково затрогивать интересы всѣхъ странъ. Ложная филантропія сбила съ толку здравый смыслъ Европы». Изгнаніе изъ Франціи 84-хъ членовъ національнаго собранія и такихъ лицъ какъ Викторъ Гюго, Эдгара Кине, Жиардена, полковника Шарраса, Лагранжа, генераловъ Шангарнье, База, Лефлю, Бедо, Ремюза, Тьера, Паскаля, Дюпра, Ластери и др., вызвало у Вьель-Кастеля только слѣдующее разсужденіе: «укротивъ вредную печать, слѣдовало заставить молчать и вредныхъ говорунновъ. Мы—бѣдные больные, которымъ докторъ не можетъ разрѣшить пищи, полезной здоровымъ людямъ». И онъ радуется этому молчанію, этой тишинѣ и спокойствію, царившимъ во Франціи все время пока жилъ этотъ добродушный бонапартистъ, невидавшій погрома имперіи, въ которой дѣйствительно замолкли всѣ честные и правдивые голоса. Онъ приводитъ въ примѣръ издателя газеты «Le Corsaire» Ровиго, осыпавшаго бранью въ своемъ листкѣ Луи-Наполеона, а потомъ просившаго у него мѣста по министерству двора. Какъ контрастъ съ подобными ренегатами онъ рисуеъ портреты нѣкоторыхъ роялистовъ: г-жу Анжевилльеръ, носившую моды 1780 года во время первой имперіи, маркиза Вальфона, выражавшаго свой протестъ противъ имперіи тѣмъ, что даже на пирогахъ, подаваемыхъ къ его обѣду, приказывалъ вытиснуть въ тѣстѣ три лиліи, гербъ бурбоновъ. Мимоходомъ онъ упоминаетъ, что отецъ его былъ камергеромъ и любовникомъ императрицы Жозефины до ея замужства съ Наполеономъ и послѣ ея развода. Но этотъ же добродушный авторъ выражается съ возмутительнымъ безсердечіемъ, когда дѣло коснется его политическихъ противниковъ. Дювержье де-Горанъ отправляемый въ изгнаніе, отвѣчалъ на выражаемое ему по этому случаю сожалѣніе: «во всей своей политической жизни я не сдѣлалъ ничего, за чтѣ бы могъ упрекнуть себя, и если возвращусь во Францію буду поступать какъ и прежде». Это сознаніе истиннаго гражданскаго мужества Вьель-Кастель сопровождаетъ слѣдующею фразою: «такихъ людей надо задушить между двумя матрацами; мелкіе умы—они всегда бывають только въ оппозиціи». И между тѣмъ онъ очень мѣтко характеризируетъ другія, дѣйствительно зловредныя личности, какъ Персиньи, авторъ знаменитой системы «предостереженій», этотъ злой геній Луи-Наполеона, «съ миной ищейки, надутый выскочка, мстительный и хитрый проходимецъ, не краснѣющій отъ пощечины, но и не забывающій ее». Онъ заставилъ Луи-Наполеона издать декретъ о конфискаціи имущества орлеанскихъ принцевъ. На чтѣ не рѣшалась республика, то сдѣлала имперія. Министръ внутреннихъ дѣлъ Морни и финансовъ—Фульдъ вышли въ отставку, не желая участвовать въ этомъ грабительствѣ. Пер-

синьи занялъ мѣсто Морни. Этотъ «сынъ любви» безвѣстнаго авантюриста сзумѣлъ лишити власти брата Луи-Наполеона, сына Гортензи и графа Флаго. «Мы вступили въ царствованіе награжденныхъ прелюбодѣяній», прибавляетъ Вьель-Кастель, перечисляя главныхъ наполеонидовъ: Валевскій, сынъ Наполеона I, назначенъ посланникомъ въ Лондонъ, Легонъ, сынъ возлюбленной герцога Морни, получилъ орденъ и значительное мѣсто въ судѣ, Котро, бывшій возлюбленный Гортензи, сдѣланъ главнымъ инспекторомъ изящныхъ искусствъ, Клавель, возлюбленный супруги Мюрата, получилъ 60.000 франковъ въ обмѣнъ на ея письма и пр. и пр. Все это было извѣстно изъ считавшихся памфлетами брошюръ о второй имперіи, но, подтвержденное такимъ честнымъ бонапартистомъ какъ Вьель-Кастель, дѣлается несомнѣннымъ историческимъ документомъ. Онъ не сожалѣетъ, впрочемъ, объ ограбленіи орлеанскихъ принцевъ и видитъ въ этомъ фактѣ Немезиду, покаравшую принцевъ, бѣжавшихъ во время революціи 1848 года. У нихъ осталось еще сто милліоновъ дохода послѣ конфискаціи.

Вотъ что говоритъ Вьель-Кастель о первомъ представленіи «Дамы съ камеліями»: «театры подчинены строгой цензурѣ учрежденной для того, чтобы уважали мораль, общественный стыдъ, приличіе. Драма Дюма-сына оскорбляетъ все, что должна заставить уважать цензура. Эта пьеса—стыдъ для эпохи, которая выноситъ ее, для правительства, которое ее допускаетъ, для публики, которая ей аплодируетъ. Полиція, которая терпитъ подобный скандалъ, забываетъ, что такимъ образомъ деморализуютъ народъ». Мы не будемъ, конечно, опровергать подобной странной «критики» и утвержденія, что Александръ Дюма-сынъ—«негодяй безъ всякаго образованія», но замѣтимъ, что Вьель-Кастель возмущается болѣе всего тѣмъ, что въ пьесѣ выведено лицо, представляющее графа Жервилье, котораго разорила Дошъ, играющая «Даму съ камеліями», и который всякій день приходилъ въ кресла смотрѣть эту пьесу, въ то время когда его разведенная жена слушала драму изъ ложи. Грязный анекдотъ, который авторъ приводитъ о Дюма, отцѣ и сынѣ, гораздо возмутительнѣе этого факта.

Съ какою нецеремонностью всѣ эти министры, захватившіе власть, относились къ прошедшему Франціи, доказываетъ разсказъ Вьель-Кастеля о Персиньи. Этотъ проходимецъ, сдѣлавшись министромъ внутреннихъ дѣлъ, задумалъ уничтожить знаменитый луврскій музей и въ помѣщеніи его сосредоточить управленіе всѣми министерствами и тайную полицію, охранявшую Луи-Наполеона. Высокопросвѣщенный министръ собирался продать картины и рѣдкости музея за двадцать милліоновъ франковъ и, въ присутствіи ученыхъ и художниковъ, развязно заявлялъ, что для него всякій сапожникъ, знающій свое дѣло—такой же артистъ, какъ и живописецъ, расписывающій картины, что хорошенькая живая жен-

щина предпочтительнѣе всякой нарисованной красавицы, хотя бы и Рафаэлемъ. Хорошо еще, что Луи-Наполеонъ положилъ конецъ выходкамъ такого министра.

Любопытна исторія съ предостереженіями газетъ «Constitutionnel», доказывающая, что и офиціозныя изданія при этой системѣ дѣлаются оппозиціонными. Веронъ помѣстилъ въ своей газетѣ статью Гранье Кассаньяка о Бельгіи, которую совѣтовали присоединить къ Франціи. Общественное мнѣніе и дипломатія взволновались тѣмъ болѣе, что въ статьѣ почти прямо говорилось, что она прислана изъ Елисейскаго дворца, то есть отъ Луи-Наполеона. Офиціальная газета должна была объявить, что статья эта—выраженіе частнаго, а не правительственнаго мнѣнія. Веронъ настаивалъ однако, что статья сообщена ему не отъ частнаго лица. За это газетѣ дано первое предостереженіе. Веронъ взбѣлся и напечаталъ, что въ Елисейскомъ дворцѣ было куплено пятьсотъ нумеровъ съ этой статьёй и отправлено въ Бельгію. Это было совершенно справедливо, но за это дали все-таки второе предостереженіе. Веронъ подтвердилъ свое показаніе—и газета была приостановлена на нѣсколько мѣсяцевъ. «Понятно, что Луи-Наполеонъ хочетъ убить прессу, прибавляетъ Вьель-Кастель, но все таки это надо дѣлать честнымъ образомъ». Тиснувъ неловкую статью о сосѣдней державѣ и видя, что статья произвела дурное впечатлѣніе, не слѣдовало взваливать на другого свою ошибку. Когда Шангарнье напечаталъ въ газетахъ свой отказъ отъ присяги Луи-Наполеону, многіе увидѣли въ этомъ твердость и благородство характера, но другія газеты сообщили, что доблестный генераль самъ нѣсколько разъ предлагалъ президенту сдѣлаться императоромъ и когда тотъ отказался—Шангарнье, взбѣшенный, началъ составлять заговоръ, на которомъ рѣшено было запереть президента въ тюрьму, разогнать національное собраніе и сдѣлать Шангарнье диктаторомъ. Объ этомъ сообщилъ президенту Моле, не рѣшавшійся однако подтвердить въ печати этого сообщенія. Тогда Луи-Наполеонъ самъ подтвердилъ слова Моле и послалъ это сообщеніе въ Constitutionnel, а теперь наказывалъ газету за то только, что она и въ этомъ случаѣ, какъ и въ прежнемъ, говорила одну правду.

Анекдоты лучше всего рисуютъ эту странную эпоху. Незадолго до поѣздки Луи-Наполеона по департаментамъ южной Франціи, дядюшка его, принцъ Жеромъ, тоже объѣзжалъ для чего-то портовые города, гдѣ приказывалъ называть себя свѣтлостью. Вернувшись, онъ рассказалъ племяннику объ оваціяхъ, какими его встрѣчали и, кстати, подалъ ему счетъ издержекъ этой поѣздки, но Луи-Наполеонъ отказался отъ уплаты, говоря, что дядюшка получаетъ триста тысячъ франковъ содержанія, послѣ государственнаго переворота получилъ два миліона и требовать еще—невозможно. Жеромъ взбѣлся и сказалъ:

— У вас нѣтъ ничего, что напоминало бы императора Наполеона!

— Вы ошибаетесь: у меня—его семейство! холодно отвѣчалъ принцъ.

Танцовщица Черито дала обѣщаніе, если получить ангажементъ на театрѣ Большой оперы—принести въ даръ церкви Лоретской Богородицы серебрянную чашу для причащенія. Веронъ и Ромье устроили дѣло такъ, что Черито ангажировали еще на два года, и она объявила, что желаетъ исполнить свое обѣщаніе. Тогда директоръ департамента изящныхъ искусствъ отправился посланникомъ танцовки къ священнику и убѣдилъ его принять даръ этой очень мало кающейся Магдалины. Въ переговорахъ ему помогаль морской министръ Дюко, котораго уговорили жениться на своей содержанкѣ, когда сдѣлали министромъ.

Морни рассказывалъ Вьель-Кастелло, что Тьеръ и Шангарнье замышляли также сдѣлать государственный переворотъ—каждый изъ нихъ въ пользу своей партіи—орлеанистской и легитимистской. Но Тьеръ, находя необходимымъ арестовать членовъ учредительнаго собранія, не соглашался захватить Кавеньяка и Ламорисьера, опасаясь ихъ популярности, тогда какъ Шангарнье охотно принималъ на себя эту обязанность. За нѣсколько часовъ до государственнаго переворота Морни былъ въ театрѣ Комической оперы, вмѣстѣ съ Кавеньякомъ и, въ ложѣ хорошенькой орлеанистки Лядьеръ, друзья ея предупреждали, что черезъ нѣсколько дней посадятъ его въ венсенскую крѣпость. Болѣе всѣхъ трусилъ во время захвата членовъ палаты—префектъ полиціи Мона. Несмотря на то, что префектуру охранялъ отрядъ въ тысячу человекъ, онъ послалъ къ Морни просить подкрѣпленій и отправлялъ невозможныя депеши, въ родѣ того, что «графъ Шамборъ явился въ Парижъ съ 6-мъ драгунскимъ полкомъ».

Во время поѣздки Луи-Наполеона, всѣ южные города, неисключая Марсели и Тулона, встрѣчали его какъ императора. Въ Бордо онъ произнесъ свою знаменитую рѣчь, въ которой увѣрялъ, что «имперія — это миръ». Но мирно царствовать ему было нельзя; только внѣшними военными подвигами онъ могъ заставить французовъ забывать на время объ ихъ постыдномъ, унижительномъ внутреннемъ положеніи. И онъ затѣвалъ то крымскую войну, то итальянскую, то мексиканскую, пока война съ Германіей окончательно не уничтожила мира — а съ миромъ и позорную имперію. Вернувшись въ Парижъ, въ концѣ октября 1852 года, Луи-Наполеонъ явился передъ публикой въ парадномъ спектаклѣ «Французскаго театра», данномъ въ его честь. И по пути его въ улицу Ришелье и въ залѣ театра его встрѣтили криками: да здравствуетъ императоръ! Играли «Цинну», и Рашель, исполнивъ въ трагедіи стараго Корнеля роль Эмилиі, прочла въ концѣ спектакля стихо-

твореніе, прославлявшее Луи-Наполеона и написанное Арсеномъ Гуссе, тѣмъ самымъ поэтомъ, который въ 1848 году расклеивалъ на стѣнахъ Парижа воззваніе къ своимъ согражданамъ, въ которомъ утверждалъ, что онъ первый ворвался въ законодательное собраніе и провозгласилъ демократическую республику. Да и сама Рашель всего только три года тому назадъ, на этомъ самомъ театрѣ, читала «Марсельезу», подъ акомпаниментъ музыки и рева республиканцевъ. А въ ложахъ театра сидѣли: Абдель-Кадеръ, котораго не выпускали на свободу, несмотря на данное ему обѣщаніе — не держать его въ плѣну; англичанка Говардъ, любовница Луи-Наполеона, вся покрытая брилліантами; принцъ Жеромъ со своею любовницею, Эдгаръ Ней и другіе наполеониды все съ такими же дамами... Вьель-Кастель приходитъ въ отчаяніе отъ лицъ, окружавшихъ царственного авантюриста. А между тѣмъ, въ самый день его пріѣзда въ Парижъ, открытъ былъ заговоръ между унтеръ-офицерами и солдатами 43-го линейнаго полка, которые, встрѣчая принца, собирались застрѣлить его. Заговорщиковъ тотчасъ же отправили въ Кайенну.

Государственный совѣтъ предложилъ сенату провозгласить имперію, какъ наслѣдственную форму правленія, но изъ десяти бюро сената девять не согласились признать Жерома и его потомства — возможными наслѣдниками Луи-Наполеона. Президенты сенатскихъ комиссій отправились въ Сен-Клу заявить свою преданность Луи-Наполеону и свое отвращеніе отъ Жерома и его сына. Кардиналъ Донне, приводя въ рѣчи своей причины этого отвращенія, остановился изъ опасенія оскорбить принца.

— Продолжайте, монсеньеръ, я люблю истину, сказалъ принцъ — и все-таки не отстранилъ отъ наслѣдства линіи своего дяди. Но Жеромъ подалъ самъ въ отставку отъ званія президента сената. За то началъ распространять подъ рукою слухъ, что у него есть документы, доказывающіе, что Гортензія не хотѣла признать своего второго сына, и вообще сталъ всячески поносить принца, войдя въ сношенія съ его противниками. Между ними особенно дѣятельностью отличалась герцогиня Орлеанская. Вьель-Кастель утверждаетъ, что въ февральскую революцію она задумывала дѣйствовать на свой счетъ и, явившись въ палату, слѣдовала плану, составленному безъ вѣдома ея семейства, съ Тьеромъ и другими приверженцами регентства, которое каждый изъ нихъ собирался эксплуатировать въ свою пользу. Луи-Филиппъ ждалъ въ то время герцогиню въ Сен-Клу, а герцогъ Немурскій ничего не зналъ о ея намѣреніи — остаться въ Парижѣ съ графомъ Парижскимъ и воскресить времена Анны австрійской и Екатерины Медичи. О Луи-Филиппѣ Вьель-Кастель рассказываетъ слѣдующій анекдотъ, относящійся къ первымъ днямъ его царствованія. Онъ получилъ письмо отъ Карла X, въ которомъ этотъ изгнанный монархъ просилъ

своего родственника принять намѣстничество въ королевствѣ и спекунство надъ герцогомъ Бордосскимъ. Въ это время въ кабинетѣ былъ Дюпенъ и Луи-Филиппъ показалъ ему письмо Карла, рассыпаясь въ сожалѣннн обь участи бѣжавшаго короля, въ благодарности къ нему и дѣлая видъ, что готовъ принять его предложеніе. Дюпенъ замѣтилъ, что теперь уже поздно принимать отреченіе короля въ пользу герцога Бордосскаго, что народъ не хочетъ слышать о старшей линіи Бурбоновъ. Луи-Филиппъ настаивалъ на томъ, что не можетъ идти противъ своего родственника, воспользоваться его наслѣдіемъ. Дюпенъ, какъ прокуроръ и представитель буржуазіи, эксплуатировавшей въ свою пользу побѣду народа, доказалъ ему по пунктамъ невозможность исполнить желаніе Карла. Луи-Филиппъ принужденъ былъ согласиться съ его доводами, но «съ растерзаннымъ сердцемъ» просилъ Дюпена написать въ этомъ смыслѣ письмо Карлу X. Тотъ принесъ письмо черезъ нѣсколько минутъ.

— Любезный Дюпенъ, сказалъ Луи-Филиппъ: я хорошій отецъ семейства и привыкъ не дѣлать ничего, не посовѣтовавшись съ своей женою. Я покажу ей ваше письмо.

Черезъ двадцать минутъ онъ вернулся съ письмомъ, самъ запечаталъ его и отдавая флигель-адъютанту для отправленія, прибавилъ:

— Жена моя долго не рѣшалась послать письмо, но доводы ваши такъ убѣдительны, что она, съ болью въ сердцѣ, приняла ихъ.

И на другой же день Карлъ X объявилъ всѣмъ, что герцогъ орлеанскій принимаетъ званіе намѣстника. Луи-Филиппъ отправилъ не письмо Дюпена, а почтительное согласіе на предложеніе его величества. Онъ началъ свое царствованіе съ того, что обманулъ всѣхъ—и испыталъ ту же участь, какъ и его родственникъ. Черезъ 18 лѣтъ безславнаго царствованія, герцогъ Монпансѣ съ герцогинею Орлеанскою принудили его, также безъ всякой пользы, подписать отреченіе отъ престола. Герцогъ Омальскій и принцъ Жуанвильскій тотчасъ признали республику, прогнавшую ихъ отца; герцогъ Немурскій бѣжалъ, оставивъ въ Тюльери свою жену.

Въ годовщину измѣны своей присягѣ и избіенія на парижскихъ бульварахъ защитниковъ конституціи, Луи-Наполеонъ былъ провозглашенъ императоромъ. 7.824.189 голосовъ высказались за это избраніе. Надобно удивляться не этой цифрѣ, а тому, что наряду съ нею, при существованіи военныхъ судовъ, приговаривавшихъ всякій день сотни республиканцевъ къ ссылке и тюремному заключенію, нашлось 253.145 голосовъ отвѣчавшихъ: нѣтъ! на предложеніе выбрать Луи-Наполеона императоромъ. Двѣсти пятьдесятъ три тысячи человекъ рѣшились подписать свои имена подъ протестомъ, подвергаясь добровольно преслѣдованіямъ имперіалистовъ.

Вѣдь, зная заранѣе результатъ плебисцита, они могли спокойно все не принимать въ немъ участія... Если, по преданію, когда-то города спасались отъ того, что въ нихъ былъ одинъ праведникъ, то можно ли было сомнѣваться въ спасеніи Франціи, гдѣ въ такую тяжелую эпоху нашлось еще столько мужественныхъ гражданъ.

Въ самый день плебисцита, въ палатѣ народныхъ представителей Мерсье просилъ слова, которое президентъ не торопился дать ему.

— Я вѣдь не принадлежу къ оппозиціи, вы должны меня выслушать! заявилъ неугомонный депутатъ и, получивъ наконецъ слово, провозгласилъ: я требую, чтобы право диктатуры было предоставлено императору, когда онъ найдетъ это нужнымъ.

Отвѣтомъ на это былъ смѣхъ палаты. Даже ей показалось комичнымъ, что, безъ предложенія господина Мерсье и безъ разрѣшенія палаты, Луи-Наполеонъ не захватитъ диктатуры.

Прежде всего онъ сдѣлалъ однако захватъ, весьма естественный въ его новомъ положеніи. У какого-то любителя рѣдкостей, на набережной Конти, вмѣстѣ съ древнимъ оружіемъ, хранилось письмо генерала Бонапарте къ Баррасу, изъ Италіи, которое предлагалось на продажу желающимъ. Въ письмѣ будущій императоръ жаловался на Жозефину, которая предпочла остаться въ Парижѣ въ кругу своихъ обожателей, вмѣсто того, чтобы исполнять свою обязанность и ѣхать въ армію къ мужу. Отзываясь вообще весьма нелестно обо всѣхъ женщинахъ, генераль просилъ двухгодоваго отпуска, говоря, что ему необходимы отдыхъ и спокойствіе. Письмо это немедленно исчезло изъ лавки антикварія.

Въ это же время, на придворныхъ балахъ появилась молодая, бѣлокурая испанка Евгенія Монтихо, очень понравившаяся императору. Вьель-Кастель замѣчаетъ, что она остроумна и привлекательна, но никогда не увлечется ни сердцемъ, ни чувствомъ, такъ какъ въ ней преобладаетъ холодный расчетъ и разсудительность. «Братъ мой, Луи, прибавляетъ авторъ «Записокъ», 25 лѣтъ тому назадъ былъ въ очень близкихъ сношеніяхъ съ ея матерью». Это подтверждаютъ и другіе современные писатели. Въ концѣ этого года Вьель-Кастель приводитъ еще два «воспоминанія» изъ царствованія Луи-Филиппа.

Разъ, въ концѣ іюля 1835 года, король собирався на прогулку, подошелъ къ окну дворца и обращаясь къ принцу Жуанвильскому, сказалъ:

— Жуанвиль, ты въ качествѣ моряка долженъ знать примѣты дурной и хорошей погоды. Каковъ будетъ этотъ день?

Придворные отвѣчали: погода будетъ такая, какая угодна его величеству.

— Правда, замѣтилъ король: все мнѣ удастся, и я могу, какъ Мазаринъ, любившій только счастливыхъ людей, сказать, что мнѣ во всемъ особенное счастье.

И онъ отправился на прогулку. Но на пути его ждала адская машина Фіески. Взрывъ убилъ маршала Франці, военнаго министра, генераловъ и нѣсколько гражданъ; одна пуля пробила шляпу короля. Дворецъ наполнился депутатами, перами, чиновниками, офицерами, явившимися засвидѣтельствовать искреннѣйшую преданность и глубочайшій ужасъ, внушенный неслыханнымъ преступленіемъ; королева плакала, принцы и принцессы были погружены въ мрачную тоску; Луи-Филиппъ былъ видимо разстроены, но, прощаясь съ посѣтителями, шепнулъ перу Франці, Бессьеру, бывшему свидѣтелемъ его утренней бесѣды о счастіи:

— А все таки мнѣ и сегодня посчастливилось!

Счастіе благопріятствовало ему и при попыткѣ герцогини Беррійской поднять возстаніе во Франці во имя Генриха V. Для уничтоженія волненій необходимо было захватить виновницу ихъ — но ее нигдѣ не находили. Тогда явился къ Монталиве извѣстный Дейтцъ и объявилъ.

— Господинъ министръ, вы ищете герцогиню Беррійскую, и я одинъ могу вамъ доставить ее. Я долженъ вамъ казаться низкимъ шпиономъ; вы смотрите на меня съ презрѣніемъ и, однако, я рѣшился на эту измѣну изъ любви къ моей странѣ, чтобы избавить ее отъ раздоровъ и междоусобной войны со всѣми ея ужасами. Имя мое, я знаю, будетъ опозорено, и я стану наряду съ позорными преступниками; даже послѣ моей смерти, могила моя будетъ заброшена грязью; съ этого дня я дѣлаюсь паріемъ, прокаженнымъ, котораго отовсюду изгоняютъ. Но я долженъ имѣть какіе нибудь средства къ существованію и прошу пятьсотъ тысячъ франковъ, не какъ плату за предательство, но какъ средство оставить страну, которую я спасаю.

Дейтцъ получилъ эту сумму, но маршалъ Бюжо, бывший потомъ тюремщикомъ герцогини, увѣрялъ, что ее больше всего поразило то обстоятельство, что предалъ ее Дейтцъ. Бюжо былъ убѣжденъ, что Дейтцъ пользовался ея благосклонностью. О сынѣ ея, главѣ Бурбоновъ, королѣ *in partibus*, Вьель-Кастель не высокаго мнѣнія. Онъ писалъ, что герцогъ Бордосскій могъ бы, явившись въ Парижъ въ 1848 году, захватить власть, но онъ все дождался, чтобы Франція прислала ему приглашеніе прибыть въ Тюльери и сѣсть на заранѣе приготовленный тронъ. Стюарты тоже все только дожидались — и между ними единственный энергичный принцъ — Эдуардъ, рѣшившись на отчаянную попытку, едва не достигъ цѣли. «Герцогъ Бордосскій честный человѣкъ, но онъ не монархъ. Есть выродившіяся династіи, въ которыхъ дѣти рождаются стариками».

При новомъ дворѣ скандалы слѣдовали за скандалами. Г-жа Шапоне требовала развода, потому что мужъ не оставляетъ ее въ покоѣ, а она очень слабого сложенія; г-жа Монтескье была разведена съ мужемъ, отъявленнымъ гулякой, заболѣвъ до того, что при взглядѣ

на нее никто не могъ усомниться въ томъ, чѣмъ она больна. Но префектъ полиціи не допускалъ привести въ исполненіе рѣшеніе суда, потому что Монтекъе былъ его пріятель. Герцогиня Валентинуа, убѣдившись, что ея обожатель неаполитанскій эмигрантъ—негодяй, послала къ префекту полиціи письмо, которымъ просила выслать изъ Парижа негодяя, но когда ея посланный вернулся отъ Моша съ извѣщеніемъ, что ея желаніе будетъ исполнено, онъ нашелъ неаполитанца у герцогини. Они уже помирились и она отправила къ префекту, съ тѣмъ же лицомъ, другое письмо, въ которомъ просила считать первое недѣйствительнымъ...

Въ концѣ января 1853 года, Луи-Наполеонъ женился на дѣвицѣ Монтихо. Вьель-Кастель находитъ, что онъ поступилъ прекрасно, такъ какъ за него не хотѣли выдать ни одну принцессу царской крови. Дѣдушка ея былъ англійскій негодянтъ, бывшій въ Италіи консуломъ и кончившій свою карьеру банкротствомъ. Маменька не отличалась безукоризненнымъ образомъ жизни, но сама Евгенія — очень умная особа. Она повела дѣло такъ, что императоръ написалъ къ ея маменькѣ, прося согласія на бракъ съ ея дочерью, и долженъ былъ даже настаивать, чтобы побѣдить сопротивленіе маменьки, — все это засвидѣтельствовано его письмами. Но бракъ этотъ возбудилъ всеобщее неудовольствіе: подпольные пасквили забрасывали грязью чету молодыхъ, приверженцы всѣхъ партій кричали объ униженіи Франціи; министры попробовали представить возраженія императору, но онъ остановилъ ихъ словами: «всякія замѣчанія будутъ напрасны: я уже рѣшился окончательно». Вьель-Кастель недоволенъ, что въ своемъ манифестѣ онъ самъ назвалъ себя «выскачкою» (ragueni) и упоминалъ, что «новая императрица будетъ имѣть всѣ добродѣтели императрицы Жозефины». Послѣднее было дѣйствительно не совсѣмъ ловко, въ виду свидѣтельства исторіи. Авторъ «Записокъ» недоволенъ также, что братъ его, Луи, не принялъ предложенія императрицы и ея матери — взять мѣсто директора въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Легитимистъ служилъ, однако, въ царствованіе Луи-Филиппа, принялъ командорскій крестъ почетнаго легіона отъ президента республики и подалъ въ отставку только, когда президентъ совершилъ государственный переворотъ. Этотъ послѣдній поступокъ трудно согласить съ прежнею жизнью Луи Вьель-Кастеля. Императрица хотѣла также взять къ себѣ въ секретари другого «старого друга» ея маменьки, Проспера Мериме, но императоръ отказалъ ей потому, что мать Мериме отвергала всякую религію и даже не крестила своего сына.

Одинъ изъ сообщниковъ Луи-Наполеона, Сентъ-Арно, сдѣланный министромъ за участіе въ заговорѣ 2-го декабря, игралъ на биржѣ и проигрывалъ большія суммы. Императоръ замѣтилъ ему, чтобы этого впередъ не было. Сентъ-Арно допытывался, кто могъ

сообщить императору объ этомъ. Луи-Наполеонъ назвалъ Фульда, министра двора.

— Но Фульдъ, который донесъ на меня, вскричалъ маршаль, тоже игралъ на биржѣ, только на пониженіе, а я на повышеніе. Вся разница между нами въ томъ, что я вѣрилъ въ прочность вашего правленія — и проигралъ, а вашъ министръ двора рассчитывалъ на всеобщее недовольство и выигралъ! (Биржа, дѣйствительно, упала на два франка въ эпоху бракосочетанія).

«И императоръ окруженъ такими слугами!» восклицаетъ Вьель-Кастель. А гдѣ же ему было взять другихъ? Самъ же авторъ рассказываетъ случай съ Наполеономъ I, принужденнымъ тоже довольствоваться тѣмъ, что пресмыкалось вокругъ него. Однажды графъ Сегюръ, какъ членъ академіи, говоря о Шенне, разразился въ публичномъ собраніи упреками противъ революціонеровъ. Императоръ замѣтилъ ему, что не слѣдовало возбуждать воспоминанія объ эпохѣ революціи. «Много и теперь весьма полезныхъ людей, замѣшанныхъ въ преступленія этой эпохи, прибавилъ онъ: вотъ хоть бы мой канцлеръ (при этомъ онъ обратился къ Камбасересу), онъ человѣкъ даровитый и мнѣ очень полезенъ и я вполне убѣжденъ, что онъ всякій день сожалеетъ о мерзостяхъ, въ которыхъ принималъ участіе и о своей низости въ процессѣ Людовика XVI.

Камбасересъ только поклонился при этихъ словахъ, съ видомъ глубокаго сокрушенія.

Застрѣлился графъ Камерата, сынъ принцессы Бачіоки. Газеты приписывали его смерть и любви и «меланхоліи», но правда въ томъ, что онъ проигралъ на биржѣ 200,000 франковъ. Онъ обратился къ своей матери и, получивъ отказъ, къ принцу Жерому. Тотъ тоже отказалъ, хотя былъ долженъ графу 400 тысячъ, получая въ послѣднее время миліонъ ежегоднаго содержанія, да еще для него омеблировали на казенный счетъ Палероаль. И бѣдный молодой человѣкъ, единственный «порядочный членъ семейства Бонапарта», который послѣ отца получилъ бы четыре миліона въ земляхъ и недвижимости — кончилъ жизнь самоубійцею. И родственники не могли помочь ему уплатить этотъ долгъ, а между тѣмъ переворотъ 2-го декабря былъ произведенъ неоплатными должниками: генералами Маньяномъ, Сентъ-Арно, полковникомъ Флери и пр. «Теперь Маньянъ, на примѣръ получаетъ какъ командующій парижскою арміею 80 тысячъ содержанія, какъ маршаль 40, какъ оберъ-егермейстеръ 40, какъ сенаторъ 30, какъ офицеръ большого креста почетнаго легіона 6 тысячъ, итого 196 тысячъ». Узнавъ о смерти графа Камерата, любовница его, актриса Марта, закрывъ плотно всѣ окна и двери, зажгла у своей постели двѣ жаровни съ угольями и умерла отъ угара. Ей устроили великолѣпныя похороны; въ соборѣ исполнена была большая похоронная месса съ оркестромъ, всѣ актрисы шли за ея гробомъ на кладбище, газеты

оплакивали ея смерть. Все это доказываетъ, по словамъ Вьель-Кастеля «деморализацію современнаго общества», но ещё болѣе скандализируетъ его то, что за гробомъ г-жи Распайль, жены извѣстнаго республиканца, сидѣвшаго въ это время въ тюрьмѣ,шло двадцать тысячъ такихъ же какъ онъ революціонеровъ.

Несмотря на то, что въ маѣ этого года разрывъ между Англією, Франціей и Россіей былъ неизбѣженъ, Парижъ вовсе не занимался политикою. Въ «Монитерѣ» явилось извѣстіе, что императрица выкинула, хотя не было возвѣщено, что она была беременна. Тамъ же явился декретъ, по которому императорской ливреей могъ распоряжаться только оберъ-гофмаршалъ. Это распоряженіе послѣдовало вслѣдствіе того, что принцу Канино вздумалось послать карету четверней съ императорскими гербами— Рашели, для прогулки въ Лоншанъ, и народъ привѣтствовалъ ее криками: да здравствуетъ императрица! въ то время когда она проѣзжала подъ аркой Звѣзды. Общество, въ это время, сильно занималось новомодной забавой: верченіемъ столовъ, шляпъ, тарелокъ и пр. Маркиза Буасси, бывшая графиня Гвичіоли, любовница Байрона, приглашала къ себѣ на вечеръ «повертѣть столы». Они начинали также и говорить, и одинъ столъ у принцесы Матильды написали на вопросъ новаго префекта полиціи Пьетри, что въ эту ночь арестовано 18 заговорщиковъ, изъ которыхъ трое покушались на жизнь императора. Въ іюлѣ, при открытіи театра «Комической оперы», полиція захватила въ коридорахъ театра еще нѣсколько лицъ, вооруженныхъ пистолетами; они хотѣли напасть на императора въ то время, какъ онъ будетъ выходить изъ театра. Императрица была также на этомъ представленіи. Вьель-Кастель удивляется жязни, какую она ведетъ, не занимаясь никакими женскими работами, почти ничего не читая, рѣдко выѣзжаетъ и находитъ удовольствіе въ томъ, что ея первый камергеръ, графъ Таше-де-ла-Пажери, 47-ми-лѣтній толстякъ, претавлялъ индюка, луну и солнце, подражалъ реву разныхъ животныхъ и т. п. Но за то она не тратила столько на наряды, какъ Жозефина, счета которой выводили изъ себя Наполеона. Вьель-Кастель приводитъ одинъ изъ такихъ счетовъ за первые десять мѣсяцевъ 1806 года, когда, за уплатою 38 тысячъ, императрица осталась еще должна модисткѣ Леруа 175,837 франковъ 60 сантимовъ.

Толки о готовящейся войнѣ на Востокѣ, въ запискахъ Вьель-Кастеля, занимають гораздо меньше мѣста, нежели его жалобы на министра двора Фульда и на то, что тотъ не далъ ему ордена почетнаго легіона, хотя сама императрица общала это. Про наглость и фанфаронство министра разсказывается множество случаевъ. Мюрать не хотѣлъ ему дать руки на выходѣ въ Тюльери и когда Луи-Наполеонъ замѣтилъ своему родственнику, что такъ нельзя поступать съ министрами, Мюрать отвѣчалъ, что императоръ хо-

заявлять у себя во дворцѣ, но, чтобы не подать руки человѣку, котораго всѣ презираютъ, Мюратъ объявилъ, что не будетъ являться въ Тюльери. При этомъ Вьель-Кастель отзывается о «жидѣ Фульдѣ» и обо всѣхъ его соотечественникахъ такъ, что этому порадовался бы любой современный антисемитъ. «Французы всегда ненавидѣли жидовъ, говорить онъ, за то, что они всегда были ростовщиками и ворами».

Вступивъ въ управленіе дворомъ Наполеона III, Фульдъ просилъ Россини написать оперу для императорскаго театра. Маэстро отвѣчалъ письмомъ, что онъ больше не пишетъ оперъ, и министръ очень развязно написалъ къ нему: ну, такъ сочините намъ какой-нибудь маршъ. Россини отвѣтилъ на это, что кромѣ марша «Мальбругъ въ походъ поѣхалъ»—онъ не можетъ прислать ему другого. О войнѣ онъ говоритъ, что она возгорѣлась оттого, что Николая I увлекла старорусская партія, со временъ Петра I стремящаяся къ завоеванію Константинополя и что русскій императоръ заявилъ притязаніе, чтобы Европа не вмѣшивалась въ его счеты съ Турціей. Вообще политическіе взгляды Вьель-Кастеля весьма недалновидны, и даже издатель его «Записокъ» счелъ нужнымъ замѣтить въ примѣчаніи, что авторъ часто ошибался «слѣдующимъ выраженіемъ своей вдохновительницы». А эта вдохновительница была принцеса Матильда, кузина Луи-Наполеона, о которой Вьель-Кастель говоритъ чаще и охотнѣе всего, хотя и не скрываетъ ея интимныхъ отношеній къ начальнику его, директору музеевъ Ньеверкерке. Въ концѣ этой части своихъ записокъ, онъ высказываетъ опасенія, чтобы связь ихъ не имѣла печальнаго исхода для поклонника принцесы, такъ какъ она нисколько не старается маскировать ихъ сношеній, чѣмъ очень недоволенъ императоръ. Вьель-Кастель, не смотря на свои лѣта (ему въ это время былъ 51 годъ) повидимому неравнодушенъ къ принцессѣ, восторгается ея умомъ, сердцемъ, тактомъ, любезностью и горько жалуется на непостоянство Ньеверкерке, обманывающаго ее съ другими женщинами. Вообще прекрасный полъ является въ его «Запискахъ» въ весьма непривлекательномъ видѣ, и приводимыя имъ черты нравовъ тогдашняго общества до того циничны, что на русскомъ языкѣ нельзя упомянуть объ нихъ даже въ аллегорическихъ выраженіяхъ. Таковы приводимые имъ анекдоты о графинѣ Агу (Даніелѣ Стернѣ), г-жѣ Сельвейра, Александрѣ Дюма и его женѣ и др. Мы извлекаемъ изъ обширныхъ «Записокъ» Вьель-Кастеля только то, что можетъ интересовать, а не шокировать русскихъ читателей.

Вл. Зотовъ.

ИНОСТРАННАЯ ИСТОРИОГРАФІЯ.

S. B. BOULTON, THE RUSSIAN EMPIRE, ITS ORIGIN AND DEVELOPMENT.
С. Б. Бультонъ. Русское государство, его начало и развитие; т. XV
„Популярной библиотеки“, издаваемой лондонской фирмой Кассель.

ВЪ АНГЛІЙСКОЙ печати, равно какъ и въ печати французской и нѣмецкой, появилось за послѣднее время не мало обстоятельныхъ сочиненій, посвященныхъ Россіи, знакомящихъ иностранцевъ болѣе или менѣе полно съ судьбами нашего отечества — прошедшими, настоящими и даже будущими. Новая книжечка Бультона о Россіи, заглавіе которой приведено выше, конечно не имѣетъ въ виду соперничать съ такими крупными изслѣдованіями какъ труды Мекензи Уоллеса, Лероа-Болье, какъ сочиненія Гейворта, Диксона, Муррея нашей соотечественницы г-жи О. К., пишущей о Россіи на англійскомъ языкѣ. Но изящно напечатанный на веленовой бумагѣ томикъ Бультона всего въ 200 страницъ, стоящій всего одинъ шиллингъ (т. е. по самому вольному курсу нашихъ торговцевъ иностранными книгами менѣе одного рубля) — безъ сомнѣнія принесетъ англійскимъ читателямъ свою долю пользы. Въдъ даже и въ Англии, гдѣ такъ распространено и такъ облегчено чтеніе, гдѣ дешевыя библиотеки доставляютъ для чтенія многотомныя и дорогія изданія въ самые отдаленные уголки Соединеннаго Королевства — далеко не многіе читатели имѣютъ время одолѣть объемистый трудъ Уоллеса о Россіи; еще менѣе число такихъ лицъ, которыя могли бы приобрести этотъ трудъ, стоящій даже въ дешевомъ изданіи въ 10 разъ болѣе книжки Бультона (т. е. 10 шиллинговъ) — чтобы познакомиться съ ними на досугѣ, а не въ обязательный срокъ, даваемый библиотеками. Вотъ почему книжечка Бультона

во всѣхъ отношеніяхъ удачно пополняетъ пробѣлъ существовавшей въ англійской литературѣ. Издана она не только изящно, но и съ той опрятностью и внимательностью къ читателямъ, которыя составляютъ уже обычное явленіе въ иностранной литературѣ. Такъ, къ книжечкѣ въ 200 страницъ приложенъ алфавитный указатель именъ, названій географическихъ, событій, облегчающій значительно читателя; рядомъ съ этимъ приложенъ хронологическій списокъ событій русской исторіи—а для болѣе легкаго запоминанія годовъ событій этихъ приведены, параллельно, событія изъ западно-европейской исторіи. Наконецъ, приложена небольшая карта постепеннаго роста русскаго государства, гдѣ приращенія территоріи показаны по царствованіямъ наглядно, условными фигурами черточекъ. При всемъ своемъ маломъ объемѣ, книжечка Бультона сообщаетъ вполне достаточныя свѣдѣнія для лицъ, желающихъ ознакомиться съ нашей исторіей, доведенной до самыхъ послѣднихъ дней. О сжатости изложенія Бультона можно судить по тому, что изъ 12 главъ своей книжечки онъ посвятилъ 4 описанію своихъ поѣздокъ въ Петербургъ, Москву, Нижній-Новгородъ и Варшаву, описанію пребыванія въ имѣніи одного дворянина, гдѣ Бультонъ наглядно познакомился съ свободнымъ крестьяниномъ, узналъ что такое «міръ», «община» и т. п., а заключительную 12-ю главу—очерку современнаго положенія государства и элементовъ его населенія. Такимъ образомъ собственно «Исторіи Россіи» авторъ удѣляетъ всего 7 главъ—и, тѣмъ не менѣе, на неполноту историческаго очерка жаловаться нельзя, впечатлѣніе, остающееся отъ него, вполне цѣльное и ясное и вполне достаточное для иностранцевъ; даже печальной памяти удѣльный періодъ изложенъ съ ясностью, оставляющей вполне удовлетворительное понятіе о «the System of Appanages». При полномъ отсутствіи историческихъ анекдотовъ—многими писателями они до сихъ поръ считаются необходимой принадлежностью популярнаго изложенія—книжечка Бультона читается легко, съ интересомъ; прибавимъ, что тонъ и возрѣнія автора проникнуты неподдѣльнымъ сочувствіемъ къ Россіи и ея будущимъ судьбамъ.

В. С. Р.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. Н. Радищевъ, авторъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву».
М. И. Сухомлинова. Спб. 1883.

ОЧИНЕНІЕ М. И. Сухомлинова о Радищевѣ есть, безъ сомнѣнія самое лучшее изъ всего, что только было писано у насъ объ извѣстномъ авторѣ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву».— Въ сочиненіи этомъ три капитальныхъ достоинства: во-первыхъ, оно есть вполне обстоятельное изслѣдованіе (въ настоящемъ смыслѣ этого слова) избраннаго предмета; во-вторыхъ, оно отличается и живымъ и въ то же время безпристрастнымъ отношеніемъ къ писателю, къ которому рѣдко кто у насъ относился безъ пристрастія въ ту или другую сторону; въ-третьихъ, въ немъ сообщаются читателямъ очень интересныя новыя сочиненія Радищева (повѣсть и двѣ записки, поданныя въ законодательную комиссію) и нѣкоторыя новыя данныя для его біографіи. Эти сочиненія и біографическіе матеріалы открыты М. И. Сухомлиновымъ въ архивахъ: государственномъ, сенатскомъ, бывшаго Второго Отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи, министерства народнаго просвѣщенія и спб. духовной консисторіи. Кромѣ того, у автора были подъ руками различныя данныя, найденныя имъ въ Лейпцигѣ для другаго, ранѣе выпущеннаго въ свѣтъ сочиненія его—о Козодавлевѣ.—При такомъ обиліи рукописныхъ источниковъ, онъ воспользовался для своего труда и множествомъ источниковъ печатныхъ.

Все, что касается нѣкогда опальнаго «Путешествія изъ Петербурга въ Москву», собрано и разъяснено М. И. Сухомлиновымъ весьма обстоятельно и подробно; причемъ весьма живо рисуется и судопроизводство екатерининскихъ временъ; литературный фактъ связанъ съ жизнью.

Но, къ сожалѣнiю, авторъ ограничился разъясненiемъ личности Радищева именно только какъ сочинителя «Путешествiя». На это можно возразить, что истолкователь свободенъ въ опредѣленiи границъ своей задачи.— Это, разумѣется, справедливо; но дѣло въ томъ, что намъ представляется здѣсь не просто желанiе писателя въ данную минуту ограничиться одной стороной вопроса, а ошибки уважаемаго автора: онъ руководился, повидимому, тѣмъ соображенiемъ, что только «Путешествiе» даетъ Радищеву право на мѣсто въ исторiи русской литературы. О такой мысли его можно заключить и по первой страницѣ его труда, и (главнымъ образомъ) по слѣдующимъ словамъ послѣдней страницы (особенно по выраженiямъ, подчеркнутымъ въ нихъ имъ самимъ): «Митрополитъ Евгенийъ внесъ имя Радищева въ словарь русскихъ писателей. Доводы, представленные А. Д. Галаховымъ, показываютъ, что Радищевъ, какъ авторъ «Путешествiя», можетъ и долженъ сохранить свое значенiе въ ряду писателей, труды которыхъ составляютъ неотъемлемое достоянiе исторiи русской литературы».— Эта мысль представляется намъ невѣрной; конечно, «Путешествiе» есть главное произведенiе Радищева; но для исторiи русской литературы важны и такiя его сочиненiя, какъ философскiй трактатъ «О человѣкѣ, о его смертности и безсмертiи», какъ сказка «Бова» и друг.; они несомнѣнно имѣютъ значенiе (не даромъ, какъ мимоходомъ говоритъ самъ М. И. Сухомятиновъ на стр. 113, Пушкинъ признавалъ достоинство и въ стихахъ Радищева, и въ его «изученiяхъ въ области русской литературы»).— Авторъ идетъ еще далѣе въ указанномъ направленiи: онъ и въ «Путешествiи» разсматриваетъ Радищева главнымъ образомъ какъ публициста, мало касаясь его литературныхъ, нравственныхъ и умственныхъ чертъ, или касаясь ихъ лишь настолько, насколько это необходимо для выясненiя его публицистическихъ идей.

Но какъ-бы то ни было, по той или другой причинѣ сьузиль авторъ задачу своего труда,—то, что сдѣлано имъ въ поставленныхъ себѣ рамкахъ—сдѣлано превосходно.

Въ изложенiи сочиненiя принять, совершенно правильно, биографическiй порядокъ.—Въ I главѣ рѣчь идетъ о воспитанiи Радищева и его юношескихъ годахъ въ Лейпцигѣ. Люди и книги, влiявшiе на него, подготовили въ немъ тѣ воззрѣнiя, которыя онъ впослѣдствiи проводилъ въ своемъ «Путешествiи». Изъ лейпцигскихъ профессоровъ особенно влiяли на Радищева Геллертъ и Платнеръ. Геллертъ внушалъ своимъ слушателямъ, что писатель долженъ «перомъ своимъ служить истинѣ и добродѣтели». Платнеръ «настаивалъ на общенiи науки съ живнiю, съ ея насущными потребностями, и въ лекцiяхъ своихъ затрогивалъ социальныя вопросы» (9). Изъ книгъ будущаго русскаго писателя сильно увлекали: «О разумѣ» Гельвеция, сочиненiя Руссо и «Droit public de l'Europe fondé sur les traités» Мабли. Мабли училъ, что главнѣйшая обязанность гражданина заключается въ стремленiи къ свободѣ и равенству; для проведенiя этой идеи онъ не стѣснялся извращенiями историческихъ фактовъ.

II глава заключаетъ въ себѣ «литературную исторiю Путешествiя». Здѣсь проводится та мысль, что «многое въ книгѣ Радищева заимствовано изъ иностранныхъ источниковъ; но главное и существенное, т. е. то, чему самъ авторъ придавалъ особенное значенiе, взято изъ русской жизни» (16).

Таковы страницы о крѣпостномъ правѣ и положенiи крестьянъ, о тем-

ныхъ сторонахъ нашихъ общественныхъ порядковъ и системы управленія. При этомъ у Радицева «между своимъ и чужимъ, какъ между Парижемъ и Едровымъ, нѣтъ внутренней, органической связи».

Главы III и IV разсматриваютъ вопросъ — чѣмъ объяснить рѣшимость Радицева напечатать свою книгу? Вопросъ этотъ, по словамъ автора, имѣетъ значеніе главнымъ образомъ «для выясненія общественныхъ и литературныхъ условий», при которыхъ появилось «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» (22).—М. И. Сухомлиновъ полагаетъ, что «въ дѣйствительной жизни достаточныхъ поводовъ для того, чтобы книгу Радицева считать революціоннымъ набатомъ» не было, такъ какъ въ ея содержаніи и тонѣ было слишкомъ много общаго съ тогдашними произведениями литературы и даже съ законодательными памятниками. Истинною причиною опалы на Радицева было то обстоятельство, что императрица Екатерина прочитала его сочиненіе не до французской революціи, а послѣ нея. Мысль весьма основательная и въ ней очень много вѣрнаго; но мы позволимъ себѣ, однако, усомниться, что въ ней все вѣрно, и замѣтимъ, что авторъ не обратилъ вниманія на одну сторону разбираемой имъ книги Радицева—на присутствіе въ ней такихъ странныхъ выраженій о царяхъ и царской власти, какихъ ни въ какомъ другомъ русскомъ сочиненіи не бывало. Эти «дерзновенныя выраженія и неприличной смѣлости» (какъ выразился самъ Радицевъ) совершенно даже не вяжутся съ содержаніемъ книги, съ убѣжденіями сочинителя (и это особенно интересно). Всѣ историческія объясненія М. И. Сухомлинова не могутъ объяснить присутствія ихъ въ книгѣ Радицева. Напечатаніе ихъ очень напоминаетъ, по справедливому замѣчанію Пушкина, поступокъ съумасшедшаго.

Глава V заключаетъ въ себѣ группировку данныхъ судебного слѣдствія надъ Радицевымъ. Въ ней проведена мысль, что «въ дѣлѣ Радицева весьма ярко обнаруживается одна изъ тѣхъ особенностей тогдашняго судопроизводства, противъ которой высказывались не только депутаты въ комиссіи для составленія проекта новаго уложенія, но и сама Екатерина»; эта особенность состоятъ въ томъ, что «обвиняемый преданъ суду тою же самою властію, которая произнесла надъ нимъ и окончательный приговоръ» (60).

Въ главѣ VI говорится о литературныхъ занятіяхъ Радицева въ крѣпости, во время слѣдствія надъ нимъ. Онъ томился здѣсь «неизвѣстностью объ участи, ожидающей его семейство»; единственнымъ утѣшеніемъ его было разрѣшенное ему чтеніе духовныхъ книгъ. Одна изъ этихъ книгъ—«Жизнь Филарета милостиваго, представляющая трогательный образецъ самоотверженія и любви къ человечеству»—была передѣлана Радицевымъ въ повѣсть. Въ ней проведена мысль о милосердіи. Сочиненіе это (найденное въ государственномъ архивѣ) и напечатано цѣликомъ въ VI главѣ. Мы видимъ въ немъ обычныя возрѣнія автора «Путешествія изъ Петербурга въ Москву». Такъ, чувству придаетъ онъ большое значеніе въ жизни человѣка; любовь, какъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, понимаетъ матерьялистически, согласно съ философіей XVIII вѣка. Какъ въ философскомъ сочиненіи «О человѣкѣ», написанномъ позже, такъ и въ этой повѣсти мы видимъ стремленіе Радицева доказывать безсмертіе души. Обратимъ еще вниманіе на сантиментальность повѣсти: слезы проливаютъ въ ней дѣйствующія лица, при всякомъ мало-мальски подходящемъ случаѣ, рѣчками; постоянно встрѣчается преувеличеніе чувствованій.

Въ слѣдующей, VII главѣ напечатаны двѣ, чрезвычайно интересныя записки Радищева, найденныя М. И. Сухомлиновымъ одна—въ архивѣ сената въ Петербургѣ, другая—въ архивѣ Второго Отдѣленія собственной его величества канцеляріи. Это—два мнѣнія, представленныя Радищевымъ (при Александрѣ I) въ законодательную комиссію, въ которой онъ былъ членомъ:—подобно вопросу о неумышленномъ убійствѣ (оно, должно быть, и подало поводъ къ извѣстнымъ слухамъ о какомъ-то проектѣ освобожденія крестьянъ, будто бы сочиненномъ Радищевымъ), другое—по вопросу о правѣ подсудимыхъ отводить судей, подозрѣваемыхъ въ пристрастіи». Въ первомъ изъ этихъ мнѣній дѣло идетъ о крестьянахъ, и въ немъ Радищевъ «выступаетъ, передъ лицомъ закона, искреннимъ и просвѣщеннымъ защитникомъ человѣческихъ правъ» (90). Онъ говоритъ: «какую цѣну можно опредѣлить за довѣреннаго служителя, какой процентъ, если бы несчастіе постигло и былъ бы убитъ тотъ, который рачиль о своемъ господинѣ въ его младенчествѣ, въ его отрочествѣ, въ его юности. Какая ему цѣна или той, которая вскормила господина своего своими сосцами и стала вторая его мати... ..цѣна крови человѣческой не можетъ опредѣлена быть деньгами». Эти слова напоминаютъ «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Оканчивается разсматриваемая глава изслѣдованіемъ о смерти Радищева. Есть извѣстіе (у Пушкина, въ статьѣ Павла Радищева, въ статьѣ Борна въ «Свѣткѣ музѣ»), что эта смерть была самоубійствомъ; есть и указанія противоположныя; такъ, въ мѣрической книгѣ (въ архивѣ спб. духовной консисторіи) авторъ нашелъ указаніе, что Радищевъ «умеръ чахоткою». Вопросъ остается неразрѣшеннымъ.

Наконецъ, въ VIII (последней) главѣ своего труда М. И. Сухомлиновъ говоритъ о впечатлѣніи, какое произвела смерть Радищева «въ тогдашнемъ литературномъ кругу» и разбираетъ литературу о Радищевѣ до «Исторіи русской словесности» г. Галахова включительно. Оказывается, что сначала тепло относились къ автору «Путешествія», а потомъ его забыли. Но вотъ «среди всеобщаго равнодушія» одинъ голосъ напомнилъ о забытомъ писателѣ, это былъ голосъ Пушкина. Чрезвычайно интересенъ анализъ г. Сухомлиновымъ статей Пушкина о Радищевѣ; онъ подробнѣйшимъ образомъ указываетъ на все, что есть въ этихъ статьяхъ сочувственного сочинителю «Путешествія изъ Петербурга въ Москву», и весьма остроумно объясняетъ многое несочувственное обстоятельствами времени, когда статьи эти писаны, литературными отношеніями и тогдашними условіями печати. Но мы позволимъ себѣ высказать здѣсь замѣчаніе, что авторъ недостаточно разсмотрѣлъ, или какъ-то оставилъ въ тѣни то, что Пушкинъ говоритъ противъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву». Намъ кажется, что въ отношеніяхъ Пушкина къ Радищеву была двойственность, которую самъ поэтъ не могъ себѣ выяснитъ и распутать. Оканчивается статья обстоятельнымъ обзоромъ всѣхъ изданій «Путешествія изъ Петербурга въ Москву» и главныхъ матерьяловъ для біографіи Радищева.

Заключимъ нашъ подробный обзоръ новаго сочиненія М. И. Сухомлинова повтореніемъ, что оно есть дѣйствительно прекрасное изслѣдованіе.

А. Незеленовъ.

Эдуарда Гиббона: Исторія упадка и разрушенія римской имперіи (съ портретомъ автора). Изд. Джорджа Велля 1877 года. Съ примѣчаніями Гизо, Венка, Шрейтера, Гуго и др. Перевелъ съ англійскаго В. Н. Невѣдомскій. Части I—II. Изд. Солдатенкова. Москва. 1883 г.

Странная повидимому, но въ сущности очень счастливая идея пришла г. Невѣдомскому, перевести чрезъ сто лѣтъ послѣ появленія на свѣтъ знаменитое произведеніе Гиббона. За эти сто лѣтъ ни одна наука (кромѣ естествознанія) не сдѣлала такихъ громаднѣхъ успѣховъ, какъ исторія, а изъ исторіи мы дальше всего ушли именно въ вопросахъ, касающихся развитія общественныхъ организмовъ; не говоря уже про цѣлые ряды фактическихъ открытій, про неизмѣримыя массы совершенно новаго матеріала, разъясняющаго намъ подобныя вопросы въ исторіи древности и среднихъ вѣковъ, отъ 1783 года до 1883 человѣчество столько пережило, что еслибы оно и ничему не училось по книгамъ, оно выучилось бы многуму изъ жизни. Домыслы хотя бы и замѣчательно ученаго англичанина, невидавшаго великой революціи, незнакомаго не только съ трудами Момсена, но и Нибура, не имѣющаго понятія о христіанской археологіи, незнакомаго съ азбукой эпиграфики, доммыслы, касающіеся эпохи борьбы двухъ міровъ, повидимому, въ наше время должны представлять только интересъ для исторіографа, для записнаго ученаго, который не полѣнится прочесть книгу и въ оригиналъ, а не для большинства публики. Но такъ стоитъ дѣло только повидимому. Успѣхи науки громадны; новые факты не исчислимы, но они еще не успѣли стать въ стройную систему, допускаютъ только слабыя, а если можно такъ выразиться, только частныя обобщенія; а между тѣмъ именно громадность успѣховъ усиливаетъ потребность въ историческомъ ученіи.

Книга талантливаго историка-мыслителя еще десятки лѣтъ не потеряетъ своего значенія, а новая манера издавать старыя хорошія книги съ подстрочными примѣчаніями, пополняющими недостатокъ фактовъ и исправляющими фактическія ошибки, сдѣлаетъ ее интересной и полезной именно для массы читателей еще на цѣлыя столѣтія.

Эдуардъ Гиббонъ родился 27-го апрѣля 1737 года въ Сорреѣ, учился въ Вестминстерской школѣ, а съ 1752 года—въ Оксфордскомъ университетѣ. 1753 года, 16 лѣтъ отъ роду, онъ перешелъ въ католичество; глубоко огорченный этимъ отецъ, богатый помѣщикъ, отослалъ его въ Лозанну, ввѣривъ его реформатскому пастору Бавильяру. Въ 1754 году, Гиббонъ снова вернулся въ лоно реформатской церкви. Онъ остался въ Лозаннѣ, занимаясь исторіей и языками и влюбился тамъ въ дочь пастора Куршо (Curchod). Отецъ отказалъ ему въ согласіи на бракъ, и сынъ пожертвовалъ своею любовью. Немного позднѣе его невѣста вышла замужъ за банкира, впоследствии знаменитаго министра, Неккера и была матерью еще болѣе знаменитой M-me Сталь. Возвратившись въ Англію, Гиббонъ издалъ въ 1759 году: «*Essai sur l'étude de la littérature*». Вступивъ въ ополченіе во время приготовленія къ народной войнѣ съ Франціей, онъ сталъ заниматься военными науками. Въ 1763 году онъ отправился черезъ Парижъ въ Лозанну, а оттуда въ Италію. Во время пребыванія въ Римѣ въ 1764 году, онъ возымѣлъ намѣрѣніе написать исторію паденія римской имперіи, но былъ отвлеченъ отъ этого другой работой; по возвращеніи въ отечество, онъ написалъ исторію

Швейцарія, которую однако сжегъ, недовольный своей работой; только тогда принялся онъ за главный трудъ своей жизни. Послѣ смерти своего отца (1770 г.), онъ переселился въ Лондонъ и 8 лѣтъ, съ 1774 года по 1782, заставлялъ въ парламентѣ, не принимая дѣятельнаго участія въ преніяхъ. Въ 1783 году онъ снова отправился въ Лозанну, гдѣ и окончилъ свою «History of the decline and fall of the Roman Empire» (вышла въ 6 томахъ, отъ 1776 г. до 1788). Изъ Лозанны его выгнала въ 1793 году революція; онъ вернулся въ отечество, гдѣ и умеръ отъ водяной въ 1794 году. Изъ его мелкихъ произведеній всего интереснѣе его автобіографія.

«Исторія упадка и разрушенія римской имперіи» несомнѣнно лучшая историческая книга XVIII вѣка. Для созданія ея авторъ какъ бы соединилъ въ себѣ гигантское трудолюбіе и глубину взгляда нѣмецкаго ученаго съ практичностью англійскаго государственнаго чловѣка и съ блескомъ изложенія французскаго литератора лучшей школы. Внимательный читатель переходитъ отъ одного умственнаго наслажденія къ другому: то его вниманіе приковываетъ блестящая характеристика Августа, то чрезвычайно рельефно изображенныя событія царствованія Александра Севера, то поразительное (для писателя, жившаго до Нибура) пониманіе мелочности древне-римскихъ отношеній (русск. пер. I, 107), то здравый скептицизмъ, съ которымъ авторъ относится къ вымысламъ полуграмотныхъ лѣтописцевъ и легковѣрныхъ антикваріевъ, то изображение экономическаго положенія страны или провинціи, обусловившаго извѣстное политическое движеніе, то глубококомысленное и въ то же время остроумное обобщеніе, которое, такъ сказать, само напрашивается на примѣненіе его къ фактамъ, насъ окружающимъ... и все это изложено такъ сжато, сильно и красиво, что отдѣльныя фразы производятъ впечатлѣніе античныхъ барельефовъ на мраморѣ.

Книга Гиббона, само собою разумѣется, давно переведена на всѣ европейскіе языки. Русскаго перевода, сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ не было, въ каталогѣ Смирдина мы нашли только: «Исторія упадка и разрушенія римской имперіи, соч. Гиббона, сокращенное Адамомъ, пер. съ французскаго П. Черевинъ. М. 1824 г.», но еслибы это и не было сокращеніе, переведенное съ французскаго, черезъ 60 лѣтъ появленіе новаго перевода было бы чрезвычайно желательнымъ. Переводъ сдѣлалъ г. Невѣдомскимъ прекрасно и обставленъ примѣчаніями Гизо и др. недурно. Единственно, за что мы можемъ упрекнуть переводчика,—недостатокъ пополняющихъ примѣчаній во 2-мъ томѣ, гдѣ, напримѣръ, такіе вопросы, какъ число христіанъ въ Римѣ, ихъ общественное положеніе, ихъ отношеніе къ пластическимъ искусствамъ, настоятельно требуютъ дополненій, которыя легко было добыть изъ любой азбуки христіанской археологіи. Но... и за то, что есть, спасибо: если понадобится 2-е изданіе, можетъ быть, г. Невѣдомскій не пренебрежетъ нашимъ совѣтомъ.

Издателя не можемъ не упрекнуть за слишкомъ дорогую цѣну: 8 руб. за 2 тома, одинъ въ 510, другой въ 580 страницъ обыкновеннаго октаво, это, что называется, немножко много, въ особенности если имѣть въ виду, что книга Гиббона—произведеніе классическое и должно быть не только во всякой гимназической бібліотекѣ, но и у всякаго преподавателя исторіи.

А. К.

Грамоты XIV и XV вв. московскаго архива министерства юстиціи. Ихъ форма, содержаніе и значеніе въ исторіи русскаго права. Изслѣдованіе Д. М. Мейчика. Москва. 1883 г.

Изслѣдованіе г. Мейчика имѣетъ двоякое значеніе: историческое и юридическое, послѣднее, впрочемъ, ограничивается только научнымъ, но не практическимъ примѣненіемъ, такъ какъ упомянутое изслѣдованіе не имѣетъ никакой связи съ современнымъ нашимъ законодательствомъ и его основными началами и касается только юридическихъ актовъ XIV и XV столѣтій. О позднѣйшихъ грамотахъ, да и то не позднѣе половины XVI столѣтія—г. Мейчикъ упоминаетъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда акты, заимствуемые имъ изъ этой поры, совершались подъ дѣйствіемъ обычаевъ и законовъ, установленныхъ въ прежнее время, или когда акты XV столѣтія выдвигали такіе вопросы, которые нельзя было рѣшать только съ помощію однихъ ихъ. Съ своей стороны г. Мейчикъ предполагаетъ, что подобныя изысканія особенно полезны въ наше время, когда предстоитъ преобразование всего гражданскаго нашего кодекса и, такимъ образомъ, г. Мейчикъ, вопреки высказанному нами мнѣнію, думаетъ, что его изслѣдованіе и въ настоящее время можетъ, между прочимъ, имѣть и практическое примѣненіе. Предоставивъ юристамъ подтвердить или отвергнуть такой взглядъ г. Мейчика на грамоты XIV, XV и даже XVI столѣтій, мы ограничимъ нашъ отзывъ объ его трудѣ исключительно только съ исторической точки зрѣнія.

Въ изслѣдованіи своемъ г. Мейчикъ прежде всего указываетъ на то, что съ появленіемъ въ печати изданій археологическихъ экспедиціи и комисіи, а также многихъ частныхъ собраній актовъ, относящихся къ прежнему времени, устраненъ недостатокъ историко-юридическихъ матеріаловъ, но что тѣмъ не менѣе этотъ обильный запасъ матеріаловъ сталъ нынѣ истощаться и въ ученой литературѣ слышатся, время отъ времени, жалобы на неудовлетворительность существующихъ матеріаловъ. Съ своей стороны г. Мейчикъ признаетъ такіа жалобы не безосновательными и находитъ, что рядомъ съ чрезвычайнымъ накопленіемъ образцовъ одного рода, другой родъ актовъ представленъ въ крайне-скудномъ числѣ образцовъ. Такую неравномѣрность г. Мейчикъ объясняетъ тѣмъ, что на первыхъ порахъ дѣятельности издателей упомянутыхъ актовъ невозможно было предвидѣть всѣхъ потребностей и задачъ, какія выставитъ наука въ лицѣ будущихъ изслѣдованій. Въ настоящее же время, когда изданные доселѣ сборники подверглись уже большей или меньшей обработкѣ и когда выяснились ихъ пробѣлы—дальнѣйшее обнародованіе историко-юридическихъ матеріаловъ должно быть строго согласовано съ современными требованіями, и поэтому, онъ полагаетъ, что, быть можетъ, настанетъ пора, когда нынѣшніе сборники, съ преобладающимъ въ нихъ хронологическимъ порядкомъ, будутъ замѣнены систематическими, въ которыхъ каждый историческій періодъ будетъ представленъ съ надлежащею полнотою, т. е. безъ пропусковъ и излишества. Думается намъ, однако, что едвали можно принять такой порядокъ съ надлежащею строгостію уже потому, что при систематическомъ распредѣленіи старинныхъ актовъ ихъ трудно подвести съ точностію не только подъ какое-либо общее юридическое, но даже историческое или бытовое понятіе, тѣмъ болѣе,

что сами акты очень часто, по ихъ содержанію, представляютъ смѣшеніе и предметовъ, и понятій.

Въ ожиданіи предполагаемаго способа изданія старинныхъ актовъ, г. Мейчикъ полагаетъ, что пока можно довольствоваться частными исправленіями и дополненіями, разумѣя подъ этимъ какъ разъясненіе тѣхъ виѣшнихъ или внутреннихъ сторонъ актовъ, которыя остались въ тѣни у прежнихъ изслѣдователей, такъ и обнаруженіе новыхъ, неизвѣстныхъ еще въ печати, или мало извѣстныхъ актовыхъ видовъ и разновидностей.

Такою точкою отправленія—какъ сообщаетъ г. Мейчикъ—онъ принялъ въ настоящемъ своемъ изслѣдованіи. По поводу этого изслѣдованія, онъ устанавливаетъ слѣдующій взглядъ на государственный бытъ Россіи въ ту пору, къ которой относятся разсматриваемые имъ акты:

«XV вѣкъ—говоритъ онъ—въ большей своей части принадлежитъ къ удѣльному періоду и оставилъ намъ значительное количество слѣдовъ оскобленнаго существованія различныхъ областей, земель и княжествъ. Эта особенность не могла не отразиться и на порядкѣ совершенія различныхъ актовъ». Далѣе онъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что вопросъ о мѣстныхъ различіяхъ въ данномъ отношеніи у насъ едва затронуть, хотя онъ и заслуживаетъ полного вниманія. Самый богатый запасъ актовъ по этой части представляетъ московское великое княженіе съ примыкающими къ нему удѣльными княженіями, тогда какъ совершенную въ этомъ случаѣ противоположность представляетъ княжество рязанское, а также области новгородская и двинская.

Что касается порядка расположенія актовъ, то г. Мейчикъ старался привести ихъ въ нѣкоторую систему по относительной важности ихъ въ государственномъ и общественномъ быту, равно какъ по способу совершенія ихъ, публичному или частному, т. е. съ участіемъ или безъ участія правительственной власти въ лицѣ какъ высшихъ, такъ и низшихъ ея представителей.

Руководствуясь этимъ, г. Мейчикъ раздѣлилъ разсмотрѣнные имъ акты на слѣдующія разряды: 1) жалованныя грамоты, 2) судебные акты, 3) межевые акты, 4) мировыя и отступныя, 5) раздѣльные, 6) мѣняльныя, 7) купчія, 8) данныя и 9) духовныя. Къ каждому изъ исчисляемыхъ разрядовъ приложены соотвѣтствующіе образцы.

Само собою разумѣется, что изъ такого разнообразнаго матеріала слишкомъ трудно и, пожалуй, едва ли даже возможно сдѣлать какіе-либо общіе положительные какъ историческіе, такъ и юридическіе выводы, и г. Мейчикъ не задался такою работою. Въ замѣнъ этого, онъ по каждому изъ указанныхъ выше разрядовъ актовъ представляетъ ихъ историческое и юридическое значеніе, говоритъ о способахъ ихъ совершенія и явки, о томъ, чѣмъ обуславливалось ихъ появленіе, и въ этой части его труда и историкъ, и юристъ найдутъ не мало фактовъ, указаній и соображеній, заслуживающихъ полного вниманія, тѣмъ болѣе, что разсматриваемый нами трудъ г. Мейчика представляетъ едва ли не первый примѣръ такой научной обработки старинныхъ нашихъ актовъ.

К. Н. В.

Памятники русской старины Владимірской губерніи. Рисоваль и издалъ И. Голышевъ. Голышевка, Вязниковскаго уѣзда. 1883.

И. А. Голышевъ, извѣстный крестьянинъ-самоучка, оказалъ нашей исторической наукѣ существенныя услуги изданіемъ разныхъ древностей и памятниковъ старины. На поприщѣ литературномъ онъ подвизается уже около 20-ти лѣтъ и въ теченіе этого времени собралъ и записалъ много цѣнныхъ матеріаловъ по исторіи и археологіи Владимірско-Суздальскаго края. Прежде онъ помѣщалъ свои произведенія въ «Трудахъ» мѣстнаго статистическаго комитета и въ изданіяхъ разныхъ ученыхъ обществъ, а теперь началъ печатать ихъ самъ, на свой счетъ, выпуская, время отъ времени, отдѣльные сборники («Альбомъ русскихъ древностей», 1881 г., «Древности Богооявленской слободы Мстеры» и т. под.). Каждый такой сборникъ г. Голышева снабженъ прекрасными рисунками, которые изготовляются въ собственной его сельской литографіи.

Настоящее изданіе г. Голышева посвящено исключительно старинной живописи. Книга издана in-folio; въ ней всего 23 большихъ листа, изъ которыхъ три посвящены тексту—описанію памятниковъ старины, а остальные 20 наполнены рисунками. На первомъ планѣ здѣсь памятники древней иконописи: икона 12 лихорадокъ, образъ св. Власія и Модеста, которые считаются въ нашемъ простонародіи покровителями скотоводства; затѣмъ идутъ любопытные образчики стариннаго русскаго орнамента: оклады и вѣнцы древнихъ образовъ и пряничные узоры; въ концѣ альбома помѣщены снимки съ трехъ лубочныхъ картинъ (не вошедшихъ въ извѣстное изданіе г. Ровинскаго) «Міробытіе», «Убіеніе антихриста» и «Образъ страшнаго суда».

Всего замѣчательнѣе въ книгѣ г. Голышева отдѣлъ о пряникахъ (33 рисунка). Авторъ останавливается на нихъ съ особеннымъ вниманіемъ, какъ на предметъ новомъ и до сихъ поръ неизслѣдованномъ, и приводитъ множество разнообразныхъ фактовъ, доказывающихъ, что пряники у насъ играли прежде важную религіозную и бытовую роль (стр. 4). Они не только служили лакомствомъ для дѣтей, но, кромѣ того, были предметомъ подаркомъ возлюбленнымъ; пряниками украшалось русское «столованье — почестень пиръ»; ихъ предлагали старикамъ въ знакъ уваженія и въ день именинъ, какъ почетную хлѣбъ-соль; съ пряниками также встрѣчали высшихъ начальниковъ и архіереевъ. Пряники съ извѣстными письменами считались цѣлебными отъ многихъ тяжелыхъ болѣзней; пряники приносили другъ другу въ прощенное воскресенье. На свадьбахъ и похоронахъ пряникъ игралъ тоже очень важную роль (стр. 3 и 4). Узорчатые, росписные пряники были во всеобщемъ употребленіи во времена самой глубокой древности. О нихъ нерѣдко упоминается въ былинахъ цикла Владимірова и старинныхъ сказкахъ. Въ теченіи всей русской исторіи они являются необходимой принадлежностью княжескаго и царскаго стола, и даже въ концѣ XVII вѣка, по случаю рожденія царевича Петра Алексѣевича, въ числѣ 120 блюдъ и сластей разныхъ упоминается: «коврижка сахарная большая, гербъ государства Московскаго; вторая коврижка сахарная-жь коричная»¹⁾.

¹⁾ Оружейная Палата. М. 1860 г., стр. 103.

Форма и рисунки пряниковъ варьировались безконечно. Для дѣтей приготавливались небольшіе пряники въ нѣсколько угольниковъ или «шашекъ»; дѣлалось это съ тою цѣлю, чтобы удобнѣе было дѣлать ихъ на маленькіе кусочки и лакомить дѣтей «понемножку». Для подарковъ отъ парней краснымъ дѣвицамъ приготавливали пряники съ изображеніемъ цвѣтовъ или сердечка въ срединѣ и съ приличной надписью: «знакъ любви», «знакъ дружбы», «знакъ памяти», «знакъ вѣрности», «кого люблю, того дарю» и проч. Вѣроятно о такихъ печатныхъ пряникахъ упоминается въ одной пѣснѣ прошлаго столѣтія:

«Пришелъ ко мнѣ миленькій,
Приносилъ подарочекъ—
Петербургскій пряничекъ...»

Величина пряниковъ была не одинакова. «Почетные» пряники, которые подносились, напримѣръ, при встрѣчахъ знатныхъ особъ, вмѣсто «хлѣба-соли» были обыкновенно въ 9—12 вершковъ, а иногда и въ цѣлый аршинъ длиною; вѣсилъ такой пряникъ не менѣе 30—40 фунтовъ. Пряники «дѣтскіе», «подарочные», «прощальные» и др. были не такъ страшны по своимъ размѣрамъ; вѣсъ ихъ не превосходилъ обыкновенно 2—3 фунтовъ. Въ настоящее время печатные пряники уже отжили свой вѣкъ и встрѣчаются очень рѣдко. Г. Гольшевъ дѣлалъ свои снимки не съ самыхъ пряниковъ, а съ тѣхъ досокъ, при помощи которыхъ они «печатались».

Внѣшность книги, изданной всего въ количествѣ 200 экземпляровъ, очень изящна и она вообще заслуживаетъ вниманія во всѣхъ отношеніяхъ.

Н. Д—скій.

А. И. Маркевичъ. О лѣтописяхъ. Изъ лекцій по русской исторіографіи. Выпускъ 1-й. Одесса, 1883 г.

Лѣтописи принадлежатъ безспорно къ числу важнѣйшихъ письменныхъ источниковъ русской исторіи, являясь хранилищемъ русскихъ историческихъ событій за восемь слишкомъ столѣтій: онѣ открываются историческимъ преданіемъ незапамятныхъ временъ и заканчиваются официальными правительственными актами конца XVII вѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ, русскія лѣтописи составляютъ первыя попытки исторіографіи, зачатки историческаго прагматизма. Критическимъ анализомъ лѣтописей начинается наука русской исторіи. Съ Татищева, Миллера и Шлецера до Соловьева, Костомарова и Вестушева-Рюмина—всѣ ученые русскіе историки и историки русской литературы, въ теченіе полутора вѣка, посвящали и посвящаютъ свои труды на изученіе русской лѣтописи. Шлецеръ связалъ неразрывно свое имя съ древнѣйшею нашею лѣтописью, представивъ въ своемъ «Несторѣ» тѣ начала исторической критики, которыя очень долго, почти до нашихъ дней, служили основаніемъ ученыхъ приемовъ русскихъ историковъ. Исторія изученія русскихъ лѣтописей весьма любопытна и составляетъ одинъ изъ интереснѣйшихъ вопросовъ русской исторіографіи: она показываетъ какъ въ теченіе полутора вѣка росла и крѣпла русская критическая мысль въ изученіи нашей исторіи и все болѣе и болѣе расширялось наше историческое самопознаніе. Между тѣмъ, обширная литература этой исторіи разбросана по разнымъ періодическимъ изданіямъ и сборникамъ и до сихъ поръ не имѣла общаго

обзора. Труды Д. В. Полѣнова и А. О. Бычкова касаются изданія лѣтописей; лекціи о лѣтописяхъ Н. И. Костомарова даютъ характеристики разныхъ писателей, не входя въ обзоръ литературы предмета. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ представилъ въ своей «Русской исторіи» лишь перечень трудовъ по изученію лѣтописи, потому что подробный обзоръ этихъ трудовъ не входилъ въ планъ его «Исторіи» весьма сжато изложенной (его специальная монографія о составѣ русскихъ лѣтописей до XIV вѣка лишь мимоходомъ затрогиваетъ литературу лѣтописей). Попыткой общаго обзора ученой обработки русскихъ лѣтописей является книжка А. И. Маркевича, состоящая изъ лекцій, читанныхъ имъ въ новороссійскомъ университетѣ.

Первый выпускъ чтеній г. Маркевича заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о лѣтописяхъ вообще и о первоначальномъ русскомъ лѣтописномъ сводѣ, извѣстномъ подъ именемъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» или такъ называемой Несторовой лѣтописи. Въ общей части своего труда авторъ, прежде всего останавливается на вопросѣ о существованіи лѣтописи, какъ формы историческаго повѣствованія, у разныхъ народовъ древняго и новаго міра. Этотъ весьма важный вопросъ долженъ бы быть, по нашему мнѣнію, изложенъ, въ данномъ случаѣ, не столь подробно. Не относясь прямо къ исторіи русскихъ лѣтописей, онъ могъ бы занять страницы двѣ-три вмѣсто посвященныхъ ему двадцати одной. Что касается до слѣдующихъ отдѣловъ общей части, они въ большинствѣ случаевъ, наоборотъ, слишкомъ кратки, представляя скорѣе подробный конспектъ, чѣмъ систематическое изложеніе. Библіографія вопроса о русскихъ лѣтописяхъ съ внѣшней стороны изложена полно: въ ней указаны не только первостепенныя монографіи Шлецера, Погодина, Вѣляева, Сухомлинова, Костомарова, Срезневскаго, Бычкова, Бестужева-Рюмина и др., но и воззрѣнія на лѣтописи въ общихъ историческихъ сочиненіяхъ Соловьева, Иловайскаго, Забѣлина, Голубинскаго и др., а также и малоизвѣстные и полузабытые труды второстепенныхъ ученыхъ, какъ, напримѣръ, Кубарева, Лашнюкова, Разсудова. Съ внутренней, критической стороны обращено недостаточно вниманія на воззрѣнія названныхъ ученыхъ, когда какъ желательно было бы видѣть болѣе тщательный ихъ анализъ. Далѣе, г. Маркевичъ касается слѣдующихъ вопросовъ: происхожденія русскихъ лѣтописей и личности лѣтописцевъ, состава лѣтописей, формы ихъ изложенія, внѣшняго вида и списковъ. Въ этихъ отдѣлахъ весьма удачно сгруппированы воззрѣнія ученыхъ на указанные вопросы. Изъ такихъ воззрѣній особенно убѣдительно аргументированы два: 1) о роли пасхальныхъ таблицъ въ происхожденіи русскихъ лѣтописей (стр. 55); 2) объ оффиціалномъ характерѣ русскихъ лѣтописей (стр. 71—78). Взглядъ г. Маркевича на способъ изданія лѣтописей не можетъ быть признанъ правильнымъ. Г. Маркевичъ высказывается за изданіе своднаго текста лѣтописей, именно того способа, который практиковался при бывшемъ редакторѣ «Полнаго собранія русскихъ лѣтописей», г. Берединовѣ, и совершенно основательно оставленъ перешншимъ редакторомъ этого собранія А. О. Бычковымъ.

Спеціальная часть 1-го выпуска чтеній г. Маркевича отличается полнотой и обстоятельностью изложенія; обзору «Повѣсти временныхъ лѣтъ» посвящено 83 страницы, на которыхъ сгруппированы и рассмотрѣны критически всѣ главнѣйшія мнѣнія о ней.

Такимъ образомъ, трудъ г. Маркевича является весьма полезной справочной книгой по вопросу о русскихъ лѣтописяхъ.

Д. К.—въ.

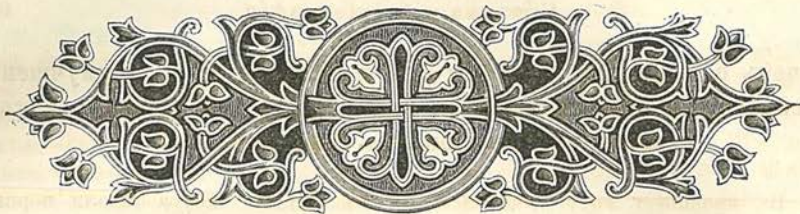
Отчетъ о занятіяхъ комиссіи для изысканія мѣръ и улучшенія преподаванія новыхъ языковъ въ среднихъ заведеніяхъ кавказскаго учебнаго округа. Тифлисъ. 1883.

Въ прошломъ году преподаватели кавказскаго округа издали первый томъ своихъ трудовъ, посвященный разсмотрѣнію вопросовъ, относящихся къ преподаванію древнихъ языковъ. Теперь появился второй томъ той же комиссіи, касающійся методики преподаванія новыхъ иностранныхъ языковъ. Комиссія сама заявляетъ, что она не имѣла ни времени, ни достаточныхъ силъ, для научной разработки вопросовъ, вызываемыхъ преподаваніемъ новыхъ языковъ, и почти вовсе не затронула нѣкоторыхъ изъ этихъ вопросовъ, какъ напр., орфографію, а другіе, какъ отношеніе къ преподаванію русской словесности, изслѣдованы не съ тою полнотою, какой требуетъ важность предмета. Главная цѣль комиссіи состояла въ томъ, чтобы отыскать достаточно вѣрныя и надежныя основанія, по которымъ должны разрабатываться вопросы преподаванія. Цѣль эта, насколько возможно, достигается въ протоколахъ комиссіи и въ приложеніяхъ къ нимъ, принадлежащихъ различнымъ преподавателямъ съ различныхъ точекъ зрѣнія разсматривающихъ предметы, предложенные на ихъ обсужденіе. Такъ, въ протоколахъ обсуждались попытки преподаванія новыхъ языковъ въ Германіи по грамматическому и синтаксическому методу; мнѣніе о невозможности научить во время класснаго преподаванія умѣнью говорить; преимущество изученія иностранныхъ языковъ посредствомъ разговоровъ объ окружающихъ предметахъ передъ преподаваніемъ посредствомъ разучиванія басенъ или разказовъ и пр. Въ приложеніи замѣчательны статьи: объ отношеніи русской литературы къ западно-европейскимъ литературамъ, о психологическомъ методѣ преподаванія, о словообразованіи французскаго языка, объ отношеніи этого языка къ латинскому въ школьномъ преподаваніи и пр. Вообще педагоги и преподаватели найдутъ много любопытныхъ и полезныхъ указаній по этимъ вопросамъ въ книгѣ, изданной на Кавказѣ, гдѣ изученіе новыхъ языковъ принесетъ несомнѣнно гораздо болѣе пользы, чѣмъ знакомство съ супинами и аористами, чуждыми кавказскому населенію.

В. З.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

Обиліе новостей въ концѣ года. — 1683 годъ. — Исторія тридцатилѣтней войны. — Леруа-Болье въ нѣмецкомъ переводѣ. — Сочиненія о русской арміи. — Цыганы. — Австрія въ XIX вѣкѣ. — Австрійская политика съ эпохи Екатерины II. — Брошюры о Вагнерѣ. — Лука Крапахъ. — Біографія великаго герцога Мекленбургъ-Шверинскаго. — Кореспонденція герцога Виртембергскаго. — Мольтке на службѣ у турецкаго султана. — «Нескромности» дипломатическаго авантюриста. — Путешествія по Парагваю и по Италіи. — Крахъ Бонту. — Исторія нидерландскихъ колоній. — Финансовый словарь. — Дипломатическій ежегодникъ. — Клубный альманахъ ¹⁾.

РНИЖНЯЯ дѣятельность за границей передъ каждымъ новымъ годомъ усиливается въ значительныхъ размѣрахъ. Издатели подгоняютъ къ этому времени выпускъ въ свѣтъ сочиненій, которыя должны произвести большое впечатлѣніе на публику. Количествомъ подобныхъ произведеній, являющихся въ концѣ года, болѣе другихъ странъ отличается Германія. Нельзя сказать однако же, чтобы въ нынѣшнемъ году качество новыхъ книгъ отвѣчало ихъ числу. Особенно замѣчательнаго и выдающагося между ними нѣтъ ничего. Мы перечислимъ только главнѣйшія сочиненія.

Двухсотлѣтняя годовщина освобожденія Вѣны послужила поводомъ къ появленію нѣсколькихъ сочиненій, относящихся къ этому предмету. Лучшее изъ нихъ принадлежитъ Онно Клоппу, автору замѣчательнаго труда, вышедшаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ «Паденіе дома Стюартовъ и наслѣдіе ганноверскаго дома въ Англіи, въ общей связи съ европейскими событіями». Новое изслѣдованіе историка носить названіе «1683 годъ и слѣдующая за нимъ большая турецкая война до Карловицкаго мира 1699 г.» (Das Jahr 1683 und der folgende grosse Türkenkrieg bis zum Frieden von Carlovitz). Этотъ огромный томъ въ 600 страницъ grand octavo заключаетъ

¹⁾ Всѣ эти книги получены въ магазинѣ Шмитцдорфа, Невскій просп., 5.

въ себѣ полное и обстоятельное изложеніе историческихъ событій того времени. Первые главы посвящены описанію отношеній христіанъ къ туркамъ въ XVII вѣкѣ, характеристикѣ римскаго императора Леопольда I и Людовика XIV, развитію могущества турокъ въ 1682 году, приготовленію императора къ борьбѣ съ ними. Затѣмъ слѣдуетъ подробное описаніе осады Вѣны, ея освобожденія и послѣдующихъ военныхъ дѣйствій, изложенное по годамъ, въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ. Авторъ не сообщаетъ новыхъ фактовъ въ своемъ трудѣ, уступающемъ сочиненію Альберта Камезины въ томъ, что касается собственно до осады Вѣны; но у Клоппа факты хорошо сгруппированы, вѣрно освѣщены, изложены живо. Въ приложеніи помѣщено много любопытныхъ, подлинныхъ документовъ.

— Другое историческое сочиненіе, еще большаго объема (990 страницъ) составляетъ продолженіе обширнаго труда Феликса Штиве «Письма и акты изъ исторіи тридцатилѣтней войны во время преобладающаго вліянія Виттельсбаховъ» (*Briefe und Acten zur Geschichte des dreissigjährigen Krieges in den Zeiten des Vorwalten den Einflusses der Wittelsbacher*). Этого сочиненія, издаваемаго съ 1870 года, при пособіи баварскаго короля, историческою комиссіею при мюнхенской академіи наукъ, вышло уже пять томовъ. Первые три, обработанные М. Риттеромъ, заключаютъ въ себѣ: исторію основанія лиги 1598—1608 гг., лига и Генрихъ IV (1607—1609) и войну за юлихское наслѣдство. Четвертый и нынѣ вышедшій пятый томъ составлены извѣстнымъ Штиве, авторомъ многихъ сочиненій, относящихся къ эпохѣ тридцатилѣтней войны: «*Der Ursprung des 30-jährigen Krieges*», «*Die Reichsstadt Kaufbeuren*» и др. Оба тома содержатъ въ себѣ изложеніе политики Баваріи 1591—1607 г.: управленіе странюю, реставраціонныя мѣры Максимилиана, исторію имперскихъ совѣтовъ 1598, 1603 и 1608 г. Множество любопытныхъ документовъ, извлеченныхъ изъ государственныхъ архивовъ Баваріи и другихъ источниковъ и собранныхъ Штиве, освѣщаютъ новымъ свѣтомъ главнѣйшіе эпизоды этого времени и важную роль, какую играла въ нихъ династія Виттельсбаховъ.

— Извѣстное сочиненіе Леруа-Болье о Россіи появилось и на нѣмецкомъ языкѣ въ переводѣ Л. Пецольда, подъ названіемъ «*Das Reich der Zaren und die Russen*». Издатель отдаетъ въ предисловіи полную справедливость этому сочиненію и вѣрно излагаетъ его значеніе, въ особенности для иностранцевъ, мало знакомыхъ съ Россіею. Съ нашимъ отечествомъ въ военномъ отношеніи знакомитъ нѣмецъ А. Дрыгальскій въ двухъ сочиненіяхъ: «*Русская армія въ войнѣ и мирѣ*» (*Die Russische Armee in Krieg und Frieden*) и «*Стратегическія кавалерійскія маневры генерала Гурко въ Южной Россіи, весною 1882 года и стремленіе къ переформированію русской кавалеріи*» (*Das strategische Kavalleriemänöver unter General Gurko in Südlichen Russland Herbst 1882 und die Reformbestrebungen in der russischen Cavalerie*). Оба сочиненія основаны на официальныхъ документахъ и обличаютъ въ авторѣ глубокое знаніе своего предмета. О нашей военной системѣ и объ арміи онъ отзывается съ полнымъ уваженіемъ. Особенное вниманіе специалистовъ обратили на себя сужденія автора о значеніи нашей кавалеріи и роли, которая предназначена ей въ будущихъ столкновеніяхъ съ неприятелемъ.

— Мы говорили уже о замѣчательномъ сочиненіи въ этнографическомъ и культурно-историческомъ отношеніи «*Народы Австро-Венгріи*» (*Die Völ-*

ker Oesterreich-Ungarns). Теперь вышелъ 12-й и послѣдній томъ этой обширной монографіи, содержащей въ себѣ всестороннее изслѣдованіе цыганъ въ Венгріи и Семиградьи (*Die Zigeuner in Ungarn und Siebenbürgen*). Авторъ, д-ръ Швиккеръ, говоритъ объ имени и происхожденіи этого племени, его появленіи въ Европѣ и странствованіяхъ, судьбѣ его въ Австріи, объ языкѣ, качествахъ, бытѣ, умственной жизни, численности, пѣніи и музыкѣ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ сообщается много интересныхъ фактовъ, приводятся любопытные выводы, хотя всѣ главные вопросы, какъ напримѣръ о языкѣ и происхожденіи цыганъ, остаются нерѣшенными.

— О современной Австріи вышло иллюстрированное сочиненіе «*Oesterreich-Ungarn in neunzehnten Jahrhundert*» — «Австро-Венгрія въ девятнадцатомъ столѣтіи по отношенію къ главнѣйшимъ событіямъ въ исторіи, наукѣ, искусствѣ, промышленности и народной жизни». Въ этой широкой программѣ авторъ, Морицъ Берманъ, представляетъ не только политическую, но и культурно-бытовую исторію имперіи, близкое знакомство съ которой особенно интересно для насъ въ настоящее время. Описанію событій нашего вѣка предпосланы краткія историческія очерки судьбъ Австріи съ половины прошлаго столѣтія. Авторъ сочиненія увѣренъ въ «прекрасной будущности» имперіи, потому что она пережила столько катастрофъ и переворотовъ, не утративъ своего могущества и возродившись къ новой жизни со вступленіемъ въ конституціонный образъ правленія, къ которому должна была прибѣгнуть, какъ къ единственному якорю спасенія, послѣ того какъ военное могущество ея было уничтожено на поляхъ кровавыхъ сраженій. Къ сочиненію приложено много политипажей, между которыми встрѣчаются малоизвѣстныя и любопытныя изображенія народныхъ сценъ и политическихъ эпизодовъ, видовъ, нарядовъ и т. п.

— Восточной политикѣ Австріи посвящено обширное сочиненіе Адольфа Беера (болѣе 830 страницъ): «*Die orientalische Politik Oesterreichs seit 1774*». Въ этомъ замѣчательномъ трудѣ разсказана подробно исторія отношеній Австріи къ Турціи по восточному вопросу, съ эпохи освобожденія Венгріи изъ-подъ власти турокъ и до послѣдняго времени. Въ отдѣльныхъ главахъ авторъ излагаетъ эти отношенія до Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, въ царствованіе Юсіафа II, во время революціи, возстанія въ Сербіи, освобожденія Греціи и послѣ Адрианопольскаго мира. Двѣ послѣднія главы посвящены Крымской войнѣ и политическому положенію послѣ Парижскаго мира. Большая честь изслѣдованій автора основана на необнародованныхъ документахъ. Политика Юсіафа II и положеніе Австріи во время сербскаго возстанія представлена въ новомъ свѣтѣ. Даже при изложеніи политики Меттерниха приводятся неизвѣстные документы. Хотя подлинныя документы, относящіяся къ Крымской войнѣ, хранятся недоступными въ государственныхъ архивахъ, но и по этому вопросу автору удалось изслѣдовать отдѣльныя фазисы австрійской политики и причины ея нерѣшительности и колебаній. Особенно рельефно отгѣнена политика Андраши. Политическимъ отношеніямъ Австріи къ Россіи послѣ войны 1877 года посвящено съ полсотни страницъ, но положеніе дѣлъ изложено въ нихъ вѣрно, хотя, конечно, съ австрійской точки зрѣнія. Величайшею заслугою графа Андраши признается укрѣпленіе имъ дружественныхъ сношеній Австріи съ Пруссіей. «Турція должна существовать до тѣхъ поръ, пока Австрія совершенно укрѣпится». Авторъ заканчиваетъ свой во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательный трудъ со

жалѣниемъ, что Берлинскій конгрессъ позволилъ Россіи снова утвердиться на нижнемъ Дунаѣ, тогда какъ рѣка эта должна принадлежать Австріи, какъ дунайской державѣ. Въ приложеніи помѣщены очень интересныя документы: записка Кобенцеля, депеши Стадіона, письма эрцгерцога Карла 1808 года, доклады Меттерниха 1809—10 года, донесенія Николаю I генерала Красинскаго 1829 года и нѣкоторыя депеши къ графу Буолу 1854 года.

— Къ многочисленнымъ сочиненіямъ о Рихардѣ Вагнерѣ, о которыхъ мы говорили въ прошлой книжкѣ «Историческаго Вѣстника», слѣдуетъ присоединить еще любопытную брошюру Вильгельма Тапперта: «Richard Wagner, sein Leben und seine Werke» и въ особенности, «Wagner-Lexicon», собраніе главныхъ сужденій Вагнера объ искусствѣ и его міровоззрѣніе на различные предметы, почерпнутое изъ его сочиненій и цитированное его собственными словами. Сборники мнѣній выдающихся дѣятелей нѣрѣдко появляются въ иностранной литературѣ и представляютъ важное пособіе для изученія индивидуальныхъ особенностей дѣятеля. Только у насъ не являлось никогда ничего подобнаго.

— Въ области другаго искусства—живописи вышла интересная монографія Луки Крапаха: «Lucas Kranach, ein Lebensbild aus dem Zeitalter der Reformation». М. Ландау посвятилъ этому даровитому живописцу и рѣщику на мѣди и на деревѣ обстоятельное изслѣдованіе (въ книгѣ болѣе 400 страницъ), въ которомъ весьма подробно рассказываетъ всю жизнь художника и представляетъ вѣрную оцѣнку его произведеній. Къ книгѣ приложенъ политинажъ XVI вѣка, снятый съ портрета, нарисованнаго самимъ Крапахомъ въ 1550 году, т. е. когда художнику было 78 лѣтъ.

— Біографія недавно умершаго великаго герцога Мекленбургъ-Шверинскаго Фридриха Франца II вышла вторымъ изданіемъ (Friedrich-Franz II Grossherzog von Mecklenburg-Schwerin). Кромѣ изложенія жизни герцога, въ брошюрѣ помѣщено нѣсколько его писемъ, приказовъ по арміи и другихъ официальныхъ документовъ.

— Издана также переписка другаго военнаго дѣятеля, герцога Евгенія Виртембергскаго, съ начальникомъ его штаба во время войны 1813—1814 г., тогдашнимъ полковникомъ русской службы Гофманомъ, впоследствии прусскимъ генераломъ (Die nachgelassene Correspondenz zwischen den Herzog Eugen von Württemberg). Въ книгѣ много любопытныхъ подробностей, относящихся къ войнѣ, въ которой геній Наполеона выказался во всемъ блескѣ, не смотря на его военныя неудачи. Къ сочиненію приложена и біографія Гофмана, нитѣмъ, впрочемъ особеннымъ не замѣчательная.

— Истоцивъ весь запасъ знаковъ удивленія передъ подвигами своего національнаго героя, генерала Мольтке, въ послѣднюю европейскую войну, нѣмцы стали откапывать его давно забытыя азіатскія походы и издали двѣ иллюстрированныя книги, относящіяся къ эпохѣ его странствованій по Азій. Извѣстно, что этотъ офицеръ, датчанинъ по происхожденію, служившій сначала въ датской арміи, потомъ перешедшій въ прускую и, въ 1864 году сражавшійся противъ Даніи, служилъ еще до этого времени лѣтъ десять султану Махмуду, организовалъ турецкую армію и участвовалъ съ нею въ сирийскомъ походѣ 1839 года. Новыя сочиненія о нѣмецкомъ фельдмаршалѣ относятся къ этой эпохѣ. Одно изъ нихъ подъ вычурнымъ названіемъ: «Подъ полумѣсяцемъ. Изъ жизни Мольтке» (Unterm Halbmonde. Aus Moltkes Leben) написано двумя лицами: Геккеромъ и

Отто; другое «Мольтке въ Малой Азіи» (Moltke in Kleinasien) принадлежит Федору Кеппену и начинается описаніемъ переѣзда черезъ Балканы капитана прусскаго генеральнаго штаба Гельмута фонъ-Мольтке, на пути въ Константинополь, осенью 1835 года. Оба сочиненія наполнены, конечно, восторженными похвалами офицеру, обладающему дѣйствительно замѣчательными стратегическими дарованіями. Но кромѣ панегирика, въ обоихъ сочиненіяхъ встрѣчаются любопытныя черты, характеризующія и самого Мольтке, и лицъ, съ которыми онъ входитъ въ сношенія, и событія, въ которыхъ онъ принимаетъ участіе.

— Къ числу лицъ, вращающихся въ современномъ дипломатическомъ мірѣ, хотя и не занимающихъ въ немъ официальнаго положенія, принадлежитъ Вольгеймъ да Фонсека, полу-испанецъ и полу-нѣмецъ, далеко не отличающійся катоновскою строгостью—если только Катоны вообще возможны въ дипломатіи. Но она не разъ употребляла его для разнаго рода щекотливыхъ порученій, за которыя неохотно берутся патентованные дипломаты. Зная довольно хорошо европейскіе языки, Вольгеймъ, въ молодости состоялъ въ собственномъ кабинетѣ датскаго короля Фридриха VI, потомъ служилъ у Меттерниха, исполняя въ Гамбургѣ официальную должность переводчика съ 11-ти языковъ. Въ Берлинѣ состоялъ при королѣ Фридрихѣ Вильгельмѣ IV и принцѣ Карлѣ. Съ 1852 по 1858 годъ австрійскій первый министръ Буоль-Шауенштейнъ давалъ ему не разъ деликатныя порученія во Францію и Италію. Въ 1856 году онъ принималъ участіе въ подготовительныхъ работахъ по парижскому трактату, въ 1863 году—по конгрессу во Франкфуртѣ. Онъ занималъ на первой парижской выставкѣ должностное *interpréte en chef*, писалъ статьи въ «*Mémorial diplomatique*». Близкое знакомство его съ Франціей и долгое пребываніе въ ней доставило ему, въ войну 1870—71 года, выгодное мѣсто въ главной квартирѣ великаго герцога Мекленбургъ-Шверинскаго. Во время пребыванія корпуса герцога въ Реймсѣ, Вольгеймъ издавалъ тамъ даже «*Moniteur officiel du gouvernement général*», за что получилъ ордена Желѣзнаго-Креста и Вендской Короны; состоялъ онъ потомъ при имперскомъ посольствѣ въ Парижѣ, писалъ записки о выгодахъ политическаго соглашенія русской дипломатіи съ нѣмецкою. Все это, конечно, ставило его въ сношеніе со многими выдающимися лицами, давало возможность близко изслѣдовать причины историческихъ событій. Не мудрено, что ему пришла мысль описать эти событія, представить характеристику этихъ лицъ—и въ Берлинѣ появился первый выпускъ довольно любопытнаго сочиненія, подъ названіемъ: «Новыя нескромности. Сообщенія изъ тайной дипломатіи послѣднихъ тридцати лѣтъ (*Neue Indiscretioned. Mittheilungen aus der geheimen Diplomatie der letzten dreiszig Jahre*). Это, собственно, не записки о жизни автора, а извлеченіе изъ его воспоминаній о разныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ и порученіяхъ, начиная съ 1854 года. Нельзя сказать, однако, чтобы первыя четыре главы этихъ «нескромностей», вошедшія въ первый выпускъ, были очень занимательны: описаніе австрійскихъ бюро печати, политики Буоль-Шауенштейна, переговоры о дунайскихъ княжествахъ и плаваніи по Дунаю, положеніе Испаніи на парижскомъ конгрессѣ—все это, давно извѣстное, отошло уже въ область исторіи и въ рассказѣ объ этомъ очень мало новыхъ подробностей, да и то, что сообщаетъ Вольгеймъ—сильно нуждается въ подтвержденіи болѣе авторитетными лицами. Тутъ же помѣщенъ рассказъ о томъ, какъ

автора хотѣли подкупить, но онъ съ негодованіемъ отвергъ соблазнителья. Вообще о самомъ Вольгеймѣ говорится гораздо больше, чѣмъ объ историческихъ личностяхъ. Судя по заголовкамъ отдѣловъ книги, послѣдующія главы обѣщаютъ быть гораздо болѣе интересными. Мы возвратимся къ нимъ, если онѣ сдержатъ обѣщаніе.

— Изъ отдѣла путешествій слѣдуетъ отмѣтить два сочиненія, читающіяся легко и съ удовольствіемъ. Одно изъ нихъ принадлежитъ Эрнесту Меверту, автору романовъ «Послѣдніе Меровинги» и «Новые Нибелунги», трагедіи «Мюнстерскій Король», и поэмъ «Черногорцы» и «Гельго и Сигрунгъ». На этотъ разъ поэтъ описываетъ свои собственные походы въ далекой и мало посѣщаемой странѣ. Книга его называется «Годъ верховъ, странствованія по Парагваю» (*Ein Jahr zu Pferde, Reisen in Paraguay*) и заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ подробностей о положеніи страны подъ диктатурою Лопеса, о католическихъ колоніяхъ на Лаплатѣ и пр. Прекрасный литературный языкъ придаетъ ей еще болѣе значенія. Другое сочиненіе, заключающее въ себѣ описаніе Рима и Неаполя, подъ названіемъ «*Italienische Skizzen. Wanderungen durch Rom und Neapel*» замѣчательно потому, что авторъ этихъ итальянскихъ очерковъ—протестантскій пасторъ и проповѣдникъ въ Бременѣ, Шраммъ, изучаетъ на мѣстѣ католицизмъ и ультрамонтанство съ точки зрѣнія ревностнаго приверженца Лютера и реформаціи. Въ книгѣ немало, впрочемъ, и чисто археологическихъ замѣтокъ, и описаній народнаго быта, красотъ природы и искусства. Такъ очерки Помпеи выходятъ у него едва ли не интереснѣе картины свободной христіанской церкви въ Италіи.

— Интересныя подробности о финансовомъ положеніи Франціи заключаются въ брошюрѣ какого-то Германика «Второй парижскій крахъ» (*Der zweite Pariser Krach*). Авторъ ея, какъ настоящій германецъ, излагаетъ съ своей патриотической точки зрѣнія, исторію банка Бонту, отъ послѣдствій котораго до сихъ поръ еще не могутъ оправиться многія европейскія биржи. Всѣ операціи, производимыя съ точки зрѣнія высшихъ финансовыхъ соображеній (*Haute finance*) и такъ близко граничащія съ мошенничествомъ, подробно описаны въ брошюрѣ, представляющей финансы Франціи далеко не въ блестящемъ положеніи, а продѣлки биржевиковъ и финансовъ—въ ихъ настоящемъ, далеко не безукоризненномъ свѣтѣ.

— На французскомъ языкѣ вышло любопытное историческое сочиненіе, относящееся къ событіямъ мало извѣстнымъ въ Европѣ. Это «Исторія участія бельгійцевъ въ кампаніяхъ нидерландской восточной Индіи подъ властью Голландіи, въ 1815—1830 гг.» (*Histoire de la participation des Belges aux campagnes des Indes orientales néerlandaises sous le gouvernement de Pays Bas*). Голландіи не дешево обошлось приобрѣтеніе колоній въ Малайскомъ архипелагѣ, на Явѣ, Целебесѣ, Суматрѣ и др. Къ извурительному климату, убійственному для европейца, присоединились непрерывныя войны, ежедневная борьба прогресса и цивилизаціи съ упрямствомъ и ожесточеніемъ полудикихъ племенъ, отстаивавшихъ свою независимость. Кому извѣстны имена голландскихъ героевъ Кугорна, Мишьельса, Раафа, Меркена, Рупса и др.? Подвиги ихъ увѣнчаны голландскими историками: Воспа, Нагуйсомъ, Герлахомъ, Стоерсомъ, но о бельгійцахъ, служившихъ въ нидерландскихъ колоніяхъ Гоффине, Нотомбѣ, Соллевинѣ, Ванъ-Геенъ, Делатрѣ и др. писалъ только генералъ Лагюръ, самъ принадлежавшій къ числу

военныхъ дѣятелей въ колоніяхъ. Только къ открывшейся въ нынѣшнемъ году выставкѣ въ Амстердамѣ, Крюйплантсѣ, авторъ «Исторіи бельгійской кавалеріи» составилъ книгу о подвигахъ своихъ соотчичей. Въ ней авторъ описываетъ сначала географическое положеніе Малайскаго архипелага, исторію открытія Зондскихъ острововъ, основаніе Батавіи и кампаніи восточной Индіи, захватъ голландскихъ колоній англичанами въ послѣдній годъ царствованія Людовика Бонапарте (1811), возвращеніе Голландіи колоній въ 1814 году. Изъ военныхъ экспедицій авторъ описываетъ палембангскую на островъ Целебесъ, пятилѣтнюю войну на Явѣ съ Дипо-Негаро (1825—30), наконецъ войну на Суматрѣ (1833—38). Сочиненіе оканчивается описаніемъ настоящаго положенія колоній.

— Вышли первые выпуски «Финансоваго Словаря» (*Dictionnaire des finances*), издаваемого подъ редакціей Леона Сэ, бывшаго министра финансовъ французской республики, члена академіи. Отличіе этого словаря отъ множества ему подобныхъ заключается въ томъ, что кромѣ статей, непосредственно относящихся къ наукамъ финансовъ: налогамъ, таможеннымъ, прямымъ и косвеннымъ податямъ, гербовымъ сборамъ, рентамъ, займамъ, государственному долгу и т. п.,—въ книгѣ излагаются финансовое законодательство и исторія учрежденія и свойства каждаго налога, вмѣстѣ съ его измѣненіями въ системѣ финансовъ. Въ словарѣ помѣщено также законодательство иностранныхъ земель, относительно налоговъ на разные предметы. Теорія и практика науки финансовъ изложены вполне обстоятельно въ новомъ словарѣ, который выйдетъ въ объемѣ двухъ томовъ, каждый въ сто листовъ слишкомъ.

— Къ извѣстному цѣлому свѣту «Готскому альманаху» вышло въ нынѣшнемъ году весьма полезное дополненіе, достигшее уже второго изданія. Это «Дипломатическій и консульскій ежегодникъ государствъ обоихъ міровъ» (*Annuaire diplomatique et consulaire des états des deux mondes*). Въ этомъ небольшомъ томѣ помѣщенъ весь составъ посольствъ и консульскихъ учреждений въ алфавитномъ порядкѣ странъ, при которыхъ они находятся. Сверхъ того, въ концѣ книги напечатанъ алфавитный же списокъ всѣхъ дипломатовъ и приложены четыре раскрашенные таблицы съ изображеніемъ флаговъ всѣхъ странъ, національныхъ, военныхъ, коммерческихъ, династическихъ и пр.

— Вышелъ также въ первый разъ «Альманахъ клубовъ, ежегодныхъ собраній и спорта» (*Club Almanach, annuaire des cercles et du sport*). Въ этомъ огромномъ томѣ въ 1344 страницы помѣщено все, что можетъ интересоватъ придворнаго, клубиста, человека, слѣдящаго за модной и фешенебельной жизнью. Здѣсь помѣщенъ календарь съ замѣтками о скачкахъ, призовыхъ лошадяхъ и т. п., затѣмъ генеалогія царствующихъ домовъ, генеалогическія таблицы съ монографіями замѣчательныхъ фамилій, списокъ всѣхъ орденовъ, парламентскій ежегодникъ, кабинеты всѣхъ державъ, французская академія, испанскіе гранды, перы Великобританіи, перечень клубовъ и собраній во всѣхъ государствахъ, яхтъ-клубовъ съ ихъ флагами, скаковыхъ обществъ съ указаніемъ всѣхъ скачекъ 1882 и 1883 года, ихъ результатовъ. Къ книгѣ приложены фотографическія карточки принца Уэльскаго—пѣшкомъ, императрицы австрійской и герцога Омальскаго—верхомъ и трехъ лошадей, выигравшихъ первые призы.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Французскіе стихи въ честь Петра Великаго.

ПАРИЖСКАЯ національная бібліотека содержитъ богатѣйшую коллекцію историческихъ сочиненій, начиная отъ самыхъ древнихъ временъ, и постоянно пополняется вновь появляющимися изданіями.

Въ числѣ прочихъ изданій, относящихся до французской исторіи XVIII столѣтія, въ каталогахъ, противъ 1717 года стоитъ:

«Chanson composée au sujet de l'arrivée du Czar à Paris».

Это тоненькая книжка тогдашняго изданія съ награвированнымъ на первой страницѣ портретомъ Петра Великаго.

Вотъ подлинная копія съ пѣсни и подстрочный ея переводъ:

Le Czar ou Grand-duc de Moscovie
Pierre Alexeiew fils d'Alexis et d'une
maison qui regne en ce pays-la depuis
l'an 1610 ère Chretienne-Grec.

La domination de ce prince s'etend
lors des bornes de l'Europe assez avant
dans l'Asie.

(Avec permission 1717).

Que de jouissance à Paris
L'on a vu ces jours icy
De cet illustre Duc et Prince
Qui est venu voir le roi Louis
Ayant quitté la Province
Pour honorer les fleurs de lys,

«ИСТОР. ВѢСТН.», ДЕКАБРЬ, 1883 г., т. XIV.

Царь или Великій Князь Московскій Петръ Алексѣевъ сынъ Алексѣя, происходитъ изъ дома царствующаго въ той странѣ съ 1610 года эры греко-христіанской.

Владѣнія этого князя простираются отъ границъ Европы довольно далеко въ глубь Азіи.

(Съ разрѣшенія 1717).

Что за веселіе въ Парижѣ
Здѣсь было видно эти дни
Отъ князя знатнаго и принца
Хотѣвшаго узрѣть короля Луи.
Оставилъ онъ свои владѣнія
Чтобы честь лиліямъ воздать

Louis Quinzième assurément
 Au devant a envoyé de ses gens.
 Comme estant prince de mérite
 Gouverneur de la Moscovie
 Avec grande joie chacun aspire
 Le voir promener dans Paris
 «Je vous salue très noblement
 «Roi que vous êtes charmant
 «Dieu maintienne vostre couronne
 «Toujours en bonne prosperité
 «Et conserve vostre personne
 «Dans une parfaite santé.
 «A vous Grand-Duc d'Orléans
 «De France étant le Régent
 «A tous les Princes et Princesses
 «Je viens souhaiter le bonjour
 «Me faisant l'honneur et gloire
 «D'estre reçu dans vostre cour
 «Sortant du Louvre de Paris
 «Sa Majesté m'a permis
 «D'aller visiter Versailles
 «Tous les beaux corps de logis
 «Et les jets d'eau admirables
 «Et la Machine de Marly
 «Estant de retour au Pays
 «A mon père ferai un grand récit
 «Des grandes magnificences
 «Que j'ai reçu du roi Louis
 «D'y avoir vu la présence
 «J'en ai le coeur très rejoui.

Конечно Людовикъ пятнадцатый
 На встрѣчу слугъ своихъ послалъ
 Тому достойному владыкѣ
 Правителю московскихъ странъ.
 Всякъ съ радостью великой жаждетъ
 Его въ Парижѣ повстрѣчать.
 «Поклонѣ вамъ полный уваженья
 «Король прекрасный мой
 «Пусть Богъ хранить корону вашу
 «Благополучной навсегда
 «И да пошлетъ особѣ вашей
 «Здоровье полное на вѣкъ
 «Вамъ герцогъ Орлеанскій
 «Регенту Франціи,
 «И вамъ всѣмъ принцы и принцессы
 «Желаю добраго я дня
 «Я чту за честь себѣ и славу
 «Пріемъ мнѣ сдѣланный дворомъ.
 «При выходѣ въ парижскомъ Луврѣ
 «Его величество позволилъ мнѣ
 «Отправиться въ Версальскій замокъ.
 «Его постройки осмотрѣть
 «Великолѣнные фонтаны
 «И водопроводъ въ Марли.
 «Когда я возвращусь на родину
 «Я расскажу о всемъ отцу
 «О всѣхъ подаркахъ великолѣпныхъ
 «Мной полученныхъ отъ короля Луи.
 «Все что я видѣлъ и замѣтилъ
 «Мнѣ сердце привело въ восторгъ.

Сообщено И. Я. Бутковскимъ.

Письма графини М. А. Румянцевой къ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ ¹⁾.

I.

Всемиловитѣйшая государыня.

Вчера съ по высочайшему вашему величества повелѣнію въ Раненбомѣ приѣхала; Иванъ Симоновичъ встрѣтилъ меня, я не хотѣла прежде къ ея высочеству итти, а доложить бы его высочеству, который изволилъ быть въ лагерѣ, но ея высочество изволила въ окошкѣ меня видѣть, изволила

¹⁾ Гофмейстерина, графиня Марья Андреевна Румянцева, мать фельдмаршала, пользовалась особеннымъ довѣріемъ императрицы Елисаветы Петровны. Несмотря на всѣ наши поиски, мы не могли отыскать ни въ «Запискахъ» императрицы Екатерины II, ни въ другихъ источникахъ, ключа къ настоящимъ письмамъ.

отчасъ по меня прислать; какъ я вошла, она изволила сказать: «конечно, ты не даромъ прѣѣхала»; я хотѣла обождать его высочество, но какъ ея высочество зачала горько плакать и просить меня, чтобъ я ей сказала, то я объявила; на что съ горестію великою изволила сказать: «сердце мое провѣщало кой часъ я свѣдала, что Анна изволила туда ѣхать»; то я сказала, что оное къ погибели ея, а что не выѣзжать и о прочемъ въ двое печаль чувствительна, что такое мудреное опредѣленіе сдѣлано; ея высочество за милостивое вашего величества матернее попеченіе со слезами благодареніе приносить, а его высочество приказать мнѣ черезъ Ивана Симоновича сказать, что я-де хотѣлъ ей въ среду объявить, а когда она съ тѣмъ прислана, пушай объявляетъ; также благодарить великая княгиня за показанную милость вашего величества къ брату. «Мнѣ ничего не надобно по милости ея величества, изволила сказать, только жаль брата въ такихъ его горькихъ обстоятельствахъ». Ея высочество жалуется грудью и безѣрно плачетъ, а его высочество еще не имѣла честь видѣть и не присылалъ, истинна такъ горько, что всю ночь не опочивала и головою жалуется. Ея высочество со слезами просить ваше величество материнскаго милосердія по природному великодушію и вручаетъ бѣднаго брата. Я такъ писала, какъ сама изволила на постелѣ лежа приказать.

Вашего императорскаго величества подданная раба

Г. М. Румянцова.

(Безъ означенія года и числа.)

II.

Всемиловѣйшая государыня

Дьяконъ Ростовскаго собора Николай, который сказывалъ сыну моему, что архіерея протодьяконъ еще по лучше, только въ ту пору его не было, а оной протодьяконъ не чернецъ; я хотѣла сама вашему величеству донести, но вчера ѣдучи домой, двѣ лошади въ грязи пали, то принуждена сидѣть покудова лошадей принцу и половину двора по грязи шла.

Вашего величества раба

Г. М. Румянцова.

(Безъ означенія года и числа.)

Шуточное стихотвореніе.

Nonny soit qui mal у pense.

Предлагаемая стихотворная шутка, написанная болѣе 20-ти лѣтъ назадъ, требуетъ нѣкотораго объясненія.

Во время процвѣтанія покойной «Искры», автору довелось услышать, что въ одно изъ обычныхъ вечернихъ собраній у покойнаго редактора этого изданія, гдѣ были между прочимъ гг. Минаевъ и Героглифовъ, первый, подъ веселую руку, присѣлъ къ фортепіано и спѣлъ про второго какой-то смѣхотворный куплетъ-экспромптъ, чрезвычайно будто бы всѣхъ насмѣшившій. Соль куплета, конечно, вполнѣ безобиднаго, по словамъ рассказчика, состояла

въ томъ, что въ немъ слово «миювъ» рифмовало съ фамиліей Героглифовъ, и разказчикъ только одно это и могъ передать о содержаніи куплета. Автора предлагаемыхъ строфъ это очень заняло. Ему живо представилось, какъ это должно было выдти забавно, въ оживленной компаніи завязтыхъ смѣхотворцевъ, при талантливости г. Минаева—съ одной стороны, и при отличномъ умѣнн почтеннаго А. С. Героглифова принимать шутку—съ другой. Вотъ по этому поводу онъ тогда же и написалъ эти строфы и пустилъ ихъ въ ходъ, никогда никому не открывшись, въ томъ литературномъ кружкѣ, къ которому принадлежалъ, гдѣ они и прожили назначенный имъ вѣкъ. Долѣе всѣхъ другихъ доставлялъ себѣ забаву декламировать ихъ покойный А. О. Писемскій, бывшій въ то время штатнымъ членомъ редакціи «Библиотеки для Чтенія», признавая за ними именно качество недурной шутки, потому что не только вообще былъ хорошо настроенъ къ г. Героглифову, но еще считалъ себя ему обязаннымъ за услугу, по устройству изданія его сочиненій Стелловскимъ.

Къ этому нужно добавить, что г. Героглифовъ въ то время былъ самъ редакторомъ—едва ли и теперь слишкомъ забытаго сатирическаго листка, выдававшегося своею смѣлостью, особенно въ карикатурахъ, и что благодаря этой смѣлости листка, его редактору приходилось возиться до усталы, настаивать до отчаянія и выдерживать ожесточенныя схватки съ цензурою. А что г. Героглифовъ упрямъ, это извѣстно всѣмъ, его знающимъ: ему указывали на какую нибудь невозможность, онъ ее смягчить и преподнести снова; ему снова указывали, по тогдашнему добромъ обычаю, уже со ссылкою «на жену и дѣтей, на дрова и свѣчи», на какое нибудь новое неудобство, онъ опять смягчалъ и опять преподносилъ, и такъ до уложенія въ постель. «Преданья старины глубокой», а между тѣмъ подобная борьба, къ концу подцензурнаго времени, вызывалась почти каждой мало-мальски небезцвѣтной статьею; она доходила до свирѣпости; она поднималась и выдерживалась не только редакторами, но и сотрудниками—постоянными и случайными, и никто не можетъ отрицать, чтобы, между другими причинами, она не оказала серьезнаго вліянія на происхожденіе позднѣйшаго закона о печати. «Слава храбрымъ муравьямъ!»

Наконецъ, что касается самаго оглашенія предлагаемыхъ строфъ, то оно оправдывается отчасти желаніемъ сохранить—(все-таки)—литературное преданіе, а затѣмъ полною увѣренностью, что самъ почтенный Александръ Степановичъ, очень уважаемый авторомъ—столько же за его своеобразный умъ, сколько и за достойный характеръ, можетъ только посмѣяться шуткѣ, какъ посмѣялся ея первообразу изъ устъ г. Минаева, но не оскорбиться ею.

* * *

Я читаю задорный «Гудокъ»,
 Я «Гудокъ»-ли задорный читаю,
 Что за бойкій, отважный листокъ!
 Съ нимъ я въ области миювъ витаю,
 Я витаю съ нимъ въ области миювъ...
 Героглифовъ!
 Героглифовъ!

* * *

Кто вѣрнѣй свой корабль проведетъ,
Проведетъ ли корабль кто вѣрнѣе
Сквозь цензурныхъ угрюмыхъ воротъ,
Между рифовъ и скалъ, не робѣя,
Не робѣя межъ скалъ и межъ рифовъ...

Героглифовъ!
Героглифовъ!

* * *

Логариѣмы не риѣма ему,
Нѣтъ не риѣма ему логариѣмы...
Но кому же иному, кому
Псамметиховъ дадимъ мы для риѣмы,
Мы для риѣмы дадимъ Псамметиховъ...

Героглифовъ!
Героглифовъ!

* * *

То не бѣдная мать въ тростникѣ
Сбыть дитя фараонкѣ хлопочетъ;
Это онъ такъ и этакъ въ листкѣ,
Сплавить камень Сизифовъ все хочетъ,
Хочетъ сплавить все камень Сизифовъ...

Героглифовъ!
Героглифовъ!

* * *

Пирамиды, папирусы, Ниль,
Вы, папирусы, Ниль, пирамиды,
Горе вамъ и тебѣ, крокодилъ!
Зрѣть Хедифовъ на тронѣ Изиды,
Зрѣть на тронѣ Изиды Хедифовъ!..

Героглифовъ!
Героглифовъ!

* * *

Тамъ со Фтою цариль Озирись,
Озирись ли цариль тамъ со Фтою,
Тамъ на свиткахъ священныхъ паслись
Стаи грифовъ съ безсмертной Онтою,
Съ той безсмертной Онтою стаи грифовъ—

Героглифовъ!
Героглифовъ!

Z.

СМѢСЬ.

ТОЛѢТІЕ російской академіи. 21-го октября, въ академіи наукъ «Отдѣленіе русскаго языка и словесности», преобразованное въ 1841 году изъ «Россійской академіи», праздновало столѣтнюю годовщину своего существованія. Торжество было очень скромное: изъ восьми университетовъ, только три—петербургскій московскій и варшавскій—привѣтствовали юбилей нѣсколькими общими фразами; изъ учебныхъ заведеній—только три: александровскій лицей, духовная академія и ярославскій лицей прислали коротенькіе адреса; два московскихъ общества—любителей словесности и юридическое—поздравительныя телеграммы, да министръ путей сообщенія изъяснилъ телеграммою сожалѣніе, что не могъ присутствовать на юбилей. Всѣ другія, даже ученые учрежденія, сознавая отсутствіе между ними прочной связи съ академіей, не приняли участія въ торжествѣ; представители печати отнеслись къ нему равнодушно, даже писатели, носящіе званіе членовъ-корреспондентовъ академіи, блистали своимъ отсутствіемъ на праздникѣ. Причина такого безучастнаго отношенія общества, въ лицѣ его корпорацій и отдѣльныхъ представителей интеллигенціи—очевидна. Только въ первые 10—13 лѣтъ послѣ основанія академіи общество сочувствовало ей, хотя самый поводъ основанія выраженъ былъ въ гиперболическихъ формахъ, странныхъ даже для эпохи преобладанія неумѣренной лести. Директоръ академіи наукъ, княгиня Дашкова, представила Екатеринѣ II докладъ, въ которомъ говорилось, что русскимъ «нужны новыя слова, вразумительное и сильное оныхъ употребленіе для изображенія всѣхъ и каждому чувствованій благодарности за монаршее благодѣяніе» и что «для произведенія онаго въ дѣйствіе—необходимо основать російскую академію». Уже сама императрица, хотя и выразила «особливое удовольствіе» на такое учрежденіе, но поставила для него болѣе серьезную цѣль: «вычищеніе и обогащеніе російскаго языка, общее употребленіе словъ онаго, свойственное оному витійство и стихотвореніе». Для достиженія этой цѣли число членовъ академіи было положено 60, на двадцать чело-
вѣкъ болѣе, чѣмъ во французской академіи. Отличавшіеся русскіе акаде-

мики получали золотую медаль въ 250 рублей, а за еженедѣльное засѣданіе—серебряный жетонъ съ изображеніемъ въ сѣяніи вензеля Екатерины на одной сторонѣ, а на другой аллегорическихъ изображеній: грамматики, витѣйства и стихотворства. Шесть лѣтъ (отъ 1789 по 1794) академія составляла свой словарь въ пяти томахъ, который былъ все-таки очень плохъ, хотя Карамзинъ утверждаетъ, что онъ «можетъ равняться съ знаменитыми твореніями академій флорентійской и французской». Но при Екатеринѣ членами академіи были все-таки представители интеллигенціи ея царствованія: Фонъ-Визинъ, Хемницеръ, Державинъ, Капнистъ, Богдановичъ, Княжнинъ, Херасковъ, Щербатовъ, Волтинъ, Румовскій и др. И г. Сухомлиновъ, въ официальной рѣчи на юбилей, имѣлъ полное основаніе сказать, что лучшею порою въ жизни академіи были безспорно первые ея годы. Павелъ I тотчасъ же перевернулъ все въ академіи, какъ и въ Россіи: Дашкова была отставлена отъ президентства и выслана изъ столицы, а на ея мѣсто назначено лицо совершенно неизвѣстное, П. Вакуиниъ; выдача денегъ на содержаніе академіи прекращена, домъ, приобретенный ею (за Обуховымъ мостомъ, по Фонтанкѣ) взятъ въ казну, а ей отведено пустопорожнее мѣсто въ первой линіи Васильевского острова; съ жетоновъ исчезли сѣяніе, аллегорія, вензель Екатерины—и на мѣстѣ ихъ явился вензель Павла. Александръ I возвратилъ академіи прежнее содержаніе, далъ 25 тысячъ на постройку дома, три тысячи на изданіе журнала, но въ его царствованіе академія въ теченіе семнадцати лѣтъ составляла словарь (отъ 1806 по 1822) и опять вышелъ еще хуже екатерининскаго, а въ академическомъ журналѣ главными вкладчиками были исписавшійся уже Державинъ, врагъ Карамзина и молодого поколѣнія—Шишковъ, его бездарные наперсники Сергій Ширинскій-Шихматовъ, Павелъ Львовъ, Павелъ Голенищевъ-Кутузовъ, подавшій доносъ на Карамзина, какъ на вольнодумца, и др. Понятно, что такіе академики поставили себя во враждебное отношеніе къ тогдашней литературѣ и остались въ сторонѣ отъ новаго движенія. Шишковъ, сдѣлавшись президентомъ академіи въ 1813 году, занялся «вычищеніемъ» языка въ томъ отношеніи, что сталъ передѣлывать всѣ иностранныя слова на славянскій ладъ и даже академическіе жетоны перекрестилъ въ «дарики». На обязанность академіи возложено было уже не занятіе стихами и краснорѣчіемъ, даже не упражненіе въ языкѣ, а «вниканіе въ корни словъ его». Она должна была, по новому уставу 1818 года, «вооружаться противъ всего чуждаго, невразумительнаго и неправственнаго въ языкѣ». Такая дѣятельность академіи еще въ двадцатыхъ годахъ возбудила о ней весьма неблагопріятные отзывы въ обществѣ, но академія объявила, что на «обвиненіе ея въ малости успѣховъ» она не должна смотрѣть. При Николаѣ I академія печатала переводныя статьи противъ романтизма и современной литературы, въ главѣ которой стоялъ Пушкинъ, избранный однако членомъ академіи въ 1833 году, вмѣстѣ съ Борисомъ Федоровымъ. Она жаловала извѣстныхъ ей дѣятелей и денежными наградами: такъ, нашъ первый филологъ Востоковъ получилъ 500 р., а П. Соколовъ, этотъ секретарь академіи, который, какъ говорилъ Воейковъ,

«Ничего не сочиняетъ,
Ничего не издаетъ—
Три оклада получаетъ
И столовые беретъ»,

награжденъ единовременно 13,000, а М. Лобановъ—5,000 р., вѣроятно за свое сочиненіе «Мнѣніе о духѣ и исправленія словесности», въ которомъ указывалъ на новый путь дѣятельности академіи въ такихъ выраженіяхъ: «По множеству сочиненныхъ нынѣ безнравственныхъ книгъ, цензурѣ предстоитъ непреодолимый трудъ проникнуть въ ухищренія пишущихъ. Не легко раз-

рушить превратность мнѣній въ словесности и обуздать дерзость языка... Кто-же долженъ содѣйствовать въ этомъ трудномъ подвигѣ? Каждый добросовѣстный русскій писатель, каждый просвѣщенный отецъ семейства, а всего болѣе академія, для сего учрежденная».

По прошествіи 58 лѣтъ, даже и эта небольшая польза, какую русскій академія приносила издаемъ нѣсколькихъ хорошихъ сочиненій, была найдена излишнею и академія уничтожена, какъ отдѣльное учрежденіе: вся ея собственность—зданіе, денежныя суммы и другія принадлежности, обращены въ составъ имущества академіи наукъ; изъ членовъ упраздненной академіи оставлено только 20 человѣкъ, но и это число, уменьшаясь постепенно, дошло въ настоящее время только до шести человѣкъ. Странно сказать, что во все столѣтнее существованіе нашей академіи она почти всегда относилась или враждебно или равнодушно къ прогрессивному литературному движенію. Главную причину этого даже г. Сухомлиновъ видитъ въ преобладаніи канцеляризма въ духѣ и устройствѣ академіи. Въ прошлое царствованіе она даже поднимала вопросъ: «имѣеть ли право частное лицо, будь это ученый или писатель, печатно выразить свое сужденіе о трудахъ академіи, которая, какъ учрежденіе правительственное, подлежитъ только суду правительственной власти, а не литературы и общественнаго мнѣнія». Понятно, что подобныя претензіи должны были еще болѣе оттолкнуть не только писателей, но и все общество отъ академіи, неизмѣнной никакихъ корней въ русской жизни. Въ прошлое царствованіе она издала новый словарь русскаго языка, но онъ оказался гораздо слабѣе толковаго словаря, составленнаго Далемъ, частнымъ человѣкомъ, нерусскаго происхожденія. Лучшая русская грамматика написана нѣмцемъ Остенюмъ, переименовавшимъ себя Востоковымъ и сдѣлавшимся членомъ академіи послѣ того уже, какъ его избрало въ свои члены московское общество любителей русской словесности. Правда, въ послѣднее время, академія проявила нѣкоторую дѣятельность издаемъ почтенныхъ трудовъ гг. Грота и Сухомлинова, но все же она не является тѣмъ, чѣмъ должна быть, — однимъ изъ органовъ русской жизни, пользующимся условіемъ необходимымъ для благосостоянія всякаго учрежденія: свободнымъ развитіемъ и устраненіемъ на пути этого развитія всякихъ тормазовъ и препятствій.

Столѣтіе Большаго театра. Къ празднованію юбилея русскій академіи Большой театръ вѣручилъ свой столѣтній юбилей, но справилъ его почему-то мѣсяцемъ позже открытія новаго каменнаго театра при Екатеринѣ I. Да и что собственно праздновалось 20-го октября—это, кажется, не совсѣмъ ясно сознавала и сама дирекція. Въ день коронаціи Екатерины II, 21-го сентября 1783 года, былъ открытъ новый театръ, потому что придворныхъ эрмитажныхъ спектаклей, двухъ частныхъ театровъ для народа и нѣсколькихъ театровъ у временниковъ этой эпохи, было мало для удовлетворенія страсти къ сценическимъ представленіямъ. Въ 1802 году, каменный театръ, извѣстный въ народѣ подъ этимъ названіемъ и до нашего времени, былъ перестроенъ архитекторомъ Тома, но въ 1811 году сгорѣлъ до основанія и возобновленъ только въ 1818 году; наконецъ, въ 1836 году, совершенно перестроенъ Кавосомъ. Но вѣдь не юбилей же стѣнъ праздновался дирекціею театровъ. Почему же она не придумала представить современной публикѣ образцы пьесъ, увеселявшихъ сто лѣтъ тому назадъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ? Большой театръ основанъ собственно для представленій итальянской оперы, хотя вскорѣ же на немъ стали давать балеты и русскіе спектакли. Первою оперою поставленною на немъ была: «Лунный міръ» Паэзелло. Если нельзя было, по неизмѣнно партитуры, дать хоть отрывокъ этой оперы, то для чего же было ставить сцену изъ «Орфея» Глюка, оперу котораго никогда не давали при Екатеринѣ? Комедія самой императрицы

«О, время!» была умѣстна, какъ дань уваженія къ памяти вѣнценосной писательницы, хотя никогда не исполнялась въ ея царствованіе для публики. Но всего неудачнѣе была постановка современнаго балета г. Петипа, тогда какъ эпоха Екатерины славилась балетами и не трудно было возобновить любой изъ нихъ въ наше время. И къ чему было, сверхъ того, читать со сцены плохія вирши невѣдомаго стихоплета? Все это доказываетъ, что юбилей былъ составленъ на-скоро, не обсуждая подробностей, хотя существующій при дирекціи театральнй комитетъ изъ 12-ти лицъ могъ бы придумать составъ спектакля болѣе подходящий къ юбилейному торжеству. Когда, въ 1856 году, праздновалось столѣтіе поступленія театра въ вѣдомство императорскаго двора, назначался конкурсъ для составленія спектакля на этотъ случай и пьесы гр. Сологуба и В. Зотова, получившія премію, были даны въ блестящей обстановкѣ. Но, обходясь безъ конкурсовъ и премій, можно было бы и нынче составить болѣе интересный спектакль въ историческомъ и эстетическомъ отношеніи. Театръ нашъ еще молодъ, но онъ можетъ гордиться своими писателями и артистами, хотя только въ настоящее царствованіе дана свобода театрамъ и частной сценической дѣятельности, чѣмъ подтвержденъ цѣлое столѣтіе не приводившійся въ исполненіе завѣтъ Екатерины «не присвоивать казенной дирекціи исключительное право на зрѣлища, а позволить всякому заводить благоустроенныя для публики забавы». Дѣлая директоромъ новаго Каменнаго театра князя Юсупова, императрица поощрала въ то же время и частную театральную предпринимчивость, поручивъ статсъ-секретарю Олсуфьеву составить комитетъ «для образованія и изученія театральнаго вѣдомства», такъ какъ, по словамъ ея: «народъ, который поетъ и пляшетъ—зла не думаетъ».

Пятидесятилѣтній юбилей Почаевской лавры. Въ концѣ октября совершилось также празднованіе пятидесятилѣтія, со времени просвѣщенія одному изъ нашихъ старѣйшихъ монастырей, въ порядкѣ православныхъ обитателей, четвертаго мѣста послѣ трехъ существующихъ лавръ. Эта лавра находится въ Волынской губерніи, въ 20-ти верстахъ отъ Кременца, и въ трехъ отъ австрійской границы, на скалѣ отрога Карпатовъ. По древности основанія, Почаевскій монастырь занимаетъ второе мѣсто послѣ Киево-Печерской лавры. Первыми основателями этой обители были выходцы изъ Киево-Печерской лавры, бѣжавшіе отъ татарскаго погрома. Въ архивѣ почаевскомъ сохранилась рукописная «Книга исковъ и документовъ», составленная въ 1661 году. Составитель этой книги свидѣтельствуетъ, что поселеніе иноковъ на горѣ Почаевской относится къ времени Батыева нашествія, а именно къ 1240 году. Во второй половинѣ XVI вѣка Почаевскій монастырь приобрѣлъ особенное значеніе. Въ 1559 году проѣзжалъ по Волыни греческій митрополитъ Неофитъ. Въ 13 верстахъ отъ Почаева есть деревушка Урля. Въ XVI вѣкѣ это было обширное мѣстечко, бывшее резиденціею одной изъ богатѣйшихъ фамлій на Волыни. Владѣтельницаю его была православная помѣщица Анна Тихоновна изъ Козинскихъ, вдова Гойская. Митрополитъ, проѣзжая по имѣніямъ Гойской, остановился «въ домѣ ея милости» и погостивъ нѣсколько дней у нея, благословилъ ее древнею иконою Богоматери съ Младенцемъ. Долгое время Гойская хранила икону въ своемъ домѣ. Но когда эта икона признана была чудотворною, Гойская, въ 1597 году, передала ее въ Почаевскую обитель. Выгнѣтъ съ этимъ, фундушевою записью Гойской положено быть на горѣ Почаевской новому общежительному монастырю, для жительства въ немъ восьми чернецовъ, вѣроисповѣданія греческаго. Первымъ игуменомъ новоустроенной общины былъ Іовъ Желѣзо, изъ галицкихъ дворянъ. Онъ искусствовалъ во время водворенія унїи въ южно-русской церкви и много сдѣлалъ для огражденія православія отъ латино-унїатской пропаганды. Мощи его находятся въ лаврской пещерной церкви, въ серебряной

ракѣ, принесенной въ даръ Почаевской обители павѣтною графинею Орловою-Чесменскою. Кромя иконы и мощей, лавра славится еще третьею святынею, это—«Щѣлбоносная икона Божіей Матери», находящаяся на скалѣ, изъ которой просачивается вода. Надъ этимъ мѣстомъ теперь главный Почаевскій соборъ Успенія Божіей матери. Послѣ водворенія униі въ западной Россіи, почаевскіе монахи, съ 1720 года, приняли унию и стали называться базилианами. Въ 1831 году, во время польскаго мятежа, когда генералъ Дверницкій находился съ своими войсками въ окрестностяхъ Почаева, базилианскіе монахи пригласили его къ себѣ, сдѣлали ему торжественный пріемъ, дали деньги и провіантъ, напечатали въ монастырской типографіи нѣсколько возмутительныхъ прокламацій Дверницкаго и даже сами возбуждали народъ къ возстанію. За это Почаевскіе базилианы были удалены изъ монастыря и онъ возвращенъ православнымъ. Первымъ настоятелемъ Почаевскаго монастыря, по переходѣ его къ православнымъ, былъ епископъ волынской Амвросій, а намѣстникомъ—кремонецкій протоіерей Григорій Рафальскій, въ послѣдствіи Антоній, митрополитъ петербургскій и новгородскій. Въ 1833 году, вмѣстѣ съ присвоеніемъ Почаевской обители званія Почаевской успенской лавры, постановлено архимандритомъ ея быть волынскому епископу.

Столѣтняя годовщина смерти Эйлера. Скромно чествовали въ Петербургѣ память знаменитаго ученаго академика, похороненнаго на Смоленскомъ лютеранскомъ кладбищѣ. Къ могилѣ великаго математика и астронома собрались не члены академіи, а профессора здѣшняго университета и студенты-математики. Они принесли большой вѣнокъ, перевитый черной и бѣлой лентой; на черной была надпись серебромъ: «отъ физико-математическаго факультета», на бѣлой—черными буквами: «Леонарду Эйлеру». Послѣ панихиды не было никакихъ рѣчей; всѣ безмолвно поклонились могилѣ человѣка, такъ много сдѣлавшаго для науки, такъ долго трудившагося въ Россіи. Ученикъ знаменитаго математика Бернулли, Эйлеръ пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1728 году двадцатилѣтнимъ юношей. Затѣмъ, работая неутомимо, какъ членъ академіи, онъ потерялъ одинъ глазъ на 28 году, но, не переставалъ трудиться въ области математическихъ наукъ. При воцареніи Елизаветы онъ принужденъ былъ оставить Россію и уѣхалъ въ Берлинъ. Екатерина II снова пригласила его въ Петербургъ, въ 1766 году, но въ концѣ этого же года ученаго постигло страшное несчастье: онъ совершенно потерялъ зрѣніе и до конца жизни, въ продолженіи семнадцати лѣтъ, оставался слѣпымъ. Но и это несчастье не уменьшило его дѣятельности. Число всѣхъ написанныхъ имъ сочиненій простирается до 756, въ томъ числѣ болѣе 200 изданы уже послѣ его смерти. Своими работами онъ далеко подвинулъ впередъ въ особенности теоретическую астрономію. Самый важный и обширный трудъ его «Теорія движенія планетъ и кометъ» напечатанъ въ Берлинѣ. Еще въ 1754 году онъ указалъ на возможность устройства ахроматическаго телескопа, исполненнаго, спустя четыре года, англійскимъ оптикомъ Долондомъ. Его работы и въ другихъ отрасляхъ знанія: физикѣ, химіи, анатоміи, ботаникѣ, не менѣе замѣчательны. Онъ писалъ о звукѣ, о механическомъ движеніи, составлялъ ариметику, алгебру, геометрію, трактатъ о строеніи и управленіи кораблей, новую теорію музыки (эти сочиненія изданы въ Петербургѣ), новыя начала въ артиллеріи, законы измѣренія кривыхъ линій, дифференціальнаго счисленія, астрономическія таблицы солнца и луны и др. Особенно замѣчательно сочиненіе его на французскомъ языкѣ: «Письма къ нѣмецкой принцессѣ о нѣкоторыхъ предметахъ физики и философіи». Онъ умеръ внезапно, въ полной силѣ умственныхъ способностей, переставъ, какъ говоритъ Кондорсе, въ одно время жить и производить вычисленія.

Четырехсотлѣтній юбилей рожденія Лутера. Германія съ особеннымъ торжествомъ отпраздновала, 29-го октября, день рожденія великаго реформатора

И у насъ, въ балтійскихъ провинціяхъ, въ Ригѣ, въ Ревелѣ, вездѣ, гдѣ нѣмцы живутъ въ значительномъ числѣ, или гдѣ преобладаетъ протестантство, какъ въ Финляндіи, въ честь Лютера устранивались праздники. Только петербургскіе нѣмцы почему-то не составили никакого фестиваля. Но въ чествованіи памяти знаменитаго противника католицизма могли бы принять участіе даже тѣ лица, которыя не раздѣляютъ его религіозныхъ догматовъ. Эти лица не могутъ не сочувствовать его ученію, потому что ученіе это, прежде всего, было протестомъ не только противъ злоупотребленій католицизма, но и противъ его основной доктрины: права предписывать законы совѣсти человѣка, управлять его душою. Ничтожный августиинскій монахъ, не обладавшій ни краспорѣчіемъ, ни другими выдающимися талантами, смѣло вступилъ въ борьбу съ такими страшными противниками, какъ умный и хитрый Левъ X и его защитникъ, могущественный императоръ Карлъ V. Но монахъ боролся за то, чтò всего дороже для человѣка: за его личное достоинство, за свободу вѣрованія, за независимость внутреннихъ убѣжденій—и остался побѣдителемъ. Успѣхъ его объясняется тѣмъ, что въ его время даже большинство народа ясно сознавало, какъ невыносимъ гнетъ папства, какъ позорна жизнь духовенства, какъ оскорбительны требованія слѣпое повиновенія, безусловной вѣры въ индульгенціи, трансубстанціи, чистилища, разные догматы, въ родѣ безбрачнаго состоянія духовенства и т. д. Противъ всего этого не разъ возставали и въ прежнее время передовые умы, но протесты ихъ не находили отголоска въ массѣ народа. Почти за семьдесятъ лѣтъ до рожденія Лютера погибъ на кострѣ, за возстаніе противъ папы, осужденный соборомъ реформаторъ, гораздо болѣе даровитый, чѣмъ врагъ Льва X. Но когда Лютеръ заявилъ на диспутѣ въ Виттенбергѣ, что предшественникъ его, Гуссъ, былъ несправедливо казненъ соборомъ, что апостолъ Павелъ и св. Августиинъ были гусситами, — народъ, обремененный налогами, страдавшій отъ гнета духовенства и феодаловъ, уже созрѣлъ для принятія новаго ученія, опровергавшаго авторитетъ римской церкви, преемственной власти папы, какъ намѣтника апостола Петра, непогрѣшимости соборовъ и проч. Представителемъ идей народа явился этотъ сынъ рудокопа, воспитанный съ крайнею суровостью въ домѣ отца и перенесшій всѣ ужасы тогдашней школы, которую онъ потомъ называлъ «школьнымъ чистилищемъ», радуя за обязательное обученіе. Потомъ, въ эрфуртскомъ университетѣ, онъ долженъ былъ добывать себѣ пропитаніе, распѣвая церковныя гимны подъ окнами бюргеровъ. Онъ закалился въ этой жизни, но нервная система его все-таки разстроилась, и, захворавъ опасно, онъ подвергся религіознымъ галлюцинаціямъ. Потомъ его чуть не убило громомъ; лучший другъ его, съ которымъ онъ пилъ и кутилъ, передъ его глазами былъ убитъ негодяемъ. Все это такъ подѣйствовало на Лютера, что онъ вступилъ въ монастырь, гдѣ его заставляли выносить нечистоты и ходить за подаліемъ съ нищенской сумой. Онъ узналъ на опытѣ, что такое монашеская жизнь, противъ которой съ такимъ жаромъ возставалъ впоследствии въ своихъ проповѣдяхъ. Нервные припадки не оставляли его въ монастырѣ и только игрою на флейтѣ и лютиѣ онъ разгонялъ мрачное настроеніе. Отправленный по дѣламъ ордена августиинцевъ въ Римъ, онъ вернулся оттуда въ отчаяніи отъ зазорной жизни прелатовъ и тогда же, получивъ степенъ доктора богословія, началъ проповѣдывать противъ продажи индульгенцій монахомъ Тетцелемъ. Обличенія духовенства были такъ сильны, что папа вскорѣ объявилъ Лютера еретикомъ и предалъ его анаемѣ, а тезисы его противъ католицизма повелѣлъ сжечь. Булла папы Лютеръ, въ свою очередь, сжегъ всенародно и объявилъ папу антихристомъ, искажающимъ смыслъ священнаго писанія. Наконецъ, императоръ, созвавъ въ Вормсѣ сеймъ, потребовалъ къ отвѣту смѣлаго реформатора. Друзья совѣтовали ему не ѣхать въ сеймъ и пред-

сказывали ему участь Гусса, несмотря на охранительную грамоту, данную Карломъ V. Упрямый монахъ поѣхалъ и на всѣ убѣжденія—отказаться отъ своего протеста, твердилъ свою историческую фразу: не могу иначе! (Ich kann nicht anders). Въ Вормсѣ посовѣстились задержать реформатора, но готовились распорядиться съ нимъ административнымъ порядкомъ. Тогда друзья силою привезли его въ укрѣпленный замокъ Вартбургъ, гдѣ укрыли отъ враговъ. А друзей у Лютера было также не мало: онъ съумѣлъ привлечь на свою сторону владѣтельныхъ германскихъ князей, интересы которыхъ были противоположны интересамъ папы и императора и, какъ умный политикъ, сдѣлалъ ихъ опорой реформы. Онъ не довелъ ея до конца, сдѣлалъ церковь не свободною, а государственною, положилъ въ основу лютеранства ученіе о предопредѣленіи, тормозящее свободу изслѣдованія. Но его ученіе произвело все-таки громадный переворотъ, и, несмотря на охлажденіе къ нему въ послѣднее время (съ 1871 года собрана всего треть суммы на постройку храма въ честь реформатора), торжество въ четырехсотлѣтнюю годовщину его рожденія явилось демонстраціей противъ католицизма и даже—во многихъ мѣстахъ — противъ поворота политики Бисмарка въ клерикальную сторону. Праздники эти увеличили, однако, еще болѣе пропасть, отдѣляющую въ Германіи католиковъ отъ протестантовъ. Католическіе епископы назначили во всѣхъ церквяхъ покаянную мессу, въ которой просили отпущенія преступленій ихъ протестантскихъ гражданъ, а протестанты пѣли въ нѣкоторыхъ церквяхъ молитву, сложенную въ 1657^м году, «о спасеніи вѣрующихъ христіанъ отъ папы и отъ турокъ». Въ эту религіозную стычку вмѣшались и правительственныя власти. Имперскій судъ въ Лейпцигѣ объявилъ, что нападки на догматъ о непогрѣшимости папы составляютъ оскорбленіе церкви, исповѣдуемой значительною частью населенія имперіи, и потому будутъ наказываемы судебнымъ порядкомъ. Католики, основываясь на этомъ рѣшеніи, заявили, что будутъ преслѣдовать всякое новое изданіе сочиненій въ родѣ Лютерова «Дяволомъ основанное папство». Въ свою очередь, журналъ «Евангелическо-церковный вѣстникъ» спрашиваетъ: «Неужели мы дожили до того, что судъ будетъ преслѣдовать сочиненія главы реформации и при протестантскомъ императорѣ нельзя печатать того, что появилось въ свѣтъ при Карлѣ V, священномъ римско-католическомъ императорѣ?» Дѣйствительно, это очень странный эпилогъ къ юбилею Лютера!

Памятники Лафайету, Дагерру, Александру Дюма, Лоблану. Франція продолжаетъ неутомимо воздвигать статуи и памятники своимъ, болѣе или менѣе, великимъ людямъ. Въ послѣднее время она почтила память своихъ согражданъ, дѣйствовавшихъ на совершенно различныхъ поприщахъ: политическому дѣятелю, фотографу, химику, поставлены статуи — въ мѣстѣ рожденія, писателю — отведено мѣсто въ Парижѣ. О Лафайетѣ вспомнили немножко поздно. Послѣ смерти его прошло почти столѣтіе († 1834 года) и о немъ немногіе помнятъ во Франціи, гдѣ скоро приобретаетъ популярность, но также скоро и утрачивается. Лафайетъ представляетъ этому живой примѣръ. Извѣстность его началась въ Сѣверной Америкѣ, куда онъ явился въ первый разъ, въ 1779 году, блестящимъ кавалерійскимъ капитаномъ, 22-хъ лѣтъ, сражаясь за независимость Штатовъ. Конгрессъ тотчасъ же сдѣлалъ его генераломъ надъ горстью солдатъ; въ первомъ же дѣлѣ Лафайетъ былъ раненъ, но продолжалъ драться, приобрѣлъ дружбу Вашингтона, получилъ почетную шпагу и вернулся за помощью въ Европу, для продолженія войны. Во второй свой прїѣздъ въ Америку, онъ участвовалъ въ блестящей побѣдѣ при Йорктоунѣ; но во время третьяго прїѣзда, въ 1784 году, освобожденная страна осыпала его небывалыми почестями: ему воздвигали статуи, давали его имя городамъ, а ему и его потомкамъ поднесли титулъ гражданина Америки. Во Франціи популярность его началась

съ 1789 года, когда, избранный депутатомъ въ генеральныя штаты, онъ предложилъ обнародовать «права человѣка» и принципъ, что «когда нація угнетена, возстаніе—ея священнѣйшее право». При началѣ революціи, какъ предсѣдатель собранія и глава національной гвардіи, онъ былъ кумиромъ всей Франціи. Одно слово его укрощало народъ; во время мятежа онъ спасъ многихъ отъ смерти и, принужденный идти въ Версаль съ народомъ, употребилъ всѣ усилія, чтобы охранить королевское семейство, которое, однако, нисколько не было благодарно ему за это. Королева ненавидѣла его, а республиканцы отступились отъ него. Революція опередила своего героя, хотя на праздникѣ федераціи онъ игралъ первую роль. Когда была утверждена конституція, онъ передалъ свою власть въ руки коммуны и оставилъ Парижъ командиромъ сѣверной арміи. Послѣ возстанія 22-го іюля 1792 года, онъ безъ позволенія вернулся въ столицу, предлагая королю поднять за него національную гвардію, закрыть клубъ якобинцевъ, произвести контрреволюцію. Король отвернулся отъ него съ презрѣніемъ. Изъ арміи Лафайетъ предлагалъ еще разъ Лудовику XVI уѣхать въ Компъень, гдѣ ему будетъ защитой войско. Королева велѣла отвѣчать, что не желаетъ быть спасенной Лафайетомъ. Когда была провозглашена республика, онъ, не надѣясь на свою армію, перешелъ границу и былъ захваченъ австрійцами, которые заперли его въ крѣпость и обходились съ нимъ жестоко. Бонапарте освободилъ его, но во время имперіи бывшій распорядитель судебъ своего отечества жилъ въ уединеніи, забытый всѣми, занимаясь агрономіею. Реставрированные Бурбоны ненавидѣли его и онъ составлялъ противъ нихъ заговоры. Популярность вернулась къ нему въ 1830 году. Назначенный начальникомъ всѣхъ національныхъ гвардій Франціи, онъ могъ однимъ словомъ провозгласить республику, но, считая монархію необходимою для страны, содѣйствовалъ избранію Луи-Филиппа королемъ французомъ. За эту услугу король черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уничтожилъ званіе начальника національныхъ гвардій и отвернулся отъ стараго революціонера, но зато, на четвертый годъ своего царствованія, устроилъ ему торжественныя похороны. Сѣверныя Американскія Штаты прислали своей земли на его могилу и назначили по немъ общественный мѣсячный трауръ.

Другая статуя воздвигнута скромному ученому, сдѣлавшему одно изъ величайшихъ открытій нашего вѣка—фиксированіе свѣтописныхъ изображеній, получаемыхъ въ камеръ-обскурѣ. Дагерръ потратилъ много труда и усилій, прежде чѣмъ нашелъ средство укрѣплять эти рисунки на зеркальной поверхности стекла или металла. Онъ былъ декоративный живописецъ и работалъ для «Большой-Оперы» въ Парижѣ и для другихъ театровъ. Декораціи его отличались въ особенности блестящими свѣтовыми эффектами. Потомъ онъ устроилъ прекрасную панораму и, наконецъ, въ 1822 году, изобрѣлъ діораму, семнадцать лѣтъ привлекавшую весь Парижъ въ роскошное зданіе, устроенное для этого рода зрѣлищъ. Но, въ 1839 году, діорама сгорѣла и Дагерръ, потерпѣвшій огромныя убытки, занялся исключительно изслѣдованіемъ способовъ полученія прочныхъ свѣтописныхъ рисунковъ. Онъ работалъ надъ этимъ еще съ двадцатыхъ годовъ и въ 1829 году соединился для этой цѣли съ Нипсомъ, пробовавшимъ укрѣплять свѣтовыя изображенія посредствомъ раствора смолы въ лавандовомъ маслѣ. Но Нипсъ умеръ въ 1833 году и Дагерръ уже послѣ него осуществилъ свое изобрѣтеніе. Палата назначила ему пенсію въ шесть тысячъ франковъ, а теперь, черезъ тридцать два года послѣ его смерти, воздвигла ему памятникъ.

Александръ Дюма раньше другихъ дождался своего памятника. Прошло всего 13 лѣтъ со смерти этого даровитаго романиста и драматурга, о которомъ съ пренебреженіемъ отзываются многіе строгіе цѣнители искусства. Онъ не принадлежитъ, конечно, къ первокласснымъ свѣтиламъ литературы,

не проложилъ въ ней новыхъ путей, не создалъ ничего особенно выдающагося, капитальнаго, но за нимъ остается важная и неоспоримая заслуга: онъ приохотилъ къ чтенію мало образованная масса, популяризировалъ историческія знанія, развилъ эстетическое чувство въ народѣ, распространилъ въ немъ гуманныя мысли, принципы добра и правды. Его романы и пьесы имѣли огромное вліяніе на умственный прогрессъ среднихъ классовъ не одного французскаго общества, но и на большинство читателей во всей образованной Европѣ. Жюль Клареси имѣлъ полное основаніе сказать, что Дюма посѣялъ среди націй доброе мнѣніе о французахъ, и если нельзя сказать, что его сочиненія будутъ жить въ вѣкахъ, то для своего времени онъ сдѣлалъ все-таки немало и его имя не забудется въ исторіи французской литературы XIX столѣтія.

Наконецъ, Франція вспомнила еще объ одномъ изобрѣтателѣ, умершемъ 77 лѣтъ тому назадъ. Николай Лебланъ былъ докторомъ и химикомъ. Исслѣдую законы кристаллизаціи среднихъ солей, онъ открылъ средство добывать соду искусственнымъ способомъ. Сто лѣтъ тому назадъ, французская академія наукъ назначила премію въ 12,000 франковъ тому, кто найдетъ дешевое средство извлекать соду изъ морской соли. Сода въ то время добывалась изъ остатковъ сожигаемыхъ водорослей и стоила очень дорого, отчего также недешево обходилась фабрикація стекла и мыла. Лебланъ придумалъ разлагать морскую соль посредствомъ сѣрной кислоты и, получивъ сѣрнокислую соль, превратилъ ее въ искусственную соду, нагрѣвая съ примѣсью извести. Это простое съ виду изобрѣтеніе произвело повсемѣстный переворотъ въ фабрикаціи химическихъ продуктовъ, и вліяніе, произведенное такимъ добываніемъ соды на развитіе промышленности было также огромно, какъ вліяніе открытія Джамса Уатта. Теперь сода, при всей ея дешевизнѣ, ежегодно потребляется въ Европѣ и Америкѣ на сумму отъ 700 до 800 милліоновъ франковъ. Продуктъ этотъ идетъ, сверхъ того, и на выдѣлку стекла, на фабрикацію писчей бумаги, мыла, на бѣленіе всякаго рода тканей. Въ фабричномъ производствѣ вообще теперь нѣтъ возможности обойтись безъ соды. Открытіе Леблана повело къ приготовленію такимъ же экономическимъ способомъ хлорной извести и хлористо-водородной кислоты, сѣры, марганца, купороса и проч. Даже уголь, употребляемый для нагрѣванія сѣрнокислой соли съ известью, идетъ при этомъ въ дѣло и расходъ на него съ избыткомъ вознаграждается эссенціями, маслами и красильными веществами, извлекаемыми при переработкѣ угольныхъ остатковъ. Мудрено ли, что Леблану поставили за это памятникъ въ его родномъ городѣ. Изобрѣтателя не обогатило, однако, его открытіе. Онъ устроилъ обширную фабрику въ Сен-Дени, но, раззорился въ революцію, думалъ поправиться выдѣлкою селитры, но испытывъ и тутъ неудачи, не могъ перенести лишений и застрѣлился на 54-мъ году.

† Въ Одессѣ умеръ, 76-ти лѣтъ, Николай Никифоровичъ Мурзаневичъ, вице-президентъ одесскаго общества исторіи и древностей. Окончивъ курсъ въ московскомъ университетѣ, онъ служилъ по министерству просвѣщенія въ Петербургѣ, Кіевѣ и Тифлисѣ, былъ за границей въ Италіи, Испаніи и Египтѣ, но большую половину жизни провелъ въ Одессѣ; былъ профессоромъ русской исторіи въ ринсельскомъ лицейѣ и директоромъ этого заведенія, управляя одесскимъ учебнымъ округомъ. Музей древностей, его нумизматическій отдѣлъ, бібліотека, самыя «Записки» общества исторіи — обязаны своимъ существованіемъ энергіи покойнаго. Онъ издалъ много ученыхъ трудовъ: «Исторію генуэзскихъ поселеній въ Крыму» (1837 года), «Псковскую судную грамоту» («Письма царевича Алексѣя Петровича» (1849 года), «Матеріалы, касающіеся войны Россіи съ Турціей въ прошломъ столѣтіи», «Матеріалы относительно заселенія Новороссійскаго

края», «Описание археологическихъ раскопокъ въ Керчи и Тажани», «Исслѣдованіе особенно рѣдкихъ монетъ» и проч.

† Въ Парижѣ, 16-го октября, умеръ членъ государственнаго совѣта, генералъ-адъютантъ адмиралъ графъ **Евфимій Васильевичъ Путятинъ**. Онъ родился въ 1803 году, воспитывался въ морскомъ корпусѣ, 16-ти лѣтъ былъ уже гардемариномъ, совершилъ кругосвѣтное плаваніе, участвовалъ въ Наваринскомъ сраженіи; черезъ 20 лѣтъ боевой службы былъ уже контръ-адмираломъ и отправленъ съ дипломатическимъ порученіемъ въ Персію, а въ 1852 году—въ Японію. За заключеніе трактата съ этой страной получилъ графскій титулъ. Въ 1854 году потерялъ въ бурю парусный фрегатъ «Діана», и на выстроенной вновь шхунѣ съ офицерами и частью экипажа достигъ Амура, незамѣченный английскими крейсерами. Командированный въ Китай, онъ заключилъ, въ 1858 году, тянь-джинскій трактатъ съ этой страной и другой въ Иедо съ Японіей; затѣмъ былъ морскимъ агентомъ во Франціи и Англии. Назначенный, въ 1861 году, министромъ народнаго просвѣщенія, храбрый морякъ и искусный дипломатъ не выказалъ себя опытнымъ администраторомъ и въ томъ же году перемѣщенъ въ государственный совѣтъ. Онъ писалъ много статей по морскимъ вопросамъ.

† 24-го октября, въ военно-клиническомъ госпиталѣ, умеръ даровитый писатель **Александръ Андреевичъ Шкляревскій**, извѣстный въ литературѣ повѣстями и разсказами изъ уголовного міра. Онъ написалъ нѣсколько крупныхъ произведеній: «Убіиство въ Березовѣ», «Новая метла», «Исповѣдь ссыльнаго» и др. Сочиненія его печатались во многихъ повременныхъ изданіяхъ въ теченіи послѣднихъ 15-ти лѣтъ, и немногія изъ нихъ изданы отдѣльно. Начавъ сотрудничествомъ въ «Журналѣ для воспитанія», «Воронежскомъ Телеграфѣ» и «Воронежскомъ Листкѣ» (Шкляревскій былъ воронежскій уроженецъ) онъ печатался въ «Петербургскихъ» и «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Нивѣ», «Сіаніи», «Иллюстрированной Газетѣ», «Современныхъ Извѣстіяхъ», «Будильникѣ», «Развлеченіи», «Русскомъ Словѣ», «Петербургскомъ Листкѣ», «Новомъ Времени» и проч. Отдѣльные изданія его «Разказовъ судебнаго слѣдователя» разошлись во множествѣ экземпляровъ. Покойный имѣлъ много почитателей. Въ сочиненіяхъ его виднѣсь несомнѣнный талантъ относительно анализа психическаго міра преступника; въ области психической патологіи онъ былъ опытнымъ наблюдателемъ. Работая быстро для насущнаго хлѣба, онъ часто не отдѣлывалъ своихъ произведеній, торопясь поскорѣе сбыть ихъ, иногда за самое ничтожное вознагражденіе. Не получивъ правильнаго образованія и обладая самороднымъ талантомъ, онъ постоянно нуждался въ средствахъ къ жизни и, перенося тяжелыя лишения, умеръ отъ болѣзни легкихъ на 47-мъ году, въ крайней бѣдности.

† 31-го октября, въ Петербургѣ, умеръ **Робертъ Минцловъ**, консерваторъ публичной бібліотеки, членъ археологическаго общества и археографической комисіи. Онъ родился 1811 года, въ Кенигсбергѣ, и, по окончаніи курса философскихъ наукъ въ тамошнемъ университетѣ, переселился въ Россію. Первоначально онъ занимался преподаваніемъ, но потомъ отдался литературѣ, перевелъ на нѣмецкій языкъ лучшія произведенія Пушкина, Гоголя, Григоровича и другихъ писателей, сотрудничалъ въ «St.-Petersburger Zeitung» и написалъ либретто комической оперы «Мельничиха изъ Марли», музыка Маурера, которая долго не сходилла со сцены Михайловскаго и Александринскаго театровъ. Избранный членомъ археологическаго общества, занялся преимущественно историческими изслѣдованіями о Лже-Димитріи и издалъ лѣтописъ Исаака Массы. Минцловъ былъ профессоромъ литературы въ александровскомъ лицѣѣ и воспитателемъ государя императора и его августѣйшихъ братьевъ. Какъ консерваторъ публичной бібліотеки, онъ принималъ дѣятельное участіе въ составленіи коллекцій и каталоговъ Russica и эльзе-

вировъ, устроилъ коллекцію первопечатныхъ книгъ и помѣстилъ ее въ особой залѣ, отдѣланной и меблированной въ стилѣ среднихъ вѣковъ, издалъ описаніе публичной бібліотеки (Ein Gang durch die Kaiserliche Bibliothek) и т. д. Однимъ изъ его послѣднихъ литературныхъ произведеній былъ переводъ въ стихахъ оды Горация. Въ зданіи публичной бібліотеки Минцловъ прожилъ тридцать пять лѣтъ, въ той самой квартирѣ, которую до него занималъ Крыловъ.

† Въ Англіи, 21-го октября, умеръ, 67-ми лѣтъ, извѣстный романистъ капитанъ Майнъ-Ридъ, лучшіе романы котораго, взятые изъ американской жизни, почти всѣ переведены на русскій языкъ и имѣли большой успѣхъ. Майнъ-Ридъ подражалъ Фенимору Куперу и, уступая ему въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, стоялъ во многихъ другихъ значительно выше его. Картины изъ жизни индійцевъ, очерченныя Майнъ-Ридомъ, грубѣ поэтическихъ описаній Купера, но, зато, гораздо ближе къ жизненной правдѣ. На сторонѣ Майнъ-Рида было еще и то преимущество, что онъ самъ пережилъ большую часть приключеній, о которыхъ рассказываетъ въ своихъ «Охотникахъ за скальпами», «Военной тропѣ», «Перстѣ Вожіемъ», «Вѣчныхъ изгнанникахъ», «Охотникахъ за жирафами», «Бѣломъ конѣ» и т. д. Въ молодости Майн-Рида говорили въ священники, но 20-ти лѣтъ онъ поссорился съ родными, отказался отъ богословія и уѣхалъ въ Америку. Тамъ онъ велъ одно время жизнь истаго индійца, охотился за буйволами и затѣмъ состоялъ сотрудникомъ американскихъ газетъ. При началѣ войны съ Мексикой, онъ вступилъ въ сѣверо-американскія войска. Кампанія эта дала ему богатый матеріалъ для фантастическаго романа. Онъ постоянно находился въ авангардѣ, принималъ участіе въ стычкахъ и большихъ сраженіяхъ, руководилъ блестящей атаккой пѣхоты въ кровопролитномъ бою подъ Лерабюско и былъ оставленъ за мертво, среди груды труповъ подъ Халполтенекомъ, послѣ побѣды, рѣшившей участь войны и заставившей мексиканцевъ просить мира. Узнавъ о возстаніи Венгріи въ 1849 году, онъ набралъ въ Нью-Йоркѣ отрядъ волонтеровъ, чтобы участвовать съ ними въ борьбѣ за свободу, но, пріѣхавъ въ Парижъ, узнавъ о капитуляціи Гергея и отправился въ Лондонъ, гдѣ занялся исключительно литературою, доставившею ему почетную извѣстность.

† Въ Парижѣ, на 82-мъ году, умеръ талантливый писатель Леонъ Галеви. Сочиненія его относятся къ области исторіи, философіи, поэзіи и филологіи. Не разъ получалъ онъ преміи французской академіи. Главныя произведенія его, имѣвшія большой успѣхъ: трагедія «Царь Дмитрій», критическое сочиненіе «Grèce Tragique», драматическая поэма «Люттеръ», комедіи, элегіи, басни и проч.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

На 237 стр. «Историческаго Вѣстника» за 1883 годъ, № 7, псевдонимъ «И. Богучаровъ» ошибочно показанъ принадлежащимъ Д. Л. Мордовцеву. Согласно объясненію самого Д. Л. Мордовцева, псевдонимъ этотъ принадлежитъ Н. И. Костомарову, писавшему подъ нимъ въ «Новомъ Времени», «Голосѣ» и «Газетѣ Гатцука».

Вячеславъ Катеневъ.

видѣть насмѣшливую улыбку на губахъ графини Дизаръ, когда она осталась одна, и радостное изумленіе, выразившееся на лицѣ Пиккерлинга, то онъ навѣрно пришелъ бы къ заключенію, что въ хитрости перевѣсъ всегда остается на сторонѣ женщины.

ГЛАВА IV.

Признаніе.

Кавалеристы разставили своихъ лошадей въ обширныхъ конюшняхъ Нам-Нaus'a и заняли старую башню, между тѣмъ, какъ капитанъ Джойсъ, передавъ начальство одному изъ офицеровъ своего отряда, предложилъ Мануэллѣ проводить ее въ Лондонъ. Онъ вѣхалъ верхомъ у дворець кареты и по временамъ съ нѣжною заботливостью спрашивалъ молодую дѣвушку объ ея здоровьи, такъ какъ ея блѣдное утомленное лицо серіозно беспокоило его.

Было около шести часовъ вечера, когда они вѣхали въ городъ. Здѣсь все было такъ переполнено людьми, лошадьми и пушками, что они могли подвигаться впередъ съ большимъ трудомъ; давка увеличивалась съ каждымъ шагомъ, а на площади Charing-Crossъ близъ Iork-Naus'a она доходила до такихъ размѣровъ, что карета должна была остановиться. Сити сдался побѣдителямъ послѣ тридцати-часоваго боя; освобожденные жители сбѣжали толпами къ Iork-Naus'у чтобы подать свои петиціи собранному тамъ комитету, между тѣмъ какъ съ противоположной стороны двигались войска и телѣги съ обозомъ, потому что Кромвель въ этотъ же вечеръ намѣревался покинуть Лондонъ, чтобы встрѣтить непріятеля на границѣ.

Капитанъ Джойсъ, видя, что нѣтъ никакой возможности обратиться черезъ площадь, приказалъ кучеру свернуть въ одинъ изъ переулковъ выходившихъ на Темзу. Онъ надѣялся найти лодку и довести Мануэллу водой до Сити, но потомъ рѣшилъ остановиться на нѣсколько часовъ въ Iork-Naus'ѣ для отдыха. Замокъ Бокингемовъ находился теперь въ рукахъ націи, и Джойсъ въ качествѣ ея вѣрнаго слуги считалъ себя вправѣ воспользоваться на короткое время одной изъ безчисленныхъ комнатъ Iork-Naus'a. Поэтому онъ остановился на берегу и, высадивъ Мануэллу изъ кареты, повелъ ее по широкой каменной лѣстницѣ въ замокъ, гдѣ пройдя длинный корридоръ, отворилъ дверь въ богато убранную гостинную.

— Войдите сюда, моя дорогая миссъ, сказалъ онъ, — и отдохните; я приду за вами часа черезъ два и разбуду васъ. Не бойтесь... Никто не посмѣетъ войти сюда: я буду въ сосѣдней комнатѣ!..

Съ этими словами влюбленный Джойсъ бережно усадил молодую дѣвушку на диванъ и удалился съ почитательнымъ поклономъ.

Мануэлла осталась одна. Несмотря на сильное утомленіе она не могла заснуть и съ невольнымъ любопытствомъ разсматривала роскошную окружавшую ее обстановку. На полу разостланъ былъ тяжелый персидскій коверъ; красные занавѣси изъ дорогаго бархата покрывали окна; такія же портѣры были на дверяхъ. Въ комнатѣ царилъ полумракъ, и только на позолоченныхъ карнизахъ просвѣчивалъ отблескъ вечерней зарп. На расписанномъ потолокѣ среди розоватыхъ облаковъ привѣтливо улыбались богини весны и любви въ прозрачныхъ одѣяніяхъ, разсыпая цвѣты на своемъ пути; ихъ окружали крылатые геніи. На коричневомъ фонѣ стѣнъ въ рамкахъ, украшенныхъ сверху золотой герцогской короной, висѣли большія картины, изображавшія сюжеты изъ священнаго писанія и портреты мужчинъ и женщинъ въ богатыхъ костюмахъ того времени. Въ нихъ видна была кисть знаменитыхъ голландскихъ и итальянскихъ художниковъ, которая сказывалась въ богатствѣ красокъ, необыкновенной отчетливости и красотѣ линий. Въ глубинѣ комнаты надъ мраморнымъ каминомъ красовался гербъ съ двойнымъ серебрянымъ щитомъ, на гладкой поверхности котораго выступали золотыя фигуры льва и павлина. Подъ гербомъ висѣлъ большой портретъ владѣльца Iogk-Haus'a въ человѣческой ростъ.

Тонкій изящный вкусъ проглядывалъ во всемъ убранствѣ этой великолѣпной аристократической гостиной, гдѣ все напоминало ея недавнихъ обитателей. Они какъ будто только-что ушли отсюда и должны опять вернуться; то же впечатлѣніе производили диваны и стулья съ богато вышитыми подушками, табуреты изъ вызолоченнаго дубоваго дерева и даже потухшій каминъ; казалось, что изъ-подъ тлѣющаго пепла тотчасъ же вспыхнутъ красныя искорки и покажется пламя. Между тѣмъ все ниже и ниже опускались по стѣнѣ лучи заходящаго солнца и, просвѣчивая сквозь красныя бархатныя занавѣси, придавали розоватый отливъ наступающимъ сумеркамъ.

Мануэлла задумчиво смотрѣла на портретъ, висѣвшій надъ каминомъ. Она тотчасъ же узнала его: это былъ герцогъ Бокингемъ во всемъ блескѣ своей юношеской ослѣпительной красоты, петропунтовой жизнью. Такимъ увидѣла она его въ первый разъ въ Амстердамѣ; у него было то же идельное выраженіе лица, что и на портретѣ. Какъ измѣнился онъ съ тѣхъ поръ!.. Не далѣе какъ вчера, онъ насильственно похитилъ ее изъ дома почтеннаго Авраама и, руководимый чувствомъ низкой мести, одинъ изъ первыхъ подалъ голосъ, когда ее хотѣли приговорить къ смерти.

— Какъ очутился здѣсь этотъ портретъ? спрашивала она себя съ недоумѣніемъ, не подозрѣвая, что находится въ замкѣ Бокингемовъ; но прежде чѣмъ она успѣла разрѣшить этотъ вопросъ, въ

сосѣдной комнатѣ слышались шаги; невидимая рука подняла портьеру и въ дверяхъ показалась высокая мужская фигура. Мануэлла въ первую минуту хотѣла бѣжать, затѣмъ остановилась и воскликнула удивленнымъ голосомъ:—Франкъ Гербертъ!

Гербертъ попалъ совершенно случайно въ эту часть замка. Исполнивъ порученіе Кромвеля и дождавшись окончанія переговоровъ съ депутатами Сити, онъ поспѣшно удалился, но вмѣсто главнаго входа зашелъ въ противоположную сторону, благодаря безконечному лабиринту комнатъ и корридоровъ. При видѣ Мануеллы онъ едва повѣрилъ своимъ глазамъ; два раза въ жизни ему пришлось встрѣтить ее и при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, что черты ея лица глубоко запечатлѣлись въ его памяти. Онъ опустилъ портьеру и подошелъ къ ней.

Первою ея мыслью было узнать о судьбѣ Авраама и его семьи.— Я видѣла васъ вчера въ Duke-street передъ домою несчастнаго еврея, на который напала толпа, не можете ли вы мнѣ сказать, что случилось съ его обитателями? спросила она умоляющимъ голосомъ.

— Они цѣлы и невредимы насколько мнѣ извѣстно, отвѣтилъ Гербертъ: только домъ сильно пострадалъ. Мы разогнали толпу, преслѣдуя ее изъ улицы въ улицу... Но какъ очутились вы здѣсь несчастная дѣвушка?

Глубокій вздохъ вырвался изъ груди Мануеллы:—Вы правы, называя меня такъ, сказала она.—Въ послѣдніе годы судьба немолимо преслѣдуетъ меня...

— Знаю, и этого достаточно, чтобы всякій человекъ испытавшій несчастіе отнесся къ вамъ съ искреннимъ сочувствіемъ, возразилъ онъ, взявъ ее за руку.

Въ тонѣ, съ какимъ были сказаны эти простые слова, было столько затаенной грусти, что Мануэлла была тронута до слезъ.

— Неужели и вамъ пришлось испытать несчастіе? спросила она, взглянувъ на него своими большими задумчивыми глазами.—Нѣтъ!.. Я не могу допустить мысли, чтобы вы были несчастны! Вы ничѣмъ не могли заслужить этого?

— Развѣ счастье составляетъ только удѣлъ тѣхъ, кто заслужилъ его? Мнѣ кажется, что вы заблуждаетесь дитя мое!

— Нѣтъ, воскликнула она съ живостью. Я научилась вѣрить въ правосудіе Божіе цѣною пролитыхъ мною слезъ и тяжелой душевной борьбы; теперь ничто не заставитъ меня усумниться въ немъ.

— Но развѣ счастье въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не можетъ быть испытаніемъ посланнымъ свыше? сказалъ онъ, ласково глядя рукой ея роскошные волосы:—Оно подчасъ манитъ насъ къ себѣ какъ блуждающій огонь, чтобы сбить съ истиннаго пути...

Гербертъ чувствовалъ какъ вздрогнула молодая дѣвушка отъ прикосновенія его руки. Она не рѣшалась поднять глазъ, и только

робко отодвинулась отъ него, закрывъ обѣими руками свое разгорѣвшееся лицо.

Но Гербертъ продолжалъ тѣмъ же спокойнымъ тономъ:—Нерѣдко то, что люди называютъ счастьемъ представляется намъ въ самыхъ заманчивыхъ краскахъ, чтобы отвлечь насъ отъ нашихъ прямыхъ обязанностей. Оно улыбается намъ сквозь призму милыхъ глазъ и губъ. Вы думаете, дитя мое, что счастье дается тѣмъ, кто заслужилъ его; а я говорю на основаніи горькаго опыта, что счастье можно подчасъ сравнить съ силками, которые разставлены невидимой рукой, и только тотъ имѣетъ право назвать себя человѣкомъ, кто сумѣлъ избѣгнуть ихъ...

Голосъ Герберта задрожалъ при послѣднихъ словахъ, такъ какъ онъ затронулъ не зажившую рану своего сердца. Мануэлла съ тонкимъ инстинктомъ женщины поняла все то, чего онъ не въ состояніи былъ договорить въ эту минуту.

— Франкъ Гербертъ! воскликнула она. Неужели вы разстались съ Оливіей! говорите ради Бога не мучьте меня!

Сердце Герберта болѣзненно сжалось при имени любимой дѣвушки; онъ молча опустилъ голову подъ гнетомъ грустныхъ воспоминаній.

— Оливія? что случилось съ нею? спросила она еще настойчивѣе, сжимая его руку въ своихъ рукахъ.

— Развѣ Оливія ничего не писала вамъ? проговорилъ Гербертъ съ видимымъ усиліемъ.

Еслибы вы знали какъ мнѣ тяжело думать объ этомъ!.. Но вы были дружны съ дочерью баронета и должны знать причину нашего разрыва... Онъ началъ свой рассказъ въ общихъ чертахъ но мало по малу становился все довѣрчивѣе и откровеннѣе подъ чарующимъ вліяніемъ прелестныхъ глазъ устремленныхъ на него съ выраженіемъ самаго искренняго участія. Онъ заговорилъ о своей любви и неожиданной встрѣчѣ съ Оливіей на откосѣ холма, усыяннаго цвѣтами. При этомъ онъ описалъ живыми красками смущеніе молодой дѣвушки, старый паркъ погруженный въ сумерки, любовное объясненіе у дерновой скамьи подъ липами и, взключеніе, рассказалъ о своей рѣшимости удалиться въ уединеніе сельской жизни, о своихъ надеждахъ и сомнѣніяхъ и непрощенномъ вмѣшательствѣ короля.

Лицо Герберта замѣтно поблѣднѣло, когда онъ коснулся мотивовъ, побудившихъ его разстаться съ Оливіей. — Во всякомъ случаѣ, сказалъ онъ, какъ бы ни была сильна любовь, но счастье не должно быть куплено цѣною чести!..

Мануэлла сидѣла неподвижно на диванѣ; рассказъ Герберта глубоко поразилъ ее; она не рѣшилась прервать его ни однимъ замѣчаніемъ.

Гербертъ продолжалъ послѣ минутнаго молчанія: — Стоить ли

вообще говорить о счастьѣ! Посмотрите на этотъ великолѣпный замокъ, превосходныя картины, украшенные золотомъ, расписанные потолки и роскошную обстановку этихъ комнатъ! Тѣ, которые не далѣе какъ вчера жили въ нихъ, теперь изгнанники и не смѣютъ оставаться на родинѣ подѣ страхомъ смертной казни; сумма, въ которую оцѣнены ихъ головы можетъ обогатить бѣднаго человѣка! Неслыханныя злодѣянія совершались въ этомъ замкѣ, переполненномъ богатствами цѣлаго міра; бывшій владѣлецъ измѣнилъ своему народу и отечеству. Теперь наступила поря мести, которая обрушится на людей подобныхъ ему; они отвѣтятъ за слезы и страданія угнетеннаго народа и искупятъ ихъ тяжелой цѣной. Какое значеніе могутъ имѣть радости и горе единичнаго человѣка въ этой гигантской борьбѣ! Каждый изъ насъ увлеченный могучимъ потокомъ долженъ сознать, что счастье недоступно для него, а тѣмъ болѣе счастье любви... оно тамъ на другомъ берегу и врядъ ли кто изъ насъ достигнетъ мирной пристани... Среди великаго переворота, который совершается въ настоящее время, для побѣдителей и побѣжденныхъ существуетъ одинъ лозунгъ: отречение...

Гербертъ всталъ съ своего мѣста, послѣдній отблескъ заходящаго солнца освѣщаль его правильное красивое лицо, съ тѣмъ идеальнымъ неотразимо привлекательнымъ выраженіемъ, которое является иногда у людей, подѣ влияніемъ высокой воодушевляющей ихъ идеи.

Мануэлла въ порывѣ невольнаго восторга бросилась къ его ногамъ.

— Нѣтъ, Франкъ, счастье всегда возможно, и вы болѣе чѣмъ кто нибудь заслуживаете его! Вспомните объ Оливіи; жертвуя собою вы приносите и ее въ жертву тому дѣлу, которому вы служите... Любовь даетъ силу людямъ, горе и страданія отнимаютъ у нихъ энергію. Вы сами сказали: счастье на другомъ берегу, по ту сторону потока; тамъ Оливія... дайте мнѣ руку, пойдемъ къ ней...

Гербертъ грустно улынулся.

— Только не теперь, сказалъ онъ; потокъ слишкомъ силенъ и поглотитъ насъ, если мы захотимъ идти противъ теченія.

— Не олказывайтесь отъ моей помощи Франкъ; я чувствую въ себѣ достаточно силъ, чтобы довести васъ до цѣли!

— Откуда у васъ такая увѣренность, дитя мое? Чтò можетъ сдѣлать слабая рука женщины тамъ, гдѣ борьба съ каждымъ днемъ принимаетъ все болѣшніе размѣры!

— Сила моя въ любви! возразила Мануэлла, и, опустивъ еще ниже свою хорошенькую головку, добавила, заливаясь слезами: я люблю васъ Франкъ!..

Въ эту минуту отворилась дверь и въ комнату вошелъ капитанъ Джойсъ; увидя своего начальника онъ отдалъ ему честь и остановился на порогѣ.

Мануэлла поднялась съ полу и машинально сѣла на прежнее мѣсто.

— Читають прокламацію жителямъ Лондонскаго Сити и Вестминстера! доложилъ Джойсъ.

Гербертъ открылъ окно. Свѣжій вечерній воздухъ разлился по комнатѣ вмѣстѣ съ красноватымъ свѣтомъ вечерней зари. На балконѣ, который можно было ясно разглядѣть изъ окна, стоялъ генераль Ферфаксъ, окруженный офицерами своего штаба и почетными гражданами Сити; онъ читалъ бумагу, которую держалъ въ рукѣ; внизу виднѣлась безчисленная толпа, безмолвно слѣдившая за каждымъ его словомъ. Но тутъ внезапно раздалось оглушительное ура. Изъ воротъ Уайтголля показался многочисленный отрядъ кавалеристовъ; во главѣ его ѣхалъ всадникъ въ блестящемъ шлемѣ и въ полномъ боевомъ вооруженіи того времени. Войска разставленныя на площади отдали ему честь; блеснули ружейные стволы; дружно опустили знамена; вслѣдъ за тѣмъ загремѣлъ барабанный бой сопровождаемый новыми восторженными криками. Рельефно выдѣлялось на безоблачномъ небѣ величественное зданіе Вестминстера; заходящее солнце освѣщало своимъ прощальнымъ свѣтомъ каменные шпицы и шарокопечую фигуру всадника, которому отдавались такія почести. Это былъ Оливеръ Кромвель: онъ готовился выступить изъ Лондона во главѣ арміи.

— Моя дорогая миссъ, сказалъ Джойсъ, обращаясь къ Мануэллѣ, я только что вернулся съ улицы; толпа на столько уменьшилась съ этой стороны замка, что, если вамъ угодно, мы можемъ двинуться въ путь.

— Прощайте Франкъ, сказала молодая дѣвушка, протягивая съ смущеніемъ свою руку Герберту.

— До свиданія, сказалъ онъ, дружески пожилая ея руку.

ГЛАВА V.

С т ы ч к а.

Снова пожаръ охватилъ всю Англію: началась такъ называемая вторая междоусобная война; какъ будто недостаточно было одной подобной злополучной войны.

Наступила половина лѣта. Скоро прошла короткая лѣтняя ночь. Восходящее солнце освѣтило прелестнѣйшій ландшафтъ, гдѣ лѣсъ, дуга, холмы и вода представляли пріятное разнообразіе. Въ цѣлой Англіи нѣтъ болѣе красивой мѣстности, какъ графство Соррей съ его долинами, покрытыми роскошной зеленью, мягкими очертаніями

горь, многочисленными помѣстями и деревьями; надо всѣмъ этимъ разлившимся яркій свѣтъ наступающаго утра одѣлъ въ парпурь лѣса и украсилъ алмазами влажные луга.

Среди поля дымились два большихъ костра; тускло горѣлъ огонь, перебѣгая по грудамъ потухающихъ угольевъ.

— Проклятый холодъ! сказала юноша лежавшій у костра, поднимаясь на ноги. Я совсѣмъ прозябъ въ эту ночь!

— Тѣмъ не менѣе милордъ, у насъ опять будетъ жаркій день, возразилъ пожилой человѣкъ, сидѣвшій у огня. Да поможетъ мнѣ Господь, насъ скоро начнетъ припекать солнце! Что прикажете дѣлать! Въ военное время солдатъ долженъ переносить всякія невзгоды.

— Кто могъ ожидать, что изъ васъ выйдетъ такой хорошій солдатъ, сэръ Товій! Вотъ уже три мѣсяца какъ вы спите на голой землѣ, подъ открытымъ небомъ; и никто не слыхалъ отъ васъ ни малѣйшей жалобы.

— Еще бы! Я такъ радъ, что избавился отъ клятвы, которая въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ осуждала меня на полное бездѣйствіе! отвѣтилъ сэръ Товій, сгребая уголья остріемъ своей длинной шпаги. Однако не смотря на это я все-таки долженъ сказать по совѣсти, что многое не нравится мнѣ у насъ. Мнѣ пришлось провести большую часть жизни въ деревнѣ милордъ; и когда я замѣчалъ, что червь подтачиваетъ какое нибудь растеніе, то зналъ заранѣе, что оно осуждено на неизбѣжную гибель. Та же участь должна постигнуть и наше предпріятіе...

— Сэръ Товій! воскликнулъ съ удивленіемъ юноша, между тѣмъ какъ легкая краска выступила на его красивомъ лицѣ.

Баронетъ поднялся съ своего мѣста и бросилъ задумчивый взглядъ на своихъ товарищей лежавшихъ вокругъ потухающаго огня; большинство изъ нихъ спало крѣпкимъ сномъ; другіе проснулись отъ утренняго солнца свѣтившаго имъ въ лицо и протирали себѣ глаза. Въ недалекомъ разстояніи отъ нихъ стояли лошади привязанныя къ рѣшеткѣ обширнаго парка и нетерпѣливо били копытами о землю, втягивая въ себя свѣжій утренній воздухъ пропитанный запахомъ цвѣтущаго клевера.

— По моимъ годамъ я уже не молодой человѣкъ милордъ, продолжалъ сэръ Товій, но я такъ недавно поступилъ въ военную службу, что не считаю себя вправѣ осуждать образъ дѣйствій высшаго начальства. Тѣмъ не менѣе я долженъ сказать, что червь подтачиваетъ наше дѣло въ самомъ корнѣ...

Сэръ Товій понизилъ голосъ и отвелъ въ сторону своего собесѣдника изъ боязни, чтобы кто нибудь не подслушалъ ихъ разговора; затѣмъ добавилъ печальнымъ тономъ, который былъ вовсе не свойственъ ему при его веселомъ безпечномъ характерѣ.

— Знаете-ли вы, что я вамъ скажу, милордъ, вы не можете

сомнѣваться въ томъ, что я всѣмъ сердцемъ готовъ служить королю, но я съ ужасомъ думаю о будущности всѣхъ этихъ господъ, которыхъ вы видите здѣсь! Съ того дня какъ враги наши узнали о намѣреніи его величества бѣжать изъ Каррисбрука, сынъ мой принужденъ скрываться въ лѣсахъ, какъ дикій звѣрь, котораго преслѣдуютъ охотники... Мой бѣдный Джонъ, ему едва минуло восемнадцать лѣтъ!.. а моя дочь!..

Баронетъ замолчалъ, такъ какъ чувствовалъ, что слезы подступаютъ къ его глазамъ; затѣмъ онъ продолжалъ болѣе спокойнымъ голосомъ: Не думайте, что я жалуюсь на свою судьбу! у дворянина и вѣрнаго подданнаго дѣло короля должно стоять на первомъ планѣ. Но развѣ вы не видите, милордъ, что непріятелю заранѣе извѣстны наши планы? Всѣ наши предпріятія рушатся сами собой прежде, чѣмъ мы успѣемъ привести ихъ въ исполненіе. Невидимая, но вѣрная рука поражаетъ насъ на каждомъ шагу. Въ ту самую ночь, когда все было подготовлено къ бѣгству короля, солдаты заняли ровъ подъ окномъ и была удвоена стража у дверей темницы. Всѣмъ этимъ мы обязаны низкой твари, которая выдала насъ! Чѣмъ инымъ кромѣ измѣны можно объяснить тотъ фактъ, что непріятелю извѣстны имена всѣхъ лицъ, замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ. Гамильтонъ долженъ былъ выйти на встрѣчу освобожденному королю съ 40,000 шотландцевъ; но и тутъ измѣна явилась на помощь нашимъ врагамъ; они заняли сѣверныя крѣпости прежде, чѣмъ одинъ шотландецъ успѣлъ переступить границу... Этого мало! Баттенъ хотѣлъ провести весь флотъ въ Кале и только двѣнадцать кораблей послѣдовали за нимъ; возстаніе въ Кентѣ заглушено въ самомъ зародышѣ; обозъ захваченъ непріятелемъ прежде, чѣмъ мы двинулись въ путь; союзники наши лишены возможности соединиться съ нами... Чтò можетъ спасти насъ? Теперь въ нашихъ рукахъ только Колчестеръ, блокированный со всѣхъ сторонъ войсками Ферфакса, и крѣпость Пемброкъ, передъ которой стоитъ Кромвель...

— Мой дорогой баронетъ вы слишкомъ мрачно смотрите на вещи! Колчестеръ и Пемброкъ дѣйствительно составляютъ нашъ единственный оплотъ въ настоящее время. Но вы забываете, что Пемброкъ неприступная крѣпость, окруженная со всѣхъ сторонъ скалами; она навѣрно удержится до тѣхъ поръ пока не подойдутъ шотландцы... они обѣщали свою помощь... Какое у насъ число сегодня?

— Семнадцатое іюля милордъ.

— По послѣднимъ извѣстіямъ они должны были перейти границы восьмага іюля. Что же касается Колчестера, то съ Божіей помощью мы сами сегодня будемъ тамъ!

— Да, если только намъ удастся добраться туда... но это весьма сомнительно! Весь планъ нашихъ военныхъ дѣйствій въ рукахъ

непріятеля; къ несчастію мы обсуждали его до малѣйшихъ подробностей въ башнѣ Ham-Haus'a. Я убѣжденъ, что именно тамъ измѣна сплела свои сѣти; и кто можетъ сказать какъ далеко раскинуты они!

Лицо молодого лорда внезапно поблѣднѣло: — Надѣюсь г-нъ баронетъ, воскликнулъ онъ, вы не хотите этимъ сказать, что графиня Дизаръ...

— Нѣтъ, клянусь честью! возразилъ съ живостью сэръ Товій. Какъ вамъ могло прійти это въ голову... Такая знатная дама! Она занимаетъ такое высокое положеніе въ свѣтѣ, что это само по себѣ ставить ее внѣ всякаго подозрѣнія. Да поможетъ мнѣ Господь, я не хотѣлъ сказать ничего подобнаго!.. Но вы помните ту красивую еврейку; измѣна—въ крови у этого народа!

Молодой лордъ недовѣрчиво покачалъ головой. — Нѣтъ мой дорогой сэръ, сказалъ онъ откажитесь отъ этой мысли! Если вы ручаетесь за графиню Дизаръ, то я точно также готовъ поручиться моею честью за эту дѣвушку. Я считаю себя обязаннымъ сдѣлать это, тѣмъ болѣе, что мой братъ виноватъ передъ нею.

— Я не понимаю, что находите вы дурнаго въ поступкѣ герцога Бокингема? возразилъ сэръ Товій. Нельзя ставить въ упрекъ молодому человѣку романическое приключеніе. Клянусь честью я не считаю это большимъ грѣхомъ!

— Никто не ставитъ ему въ вину, что онъ любилъ эту молодую дѣвушку; но я не могу простить ему, что онъ отрекся отъ нея въ тотъ моментъ, когда ей грозила смертная казнь.

— Выбросьте это изъ головы милордъ! Стоитъ ли говорить о подобныхъ вещахъ! Вы были бы совершенно правы, еслибы дѣло шло о христіанской дѣвушкѣ! Не забывайте, что она жидовка!.. Но довольно объ этомъ... Вотъ и наши товарищи поднимаются на ноги; пора подумать о завтракѣ; я до смерти проголодался!

Рѣзко раздавались звуки сигнальнаго рожка и барабанный бой въ прозрачномъ утреннемъ воздухѣ. Все пришло въ движеніе въ маленькомъ лагерѣ, состоящемъ приблизительно изъ тысячи человѣкъ кавалеровъ, не считая прислуги и лошадей. — Доброга утра милордъ! Какъ вы провели ночь сэръ?—слышалось со всѣхъ сторонъ.

— Прекрасный день! но вѣроятно къ двѣнадцати часамъ будетъ нестерпимая жара!

— Скоро ли мы двинемся въ путь?

— Тотчасъ послѣ завтрака.

— Какія вѣсти съ передовыхъ постовъ?

— Дорога къ Кингстону свободна.

— Значитъ сегодня вечеромъ мы будемъ въ Колчестерѣ. Лордъ Кешль ждетъ насъ къ ужину.

— Жаль, что въ это время года нельзя достать устриць.

— Чортъ возьми! развѣ можно ѣсть устрицы съ ранняго утра? Я предпочелъ бы кусокъ ростбифа.

— Вы совершенно правы милордъ; и при этомъ стаканъ хорошаго вина...

— Эй Бумпусъ, дай сюда корзину съ бутылками. Это настоящее французское вино милордъ; я получилъ его прямо изъ Франшъ-Конте.

— Да здравствуетъ баронетъ!.. сэръ Товій, ура! крикнуло нѣсколько голосовъ.

— Неужели это вино изъ вашего замка, сэръ? какъ рѣшились вы везти его такую даль!

— Я рассчиталъ, что нѣтъ никакой пользы въ томъ, если оно будетъ лежать безъ употребленія въ Чильдерлейскомъ погребѣ, и, что мнѣ будетъ несравненно пріятнѣе угостить имъ господъ кавалеровъ! Это то самое вино, которое я подавалъ королю, когда его величество удостоилъ мой домъ своимъ посѣщеніемъ... Скорѣе другъ мой, Мартинъ!..

Нѣсколько минутъ спустя явился Мартинъ Бумпусъ съ тяжелой корзиной, которую онъ придерживалъ обѣими руками.

Вѣрный слуга, получивъ въ наслѣдство мельницу Пиккерлинга, по прежнему любилъ своего господина и всегда готовъ былъ явиться въ замокъ по первому зову. Но пиры, охоты и всякія увеселенія прекратились съ того времени, какъ старый замокъ облеся въ прежнее великолѣпіе по случаю пріѣзда короля. Все тише и безмолвнѣе становилось въ немъ; и, наконецъ, онъ еще болѣе опустѣлъ, когда баронетъ вооружился на зичиту короля и выѣхалъ изъ Чильдерлея. Мартинъ въ тотъ же день простился съ женой и своимъ двухлѣтнимъ ребенкомъ и послѣдовалъ за владѣльцемъ Чильдерлейскаго замка въ небольшой лагерь роялистовъ, гдѣ, благодаря своей расторопности, скоро сдѣлался общимъ любимцемъ. Никто лучше его не умѣлъ разлить вино, разрѣзать жаркое; если оказывался недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ, то онъ приводилъ быка съ ближайшаго пастбища или ловилъ куръ, которыя попадались ему подъ руку около деревень.

Герцогъ Бокингеми вынулъ изъ корзины бутылку вина и внимательно разсматривалъ ее противъ свѣта.

— Держу пари, что это превосходное вино! воскликнулъ онъ. Намъ остается только послѣдовать примѣру величайшаго изъ лицемѣровъ, Кромвеля: недавно его застали одного въ палаткѣ за бутылкой вина, въ то время, какъ всѣ были убѣждены, что онъ удалился въ уединеніе для молитвы. Пусть наши товарищи думаютъ, что мы собрались здѣсь для военнаго совѣта, между тѣмъ какъ въ эту минуту всѣ мы воодушевлены однимъ желаніемъ, какъ можно скорѣе откупорить эту бутылку! Нѣтъ ли у тебя пробочника Мартинъ Бумбусъ?

— Сейчасъ, вапа милость, отвѣтилъ Бумпусъ, и взявъ бутылку изъ рукъ герцога, отбилъ горлышко ударомъ сабли.

— Bravo! воскликнулъ со смѣхомъ лордъ Питерборо—для хорошаго солдата не существуетъ затрудненій, которыхъ бы онъ не могъ разрѣшить остріемъ своей сабли.

— Пью за здоровье его величества! сказала лордъ Голландъ, поднимая стаканъ.

Герцогъ Бокингемъ заглѣлъ хоровую застольную пѣсню Оксфордскихъ студентовъ, которая вошла въ моду у роялистовъ во время пребыванія короля въ Оксфордѣ; нѣкоторые изъ кавалеровъ вторили ему; другіе вели между собою оживленную бесѣду. Одинъ герцогъ Виллье не принималъ никакого участія въ общемъ веселіи, которое казалось ему болѣе чѣмъ неумѣстнымъ въ виду трудности предстоящей имъ задачи. Онъ стоялъ въ сторонѣ; глаза его были задумчиво устремлены вдаль; подъ вліяніемъ безотчетной охватившей его грусти, онъ мысленно прощался съ женщиной, которую любилъ по прежнему идеальной юношеской любовью.

— Посмотрите на герцога Виллье, какой у него печальный видъ! воскликнулъ сэръ Торій, мрачныя предчувствія котораго мало по малу разсѣялись подъ вліяніемъ вина.

— Садитесь съ нами милордъ, повѣрьте, что нѣтъ лучшаго лѣкарства противъ грусти, какъ стаканъ хорошаго вина и веселое общество...

— Нѣтъ, благодарю васъ, я рѣшительно не въ состояніи пить сегодня! отвѣтилъ герцогъ Виллье; затѣмъ обращаясь къ графу Голланду онъ спросилъ: не можете ли вы сказать мнѣ, какъ называется этотъ замокъ?

Графъ Голландъ оглянулся. Въ недалекомъ разстояніи отъ того мѣста, гдѣ они сидѣли, въ яркомъ солнечномъ освѣщеніи возвышался замокъ окруженный большимъ тѣнистымъ садомъ. Вездѣ замѣтны были слѣды запустѣнія; ворота были закрыты наглухо; желѣзная рѣшетка казалась заржавевшей; деревья широко раскинули свои вѣтки черезъ дорожки; на каменныхъ плитахъ обширнаго двора росла трава. Въ концѣ величественной аллеи вязывъ и орѣшника печально и одиноко выглядывали изъ зелени бѣлыя стѣны съ закрытыми окнами.

— Это «Nonsuch-Park» милордъ, одинъ изъ самыхъ очаровательныхъ загородныхъ замковъ его величества, съ прекраснѣйшимъ садомъ. Посмотрите, какъ отсвѣчиваютъ на солнцѣ косяки и перекладины; они всѣ вызолочены. Этотъ замокъ былъ построенъ Генрихомъ VIII и здѣсь жила королева Елизавета. Въ былыя времена мы не разъ пировали тутъ при королѣ Іаковѣ и даже послѣ, когда Генріэта-Марія выбрала это мѣсто для своей лѣтней резиденціи.

— Повѣрьте милорды и джентльмены, что скоро вернутся преж-

нія блаженныя времена и мы опять будемъ пировать въ этомъ замкѣ! воскликнулъ чильдерлейскій баронетъ, протягивая свой стаканъ Бумпусу, который немедленно наполнилъ его.

Вслѣдъ затѣмъ превозглашень былъ тостъ за королеву Генріэту-Марію. Кавалеры чокнулись; весело зазвенѣли стаканы, между тѣмъ какъ сквозь деревья «Nonsuch Park'a» пробивались яркіе лучи восходящаго солнца и просвѣчивала позолота, напоминавшая прежнее великолѣпіе королевскаго замка.

— По какой дорогѣ отправимся мы въ Колчестеръ? спросилъ герцогъ Вилле.

— Черезъ Кинггстонъ милордъ, возразилъ графъ Голландъ. Мы не сойдемъ съ лошадей до ночи.

— Но удастся ли намъ пробраться туда? сказалъ герцогъ Вилле, недовѣрчиво качая головой.

— Я не знаю, что можетъ помѣшать этому милордъ? Въ случаѣ неожиданнаго нападенія, каждый изъ насъ сѣмѣтъ защитить свою жизнь! Но мнѣ кажется, что ваше безпокойство не имѣетъ никакого основанія; Ферфаксъ пригвожденъ къ Колчестеру; лордъ Кепль не даетъ ему ни одной минуты покоя...

— Опасность грозитъ намъ съ другой стороны, мнѣ говорили, что Кромвель выслалъ противъ насъ бригаду легкой кавалеріи подъ начальствомъ молодаго полковника, который пользуется его особеннымъ довѣріемъ.

— Любопытно было бы узнать имя героя, которымъ вы пугаете насъ? спросилъ сэръ Товій съ добродушной улыбкой.

— Франкъ Гербертъ! вы можетъ быть слышали о немъ? отвѣтилъ герцогъ Вилле.

— Еще бы! воскликнулъ баронетъ презрительнымъ тономъ; но при этомъ лицо его поблѣднѣло и стаканъ задрожалъ въ его рукѣ.

— Что съ вами, сэръ Товій? спросилъ съ удивленіемъ Бокигемъ.

— Ничего! отвѣтилъ баронетъ, и чтобы скрыть свое смущеніе торопливо поднесъ стаканъ къ губамъ, но вино перестало нравиться ему. Къ счастью завтракъ былъ оконченъ, звонко раздавались по полю звуки трубъ и барабановъ.—На лошадей джентльмены! крикнулъ графъ Голландъ. Сегодня вечеромъ мы должны быть въ Колчестерѣ!

Всѣ сѣли на лошадей. Впереди ѣхала кавалерія; за нею тянулись телѣги съ обозомъ. Костры давно потухли; и только большіе черные круги, виднѣвшіеся среди зеленаго луга, указывали мѣсто недавняго лагеря. Тѣнистый паркъ и одинокій королевскій замокъ остались позади. Солнце стояло высоко на небѣ. Надъ головами всадниковъ пронесся жаворонокъ: звонко раздалась его пѣсня за тихая мало по малу въ необъятномъ голубомъ пространствѣ. Дорога шла лугами и лѣсомъ; лошади бодро шли по густой влажной

травѣ. По временамъ изъ зелени деревъ выступали зубцы старинныхъ замковъ и стѣны обвитыя вьющимися розами. Иногда на далекомъ пространствѣ тянулись поля и деревни; стада овецъ паслись на лугахъ. Все выше и выше поднималось солнце заливая золотистымъ свѣтомъ зеленую равнину. Наконецъ съ высоты одного холма всадники увидѣли серебристый отблескъ воды, просвѣчивавшей сквозь вѣтви деревьевъ.

Вотъ и Темза! воскликнулъ графъ Голландъ, а тамъ вдали гдѣ видѣются красныя крыши—Кингстонъ!

Теперь отрядъ долженъ былъ вытянуться въ длинную узкую линію, чтобы проѣхать тѣсную лощину, поросшую съ обѣихъ сторонъ кустарникомъ. Въ то время, какъ часть всадниковъ выѣхала въ открытое поле, остальные находились еще въ глубинѣ лощины. Но тутъ неожиданно изъ кустовъ раздался выстрѣлъ, за которымъ немедленно слѣдоваль другой съ противоположной стороны.

— Что это значитъ? спросилъ герцогъ Виллье, обращаясь къ баронету, который ѣхалъ рядомъ съ нимъ.

— Пуля!.. отвѣтилъ баронетъ блѣднѣя; нужно отдать имъ справедливость... эти черти мѣтко стрѣляютъ!

— Вы ранены сэръ Товій! воскликнулъ герцогъ Виллье. Смотрите, у васъ бокъ весь въ крови!

— Пустяки! пуля попала въ лѣвую руку отвѣтилъ баронетъ, хоть кровь струилась крупными каплями на гриву лошади.

Небольшое войско пришло въ полное разстройство. Оставшіеся назади не рѣшались спуститься въ лощину и, загородивъ дорогу, отрѣзали отступление своимъ товарищамъ, что еще больше увеличило общее смятеніе. Между тѣмъ непріятель, скрытый въ кустарникѣ, открылъ перекрестный огонь, такъ что роялистамъ не оставалось инаго исхода какъ продолжать путь, несмотря на значительную потерю людей и лошадей. Наконецъ, они выбрались изъ лощины въ открытое поле, гдѣ ихъ ожидалъ графъ Голландъ съ тѣми изъ кавалеровъ, которымъ удалось избѣжать стычки. Впереди ихъ ожидала новая опасность. Въ шестистахъ шагахъ отъ нихъ, на дорогѣ къ Кингстону, проложенной черезъ небольшой лѣсъ стоялъ взводъ кавалеристовъ, и между деревьями мелькали красныя мундиры. Это былъ отрядъ Кромвелевскихъ драгунъ; за ними на высотѣ холма надъ сплошной массой шлемовъ и обнаженныхъ сабель развѣвалось красное знамя и виднѣлась стройная фигура начальника эскадрона; рядомъ съ нимъ стоялъ трубачъ.

— Мы попали въ засаду! Впередъ друзья мои!.. Намъ нѣтъ иного спасенія какъ пробиться сквозь непріятеля! воскликнулъ герцогъ Бокингемъ, обнаживъ шпагу.

Кавалеры выстроились и, тѣсно сомкнувъ свои ряды, медленно двинулись къ лѣсу подъ предводительствомъ графа Голланда и Бокингема.

— Это тѣ же лица и стальные чепцы, которые были при Марстонмурѣ и Незби! сказалъ графъ Голландъ.

— Вотъ ихъ начальникъ!.. добавилъ Бокингемъ.

— Говорите тише, сказалъ герцогъ Виллье,—баронетъ можетъ услышать васъ!

— Что же изъ этого! Стоитъ ли дорожить жалкими остатками жизни! возразилъ сэръ Товій слабымъ голосомъ.

Лицо его было покрыто мертвенной блѣдностью; весь панцирь забрызганъ кровью.

— Ради Бога останьтесь здѣсь! сказалъ герцогъ Виллье тономъ искренняго участія.—Ваша рана серіознѣе, нежели вы предполагаете!

— Нѣтъ, вы напрасно уговариваете меня! возразилъ баронетъ.— Да поможетъ мнѣ Господь, я узналъ негодяя, который командуетъ этими бунтовщиками... Мое единственное желаніе умереть отъ его руки... Оливія не будетъ любить убійцу своего отца... Боже, какая адская боль!

Сильный ружейный залпъ встрѣтилъ кавалеровъ при вѣздѣ въ лѣсъ.

— Сюда за мной! пока они не зарядили вторично своихъ ружей, крикнулъ герцогъ Бокингемъ, прищпоривъ лошадь. Лицо его разгорѣлось отъ волненія; каштановые локоны развѣвались по вѣтру; неминуемо грозившая ему опасность еще больше подстрѣкала его мужество. Вся толпа кавалеровъ, увлеченная его примѣромъ, бросилась за нимъ съ громкимъ крикомъ: ура!

Тѣсными рядами, лошадь къ лошади, неслись они бѣшеннымъ галопомъ и дружно ударили на непріятеля, который съ трудомъ выдержалъ первый натискъ. Произошла кровавая стычка. Кавалеры дрались лицомъ къ лицу съ круглоголовыми; но если на сторонѣ первыхъ была безумная смѣлость и рыцарское пренебреженіе къ смерти, то вторые имѣли надъ ними перевѣсъ относительно дисциплины, большей выдержки и навыка къ продолжительному бою. Исходъ борьбы нѣкоторое время казался сомнительнымъ; но тутъ съ высоты холма на помощь круглоголовымъ подоспѣло свѣжее войско; оно все ближе и ближе надвигалось и, наконецъ, среди шума битвы внезапно раздался грозный боевой крикъ: «Господь наше прибѣжище!» Въ то же время изъ глубины лощины появились съ тыла стрѣлки и окружили кавалеровъ, для которыхъ не оставалось другого исхода, кромѣ поспѣшнаго бѣгства. Они моментально разсѣялись въ разныя стороны, точно пораженные однимъ ударомъ: одни бросились по дорогѣ въ Лондонъ, другіе къ рѣкѣ, Кингстону и въ обратный путь къ «Nonsuch-Park'у». Скоро все поле покрылось группами бѣглецовъ, за которыми гнались круглоголовые. Не было куста или дерева по дорогѣ, у котораго бы не происходилъ кровавый бой. Кавалеры защищали свою жизнь съ мужествомъ отчаянія. Враги

преслѣдовали ихъ по пятамъ, и все дальше и дальше слышался шумъ битвы. Наконецъ, все замолкло.

Низко опустилось вечернее солнце надъ лѣсомъ; вездѣ на смятой травѣ виднѣлись лужи крови; подъ кустами лежали убитые и раненые, которые съ трудомъ дотащились до нихъ. Запахъ крови и пороха смѣшался съ ароматомъ травъ и цвѣтовъ, который особенно силенъ въ эту пору дня. Изрѣдка слышны были стоны и вздохи тяжело раненыхъ заглушаемые веселымъ гнѣиемъ и чирканьемъ птицъ, которые разлетѣлись при первыхъ выстрѣлахъ и вернулись къ своимъ гнѣздамъ по окончаніи битвы. Заходящее солнце, склоняясь все ниже и ниже къ западу, заглянуло въ самые затаенные углы лѣса и освѣтило своими золотистыми лучами старый величественный дубъ и блѣдное лицо убитаго, который лежалъ подъ нимъ распростертый на землѣ. Никто, глядя на это изуродованное лицо, покрытое зіяющими ранами, и искалѣченную фигуру, не сказалъ бы, что это трупъ одного изъ самыхъ красивыхъ и богато одаренныхъ юношей Англіи.

Это былъ Францисъ Виллье, представитель одной изъ знатнѣйшихъ фамилій Англіи, погибшій на двадцатомъ году жизни. Старый вѣтвистый дубъ служилъ ему надгробнымъ памятникомъ.

Зашло солнце; красноватый отблескъ вечерней зари разлился по цвѣтущей долинѣ Темзы, съ ея лѣсами, деревьями, покатыми возвышенностями и прекрасными обработанными полями. На обширномъ лугу передъ Кингстономъ, крыши котораго виднѣлись изъ зеленой массы деревьевъ, расположился эскадронъ драгунъ, утомленныхъ упорнымъ боемъ и преслѣдованіемъ непріятеля. Мѣстами разведены были костры и готовился ужинъ; у забора лежали раненые, найденные на различныхъ пунктахъ по окончаніи битвы.

Франкъ Гербертъ сидѣлъ на берегу рѣки и задумчиво смотрѣлъ на зеркальную поверхность воды, въ которой отражалось розоватое безоблачное небо, холмы и деревья противоположнаго берега. Несмотря на красоту окружавшаго ландшафта и прелесть тихаго лѣтнаго вечера, передъ глазами его упорно носился образъ умирающаго съ знакомыми милыми чертами. Это былъ отецъ Оливіи. Онъ встрѣтилъ его лицомъ къ лицу.—Я давно ищу тебя! крикнулъ баронетъ и пришпорилъ свою лошадь, чтобы догнать его. Гербертъ видѣлъ, что сэръ Товій съ трудомъ держался на сѣдлѣ; панцырь его былъ залитъ кровью, полное лицо осунулось и поблѣднѣло... Баронетъ взглянулъ на него кроткими печальными глазами съ выраженіемъ горькой укоризны и глубокаго затаеннаго горя... О Боже, это были глаза Оливіи! Такъ смотрѣла она на него въ минуту ихъ послѣдней разлуки... Гербертъ чувствовалъ, что не въ состояніи защищаться противъ этого человѣка, неминуемая опасность грозила ему... Но силы измѣнили разгнѣванному отцу; мечъ

выпалъ изъ его рукъ; и онъ самъ тяжело опустился на землю къ ногамъ своего врага безъ малѣйшихъ признаковъ жизни.

Но баронета не было въ числѣ раненыхъ собранныхъ на полѣ битвы: вѣроятно онъ доплзъ до лѣсу и лежитъ гдѣ нибудь на опушкѣ лѣса освѣщеннаго вечерней зарей. Долго Гербертъ не могъ ни на что рѣшиться. Наконецъ, онъ подозвалъ одного изъ своихъ капитановъ, который сидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него съ трубкой во рту.

— Если не ошибаюсь, вы Джойсъ звали Чильдерлейскаго баронета, сэра Товія Кутсъ?

Капитанъ вынулъ трубку изъ рта и почтительно подошелъ къ своему начальнику.

— Разумѣется я зналъ его; и мнѣ будетъ очень жаль, если съ нимъ случилось какое нибудь несчастье. Это былъ славный и честный человѣкъ; его можно упрекнуть только за то упорство, съ какимъ онъ поддерживалъ проигранное дѣло. Но у каждаго есть свои слабыя стороны. Одно несомнѣнно, что у него была щедрая рука, хорошій погребъ и прекрасный столъ. Клянусь честью Юргень Джойсъ никогда не забудетъ его гостепріимства.

Гербертъ привыкъ къ многословію своего капитана, и поэтому терпѣливо выслушалъ его.—Очень радъ, что не обманулся въ васъ Джойсъ, сказалъ онъ. Вотъ въ чемъ дѣло: я видѣлъ, какъ баронетъ упалъ съ лошади замертво. Его нѣтъ между ранеными, которые принесены сюда; онъ, вѣроятно, лежитъ гдѣ нибудь на опушкѣ лѣса... не мѣшало бы подать ему помощь...

— Понимаю, положитесь на меня полковникъ! Юргень Джойсъ никогда не оставитъ человѣка въ бѣдѣ!..

— Вы можете взять съ собой столько людей, сколько хотите.

— Нѣтъ, это лишнее! Если баронетъ умеръ, то ему бѣднягѣ не нужна ничья помощь; а если живъ, то чѣмъ меньше свидѣтелей, тѣмъ лучше!..

— Но что дѣлать съ нимъ, если вы найдете его живымъ?

— Я увезу его въ одинъ домъ, гдѣ онъ будетъ въ полной безопасности. Къ счастью я знаю людей, на которыхъ могу положиться, хотя теперь это большая рѣдкость!

Гербертъ пожалъ руку капитану, который спокойно сѣлъ на прежнее мѣсто и, въ ожиданіи сумерекъ, закурилъ трубку.

ГЛАВА VI.

Капитанъ Джойсъ исполняетъ возложенное на него порученіе.

На опушкѣ лѣса, у котораго, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, происходилъ кровавый бой, царила мертвая тишина. Природа, безучастная къ страданіямъ и волненіямъ людей, опять вступила въ свои права; мѣсяць свѣтилъ все тѣмъ же ровнымъ серебристымъ свѣтомъ; птицы спокойно спали въ кустахъ, обрызганныхъ кровью.

Въ глубинѣ небольшого оврага лежалъ тяжело раненый чело-вѣкъ; возлѣ него сидѣлъ Мартинъ Бумпусъ въ печальной позѣ, съ головой, опущенной на грудь.

— Господи, разсуждалъ про себя вѣрный слуга, еще этого не доставало, чтобы я лишился всей моей провизіи въ проклятой свалкѣ! Вино, мясо, хлѣбъ, водка — все пропало...

Такъ, въ важныхъ и мелкихъ случаяхъ жизни, каждый смотритъ на міръ съ своей точки зрѣнія. Въ этотъ день, гдѣ люди жертвовали жизнью для дѣла, которому служили по своимъ убѣжденіямъ, Мартинъ Бумпусъ съ болью въ сердцѣ оплакивалъ потерю провизіи. Но въ данномъ случаѣ утрата была для него тѣмъ чувствительнѣе, что онъ ничего не могъ предложить своему господину, чтобы подкрѣпить его силы. Баронетъ лежалъ на землѣ слабый и беспомощный; пульсъ его едва бился. — Господи, воскликнулъ опять Бумпусъ, если бы я могъ добыть ~~чапу~~ вина, — это возвратило бы его къ жизни!

Полный мѣсяць выплылъ изъ набѣжавшихъ на него облаковъ, и освѣтилъ долину на далекомъ пространствѣ. Можно было различить каждый предметъ и тѣни, которыя ложились на землѣ; вдали виднѣлись бивуачные огни лагера, расположеннаго близъ Кингстона. Но вотъ, среди ночной тишины, послышался отдаленный лошадиный топотъ.

— Кто бы это могъ быть? подумалъ Бумпусъ; нѣтъ ли у него съ собой флажки съ виномъ...

Онъ всталъ съ своего мѣста и вышелъ на опушку лѣса. Сухой хворостъ захрустѣлъ подъ его ногами. Баронетъ поднялъ голову; на лицѣ его выразилось безпокойство.

— Мартинъ, сказалъ онъ, обѣщай мнѣ, что ты не отдашь меня живымъ въ его руки!..

Баронетъ говорилъ слабымъ прерывающимся голосомъ; несмотря на полусознательное состояніе, его мучила боязнь попасть въ руки ненавистнаго для него челоуѣка.

— Будьте спокойны, сэръ! этого никогда не случится! отвѣтилъ Мартинъ, окидывая внимательнымъ взглядомъ освѣщенную равнину. Лошадиный топотъ становился все слышнѣе; черное

пятно, виднѣвшееся вдаль, принимало все болѣе и болѣе опредѣленныя очертанія, и, наконецъ, можно было ясно разглядѣть фигуру всадника, который ѣхалъ по направленію лѣса. Этотъ, повидимому, въ свою очередь, замѣтилъ Бумпуса, потому что внезапно остановился и сойдя съ лошади повелъ ее за поводъ.

Сердце вѣрнаго слуги усиленно билось; онъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ приближенія незнакомца, хотя самъ не рѣшался идти къ нему на встрѣчу. — Положимъ, осторожность никогда нелишняя! разсуждалъ онъ про себя. Это только доказываетъ его умъ, что онъ сошелъ съ лошади и хочетъ сперва узнать съ кѣмъ имѣетъ дѣло... Но я не понимаю чего онъ медлитъ!..

Въ это время незнакомецъ подошелъ къ лѣсу на такое близкое разстояніе, что можно было различить его нарядъ при яркомъ лунномъ освѣщеніи. Бумпусъ обомлѣлъ отъ ужаса, убѣдившись, что передъ нимъ кромвельскій драгунъ и, вдобавокъ, не простой солдатъ, такъ какъ, сверхъ обычнаго краснаго мундира, рейтузъ, панцыря, шлема и сабли, на немъ былъ офицерскій шарфъ.

— Что за несчастіе! думалъ Бумпусъ, что будетъ съ моимъ бѣднымъ баронетомъ! Развѣ убѣжать скорѣе отсюда, чтобы отвлечь вниманіе этого господина... Но онъ сразу догонитъ меня..

Незнакомецъ очутился передъ нимъ прежде чѣмъ онъ успѣлъ остановиться на какомъ нибудь рѣшеніи.

— Вы здѣшній? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, возразилъ Мартинъ, но потомъ сообразивъ, что можетъ выдать себя неумѣстною откровенностью, поспѣшно добавилъ: да я здѣшній! Что вамъ угодно?

— Да и нѣтъ! Это не вяжется между собою, другъ мой! Неужели испугъ отбилъ у васъ память?

— Съ чего вы взяли, что я боюсь васъ? возразилъ Мартинъ обиженнымъ голосомъ; но тотчасъ же опомнился и перемѣнилъ тонъ. Дѣйствительно, сказалъ онъ, говоря правду, я немного струсилъ, когда вы заговорили со мной..

Кавалеристъ засмѣялся добродушнымъ смѣхомъ и хлопнулъ Мартина по плечу.

— Вы напрасно представляетесь дуракомъ и хотите дурачить меня! сказалъ онъ. Мнѣ приходилось бывать въ разныхъ концахъ Англій, и я готовъ поручиться головой, что вы крещены водой рѣки Кэма. По вашему выговору можно сразу узнать, что вы изъ Кембриджскаго графства.

— Если бы я даже былъ изъ Кембриджа, то кто же можетъ найти въ этомъ что нибудь дурное?

— Я и не думаю попрекать васъ вашей родиной! нигдѣ не встрѣчалъ я такого радушнаго гостепріимства, какъ въ Кембриджѣ... Но что съ вами другъ мой? вы имѣете такой видъ, какъ будто не ѣли цѣлыя сутки!

Съ этими словами незнакомецъ досталь изъ мѣшка, привязаннаго къ сѣдлу, кусокъ мяса и большой ломоть хлѣба и подаль Бумпусу, который съ жадностью принялся ѣсть.

— Вотъ и прекрасно! продолжалъ онъ. Я знаю по опыту, что значить голодь. Помню, какъ въ холодную апрѣльскую ночь, я привелъ цѣлую армію оборванцевъ на дворъ одного замка. Мы едва стояли на ногахъ отъ голода и жажды, и чтобы задать страху подняли адскій шумъ, пока, наконецъ, самъ владѣлецъ замка открылъ окно и спросилъ: кто мы и зачѣмъ пришли? У него въ это время были гости; но, тѣмъ не менѣе, этотъ добрый человекъ позвалъ меня наверхъ и угостилъ ростбифомъ, дичиной и такимъ прекраснымъ рейнскимъ виномъ, которое я не забуду до самой смерти... Сверхъ того, онъ приказалъ слугамъ накормить и напоить моихъ товарищей... Все это случилось въ Кембриджѣ; поэтому я буду всегда съ благодарностью вспоминать Кембриджъ и Чильдерлейскаго баронета!

Мартинъ Бумпусъ слушалъ рассказчика съ возрастающимъ интересомъ.

— Странное дѣло! воскликнулъ онъ, если бы не офицерскій мундиръ, то я готовъ былъ бы побожиться, что вы тотъ самый Юргень, котораго я видѣлъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ!

— Вы не ошиблись, мое имя Юргень... Юргень Джойсъ. Въ то время я былъ безбожный бродяга; но война великое дѣло! Если васъ не убьютъ наповаль и не искрошатъ въ куски, то всегда есть возможность выйти въ люди! Но скажите мнѣ, пожалуйста, гдѣ вы встрѣчали меня? я рѣшительно не помню васъ!

— Да война производитъ странныя превращенія! Одного она повиситъ, а другого унизитъ и сдѣлаетъ такимъ несчастнымъ, что когда оба встрѣтятся опять черезъ извѣстный промежутокъ времени, то не могутъ узнать другъ друга!.. Я Мартинъ Бумпусъ, бывший дворецкій сэра Товія Кутсъ, Чильдерлейскаго баронета. Когда вы были въ замкѣ, я прислуживалъ за столомъ, и затѣмъ, по приказанію баронета, накормилъ вашихъ товарищей...

— Мартинъ Бумпусъ! воскликнулъ капитанъ Джойсъ, заключивъ его въ свои объятія. Мой дорогой другъ! Развѣ могъ я ожидать, что встрѣчу васъ въ этомъ лѣсу въ такой поздній часъ ночи!.. Какъ жаль, что вы и вашъ господинъ роялисты и присоединились къ этой шайкѣ бунтовщиковъ, которыхъ мы разбили сегодня на голову... Тѣмъ не менѣе Юргень Джойсъ никогда не отвернется отъ тѣхъ, которые были добры къ нему, какъ бы ни мѣнялись обстоятельства, но сердце всегда остается сердцемъ!

— Значитъ я могу довѣриться вамъ. Вы поможете моему бѣдному господину? онъ тяжело раненъ.

— Скажите только, гдѣ онъ! Я собственно и пришелъ сюда съ тою цѣлью, чтобы спасти его.

— Никто, кромѣ Бога не могъ навести васъ на эту мысль!..

— Не все ли вамъ равно кто послалъ меня сюда! Весь вопросъ въ томъ: довѣряете ли вы мнѣ или нѣтъ?

— Да, и отъ всего сердца! Я васъ тотчасъ же сведу къ нему!..

Бумпусъ пошелъ впередъ, капитанъ слѣдовалъ за нимъ и велъ за собою лошадей. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, они увидѣли баронета, лежавшаго на землѣ, въ томъ же неподвижномъ положеніи.

— Бѣдный человѣкъ! воскликнулъ Джойсъ взволнованнымъ голосомъ. Кто могъ ожидать три года тому назадъ, что ему будетъ нужна моя помощь. Сэръ Товій! Сэръ Товій! повторилъ онъ, прикоснувшись рукою къ плечу раненаго. Я принесъ вамъ вина, выпейте глотокъ.

— Мнѣ ничего не нужно, отвѣтилъ баронетъ, не открывая глазъ. Я хочу умереть, оставь меня!

— Онъ принимаетъ васъ за меня, сказалъ шопотомъ Бумпусъ. Сегодня у него нѣтъ другого отвѣта, кромѣ этого!

— Все равно, лишь бы онъ выпилъ вина; это подкрѣпитъ его!.. Сэръ Товій выслушайте меня!..

— Я видѣлъ какъ упалъ герцогъ Виллье сказалъ баронетъ. Его убили на моихъ глазахъ! я не могъ помочь ему!..

— Онъ умеръ, его пѣсня спѣта! возразилъ Джойсъ, мы всѣ должны умереть!.. Выпейте глотокъ мой добрый сэръ!..

— Оставь меня въ покоѣ!.. отвѣтилъ баронетъ. На что мнѣ жизнь! Лучшіе люди умерли!.. Остались негодяи, измѣнники!.. Бѣдный, бѣдный король!

— Король живъ, никто не тронетъ его въ Каррисбрукѣ. Выпейте за его здоровье сэръ, сказалъ Джойсъ, и наклонивъ фляжку, вылилъ нѣсколько капель въ ротъ баронету. Вотъ такъ! но одно вино не поможетъ, необходимо съѣсть что нибудь!

Сострадательный самарянинъ поднялся на ноги, чтобы достать остатки своей провизіи; но въ этотъ моментъ баронетъ открылъ глаза. Видъ краснаго мундира сразу пробудилъ въ немъ энергію и привелъ въ состояніе крайняго нервнаго возбужденія. Онъ наполовину приподнялся съ земли, опираясь на локоть здоровой руки.— Прочь отсюда! проговорилъ онъ съ гнѣвомъ.— Мнѣ не нужно твоей помощи!.. Мартинъ, Мартинъ! неужели и ты рѣшился предать меня! Теперь я въ плѣну и въ его рукахъ!..

— Вы напрасно упрекаете меня сэръ! Мартинъ Бумпусъ никогда не былъ и не будетъ измѣнникомъ! а этотъ человѣкъ желаетъ вамъ добра; его зовутъ Юргень Джойсъ. Три года тому назадъ вы оказали ему гостепріимство въ вашемъ замкѣ!..

— Негодяй! пробормоталъ баронетъ.— Вмѣсто того, чтобы защищать короля, онъ служитъ бунтовщикамъ!

— Не знаю, какая была бы польза изъ того, что я теперь лежалъ бы гдѣ нибудь раненый или убитый! Успокойтесь сэръ! Вамъ

нечего бояться меня; какъ бы вы не бранили меня, я готовъ все перенести отъ васъ, потому что знаю, что вы добрый и хорошій человѣкъ и не всегда бываете въ такомъ дурномъ расположеніи духа! Перестаньте сердиться сэръ, покушайте мяса и выпейте еще вина...

— Будь я проклятъ, если я съѣмъ одинъ кусокъ! возразилъ съ раздраженіемъ баронетъ.

— Остановитесь сэръ! христіанинъ не долженъ позволять себѣ подобныхъ выраженій. Въ былыя времена я самъ легко относился къ религіи; нужда научила меня молиться... Ну да что говорить объ этомъ, проповѣдь мнѣ не къ лицу. Вспомните о вашихъ дѣтяхъ сэръ!

— Моихъ дѣтяхъ! воскликнулъ баронетъ.—Смѣешь ли ты мнѣ напоминать о нихъ, когда самъ предалъ своего сѣдаго дряхлаго отца и отправилъ его въ изгнаніе...

— Если я исполнилъ долгъ честнаго человѣка, то это еще не доказательство, чтобы я былъ дурнымъ сыномъ!.. Да избавить Богъ всякаго отъ тѣхъ мукъ, которыя я испыталъ тогда! Поэтому вашъ упрекъ не трогаеть меня сэръ. Это было самое тяжелое испытаніе, какое можетъ вынести человѣкъ! Тотъ часъ, который я провелъ съ веревкой на шеѣ въ ожиданіи висѣлицы показался мнѣ вдвое короче тѣхъ минутъ, которыя я простоялъ передъ моимъ разгнѣваннымъ отцомъ!

Глубокая непритворная грусть, которая слышалась въ словахъ Джойса тронула доброе сердце баронета; онъ замолчалъ.

Между тѣмъ Джойсъ поднялъ свою фляжку, лежавшую на землѣ и подаль ее баронету:—Выпейте немного вина сэръ; это подкрѣпитъ ваши силы. Я пришелъ сюда съ единственною цѣлью помочь вамъ, и вы не можете сомнѣваться въ этомъ... Черезъ часъ пройдетъ патруль, и если онъ захватитъ васъ здѣсь, то вамъ не избѣжать плѣна...

Баронетъ поспѣшно выпилъ нѣсколько глотковъ вина; плѣнь пугалъ его болѣе всего на свѣтѣ; холодный потъ выступилъ на его лбу при одной мысли, что онъ попадетъ въ руки Герберта.—Нѣтъ, сказалъ онъ, этому не бывать! Я готовъ пожертвовать послѣдней каплей моей крови, чтобы избѣжать подобнаго позора!.. Объясни мнѣ пожалуйста Юргень, какъ ты попалъ сюда, въ эту отдаленную часть лѣса, когда всѣ твои товарищи вѣроятно давно отдыхаютъ послѣ битвы?

— Назовите это случайностью, если вы вѣрите въ нее; пуританинъ сказалъ бы, что это «рука Божія!..» Но мы и такъ потеряли много времени въ разговорахъ... Позвольте осмотрѣть вашу рану сэръ!

Джойсъ всталъ на колѣни передъ баронетомъ и осторожно снялъ съ него тяжелый панцырь. Пуля ударила подъ лѣвую руку и за-

сѣла въ груди. Трудно было рѣшить какъ глубоко прошла она; но очевидно легкія не были тронуты, потому что баронетъ былъ живъ до сихъ поръ и находился сравнительно въ хорошемъ состояніи, несмотря на большую потерю крови. Вся опасность заключалась въ томъ, что больной такъ долго оставался безъ всякой помощи. Джойсъ заткнулъ рану корпсией и сдѣлалъ полотняную перевязку.

Баронетъ сразу почувствовалъ облегченіе; вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ проснулася привязанность къ жизни.

— Теперь я въ твоихъ рукахъ Юргенъ, что ты хочешь дѣлать со мной?

— Если вы ничего не имѣете противъ того сэръ, то я свезу васъ къ моимъ друзьямъ, гдѣ вы будете также безопасны какъ у себя дома. Три года тому назадъ вы оказали мнѣ благодѣяніе и отнеслись ко мнѣ съ участіемъ. Я поклялся тогда, что никогда не забуду этого! Теперь я очень радъ, что представился случай оказать вамъ услугу. Я передамъ васъ въ вѣрныя руки и прощусь съ вами...

— Ты хорошій человекъ Юргенъ, сказалъ съ сердечнымъ умиленіемъ баронетъ, протягивая ему руку.— Какія бы ни были у тебя недостатки, но въ тебѣ нѣтъ коварства. Распожрайся мною по твоему усмотрѣнію.

Джойсъ съ помощью Бумпуса посадилъ баронета на свою лошадь; затѣмъ осторожно вывелъ ее изъ лѣсу на равнину, освѣщенную луной. Лошадь шла медленнымъ, но вѣрнымъ шагомъ по густой влажной травѣ. Мало по малу лѣсъ совсѣмъ скрылся изъ виду; и только вдаль близъ Кингстона еще нѣкоторое время мелькали огоньки на томъ мѣстѣ гдѣ Франкъ Гербертъ расположился со своими драгунами. Но вотъ между деревьями блеснула вода, и путники увидѣли передъ собою широкую рѣку, которая казалась серебряной при лунномъ освѣщеніи. Вскорѣ начался рядъ терассъ, подходившихъ къ самому берегу. Темные каштаны отсвѣчивали голубовато-зеленымъ свѣтомъ; между ними виднѣлись ослѣпительно бѣлыя мраморныя статуи. Паркъ, окаймленный вызолоченной желѣзной рѣшеткой, казался какимъ-то волшебнымъ садомъ, среди котораго на высокой терассѣ возвышался величественный замокъ.

— Вотъ «Нам-Наус», резиденція графини Дизартъ! сказалъ капитанъ Джойсъ, обращаясь къ Бумпусу, такъ какъ баронетъ почти всю дорогу дремалъ, сидя на широкомъ покойной сѣдлѣ. Но знакомое имя заставило его очнуться.

— Если это домъ графини Дизартъ, сказалъ онъ, то я могу избавить васъ обоихъ отъ дальнѣйшихъ хлопотъ! Графиня Дизартъ вѣроятно не откажетъ въ гостепріимствѣ старому другу.

— Какъ, вы хотите остаться у графини Дизартъ? спросилъ съ удивленіемъ Джойсъ.

— Разумѣется, въ ея домѣ я буду безопаснѣе, чѣмъ гдѣ либо.

— Безопаснѣ! но развѣ вамъ неизвѣстно сэръ, что домогъ графини управляетъ Пиккерлингъ!

Лицо баронета еще больше поблѣднѣло при этомъ извѣстїи. Не ошибка ли это? спросилъ онъ. Можетъ быть ты перепуталъ фамиліи мой другъ! Мнѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы Пиккерлингъ могъ попасть сюда!

— Я также увѣренъ въ этомъ, какъ въ томъ, что мое имя Юргенъ Джойсъ. Я встрѣтилъ этого негодяя у рѣшетки парка, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ мы стоимъ теперь. Это было какъ разъ на другой день послѣ того вечера, когда въ башнѣ было тайное совѣщаніе, на которомъ вы присутствовали сэръ вмѣстѣ съ другими кавалерами.

— Тебѣ также извѣстно это. Значить я не ошибся! эта проклятая жидовка выдала насъ!..

— Нѣтъ, сэръ, вы напрасно обвиняете эту честную, благородную и добрую дѣвушку. Ее насильно притащилъ въ башню одинъ молодой лордъ въ надеждѣ, что она согласится быть его любовницей. Въ это время другой негодяй стоялъ за дверьми и подслушивалъ. Повѣрьте моему честному слову, что васъ выдалъ Пиккерлингъ.

— Вотъ объясняется еще одна загадка! сказалъ баронетъ съ глубокимъ вздохомъ. Кто могъ ожидать подобнаго совпаденія. Дѣлать нечего; вези меня куда ты хотѣлъ.

— Согласны ли вы сэръ отправиться къ той еврейкѣ, которая такъ не нравится вамъ? спросилъ Джойсъ.

— Дѣлай что хочешь, мои счеты окончены! Тѣ, на которыхъ я всего менѣе надѣялся хлопочутъ о моемъ спасеніи; а люди, которыхъ я осыпалъ благодареніями, измѣняютъ мнѣ...

— Не всѣ! мой добрый сэръ, не всѣ! проговорилъ съ сдержаннымъ рыданіемъ Мартинъ, цѣлуя холодную руку своего господина.

— Къ счастью не всѣ, проговорилъ медленно и задумчиво баронетъ. Это одно еще привязываетъ меня къ жизни...

Г Л А В А VII.

Друзья капитана Джойса.

На разсвѣтѣ сэръ Товій, сопровождаемый своими спутниками, проѣхалъ мостъ черезъ Темзу и ворота ведущія въ Сити. Часовые безпрекословно пропускали небольшое шествіе, по первому слову

капитана, тѣмъ болѣе, что онъ изъ предосторожности прикрылъ сэра Товія соимъ плащемъ.

Полное безмолвіе царило на улицахъ Сити; высокіе дома съ шпицами на разукрашенныхъ крышахъ мрачно обрисовывались на сѣроватомъ фонѣ неба. Путники миновали Leadenhall-Sreet, одну изъ лучшихъ и наиболѣе широкихъ улицъ тогдашняго Лондона съ прекрасными богатыми лавками, которыя были закрыты наглухо въ этотъ ранній часъ утра. Отсюда они свернули на площадь и, проѣхавъ еще нѣсколько улицъ и переулковъ, знакомыхъ Джойсу съ ранняго дѣтства, остановились передъ домомъ, нижній этажъ котораго былъ окруженъ лѣсами и повидимому отдѣлялся заново.

— Этотъ домъ сильно пострадалъ во время послѣдняго возмущенія, сказалъ Джойсъ; бунтовщики выломали двери и разбили окна; затѣмъ подоспѣли наши пули, чтобы выгнать негодяевъ изъ чужаго занятаго ими гнѣзда. Между тѣмъ бѣднымъ жителямъ досталось отъ тѣхъ и другихъ. Такъ, бываетъ всегда во время войны; мирнымъ гражданамъ приходится терпѣть отъ друга и недруга...

— Ей, кто-тамъ! кажется наверху огонь.

Дѣйствительно въ одномъ изъ оконъ верхняго этажа былъ видѣнъ мерцающій огонь небольшой лампы, тускло горѣвшей при бѣловатомъ свѣтѣ наступающаго утра. Слабый золотистый отблескъ восходящаго солнца окрашивалъ шпицъ на крышѣ, такъ что теперь можно было ясно различить темныя стѣны и рѣзбу на окнахъ.

— Эй, кто тамъ? крикнулъ еще разъ Джойсъ и, ударивъ кулакомъ о дверь, вернулся на средину улицы. Черезъ минуту отворилось окно и показалась сѣдая голова въ черной ермолкѣ.

— Доброе утро, другъ мой Авраамъ, крикнулъ капитанъ веселымъ голосомъ. — Простите, что такъ рано потревожилъ васъ! Должно быть не больше трехъ часовъ; но солдату не приходится разбирать время. Сдѣлайте одолженіе, сойдите скорѣе внизъ мой почтенный другъ; вы знаете, что вамъ нечего бояться Юргена Джойса!

— Призываю Бога въ свидѣтели, что вы всегда желанный гость въ моемъ домѣ г-нъ Джойсъ, возразилъ старикъ. — Мы еще въ долгу у васъ за Мануэллу! Милости просимъ...

Окно закрылось; вслѣдъ затѣмъ изъ дома вышелъ Авраамъ и дружески пожалъ руку Джойсу, который сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ему на встрѣчу.

— Вотъ я привезъ вамъ раненаго, сказалъ Джойсъ снимая плащъ съ баронета. Дайте ему приютъ въ вашемъ домѣ; у васъ онъ будетъ безопаснѣе, чѣмъ гдѣ либо.

Авраамъ въ первую минуту онѣмѣлъ отъ удивленія, когда уви-

дѣлъ лицо человѣка, который съ такимъ жестокосердіемъ выгналъ его съ семьей изъ своего замка въ бурную дождливую ночь. Непріязненное чувство проснулось въ его сердцѣ; но онъ тотчасъ пересилилъ себя и въ глубинѣ своего набожнаго сердца поблагодарилъ Бога, что ему представляется случай заплатить добромъ за зло.

— Это Чильдерлейскій баронетъ, продолжалъ капитанъ; онъ былъ въ числѣ роялистовъ, которыхъ мы разбили вчера при Клингстонѣ.

— Я тотчасъ же узналъ его, сказалъ Авраамъ;—и обѣщаю вамъ сдѣлать все отъ меня зависящее, чтобы ему было хорошо въ моемъ домѣ.

— Я былъ увѣренъ въ этомъ! Разумѣется онъ нехорошо поступилъ, выгнавъ васъ тогда изъ своего замка вмѣстѣ съ другими плѣнниками; несмотря на проливной дождь, и еще спустилъ на васъ своихъ собакъ... Нужно сказать правду, превосходные псы!.. Разумѣется я не оправдываю этого поступка, но, повѣрьте, онъ въ душѣ хорошій человѣкъ...

— Говорите тише, онъ можетъ услышать! прервалъ Авраамъ и, подойдя къ баронету, осторожно снялъ его съ сѣдла съ помощью Мартина.

Сэръ Товій не узналъ еврея, которому нѣкогда нанесъ такое кровное оскорбленіе; но увидѣлъ съ перваго раза, что онъ принадлежитъ къ ненавистному для него племени. Тѣмъ не менѣе онъ настолько ослабъ физически и нравственно и смирился духомъ, что безпрекословно содласился войти въ его домъ.

— Опирайтесь крѣпче на мою руку сэръ, у меня хватитъ силъ довести васъ! сказалъ Авраамъ и взявъ подъ руку баронета, осторожно повелъ его въ домъ.

— Вы не спрашиваете, кто я и что побудило меня обратиться къ вашему гостепріимству? сказалъ баронетъ.

— Вы больны и устали съ дороги, къ чему стану я еще больше утомлять васъ пустыми вопросами.

— Мое присутствіе въ вашемъ домѣ можетъ навлечь на васъ гнѣвъ высшихъ властей.. Вы будете раскаяваться въ своемъ гостепріимствѣ!

— Не беспокойтесь объ этомъ, сэръ, войдите пожалуйста. Разговоры должны утомлять васъ; здѣсь вы отдохнете немного съ дороги, пока мы приготовимъ вамъ болѣе удобное помѣщеніе.

Съ этими словами хозяинъ дома ввелъ баронета въ свой кабинетъ и, усадивъ въ покойное кресло, удалился. Это была небольшая комната, почти темная въ этотъ часъ утра, съ небольшимъ окномъ, выходившимъ на улицу. Вдоль стѣны на полкахъ виднѣлись книги въ темныхъ кожаныхъ переплетахъ; на столѣ, у котораго сидѣлъ баронетъ, лежала открытая книга и горѣла лампа.

Капитанъ Джойсъ остался внизу съ лошадыю. — Нужно дать отдыхъ Мануэллѣ! разсуждалъ онъ про себя;—она сдѣлала не малый путь; скоро намъ придется возвращаться обратно въ лагерь! Пойдемъ со мной Мартинъ, посмотримъ нельзя ли будетъ добыть овса! Капитанъ привязалъ лошадь на дворѣ и вошелъ въ домъ въ сопровожденіи Мартина.

Между тѣмъ Авраамъ, узнавъ, что его домашніе встали, вышелъ къ нимъ, чтобы сдѣлать распоряженія относительно комнаты для больного и подготовить Мануэллу къ неожиданной встрѣчѣ.

Мануэлла тотчасъ же поспѣшила къ отцу Оливіи, какъ только узнала о постигшемъ его несчастіи. Баронетъ сидѣлъ неподвижно въ креслѣ съ закрытыми глазами, закинувъ назадъ голову. Дневной свѣтъ началъ проникать въ комнату, хотя лампа все еще горѣла распространяя свой тусклый красноватый свѣтъ на корешки книгъ и низкій потолокъ. Мануэлла остановилась на порогѣ, разсматривая знакомыя черты лица чильдерлейскаго владѣльца, которыя напоминали ей лучшее и самое тревожное время ея жизни, пока чувство любви, благодарности и состраданія настолько пересилило ее, что она вслухъ воскликнула: моя бѣдная Оливія!

Эти слова пробудили баронета изъ его болѣзненной дремоты. Онъ открылъ глаза и увидѣлъ Мануэллу, которая опустилась передъ нимъ на колѣни, и, заливаясь слезами, поцѣловала его руку.

— Что это значитъ? спросилъ баронетъ слабымъ голосомъ, дѣлая надъ собою усиліе, чтобы припомнить, гдѣ онъ.—Ты ли это Мануэлла.

— Да, возразила она, самъ Богъ привелъ васъ сюда!

Сознаніе дѣйствительности сразу охватило несчастнаго человѣка съ поразительной ясностью.

— Если Господь послалъ меня сюда, то развѣ для того, чтобы заставить меня выпить до дна чашу горести, воскликнулъ онъ. Лучше было бы изойти кровью въ лѣсу, чѣмъ испытывать тѣ страданія, которыя я выношу теперь... Бѣдная дѣвочка я всегда относился враждебно къ тебѣ...

— Но ваша дочь Оливія всегда любила меня.

— Я почувствовала къ тебѣ неприязнь съ той минуты, какъ ты вошла въ мой домъ... Потому мнѣ казалось, что ты причина охлажденія моей дочери ко мнѣ.

— Какъ только я узнала это, мнѣ не оставалось иного исхода кромѣ разлуки съ Оливіей...

— У меня не было ни малѣйшаго подозрѣнія, что ты еврейка, иначе я никогда не позволилъ бы тебѣ переступить порогъ моего дома.

— Даже при томъ условіи, еслибы я была какъ въ то время, больная, одинокая, всѣми брошенная? спросила Мануэлла.

— Даже тогда! отвѣтилъ сэръ Товій! Вѣроятно Господь нака-

зываетъ меня, что я встрѣчаю состраданіе со стороны тѣхъ людей, къ которымъ всегда относился съ пренебреженіемъ и ненавистью!.. Я даже разсердился на великодушнаго Франциса Виллье, когда онъ началъ защищать тебя. Я былъ увѣренъ, что ты подслушала нашъ разговоръ въ башнѣ и предала насъ...

— Надѣюсь, что вы больше не думаете этого!

— Нѣтъ, клянусь честью! Жалѣю, что не могу повторить этого покойному герцогу Виллье.

— Развѣ онъ умеръ? спросила Мануэлла встревоженнымъ голосомъ.

— Да, его убили на моихъ глазахъ подъ дубомъ, отвѣтилъ съ глубокимъ вздохомъ баронетъ; а братъ его Бокингемъ живъ!

Мануэлла ничего не отвѣтила; только густая краска выступила на ея щекахъ.

— Такъ всегда бываетъ на свѣтѣ, продолжалъ печально баронетъ. Благородные великодушные люди умираютъ преждевременно, потому что они слишкомъ хороши для этого міра! Кругомъ видишь подлость и измѣну, такъ что для честнаго человѣка ничего не остается какъ покончить съ жизнью. Что можетъ его привязывать къ ней? Стоитъ ли жить, чтобы видѣть какъ торжествуютъ негодяи!

— Но у каждаго человѣка есть свои обязанности сэръ и болѣе или менѣе широкой кругъ дѣятельности. У васъ богатое помѣстье, дѣти, собственный домъ!

— Собственный домъ! повторилъ баронетъ. Ты не знаешь Кромвеля. Не сегодня завтра наложенъ будетъ секвестръ на все мое имущество за мою преданность королю. Я оставлю своихъ дѣтей нищими, безъ крова и родины... О Господи, воскликнулъ баронетъ, поднявъ глаза къ небу, услышь мою единственную молитву: жалься надъ моими бѣдными дѣтьми, чтобы я могъ сказать умирая хвала тебѣ!.. Если люди сдѣлали мнѣ зло, то Ты отнял у меня теперь все, что мнѣ было дорого въ жизни!..

Это своеобразное проявленіе набожности тронуло Мануэлла до слезъ. Вы сдѣлали что могли сэръ, сказала она ласково; вы готовы были пожертвовать своими дѣтьми, жизнью, всѣмъ имуществомъ ради убѣжденія. Больше этого нельзя требовать отъ человѣка!

— Но меня мучить, что все это было напрасно и что изъ-за этого еще много будетъ пролито крови... но кто спасетъ короля и приведетъ его въ Уайтголлъ!.. Нѣтъ Мануэлла, все, что ты говорила, не болѣе какъ пустыя утѣшенія, они также дѣйствительны какъ всякія лекарства. О Боже какая боль! воскликнулъ баронетъ, схватившись за грудь; лицо его, раскраснѣвшееся во время разговора, опять покрылось мертвою блѣдностью.

— Что съ вами сэръ? спросила Мануэлла, вы больнѣе, нежели вы думаете! Позвольте мнѣ перевязать вашу рану!..

Она смотрѣла на него съ мольбой своими большими кроткими глазами; въ нихъ выразилось такое непритворное безпокойство и столько искренняго теплаго участія, что баронетъ былъ тронутъ до глубины души. Нѣтъ дитя мое, сказалъ онъ, ласково положивъ руку на голову дѣвушки. Почтенный хозяинъ этого дома вѣроятно призоветъ доктора и онъ перевяжетъ мою рану. Но есть другія раны, которыя еще больнѣе; онѣ излѣчиваются мало по малу, ихъ можетъ облегчить только доброе и искреннее слово участія. Иди дитя мое! Мнѣ нуженъ покой...

Онъ дружески протянулъ ей руку, которую молодая дѣвушка поцѣловала съ нѣжностью, и затѣмъ удалилась изъ комнаты чуть слышными шагами. Сойдя внизъ, она уже не застала Авраама, который поспѣшилъ къ м-ру Никласу, чтобы сообщить ему о случившемся. Онъ считалъ неудобнымъ утаить пребываніе баронета въ своемъ домѣ отъ секретаря Кромвеля, такъ какъ укрывательство одного изъ роялистовъ, стоявшихъ тогда въ открытой враждѣ съ правительствомъ, было немаловажнымъ преступленіемъ, хотя въ то же время ему казалось вполне естественнымъ дать убѣжище больному раненому старику, который никому не могъ сдѣлать вреда. Онъ засталъ своего друга одѣтымъ и за работой, потому что м-ръ Никласъ пользовался отсутствіемъ Кромвеля, чтобы подвинуть свое полемическое сочиненіе въ пользу евреевъ, которое требовало долгаго и внимательнаго изученія Библии, отцовъ церкви, духовныхъ и свѣтскихъ писателей.

М-ръ Никласъ внимательно выслушалъ рассказъ Авраама; но не могъ сразу дать отвѣта, такъ какъ вообще не отличался быстротою соображенія. Наконецъ, послѣ довольно продолжительнаго молчанія, онъ замѣтилъ, что дѣло должно остаться, въ величайшемъ секретѣ, потому что жители Лондонскаго Сити не расположены къ евреямъ и воспользуются первымъ поводомъ, чтобы погубить Авраама и его семью.

— Но само собою разумѣется, добавилъ онъ, нельзя сообразоваться съ узкими понятіями этихъ торгашей! Они и безъ того подняли голову, позволяютъ себѣ разныя выходки противъ друзей свободы; и даже толкуютъ о необходимости опять вступить въ переговоры съ каррисбрукскимъ плѣнникомъ. Дай Богъ, чтобы скорѣе вернулся Кромвель, тогда дѣла примутъ иной оборотъ... Во всякомъ случаѣ другъ мой, я совѣтую вамъ поступать согласно предписаніямъ вашей религіи и положиться на милосердіе Божіе!

— Я такъ и сдѣлаю! сказалъ Авраамъ и взявъ адресъ доктора, отправился къ нему, между тѣмъ какъ м-ръ Никласъ вновь принялся за работу.

Въ это время вошло солнце и освѣтило своими золотистыми лучами гостепріимный домъ: въ Duke-Street'ѣ, гдѣ чильдерлейскій баронетъ нашелъ себѣ вѣрный пріютъ послѣ всѣхъ испытан-

ныхъ имъ волненій и утомительной походной жизни подъ открытымъ небомъ. Хотя нижній этажъ дома еще былъ окруженъ лѣсами съ наружной стороны, но внутри его ничего не напоминало о недавнемъ погромѣ. Комнаты имѣли прежній уютный видъ; сквозь свѣтлыя окна глядѣло голубое утреннее небо. Спокойно и тихо было во всемъ домѣ; здѣсь снова жили люди довольные своей судьбой.

Но всѣхъ счастливѣе и довольнѣе въ это утро казался капитанъ Юргенъ Джойсъ, когда онъ съ помощью Мартина, притащилъ на дворъ цѣлый мѣшокъ отборнаго овса и поставилъ передъ лошадью. Затѣмъ, снявъ съ нее сѣдло, онъ съ умиленіемъ смотрѣлъ, какъ голодное животное принялось за ѣду.

Мануэлла застала его за этимъ занятіемъ.

— Мой дорогой другъ, сказала она, протягивая ему обѣ руки, наконецъ-то я отыскала васъ. Надѣюсь, что вы погостите у насъ?..

Но капитанъ Джойсъ не слушалъ ее: Посмотрите, какой у ней аппетитъ! воскликнулъ онъ, указывая на лошадь, голова которой была наполовину зарыта въ овсѣ.

Въ эту минуту Мануэлла увидѣла Мартина Бумпуса, сидѣвшаго на каменной скамьѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ лошади. Она ласково поздоровалась съ нимъ и спросила объ Оливіи.

— Что вамъ сказать на это миссъ! отвѣтилъ Бумпусъ, который былъ въ самомъ мрачномъ настроеніи духа. Она осталась одна въ огромномъ пустомъ замкѣ; и вѣроятно испугается не на шутку, когда узнаетъ, что случилось съ нашимъ баронетомъ!

Мануэлла задумчиво опустила глаза.

— Вѣроятно ее ожидаетъ еще другое несчастіе, продолжалъ Бумпусъ; скоро въ замокъ явятся эти проклятые круглоголовые и выгонятъ ее на улицу!

— Я просилъ бы тебя не выражаться такимъ образомъ въ моемъ присутствіи, замѣтилъ капитанъ.

— Развѣ я говорю неправду? проворчалъ Мартинъ. Посмотрѣли бы вы, что они сдѣлали съ нашей красивой деревенской церковью! У меня просто сердце обливается кровью, когда я подумаю, что тоже будетъ и съ Чильдерлейскимъ замкомъ...

На то война! возразилъ хладнокровно капитанъ. Сегодня торжествуютъ одни, завтра другіе. Если бы ты Мартинъ служилъ, какъ я подѣ начальствомъ Тилли и видѣлъ, что дѣлалось въ Германіи, то убѣдился бы, что сравнительно съ этимъ здѣшняя война дѣтская забава... Повѣрьте моя дорогая миссъ, что Мартинъ голоденъ; и поэтому смотреть на все сквозь черные очки; дайте ему поѣсть и вы увидите, что онъ сдѣлается другимъ человѣкомъ!

Мануэлла пригласила обоихъ собесѣдниковъ въ комнату нижняго этажа и подала имъ обильный завтракъ, который одинаково

пришелся по вкусу побѣдителю и побѣжденному, тѣмъ болѣе, что передъ ними стояла большая кружка вина.

Вскорѣ послѣ того пришелъ Авраамъ съ извѣстіемъ, что докторъ обѣщалъ навѣстить больного. Капитанъ Джойсъ, поговоривъ немного съ хозяиномъ, всталъ изъ-за стола чтобы отправиться въ обратный путь. Онъ вышелъ на дворъ и, вычистивъ лошадь, привязалъ къ сѣдлу мѣшокъ съ оставшимся овсомъ.

— Теперь ты сыта, сказалъ онъ обращаясь къ лошади, а это мы возьмемъ съ собою! Солдатъ не долженъ ничѣмъ пренебрегать; сегодня онъ и лошадь сыты по горло, а завтра они должны умирать отъ голоду!..

Затѣмъ, Джойсъ подошелъ къ Аврааму, который вышелъ изъ дому съ Мануэллой, чтобы проводить его: — До свиданія мои дорогие друзья, сказалъ онъ. Вы не пожалѣете, что дали приютъ этому несчастному баронету! Васъ поблагодарить за это человѣкъ важнѣе меня, бѣдняка!..

Авраамъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на капитана.

— Разумѣется, я ничего не могу обѣщать за него, продолжалъ Джойсъ; но онъ узнаетъ о вашемъ великодушномъ поступкѣ, и при случаѣ не забудетъ васъ.

— Это не можетъ быть Кромвель, замѣтилъ Авраамъ, онъ теперь въ походѣ!..

— Я и не думаю говорить о немъ!

— Вѣроятно вашъ полковникъ, Франкъ Гербертъ! сказала Мануэлла, положивъ свою руку на плечо капитану.

— Моя дорогая миссъ, возразилъ онъ, не спрашивайте меня! Вы знаете, что можете заставить меня выболтать все, что вамъ угодно. Не требуйте этого! Я не имѣю права отвѣтить на вашъ вопросъ.

Мануэлла замолчала; но улыбка, освѣтившая ея очаровательное личико и блескъ темныхъ глазъ, ясно показывали, что она не сомнѣвается въ справедливости своей догадки. — Если Оливія дѣйствительно обязана спасеніемъ своего отца Франку Герберту, думала она, то еще не все потеряно! Естественно, что Гербертъ желаетъ сохранить тайну: полковнику Кромвелевской арміи небезопасно спасти жизнь человѣку, который замѣшанъ въ заговорѣ роялистовъ и поднялъ оружіе противъ правительства. Во всякомъ случаѣ, я никому не скажу объ этомъ, даже Оливіи..

Капитанъ Джойсъ сѣлъ на лошадь. — Прощайте, до свиданія, крикнулъ онъ и, закуривъ трубку, выѣхалъ изъ воротъ. Вскорѣ онъ повернулъ въ одну изъ ближайшихъ улицъ и скрылся изъ виду.

Между тѣмъ, больного уложили въ постель въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ дома, которая была приготовлена для него. Она была въ верхнемъ этажѣ. Отсюда открывался видъ на крыши и

далекій горизонтъ; въ то время онъ еще не былъ закрытъ облаками дыма и массой каменныхъ строеній. Сидя въ комнатѣ, можно было видѣть рядъ холмовъ, которые тянутся съ востока на сѣверъ; по вечерамъ ихъ освѣщала отблескъ заходящаго солнца. Черезъ открытыя окна весной и лѣтомъ комната наполнялась запахомъ цвѣтовъ и свѣжей зелени. Нынѣшній лондонскій житель невольно улыбнется при одной мысли, что можно дышать чистымъ воздухомъ и любоваться небомъ въ такихъ населенныхъ пунктахъ города, какъ «Duke's Place» или «Pettycoat-Lane». Но въ тѣ времена было не то, что теперь. Въ комнатѣ больнаго баронета было свѣтло и прохладно съ ранняго утра до заката солнца. Изъ оконъ виднѣлся былъ прекрасный ландшафтъ, на величественную зеленую равнину, которая начиналась тотчасъ за городской стѣной. Всюду виднѣлись сады и павильоны; между ними извивалась серебристая рѣчка, текущая въ Темзу; вдали на вершинѣ холмовъ стояли вѣтряныя мельницы и при малѣйшемъ вѣтрѣ размахивали своими широкими крыльями.

Пришелъ докторъ, тщательно осмотрѣлъ больнаго и сдѣлалъ перевязку. По его мнѣнію, рана баронета не приняла бы такого дурнаго оборота, еслибы ему въ-время была оказана помощь; но что теперь, отъ сильной потери крови, болѣзнь будетъ очень продолжительная. Хотя онъ не терялъ надежды на выздоровленіе при хорошемъ уходѣ, но совѣтовалъ оберегать больнаго отъ всякихъ волненій, такъ какъ онъ настолько истощенъ, что не вынесетъ ихъ. Тѣмъ не менѣе, когда Авраамъ попросилъ дозволенія послать за дочерью баронета, то докторъ изъявилъ согласіе и замѣтилъ только, что больной, вѣроятно, не узнаетъ ее, такъ какъ, по нѣкоторымъ признакамъ, для него скоро наступитъ періодъ полного безпамятства.

Мартинъ Бумпусъ сильно огорчился, когда Авраамъ, послѣ ухода доктора, объявилъ ему, что не можетъ позволить ему проститься съ баронетомъ.

— Мы никогда не разставались съ нимъ, какъ въ хорошіе, такъ и въ дурные дни нашей жизни, возразилъ вѣрный слуга со слезами на глазахъ. Теперь вы не хотите даже позволить мнѣ взглянуть на него!

— Вы можете пріѣхать сюда, когда ему будетъ лучше, сказалъ въ утѣшеніе Авраамъ. Ему нуженъ покой. Никто не будетъ видѣть баронета, кромѣ доктора и немногихъ лицъ, необходимыхъ для ухода за нимъ. Впрочемъ, если вы хотите, то можете оказать своему господину большую услугу. Докторъ позволилъ пригласить сюда дочь баронета—не согласитесь ли вы съѣздить за нею?

— Разумѣется, это самое лучшее, что можно придумать, возразилъ Бумпусъ. Круглоголовые негодяи вѣроятно нападутъ на прекрасный Чильдерлейскій замокъ и разорятъ его до тла, какъ

это они сдѣлали съ замками другихъ дворянъ, преданныхъ королю! Я хотѣлъ было предложить миссъ Оливіи переѣхать на мою мельницу, потому что буря всегда ломаетъ большія деревья и щадить низкій кустарникъ. Дочь баронета была бы полной госпожей въ моемъ домѣ! Мартинъ Бумпусъ никогда не забудетъ благодарный Чильдерлейскаго дома.... Но дѣлать нечего! Если миссъ Оливія пожелаетъ пріѣхать сюда, то вы можете быть увѣрены, что я съ величайшею готовностью провожу ее и доставлю въ цѣлости....

Въ тѣ времена въ Англіи, какъ и вездѣ, путешествовали довольно медленно, а тѣмъ болѣе въ описываемую пору, гдѣ нерѣдко приходилось сдѣлать большой объѣздъ, чтобы избѣгнуть близости осажденнаго города или не попасть на встрѣчу безчисленнымъ проходившимъ войскамъ. Такимъ образомъ, прошло больше недѣли, пока Мартинъ Бумпусъ и дочь баронета добрались до Лондона. Около полудня они вѣхали въ Duke-Street и остановились передъ домомъ еврея Авраама. Мануэлла, увидя ихъ изъ окна, выбѣжала на встрѣчу; обѣ подруги заключили другъ друга въ объятія со слезами радости. Оливія спросила объ отцѣ и съ замраніемъ сердца послѣдовала за Мануэллой, которая повела ее въ верхній этажъ дома и, пройдя нѣсколько комнатъ, остановилась передъ полуоткрытою дверью.

— Онъ живъ, сказала Мануэлла, войди, чего ты боишься?

Оливія вошла въ спальню, гдѣ сквозь опущенныя гардины проникалъ матовый дневной свѣтъ. Она опустила молча на колѣни передъ постелью отца, который лежалъ въ бреду и не узналъ ее.

ГЛАВА VIII.

Вѣсти съ родины.

Между тѣмъ великія міровыя событія безостановочно слѣдовали одни за другими. Въ Англіи ходъ ихъ былъ быстрѣе, чѣмъ гдѣ либо, такъ какъ ихъ двигала рука такого гениальнаго человѣка, какъ Оливеръ Кромвель. Все войско было проникнуто его духомъ, воодушевлено его энергіей, даже тамъ, гдѣ онъ не присутствовалъ лично.

Возмущеніе въ Сити было подавлено, хотя жители его были недовольны по-прежнему и только выжидали первой возможности, чтобы сбросить съ себя иго, которое тяготѣло надъ ихъ душами и кошельками. Имъ приходилось платить тяжелые налоги; они

проклинали войну и ненавидѣли Кромвеля. Вся ихъ надежда была на партію мира, которая начала возвышать свой голосъ въ парламентѣ, и на Каррисбрукъ, гдѣ все еще томился плѣнный Стюартъ. Дѣла несчастнаго монарха шли хуже со дня на день, какъ за границей, гдѣ всего больше вредили ему раздоры эмигрантовъ и измѣна, такъ и въ самой Англіи. Каждое предпріятіе приверженцевъ короля обращалось въ пользу его враговъ, вслѣдствіе ли дурнаго выполненія или того, что оно недостаточно созрѣло. Половина кораблей перешла на сторону короля, между тѣмъ какъ осталъная часть флота защищала противъ нихъ берега Англіи. Въ это время начинало входить въ славу имя адмирала Блэка, который очистилъ проливъ отъ эмигрантовъ и измѣнниковъ отечества и привелъ въ трепеть сосѣднія націи, которыя готовы были предложить свои услуги для усмиренія Англіи.

Небольшое войско графа Голланда, какъ мы видѣли выше, было разбито близъ Кингстона. Весьма немногіе изъ кавалеровъ спасли свою жизнь бѣгствомъ и вмѣстѣ съ Бокингемомъ отправились во Францію, которая въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій служила убѣжищемъ недовольныхъ, напрасно искавшихъ у ней помощи и средствъ для мести. Самъ графъ Голландъ попался въ плѣнъ, а вслѣдъ затѣмъ и лордъ Кемплъ при взятіи Колчестера. Югъ Англіи былъ усмиренъ; наступила очередь сѣвера: неприступныя стѣны Пемброка пали передъ батареями Кромвеля. Отсюда побѣдитель отправился на встрѣчу шотландской арміи, которая восьмого іюля переправилась черезъ Твидъ. Шотландцы потерпѣли пораженіе въ двухъ кровавыхъ битвахъ; большая часть ихъ была ранена, убита и взята въ плѣнъ. Все это было дѣломъ одной недѣли. Мѣсяць спустя знамя Кромвеля развѣвалось на одномъ изъ домовъ главной улицы Эдинбурга, между Голирудомъ, стариннымъ наслѣдственнымъ замкомъ Стюартовъ, и цитаделью Кастль-Гилль. Герцогъ Гамильтонъ былъ также взятъ въ плѣнъ и вскорѣ послѣ того вошелъ на эшафотъ вмѣстѣ съ графомъ Голландъ и лордомъ Кемплъ: всѣ трое умерли смертью государственныхъ измѣнниковъ отъ руки палача. Изъ главныхъ участниковъ заговора получилъ пощаду одинъ графъ Лаудердалъ, который удалился въ горы и впослѣдствіи эмигрировалъ на континентъ.

Все это совершилось въ немногіе лѣтніе и осенніе мѣсяцы; но въ то время, когда пушки гремѣли отъ одного конца Англіи до другого, отъ Уэльса до горныхъ ущелій Шотландіи, ничто не долетало до слуха Чильдерлейскаго баронета, и въ его спальнѣ царилъ прежняя тишина. Онъ долго находился въ безпамятствѣ, послѣ чего наступилъ полный упадокъ силъ. Прійдя въ себя, онъ очень обрадовался, когда увидѣлъ Оливію; но сильная слабость помѣшала ему выразить то, что онъ чувствовалъ. Выздоровленіе наступало крайне медленно, тѣмъ болѣе, что баронетъ былъ уже

человѣкъ пожилой; докторъ постоянно просилъ, чтобы ему не общали никакихъ извѣстій, которыя бы могли встревожить его; что и было исполнено въ точности, тѣмъ болѣе, что это не представляло особеннаго труда. Баронетъ, повидимому, нисколько не интересовался тѣмъ, что дѣлалось на свѣтѣ, или по крайней мѣрѣ никогда не говорилъ объ этомъ. Онъ не дѣлалъ никакихъ вопросовъ и даже съ какой-то боязнью избѣгалъ всего, что могло навести разговоръ на текуція событія. Въ немъ не осталось и слѣда прежней веселости, а также и прежней вспыльчивости. Никто, глядя на этого дряхлаго старика, тяжело опирающагося на палку, не узналъ бы прежняго молодцоватаго и бодрого владѣльца Чильдерлейскаго замка, любившаго хорошій столъ, стаканъ хорошаго вина и веселое общество. Онъ не сталъ ни печальнѣе, ни мрачнѣе, но какъ-то весь затихъ. Казалось, что онъ сдѣлался безучастенъ и глухъ ко всему, что нѣкогда наполняло его сердце. Въ то же время его прежняя антипатія къ евреямъ повидимому прошла безслѣдно; онъ сталъ относиться крайне дружелюбно ко всѣмъ членамъ семьи Авраама и особенно къ послѣднему. На блѣдныхъ губахъ его появлялась ласковая улыбка, когда онъ жаль руку почтенному хозяину дома. Этотъ съ своей стороны постоянно обращался съ нимъ какъ съ почетнымъ гостемъ, который дѣлаетъ честь его дому своимъ присутствіемъ. Возвращаясь домой изъ конторы, которая находилась въ одномъ изъ сосѣднихъ домовъ, въ домъ Леона-дель Бланко, онъ прежде всего заходилъ къ больному и справлялся объ его здоровьи, и кромѣ того проводилъ съ нимъ всѣ свободные вечера.

Каждое послѣобѣда, когда баронетъ дремалъ въ своемъ креслѣ, стоявшемъ въ углубленіи комнаты, Оливія и Мануэлла сажались у окна, изъ котораго открывался видъ на крыши Сити и далекій горизонтъ. Это были для нихъ лучшіе часы дня, такъ какъ здѣсь никто не слышалъ ихъ разговора и онѣ могли высказывать другъ другу свои завѣтныя мечты. Между ними завязывалась непринужденная задушевная болтовня молодыхъ красивыхъ дѣвушекъ, испытавшихъ любовь и ея страданія. Одна изъ нихъ могла оплакивать утраченное счастье; другая никогда не испытала его; каждая изъ нихъ пережила тяжелые дни, пролила втайнѣ не мало горькихъ слезъ; но обѣ были настолько молоды, что горе пока не оставило никакихъ слѣдовъ на ихъ лицахъ.

— Меня удивляетъ мое спокойное настроеніе духа, сказала Оливія вполголоса. Ничто не измѣнилось въ моемъ положеніи, и оно даже стало хуже, чѣмъ въ прошломъ году; но если Господь продлитъ жизнь отца и мы время отъ времени будемъ получать извѣстія отъ брата, то я буду довольна своей судьбой!

— Да, потому что ты здѣсь окружена людьми, которые любятъ тебя; и что всего важнѣе—это добрые люди въ полномъ значеніи

этого слова; они всего скорѣе могутъ вылечить насъ отъ снѣдающей глубокой тоски. Мнѣ кажется, что доброта—главное преимущество чловѣка надъ животнымъ! Мы всего чаще встрѣчаемъ полное равнодушіе и эгоизмъ; но тѣмъ не менѣе добрые люди несомнѣнно существуютъ на свѣтѣ, и счастливы тотъ, кого судьба столкнетъ съ ними.

— Ты права, моя дорогая! сказала Оливія, пожимая руку своей подругѣ. Никогда не чувствовала я себя такой одинокой и безпомощной, какъ въ прошлую осень. Замокъ и паркъ, въ которыхъ прошло мое дѣтство, казались мнѣ чужими. Все напоминало мнѣ объ утраченномъ счастьѣ, и нигдѣ не находила я успокоенія. Отецъ смотрѣлъ на меня печальными глазами; я должна была скрывать отъ него свои слезы... Можетъ ли быть что мучительнѣе этого! Мое сердце разрывалось на части...

— Но развѣ докторъ Гевитъ не былъ тогда въ Чильдерлеѣ?

— Нѣтъ, другой священникъ былъ присланъ на его мѣсто и жилъ въ приходскомъ домѣ. Я не видала Гевита съ того дня, какъ онъ уѣхалъ изъ Чильдерлея въ свитѣ короля вмѣстѣ съ Джономъ, въ качествѣ придворнаго капеллана. Несчастный Стюартъ погубилъ ихъ обоихъ, приблизивъ ихъ къ себѣ! Мы всѣмъ пожертвовали для него... Гевитъ исполнялъ свою новую должность до той минуты, когда короля заперли въ Каррисбрукъ; я слышала, что онъ нашель убѣжище у своего друга графа Линдзeya. Что же касается моего бѣднаго брата, то онъ до сихъ поръ бродитъ по лѣсамъ или быть можетъ скрывается въ замкѣ которагонибудь изъ дворянъ, пока для него не представится случай уѣхать изъ Англіи!... Такъ, всё разсѣялись по свѣту, не зная ничего другъ о другѣ! Неизвѣстно, удастся ли мнѣ увидѣть опять когданибудь могилу моей матери!... Оливія заплакала при послѣднихъ словахъ.

— Ты счастливѣе меня, Мануэлла, продолжала она, потому что умѣешь владѣть собой! Я чувствую себя ребенкомъ сравнительно съ тобою!... Никогда не слыхала я отъ тебя ни малѣйшей жалобы, хотя ты живешь между чужими людьми и давно не получала никакихъ вѣстей съ родины!

— Я старалась мало по малу пріучить себя къ мысли, что меня забыли тѣ люди, которыхъ я любила и всегда буду любить. Но сердце мое возмущалось противъ этого; меня мучило томительное желаніе оправдаться передъ родными и доказать, что они напрасно обвинили меня. Эта мысль неотступно преслѣдовала меня; я изнывала отъ нетерпѣнія и досады, что не могу исполнить своей завѣтной мечты... Наконецъ, разсудокъ заговорилъ во мнѣ; я убѣдилась, что подобная бесплодная борьба ведетъ только къ недовольству собою и другими, и это успокоило меня! Съ другой стороны постоянная работа, которой я старалась занять себя, также пособствовала тому, что я, наконецъ, справилась съ собою...

— Неужели ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что тебя забыли на родинѣ!

— Нѣтъ, теперъ я не думаю этого, потому что сама всегда вспоминаю о нихъ съ любовью. Нельзя забыть тѣхъ, кто былъ когда-то дорогъ нашему сердцу! Можно разсердиться на такого человѣка, даже отречься отъ него, но воспоминаніе о немъ никогда не изгладится въ нашемъ сердцѣ...

— Это плохое утѣшеніе! возразила Оливія съ глубокимъ вздохомъ. Мысль, что Франкъ не забылъ о моемъ существованіи, никогда не могла успокоить меня!

— Во всякомъ случаѣ, ты не должна жаловаться на судьбу, моя дорогая! сказала съ живостью Мануэлла. Я не могу представить себѣ большаго счастья, какъ быть любимой такимъ человѣкомъ, какъ Франкъ Гербертъ. Этого достаточно, чтобы наполнить сердце на всю жизнь!... Мы видимъ постоянныя переменны въ природѣ; одно занимаетъ мѣсто другаго; но наше сердце остается всегда тоже, какъ говоритъ капитанъ Джойсъ...

— Въ эту минуту проснулся баронетъ и прервалъ бесѣду обѣихъ дѣвушекъ.

Такъ проходили дни и недѣли, почти также незамѣтно, какъ облака на небѣ. Кончилось лѣто съ его продолжительными солнечными днями и голубыми вечерами; наступила осень и окрасила въ пурпуръ и золото листья деревьевъ. Все чаще и чаще поднимался туманъ; лиль проливной дождь; вѣтеръ разносилъ по землѣ падающіе листья. Обнажились сады; почернѣла трава на холмахъ.

Наступила глухая осень. Въ одинъ изъ холодныхъ пасмурныхъ дней въ послѣобѣденное время, обѣ дѣвушки, по своему обыкновенію, сидѣли у окна; баронетъ дремалъ въ креслѣ; ноги его были покрыты одѣяломъ выше колѣнъ. Сонъ его былъ крѣпче и продолжительнѣе прежняго; когда онъ приходилъ въ себя, то казалось, что съ каждымъ днемъ онъ становится безучастнѣе ко всему, что было внѣ узкой, окружавшей его сферы. Если бы Мартинъ Бумбусъ увидѣлъ своего бѣднаго господина такимъ тихимъ и смиреннымъ, какимъ онъ былъ теперъ, то это произвело бы на него болѣе сильное впечатлѣніе, нежели самая шумная вспышка гнѣва Чильдерлейскаго баронета въ былыя времена. Не даромъ онъ прислуживалъ ему столько лѣтъ за столомъ и наливалъ вино въ стаканъ. Онъ лучше зналъ баронета, нежели его собственная дочь. Но Мартинъ былъ далеко, а всѣ тѣ, которые окружали баронета, находились въ заблужденіи, принимая за выздоровленіе то, что было признакомъ еще болѣе тяжелой болѣзни. Баронетъ никому не говорилъ о своихъ нравственныхъ страданіяхъ, которыя увеличивались по мѣрѣ того, какъ возвращались физическія силы. Но о полномъ выздоровленіи не могло быть и рѣчи, такъ какъ внутренняя происходившая въ немъ борьба истощала его

тѣмъ сильнѣе, что скрытность была противна его природѣ. Онъ все помнилъ и болѣе, чѣмъ когда-нибудь, горевалъ о томъ, что дѣло, для котораго онъ принесъ столько жертвъ, проиграно безвозвратно. Хотя никто не сообщалъ ему никакихъ новостей, но онъ угадалъ это инстинктомъ человѣка, всѣ мысли котораго обращены на одинъ занимающій его предметъ. Чрезмѣрная душевная дѣятельность, доведенная до крайней степени напряженія, ослабила его тѣло, такъ что онъ нерѣдко закрывалъ глаза, чтобы собраться съ силами. Окружающіе радовались, что больной началъ спать днемъ нѣсколько часовъ сряду, не зная главной причины и не подозрѣвая, что этотъ сонъ можетъ незамѣтно перейти въ вѣчный непробудный сонъ смерти.

Обѣ дѣвушки были заняты шитьемъ. Пасмурно было въ комнатѣ и на дворѣ. Сумерки боролись съ дневнымъ свѣтомъ, хотя былъ всего третій часъ пополудни. Небо тяжело нависло надъ землей; мимо оконъ съ громкимъ карканьемъ пролетѣла стая воронъ. Даже огонь въ каминѣ горѣлъ тусклымъ непривѣтливымъ свѣтомъ.

Кто-то постучалъ въ дверь; Оливія встала, чтобы отворить ее. Это былъ Авраамъ, который вошелъ тихими шагами, чтобы не разбудить больного. Мануэлла также поднялась съ своего мѣста, потому что хозяинъ дома всегда былъ въ конторѣ въ этотъ часъ дня; но она ничего не могла прочесть на его ясномъ спокойномъ лицѣ.

— Дитя мое, сказалъ онъ положивъ ласково руку на голову Мануэллы; ты долго и не напрасно ждала! Никто не слышалъ отъ тебя ропота на судьбу; Господь внялъ твоимъ молитвамъ. Сойдемъ внизъ, тамъ ждетъ человѣкъ, который принесъ тебѣ вѣсти съ родины.

Мануэлла поблѣднѣла.

— Кто пріѣхалъ? спросила она съ усиліемъ дрожащимъ взволнованнымъ голосомъ.

— Пойдемъ, моя дорогая! повторилъ Авраамъ.

Молодая дѣвушка молча послѣдовала за нимъ.

ГЛАВА IX.

Другъ дѣтства.

Когда Мануэлла и Авраамъ вошли въ пріемную, то здѣсь уже были зажжены свѣчи и въ каминѣ горѣлъ яркій огонь. У окна стоялъ молодой человѣкъ въ длинной запыленной одеждѣ, которую

онъ не успѣлъ перемѣнить съ дороги. Волосы его были въ безпорядкѣ; дорожный плащъ лежалъ рядомъ съ нимъ на стулѣ. Блѣдное смущенное лицо его выражало нетерпѣніе.

Мануэлла узнала его съ перваго взгляда.

— Самуиль! воскликнула она, не помня себя отъ радости и заливаясь слезами. Она хотѣла броситься къ нему на встрѣчу, но не въ состояніи была двинуться съ мѣста.

Это былъ Самуиль-бень-Израэль, люимый другъ ея дѣтства. Онъ почти не измѣнился со времени ихъ разлуки: у него было тоже некрасивое, но безконечно доброе лицо, съ задумчивыми и искренними глазами и широкимъ ртомъ, который также неловко улыбался, но казалось не въ состояніи былъ произнести слово лжи. Даже фигура была почти та же, что и прежде: длинная, тонкая, неуклюжая и вмѣстѣ съ тѣмъ привлекательная, съ застѣнчивыми угловатыми манерами.

Мануэллѣ было пріятно видѣть передъ собой прежняго Самуила; только борода его стала гуще и имѣла болѣе свѣтлый рыжеватый оттѣнокъ, нежели волосы. Ей казалось, что ни что не раздѣляло ее съ прошлымъ; опомнившись отъ перваго впечатлѣнія неожиданности, она поспѣшно подошла къ нему и протянула обѣ руки.

— Какъ я рада, что ты пріѣхалъ! Сколько лѣтъ мы не видѣлись съ тобой! сказала она нѣжнымъ дружескимъ тономъ, пожимая его стлявую, похолодѣвшую руку Самуила.

Юноша не рѣшался поднять на нее глазъ. Неужели эта молодая дѣвушка, стоявшая передъ нимъ во всемъ блескѣ своей ослѣпительной южной красоты, была та самая Мануэлла д'Акоста, которую онъ зналъ почти ребенкомъ въ Амстердамѣ! Мысли путались въ его головѣ отъ прикосновенія ея нѣжныхъ пальцевъ; онъ чувствовалъ на себѣ взглядъ ея большихъ задумчивыхъ глазъ, устремленныхъ на него. Онъ не видѣлъ ее болѣе трехъ лѣтъ, но не переставалъ думать о ней; ея образъ постоянно представлялся его воображенію. Но это былъ образъ прежней Мануэллы, а не той, которую онъ встрѣтилъ теперь. Она была чужая для него. Все измѣнилось въ ней: фигура, манеры, даже голосъ, который сталъ какимъ-то серебристымъ; въ немъ слышались новыя незнакомыя для него ноты.

Наконецъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, онъ нерѣшительно спросилъ ее:

— Могу ли я, по прежнему, называть тебя Мануэллой?

Молодая дѣвушка, вмѣсто отвѣта, бросилась на шею своему другу юности и поцѣловала его въ лобъ.

Тутъ подошелъ хозяинъ дома, который до этого стоялъ въ сторонѣ, и дружески пожавъ руку юношѣ, сказалъ:

— Душевно радъ, что Богъ привелъ меня увидѣть сына знаменитаго раввина Менассіи-бень-Израэля! Прощу васъ считать мой

домъ своимъ домою все время, пока вы останетесь въ Лондонѣ; онъ будетъ открытъ для васъ съ утра до поздней ночи, а для ночлега я могу предложить вамъ домъ моего зятя Леонъ-дель-Бланко: у него особая комната для прїѣзжающихъ.

Самуиль вѣжливо поблагодарилъ почтеннаго старика за его радушіе и сказалъ, что съ радостью воспользуется позволеніемъ бывать въ его домѣ, но долженъ отказать отъ ночлега, такъ какъ уже нанялъ себѣ помѣщеніе по близости того дома, гдѣ остановились его спутники. При этомъ онъ сообщалъ, что прїѣхалъ вмѣстѣ съ посольствомъ изъ Амстердама въ качествѣ переводчика, и, что посламъ поручено вступить въ переговоры съ парламентомъ отъ имени Генеральныхъ штатовъ относительно жизни и безопасности короля Карла.

— Штаты предлагаютъ такія выгодныя условія, что можно съ нѣкоторымъ основаніемъ рассчитывать на успѣхъ переговоровъ, продолжалъ бень-Израэль. Но вы не можете себѣ представить съ какими затрудненіями мы попали сюда, не столько изъ-за дурной погоды, какъ вслѣдствіе того, что всѣ англійскія гавани были заперты. Посламъ пришлось долго объясняться и предъявить свои бумаги, прежде чѣмъ ихъ пропустили сюда.

— Мы переживаемъ тяжелыя времена, возразилъ Авраамъ. Весь городъ въ напряженномъ состояніи. Всѣ ждуть чего-то необыкновеннаго и тяжелаго... Само собою разумѣется, что въ случаѣ народнаго возмущенія евреи будутъ въ числѣ первыхъ жертвъ. Вся наша надежда на то, что Богъ Израила не оставитъ насъ и будетъ судить не по грѣхамъ нашимъ, а по своему неизрѣченному милосердію!.. Теперь, дѣти мои, я оставляю васъ, такъ какъ вы, вѣроятно, желаете поговорить наединѣ послѣ такой продолжительной разлуки.

Авраамъ ушелъ. Мануэлла усадила гостя на скамью, стоящую у камина и сѣла рядомъ съ нимъ.

— Самуиль, сказала она послѣ минутнаго молчанія, я была увѣрена, что всѣ забыли меня, кромѣ тебя..

— Ты права относительно меня, но несправедлива къ другимъ, возразилъ бень-Израэль. Можетъ ли отецъ разлюбить свою родную дочь, какъ бы не было велико ѳгорченіе, которое она причинила ему!

Мануэлла заплакала.

— Развѣ ты говорилъ съ нимъ обо мнѣ?

— Нѣтъ! Онъ не допустилъ бы до этого. Съ того же дня, какъ онъ оплакалъ потерю единственной дочери, никто не слыхалъ отъ него твоего имени.

— Значитъ, онъ считаетъ меня виновной?

— Что тебѣ сказать на это? Всѣ улики были противъ тебя! Представь себѣ то униженіе, которое долженъ былъ испытать этотъ

гордый человекъ, когда по всему городу распространился слухъ, что дочь знатнаго Джозе д'Акоста, помолвленная за одного изъ самыхъ богатыхъ людей въ Амстердамѣ, сбѣжала наканунѣ свадьбы съ герцогомъ Бокингемомъ, человекомъ не нашего племени!

Мануэлла печально опустила голову.

— Вообрази себѣ тотъ стыдъ, который чувствовали всѣ близко знавшіе тебя! Никто не могъ сказать слова въ твою защиту.

— Никто? даже ты, другъ моего дѣтства?..

— Даже я! отвѣтилъ Самуилъ спокойнымъ голосомъ. Мало-помалу застѣнчивость его исчезла и уступила мѣсто сознанию собственнаго достоинства; но онъ видимо слѣдилъ за каждымъ своимъ словомъ, чтобы не оскорбить молодую дѣвушку своею откровенностью. Ты знаешь наша дружба началась съ ранняго дѣтства; я былъ увѣренъ, что Мануэлла д'Акоста не отступитъ отъ чести. Но свѣтъ справедливо произнесъ надъ тобой свой приговоръ! Онъ судитъ на основаніи того, что видитъ; хотя я зналъ, что ты не виновата въ томъ, въ чемъ обвиняютъ тебя, но долженъ былъ молчать. Моя защита могла только повредить тебѣ.

— Спасибо тебѣ за твои добрыя слова Самуилъ, я никогда не сомнѣвалась въ твоей дружбѣ, и вѣрю, что ты не могъ защитить меня! Разумѣется, я не стану оправдывать своего легкомысленнаго поступка, еслибы я была тогда старше и опытнѣе, то вѣроятно придумала бы другой способъ, чтобы избѣгнуть брака съ Мигуэлемъ. Но скажи мнѣ: считаешь ли ты справедливымъ, чтобы изъ-за этого я подверглась такой жестокой карѣ и навсегда лишена была возможности вернуться въ родительскій домъ? Неужели все кончено для меня!

— Нѣтъ, я не думаю этого, но ты одна можешь оправдать себя и возстановить репутацію.

— Врядъ ли это такъ, сказала нерѣшительно Мануэлла,—я писала твоему отцу, но онъ не удостоилъ меня отвѣта...

— Я могу доказать противное, потому что отецъ немедленно отвѣтилъ тебѣ и поручилъ мнѣ передать это письмо.

Руки Мануэллы дрожали отъ радости, когда она взяла письмо, но на лицѣ ея выразилось недоумѣніе.—Объясни мнѣ пожалуйста, сказала она, какъ это могло случиться, что письмо, которое я передала въ вѣрныя руки, такъ поздно дошло до васъ?

— Все это время ни меня, ни отца не было въ Амстердамѣ, отвѣтилъ Самуилъ.—Старшій братъ мой Іосифъ отправился въ Польшу по дѣламъ отца; вскорѣ послѣ того мы получили извѣстіе, что онъ при смерти и послѣшили къ нему. Это былъ длинный и утомительный путь, такъ какъ нужно было проѣхать всю Германію. Мы застали брата въ живыхъ, но не надолго, онъ умеръ на рукахъ отца...

— Какъ! Іосифъ умеръ! воскликнула Мануэлла.—Воображаю себѣ горе почтеннаго раввина!—это былъ его любимый сынъ.

— Отецъ совсѣмъ упалъ духомъ. Послѣ того намъ пришлось прожить нѣсколько мѣсяцевъ въ Польшѣ для исполненія извѣстныхъ формальностей, а также для того, чтобы привести въ порядокъ дѣла разстроенныя смертью брата. Когда мы, наконецъ, вернулись на родину, то твое письмо было для насъ первымъ лучемъ свѣта послѣ долгихъ томительныхъ дней печали. Оно ободрило моего огорченного отца и возвратило мнѣ жизнь. — «Горе не должно ожесточать человѣка противъ тѣхъ, которые страдаютъ не меньше его самого! сказалъ мой отецъ. — Если несчастные перестанутъ понимать другъ друга, то отъ кого могутъ они ожидать помощи!» Затѣмъ онъ сѣлъ къ столу и написалъ тебѣ письмо. Я вызвался лично передать тебѣ его; но такъ какъ меня одного не пропустили бы ни черезъ одну англійскую пристань, то я выхлопоталъ черезъ друзей отца, чтобы меня причислили къ посольству въ качествѣ переводчика. Такимъ образомъ я очутился въ Лондонѣ и опять увидѣлъ тебя!..

Мануэлла молча поблагодарила юношу крѣпкимъ пожатіемъ руки, затѣмъ распечатала письмо. Читая его, она казалась вновь переживала прежнія мученія, слезы не разъ подступали къ глазамъ; но мало по малу выраженіе ея лица становилось все спокойнѣе и веселѣе. — Твой отецъ правъ, сказала она, сложивъ письмо, — только несчастные могутъ понять другъ друга! Но я не имѣю права считать себя несчастной, пока такіе люди какъ ты Самуиль, и почтенный раввинъ бенъ-Израэль относятся ко мнѣ съ дружбой и довѣріемъ...

Вечеромъ вся семья Авраама собралась за ужиномъ. Леонъ дель-Бланко также пришелъ съ женой, чтобы разспросить пріѣзжаго о своихъ родныхъ, большинство которыхъ жило въ Амстердамѣ. Мануэлла сидѣла рядомъ съ Самуиломъ.

Послѣ ужина явился новый гость м-ръ Эдвардъ Никласъ, онъ зналъ о прибытіи Самуила и дружески привѣтствовалъ сына ученаго раввина, который пользовался его особеннымъ уваженіемъ.

— Очень радъ видѣть васъ, сказалъ онъ пожимая руку юношѣ, — хотя долженъ сказать откровенно, что не сочувствую цѣли пріѣзжащаго съ вами посольства и заранѣе увѣренъ, что его ждетъ полнѣйшая неудача!

Это заявленіе непріятно поразило молодого еврея, воспитаннаго въ иныхъ понятіяхъ и незнакомаго съ положеніемъ дѣлъ въ Англии. Но тѣмъ не менѣе онъ былъ польщенъ дружескимъ обращеніемъ секретаря Кромвеля.

Повидимому имя отца здѣсь въ большомъ почетѣ, замѣтилъ онъ вполголоса, обращаясь къ Мануэллѣ.

— Я писала ему объ этомъ! возразила Мануэлла.

— Отецъ могъ бы воспользоваться своимъ влияніемъ для благой цѣли! До сихъ поръ Англія единственная страна, въ которой

запрещено жить евреямъ; но теперь кажется не время поднимать этотъ вопросъ...

— Но оно скоро наступитъ! Я передавала вамъ въ письмѣ слова великаго Кромвеля.

— То же сообщили намъ единовѣрцы наши, возвратившіеся изъ плѣна по его милости. Но говорятъ, что этотъ человекъ намѣренъ посягнуть на жизнь Стюарта!

— Никто не знаетъ, что онъ намѣренъ сдѣлать въ будущемъ, возразила Мануэлла, — но во всемъ, что онъ дѣлалъ до сихъ поръ видна рука Всевышняго!.. Одно несомнѣнно, что безъ его покровительства ни одинъ изъ насъ, которыхъ ты видишь здѣсь, не могъ бы оставаться въ Лондонѣ...

Во время этого разговора хозяинъ дома удалился въ свой кабинетъ съ м-ромъ Никласъ. Здѣсь они сѣли у затопленнаго камина, и хотя дверь въ пріемную оставалась отворенною; но никто не рѣшился войти къ нимъ, такъ какъ они говорили вполголоса.

М-ръ Никласъ сообщалъ по секрету своему другу, что въ парламентѣ съ утра идутъ горячія пренія, и хотя засѣданіе начато было въ обычный часъ, но продолжается до сихъ поръ и неизвѣстно когда кончится. — Подняты весьма важные вопросы, добавилъ секретарь, — дай Богъ чтобы они были разрѣшены, какъ слѣдуетъ! Вы также должны желать этого почтенный Авраамъ.

— Вы правы, отвѣтилъ хозяинъ дома. — Сити въ отсутствіе Кромвеля всячески притѣсняетъ: каждый день они требуютъ отъ меня новыхъ налоговъ подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ. Я убѣжденъ, что скоро они не ограничатся одними деньгами и насъ ожидаетъ нѣчто худшее!

— Вы знаете, что у васъ есть надежные друзья, которые не допустятъ васъ до бѣды! сказалъ м-ръ Никласъ въ видѣ утѣшенія.

— Давай Богъ! Но я увѣренъ что пребываніе большаго баронета въ моемъ домѣ всѣмъ извѣстно. Впрочемъ, это и не могло оставаться втайнѣ такое продолжительное время...

— Какое дѣло Сити до баронета? спросилъ съ раздраженіемъ м-ръ Никласъ. — Если я не захотѣлъ познакомиться съ нимъ до сихъ поръ, не смотря на ваше желаніе сблизить насъ, то потому, что онъ роялистъ и врагъ отечества. Но эти торгаши не должны быть слишкомъ разборчивы. У нихъ нѣтъ никакихъ убѣжденій.

— Здѣсь не можетъ быть и вопроса объ убѣжденіяхъ, отвѣтилъ задумчиво Авраамъ. Имъ нуженъ предлогъ, а при желаніи — его не трудно найти.

— Мы это еще увидимъ! а пока они доберутся до васъ, мой другъ Авраамъ, многое можетъ измѣниться!..

М-ръ Никласъ ушелъ въ положенный часъ, затѣмъ разошлись всѣ остальные. Мануэлла поспѣшила наверхъ, чтобы рассказать дочери баронета о своемъ неожиданномъ свиданіи съ другомъ дѣтства.

ГЛАВА X.

Библейское изрѣченіе.

М-ръ Никласъ, аккуратный и разсудительный человекъ, привыкъ жить по часамъ и строго придерживался того правила, что все должно дѣлаться въ опредѣленное время. Поэтому друзья его въ Duke-street были крайне удивлены, когда на другой день вечеромъ онъ не явился въ опредѣленный часъ, и полчаса спустя подъ окномъ послышались его торопливые шаги. Никто изъ нихъ не сомнѣвался, что случилось нѣчто необыкновенное, тѣмъ болѣе, что въ это утро до нихъ дошли тревожныя вѣсти изъ Сити.

Наконецъ, дверь отворилась съ шумомъ и на порогѣ появился м-ръ Никласъ съ лицомъ побагровѣвшимъ отъ волненія.

— Они идутъ! проговорилъ онъ прерывающимся голосомъ, машинально отдавая шляпу и плащъ женѣ Леона дель-Бланко, которая первая вышла къ нему на встрѣчу.

— Кто идетъ? что случилось? спросилъ Аврамъ блѣднѣя, между тѣмъ какъ всѣ остальные онѣмѣли отъ ужаса, такъ какъ никогда не видали Никласа такимъ краснымъ и взволнованнымъ.

— Подождите, дайте мнѣ опомниться, вы видите я совсѣмъ захохоталъ отъ скорой ходьбы! отвѣтилъ м-ръ Никласъ, и самъ не замѣчая этого продолжалъ:— Они идутъ! Ручаюсь вамъ честнымъ словомъ, что вы услышите барабанный бой до восхода солнца... Вся армія идетъ скорымъ маршемъ въ Лондонъ!

Это извѣстіе одинаково поразило всѣхъ. Прибытіе арміи въ Лондонъ означало, что кризисъ приближается и что скоро долженъ рѣшиться вопросъ, занимавшій всѣ умы. Парламентъ давно боялся этого момента и старался замедлить его постоянно удаляя армію изъ Лондона. Теперь ничто не могло отвратить его, такъ какъ присутствие арміи въ столицѣ должно было неизбѣжно отразиться на существующемъ порядкѣ вещей и измѣнить его.

— Дай Богъ, чтобы все это привело къ общему благу! сказалъ Аврамъ, опомнившись отъ перваго впечатлѣнія.

— Но будетъ ли намъ лучше при новыхъ порядкахъ? спросила хозяйка дома съ печальнымъ выраженіемъ лица, который ясно показывалъ, что мысль о мужѣ и дѣтяхъ всецѣло поглощала ее, и что политика была у ней на послѣднемъ планѣ, какъ у всѣхъ женщинъ, вѣрно исполняющихъ свои семейныя обязанности.

— Моя дорогая Ревекка, возразилъ м-ръ Никласъ, трудно сказать кому изъ насъ будетъ лучше или хуже въ ближайшемъ будущемъ. Нельзя ожидать справедливости въ частностяхъ, когда ея нѣтъ въ цѣломъ! Армія идетъ въ Лондонъ, чтобы потребовать строгаго суда надъ главнымъ виновникомъ... Пока онъ живъ, наша несчастная страна будетъ утопать въ крови, и гнѣвъ Божій будетъ

тяготѣть надъ нею. Народъ требуетъ отъ насъ мира и прекращенія своихъ бѣдъ; но мы ничего не можемъ дать ему, пока не будетъ принесена жертва искупленія... Дайте сюда вашу біблію Авраамъ!

Торжественный тонъ голоса почтеннаго Никласа привелъ въ смущеніе хозяина дома; онъ молча пошелъ въ свой кабинетъ и, снявъ со стола тяжелую книгу въ кожаномъ переплетѣ, подаль ее своему другу дрожащими руками.

М-ръ Никласъ растегнулъ серебряныя застѣжки и, открывъ біблію на четвертой книгѣ Моисея, прочелъ слѣдующій стихъ:

«Не оскверняйте земли, на которой вы будете жить; ибо кровь оскверняетъ землю; и земля не иначе очищается отъ пролитой на ней крови, какъ кровію пролившаго ее».

Затѣмъ онъ замолчалъ и закрывъ книгу, задумчиво смотрѣлъ въ землю.

Въ комнатѣ нѣсколько минутъ царилъ мертвая тишина. Авраамъ прервалъ общее молчаніе вопросомъ: Я не понимаю какъ это могло случиться такъ скоро? Не дальше какъ вчера вечеромъ ничего не было слышно о прибытіи арміи!

— Вчера вечеромъ, когда я ушелъ отъ васъ, возразилъ м-ръ Никласъ, то засѣданіе все еще продолжалось въ парламентѣ, такъ какъ никто не ожидалъ, что измѣна еще разъ подниметъ голову. Шла ожесточенная борьба. Всю ночь залы Вестминстера были освѣщены; уже начинало свѣтать, а ораторы все еще оспаривали другъ у друга трибуну. Я долженъ вамъ сказать, что дѣло шло о благѣ націи, жизни и смерти лучшихъ людей Англіи. Пресвитеріане заключили постыдный союзъ съ торгашами Сити и роялистами, чтобы съ ихъ помощью возвратить королю прежнюю власть, уничтожить права свободной Англіи и отомстить ея благороднымъ защитникамъ... Голосъ рассказчика задрожалъ при этихъ словахъ: О Боже, воскликнулъ онъ съ возрастающимъ волненіемъ, что стало бы съ нашей несчастной страной, еслибы ты не явилъ намъ свое милосердіе!.. Черезъ двадцать четыре часа Каррисбрукскій плѣнникъ опять вступилъ бы на престолъ своихъ предковъ.

Друзья Никласа никогда не видали его въ такомъ возбужденномъ состояніи и не считали его способнымъ говорить подобныя рѣчи; они слушали его съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Измѣнники открыто вели переговоры за спиной арміи съ плѣнникомъ націи, продолжалъ рассказчикъ, и не только освободили его изъ тюрьмы, но перевели въ Ньюпортъ, ничѣмъ не защищенный городъ, вблизи моря, представлявшій всѣ удобства для бѣгства. Здѣсь они помѣстили его въ прекрасномъ домѣ на С-тъ Джемской улицѣ, назначили ему придворный штатъ и даже устроили подобіе трона, въ то время, какъ Кромвель на другомъ берегу Твида велъ упорную борьбу съ шотландцами и Ирландіей, гдѣ

Ормондъ подготовилъ новое возстаніе. Измѣнники удачно выбрали время, но не счумѣли воспользоваться имъ! Недѣли проходили за недѣлями; гонцы постоянно ѣздили изъ Лондона въ Ньюпортъ и обратно. Карль Стюартъ далъ слово не дѣлать никакихъ попытокъ къ бѣгству. Вы спросите: почему онъ по обыкновенію не нарушилъ своего обѣщанія? Въ этомъ виновата его супруга, которая, живя въ Парижѣ съ любовникомъ, упростила его не выѣзжать изъ Ньюпорта, чтобы не повредить дѣлу, но въ сущности съ тою цѣлью, чтобы избавиться отъ его присутствія. Такимъ образомъ король остался на мѣстѣ, вель переговоры, обѣщаль все, что требовали отъ него, и въ то же время писалъ вице-королю Ормонду въ Ирландію: «Исполняйте приказанія королевы, а не мои; то, что я дѣлаю здѣсь, дѣлается только для виду»... Это письмо попало въ руки парламента, но не произвело никакого впечатлѣнія на нашихъ противниковъ; не могли ихъ убѣдить и наши лучшіе ораторы. Вопросъ былъ поставленъ слѣдующимъ образомъ: «одобряетъ ли Палата Общинъ условія, написанныя въ Ньюпортѣ, и согласна ли возвратить короля въ Лондонъ, заключить съ нимъ договоръ и возстановить въ прежнихъ правахъ?» Начали собирать голоса. Въ это время, на башнѣ св. Стефана, пробило восемь часовъ утра. Но къ счастью Кромвель оставилъ вмѣсто себя двухъ надежныхъ людей, въ руки которыхъ вручилъ судьбу Англіи: имъ было извѣстно все, что происходило въ Вестминстерѣ, и они приняли свои мѣры... На разсвѣтѣ они собрали на скоро военный совѣтъ въ конференцъ-залѣ; и такъ какъ ни одного изъ секретарей Кромвеля не было налицо, то я вель протоколъ. Составленъ былъ списокъ членовъ парламента, которые остались вѣрны отечеству, и тѣхъ, которые измѣнили ему. Наша работа была почти окончена; но тутъ въ конференцъ-залу вошелъ одинъ изъ нашихъ друзей съ разстроеннымъ лицомъ.

— Голосованіе кончилось въ Вестминстерѣ! сказалъ онъ. Дѣло наше проиграно; на сторонѣ нашихъ противниковъ перевѣсъ тридцати девяти голосовъ! въ Ньюпортъ хотятъ немедленно послать депутацію... Но тутъ поднялся съ кресла Франкъ Гербертъ...

Густая краска выступила на щекахъ Мануэллы при имени Герберта, но всѣ были настолько поглощены разговоромъ м-ра Никласа, что никто не обратилъ на это никакого вниманія.

— Я долженъ вамъ сказать, продолжалъ м-ръ Никласъ, что Франкъ Гербертъ правая рука Кромвеля. Клянусь честью, я никогда не встрѣчалъ подобнаго человѣка! Это олицетвореніе юношеской силы и красоты въ соединеніи съ твердостью характера и серьезнымъ зрѣлымъ умомъ. Грустная улыбка придаетъ еще болѣшій вѣсъ каждому его слову. Если бы вы видѣли, что у него за глаза, какой прекрасный открытый лобъ...

Мануэлла взглянула на Самуила, сидѣвшаго рядомъ съ нею, и

невольно сравнила его жалкую и невзрачную фигуру съ изящной красивой наружностью Герберта.

— Что же было дальше? спросилъ Авраамъ съ легкимъ отъѣнкомъ нетерпѣнія въ голосѣ.

— Когда Франкъ Гербертъ всталъ съ своего мѣста, продолжалъ м-ръ Никласъ, на бапнѣ только-что пробили часы.—Опасность миновала, сказалъ онъ, пробило девять часовъ! Депутація парламента не застанетъ короля на островѣ Вайтѣ. Полчаса тому назадъ его посадили на корабль въ Ярмутѣ. На этомъ кораблѣ Карлъ Стюартъ отправится въ новую тюрьму, въ которой останется до самой смерти...

М-ръ Никласъ остановился и началъ прислушиваться, такъ какъ въ это время съ улицы слышенъ былъ шумъ множества голосовъ и торопливые шаги проходившихъ мимо людей.

— Вѣроятно, по городу уже разнеслись кое-какіе слухи! сказалъ онъ подходя къ окну. Толпа высыпала на улицу, не смотря на поздній часъ вечера, чтобы собрать болѣе точныя свѣдѣнія. Всѣ спрашиваютъ другъ у друга: въ чемъ дѣло? Каждый высказываетъ свои соображенія и догадки; между тѣмъ, прежде, чѣмъ они договорятся до чего нибудь и узнаютъ сущность дѣла, фактъ совершится безвозвратно. Онъ одинаково поразитъ всѣхъ. Одни будутъ выходить изъ себя отъ гнѣва, другіе повѣсятъ голову, и, наконецъ, всѣ успокоятся и будутъ очень довольны восстановленіемъ порядка. Свѣтъ такъ созданъ, что нужно тащить его за волосы, чтобы заставить сдѣлать шагъ впередъ.

М-ръ Никласъ замолчалъ. Шумъ подъ окнами все усиливался; постоянно прибывали новыя толпы изъ смежныхъ улицъ и переулковъ; всѣ стремились къ двумъ главнымъ центрамъ: Bishopsgate и Leadengate, и оттуда къ западнымъ городскимъ воротамъ.

Между тѣмъ, уличный шумъ и суета, казалось, заразительно подѣйствовали на почтеннаго м-ра Никласа, который спокойно ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Неожиданный поворотъ событій нарушилъ обычный ходъ его мыслей и направилъ ихъ въ извѣстную сторону; теперь онъ не могъ думать ни о чемъ другомъ. Онъ безпрестанно посматривалъ на бронзовые часы, стоявшіе на каминѣ, и хотя въ обыкновенное время онъ всегда любовался ими, но теперь они только раздражали его.—Я положительно не могу видѣть этой стрѣлки! сказалъ онъ съ нетерпѣніемъ, пусть бы она остановилась совсѣмъ или шла скорѣе впередъ! Это медленное, чуть замѣтное движеніе, выводитъ меня изъ себя...

Хозяинъ дома съ удивленіемъ посмотрѣлъ на своего друга. Никогда не видалъ онъ хладнокровнаго и флегматичнаго м-ра Никласа въ такомъ возбужденномъ состояніи духа. Наконецъ, выждавъ минуту, когда тотъ сѣлъ въ кресло, онъ спросилъ его:

— Вы ничего не говорили о генералѣ Ферфаксѣ, какъ держалъ онъ себя въ данномъ случаѣ?

— Генералъ Ферфаксъ! повторилъ протяжно м-ръ Никласъ. Все то, что я рассказалъ вамъ, сдѣлалось помимо его, такъ что ему остается или идти за другими или раскланяться. Теперь ваши мнимые друзья должны по неволѣ остановиться на чемъ нибудь... Впрочемъ, Кромвель будетъ озадаченъ въ свою очередь: онъ не ожидалъ ничего подобнаго. Его вѣрные слуги и приверженцы сдѣлали для него то, на что, быть можетъ, онъ самъ никогда не рѣшился бы. Когда онъ вернется сюда, то, несмотря на все свое могущество и неограниченную власть, онъ принужденъ будетъ по неволѣ окончить начатое дѣло! Участъ короля рѣшена...

— Когда ожидаете вы Кромвеля? спросилъ Авраамъ.

— Къ нему навстрѣчу посланъ гонецъ, а вы знаете съ какой быстротой онъ совершаетъ иногда самые утомительные переходы! Съ его возвращеніемъ для Англіи наступятъ лучшія времена; она будетъ наслаждаться миромъ, опять водворится порядокъ, строгое соблюденіе законовъ. Шотландцы усмирены; меркантильный элементъ будетъ подавленъ въ нашемъ народѣ, который привыкъ, въ послѣдніе годы, торговать свободой какъ мелочнымъ товаромъ. Англія опять вступитъ на путь славы, и когда пройдетъ эта ночь и взойдетъ солнце, она станетъ поприщемъ новыхъ великихъ дѣяній!.. Вамъ самимъ, мой другъ Авраамъ, будетъ лучше, нежели теперь! Но почему вы молчите?.. глядя на васъ, можно подумать, что вы оплакиваете старые порядки...

— Я жалѣю не о старыхъ порядкахъ, но не могу безъ ужаса вспомнить о печальной участи, ожидающей Стюарта!

— Мнѣ кажется, что этотъ человекъ ничего не принесъ вамъ, кромѣ несчастія...

— Хорошіе дни проходятъ также безслѣдно, какъ и дурные! возразилъ Авраамъ. Безспорно, Стюартъ ничего не принесъ мнѣ, кромѣ несчастія, но все то, что мнѣ пришлось вытерпѣть изъ-за него ничто въ сравненіи съ тѣми страданіями, какія выпали на его долю...

Между тѣмъ м-ръ Никласъ настолько успокоился, что могъ набить трубку и закурить ее. Онъ заговорилъ съ хозяиномъ дома объ его дѣлахъ.

— Надѣюсь другъ мой Авраамъ, сказалъ онъ, что въ послѣдніе дни они оставили васъ въ покоѣ и не заявляли никакихъ новыхъ требованій!

Авраамъ, вмѣсто отвѣта, вынулъ изъ стола бумагу и подаль ее секретарю. Это былъ формальный декретъ съ печатью Сити, по которому онъ долженъ былъ явиться къ назначенному часу, въ гильдейскій судъ.

— Не ходите и не слушайте ихъ, воскликнулъ м-ръ Никласъ-

Повѣрьте, что этотъ листъ бумаги не имѣеть никакого значенія. Ни одинъ судья въ Англіи, по нашимъ законамъ, не можетъ пригласить васъ, не изложивъ въ точности причинъ, почему вы должны явиться къ нему. Но здѣсь нѣтъ ничего подобнаго. Равнымъ образомъ неизвѣстно насколько правильны тѣ налоги, какіе они требуютъ отъ васъ. Очевидно, что мудрый магистратъ хочетъ обойти законъ и достигнуть своей цѣли путемъ насилія. Дайте сюда эту бумагу; скоро въ Лондонѣ будетъ власть, передъ которой трепещутъ эти низкія души. Завтра утромъ я увижу Иретона и Франка Герберта; они правая рука Кромвеля и не допустятъ подобнаго насилія!

Съ этими словами м-ръ Никласъ взялъ бумагу изъ рукъ Авраама, который отдалъ ее съ видимой неохотой, такъ какъ боялся новыхъ неприятностей. Уступая настойчивымъ убѣжденіямъ своего друга, онъ обѣщаль ему не исполнять приказаній власти, которая теряла всякую силу съ возвращеніемъ Кромвеля.

Завтра же гильдейскій судъ будетъ уничтоженъ! Вы увидите они запоютъ другую пѣсню! сказалъ м-ръ Никласъ и, положивъ бумагу въ карманъ, простился съ своими друзьями.

Вслѣдъ затѣмъ разошлись остальные гости: Леонъ дель-Бланко съ женой и Самуиль, и вскорѣ въ домѣ на Duke-Street водворилась мертвая тишина, хотя подъ окнами все еще двигалась вездѣ и впередъ возбужденная народная толпа.

Это былъ день 5-го декабря 1648 года.

ГЛАВА XI.

Д е к л а р а ц і я .

На слѣдующій день въ семь часовъ утра два полка вступили въ Лондонъ. Конница расположилась на Old Palace Yard, въ то время еще не застроенной площади между зданіемъ парламента и Вестминстерскимъ аббатствомъ; пѣхота заняла всѣ корридоры, лѣстницы и выходы Палаты Общинъ.

Въ девять часовъ, обычное время, когда начинаются засѣданія парламента, изъ главнаго входа вышелъ полковникъ Прайдъ въ сопровожденіи тѣхъ членовъ парламента, которые остались вѣрны дѣлу народа и свободы; въ числѣ ихъ было нѣсколько постороннихъ лицъ и между прочимъ Гугъ Петерсъ, капелланъ Кромвеля. Прайдъ держаль въ рукѣ списокъ лицъ, составлявшихъ большинство при вчерашнемъ голосованіи.

Въ десять часовъ сорокъ восемь членовъ были арестованы и девяносто восемь исключены изъ парламента.

— По какому праву? спрашивали послѣдніе.

— По такому! отвѣчалъ Гугъ Петерсъ, указывая на саблю, висѣвшую у его пояса. Это сдѣлано въ силу необходимости.

— Куда хотите вы везти насъ? спрашивали арестованные, которыхъ усадили въ приготовленные для нихъ кареты.

— Въ Валлингфордъ-Гаузъ, а въ случаѣ сопротивленія, васъ отправятъ въ «адъ».

«Адомъ» называлась тогда небольшая таверна, обращенная въ тюрьму. Она находилась въ недалекомъ разстояніи отъ парламента, и отличалась порядочнымъ помѣщеніемъ по тому времени, такъ что разница между обоими мѣстами заключенія была не особенно значительная. Впрочемъ узниковъ продержали подъ стражей не болѣе трехъ дней.

Къ одиннадцати часамъ дѣло «очищенія парламента», было приведено въ исполненіе Прайдомъ, и меньшинство вчерашняго дня составило англійскую палату общинъ.

Теперь въ камерѣ было всего сто двадцать членовъ. Нѣкоторые изъ нихъ протестовали противъ подобнаго нарушенія ихъ привилегій и насильственныхъ дѣйствій арміи; они требовали возвращенія арестованныхъ и исключенныхъ членовъ парламента. Посланный вернулся съ отвѣтомъ, что верховный военный совѣтъ не согласенъ выпустить на свободу арестованныхъ и возвратитъ исключенныхъ. Затѣмъ приступлено было къ голосованію вопроса: слѣдуетъ ли представить къ обсужденію предложеніе меньшинства относительно выбывшихъ членовъ? Вопросъ былъ рѣшенъ большинствомъ въ отрицательномъ смыслѣ, и палата перешла къ очереднымъ дѣламъ.

Въ два часа пополудни весь городъ зналъ о случившемся; а въ семь часовъ вечера неожиданно вернулся въ Лондонъ Кромвель, послѣ восьмимѣсячнаго отсутствія. Переночевавъ въ Уайтголлѣ, онъ на слѣдующее утро явился въ парламентъ; послѣ открытія засѣданія онъ поднялся съ своего мѣста и произнесъ взволнованнымъ голосомъ: «Призываю Бога въ свидѣтели, что я не причастенъ къ тому, что произошло въ Палатѣ; но такъ какъ дѣло кончено, то я радуюсь этому и считаю своимъ долгомъ поддержать совершившееся.

Такимъ образомъ произведенный переворотъ получилъ значеніе совершившагося факта.

Но и это важное государственное событіе прошло безслѣдно для себялюбивыхъ представителей Сити; ослѣпленные ненавистью и предразсудками, они съ тѣмъ же упорствомъ преслѣдовали свои узкія цѣли. Ихъ давнишняя злоба противъ Авраама дошла до крайней степени, когда онъ не явился въ судъ къ опредѣленному сроку. Они рѣшились погубить его тѣмъ или другимъ способомъ, и это

намѣреніе вѣроятно увѣнчалось бы полнымъ успѣхомъ, если бы оно было приведено въ исполненіе днемъ раньше, пока Кромвеля не было въ Лондонѣ.

Утромъ 7-го декабря двое констаблей подошли къ дому Авраама и громко постучали въ дверь. Ихъ сердитыя фізіономіи не предвѣщали добра; этого одного было достаточно, чтобы обратить вниманіе прохожихъ, изъ которыхъ тотчасъ же образовалась толпа, тѣмъ болѣе, что можно было рассчитывать на любопытное зрѣлище.

Когда дверь отворилась и Авраамъ вѣжливо спросилъ полицейскихъ о причинѣ ихъ посѣщенія, то исполнители закона, удостоившись въ его личности, объявили ему, что онъ долженъ немедленно приготовиться и слѣдовать за ними.

— Кто вы? спросилъ Авраамъ, и къмъ посланы вы сюда?

— Вы скоро узнаете кто мы, отвѣтилъ одинъ изъ констаблей, а насъ послало начальство, которому вы должны повиноваться.

— Но по какому праву оно позволяетъ себѣ посылать за мной въ такой ранній часъ утра?

— Мы присланы сюда не для разговоровъ, возразили полицейскіе. Намъ приказано арестовать васъ!

— Чтò вы сдѣлаете со мной, если я не пойду за вами.

— Вотъ это принудить васъ къ послушанію! сказалъ одинъ изъ констаблей, хватаясь за рукоятку своей сабли, такъ какъ въ тѣ времена англійская полиція была также вооружена какъ солдаты.

— Я не ожидалъ такихъ претензій отъ нѣмецкаго жида! замѣтилъ презрительно другой констабль.

Авраамъ видѣлъ, что дѣло можетъ дойти до открытаго насилія въ случаѣ сопротивленія съ его стороны, и, желая избавить семью отъ тяжелой сцены, объявилъ полицейскимъ, что готовъ идти за ними.

— Ну, такъ отправьтесь съ моимъ товарищемъ, а я сдѣлаю обыскъ въ вашемъ домѣ! сказалъ одинъ изъ констаблей.

Авраамъ при этихъ словахъ съ негодованіемъ оттолкнулъ полицейскаго, который намѣревался взять его подъ руку, и быстрыми шагами отошелъ къ лѣстницѣ, которая вела въ верхній этажъ дома.

Нѣтъ, этого никогда не будетъ! воскликнулъ онъ съ лицомъ покраснѣвшимъ отъ гнѣва и волненія; не позволю нарушить права моего дома!..

Полицейскіе переглянулись съ недоумѣніемъ, потому что не ожидали ничего подобнаго; но сознаніе долга пріободрило ихъ.

— Если бы все было въ порядкѣ въ вашемъ домѣ, то васъ не испугалъ бы никакой обыскъ! замѣтилъ одинъ.

— Прочь, прочь отсюда! кричалъ другой, расталкивая любопытныхъ столпившихся передъ воротами дома.

— Совѣтую вамъ не задерживать насъ, сказалъ первый констабль, обращаясь къ еврею. Всѣмъ извѣстно, что у васъ тамъ наверху спрятанъ роялистъ!..

Едва эти слова дошли до слуха толпы, преимущественно состоящей изъ подмастерьевъ и всякаго уличнаго сброда, какъ раздались неистовые крики: Долой роялиста! Ведите сюда измѣнника!

— Боже праведный! воскликнулъ Авраамъ, давно ли они напали на мой домъ изъ-за моей мнимой вражды противъ роялистовъ; теперь они готовы снова осадить его за мою дружбу съ роялистами?

Чего только не случается съ бѣдными сынами Израиля!..

Тѣмъ не менѣе онъ рѣшилъ не дѣлать никакихъ уступокъ и защищать шагъ за шагомъ неприкосновенность своего дома.

Одинъ изъ полицейскихъ протѣснился къ лѣстницѣ.

— Пустите меня! Вы не можете отрицать, что скрыли роялиста въ своемъ домѣ, несмотря на строгое запрещеніе закона. Мы привели съ собой свидѣтеля.

По данному знаку изъ толпы выступилъ человѣкъ, который до этой минуты видимо хотѣлъ остаться незамѣченнымъ.

— Васъ зовутъ Пиккерлингомъ? спросилъ констабль, и вы знаете кавалера, который скрывается въ этомъ домѣ!

— Да, моя фамилія Пиккерлингъ отвѣтилъ гнусливымъ голосомъ благочестивый человѣкъ, который для своей настоящей роли перемѣнилъ нарядную ливрею на темное суконное платье пуританскаго покроя. Одному Богу извѣстно, какъ больно моему сердцу говорить о томъ, о чемъ я желалъ бы лучше умолчать. Но меня спрашиваютъ и я долженъ отвѣчать. Въ писаніи сказано: «уста праведника изрекають премудрость и языкъ его произноситъ правду. Законъ Бога его въ сердцѣ у него; не поколеблются стопы его». Дѣйствительно меня зовутъ Пиккерлингомъ.

— Ну такъ идите за мной; вы мнѣ укажете человѣка, котораго мы ищемъ.

Но Авраамъ загородилъ имъ дорогу, хотя ему приходилось бороться противъ двухъ противниковъ, и никто не могъ оказать ему помощи. Въ домѣ оставались однѣ женщины, такъ какъ сынъ Авраама ушелъ вмѣстѣ съ помощниками въ контору Леонъ дель-Бланко. Одинъ м-ръ Никласъ видѣлъ всю сцену изъ окна и поспѣшилъ принять мѣры для спасенія своего сосѣда.

Авраамъ не зналъ этого, и, не ожидая помощи, защищалъ свой домъ съ мужествомъ отчаянія.

— Вы должны уступить другъ мой, уговаривалъ его Пиккерлингъ, который всегда отличался храбростью въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ двое нападали на одного. Въ книгѣ пророка Іереміи сказано: «кто обреченъ на смерть, тотъ преданъ будетъ смерти; кто въ плѣнъ, пойдетъ въ плѣнъ...»

Новая ссылка изъ священнаго писанія окончательно вывела изъ терпѣнія Авраама. Не удостоивая отвѣтомъ пуританина, онъ изо всѣхъ силъ ударилъ его кулакомъ по лицу.

Другой констабль счелъ нужнымъ явиться на помощь, что еще болѣе придадо бодрости Пиккерлингу. Опомнившись отъ удара, онъ громко воскликнулъ:

«Кто хочетъ слушать, слушай; а кто не хочетъ слушать, не слушай: ибо это мятежный домъ»...

Съ этими словами онъ присоединился къ полицейскимъ, которые ворвались въ домъ, но Авраамъ предупредилъ ихъ и, быстро поднявшись на лѣстницу, заперъ за собой на ключъ дверь, ведущую во внутреннія комнаты.

— Ну, теперь, вы можете выломать дверь! крикнулъ онъ.

Полицейскіе не замедлили послѣдовать этому приглашенію. Вынувъ свои сабли, они сдѣляли попытку открыть замокъ, но такъ какъ усилія ихъ оказались напрасными, то они начали выламывать петли, на которыхъ держалась дверь.

Работа ихъ еще не была окончена, какъ дверь неожиданно отворилась и повисла на уцѣлѣвшей петли. На встрѣчу имъ вышелъ баронетъ въ сопровожденіи своей дочери. Онъ оперлся одной рукой на палку; длинные сѣдые волосы опускались въ беспорядкѣ на его исхудалое лицо, покрытое глубокими морщинами.

Даже Пиккерлингъ почувствовалъ нѣчто похожее на сожалѣніе, когда онъ увидѣлъ несчастнаго изгнанника, лишеннаго крова и имущества, который еще такъ недавно былъ полонъ силы и здоровья и владѣлъ замкомъ и богатымъ помѣстьемъ.

Глаза баронета остановились на Пиккерлингѣ; въ нихъ не было ни малѣйшаго слѣда гнѣва или упрека, а только выраженіе глубокой печали и какое-то недоумѣніе.

Пиккерлингъ ожидалъ бурной сцены и готовился къ ней, но совершенно растерялся отъ взгляда своего бывшаго господина, такъ что почувствовалъ нѣкоторое облегченіе, когда одинъ изъ полицейскихъ спросилъ его: тотъ ли это человѣкъ, котораго они ищутъ?

Пуританинъ выступилъ впередъ и, снявъ шляпу съ головы изъ уваженія къ бывшему владѣльцу Чильдерлейскаго замка, повернулся лицомъ къ констаблю, видимо пріискивая слова для отвѣта.

Констабль повторилъ свой вопросъ. Посмотрите на него хорошенько, сказалъ онъ, тутъ не должно быть никакого недоразумѣнія; помните, что васъ призовутъ въ судъ въ качествѣ свидѣтеля!

Пиккерлингъ стоялъ съ опущенными глазами; онъ чувствовалъ, что кровь бросилась ему въ голову, наконецъ, покоряясь необходимости, взглянулъ украдкой на баронета и пробормоталъ заикаясь: — Да это тотъ самый человѣкъ...

— Значитъ вы узнали его! По вашимъ словамъ, вы нѣсколько лѣтъ служили ему? спросилъ констабль.

— Да, на мое несчастіе, я былъ долго мельникомъ въ Чильдерлей, отвѣтилъ Пиккерлингъ, болѣе увѣреннымъ тономъ. Въ пи-

саміи сказано: «Нечестивые поставили для меня сѣть, но я не уклонился отъ повелѣній Твоихъ. Откровенія Твои я принялъ какъ наслѣдіе на вѣки...»

Одинъ изъ полицейскихъ съ нетерпѣніемъ прервалъ пуританина, но другой замѣтилъ своему товарищу:—оставь его, это благочестивый человекъ, не мѣшай ему говорить! и обращаясь къ Пиккерлингу онъ добавилъ:—Сдѣлайте одолженіе, назовите его по имени, чтобы мы могли приступить къ исполненію нашей обязанности.

— «Языкъ мой возгласитъ слово Твое, Господи, продолжалъ Пиккерлингъ, ибо всѣ заповѣди Твои праведны. Да будетъ рука Твоя въ помощь мнѣ, ибо я повелѣнія Твои избралъ». Дѣйствительно, это никто иной, какъ сэръ Товій Кутсъ, владѣлецъ Чильдерлейскаго замка.

Баронетъ молчалъ; лицо его оставалось такимъ же спокойнымъ и печальнымъ; но Оливія заплакала:— Уйдемте отсюда сэръ, сказала она, я не могу больше выносить этого мученія!..

Авраамъ, послѣ напрасной попытки защитить свой домъ отъ насилія, стоялъ въ сторонѣ и съ болью въ сердцѣ ожидалъ окончанія тяжелой для него сцены.

— Не подлежитъ сомнѣнію, сказалъ одинъ изъ констаблей торжественнымъ голосомъ, что это владѣлецъ Чильдерлея, одинъ изъ главныхъ зачинщиковъ послѣдняго бунта, а это еврей Авраамъ, обвиняемый въ укрывательствѣ государственнаго преступника! Поэтому именемъ закона арестую васъ обоихъ, добавилъ блюститель правосудія, положивъ одну руку на плечо баронета, а другую — на плечо еврея.

Послѣднія слова были заглушены внезапнымъ шумомъ съ улицы; среди бряцанья оружія, ржанія и топота лошадей, раздавался громкій, безпрестанно повторяемый крикъ: Да здравствуетъ генераль Кромвель! Ура!

Вслѣдъ затѣмъ, на лѣстницѣ послышались тяжелые шаги. Благословенъ Господь Богъ израиля отъ вѣка и вѣка! радостно воскликнулъ Авраамъ. У кого, кромѣ Кромвеля, можетъ быть такая твердая, рѣшительная походка...

Авраамъ не ошибся. На верхней ступени лѣстницы появилась широкоплечая фигура Кромвеля, сопровождаемая цѣлой толпой красныхъ мундировъ.

Такимъ видѣлъ его Авраамъ въ лагерѣ, близъ Триплез; но теперь Кромвель, окруженный ореоломъ всемогущества, показался ему еще величественнѣе; онъ невольно преклонилъ передъ нимъ колѣна и поцѣловалъ полу его платья.

— Такія почести могутъ быть воздаваемы одному Богу, кротко замѣтилъ Кромвель, протянувъ руку еврею, чтобы поднять его, затѣмъ медленно переступилъ порогъ и поклонился баронету, кото-

рый въ изнеможеніи опустился въ кресло, стоявшее среди комнаты.

Густая краска выступила на щекахъ Оливіи, когда она увидѣла человѣка, котораго знала съ дѣтства и, несмотря на перемѣну обстоятельствъ, не переставала относиться къ нему съ уваженіемъ и любовью.

Кромвель подошелъ къ ней:—Надѣюсь, что я не испугалъ тебя моимъ появленіемъ? спросилъ Кромвель ласково положивъ руку на голову Оливіи. Господь да благословитъ тебя дитя мое!

— Мой дорогой дядя проговорила сквозь слезы Оливіа, пряча свое разгорѣвшееся лицо на груди Кромвеля, но черезъ минуту она поспѣшно отодвинулась отъ него, изъ боязни, чтобы отецъ не увидѣлъ ея невольнаго порыва.

Кромвель окинулъ взглядомъ комнату и былъ видимо удивленъ сценой, которая представилась его глазамъ: двое констблей стояли въ углу въ смиренной позѣ преступниковъ, ожидающихъ приговора; Пиккерлингъ пятился къ дверямъ и, казалось, выжидалъ минуты, чтобы обратиться въ бѣгство.

— Что это значитъ? спросилъ Кромвель строгимъ голосомъ, обращаясь къ м-ру Никласу, который въ эту минуту выступилъ изъ толпы красныхъ мундировъ, стоявшихъ у дверей.

— Эти господа, отвѣтилъ секретарь, указывая рукой на полицейскихъ, насильно ворвались сюда, и поэтому я рѣшился остановить васъ на улицѣ, сэръ, и просить вашей помощи... Прошу извинить меня...

— Вы не сдѣлали ничего противозаконнаго, м-ръ Никласъ. Каждый англичанинъ имѣетъ право требовать, чтобы его выслушали въ подобномъ случаѣ. Главная цѣль всякой военной организации—охраненіе гражданскаго порядка, который былъ нарушенъ здѣсь самымъ наглымъ образомъ. За чѣмъ явились вы сюда? спросилъ онъ рѣзкимъ тономъ, обращаясь къ полицейскимъ.

— Насъ прислали, чтобы сдѣлать обыскъ въ этомъ домѣ и провозвести арестъ, доложилъ одинъ изъ констблей.

— Покажите мнѣ бумагу, которая уполномочила васъ къ этому. Любопытно взглянуть на подпись и приложенную къ ней печать.

— У насъ нѣтъ такой бумаги сэръ, возразилъ констблль.

— Какъ! сказалъ Кромвель, возвысивъ голосъ, и вы осмѣливаетесь нарушать священное право каждаго англичанина считать свой домъ неприкосновеннымъ!

— Но вѣдь это не англичанинъ сэръ! замѣтилъ въ свое оправданіе констблль. Быть можетъ вашей милости неизвѣстно, что хозяинъ этого дома жидъ.

Краска негодованія выступила на лицѣ Кромвеля.

— Я знаю это, сказалъ онъ, но разница религіи не имѣетъ здѣсь никакого значенія! Разумѣется, вы не болѣе, какъ слѣпое

орудіе въ чужихъ рукахъ, но я надѣюсь, что для Англіи наступитъ время, когда права свободнаго человѣка будутъ лучше уважаться, нежели теперъ. Наши соотечественники убѣдятся, что мы не даромъ проливали нашу кровь въ столькихъ битвахъ. Если мы вынесли тяжелую шестилѣтнюю борьбу, то съ единственною цѣлью, чтобы англійская конституція была не пустымъ словомъ, и чтобы ни одинъ свободный человѣкъ не могъ быть арестованъ этимъ способомъ и отведенъ въ заключеніе! Между тѣмъ, въ настоящее время полицейскіе служители, по распоряженію извѣстныхъ господъ, позволяютъ себѣ насильственно врывать въ дома мирныхъ гражданъ, выламывать двери и даже посягать на личность людей...

По знаку Кромвеля шесть человѣкъ драгунъ выступили на средину залы.

— Уведите ихъ, сказалъ Кромвель и приставьте къ нимъ стражу.

— Одинъ изъ констаблей, болѣе свѣдущій въ законахъ, нежели его товарищъ, замѣтилъ, что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ объ арестѣ государственнаго преступника, и что они могутъ сослаться на показанія донощика Пиккерлинга, котораго они привели съ собой.

Но Пиккерлинга не оказалось въ комнатѣ, такъ какъ онъ успѣлъ избѣгнуть опасности съ своимъ обычнымъ искусствомъ и, пользуясь минутнымъ смятеніемъ, произведеннымъ приходомъ Кромвеля, выскользнулъ изъ дверей.

— Я считаю показанія этого человѣка совершенно лишними! возразилъ Кромвель.

— Нѣтъ, сэръ! его присутствіе въ высшей степени важно для насъ, сказалъ констабль, отыскивая глазами Пиккерлинга. Онъ можетъ дать намъ самыя точныя свѣдѣнія относительно обоихъ преступниковъ, какъ Чильдерлейскаго баронета, такъ и жида, который спасъ его съ помощью роялистовъ и враговъ отечества и скрылъ въ своемъ домѣ.

— Это наглая ложь! воскликнулъ чей-то голосъ, и вмѣсто Пиккерлинга изъ группы солдатъ, стоявшихъ у дверей, выступила стройная фигура Франка Герберта. Баронетъ былъ привезенъ въ этотъ домъ по моему распоряженію и, слѣдовательно, вся отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ должна падать на меня одного!

— О Боже, благодарю тебя! невольно воскликнула Оливія.

— Если здѣсь можетъ быть рѣчь о преступленіи, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ, мой дорогой Франкъ, каждый изъ насъ бываетъ виновенъ въ подобныхъ проступкахъ, сказалъ Кромвель и, сдѣлавъ знакъ солдатамъ, приказалъ вывести обоихъ полицейскихъ. Затѣмъ онъ обратился къ баронету, который сидѣлъ въ креслѣ съ опущенной головой.

— Мнѣ больно видѣть васъ въ этомъ положеніи, сэръ Товій!

Въ былыя времена насъ соединяла самая тѣсная дружба и надѣюсь, что она не совсѣмъ порвана и до сихъ поръ; различіе мнѣній не можетъ уничтожить кровное родство и многолѣтнюю дружбу.

Съ этими словами Кромвель взялъ сухощавую руку баронета и пожалъ ее.—Вы недовѣрчиво качаете головой, сэръ, продолжалъ Кромвель; дѣйствительно мы разошлись на жизненномъ пути; вы подняли оружіе противъ парламента и старались поддержать произволь короля Карла и епископальной церкви, противъ воли всей націи. Пока вы мирно оставались въ своемъ помѣстьи я могъ охранять вашъ замокъ и имущество, и теперь ничто не мѣшаетъ вамъ вернуться туда, такъ какъ рука Господня поразила нашего противника и лишила васъ возможности вредить нашему дѣлу. Въ началѣ этой войны мнѣ не приходило въ голову, что я долженъ буду вести борьбу противъ отдѣльныхъ личностей... Но во всякомъ случаѣ старые порядки должны исчезнуть безвозвратно; и дальнѣйшее сопротивленіе съ вашей стороны—своего рода безуміе. Не въ человѣческой власти располагать ходомъ событій, и мы должны мириться съ этимъ. Вернитесь въ свой замокъ кузень, подумайте о дальнѣйшей участи вашихъ дѣтей. Человѣкъ, который изнемогъ въ честной борьбѣ, сдѣлалъ достаточно и можетъ провести остатокъ дней своихъ въ спокойствіи и довольствѣ. Скажите одно слово и все будетъ устроено.

Баронетъ неожиданно поднялся съ кресель и опустился на колѣни передъ Кромвелемъ. — Я прошу не за себя и не за своихъ дѣтей, проговорилъ онъ съ глухимъ рыданіемъ, которое показывало, какъ глубока была его скорбь о погибшемъ дѣлѣ. Я прошу тебя за короля, Оливеръ; судьба его въ твоихъ рукахъ! Умоляю тебя именемъ Елизаветы моей покойной жены, которая всегда любила тебя, возврати свободу несчастному королю...

Кромвель поблѣднѣлъ, и сдѣлалъ усиліе, чтобы освободиться изъ рукъ баронета, который обнималъ его колѣни. Голосъ его, вмѣсто дружескаго сердечнаго тона, принялъ холодный суровый оттѣнокъ. — Богу извѣстно, сказалъ онъ, что я всегда искренно относился къ королю и сдѣлалъ все отъ меня зависящее, чтобы спасти его...

Въ этотъ моментъ съ улицы раздались громкіе звуки трубъ.

Баронетъ поднялся на ноги и сталъ прислушиваться.

Это былъ герольдъ, сопровождаемый кавалерійскимъ полкомъ, который ѣздилъ по улицамъ Лондона и остановился передъ домомъ еврея Авраама, чтобы прочитать слѣдующую декларацию:

«Да будетъ извѣстно всѣмъ жителямъ Сити, Вестминстера и Лондона:

1) что по Божьему соизволенію власть въ государствѣ прежде всего принадлежитъ народу и представителямъ народа, т. е. Палатѣ Общинъ;

2) что постановленія Палаты имѣють силу закона и всякая война противъ парламента будетъ признана государственной измѣной;

3) Карль Стюартъ, бывшій король Англіи, взялся за оружіе и велъ войну противъ парламента;

4) поэтому представители Общинъ, собранные въ парламентѣ, рѣшили призвать его къ допросу передъ верховной комиссіей и подвергнуть суду, какъ главнаго виновника междоусобной войны и бѣдствій, опустошавшихъ страну.

Да будетъ извѣстно всѣмъ и каждому:

что эта верховная комиссія откроетъ свои засѣданія въ большой залѣ Вестминстера, куда будетъ открытъ свободный доступъ всѣмъ, которые пожелаютъ подать жалобу на Карла Стюарта, бывшаго англійскаго короля!»

Звуки трубъ послужили сигналомъ къ окончанію чтенія, каждое слово котораго отчетливо раздавалось въ домѣ.

Кромвель обратился къ баронету, который сдѣлалъ видъ, что не слушаетъ его.

— Сэръ Товій, сказалъ онъ, я предоставляю вамъ устроить вашу судьбу по своему усмотрѣнію; что же касается моихъ поступковъ, то я отвѣчу за нихъ передъ Богомъ!

Затѣмъ Кромвель медленно вышелъ изъ комнаты, въ сопровожденіи красныхъ мундировъ.

Франкъ Гербертъ остановился въ дверяхъ. Случайная встрѣча съ любимой дѣвушкой дѣлала еще тяжелѣе новую разлуку.

Оливія бросилась къ нему и обвила его шею обѣими руками; губы ихъ слились въ долгомъ поцѣлуѣ.

— Прощай, будь счастливъ Франкъ! проговорила она сквозь слезы. Быть можетъ мы расстаемся навсегда; но никто не можетъ запретить мнѣ любить тебя.

Она отвернулась отъ него и подошла къ баронету, который сидѣлъ въ креслѣ съ опущенной головой.

Франкъ Гербертъ вышелъ на площадку лѣстницы глубоко взволнованный, не замѣчая Мануэллы, которая провожала его печальнымъ взглядомъ своихъ большихъ задумчивыхъ глазъ.

ГЛАВА XII.

Похороны короля Карла.

Голова короля Карла I пала на эшафотѣ. Когда председатель верховной комиссіи спросилъ его, что онъ можетъ привести въ оправданіе невинно пролитой крови своихъ подданныхъ, онъ отвѣтилъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ, не покидавшимъ его до послѣдней минуты его жизни: — «Я виновенъ въ пролитіи крови одного человѣка, графа Страффорда, моего лучшаго друга, который палъ жертвой мести парламента!» Въ послѣднюю ночь, проведенную имъ на землѣ, ему приснился лордъ въ своемъ архіепископскомъ одѣяніи, второй человѣкъ, осужденный имъ на смерть, который наравнѣ съ Страффордомъ былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ междоусобной войны. Карлъ Стюартъ въ день казни надѣлъ свой парадный мундиръ съ широкой голубой лентой ордена св. Георга; на лѣвой сторонѣ груди красовалась большая звѣзда ордена Подвязки. Затѣмъ онъ вышелъ въ банкетную залу своего бывшаго королевскаго замка, потолокъ которой былъ украшенъ живописью Рубенса и прошелъ среди драгоцѣнныхъ коллекцій картинъ Тиціана, Рафаэля и Ванъ-Дика. Здѣсь нѣкогда англійская знать тѣснилась около своего властелина, и ему улыбалась Генріэтта-Марія въ цвѣтѣ красоты и молодости. Но теперь, вмѣсто нарядной толпы придворныхъ въ пурпуровыхъ и бѣлыхъ одеждахъ и дамъ, украшенныхъ перьями и жемчужными ожерельями, стояли мрачныя фигуры кромвелевскихъ солдатъ въ шлемахъ; съ алебардами. Одно изъ оконъ, выходявшихъ на улицу, было проломано; черезъ это окно прошелъ Карлъ, чтобы взойти на эшафотъ.

Первую ночь послѣ казни тѣло короля оставалось въ Уайтголлѣ. Теперь снова къ нему допущены были вѣрные слуги; одинъ изъ знатнѣйшихъ лордовъ Англій вмѣстѣ съ бывшимъ камердинеромъ находились неотлучно при его гробѣ, который едва освѣщался лампадой, горѣвшей въ углу. Въ два часа по полуночи раздалась тяжелые шаги человѣка, который медленно поднимался по пустыннымъ лѣстницамъ королевскаго дворца. Одна дверь отворялась за другой; шаги приближались и, наконецъ, въ комнату, гдѣ лежалъ покойникъ, вошелъ широкоплечій мужчина, завернутый въ плащъ. Онъ подошелъ къ гробу, поднялъ крышку и, покачавъ головой, пробормоталъ сквозь зубы: «печальная необходимость». Затѣмъ онъ удалился также медленно и съ тою же таинственностью, такъ что сторожившіе покойника не могли разглядѣть его лица, которое было закрыто плащемъ. Но по походкѣ и голосу они узнали Оливера Кромвеля.

Благодаря ходатайству Кромвеля передъ парламентомъ, слуги короля получили разрѣшеніе похоронить его тѣло съ надлежащими почестями въ королевскомъ склепѣ Виндзора. Это мѣсто было выбрано на томъ основаніи, что король при жизни особенно любилъ Виндзорскій дворецъ. Здѣсь онъ провелъ послѣдніе дни своей свободы, и часто прогуливался по длинной террасѣ, построенной королевой Елизаветой, откуда видно было красивое зданіе Итонской коллегіи и открывался прекрасный ландшафтъ на Темзу, окрестные холмы, деревни и загородные дома. Сюда привезено было тѣло короля на погребальной колесницѣ, покрытой чернымъ бархатомъ и запряженной шестью лошадьми. За колесницей ѣхали четыре кареты, въ которыхъ сидѣли слуги и друзья короля. Было холодное зимнее утро; среди голубаго неба ярко сіяло солнце и освѣщало оледенѣлую землю.

Въ это утро сэръ Товій простился съ хозяевами гостепріимнаго дома въ Duke-street. Онъ надѣлъ свое лучшее платье, шляпу съ перомъ, перчатки, мечъ, который былъ на немъ во время несчастной стычки близъ Nonsuch-Park'a, и обвязалъ руку чернымъ газомъ.

— До свиданія, добрые люди, сказалъ онъ, прощаясь съ Авраамомъ и его семьей. Не удерживайте меня, я чувствую себя достаточно здоровымъ; моя обязанность быть около короля до послѣдней минуты. Мнѣ предстоитъ дальній путь и, быть можетъ, я не скоро вернусь сюда. Но, да поможетъ мнѣ Господь, я никогда не забуду, какъ вы были добры ко мнѣ. Цѣной тяжелыхъ испытаній я научился принимать благодѣянія, и мнѣ легче было принимать ихъ отъ васъ, нежели отъ кого-бы то ни было. Ничѣмъ инымъ я не могу выразить вамъ своей благодарности...

Авраамъ и его жена были убѣждены, что баронетъ намѣревался покинуть Англію вмѣстѣ съ другими эмигрантами и отправиться на континентъ, гдѣ роялисты, немедленно по полученіи извѣстія о смерти Карла I, провозгласили королемъ его сына, Карла II. Они дружески простились съ нимъ и отъ души пожелали ему счастливой дороги.

Оливія отправилась вмѣстѣ съ отцомъ. Авраамъ, провожая ее, сказалъ, что домъ его всегда открытъ для нея, когда бы она ни нуждалась въ пріютѣ.

— Я увѣрена въ этомъ, отвѣтила Оливія, пожимая руку почтенному еврею. Она также была въ траурѣ по умершемъ королѣ.

Баронетъ съ дочерью сѣли въ карету, которая медленно перевезла ихъ черезъ Лондонскій мостъ на другой берегъ рѣки. Дорога была продолжительная и однообразная. Зимнее солнце освѣщало ландшафтъ своимъ холоднымъ блескомъ; но, затѣмъ, мало-помалу, скрылось за облаками, и небо приняло свинцовый оттѣнокъ. Наконецъ, путники увидѣли холмъ, на которомъ стоитъ Виндзорскій замокъ, окруженный могучимъ лѣсомъ. Еще разъ выглянуло

солнце, и золотистые лучи его на минуту освѣтили верхушки деревьевъ, сѣрья стѣны и высокія башни замка.

Карета остановилась; баронетъ, опираясь на руку дочери, сталъ подниматься на гору и вошелъ черезъ большія ворота на дворъ замка. Готическія окна залы св. Георга, гдѣ стоялъ гробъ короля-мученика, казались огненными отъ красноватаго свѣта факеловъ. Торжественная тишина царила за громадными оледенѣлыми стѣнами; отчетливо раздавался голосъ епископа, который провожалъ короля на эшафотъ и не хотѣлъ покинуть его и теперь. Карла I хоронили по обрядамъ англиканской церкви, которой онъ оставался вѣренъ до послѣдней минуты своей жизни. Наконецъ, служба кончилась, и изъ дверей залы выступила траурная процессія, въ которой участвовало нѣсколько лицъ изъ прежней свиты короля и его бывшіе слуги, въ числѣ которыхъ былъ самый преданный изъ нихъ, сэръ Томасъ Гербертъ. Гробъ былъ закрытъ чернымъ покровомъ; на крышкѣ его виднѣлись выложенныя оловомъ буквы: «король Карлъ, 1648».

Процессія сошла съ лѣстницы и вышла на дворъ замка. Въ это время сталъ падать такой частый снѣгъ, что, несмотря на короткій путь изъ залы въ капеллу, черный покровъ на гробѣ совсѣмъ побѣлѣлъ. Такъ «бѣлый» король, пишетъ одинъ роялистъ въ своихъ мемуарахъ, вѣрный прозвищу, данному ему при коронаціи, отправился въ могилу на 48 году своей жизни, послѣ 22-хъ лѣтънаго царствованія.

Чильдерлейскій баронетъ, погруженный въ молитву, набожно преклонилъ колѣна, когда шествіе проходило мимо него. Оливія, рыдая, послѣдовала примѣру своего отца. Въ это время она почувствовала, что кто-то прикоснулся рукой къ ея плечу, и невольно подняла голову. Передъ нею стоялъ блѣдный изнуренный юноша, въ изорванной одеждѣ. Она съ крикомъ бросилась къ нему на шею: это былъ ея братъ.

Между тѣмъ, шествіе скрылось за дверьми капеллы. Баронетъ поднялся на ноги и увидѣлъ сына; мимолетный лучъ радости пробѣжалъ по его печальному лицу.

— Я не ожидалъ, что у этой могилы мнѣ придется испытать какую-либо радость! сказала сэръ Товій, пожимая руку сыну. Пойдемъ Джонъ отдадимъ послѣднюю почесть нашему королю.

Они вошли въ капеллу. Епископъ прочелъ короткую молитву, затѣмъ гробъ былъ опущенъ въ склепъ, рядомъ съ могилами Генриха VIII и его послѣдней супруги. Каменная плита, вынутая изъ полу, была снова положена на прежнее мѣсто; подъ нею нашелъ успокоеніе несчастный король, послѣ непродолжительной жизни, исполненной величайшихъ мученій, какія только можетъ испытать человѣкъ.

Въ капеллѣ совсѣмъ стемнѣло и только факелы освѣщали сво-

имъ мерцающимъ свѣтомъ озабоченныя, печальныя лица участниковъ погребальной процессіи, которые одни за другими молча выходили изъ капеллы.

— Мы исполнили свой долгъ; теперь можемъ идти! сказала баронетъ своимъ дѣтямъ такимъ слабымъ голосомъ, что они съ трудомъ могли разслышать его.

Джонъ хотѣлъ подать ему руку, чтобы довести до кареты, но въ это время баронетъ въ изнеможеніи опустился на землю. Тусклый свѣтъ удалявшихся факеловъ на минуту освѣтилъ блѣдное лицо умирающаго человѣка; изъ группы духовныхъ лицъ, сопровождавшихъ лондонскаго епископа, выдѣлилась стройная фигура молодого священника.

— Вы ли это сэръ Товій? воскликнулъ онъ, подойдя къ баронету послѣдними шагами.

Ласковый тонъ знакомаго голоса возбудилъ послѣдній остатокъ энергіи въ ослабѣвшемъ тѣлѣ несчастнаго старика. Докторъ Гевитъ!.. произнесъ онъ дрожащими губами, дѣлая усиліе, чтобы протянуть ему руку.

Баронета подняли съ земли и отнесли въ сосѣдній домъ. Онъ приполъ въ полное сознаніе передъ смертью и внимательно выслушалъ разсказъ сына о вынесенныхъ имъ опасностяхъ и приключеніяхъ, послѣ неудачнаго бѣгства покойнаго короля. Многіе изъ дворянъ оказывали ему гостепріимство; но всего радушнѣе отнесся къ нему сэръ Гарри Слингсби, у котораго онъ прожилъ всего долѣе.

Имя стараго пріятели вызвало рядъ воспоминаній въ сердцѣ умирающаго; онъ пожелалъ узнать дальнѣйшія подробности о Слингсби. Джонъ сообщилъ ему, что сэръ Гарри, несмотря на всѣ преслѣдованія и потерю значительной части своего имущества, сохранилъ неизмѣнную преданность покойному королю и готовъ также вѣрно служить его сыну, Карлу II.

— Это дѣлаетъ ему честь, сказала баронетъ съ глубокимъ вздохомъ. Надѣюсь, что и ты Джонъ не забудешь свою обязанность!

— Сегодня ночью отвѣтилъ Джонъ, я сяду на крейсерское судно, которое перевезетъ меня въ Голландію, гдѣ Карлъ II расположился съ своимъ дворомъ.

Рука баронета тяжело опустилась на голову плачущей дочери, которая стояла на колыняхъ передъ его постелью. Дай мнѣ слово Оливія, проговорилъ онъ слабымъ голосомъ, что когда нашъ король вернется въ Англію, ты перевезешь мое тѣло въ Чильдерлейскую церковь и положишь рядомъ съ могилой моей жены...

Это были послѣднія слова баронета. Его похоронили на Виндзорскомъ кладбищѣ и поставили на могилѣ простой деревянный крестъ. Джонъ Кутсъ, новый владѣлецъ Чильдерлейскаго замка, отправился на континентъ; Гевитъ вызвался проводить Оливію въ Лондонъ.

Г Л А В А XIII.

Тысячелѣтнее царство.

Оливія, послѣ смерти отца и разлуки съ братомъ, осталась бы совершенно одинокой и беззащитной въ этомъ мірѣ, еслибы у ней не было друзей въ домѣ на Duke-Street. Она знала, что ее встрѣтятъ тамъ съ любовью и лаской; и съ своей стороны съ чувствомъ глубокой благодарности говорила Гевиту объ Авраамѣ и его семьѣ и ихъ нѣжной заботливости о больномъ баронетѣ. Глаза Оливіи всякій разъ наполнялись слезами, когда она произносила имя отца; благочестивый священникъ по возможности утѣшалъ ее и, сознавая, что только время можетъ ослабить ея горе, старался переменить разговоръ. У Оливіи не было тайнъ отъ этого достойнаго челоуѣка; тронутая его добротой, она откровенно рассказала ему свое послѣднее неожиданное свиданіе съ Франкомъ Гербертомъ. Ни одинъ мускулъ не пошевелился на лицѣ священника при этомъ имени; глаза его не выразили ни малѣйшаго гнѣва или раздраженія. Глубокая пропасть отдѣляла его отъ любимаго друга юности; ничто не могло восполнить для него этой потери. Но въ эту минуту онъ думалъ не о себѣ, а о страданіяхъ Франка Герберта; онъ искренно жалѣлъ объ его заблужденіяхъ и молился, чтобы Господь наставилъ его на путь истины.

Оливія не ошиблась. По пріѣздѣ въ Лондонъ, она встрѣтила самый радушный пріемъ въ семьѣ почтеннаго еврея; всѣ искренно жалѣли о смерти баронета; но никто не выказывалъ его дочери того назойливаго участія, которое всего тяжелѣе въ подобныя минуты. Гевитъ успокоенный, относительно ближайшей будущности Оливіи, простился съ ея гостепріимными хозяевами и вышелъ на улицу. Онъ едва зналъ, гдѣ ему преклонить голову въ обширной и прекрасной Англій, гдѣ у него не было опредѣленнаго мѣста жительства. Домъ его покровителя, графа Линдзeya, былъ открытъ для него; но въ эти смутныя времена, никто не могъ сказать, долго ли просуществуетъ замокъ графа и возможно ли будетъ его владѣльцу дать пріютъ служителю гонимой церкви. Какъ только былъ выполненъ кровавый приговоръ надъ Карломъ I, то во всѣхъ городахъ Англій была торжественно превозглашена республика, а каждый, кто признаетъ королемъ бывшаго принца Уэльскаго, Карла Стюарта, объявленъ государственнымъ измѣнникомъ. вмѣстѣ съ отмѣной монархической власти уничтожена была камера перовъ а оставлена одна Палата Общинъ, представители которой избирались народомъ. Пока все было спокойно въ Лондонѣ и во всей странѣ, и порядокъ ни на минуту не нарушался, какъ это предсказалъ заранѣе м-ръ Никласъ въ разговорѣ съ своимъ пріятелемъ Авраамомъ.

— Вы увидите, доказывалъ секретарь Кромвеля, что они скоро примирятся съ новымъ положеніемъ вещей, и если Господь поддержитъ наше дѣло, то свѣтъ пойметъ, что нѣтъ ничего выше свободы. Люди будутъ относиться съ уваженіемъ къ закону; прежнее государственное устройство Англій возстановлено во всей силѣ; каждый будетъ дѣлать, говорить и писать то, что ему приказываетъ совѣсть; народу будутъ возвращены его поправныя права. Для Англій наступитъ золотой вѣкъ, и она отдохнетъ отъ своихъ бѣдствій. Повѣрьте, что намъ нечего опасаться иностранныхъ державъ, каждая изъ нихъ побоится порвать свои отношенія съ молодой республикой; всѣмъ извѣстно, какая сильная рука держитъ у насъ бразды правленія...

Хотя м-ръ Никласъ, какъ человекъ близко стоящій къ Кромвелю, связывалъ слишкомъ большія ожиданія съ совершившимся переворотомъ; но, тѣмъ не менѣе, взглядъ его на политику иностранныхъ державъ оказался безошибочнымъ. Неожиданный ударъ, нанесенный королевской власти засталъ ихъ врасплохъ; то что казалось невозможнымъ, произошло такъ внезапно, что никто не хотѣлъ вѣрить совершившемуся факту. Идея народнаго господства впервые осуществилась на дѣлѣ и привела въ трепетъ остальную Европу.

Испанскій король подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ полученнаго извѣстія, приказалъ своему посланнику въ Лондонѣ «немедленно» скупить для галлерей Эскуриала, превосходныя картины и драгоценныя монеты, которыя были объявлены «національною собственностью», по распоряженію «жестокихъ убійцъ короля Карла». Посланникъ французскаго короля, хотя тотчасъ же выѣхалъ изъ Лондона; но вскорѣ опять вернулся къ своему посту, потому что такая великая держава, какъ Франція, не могла оставаться безъ представителя. Уполномоченные Голландіи, слѣдуя примѣру большинства посланниковъ, заперлись въ своемъ домѣ. Но на слѣдующій день послѣ казни Стюарта они удостоились посѣщенія генералъ-лейтенанта Кромвеля, «который, какъ сказано было въ ихъ донесеніи, отзывался съ большимъ уваженіемъ о голландскомъ правительствѣ; съ помощью котораго онъ надѣялся ввести лучшую церковную организацію». Представители генеральныхъ штатовъ отнеслись недовѣрчиво къ заявленію Кромвеля, такъ какъ находили страннымъ, что убійца короля осмѣливается говорить о религіи. Но нѣсколькими днями позже они сдѣлались снисходительнѣе, такъ какъ пришло извѣстіе, что въ лондонскомъ парламентѣ поднять вопросъ о томъ, чтобы предоставить голландцамъ тѣ же права въ Англій, какими пользуются сами англичане относительно торговли, мореходства, фабричнаго производства, ремеслъ и банковыхъ операцій. Тѣмъ не менѣе генеральные штаты, принимая во вниманіе, что Карлъ II—гость въ ихъ странѣ и родственникъ штатгальтера,

приняли рѣшеніе отозвать одного изъ своихъ посланниковъ, а другого оставить въ Лондонѣ, впредь до дальнѣйшаго распоряженія.

Такимъ образомъ новой республикѣ нечего было опасаться со стороны ея отношеній къ иностраннымъ государствамъ, между тѣмъ, какъ настроеніе арміи составляло предметъ серьезнаго безпокойства не только для парламента и мирныхъ гражданъ, но и для самого Кромвеля. Броженіе замѣчалось даже между самыми надежными полками. Теперь, когда изъ стараго государственнаго строя образовался новый, а монархическій образъ правленія долженъ былъ перейти въ республиканскій, въ войскѣ начался невообразимый хаосъ, среди котораго выступили мрачныя фигуры милленаріевъ и, такъ называемыхъ, ливеллеровъ или уравниателей. Послѣдніе требовали общности имущества, какъ во времена апостоловъ; первые ожидали обѣщаннаго Божьяго царства на землѣ. Мистическій религіозный характеръ, который носила революція съ самаго начала, проявился съ новой силой, тѣмъ болѣе, что новое государство не осуществляло дикихъ мечтаній фанатиковъ. Они не хотѣли повиноваться никакимъ свѣтскимъ властямъ и ожидали пришествія Іисуса, который долженъ былъ возсѣсть на престолѣ умершаго короля и отнять власть отъ узурпаторовъ.

Глубокое недовольство охватило секту милленаріевъ, составляющую значительную часть арміи. По ихъ мистическимъ предсказаніямъ и вычисленіямъ въ 1648 году должно было начаться Божье тысячелѣтнее царство. Эта безумная мечта въ сильной степени способствовала ускоренію печальной участи короля. Въ мрачный ноябрьскій день, предшествовавшій катастрофѣ, собраны были полки въ Виндзорѣ; и среди поста, молитвы и толкованій смысла св. писанія «брошень жребій о клятвопреступномъ королѣ», который признанъ достойнымъ смерти. Затѣмъ непосредственно слѣдовалъ послѣдній актъ страшной драмы, и главные участники революціи, недовольные ея результатами, потребовали награды за свои труды.

«Царь Іисусъ» терпѣливо ожидаемый фанатиками до послѣдняго дня 1648 года, не явился; вмѣсто этого выступилъ простой смертный и положилъ основаніе новому государственному строю. Этотъ смертный былъ Оливеръ Кромвель; въ былыя времена онъ воодушевлялъ ихъ къ борьбѣ словами пророка; а теперь, когда пророчество должно было исполниться, загораживалъ собою путь къ царству Божию. На него преимущественно обрушилось ихъ негодованіе; къ нему стали они примѣнять слова пророка Даніила, которыя до этого примѣнялись къ королю: «Подъ конецъ же царства, когда отступники исполнять мѣру беззаконій своихъ, возстанетъ царь наглый и искусный въ коварствѣ... и будетъ онъ губить сильныхъ и народъ святой. И при умѣ его и коварство будетъ имѣть успѣхъ въ рукѣ его, и сердцемъ своимъ онъ превознесетъся». Кромвель, называвшій свои пушки «двѣнадцатю апостолами»,

былъ антихристъ, о которомъ сказано въ писаніи, что онъ воспрепятствуетъ небесному царю сѣсть на своемъ престолѣ. Поэтому необходимо было устранить его, чтобы могло начаться царство Иисуса Христа и его святыхъ.

Въ арміи составилась заговоръ противъ Кромвеля, который долженъ былъ убѣдиться горькимъ опытомъ въ той истинѣ, что если человѣкъ хочетъ осуществить на землѣ свободу и законъ, то противъ него возстаетъ одна партія за другой, и что по окончаніи войны съ непріателемъ начинается постыдная борьба съ прежними друзьями.

Возстаніе въ арміи приняло слишкомъ большіе размѣры, чтобы оставался въ тайнѣ. «Воины царя Иисуса», какъ называли себя милленаріи составляли какъ бы войско среди войска, имѣли свои митинги и своихъ проповѣдниковъ, особые значки, зеленныя ленты въ петлицахъ и особенный военный флагъ, на которомъ былъ изображенъ спящій левъ съ девизомъ: «кто разбудитъ его?»

Сначала Кромвель ограничился тѣмъ, что приказалъ усилить надзоръ надъ заговорщиками, такъ какъ ему было тяжело принять строгія мѣры противъ прежнихъ товарищей по оружію. Онъ хотѣлъ остановить пламя въ надеждѣ, что оно потухнетъ само собой, и старался всѣми способами успокоить недовольныхъ фанатиковъ. Но скоро наступилъ день, когда необходимость болѣе рѣшительныхъ дѣйствій сдѣлалась очевидной.

Маркизь Ормондъ продолжалъ свои козни въ Ирландіи. Въ то время какъ Шотландія, главное гнѣздо пресвитеріанъ и упорныхъ приверженцевъ Ковенанта, еще не успѣла опомниться отъ послѣдняго удара, нанесеннаго ей Кромвелемъ, католическій элементъ поднялся въ Ирландіи и руководимый ненавистью развѣсилъ знамена Стюартовъ на всѣхъ башняхъ и крѣпостяхъ. Принцъ Рупрехтъ, лишенный возможности грабить на сушѣ, обратился въ морскаго пирата и принялъ начальство надъ отпавшей частью флота, Карль II готовился соединиться съ нимъ, чтобы начать новую междоусобную войну; но на этотъ разъ ее хотѣли перенести въ Ирландію, злополучную страну, которая, какъ бы въ насмѣшку, въ теченіи четырехъ сотъ лѣтъ называлась «младшей сестрой» Англій.

Здѣсь Кромвель намѣревался сосредоточить свои силы; но въ тотъ моментъ, когда отданъ былъ приказъ арміи выступить въ походъ, милленаріи открыто подняли знамя возстанія противъ Кромвеля, заперлись въ нѣсколькихъ домахъ Сити и приготовились къ борьбѣ. Безумные мечтатели все еще надѣялись, что совершится чудо и на землѣ наступитъ царство Христово.

Борьба была непродолжительна и можно было заранѣе предвидѣть ея исходъ. «Двѣнадцать апостоловъ» Кромвеля сдѣлали свое дѣло; милленаріи напрасно ждали помощи свыше и должны были

положить оружіе. Военный судъ приговорилъ пятерыхъ главныхъ зачинщиковъ къ разстрѣлянiю; въ числѣ ихъ былъ Робертъ Лакіеръ, тотъ самый молодой фанатикъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ говорилъ проповѣдь передъ Чильдерлейской церковью и объяснялъ своимъ товарищамъ слова пророка Даніила. Кромвель подписалъ смертный приговоръ своимъ крупнымъ четкимъ почеркомъ; Франкъ Гербертъ, въ качествѣ ассистента военного суда, долженъ былъ привести его въ исполненіе. Эта печальная обязанность была для него тѣмъ тяжелѣе, что онъ долженъ былъ умертвить въ цвѣтѣ лѣтъ любимаго товарища своего дѣтства.

Былъ одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ апрѣльскихъ дней, когда чувствуешь пробужденіе природы, и воздухъ даже на городскихъ улицахъ проникнуть свѣжимъ запахомъ земли и распускающейся зелени. Этотъ день былъ назначенъ для отъѣзда Самуила бенъ Израэля, который долженъ былъ отправиться въ Голландію въ свитѣ посланника генеральныхъ штатовъ. Влюбленный юноша уѣзжалъ съ твердой рѣшимостью скоро вернуться въ Лондонъ, гдѣ оставалась та, которая была дорогà ему въ продолженіи многихъ лѣтъ и теперь стала для него еще дороже, когда онъ увидѣлъ ее взрослой дѣвушкой въ полномъ развитіи ея обаятельной красоты. Онъ хотѣлъ воспользоваться своимъ пребываніемъ въ Амстердамѣ, чтобы примирить Джозе Д'Акоста съ Мануэллой, которая наотрѣзъ отказалась ѣхать къ отцу, пока не будетъ выяснено бывшее между ними недоразумѣніе. Задача эта была довольно трудная, но Самуиль не терялъ надежды на успѣхъ, такъ какъ зналъ, по словамъ одного латинскаго поэта, что любовь дѣлаетъ людей краснорѣчивыми.

Наконецъ наступило время отправиться на корабль голландскаго посланника, стоящій въ Темзѣ, близъ Temple-Trappe. Чтобы достигнуть этого пункта необходимо было ѣхать черезъ Сити и кладбище св. Павла.

Медленно двигалась по улицамъ наемная карета, въ которой, кромѣ Самуила бенъ Израэля, сидѣли: Авраамъ, м-ръ Никласъ и Мануэлла. Вездѣ толпился народъ, который также направлялся къ кладбищу. Наконецъ показались башни собора, но здѣсь толпа загородившая дорогу была такъ велика, что приходилось сдѣлать большой объѣздъ или идти пѣшкомъ. Путники предпочли послѣднее и вышли изъ кареты.

Между тѣмъ небо мало по малу покрылось облаками, которыя придали сѣроватый колоритъ окружающимъ предметамъ; въ воздухѣ чувствовалась какая-то давящая пронизывающая сырость. Толпа, состоящая изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, хранила гробовое молчаніе. Чѣмъ далѣе подвигались путники изъ Duke-Sreet, тѣмъ непріятнѣе дѣйствовало на нихъ это мрачное торжественное молчаніе.

— Я былъ увѣренъ, замѣтилъ м-ръ Никласъ, что печальное зрѣлище кончилось и мы уже не застанемъ его...

Они дошли до замкнутыхъ рядовъ солдатъ разставленныхъ четырехъугольникомъ на площади. Внутри сггг оставлено было пустое пространство, посреди котораго видѣнъ былъ худощавый юноша въ драгунскомъ мундирѣ, красноватый цвѣтъ котораго еще больше отгбнялъ мертвенную блѣдность его лица. Темнокаштановыя пряди волосъ опускались на лобъ. Большіе ясные глаза спокойно смотрѣли на взводъ солдатъ легкой кавалеріи, которые стояли съ ружьями въ рукахъ, потупивъ взоры въ землю.

— Робертъ Лакиеръ! воскликнула Мануэлла; дѣлая надъ собой усиліе, чтобы подавить невольный крикъ. Авраамъ также узналъ преступника, котораго видѣлъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ лагерѣ Кромвеля.

Во главѣ взвода стоялъ молодой полковникъ, лицо котораго было не менѣе блѣдно, чѣмъ у приговореннаго къ смерти. Это былъ Франкъ Гербертъ. Онъ вынулъ часы изъ кармана; рука его замѣтно тряслась, пока глаза слѣдили за ходомъ часовой стрѣлки.

Въ это время на башнѣ св. Павла пробило 10 часовъ.

Франкъ Гербертъ казался спокойнымъ; но лицо его еще больше поблѣднѣло когда онъ подошелъ къ товарищу дѣтства, съ которымъ черезъ минуту долженъ былъ разстаться навѣки. Прощай Робертъ, сказалъ онъ, глухимъ голосомъ, если хочешь, тебѣ завяжутъ глаза?..

— Нѣтъ, не нужно, я не боюсь смерти! отвѣтилъ приговоренный.

Франкъ вернулся на прежнее мѣсто. По его командѣ двадцать ружейныхъ стволовъ были одновременно направлены на грудь Лакиера.—Я вижу славу Господа моего, воскликнулъ онъ, да будетъ благословенно имя Его!.. Это были его послѣднія слова. Вслѣдъ затѣмъ, по командѣ Герберта, раздался ружейный залпъ, и густое синеватое облако на минуту скрыло отъ глазъ зрителей окровавленное тѣло, пронизанное пулями.

Франкъ Гербертъ долженъ былъ опереться на шпагу, чтобы не упасть.—Какую новую жертву еще потребуешь ты отъ меня жестокой Кромвель! пробормоталъ онъ. Я все отдалъ тебѣ... молодость, дружбу, любовь, а теперь...

Голосъ его прервался, онъ не могъ окончить фразы—слезы душили его.

Солдаты тѣсно сомкнули свои ряды; народъ началъ расходиться. Теперь ничто не мѣшало четверемъ невольнымъ свидѣтелямъ этой печальной сцены продолжать свой путь. Они нашли свою карету за воротами кладбища и молча сѣли въ нее подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго.

Наружность Лакиера напомнила Мануэллѣ другаго молодаго фана-

тика, Исаака де Кастро; она спросила Самуила: не можетъ ли онъ сообщить что нибудь объ участи ея двоюроднаго брата? Вопросъ этотъ въ первую минуту смутилъ Самуила, но, не считая себя вправѣ скрывать истину, онъ разсказалъ, что де Кастро, пользуясь дозволеніемъ Кромвеля, отправился въ Америку, чтобы отыскать своихъ единовѣрцевъ, но попалъ въ плѣнъ къ португальцамъ, которые изъ Багіа отправили его въ Лиссабонъ и предали въ руки инквизиціи.

— О Боже! воскликнула Мануэлла взволнованная до глубины души. Вѣдный Исаакъ, что можетъ быть ужаснѣе этого...

— Не трудно догадаться каковъ былъ его конецъ! продолжалъ Самуиль. Ему предложили отречься отъ еврейства; но онъ не захотѣлъ купить себѣ жизнь такой цѣной и съ радостью готовился къ смерти.

Послѣ цѣлаго ряда невыносимыхъ пытокъ его сожгли на кострѣ.

Часъ спустя Мануэлла вернулась въ домъ своихъ друзей на Duke-Street'ѣ; въ это время корабль, который везъ Самуила на родину, плылъ по Темзѣ по ту сторону Тоуэра.

Въ сумерки того же дня Франкъ Гербертъ шелъ по одной изъ лондонскихъ улицъ за стѣнами Сити. Онъ бродилъ безъ цѣли по городу, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, нигдѣ не находя себѣ покоя. Наконецъ онъ остановился около небольшого дома, окна котораго выходили на деревья и лужайки сквера Lincoln's Inn Fields. Наступала теплая весенняя ночь. Звѣзды зажигались одна за другой на темной лазури неба; молодой мѣсяцъ освѣщалъ фронтоны старинныхъ зданій, окружавшихъ скверъ. Въ верхнемъ окнѣ дома, около котораго стоялъ Гербертъ, свѣтился огонь отъ небольшой лампы, горѣвшей на столѣ.

Неожиданно отворилась дверь, и изъ дома вышли трое людей; двое изъ нихъ были въ нарядной одеждѣ знатныхъ лицъ того времени; третій былъ завернутъ въ темный плащъ и въ высокой остроконечной шляпѣ, которую тогда носили пуритане. Длинные волосы окаймляли его правильное овальное лицо, въ которомъ выражалась кроткая покорность судьбѣ. Благодаря лунному освѣщенію онъ тотчасъ же узналъ Франка Герберта и протянулъ ему руку.

— Вѣроятно, вы хотѣли зайти ко мнѣ, мой дорогой другъ? спросилъ онъ тихимъ голосомъ.

— Да, возразилъ Франкъ Гербертъ. При томъ внутреннемъ разладѣ, который испытываетъ каждый изъ насъ, ничего не остается, какъ искать утѣшенія у поэтовъ...

Тотъ, къ кому были обращены эти слова, грустно улыбнулся и бросилъ прощальный взглядъ на окно, изъ котораго виднѣлся свѣтъ. — Жаль, сказалъ онъ, что именно сегодня я не могу при-

нять васъ! Эти господа пришли за мной по порученію генерала Кромвеля. Мнѣ предлагаютъ мѣсто секретаря въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

— И вы думаете принять это мѣсто? спросилъ Гербертъ, съ замираніемъ сердца.

— Мы всѣ обязаны служить отечеству, отвѣтилъ его собесѣдникъ и, пожавъ ему руку, удалился съ своими провожатыми.

Это былъ Джонъ Мильтонъ.

Скоро лунная тѣнь скрыла темныя фигуры трехъ удалявшихся людей.

— Мильтонъ и Кромвель! воскликнулъ Франкъ Гербертъ съ горькимъ смѣхомъ; было время, когда я поклонялся вамъ и считалъ васъ олицетвореніемъ своего идеала!...

Конецъ четвертой части.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

ГЛАВА I.

Менассія бенъ Израэль.

РОШЛО нѣсколько лѣтъ. Новый государственный строй Англии вынесъ не мало колебаній; республика переживала болѣе зрѣлый періодъ развитія. Кромвель былъ объявленъ протекторомъ «Соединенныхъ королевствъ Англии, Шотландіи и Ирландіи, а равно и принадлежащихъ къ нимъ колоній».

Англія процвѣтала подъ властью протектора; общее благосостояніе и довольство господствовали внутри государства; внѣ его предѣловъ имя Британіи было окружено небывалымъ блескомъ. Войны постоянно кончались въ пользу Англии; Голландія, послѣ упорной борьбы, должна была признать первенство новой республики; вслѣдъ затѣмъ между обѣими морскими державами заключенъ былъ миръ. Стараніями Кромвеля составлена была могущественная лига, соединившая протестантскій сѣверъ: Швецію, Данію, Голландію, Ганзейскіе города, Бранденбургъ; въ составъ лиги входили даже швейцарскіе кантоны. Лига эта приводила въ трепетъ остальную Европу. Царствующія особы наперерывъ искали дружбы протектора; ихъ посланники толпились въ приемныхъ комнатахъ Уайтголля, избраннаго имъ для своего мѣстопробыванія. Испанія, на престолѣ которой сидѣлъ государь Габсбургскаго дома, соперничала съ Франціей въ способахъ заручиться милостью Кромвеля, прибѣгая къ кознямъ, подкупамъ и интригамъ. Протекторъ одно время поддерживалъ хорошія отношенія

съ обѣими державами; чтобы сохранить миръ онъ пока не рѣшался на союзъ съ Франціей и открытый разрывъ съ Испаніей. Въ это время во Франціи у кормила правленія стоялъ человѣкъ, который хотя не могъ сравниться съ Кромвелемъ по своимъ способностямъ, но, благодаря своему недюжинному уму, былъ въ состояніи понять и оцѣнить его значеніе. Этотъ человѣкъ былъ кардиналъ Мазарини.

При этихъ условіяхъ общественная жизнь въ Лондонѣ все болѣе и болѣе освобождалась отъ мрачнаго гнета, который такъ долго тяготѣлъ надъ столицей. вмѣстѣ съ пробужденіемъ дѣятельности явилось давно не испытанное чувство довольства. Каждый вдвойнѣ наслаждался миромъ послѣ бѣдствій и лишеній долгой войны. Дѣла на биржѣ шли наилучшимъ образомъ; магазины и лавки были переполнены покупателями. Дамы снова щеголяли изяществомъ своихъ нарядовъ, хотя послѣдніе были гораздо скромнѣе, чѣмъ при дворѣ Карла I. Румяна начали входить въ моду, а равно и напудренные волосы. Въ паркѣ можно было встрѣтить массу катающихся верхомъ на прекрасныхъ лошадяхъ и сотни богатыхъ экипажей. Благодаря продолжительному воздержанію лондонцы сдѣлались впечатлительными и воспримчивыми ко всякаго рода удовольствіямъ, театральнымъ представленіямъ и зрѣлищамъ. Фокусники и шарлатаны могли рассчитывать на быстрое обогащеніе; клоуны попрежнему забавляли публику. Въ народѣ носился упорный слухъ, что въ числѣ послѣднихъ былъ переодѣтый Георгъ Виллье, герцогъ Бокингемъ; но слухъ этотъ казался такимъ неправдоподобнымъ, что никто изъ разсудительныхъ людей не хотѣлъ вѣрить ему.

Терпимость, съ какой относился Кромвель къ проявленіямъ общественной жизни, сказывалась и въ его отношеніи къ религіознымъ вопросамъ. Люди, преслѣдуемые въ другихъ странахъ, стекались въ Англію, гдѣ они встрѣчали радушный приѣмъ и гдѣ въ послѣднее время даже на евреевъ стали смотрѣть иначе, чѣмъ прежде.

М-ръ Никласъ не ошибся относительно впечатлѣнія, произведеннаго его книгой при первомъ ея появленіи въ свѣтъ. О ней заговорили не только въ протестантскихъ кружкахъ, но и вообще въ образованномъ классѣ общества, среди котораго непосредственно возникъ вопросъ: не слѣдуетъ ли отмѣнить законъ, по которому болѣе четырехсотъ лѣтъ тому назадъ евреи были изгнаны изъ Англій. Актъ изгнанія былъ дѣломъ насилия, не имѣющимъ никакого юридическаго, а тѣмъ болѣе политическаго основанія. Такъ разсуждали всѣ свободомыслящіе и разумные люди, и никто не сознавалъ этого съ такою ясностью, какъ самъ Кромвель. Онъ внимательно прочелъ книгу своего секретаря и, освободившись отъ болѣе настоятельныхъ дѣлъ, вспомнилъ о судьбѣ изгнанныхъ евреевъ.

Въ Голландію было послано письмо, въ которомъ государственный секретарь Турлоэ именемъ протектора приглашалъ раввина Менассію бенъ Израэля пріѣхать въ Лондонъ. Турлоэ познакомился съ почтеннымъ раввиномъ во время своего пребыванія въ Амстердамѣ; и видѣлъ, какимъ уваженіемъ пользовался послѣдній не только въ еврейской общинѣ, но и со стороны государственныхъ людей и ученыхъ Батавской республики.

Имя бенъ Израэля было извѣстно въ Англии, такъ какъ въ послѣдніе годы онъ не разъ обращался съ просьбами объ облегченіи участи своихъ соотечественниковъ къ государственному совѣту, парламенту и самому Кромвелю и писалъ письма вліятельнымъ людямъ столицы. Поэтому, когда поднятъ былъ вопросъ о допущеніи евреевъ въ Англию, то вспомнили о человѣкѣ, который всего ревностнѣе хлопоталъ объ этомъ. Его пригласили пріѣхать въ Лондонъ отъ имени Кромвеля, который отдалъ приказъ, чтобы его приняли съ тѣмъ же почетомъ, какъ посланниковъ другихъ націй. Такимъ образомъ ученый раввинъ увидѣлъ страну, которая въ послѣднее время представлялась ему какой-то обѣтованной землей. Онъ пріѣхалъ въ сопровожденіи раввиновъ изъ разныхъ европейскихъ государствъ и нѣсколькихъ богатыхъ и наиболѣе уважаемыхъ членовъ еврейской амстердамской общины.

Гостя помѣстили въ роскошно убранномъ домѣ на берегу Темзы противъ такъ называемой «Новой биржи», которая въ то время представляла родъ моднаго базара, постоянно переполненнаго покупателями. Вдоль рѣки тянулся рядъ прекрасныхъ зданій, окруженныхъ садами; они не были пусты, какъ въ 1648 и 1649 годахъ, когда передъ нѣкоторыми изъ нихъ стояли эшафоты и большинство владѣльцевъ обратилось въ бѣгство. Теперь многіе представители высшаго дворянства вернулись въ свои замки, одни помирились съ Кромвелемъ, а тѣхъ, которые не рѣшились на подобный шагъ, оставляли въ покоѣ, такъ какъ они пока ничѣмъ не проявляли своей вражды противъ существующаго правительства. Къ этимъ замкамъ примыкали обширныя площади и многолюдные рынки, благодаря которымъ Вестминстеръ, по словамъ современной хроники, казался «больше и красивѣе С.-Жерменскаго предмѣстья въ Парижѣ».

Домъ, въ которомъ поселился Менассія бенъ Израэль, былъ расположенъ на западной сторонѣ Вестминстера, въ одномъ изъ самыхъ модныхъ кварталовъ столицы. Яркіе лучи весенняго солнца освѣщали большую комфортабельную комнату, въ открытое окно проникалъ мягкій весенній воздухъ.

Раввинъ сидѣлъ въ покойномъ креслѣ, передъ столомъ, покрытымъ рукописями и книгами; онъ дружески бесѣдовалъ съ Авраамомъ, который ежедневно посѣщалъ ученаго человѣка, составлявшаго гордость своихъ единовѣрцевъ. Раввину было около пятиде-

сяти двухъ лѣтъ; лицо его при первой встрѣчѣ казалось далеко не привлекательнымъ. Маленькіе глаза съ рѣдкими рѣсницами плохо гармонировали съ широкимъ приплюснутымъ носомъ и большимъ ртомъ съ выступающей нижней губой; взъерошенная рыжеватая борода покрывала подбородокъ; волосы на головѣ были коротко обстрижены. Но при болѣе внимательномъ взглядѣ лицо Менасси производило безусловно хорошее впечатлѣніе, такъ какъ въ немъ выражалась безконечная доброта, честность и твердость характера. Тяжелыя заботы и усиленная умственная работа покрыли его лобъ глубокими морщинами. На раввинѣ былъ надѣтъ длиннополый сюртукъ съ большимъ полотнянымъ воротникомъ безъ всякой вышивки; на головѣ была черная ермолка; около него на стулѣ лежала плоская войлочная шляпа съ большими полями.

— Извѣстіе, что въ англійскомъ парламентѣ поднять еврейскій вопросъ, сдѣлало большое впечатлѣніе на Джозе д'Акоста, сказалъ раввинъ, продолжая начатый разговоръ. Онъ не придавалъ никакого значенія нашему дѣлу, пока о немъ толковали одни ученые и безпристрастные люди въ письмахъ и сочиненіяхъ; но парламентъ имѣетъ въ его глазахъ особенную цѣну. Подобный фактъ долженъ быть, по его мнѣнію, обратить на себя вниманіе всего міра!... Вслѣдъ затѣмъ получено было пригласительное письмо отъ имени протектора и англійскаго правительства. Въ это время мы справляли праздникъ «кущей»; въ послѣдній день праздника, въ полдень, англійское посольство появилось въ синагогѣ, которая сіяла во всемъ своемъ великолѣпіи, при яркихъ лучахъ утренняго солнца. Весь городъ былъ польщенъ той честью, какую оказывали намъ, и съ сочувствіемъ отнесся къ роскошному приему, который мы устроили для англійскаго посольства. Наканунѣ моего отъѣзда я послалъ спросить Джозе д'Акоста, не дастъ ли онъ мнѣ какого нибудь порученія въ Англію, въ надеждѣ, что онъ вспомнитъ о своей единственной дочери. Онъ отвѣтилъ, что желаетъ мнѣ счастливаго пути и полного успѣха въ дѣлахъ, но при этомъ не велѣлъ ничего передать своей дочери. Мнѣ не разъ приходило въ голову, что судьба Мануэлла похожа на судьбу нашего народа; надъ нею также тяготѣетъ проклятіе и она принуждена странствовать въ чужой землѣ. Но къ счастью Господь милосерднѣе насъ!...

— Бѣдная дѣвушка! проговорилъ со вздохомъ Авраамъ; неужели д'Акоста никогда не скажится надъ своей дочерью!

Раввинъ недовѣрчиво покачалъ головой и, послѣ минутнаго молчанія, продолжалъ свой рассказъ: — На другой день мы сѣли на корабль, который благополучно доставилъ насъ въ здѣшнюю гавань. Дальнѣйшее вамъ извѣстно. Намъ приготовили царскій приемъ и оказали такое широкое гостепримство, о которомъ мы даже не смѣли мечтать. Правда, дѣло, для котораго мы пріѣхали сюда, медленно подвигается впередъ, благодаря непредвидѣннымъ

препятствіямъ. Всякое колебаніе въ общественномъ мнѣніи преграждаетъ намъ путь. Протекторъ не можетъ дѣйствовать такъ рѣшительно, какъ бы желалъ этого, потому что властелины и великіе міра сего должны неизбѣжно сообразоваться съ общественнымъ мнѣніемъ. Быть можетъ намъ придется долго ждать, мой другъ Авраамъ, и поэтому необходимо вооружиться терпѣніемъ. Во всякомъ случаѣ протекторъ на нашей сторонѣ; онъ благосклонно принялъ петицію, которую я послалъ ему черезъ его секретаря. Къ сожалѣнію мнѣ до сихъ поръ не удалось видѣть его самого. Правительственныя заботы тяготѣютъ надъ нимъ, и что можетъ требовать представить угнетеннаго народа отъ человѣка, который держитъ въ своихъ рукахъ бразды правленія трехъ королевствъ. Но я не теряю надежды, что наконецъ наступитъ день, и насъ выслушаютъ... Между тѣмъ я встрѣчаю со всѣхъ сторонъ самый лестный пріемъ, знатные лорды просили меня посѣтить ихъ и отдали визиты, ученые въ Кембриджѣ и Оксфордѣ отнеслись ко мнѣ съ такимъ же уваженіемъ, какъ и лондонская аристократія. Тотъ же почетъ былъ оказанъ и моему сыну Самуилу, который всюду сопровождалъ меня, особенно въ Оксфордѣ, гдѣ философскій факультетъ, послѣ предварительнаго испытанія, опредѣлилъ выдать ему дипломъ въ виду его основательнаго знакомства съ классиками. Но это не такъ легко было исполнить какъ думали почтенные ученые. Богословы возстали противъ этого, и дѣло пойдеть на разрѣшеніе Кромвеля, какъ канцлера университета. Не говоря о моихъ личныхъ чувствахъ, для всѣхъ насъ было бы величайшимъ торжествомъ, если бы еврей получилъ докторскій дипломъ въ этой странѣ, гдѣ восемь или десять лѣтъ тому назадъ не смѣлъ показаться ни одинъ человѣкъ нашего племени...

Глаза раввина сверкнули при этихъ словахъ и отблескъ счастья на минуту озарилъ его лицо. Онъ замолчалъ, такъ какъ дверь отворилась и въ комнату вошла Мануэлла въ сопровожденіи Самуила. Солнечный лучъ, падавшій изъ окна, одновременно освѣтилъ ихъ обоихъ, затѣмъ они разошлись. Мануэлла подошла къ раввину и сѣла около него, между тѣмъ какъ Самуилъ остановился у дверей, говоря, что ждетъ м-ра Никласа, который вошелъ въ домъ вслѣдъ за ними.

Раввинъ ласково взглянулъ на Мануэллу, затѣмъ глаза его остановились на сынѣ, такъ какъ онъ давно замѣтилъ склонность Самуила къ его любимой ученицѣ. Это чувство началось съ дѣтства, росло съ годами и окрѣпло въ долгой разлукѣ, несмотря на мучительныя сомнѣнія, неизвѣстность и полную безнадежность. Раввинъ никому не говорилъ объ этомъ, даже своему сыну, но онъ искренно желалъ его брака съ Мануэллой.

Сильный стукъ въ дверь возвѣстилъ приходъ м-ра Никласа, который, по своему обыкновенію, не могъ войти въ домъ безъ шума,

въ особенности, если имѣлъ возможность сообщить какое нибудь важное извѣстіе.

— Будьте готовы, почтеннѣйшій раввинъ, проговорилъ онъ съ трудомъ переводя дыханіе, потому что въ послѣдніе годы фигура его приняла еще большіе размѣры. Я пришелъ сюда прямо изъ Уайтголя, тамъ рѣшили завтра-же назначить вамъ пріемъ, но не частнымъ образомъ, какъ этого желалъ скромный амстердамскій раввинъ. Нѣтъ, почтенный Менассія,—протекторъ велѣлъ пригласить васъ и вашихъ спутниковъ на торжественную аудіенцію въ банкетной залѣ, гдѣ онъ намѣренъ привѣтствовать васъ передъ цѣлымъ свѣтомъ и выслушать ваши требованія.

Это извѣстіе было настолько неожиданно, что раввинъ долженъ былъ сдѣлать усиліе, чтобы отвѣтить. Онъ всталъ съ мѣста и пожавъ руку секретарю, сказалъ:

— Господь да сохранитъ протектора и избавитъ его отъ враговъ и ихъ тайныхъ козней! Въ немъ вся надежда израиля!

Тѣнь неудовольствія промелькнула на добродушномъ лицѣ м-ра Никласа при послѣднихъ словахъ раввина. — Вы правы, сказалъ онъ,—нужно молить Бога, чтобы онъ уничтожилъ его враговъ, этихъ клятвопреступниковъ и измѣнниковъ отечества. На-дняхъ мы получили вѣрное извѣстіе, что безумный Бокингемъ опять здѣсь. Этотъ человѣкъ, какъ буревѣстникъ, онъ всегда тамъ, гдѣ въ воздухѣ можно ожидать грозы. Теперь онъ не выскользнетъ изъ нашихъ рукъ! Хотя протекторъ врагъ всякой бесполезной строгости, но онъ долженъ принять мѣры, чтобы покончить съ герцогомъ. Для господъ кавалеровъ заговоры такая же забава, какъ игра въ карты или кости. Кто бываетъ въ проигрышѣ въ этихъ случаяхъ? Простой человѣкъ, шея котораго не настолько гибка, чтобы вытащить голову изъ петли. Во всякомъ случаѣ Бокингема не одобровать! Намъ передали, что его видѣли на подмосткахъ передъ «Новой биржей» въ роли клоуна; мы ждемъ на-дняхъ еще болѣе точныхъ свѣдѣній. Сегодня вечеромъ, онъ долженъ быть въ гостяхъ у одной дамы, и вѣроятно выболтаетъ все, что намъ нужно знать...

М-ръ Никласъ понизилъ голосъ, Мануэлла воспользовалась этой минутой, чтобы отозвать къ окну Самуила, который былъ пораженъ внезапной блѣдностью, покрывшей ея лицо.

— Ты слышала, что говорилъ м-ръ Никласъ? спросила она взволнованнымъ голосомъ;—ему измѣнили...

— Такой человѣкъ какъ Бокингемъ не заслуживаетъ лучшей участи! замѣтилъ Самуиль.

— Не намъ быть его судьями, возразила съ горячностью Мануэлла.—Пусть онъ погибнетъ отъ Божьей руки, а не отъ коварства графини Дизаръ, которая измѣнила своимъ лучшимъ друзьямъ. Я убѣждена, что это опять ея дѣло. Умоляю тебя Самуиль спаси его! Одно воспоминаніе объ этой злой женщинѣ и отвратительномъ ли-

цембрѣ, который пользуется ея милостью, приводитъ меня въ ужасъ. Я не желала бы, чтобы даже мой отъявленный врагъ очутился въ ихъ власти. Ты можешь освободить его изъ ихъ рукъ, если захочешь этого.

— Мануэлла, сказала юноша, взглянувъ на нее съ укоризной.— Ты слишкомъ заботишься объ участи этого недостойнаго человѣка. Я не имѣю никакого основанія сомнѣваться въ тебѣ, но къ чему подавать новый поводъ къ подозрѣнiямъ, изъ-за которыхъ ты вынесла столько мученiй.

Мануэлла молча опустила голову; печальное выраженiе ея лица глубоко тронуло Самуила бенъ Израиля. — Ты требуешь отъ меня невозможнаго! возразилъ онъ.— Укажи мнѣ, гдѣ и какимъ способомъ могу я извѣстить этого безумнаго смѣльчака о грозящей ему опасности.

— М-ръ Никласъ сказалъ, что онъ долженъ быть сегодня вечеромъ у одной дамы... Если мое предположенiе вѣрно, то тебѣ не трудно будетъ найти его. Когда начнетъ темнѣть выйди на дорогу, которая ведетъ къ «Нам-Нанс» и жди его тамъ. Ты передашь ему эту записку.

Мануэлла взяла со стола клочекъ бумаги и написала на ней нѣсколько словъ карандашемъ.— Вотъ записка, сказала она, исполнишь ли ты мою просьбу Самуиль?

— Разумѣется, если ты желаешь этого, отвѣтилъ влюбленный юноша, пряча записку въ карманъ.— Но я не увѣренъ, хорошо ли я дѣлаю, спасая этого жалкаго человѣка, который одинаково вреденъ, какъ для государства, такъ и для славы его.

— Неужели ты въ самомъ дѣлѣ считаешь опасными людей, подобныхъ Бокингему, сказала Мануэлла съ презрительной улыбкой, которая окончательно разсѣяла сомнѣнiя ея вѣрнаго друга.

Въ это время м-ръ Никласъ опять возвысилъ голосъ, такъ какъ разговоръ перешелъ къ новости, одинаково занимавшей троихъ собесѣдниковъ.

— Завтра утромъ, продолжалъ онъ,— приблизительно около этого времени явится сюда оберъ-церемонiймейстеръ, сэръ Оливеръ Флемингъ въ парадной формѣ. За вами и вашими спутниками будутъ присланы государственныя кареты. По всѣмъ улицамъ, по которымъ вы будете проѣзжать отъ этихъ воротъ до дворца, караульные будутъ отдавать вамъ честь. Все это было соблюдено во время приѣма новаго французскаго посланника, тоже будетъ сдѣлано и для васъ.

Раввинъ разсѣянно слушалъ словоохотливаго секретаря, такъ какъ въ это время онъ мысленно молилъ Бога, чтобы внѣшнiй почетъ, который хотѣли оказать еврейскому народу въ лицѣ его представителей, привелъ къ болѣе существеннымъ и прочнымъ результатамъ.

ГЛАВА II.

Предостереженіе.

Быль девятый часъ вечера. Графиня Дизаръ съ возрастающимъ нетерпѣніемъ ожидала прибытія Бокингема.

Она сидѣла въ своемъ уютномъ будуарѣ, стѣны котораго были обиты бѣлой кожей, выложенной серебромъ и лазурью и украшены рѣзбой изъ лакированного дуба; красивый серебряный бордюръ окаймлялъ потолокъ. Каминъ представлялъ такое же гармоничное сочетаніе бѣлаго и голубаго цвѣта, серебряныя подпорки отсвѣчивали красноватымъ свѣтомъ, отъ яркаго огня, горѣвшаго за рѣшеткой. На потолокъ висѣла лампа, освѣщавшая комнату пріятнымъ полусвѣтомъ. Обѣ двери были открыты: изъ одной видѣлась спальня, въ глубинѣ которой стояла роскошная постель съ пологомъ изъ голубой парчи; другая дверь выходила въ залу, богато убранную скульптурными произведеніями, среди которыхъ бѣлѣли въ темнотѣ мраморныя фигуры девяти музъ, стоявшія полукругомъ.

Ходили слухи, будто графиня не разъ принимала протектора въ этомъ роскошномъ будуарѣ съ его соблазнительной обстановкой. Трудно поручиться въ достовѣрности этихъ слуховъ, такъ какъ народная молва часто связываетъ всякія небылицы съ великими именами какъ въ хорошую, такъ и въ дурную сторону. Но весьма вѣроятно, что графиня испытала всѣ средства, чтобы запречь могущественнаго человѣка въ свою колесницу, такъ какъ нерѣдко фантазія сильнѣе увлекаетъ женщинъ, нежели потребность сердца.

Во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были отношенія Кромвеля къ графинѣ Дизаръ, онъ не былъ человѣкомъ, который могъ бы выносить иго женщины хотя бы самой красивой и ловкой. Онъ понималъ ея властолюбивую натуру послѣ первой встрѣчи и подчинилъ ее своей непреклонной волѣ; она чувствовала себя безсильной передъ нимъ, и это до извѣстной степени возвратило ей чувство собственнаго достоинства и самообладаніе. Графиня часто бывала при дворѣ протектора, и Уайтголлъ былъ всегда открытъ для нея, но это не удовлетворяло ее. Такой милостью пользовались и другія знатныя дамы, которыя ничѣмъ не заслужили ее и далеко не были такъ красивы какъ она. Сознавая всю неловкость своего положенія, она сначала боялась протектора, затѣмъ мало по малу возненавидѣла его отъ всей души. Каждый слухъ съ континента о маленькомъ дворѣ Карла II придавалъ ей новыя надежды. Между тѣмъ она была настолько въ рукахъ протектора и его полиціи, что не имѣла никакой возможности освободиться отъ тяготившаго надъ нею гнета. Хотя жизнь ея не подвергалась опасности, но достаточно было малѣйшаго повода, чтобы ее лишили имущества, которое до

сихъ поръ оставалось изъято отъ секвестровъ и конфискацій, наложенныхъ на имѣнія другихъ роялистовъ. Для графини это было тѣмъ тяжелѣе, что она была крайне расточительна и постоянно нуждалась въ деньгахъ. Такимъ образомъ ея положеніе становилось со дня на день невыносимѣе, и она все болѣе и болѣе запутывалась въ собственныхъ сѣтяхъ.

Красивая женщина порывисто встала съ кресла и стала ходить взадъ и впередъ по мягкому ковру. Она скрестила руки на груди; на лицѣ ея вмѣстѣ съ нетерпѣніемъ выражалась упорная рѣшимость идти наперекоръ судьбѣ. До сихъ поръ сдѣлано было не мало попытокъ на жизнь протектора. Убийцы дѣйствовали подъ влияніемъ фанатизма или въ надеждѣ на большую награду. Они подкарауливали Кромвеля по дорогѣ изъ его загороднаго дома въ Hampton-Court'ъ до городской резиденціи въ Уайтголлѣ. Чтобы достигнуть своей преступной цѣли они прибѣгали къ помощи кинжала, яда, коварства, измѣны; старались даже проникнуть въ его внутренніе покои. Умерщвленіе «тирана» было заранѣе провозглашено «актомъ героизма» въ лагерѣ враговъ протектора. Но все было напрасно; тотъ, противъ котораго были направлены всѣ эти удары, повидимому находился подъ особымъ покровительствомъ Божіимъ, и единственнымъ печальнымъ результатомъ этихъ попытокъ былъ эшафотъ или темница. Носились слухи, что Кромвель носить подъ платьемъ панцырь, который защищаетъ его отъ ударовъ, что онъ не прикаснется къ кубку вина, пока другіе не попробуютъ его; и будто бы онъ каждую ночь мѣняетъ комнату, которая должна служить для него спальней.

Также неудачны были попытки поднять возстаніе въ различныхъ графствахъ Англіи; онѣ повели только къ усиленію строгихъ мѣръ, принятыхъ противъ роялистическихъ фамилій Англіи и увеличенію бдительности протектора.

Все это знала графиня; невеселыя мысли занимали ее въ то время, когда она въ волненіи ходила по комнатѣ. Свобода могла быть возвращена ей только съ паденіемъ Кромвеля, и ничего на свѣтѣ она не желала болѣе этого. Тѣмъ не менѣе она находилась въ такой зависимости отъ него, что если бы даже представился случай достигнуть желанной цѣли, то она лично не могла бы воспользоваться имъ. Два зоркихъ глаза неотступно слѣдили за нею; она трепетала передъ своимъ дворецкимъ Пиккерлингомъ и не видѣла возможности отдѣлаться отъ него.

Не разъ проклинала она тотъ день, когда по своей неосторожности должна была сдѣлаться его сообщницей. Маленькій кулакъ ея сжимался отъ ярости при мысли, что она сама по собственной винѣ поставила себя въ эту двойную зависимость. У ней явилось недовѣріе къ собственному уму и изобрѣтательности, которая не разъ выводила ее изъ затрудненія въ былыя времена.

— Необходимо уничтожить протектора, пробормотала красивая женщина; но первый шагъ долженъ быть сдѣланъ по трупу этого негодяя.

Въ это время раздался тонкій серебристый звукъ каминныхъ часовъ изъ чернаго дерева съ серебряной насѣчкой. Пробыло девять часовъ.

— Онъ самъ назначилъ этотъ часъ, сказала она вполголоса. Къ несчастью Пиккерлингъ знаетъ, что я ожидаю Бокингема; но по крайней мѣрѣ онъ не услышитъ нашего разговора.

Она накинула на себя кашемировую шаль, лежавшую около нея на креслѣ, и, пройдя залу и сѣни, вышла въ открытую галерею, окружавшую эту часть замка. Отсюда она пробралась чуть слышными шагами къ широкой лѣстницѣ, ведущей въ паркъ, и стала прислушиваться. Была теплая весенняя ночь; звѣзды свѣтили такъ ярко, что можно было различить очертанія предметовъ. Южный вѣтеръ проносился по темнымъ аллеямъ, наполненнымъ ароматомъ свѣжей зелени; между группами деревьевъ отсвѣчивали бѣлыя статуи боговъ, богинь, фавновъ и сатировъ, двойной рядъ которыхъ обозначалъ дорогу, ведущую къ воротамъ парка, за которыми текла Темза. Въ недалекомъ разстояніи отъ лѣстницы стояла колоссальная фигура, изображавшая рѣчнаго бога; верхушки деревьевъ образовали надъ нимъ высокій сводъ.

Графиня боязливо оглянулась; затѣмъ пошла по главной аллеѣ и, спускаясь съ террасы на террасу, остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воротъ, такъ какъ къ своему ужасу увидѣла Пиккерлинга, сидящаго рядомъ съ привратникомъ.

— Опять этотъ человѣкъ! пробормотала она сквозь зубы. Быть можетъ онъ не замѣтилъ меня...

Она быстро проскользнула на боковую дорожку и, вынувъ ключъ изъ кармана, осторожно открыла калитку въ стѣнѣ. Но едва сдѣлала она нѣсколько шаговъ, какъ ей показалось, что кто-то крадется за деревьями. — Бокингема! сказала она вполголоса, но никто не откликнулся на ея зовъ. Она боролась между естественнымъ страхомъ беззащитной женщины и рѣшимостью идти наперекоръ опасности. Но вотъ опять ясно раздалися шаги, хотя она не знала, были ли это тѣ самые, которые слышались за деревьями, такъ какъ не довѣряла своему слуху.

— Бокингема! крикнула она.

— Миледи! послышался отвѣтъ.

Это былъ герцогъ Бокингема, одѣтый въ длинный плащъ, который носили тогда обитатели Сити. Роскошные каштановые волосы опускались изъ-подъ широкихъ полей войлочной шляпы на бѣлый воротникъ рубашки. Несмотря на этотъ простой пуританскій костюмъ, онъ все-таки имѣлъ видъ джентльмена и аристократа. Онъ смѣло приблизился къ прекрасной дамѣ и поцѣловалъ

ея руку съ утонченной вѣжливостью, какъ будто встрѣтился съ нею въ ея гостиной.

— Если бы вы знали, Бокингемъ, какъ я боялась за васъ, сказала она шепотомъ.

— Вы напрасно беспокоитесь обо мнѣ, миледи, возразилъ герцогъ съ веселымъ смѣхомъ. Приключенія—моя сфера, и я глубоко убѣжденъ, что умру въ своей постелѣ естественной смертью.

Сердце графини замерло при этихъ словахъ; она знала, что Пиккерлингу извѣстно намѣреніе Бокингема посѣтить ее, потому что онъ присутствовалъ при ихъ случайной встрѣчѣ въ толпѣ, наполнявшей залы «Новой биржи». Кто могъ поручиться, что онъ уже не сдѣлалъ доноса.

— Клянусь моимъ патрономъ, св. Георгомъ, продолжалъ герцогъ, что въ этотъ прїездъ въ Англїю мнѣ даже не пришлось испытать ничего подобнаго, какъ послѣ битвы при Ворчестерѣ, когда мы въ теченіе цѣлыхъ недѣль и мѣсяцевъ, блуждали изъ одного графства въ другое, изъ лѣсу въ лѣсъ, преслѣдуемые драгунами Кромвеля. Его величество просидѣлъ однажды цѣлые сутки въ дуплѣ стараго дуба, близъ Воскобеля, когда кругомъ были красные мундиры, а я съ графомъ Дерби и Лаудердалемъ скакали верхомъ къ сѣверу. Мои товарищи были пойманы, но я остался цѣлъ и невредимъ, пробрался очертя голову черезъ цѣлый эскадронъ и даже по этому случаю познакомился съ лейтенантомъ, который сдѣлался моимъ большимъ прїателемъ.

Графиня въ это время думала, что легче убѣжать отъ цѣлой толпы непрїателей, нежели ускользнуть изъ рукъ Пиккерлинга, но не рѣшалась сообщить своихъ размысленій Бокингему. Она дрожала при всякомъ дуновеніи вѣтра, воображая, что тотъ, котораго она боялась больше всего на свѣтѣ, можетъ услышать ея слова.

— Простите, милордъ, что я принимаю васъ за стѣной моего парка, сказала она съ усиленіемъ; но я не считаю свой домъ безопаснымъ для васъ.

— Намъ извѣстно, миледи, возразилъ Бокингемъ, что у васъ въ услуженіи негодяй, котораго давно слѣдовало бы удалить. Онъ повредилъ нашему дѣлу при Nonsuch'ѣ; безъ него мой братъ вѣроятно остался бы живъ; и многое было бы иначе, нежели теперь. Это одинъ изъ шпионовъ Кромвеля.

— Я не подозрѣвала, милордъ, что вы знаете его! замѣтила графиня съ глубокимъ вздохомъ.

— Еще бы! Онъ пользуется у насъ такой извѣстностью, что его дальнѣйшее пребываніе въ Нам-Хаус'ѣ можетъ повредить вашей репутаціи, миледи, хотя никто не сомнѣвается въ вашей преданности нашему дѣлу.

У графини отлегло отъ сердца. Она видѣла, что ея положеніе

далеко не такь безнадежно, какь ей казалось до этой минуты, тѣмъ болѣе, что она могла свалить свою вину на другого.

— Вы оказали бы мнѣ большую услугу, если бы освободили меня отъ этого человѣка! шепнула графиня, пожимая руку герцогу.

— Вы можете рассчитывать на меня, миледи, сказалъ Бокингемъ. Но я не понимаю, почему мы такъ долго говоримъ объ этомъ лакеѣ. Не лучше ли воспользоваться нашимъ свиданіемъ, чтобы потолковать о дѣлѣ. Клянусь св. Георгомъ, что я пріѣхалъ сюда не изъ одной любви къ приключеніямъ. Какъ я уже говорилъ, въ послѣднюю кампанію я познакомился съ однимъ чудакомъ лейтенантомъ, по имени Джонъ Лилъбурнъ; сначала онъ служилъ въ кромвелевскомъ войскѣ, затѣмъ поссорился съ своимъ начальствомъ и былъ преданъ суду. Недавно я опять встрѣтилъ его въ Кале; онъ былъ выгнанъ изъ службы и отправился на континентъ. Я заговорилъ съ нимъ о Кромвелѣ; онъ тотчасъ же понесъ невообразимую чепуху, приправленную текстами священнаго писанія, изъ которой я понялъ, что онъ ненавидитъ протектора и готовъ на все, чтобы отомстить ему. Однимъ словомъ, я увидѣлъ, что это именно такой человѣкъ, какой нуженъ намъ, и тотчасъ же подружился съ нимъ. Въ это время на континентѣ получены были самыя неутѣшительныя вещи изъ Англій; говорили, что протекторъ намѣренъ сдѣлаться королемъ и что Франція готова помогать ему въ его честолюбивыхъ стремленіяхъ. Вѣдь это неслыханный скандалъ, миледи! Вообразите себѣ корону Англій на головѣ этого господина, съ его деревяннымъ грубымъ лицомъ и мужицкими манерами! Послѣ него ни одинъ порядочный человѣкъ не захочетъ надѣтъ англійской короны... Клянусь честью, что если такъ пойдутъ дѣла, то у насъ помирятся и съ этимъ маскарадомъ. Народъ можно пріучить къ чему угодно. Если мы не воспользуемся настоящимъ моментомъ, пока еще господствуетъ неурядица, то мы пропали; намъ нужно во что бы-то ни стало помѣшать восстановленію порядка. Протекторъ стремится къ коронѣ и, рано или поздно, достигнетъ своей цѣли; сыновья его стараются подражать аристократамъ и, къ соблазну благочестивыхъ людей, пьютъ вино и ухаживаютъ за женщинами; зять его возведенъ въ должность шталмейстера. Что же касается его дочерей, то онѣ высоко подняли головы, носятъ длинныя платья, какъ принцессы, хотя это также не къ лицу имъ, какъ обезьянамъ пурпуръ.

— Вы напрасно насмѣхаетесь надъ ними герцогъ Бокингемъ, замѣтила графиня; его младшая дочь, Францисъ, самое очаровательное существо, какое мнѣ когда либо приходилось встрѣчать.

Въ этотъ моментъ въ головѣ графини составилъ невѣроятный планъ, который казался ей вполне исполнимымъ. Извѣстно было, что одна изъ младшихъ дочерей Кромвеля, Мери, была недавно помолвлена за молодого графа Фолькенбриджа и, что многіе доби-

вались руки его послѣдней дочери Францисъ. Въ числѣ отвергнутыхъ жениховъ называли старшаго сына Конде и даже Карла II, Стюарта. Рассказывали, что сдѣлано было формальное предложеніе отъ имени послѣдняго; но что Кромвель, выслушавъ его, спокойно отвѣтилъ: «Стюартъ никогда не будетъ моимъ зятемъ; онъ настолько развратенъ, что ему нельзя довѣрять!» Все это были только слухи, но одно было достовѣрно, что протекторъ ничего не имѣлъ противъ того чтобы помирить старую англійскую аристократію съ новымъ порядкомъ вещей.

— Милордъ, сказала съ живостью графиня, схвативъ за руку Бокингема, если вы согласны, то я ручаюсь вамъ за успѣхъ. Я имѣю нѣкоторое вліяніе на Кромвеля, и мнѣ не трудно будетъ женить васъ на Францисѣ Кромвель, самой красивой, милой и богатой дѣвушкѣ въ Англій.

Въ головѣ ея рисовалась цѣлая сѣть закулисныхъ интригъ, съ помощью которыхъ она надѣялась выйти изъ своего затруднительнаго положенія. Увѣренность въ успѣхъ настолько воодушевила ее, что у ней опять явилось гордое сознаніе своей красоты и ума.

Бокингема возразилъ со смѣхомъ:

— Дѣйствительно это было бы вѣрное средство получить обратно мои замки и помѣстья, изъ которыхъ Кромвелю досталась лучшая часть; но я надѣюсь достигнуть этого инымъ способомъ. Во всякомъ случаѣ жаль, если дочь Кромвеля дѣйствительно такъ красива...

— Она хороша какъ ангелъ! сказала графиня, которая сдѣлала послѣднюю попытку, чтобы удержать потерянную позицію.

— Къ сожалѣнію я не могу воспользоваться вашимъ предложеніемъ миледи. Чтò сказалъ бы на это мой пріятель Лильбурнъ! Нѣтъ, миледи, ни одинъ кавалеръ не позволитъ себѣ принять въ видѣ милости то, что онъ можетъ потребовать съ помощью шпаги.

— А если этотъ путь закрыть для васъ? Вы, милордъ, болѣе чѣмъ кто нибудь должны бояться измѣны, замѣтила графиня.

— Измѣны! воскликнулъ съ безпокойствомъ герцогъ; но вслѣдъ затѣмъ онъ засмѣялся веселымъ смѣхомъ: Не вы ли миледи хотите предать меня въ руки враговъ? добавилъ онъ шутливо.

Этотъ вопросъ настолько смутилъ графиню, что она въ первую минуту не могла придумать никакого отвѣта. Но тутъ вниманіе ея было отвлечено шорохомъ, который послышался за ближайшимъ деревомъ.

— Господи, воскликнула она, не помня себя отъ ужаса, насъ подслушали.

— Нѣтъ, это вѣтеръ! отвѣтилъ Бокингема. Кто можетъ прийти сюда въ такую пору!.. Повѣрьте мнѣ, миледи, что давно наши дѣла не были въ такомъ блестящемъ положеніи, какъ теперь! Какъ только разнеслась вѣсть о скоромъ заключеніи мира между Фран-

цией и Англійей, сдѣлано было заявленіе со стороны Испаніи, что въ тотъ день, когда будетъ подписанъ мирный трактатъ, къ нашимъ услугамъ готовы шесть тысячъ человѣкъ и двадцать кораблей. Англія устала отъ военного деспотизма, вѣчнаго бряцанья оружія, и даже отъ дорого стоящей славы; поселяне жалуются на военный постоя, горожане на высокіе налоги. Чернь всегда недовольна и ее можно привлечь на свою сторону обѣщаніями. Республканцы и роялисты воодушевлены одинаковыми стремленіями, потому что всѣ обмануты этимъ лицемѣромъ. Наконецъ, въ случаѣ крайности въ нашемъ распоряженіи такіа отчаянныя головы какъ Джонъ Лильбурнъ, которыя прошли хорошую школу въ послѣднюю войну. Одинъ изъ его прежнихъ товарищей по оружію, нѣкто Юргенъ Джойсъ, также сидитъ въ тюрьмѣ, гдѣ-то близъ Уайтголла, по милости протектора; Лильбурнъ увѣряетъ, что намъ не трудно будетъ привлечь его на свою сторону. Это сынъ одного портного, нѣкогда онъ пользовался особенной милостію Кромвеля, знаетъ всѣ его привычки и каждый уголокъ его гнѣзда, что особенно важно для насъ...

Графиня Дизаръ на разслышала послѣднихъ словъ, потому что въ эту минуту можно было ясно различить темную фигуру, которая выступила изъ тѣни деревьевъ и остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ. Несчастливая женщина обомлѣла отъ ужаса при мысли, что это Пиккерлингъ и съ громкимъ крикомъ бросилась къ калиткѣ, ведущей въ паркъ. Бокингемъ съ удивленіемъ смотрѣлъ ей вслѣдъ, не понимая причины ея загадочнаго бѣгства, но въ это время онъ почувствовалъ, что кто-то прикоснулся къ его рукѣ. Повернувъ голову, онъ увидѣлъ передъ собой человѣка, который въ слѣдующую секунду такъ быстро исчезъ въ тѣни деревьевъ, что все это могло показаться ему обманомъ чувствъ, еслибы таинственный незнакомецъ не вложилъ ему въ руку клочокъ бумаги.

— Что это значитъ? пробормоталъ Бокингемъ. Чортъ возьми, вотъ способъ возбуждать любопытство людей, которые вовсе не заражены этимъ порокомъ. Еслибы только я могъ прочесть, что написано на этой бумагѣ... Онъ вышелъ изъ тѣни деревьевъ и, обойдя стѣну, направился къ сторожкѣ привратника, изъ окна которой видѣнъ былъ свѣтъ. Дойдя до воротъ парка онъ постучалъ въ желѣзную рѣшетку, за которой тотчасъ же появился привратникъ.

— Отворите скорѣе, сказалъ герцогъ, я не такой человѣкъ, чтобы скрывать свое имя, если меня спросятъ о немъ; мнѣ нужно только огня, чтобы прочесть записку, которая у меня въ рукахъ.

Привратникъ отворилъ калитку. Герцогъ, не дожидаясь его, вошелъ въ сторожку, гдѣ столкнулся съ Пиккерлингомъ, который намѣревался проскользнуть въ дверь.

— Стой, крикнулъ герцогъ, схвативъ его за плечо и запирая за собой дверь на ключъ. Такъ не уходятъ отъ старыхъ друзей.

Пиккерлингъ остался наединѣ съ герцогомъ, тонъ котораго показывалъ, что онъ былъ далеко не въ хорошемъ расположеніи духа. Благочестивый пуританинъ замеръ отъ страха; колѣни тряслись у него въ такой степени, что онъ принужденъ былъ сѣсть на стулъ, чтобы не упасть. Герцогъ всталъ около него и при свѣтѣ небольшой висячей лампы прочелъ записку, наскоро написанную карандашемъ: «Ищите спасенія въ бѣгствѣ, вамъ измѣнили, какъ нѣкогда вашему брату».

Сердце Бокингема болѣзненно сжалось при воспоминаніи о любимомъ братѣ; не помня себя отъ гнѣва, онъ схватилъ за горло Пиккерлинга, который въ изнеможеніи упалъ къ его ногамъ.

— Сознайся, ты сдѣлалъ на меня доносъ, подлый трусъ, кричалъ герцогъ, поднимая съ полу пуританина, который дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Самое лучшее было бы убить тебя на мѣстѣ и бросить твой трупъ въ Темзу; но я не хочу пятнать своей шпаги твоей поганой кровью. Говори правду—это одно можетъ спасти тебя!

— Да, я сдѣлалъ доносъ, проговорилъ заикаясь Пиккерлингъ; мнѣ не оставалось другаго исхода, иначе графиня предупредила бы меня...

— Ни слова объ ней, прервалъ съ раздраженіемъ Бокингема; я самъ справлюсь съ твоими сообщниками... Дѣло идетъ о тебѣ; помни, что твои минуты сосчитаны, если осмѣлишься солгать мнѣ. Тебѣ вѣроятно извѣстно, когда рѣшено арестовать меня?

— Завтра утромъ, такъ какъ предполагаютъ, что вы опять появитесь въ роли клоуна на подмосткахъ театра «Новой биржи».

— Собранныя тобою свѣдѣнія совершенно вѣрны, замѣтилъ съ усмѣшкой Бокингема. Но помни, что съ этой минуты ты въ моей власти и будешь служить мнѣ точно также, какъ до сихъ поръ служилъ протектору. Надѣюсь, что ты понимаешь меня. Если тебѣ вздумается измѣнить мнѣ, то вотъ что ожидаетъ тебя!

Съ этими словами герцогъ приложилъ остріе своей шпаги къ груди Пиккерлинга, который помертвѣлъ отъ ужаса.

— Сжальтесь! пробормоталъ онъ прерывающимся голосомъ. клянусь, что буду вѣрно служить вамъ до гроба...

— Мнѣ не нужно никакихъ обѣщаній! сказалъ герцогъ опуская шпагу. Но знай, что достаточно будетъ малѣйшаго повода, чтобы покончить съ тобой. Съ завтрашняго дня ты поступишь на мою службу и будешь исполнять различныя тайныя порученія, но, чтобы не возбудить подозрѣній, ты останешься въ домѣ графини.

— Это невозможно! воскликнулъ Пиккерлингъ; она сдѣлаетъ на меня доносъ.

— Развѣ нѣтъ никакихъ средствъ, чтобы принудить графиню къ молчанію?

— Никакихъ милордъ, потому что иначе ее принудятъ выѣхать изъ Лондона.

— Бѣда не велика, если ее выплють отсюда! Совѣтую тебѣ позаботиться объ этомъ. Достаточно ли будетъ, если ты донесешь кому слѣдуетъ, что она имѣла сегодня тайное свиданіе съ герцогомъ Бокингемомъ.

На лицѣ Пиккерлинга выразилось удивленіе, но онъ тотчасъ же овладѣлъ собой. Да, этого совершенно достаточно! сказалъ онъ.

— Постарайся, чтобы ее сослали въ одинъ изъ ея замковъ подалеже изъ Лондона, въ ее отсутствіе, ты будешь управлять Намъ Навс'омъ, гдѣ намъ будетъ удобно видѣться съ нашими друзьями. Теперь я поручаю тебѣ эти бумаги, добавилъ герцогъ, вынимая изъ кармана большой запечатанный пакетъ. За мною слѣдятъ, я не могу держать при себѣ подобныхъ документовъ! когда графиня выѣдетъ изъ Лондона, ты отдашь ихъ по назначенію. Надѣюсь, что ты въ точности исполнишь мое приказаніе.

Съ этими словами герцогъ спокойно подошелъ къ двери и впустилъ привратника. Войдите, сказалъ онъ, обращаясь къ послѣднему, покойной ночи.

Герцогъ вышелъ въ паркъ, мысли его были всецѣло поглощены таинственной запиской. Онъ долго старался припомнить, гдѣ ему приходилось видѣть этотъ почеркъ, наконецъ въ головѣ его блеснула мысль, что онъ обязанъ своимъ спасеніемъ прекрасной еврейкѣ, передъ которой онъ чувствовалъ себя глубоко виноватымъ.

Пиккерлингъ тотчасъ послѣ ухода герцога полюбопытствовалъ узнать кому адресованъ отданный ему пакетъ, и къ ужасу своему прочелъ слѣдующую надпись:

Джонъ Лильбурнъ

своему другу и товарищу по оружію

Юргену Джойсъ,

бывшему оберъ-лейтенанту Кромвелевскаго полка, нынѣ разжалованному и посаженному въ тюрьму Mews, близъ Уайтголля.

Въ Лондонъ.

ГЛАВА III.

Герцогъ Бокингемъ рѣшается на женитьбу.

На слѣдующее утро герцогъ Бокингемъ явился изъ первыхъ на площадь передъ «Новой биржей» и всталъ въ толпѣ, которая мало по малу образовалась передъ подмостками, задолго до начала представленія. Опасность, непріятная для большинства людей, имѣла

для него особенную прелесть, если съ нею было связано какое-нибудь приключеніе. У него не было достаточно выдержки, чтобы стремиться къ какой либо серьёзной цѣли или къ осуществленію идеи; но онъ готовъ былъ на всякія жертвы, если только представлялся случай обмануть своихъ враговъ и позабавиться надъ ними. Чѣмъ смѣлѣе и рискованнѣе была затѣя, тѣмъ больше доставляла она ему удовольствія, и для него было бы величайшимъ лишеніемъ, если бы онъ не имѣлъ возможности наблюдать за выраженіемъ лицъ обманутыхъ имъ людей. Онъ отправился на площадь въ скромной одеждѣ жителя лондонскаго Сити, которая была на немъ наканунѣ, такъ какъ онъ провелъ ночь у какого-то забора. Хотя война приучила его къ такого рода ночлегамъ, но онъ не могъ заснуть до утра. Его занимала мысль, кто виновнѣе изъ двухъ: графиня или ея дворецкій, или быть можетъ они оба одновременно промышляли однимъ ремесломъ. Съ нѣкотораго времени между роялистами ходили далеко неблагоприятные слухи, по поводу отношеній графини къ Кромвелю. Не бѣда, если она не безгрѣшна, думалъ Бокингемъ, она слишкомъ хороша собой, чтобы быть невинной. Но во всякомъ случаѣ мы должны быть благодарны ей, что она взяла себѣ въ услуженіе этого лицемѣра, который будетъ крайне полезенъ для насъ, когда начнется охота за старой лисицей. Графиня нѣкоторое время поживетъ въ деревнѣ, гдѣ она не въ состояніи будетъ вредить намъ; а когда все прійдетъ въ порядокъ намъ будетъ очень пріятно видѣть ее. При дворѣ нельзя обойтись безъ такихъ дамъ, какъ графиня Дизаръ, хотя графъ Лаудердаль будетъ не особенно доволенъ, если мы по прежнему будемъ ухаживать за ней...

Отсюда мысли герцога перешли къ предстоящему представленію. Онъ зналъ, что оказалъ плохую услугу антрепренѣру, оставивъ его въ критическую минуту безъ всякихъ объясненій. Антрепренѣръ былъ пожилой человѣкъ, магикъ и фокусникъ по ремеслу, съ успѣхомъ обманывавшій публику въ различныхъ городахъ Европы. Послѣ долгихъ странствованій онъ рѣшился посѣтить Англию, гдѣ только-что кончилась междоусобная война. Въ Кале онъ встрѣтился съ клоуномъ, который предложилъ ему свои услуги за сходную цѣну; у клоуна былъ прекрасный голосъ, ловкія манеры, при этомъ онъ отличался необыкновенною гибкостью движеній и неистощимымъ остроуміемъ. Старый магикъ тотчасъ же нанялъ его и привезъ съ собой въ Лондонъ, гдѣ устроилъ временной народный театръ на площади передъ «Новой биржей», имѣвшій снаружи видъ пестрой палатки съ флагомъ. Успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія, публика увеличивалась съ каждымъ представленіемъ и хотя она довольно равнодушно смотрѣла на фокусы магика, но за то отъ всей души аплодировала клоуну и хохотала надъ его проделками. Неизвѣстно догадывался ли старый шарлатанъ, что его

клоунъ извѣстный Георгъ Виллье, герцогъ Бокингемъ, что весьма вѣроятно, такъ какъ объ этомъ открыто говорили въ Лондонѣ. Во всякомъ случаѣ ему не приходилось раскаиваться въ сдѣланномъ выборѣ до того дня, когда его клоунъ исчезъ безслѣдно наканунѣ представленія. Бокингемъ, стоя въ толпѣ зрителей, живо рисовалъ себѣ смущеніе стараго шарлатана, въ это утро, когда вмѣсто клоуна онъ нашель только его шапку съ колокольчиками, платье и скрипку. Наконецъ поднялась занавѣсь и вышелъ мальчикъ въ красномъ халатѣ съ золотой обшивкой и сѣдомъ парикѣ, локоны котораго величественно опускались по плечамъ. Продѣлавъ обычные фокусы, онъ удалился и его замѣнилъ клоунъ въ шапкѣ и платьѣ прежняго клоуна, которому онъ старался подражать до малѣйшихъ подробностей, хотя Бокингемъ находилъ, что подражаніе было довольно неудачное. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сдѣлалъ и другое неутѣшительное наблюденіе, что публика также усердно аплодировала его двойнику, какъ и ему самому. Его тщеславіе было настолько оскорблено этимъ, что онъ хотѣлъ громко выразить свое негодованіе и обнаружить обманъ; но по счастью неловкій соперникъ предупредилъ его.

Не прошло и полчаса послѣ начала представленія, какъ отрядъ вооруженныхъ солдатъ неожиданно оцѣпилъ толпу зрителей по командѣ своего капрала, который, войдя на подмостки, положилъ свою руку на плечо клоуна со словами: «Именемъ закона, арестую васъ милордъ!» Тотъ, къ кому было обращено это воззваніе, съ громкимъ воплемъ бросился къ ногамъ блюстителя закона, который былъ настолько смущенъ этимъ, что съ трудомъ могъ выговорить: «Признайтесь, вы герцогъ Бокингемъ!»

— Бокингемъ! пронеслось въ толпѣ, поднялся ропотъ. Нѣсколько голосовъ громко крикнуло: Нѣтъ, нѣтъ! это не Бокингемъ!..

— Вы вѣроятно также какъ и я знаете герцога добрые люди! кричалъ несчастный клоунъ жалобнымъ слезливымъ голосомъ. Посмотрите, развѣ я похожъ на герцога Бокингема!..

Онъ сорвалъ шапку съ головы и началъ обѣими руками стирать краску съ лица.

— Нѣтъ, это не Бокингемъ слышалось въ толпѣ. Герцогъ былъ въ это время популярнымъ лицомъ между лондонской чернью, многіе знали его въ лицо или по портрету, они были увѣрены, что этотъ некрасивый, неуклюжий чловѣкъ, молящій о пощадѣ не имѣеть ничего общаго съ блестящимъ герцогомъ Бокингемомъ.

Капралъ тотчасъ же перешель отъ вѣжливаго тона въ болѣе интимный. Бокингемъ ты или нѣтъ, намъ все равно, сказалъ онъ клоуну, но ты останешься у насъ подъ стражей, пока мы не найдемъ кого нужно. Онъ долженъ быть здѣсь, и намъ отданъ приказъ арестовать его. Ни одинъ чловѣкъ не выйдетъ отсюда, если онъ дорожить жизнью!..

По командѣ капрала отрядъ раздѣлился, чтобы занять выходы. Бокингемъ, видя что долѣе нельзя терять ни одной минуты рѣшился на отступление, рассчитывая, что оно останется незамѣтнымъ въ виду многочисленной толпы. Но подставной Бокингемъ былъ заинтересованъ въ его арестѣ и зорко слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлалось на площади, такъ какъ съ высоты подмостковъ онъ могъ удобно видѣть всю позицію. Вотъ, вотъ! ловите его!.. крикнулъ онъ неожиданно. Кто-то скрылся подъ аркой!..

Это восклицаніе было услышано Бокингемомъ и возбудило вниманіе капрала, который кричалъ ему вслѣдъ, чтобы онъ остановился, если не желаетъ быть застрѣленнымъ. Герцогъ ускорилъ шагъ и исчезъ изъ виду прежде чѣмъ капраль успѣлъ пробраться сквозь толпу. Послѣдній, досадуя, что выпустилъ изъ рукъ подозрительнаго человѣка, отдалъ приказъ немедленно очистить площадь, а самъ вернулся на подмостки и, тряся за руку несчастнаго клоуна, кричалъ, что не выпуститъ его на свободу до тѣхъ поръ, пока не отыщется настоящій Бокингемъ.

По соображенію капрала, бѣглець долженъ былъ направиться къ рѣкѣ или къ дворамъ York-Haus'a, поэтому онъ сдѣлалъ соответствующія распоряженія, рассчитывая на полный успѣхъ. Между тѣмъ прямая дорога къ York-Haus'у оставалась незанятою, и Бокингемъ воспользовался единственнымъ выходомъ предоставленнымъ ему великодушнымъ капраломъ.

Онъ опять стоялъ передъ порталомъ величественнаго замка построеннаго его отцомъ, гдѣ онъ провелъ свое дѣтство и не былъ съ тѣхъ поръ, какъ ходъ политическихъ событій заставилъ его покинуть родину. Онъ невольно остановился несмотря на очевидную опасность попасть въ руки Кромвеля. Странное, почти романическое чувство неопредѣленной грусти охватило его, глаза его остановились на прекрасномъ фасадѣ, съ высокими стрѣльчатыми окнами, стройными столбами, сводами и изящными балконами. Вездѣ видны были слѣды запустѣнія, зеленый мохъ мѣстами покрывалъ стѣны, плющъ обвивалъ балконы. Большіе запущенные сады простирались далеко къ Темзѣ, представляя сплошную массу густой непроницаемой зелени; даже зеркальная поверхность рѣки въ этомъ мѣстѣ была покрыта тростникомъ и плавучими растеніями.

Послѣ конфискаціи всего имущества Бокингемовъ, замокъ нѣсколько лѣтъ оставался необитаемымъ, пока парламентъ не подарилъ его генералу Ферфаксу. Главнокомандующій все неохотѣе принималъ участіе въ общественныхъ дѣлахъ, по мѣрѣ того, какъ приближалась трагическая развязка. Его пригласили присутствовать въ засѣданіи, осудившемъ на смерть Карла I. Когда начали читать списокъ судей и ассистентовъ и въ числѣ ихъ упомянули имя генерала, то изъ публики, среди роковой тишины, послышался женскій голосъ: «Ферфаксъ слишкомъ уменъ, чтобы уча-

ствовать въ такомъ дѣлѣ!» Всѣ были поражены этой неприличной выходкой, но сдѣлали видъ, что не замѣчаютъ ее. Наконецъ, дѣло дошло до обвинительнаго акта, въ которомъ было сказано, что судъ надъ королемъ былъ назначенъ по требованію народа; тогда снова раздался тотъ же голосъ изъ публики и громче прежняго: «Нѣтъ, нѣтъ! Не спрашивали и сотой доли народа! Это ложь! Кромвель измѣнникъ!..» Негодованіе сдѣлалось всеобщимъ; предлагали стрѣлять въ галлерей, и только съ большимъ трудомъ друзьями рѣшительной дамы удалось увести ее изъ залы и спасти отъ неминуемой опасности. Эта дама была леди Ферфаксъ. Вскорѣ послѣ того, король палъ на эшафотѣ; почти одновременно съ этимъ генераль Ферфаксъ отказался отъ должности и передалъ знаки своего достоинства парламенту, который нѣкогда облекъ его властью. Глубокая пропасть отдѣляла его теперь отъ прежняго товарища по оружію. Онъ поклонялся Оливеру Кромвелю, пока тотъ служилъ одному отечеству и шелъ побѣдоносно во главѣ войска; теперь онъ чувствовалъ къ нему отвращеніе, такъ какъ считалъ его измѣнникомъ и честолюбцемъ, мечтавшимъ о коронѣ. Роялисты, жившіе въ изгнаніи, возлагали большія надежды на генерала Ферфакса и не разъ обращались къ нему съ различными предложеніями. Но онъ отвѣчалъ имъ упорнымъ отказомъ, такъ какъ не хотѣлъ навлечь новыя бѣды не свое отечество рискованными предпріятіями, исходъ которыхъ былъ болѣе чѣмъ сомнительный. Желая оставаться вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ, онъ удалился въ свое наслѣдственное помѣстье Nun-Appleton, гдѣ жилъ вдаль отъ Лондона, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ и воспитаніемъ своей единственной дочери Мери. Въ первый разъ послѣ долгаго отсутствія онъ пріѣхалъ по дѣламъ въ Лондонъ. Онъ не посѣтилъ ни одного изъ своихъ прежнихъ товарищей по оружію и чувствовалъ себя чужимъ въ городѣ, гдѣ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, каждое его слово было приказаніемъ. Несмотря на то, что съ разныхъ сторонъ ему предлагали самое широкое и радушное гостепріимство, онъ отказался отъ всѣхъ приглашеній и остановился въ покинутомъ York-Neus'ѣ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ формально подаренъ ему парламентомъ. Никто не сопровождалъ его, кромѣ единственной дочери, которая была теперь также неразлучна съ нимъ, какъ во времена своего ранняго дѣтства.

Герцогъ Бокингемъ, стоя передъ прекрасной аркой воротъ, ведущихъ къ York-Neus'у не подозрѣвалъ, что въ данный моментъ стѣны его пріютили новыхъ владѣльцевъ. Погруженный въ воспоминанія юности, онъ медленно шелъ по двору, между широкими плитами котораго росли густые пучки травы. Онъ былъ увѣренъ, что дворецъ запертъ со всѣхъ сторонъ и очень удивился, когда нашель дверь боковаго входа полуоткрытой. Какая счастливая слу-

чайность! подумаль Бокингемъ. Могъ ли я ожидать, что найду здѣсь убѣжище отъ моихъ враговъ...

Въ обширныхъ сѣняхъ господствовали сумерки, шаги его глухо раздавались по каменному полу. Онъ поднялся по широкой лѣстницѣ, гдѣ на рѣзныхъ перилахъ, по прежнему, красовался его родовой гербъ, хотя покрытый пылью. Двери верхняго этажа были также вездѣ открыты, такъ что онъ безпрепятственно дошелъ до своей бывшей комнаты, въ которой жилъ до того дня, когда голова его была оцѣнена въ большую сумму и дворецъ его оцѣпленъ красными мундирами. Онъ дремалъ на этомъ диванѣ въ послѣднее утро, когда произошло возмущеніе въ Сити; малѣйшія подробности живо воскресли въ его памяти. Онъ получилъ тогда письмо отъ матери полное горькихъ упрековъ за его легкомысленное поведение, которое служило дурнымъ примѣромъ для младшаго брата. Но письмо почти не произвело на него никакого впечатлѣнія, вслѣдъ затѣмъ онъ насильно похитилъ Мануэллу и уѣхалъ съ братомъ изъ Лондона... Прахъ Франциса Виллье давно истлѣлъ подъ дубомъ въ кингстонскомъ лѣсу, что случилось съ великодушной дѣвушкой, которой онъ былъ теперь обязанъ своимъ спасеніемъ?... Нѣчто похожее на раскаяніе впервые шевельнулось въ его душѣ при этомъ воспоминаніи; но усталость все болѣе и болѣе давала себя чувствовать. Онъ прилегъ на диванѣ и протянулъ ноги; мысли начали путаться въ его головѣ; послѣднее, что онъ видѣлъ, былъ его собственный портретъ, нарисованный Ванъ-Дикомъ. Глаза его закрылись. Дикіе голоса на улицѣ и шумъ оружія внезапно разбудили его; хотя онъ совсѣмъ очнулся, но ему казалось, что онъ видитъ сновидѣніе. Передъ нимъ стояла молоденькая дѣвушка лѣтъ шестнадцать; ее нельзя было назвать красавицей, но въ ней было столько граціи и миловидности, что Бокингемъ нашелъ ее очаровательной. Она наклонилась къ нему и смотрѣла на него съ искреннимъ участіемъ; но въ глазахъ ея выразился испугъ, смѣшанный съ радостнымъ изумленіемъ, когда онъ поднялся на ноги. Она отступила отъ него на нѣсколько шаговъ и бросила взглядъ на портретъ, висѣвшій надъ каминомъ.

— Вы Бокингемъ? спросила она ласковымъ тономъ, какимъ встрѣчаютъ стараго друга.

Въ наружности и манерахъ молодой дѣвушки было столько привлекательнаго, что Бокингемъ довѣрчиво подошелъ къ ней: — Простите, миледи, сказалъ онъ, что я позволилъ себѣ войти сюда непрошеннымъ гостемъ?

— Этотъ домъ ваша собственность, милордъ, и вы можете расплагать имъ.

— Въ былыя времена онъ дѣйствительно принадлежалъ мнѣ, но не теперь! возразилъ Бокингемъ съ легкимъ раздраженіемъ въ голосѣ.

— Вы и теперь можете его считать своимъ; это также вѣрно, какъ то, что меня зовутъ Мери Ферфаксъ.

При этомъ имени Бокингемъ преклонилъ колѣно со словами:—Позвольте мнѣ привѣтствовать дочь человѣка, который не осквернилъ своихъ рукъ кровью короля и не захотѣлъ пользоваться добычей, награбленной похитителемъ престола.

Затѣмъ онъ почтительно поцѣловаль руку молодой леди. Но въ эту минуту отворилась дверь и въ комнату вошелъ лордъ Томасъ Ферфаксъ, бывший главнокомандующій англійской арміи, который семь или восемь лѣтъ тому назадъ вмѣстѣ съ Кромвелемъ назначилъ цѣну за его голову.

Герцогъ всталъ, чтобы поклониться ему; но тутъ онъ увидѣлъ въ дверяхъ капрала и вооруженныхъ солдатъ, которые остановились въ передней.

— Простите меня, сэръ, что я поставилъ васъ въ такое неловкое положеніе! сказалъ онъ Ферфаксу; но я не зналъ о вашемъ приѣздѣ; иначе я не рѣшился бы войти въ вашъ домъ. Затѣмъ, обращаясь къ капралу, онъ добавилъ:—Я герцогъ Бокингемъ, котораго вы ищите, и вы можете вести меня куда вамъ приказано!

Мери встала передъ Бокингемомъ, какъ будто хотѣла защитить его собой и подняла руку съ тѣмъ же умоляющимъ полуповелительнымъ жестомъ, какъ нѣкогда въ лагерѣ, на высотахъ Незби, когда она просила отца пощадить Юргена.

Ферфаксъ видѣлъ этотъ знакомый для него жестъ. Онъ вѣжливо поклонился герцогу и сказалъ:

— Вы напрасно называете этотъ замокъ моимъ, милордъ, я принялъ его изъ рукъ парламента, чтобы при первой возможности возвратить его законному владѣльцу. Поэтому я считаю особеннымъ счастьемъ, что могу принять васъ здѣсь и оказать то гостепріимство, какое только возможно при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и, подзвавъ капрала, сказалъ:

— Теперь вы можете удалиться, такъ какъ исполнили свою обязанность и даже болѣе этого! Вернитесь къ вашему офицеру и передайте ему отъ моего имени, чтобы онъ доложилъ протектору, что Logk-Haus отданъ парламентомъ лорду Ферфаксу, который не потерпитъ нарушенія правъ его дома. Этотъ домъ принадлежитъ мнѣ по англійскимъ законамъ и всякій находящійся въ немъ настолько-же долженъ быть огражденъ отъ всякаго насилія, какъ и я самъ. Поэтому г-нъ капралъ совѣтую вамъ отпустить вашихъ дюдей.

Капралъ, нѣкогда служившій подъ начальствомъ Ферфакса, смущенный строгимъ взглядомъ бывшаго главнокомандующаго, отвѣтилъ:

— Если вы прикажете генералъ, то я готовъ повиноваться...

— Я не отдаю больше приказаній, но требую только исполненія закона!

— Пусть это будетъ на вашей отвѣтственности генераль, ска- залъ капраль.

— Разумѣется! возразилъ Ферфаксъ, повернувъ спину солда- тамъ, которые немедленно удалились.

— Благодарю васъ, сэръ, сказалъ герцогъ, глубоко тронутый съ почтительнымъ поклономъ. Вашъ поступокъ вдвойнѣ радуетъ меня, какъ доказательство, что дворянскія традиции еще не окончательно вымерли въ Англіи.

— Будьте какъ дома, милордъ, и располагайте вашимъ замкомъ. Правда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я подписалъ извѣстную вамъ прокламацію вмѣстѣ съ другимъ человѣкомъ, но при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ я считаю эту бумагу уничтоженной и очень радъ, что имѣю возможность возвратить вамъ Iork-Haus.

Краска смущенія выступила на лицѣ Бокингема, что случилось съ ними очень рѣдко, при его нравственной распушенности. Онъ взглянулъ на Мери и встрѣтилъ глаза ея устремленные на него. Выраженіе ихъ было настолько краснорѣчиво, что въ душѣ гер- цога явилась внезапная рѣшимость, которая показалась бы дикой и неисполнимой всякому разсудительному человѣку, но онъ нахо- дилъ ее вполне естественной.

— Мнѣ остается только благодарить васъ, сэръ, за ваше вели- кодушное предложеніе, сказалъ Бокингемъ послѣ нѣкотораго мол- чанія. Но я не могу принять отъ васъ такой цѣнный подарокъ. Какое значеніе имѣеть для меня домъ и родина, когда мнѣ суж- дено быть странствующимъ рыцаремъ и посвятить свою дальнѣй- шую жизнь королю.

Горячность, съ какой говорилъ герцогъ, вызвала улыбку на серіозномъ лицѣ Ферфакса.—Я совѣтовалъ бы вамъ милордъ не го- ворить такъ громко объ этомъ, сказалъ онъ. Еслибы я даже нахо- дилъ совершенно законнымъ ваше желаніе сбросить тяжелое иго Кромвеля, то и тогда я сказалъ бы, что его власть теперь слишкомъ прочна, чтобы поколебать ее; такой порядокъ не можетъ продол- жаться, времена измѣнятся и герцогъ Бокингемъ не всегда будетъ въ такомъ положеніи, чтобы отказываться отъ такого великолѣп- наго замка, какъ Iork-Haus.

— Я согласенъ былъ бы принять вашъ подарокъ, сэръ, но подѣ однимъ условіемъ, сказалъ Бокингемъ.

— Оно будетъ исполнено, насколько это зависитъ отъ меня!

— Позвольте мнѣ предварительно переговорить съ леди Мери, продолжалъ герцогъ, бросивъ нѣжный взглядъ на молодую дѣвушку, лицо которой покрылось яркимъ румянцемъ.

— Я ничего не имѣю противъ вашего желанія, милордъ, но мнѣ кажется, что вы будете имѣть достаточно случаевъ для бесѣды съ моей дочерью, потому что я прошу позволенія остаться съ нею въ Iork-Haus'ѣ въ продолженіи семи или восьми дней, пока

я не окончу свои дѣла. Затѣмъ я приглашаю васъ въ мое скромное помѣстье въ іоркскомъ графствѣ, гдѣ могу обѣщать только здоровый воздухъ и превосходную охоту, но знаю заранѣе, что не могу доставить никакихъ развлеченій, а тѣмъ болѣе удобствъ, соотвѣтствующихъ вашему званію.

Ферфаксъ позвонилъ и приказалъ вошедшему слугѣ проводить герцога въ смежную часть дворца, такъ какъ онъ вѣроятно желаетъ отдохнуть и переодѣться къ обѣду.

Бокингемъ сердечно пожалъ руку Ферфаксу и, поклонившись его дочери, вышелъ изъ комнаты.

Мери долго смотрѣла вслѣдъ за высокой стройной фигурой молодого герцога, пока онъ шелъ по длинной анфиладѣ залъ. Затѣмъ она ушла въ свою комнату, гдѣ бросилась на шею старой кормилицы.

— Ты была права расхваливая красоту Бокингемовъ! воскликнула Мери. Я видѣла молодого герцога...

— Дитя мое, я была увѣрена, что это случится рано или поздно, отвѣтила вѣрная служанка.

— Но это еще не все, сказала Мери и запнулась на полсловѣ, спрятавъ пылающее лицо на груди своей повѣренной.

— Я все знаю, ты можешь не рассказывать мнѣ; еще ребенкомъ, ты часто звала его во снѣ, а наканунѣ битвы при Незби, ты даже соскочила ночью съ постели и громко закричала:

«Здѣсь былъ молодой Бокингемъ!»! Я тогда-же подумала: это пророческій сонъ! Господь послалъ сновидѣнія ребенку, чтобы открыть ему будущность. Чтò суждено свыше, то должно непременно исполниться!

— Кормилица!.. сказала почти съ упрекомъ Мери.

Но старуха еще крѣпче прижала взволнованную дѣвушку къ своему любящему сердцу. Какая радость для матери, пробормотала она.

ГЛАВА IV.

Уайтголлъ.

Въ то время, какъ вышеописанная сцена происходила въ Іогк-Наусѣ, мимо стѣнъ его, по берегу Темзы тянулся длинный рядъ парадныхъ каретъ съ вызолоченными колесами, дверцами и крышей, каждая изъ нихъ была запряжена шестью великолѣпными воронными лошадьми съ позолоченной упряжью. Кареты эти были посланы протекторомъ, чтобы привезти депутацію амстердамскихъ

евреевъ въ Уайтголлъ. Большая толпа народа стояла по обѣимъ сторонамъ улицъ, по которымъ двигался поѣздъ, такъ какъ это было новое невиданное зрѣлище. До сихъ поръ жители Лондона встрѣчали евреевъ мелькомъ, когда эти скромно пробирались вдоль домовъ, стараясь остаться незамѣченными, такъ какъ мальчишки издали узнавали ихъ по острымъ бородамъ и своеобразному костюму и съ крикомъ гнались за ними, хватая за полы длинныхъ сюртуковъ. Но никому не приходилось видѣть евреевъ въ парадныхъ государственныхъ каретахъ!

Въ первой каретѣ сидѣлъ Авраамъ и раввинъ Менассія бенъ-Израэль съ сыномъ, во второй — раввинъ Иаковъ Саспорта съ изъ Африки съ тремя богатѣйшими амстердамскими купцами. Въ остальныхъ сидѣли депутаты еврейскихъ общинъ изъ различныхъ странъ: Франціи, Германіи, Польши и пр.

Кареты въѣхали черезъ большія ворота въ главный дворъ бывшаго королевскаго дворца Уайтголля. Все пространство передъ дворцомъ до самыхъ стѣнъ было переполнено народомъ и войсками, солдаты съ мушкетами въ рукахъ образовали собой двойную шпалеру и отдавали честь каждой проѣзжающей каретѣ до большой лѣстницы, гдѣ оберъ-церемоніймейстеръ Кромвелевскаго двора, сэръ Оливеръ Флемингъ, ожидалъ ихъ. Серьезно глядѣли на нихъ стѣны, фронтоны и башни Уайтголля, красные мундиры солдатъ, ружья, сабли и племѣ ярко блестяшіе освѣщенные весеннимъ солнцемъ.

Оберъ-церемоніймейстеръ повелъ «депутатовъ еврейской націи» (ихъ официальный титулъ) по лѣстницѣ, гдѣ у крѣпкихъ желѣзныхъ перилъ стояла почетная стража кромвелевской лейбъ-гвардіи, вооруженная алебардами, въ мундирахъ изъ сѣраго сукна, съ черными бархатными воротниками и серебряной обшивкой.

Эта лейбъ-гвардія, состоявшая изъ ста-шестидесяти человекъ, была выбрана самимъ Кромвелемъ изъ всѣхъ полковъ, каждый изъ лейбъ-гвардейцевъ имѣлъ чинъ и званіе офицера и находился на личной службѣ протектора. Когда Кромвель дѣлалъ прогулку по парку или ѣхалъ въ Hampton-Court, то его сопровождали два взвода лейбъ-гвардіи, одинъ скакалъ галопомъ передъ его каретой, другой — сзади. Протекторъ большею частью самъ дѣлалъ имъ смотръ, давалъ отпускъ и назначалъ изъ нихъ почетный караулъ. День и ночь стояли они неотлучно у всѣхъ входовъ дворца, наполняли собою сѣни и переднія.

Когда раввинъ бенъ-Израэль приблизился къ нимъ въ сопровожденіи своихъ спутниковъ, они отдали честь, затѣмъ молча подняли свои алебарды, напоминая каменные статуи по своей неподвижности.

Двери пріемной залы были открыты, глазамъ евреевъ представилось великолѣпное зрѣлище. Это была извѣстная банкетная зала, въ которой Кромвель назначилъ аудіенцію «депутатамъ еврейской

націи». Галлерей была переполнена самыми красивыми и фешенебельными дамами тогдашняго Лондона; въ ложахъ сидѣли представители всѣхъ монарховъ Европы. На потолкѣ въ матовомъ свѣтѣ, проникавшемъ сквозь занавѣси оконъ, виднѣлась роскошная живпись Рубенса, дорогіе ковры покрывали полъ.

— Депутаты еврейской націи! доложили оберъ-церемоніймейстеръ громкимъ голосомъ при входѣ въ залу. Всѣ поднялись со своихъ мѣстъ. Раввинъ бенъ-Израэль вошелъ первый. Опустивъ голову, онъ произнесъ слова псалма: «Хвалите Господа всѣ народы, прославляйте Его всѣ племена; ибо велика милость Его къ намъ, и истина Господня пребываетъ во вѣкъ». Медленно размѣстились около него другіе евреи. Передъ ними было небольшое возвышеніе покрытое дорогимъ краснымъ ковромъ, на которомъ стояло кресло.

Четверть часа спустя церемоніймейстеръ поднялъ жезлъ и громко произнесъ:

— Его высочество, протекторъ!

При этомъ возгласѣ по залѣ, всему дворцу и подъ окнами раздалось протяжное ура, сопровождаемое оглушительными звуками трубъ, бряцаньемъ поднимаемыхъ ружей и криками: «Да здравствуетъ его высочество протекторъ!»

Наконецъ, мало по малу, все стихло. Изъ противоположныхъ дверей, вблизи возвышенія вошелъ Кромвель, сопровождаемый высшими сановниками государства и членами совѣта; по правую руку шелъ сынъ его Ричардъ, по лѣвую—его другой сынъ Генрихъ и зять Клейполь. Всѣ поднялись со своихъ мѣстъ и сняли шляпы. Одинъ Кромвель оставался съ покрытой головой; на немъ было платье изъ чернаго бархата, высокіе сапоги и шляпа съ золотымъ шнуромъ.

Евреи стояли, склонивъ головы; когда въ залѣ водворилась торжественная тишина, они пробормотали привѣтствіе предписанное ихъ закономъ въ подобныхъ случаяхъ.

Оберъ-церемоніймейстеръ, по знаку Кромвеля, пригласилъ ихъ подойти ближе.

Когда евреи приблизились къ возвышенію, Кромвель поклонился имъ и снялъ шляпу; раввинъ бенъ-Израэль сдѣлалъ шагъ впередъ и, поднявъ обѣ руки, благословилъ его по способу іудейскихъ священнослужителей со словами: «Благослови, Господи, силу его, о дѣлѣ рукъ его благоволи, порази чресла возстающихъ на него и ненавидящихъ его, и исполни ему миръ отнынѣ и до конца дней его!»

— Миръ! повторилъ Кромвель съ глубокимъ вздохомъ, поблагодаривъ раввина милостивымъ взглядомъ.

Въ это время оберъ-церемоніймейстеръ шопотомъ упрашивалъ раввина, чтобы онъ и его спутники сняли шляпы изъ уваженія къ его высочеству, доказывая, что этого требуетъ установленный церемоніаль.

Раввинъ, положивъ руку на грудь, отвѣтилъ вслухъ:—Законъ запрещаетъ намъ обнажать головы передъ Всевышнимъ и его избранныками на землѣ!

— Оставьте ихъ сэръ Оливеръ, сказали протекторъ, обращаясь къ оберъ-церемоніймейстеру. — Пусть они поступаютъ такъ, какъ имъ предписываетъ ихъ законъ.

Затѣмъ онъ сошелъ съ возвышенія и приблизился къ раввину, который послѣ нѣсколькихъ поклоновъ хотѣлъ поцѣловать ему руку. Но протекторъ не допустилъ его до этого и дружески пожалъ руку раввину, равно и другимъ членамъ депутаціи. Когда дошла очередь до Авраама, онъ сказалъ ему съ милостивой улыбкой:—Мы старые пріятели и надѣюсь не забудемъ другъ друга!

Затѣмъ раввинъ бень Израэль вручилъ протектору петицію отъ имени «депутатовъ еврейской націи» и произнесъ длинную прі-вѣтственную рѣчь. Въ ней выражалась надежда, что при посредствѣ его высочества будутъ отмѣнены строгіе законы, изданные противъ евреевъ, и, что, согласно поданной петиціи, евреямъ дозволено будетъ свободно исповѣдывать свою религію въ странѣ, выстроить синагогу въ Лондонѣ и имѣть кладбище. «Будемъ молить Бога, добавилъ въ заключеніе раввинъ, чтобы въ непродолжительномъ времени воздвигнуть былъ Божій храмъ въ этомъ городѣ, чтобы мы могли восхвалять въ немъ Всевышняго и молить о благополучіи этого государства и дарованіи мира вашему высочеству!»

Авраамъ во время этой рѣчи не спускалъ глазъ съ протектора, который значительно постарѣлъ съ того дня, какъ онъ видѣлъ его въ послѣдній разъ, хотя остался все тѣмъ же великимъ и могущественнымъ Кромвелемъ, какъ и въ былое время. Волоса его посѣдѣли, лобъ и щеки покрылись морщинами, но глаза сохранили прежній блескъ, брови были темныя и густыя. Если года и заботы ослабили его желѣзный организмъ и наложили на немъ свой неизгладимый отпечатокъ, то воля оставалась всемогущей, какъ и въ то время, когда онъ велъ армію къ побѣдамъ, свергъ старый государственный строй и замѣнилъ новымъ. Она поддерживала его рѣшимость не искать давно желаннаго покоя, пока онъ не выполнитъ своей миссіи на землѣ.

Когда раввинъ окончилъ свою рѣчь, протекторъ пробѣжалъ глазами петицію и сказалъ, что онъ находитъ требованія евреевъ вполнѣ законными и, съ своей стороны, готовъ исполнить ихъ. Но онъ не можетъ дать окончательнаго рѣшенія, пока не выслушаетъ мнѣнія правительственныхъ лицъ и представителей различныхъ сословій. Поэтому онъ намѣренъ въ непродолжительномъ времени назначить собраніе въ Уайтголлъ, на которое будутъ созваны юристы и депутаты отъ духовенства и купеческаго сословія и приглашенъ бень Израэль съ товарищами.

Затѣмъ протекторъ милостиво простился съ евреями, надѣлъ

шляпу, поданную ему оберъ-церемоніймейстеромъ, и, раскланиваясь на обѣ стороны, медленно вышелъ изъ залы, въ сопровожденіи сво-
свиты.

Слѣдъ затѣмъ удалились «депутаты еврейской націи»; за ними потянулась публика. Вскорѣ зала опустѣла, и только лучи вечерняго солнца отсвѣчивали на расписанномъ потолокѣ, придавая краскамъ и фигурамъ золотистый колоритъ.

Кромвель вернулся въ свой рабочій кабинетъ; на столѣ лежала масса записокъ, депешъ, правительственныхъ сообщеній; у дверей стоялъ секретарь съ новыми бумагами.

Кромвель прочелъ извѣстіе, которое теперь всецѣло поглотило его вниманіе. Ему сообщали, что Бокингеми имѣлъ тайное свиданіе съ графиней Дизаръ, затѣмъ обратился въ бѣгство и Ферфаксъ взялъ его подъ свое покровительство. Мысль, что ему придется употребить насиліе противъ стараго товарища по оружію, въ которомъ онъ дрался при Марстонмурѣ и Незби тяготила его. Онъ безпокойно прошелся по комнатѣ: — Быть можетъ генералу неизвѣстны преступные замыслы Бокингема, пробормоталъ онъ, — я напишу ему, и постараюсь убѣдить его, чтобы онъ внялъ голосу разсудка.

Кромвель сѣлъ къ столу и написалъ два письма: одно къ генералу Ферфаксу, другое заключало приказъ о высылкѣ графини Дизаръ изъ Лондона.

ГЛАВА V.

Встрѣча.

Франкъ Гербертъ, послѣ долгихъ лѣтъ отсутствія, вернулся въ Лондонъ, гдѣ ничто не привлекало его. Онъ добровольно уѣхалъ изъ страны, для которой принесъ столько жертвъ, и оставилъ городъ, гдѣ все напоминало ему о бесполезности этихъ жертвъ. Битва при Ворчестерѣ, окончательно разрушившая надежды свергнутой династіи, была послѣдняя, въ которой онъ принималъ участіе. Теперь, повидимому, долженъ былъ осуществиться идеаль республиканцевъ, мечтавшихъ о такомъ государственномъ строѣ, гдѣ бы одинъ народъ пользовался властью, не раздѣляя ее съ единичною личностью. Послѣдняго всего болѣе опасались республиканцы, такъ какъ единичная личность, даже при самомъ высокомъ нравственномъ развитіи, не можетъ быть изъята отъ человѣческихъ слабостей и недостатковъ. Дѣйствительность скоро показала, насколько это опасеніе было основательно. Кромвель не думалъ отказываться отъ диктаторской власти, врученной ему въ виду неминуемой опас-

ности, угрожавшей отечеству, и, наоборотъ, рядъ принятыхъ имъ мѣръ служилъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что онъ намѣренъ упрочить ее за собою. Отсюда былъ одинъ шагъ къ коронѣ, которую онъ могъ считать достойной наградой услугъ, оказанныхъ своимъ соотечественникамъ.

Франкъ Гербертъ былъ нѣкогда привязанъ къ Кромвелю всѣми силами своей души, такъ что одна мысль о разрывѣ съ нимъ приводила его въ ужасъ. Передъ этимъ горемъ блѣднѣли всѣ страданія, какія ему приходилось испытывать въ жизни. Помимо личной симпатіи онъ терялъ въ Кромвелѣ человѣка, котораго онъ считалъ призваннымъ осуществить его идеаль и даровать свободу ихъ общей родинѣ. Онъ былъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ Кромвеля, и сдѣлалъ все, что могъ, чтобы отстранить противниковъ и враговъ, стоявшихъ на его дорогѣ, пожертвовалъ для него дружбой и любовью, безпрекословно исполнилъ приговоръ надъ несчастнымъ мечтателемъ, который палъ окровавленный къ его ногамъ. Несмотря на различныя, находившія на него сомнѣнія, его долго поддерживало убѣжденіе, что онъ служить цѣлямъ республики, но мало по малу у него явилось сознаніе, что все это сдѣлано для одного Кромвеля. Дальнѣйшее пребываніе на родинѣ стало для него невыносимымъ; онъ попросилъ дозволенія уѣхать изъ Лондона и продолжать службу въ другомъ мѣстѣ. Кромвель понялъ, что происходило въ его душѣ и сказалъ ему:—Дѣйствительно, сынъ мой, отдыхъ необходимъ тебѣ, къ счастью отечество можетъ обойтись въ данный моментъ безъ твоихъ услугъ. Поѣзжай съ Богомъ въ деревню для поправленія твоего здоровья.

— Я не могу воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ, отвѣтилъ съ горечью Франкъ Гербертъ, потому что далъ клятву не разтаиваться съ своей шпагой, пока враги свободы не будутъ уничтожены въ Англіи!

Съ этого дня началась открытая вражда между Кромвелемъ и Франкомъ Гербертомъ, хотя между ними больше не было сказано ни одного слова. Полкъ, въ которомъ служилъ Гербертъ былъ переведенъ изъ Лондона въ Дублинъ, гдѣ онъ мирно прожилъ нѣсколько лѣтъ, жадно слѣдя за событіями. Ничто не удивляло его, такъ какъ онъ не ожидалъ переменъ къ лучшему; но его глубоко огорчило извѣстіе, что Кромвель насильственно разогналъ долгій парламентъ, который онъ не могъ иначе распустить, какъ по собственному рѣшенію послѣдняго, и сверхъ того присвоилъ себѣ титулъ протектора. Затѣмъ слѣдовало другое извѣстіе, что Кромвель созвалъ парламентъ и немедленно распустилъ его за непокорность; и что опять будутъ назначены выборы для новаго парламента, чтобы получить отъ него корону. Носились даже слухи, что Кромвель, желая заручиться большинствомъ голосовъ для достиженія своей цѣли, прибѣгнулъ къ подкупу и угрозамъ. Въ заклю-

ченіе вся Англія была раздѣлена на военные округа подѣ въдѣніемъ генераль-маіоровъ, чтобы удобнѣе было слѣдить за общественнымъ настроеніемъ, контролировать его и принимать въ случаѣ надобности репрессивныя мѣры.

Недовольство распространилось во всей арміи, особенно въ Лондонѣ, откуда Гербертъ получилъ однажды цѣлый ящикъ, наполненный экземплярами запрещенной брошюры подѣ заглавіемъ: «Протестъ арміи», которую онѣ долженъ былъ распространить между солдатами его полка; Гербертъ тѣмъ охотнѣе исполнилъ это порученіе, что вполнѣ сочувствовалъ содержанію памфлета, въ которомъ выражено было глубокое негодованіе противъ существующихъ порядковъ. Подобный фактъ не могъ оставаться втайнѣ; двѣ недѣли спустя Герберта позвали къ лорду-депутату Ирландіи, зятю Кромвеля Флидвуду (который женился на вдовѣ Иретона), такъ какъ въ это время всѣ важнѣйшія должности въ арміи и управленіи были розданы сыновьямъ и родственникамъ протектора. Франкъ Гербертъ сознался въ своей винѣ и былъ отправленъ въ дублинскую крѣпость, что возбудило открытый ропотъ между солдатами его полка, которые шумно требовали его возвращенія. Кромвель, узнавъ о случившемся, приказалъ распустить полкъ и предложить Герберту остаться плѣнникомъ въ дублинской крѣпости или же вернуться въ Лондонъ, подѣ условіемъ не говорить и не дѣлать ничего во вредъ протектору и явиться къ нему по первому его требованію.

Франкъ Гербертъ выбралъ послѣднее, и уже нѣсколько дней опять жилъ въ Лондонѣ, пользуясь относительной свободой. Много измѣнилось здѣсь въ его отсутствіе. Дружественный союзъ съ Франціей былъ заключенъ и начата война съ Испаніей. Каждая почта приносила извѣстія о побѣдахъ одержанныхъ адмираломъ Блекомъ; на морѣ захвачена была цѣлая флотилія испанскихъ судовъ съ грузомъ изъ колоній, состоящимъ изъ золота и серебра въ слиткахъ и переправлена къ берегамъ Темзы. Англійскій народъ не только не страдалъ отъ этой войны; но съ каждымъ успѣхомъ почерпалъ изъ нея новую матеріальную силу. Вездѣ видно было полное довольство; всѣ были въ какомъ-то осяяніи отъ славы побѣды и прилива новыхъ небывалыхъ богатствъ. «Profa-num vulgus», бормоталъ Франкъ Гербертъ, проходя по улицамъ Лондона, ты не замѣчаешь, что изъ лавровъ Кромвеля выступаетъ голова Цезаря. Если слава побѣды заставляетъ тебя забыть потерю свободы, то ты не заслуживаешь ничего лучшаго. Можно пожалѣть только тѣхъ, которые изъ-за тебя проливали свою кровь...

Видѣ общаго ликованія былъ настолько ненавистенъ Герберту, что онѣ не охотно выходилъ днемъ изъ дому и только по вечерамъ гулялъ одинъ по пустыннымъ улицамъ, такъ какъ въ мракѣ чувствовалъ себя свободнѣе и покойнѣе. Онѣ не видался ни съ од-

нимъ изъ своихъ единомышленниковъ, такъ какъ хотѣлъ въ точности исполнить принятое имъ на себя обязазельство. Вдобавокъ лучшіе и благороднѣйшіе изъ нихъ томились въ крѣпостяхъ, ссылкѣ или въ добровольномъ изгнаніи. Что за проклятіе тяготеетъ надъ подобными правленіями! думалъ Франкъ, выходя изъ дому; они держатся произволомъ и должны принести въ жертву Молоху своихъ лучшихъ друзей и приверженцевъ...

Онъ направился къ Сити, гдѣ исключительно жили мѣщане, купцы и ремесленники. По улицамъ запирались вездѣ лавки, магазины и мастерскія; слышны были послѣдніе удары молота; рабочій людъ торопливо возвращался домой; мѣстами въ освѣщенные окна можно было видѣть семью мирно сидѣвшую за ужиномъ.— Долженъ ли я презирать этихъ людей или завидовать имъ? спрашивалъ себя Франкъ Герберъ; они съ спокойной совѣстью исполняютъ поденную работу, не заботясь о томъ, кто правитъ ими: король или протекторъ. Кончилась работа, они садятся за ужинъ, бесѣдуютъ, шумятъ, пьютъ вино, ложатся спать, чтобы на слѣдующее утро начать такой же день. Но эти люди составляютъ массу народа. Какое право имѣлъ я тогда сердиться на нихъ, что они такъ неохотно слѣдовали за знаменемъ свободы. Борьба противна ихъ природѣ; они хотятъ мирно пользоваться жизнью; не народъ производитъ революцію, а небольшая группа идеалистовъ, идущихъ впереди массы. Если гнетъ становится невыносимымъ для простаго народа, то онъ напрягаетъ свои силы, чтобы избавиться отъ него; а затѣмъ не желаетъ ничего лучшаго, какъ только вернуться къ своему очагу. Вслѣдствіе исключительныхъ обстоятельствъ намъ удалось увлечь его за собой, но мы стремились къ осуществленію идеала, а онъ хотѣлъ только отмѣны налоговъ и насильно навязаннаго ему молитвенника. Насъ занимала будущность, онъ думалъ только о настоящемъ. Наша задача должна заключаться въ томъ, чтобы воспитать его для будущности, которая принадлежитъ ему; народъ пережилъ Карла I, переживетъ протектора и другихъ подобныхъ ему властелиновъ. Но не тотъ другъ народа, который удовлетворяетъ его жажду славы и золота, но тотъ, кто своимъ примѣромъ, поступками и въ случаѣ надобности цѣной лишений и страданій готовитъ ему лучшую участь...

Прохладный ночной воздухъ и возрастающая тишина на улицахъ успокоительно подѣйствовали на возбужденные нервы Герберта. Сердце его было переполнено любовью и участіемъ къ тѣмъ самымъ людямъ, къ которымъ онъ до этого ничего не чувствовалъ кромѣ ненависти и презрѣнія. Погруженный въ свои мысли, онъ незамѣтно вышелъ на берегъ Темзы, и отсюда повернулъ на небольшую улицу Duke-Street, которую тщательно избѣгалъ до сихъ поръ, такъ какъ она напоминала ему объ утраченномъ счастьѣ. Но при томъ настроеніи, въ какомъ онъ находился, у него явилось

непреодолимое желаніе взглянуть на тотъ домъ, гдѣ онъ въ послѣдній разъ видѣлъ Оливію. Политическія событія на время удалили, но не изгнали ея образъ изъ его памяти. Воображеніе живо нарисовало ему милое личико съ грустными глазами, полными слезъ, ему казалось, что онъ опять прижимаетъ ее къ своему сердцу, слышитъ ея дыханіе. Гдѣ Оливія? быть можетъ она уѣхала къ брату, чтобы раздѣлить съ нимъ изгнаніе? Кто могъ дать ему отвѣтъ на этотъ вопросъ! Безучастно смотрѣло на него темное вечернее небо, усѣянное безчисленными звѣздами. Онъ остановился передъ домомъ еврея Авраама, который былъ объятъ мракомъ, какъ и сосѣдніе дома, огонь видѣнъ былъ только въ пріемной; окно комнаты верхняго этажа, гдѣ нѣкогда жилъ баронетъ было открыто, но нигдѣ не видно было ни малѣйшихъ признаковъ жизни. Сердце Герберта болѣзненно сжалось, но въ эту минуту послышались звуки арфы, послѣ первыхъ аккордовъ онъ узналъ ту самую мелодію, которую пѣла Оливія въ Чильдерлейскомъ замкѣ, въ день пріѣзда короля.

Знакомый голосъ запѣлъ:

- «Ты лжешь весна! Не дашь ты намъ прочнаго счастья.
- «Быстро отцвѣтаетъ краса природы обновленной весеннимъ ливнемъ.
- «Все, что ты дашь весна, носить въ себѣ зародышъ смерти.
- «Ярко горитъ вечерняя заря на небосклонѣ,
- «Но свѣтъ ея померкнетъ съ твоимъ первымъ привѣтомъ—
- «О лживый мір!—Лучшее въ тебѣ мечта...

Звуки замерли среди ночной тишины, но они все еще раздавались въ ухахъ Герберта, очарованіе старой любви охватило его душу съ новой силой, онъ хотѣлъ бѣжать къ своей возлюбленной, заключить ее въ свои объятія. Шумъ отворяемой двери остановилъ его, изъ дому вышелъ человѣкъ. Гербертъ сдѣлалъ невольное движеніе, чтобы скрыться за выступомъ стѣны, но тотъ узналъ его и назвалъ по имени.

Передъ нимъ стоялъ товарищъ его школьныхъ лѣтъ—Гевитъ.

— Ты ли это Джонъ? проговорилъ съ смущеніемъ Гербертъ, протягивая руку священнику. Все это кажется мнѣ какимъ-то сномъ...

— Мы давно не видѣлись съ тобой Франкъ, сказалъ Гевитъ. Ты вѣроятно не ожидалъ встрѣтить меня здѣсь; но въ этомъ домѣ живетъ Оливія...

— Оливія! повторилъ съ живостью Гербертъ. Что съ нею? ты вѣроятно часто видишь ее? Невольное отчужденіе, которое онъ чувствовалъ къ товарищу юности, послѣ ихъ послѣдней встрѣчи, разсѣялось безслѣдно при имени любимой дѣвушки.

— Да, я бываю у ней такъ часто, какъ позволяютъ это мои обязанности, и долженъ сказать, что мнѣ никогда не приходилось встрѣчать такой нравственной выдержки и покорности судьбѣ.

Послѣ тяжелыхъ испытаній, выпавшихъ на ея долю, у ней явилось глубокое убѣжденіе, что все кончено для нея; она повидимому не имѣетъ никакихъ желаній и надеждъ. Между тѣмъ я никогда не слышалъ отъ нея ни одного слова, которое можно было бы принять за ропотъ на судьбу!

— Бѣдняжка! какъ выносить она подобную жизнь! воскликнулъ Гербертъ, взволнованнымъ голосомъ, машинально слѣдуя за священникомъ, который изъ улицы Duke-Street направился къ воротамъ, ведущимъ въ Сити. — Сердце мое обливается кровью при мысли, что она обречена на жалкое существованіе среди чужихъ людей, тогда какъ при другихъ условіяхъ, она могла быть счастливой и любимой. Съ своей стороны я ничего не принесъ ей кромѣ горя и лишннихъ страданій, она имѣетъ полное право проклинать день нашей встрѣчи. Она также принесена въ жертву ненасытному кровожадному чудовищу, котораго называютъ Кромвель...

— Ради Бога говори тише, не произноси этого имени, сказалъ торопливо Гевитъ.

— Ты кажется боишься его!

— Не его, а тебя и твоихъ единомышленниковъ, которые довели насъ до настоящаго порядка вещей! Вы проложили дорогу къ убійству Стюарта и не должны удивляться, что Кромвель стремится занять его престолъ.

— И ты въ числѣ другихъ равнодушно переносишь это! воскликнулъ Гербертъ.

— Чтò можетъ сдѣлать бѣдный священникъ, обреченный на тѣсный кругъ дѣятельности! Вотъ уже третій годъ, какъ мнѣ порученъ небольшой приходъ и церковь въ Лондонѣ, мнѣ дозволили проповѣдывать слово Божіе...

— Значить и ты подкупленъ Джонъ, замѣтилъ съ раздраженіемъ Гербертъ, прерывая его. Весь вопросъ въ средствахъ, выбранныхъ тираномъ, чтобы принудить всѣхъ васъ къ молчанію!

— Я прощаю тебѣ это оскорбленіе во имя нашей прежней дружбы и тѣхъ нравственныхъ мученій, которыя ты долженъ былъ испытать въ послѣдніе годы. Твоя главная ошибка, что ты служилъ одному человѣку и ждалъ отъ него того, чего онъ не могъ дать!

— Кто не былъ обманутъ этимъ лицемѣромъ! Развѣ ты самъ не ожидалъ отъ него спасенія, въ тотъ день, когда ты добился его свиданія съ королемъ! Мое разочарованіе было тѣмъ сильнѣе, что я безусловно поклонялся Оливеру Кромвелю и видѣлъ въ немъ воплощеніе моего идеала. Служа ему, я былъ убѣжденъ, что служу дѣлу свободы!

— Тебѣ было извѣстно его честолюбіе Франкъ, а при этомъ условіи, ты могъ ожидать отъ него всего худшаго. Развѣ ты не видишь, что ты виноватъ не менѣе Кромвеля. Прибѣгая къ наси-

лю и терроризму, ты самъ съ твоими единомышленниками довелъ Стюарта до эшафота и очистилъ этому честолюбцу дорогу къ престолу...

— Я слишкомъ поздно понялъ свое заблужденіе, отвѣтилъ Гербертъ, печально опустивъ голову, а затѣмъ мнѣ оставался одинъ исходъ, чтобы отвратить новыя бѣдствія, которыя должны были обрушиться на мою родину. Трудно передать словами тѣ мученія, какія я испытывалъ въ первыя мѣсяцы по пріѣздѣ въ Дублинъ. Во время долгихъ безсонныхъ ночей, передо мною воскресало прошлое, я чувствовалъ себя опозореннымъ и униженнымъ до послѣдней степени, мысль о мести упорно преслѣдовала меня. Я молилъ Бога, чтобы онъ далъ мнѣ настолько силы, чтобы явиться передъ этимъ человѣкомъ, который долженъ былъ отвѣтить за всѣ испытанныя мною страданія. Сколько разъ брался я за шпагу, лежавшую около моей постели...

— Что за безуміе! воскликнулъ Гевитъ, въ душѣ котораго заговорило старое чувство привязанности къ школьному товарищу. Какое значеніе можетъ имѣть смерть одного человѣка. Наконецъ, кто поручится за успѣхъ въ подобныхъ случаяхъ, ты видѣлъ къ чему вели всѣ сдѣланныя до сихъ поръ попытки на его жизнь!

Они подошли къ кладбищу св. Павла. Старый соборъ представлялъ печальный видъ разрушенія, такъ какъ въ немъ давно прекращено было богослуженіе и съ крышъ былъ снятъ свинець во время междоусобной войны.

Смертельная блѣдность покрыла лицо Герберта, когда они проходили площадь.—На этомъ мѣстѣ погибъ несчастный Лакіеръ, я долженъ былъ исполнить приговоръ военного суда, сказалъ онъ глухимъ голосомъ, тяжело опираясь на руку своего спутника.

— Вотъ моя церковь, сказалъ священникъ, указывая на небольшое строеніе за соборомъ св. Павла, рядомъ съ нею приходскій домъ. Пойдемъ ко мнѣ Франкъ. Злые духи покинуть тебя вблизи твоего друга.

— Оставь меня Джонъ. Я чувствую себя спокойнѣе, когда я одинъ. Завтра я прійду къ тебѣ. До свиданія, покойной ночи!

ГЛАВА VI.

Самоотверженіе любви.

Гевитъ, проживъ нѣсколько лѣтъ въ замкѣ графа Линдзeya, поселился въ Лондонѣ, гдѣ онъ былъ избранъ священникомъ небольшого прихода св. Георга. Это было во времена протектората. Угне-

тенная епископальная церковь начала медленно оправляться послѣ всѣхъ испытанныхъ ею бѣдствій. Хотя ей не дозволено было возстановить прежняго великолѣнія, и она была лишена прежней власти и богатствъ, но для вѣрующихъ было большимъ утѣшеніемъ, что имъ разрѣшили молиться по старымъ молитвенникамъ и отправлять открыто церковную службу безъ боязни преслѣдованій. При Кромвелѣ не было господствующей церкви, хотя пресвитеріане, индепенденты и анабаптисты одновременно приписывали эту честь своей церкви. Протекторъ, признавая принципъ вѣротерпимости для всѣхъ христіанскихъ религій, оказывалъ даже особенное покровительство обезсиленной епископальной церкви, противъ пресвитеріанъ которые всѣми способами старались преслѣдовать ее. Одни католики лишены были права отправлять свое богослуженіе, но и то въ виду политическихъ цѣлей, такъ какъ они заодно съ Испаніей, папой и іезуитами не переставали составлять заговоры противъ Англій.

Такимъ образомъ приверженцы епископальной церкви, пользуясь благоприятными обстоятельствами, устроили себѣ молельни въ Лондонѣ и въ его окрестностяхъ, и такъ какъ соборы и болѣе значительные храмы были закрыты для нихъ, то они заняли небольшія церкви, которыя были возвращены имъ.

Одной изъ нихъ была церковь св. Георга за соборомъ св. Павла, прежній приходъ которой единогласно выбралъ своимъ священникомъ Гевита. Послѣдній съ радостью вступилъ въ отправленіе своей должности послѣ столькихъ лѣтъ бездѣйствія, хотя зналъ, какія серьезныя затрудненія ожидаютъ его. Онъ былъ всѣмъ сердцемъ привязанъ къ свергнутой династіи, и ничто не могло заставить его признать протектора верховнымъ властелиномъ государства. Но, вступая въ должность, онъ этимъ самымъ принималъ на себя обязательство не вредить ни словомъ, ни дѣйствіемъ существующему правительству. Поэтому онъ велъ себя крайне осторожно и, хотя не скрывалъ своихъ убѣжденій, но не позволялъ себѣ никакихъ намековъ, которые были бы истолкованы его врагами въ извѣстномъ смыслѣ. Тѣмъ не менѣе, искренность его вѣры и увлекательное краснорѣчіе, въ связи съ красивой наружностью и изящными манерами, сдѣлали его въ короткое время однимъ изъ самыхъ популярныхъ проповѣдниковъ тогдашняго Лондона. Небольшая церковь св. Георга была всегда переполнена народомъ. По воскресеньямъ можно было встрѣтить здѣсь самое избранное общество; дамы, какъ вездѣ въ подобныхъ случаяхъ, составляли преобладающій элементъ. Въ числѣ послѣднихъ были три дочери Кромвеля: Елизавета Клейполь, Мери и Францисъ, изъ которыхъ одна была помолвлена за извѣстнаго лорда Фолкенбриджа, а другая — за внука графа Уорвика.

Леди Клейполь, любимая дочь Кромвеля, которая болѣе другихъ членовъ семьи въ состояніи была понять его высокое значеніе, и

даже нѣкогда пожертвовала для него своей сердечной привязанностью,—была теперь одной изъ самыхъ усердныхъ посѣтительницъ небольшой церкви св. Георга. Ея прекрасные глаза задумчиво останавливались на лицѣ человѣка, котораго она любила какъ воспоминаніе утраченной молодости, тихая безутѣшная грусть давно замѣнила въ ея сердцѣ прежнія мечты и желанія. Все величіе, связанное съ ея общественнымъ положеніемъ, не могло заставить ее забыть прошлое. Она была самая красивая и привлекательная женщина при дворѣ Кромвеля и первое лицо во дворцѣ Уайтголла послѣ могущественнаго человѣка, власть котораго была выше королевской, хотя онъ не носилъ короны, между тѣмъ какъ жена бывшаго арендатора почти никогда не являлась въ публикѣ.

Такимъ образомъ Елизавета Клейполь, боготворимая протекторомъ, была предметомъ поклоненія для знатнѣйшихъ людей Англій, поэтовъ, художниковъ, а равно и представителей иностранныхъ державъ. Но мысли ея постоянно возвращались къ тому времени, когда она жила съ своей семьей, въ Сентъ-Ивсъ. Теперь въ ея воображеніи чаще прежняго рисовались зеленыя пастбища, рѣка, небольшіе дома и стройныя башни родного города. Надъ ними растилалось безоблачное лѣтнее небо; запахъ скошеннаго сѣна смѣшивался съ ароматомъ липъ; но вотъ солнце скрылось за лѣсомъ, слышны были колокольчики возвращающихся стадъ, мало по малу все стихало на поляхъ и приходилъ желанный гость. Какая безконечная доброта выражалась въ его темныхъ глазахъ съ любовью устремленныхъ на нее. Онъ говорилъ ей о поэзіи, нравственности и героизмѣ, и пробуждалъ въ ея душѣ стремленіе къ лучшему и болѣе осмысленному существованію. Радости и испытанія дальнѣйшей жизни не могли изгладить изъ ея памяти этого человѣка, и теперь, всматриваясь въ дорогія черты и слушая его живую рѣчь, она невольно вспоминала тихій арендаторскій домъ, въ которомъ провела счастливые годы ранней юности.

Она также встрѣтила въ церкви Оливію Кутсъ и, по окончаніи службы, заключила ее въ свои объятія.—Я знаю, сказала она, ты не можешь прійти ко мнѣ, но я всегда любила тебя, Оливія, и не перестану любить...

Кромвелю было извѣстно, что дочери его посѣщаютъ церковь св. Георга, но такъ какъ это не мѣшало его политическимъ дѣламъ, то онъ остался вѣренъ принципу терпимости, который хотѣлъ осуществить на дѣлѣ. Онъ становился жестокимъ и неумолимымъ, когда дѣло шло о сопротивляющейся партіи, но относился кротко и миролюбиво къ побѣжденнымъ. Теперь онъ щадилъ роялистовъ и покровительствовалъ епископальной церкви въ лицѣ ея выдающихся представителей. Онъ также, какъ и его дочь, съ удовольствіемъ вспоминалъ о жизни въ Сентъ-Ивсъ и прежнихъ отношеніяхъ къ Гевиту, и ему было бы пріятно снова увидѣть его

въ своемъ домѣ. Но Гевитъ тщательно избѣгалъ всякой встрѣчи съ протекторомъ, такъ какъ не могъ простить ему казви несчастнаго короля и признавалъ своимъ законнымъ властелиномъ одного Карла II.

Благодаря прежнимъ связямъ, у Гевита было много знакомыхъ среди высшей аристократіи, раздѣлявшей его религіозныя и политическія убѣжденія. Съ разныхъ сторонъ получалъ онъ приглашенія на блистательные обѣды и вечера, гдѣ ему приходилось сидѣть между высокопоставленными особами. Но онъ никогда не принималъ участія въ неприличныхъ выходкахъ противъ существующаго правительства, и не считалъ нужнымъ отвѣчать на тосты, сопровождаемые либеральными фразами. Онъ зналъ по опыту, что тѣ, которые всего громче выражали свои протесты при закрытыхъ дверяхъ, легче другихъ могутъ перейти въ другой лагерь. Равнымъ образомъ, онъ былъ врагъ всякихъ дѣтскихъ демонстрацій, въ видѣ ношенія лентъ и цвѣтовъ, которые должны были символически выражать преданность дому Стюартовъ. Однако, несмотря на это, никто не сомнѣвался въ искренности убѣжденій Гевита, и всѣ знали, что въ случаѣ бѣды на него можно было болѣе разсчитывать, нежели на кого либо другаго.

Избѣгая, по возможности, всякихъ шумныхъ сборищъ и официальныхъ сношеній съ людьми, онъ тѣмъ усерднѣе предавался исполненію своихъ обязанностей и служенію страждущимъ. Изъ нихъ всего ближе его сердцу была Оливія, дочь умершаго друга; онъ считалъ своимъ долгомъ, по возможности, восполнить для одинокой дѣвушки потерю отца и брата. Поэтому, ежедневно, со времени своего водворенія въ Лондонѣ, онъ посѣщалъ домъ, гдѣ жила Оливія. Самая нѣжная дружба по прежнему соединяла дочь баронета съ прекрасной еврейкой; поэтому, Гевитъ, разставаясь съ Оливіей, могъ быть покоенъ, такъ какъ зналъ, что оставлялъ при ней существо, безусловно преданное ей. Но дѣла принимали другой оборотъ. Не трудно было замѣтить, что сынъ раввина Менасіи чувствуетъ глубокую привязанность къ полругѣ своего дѣтства и намѣренъ жениться на ней. Но, и помимо этого, Мануэлла, по всѣмъ даннымъ, должна была скоро вернуться въ Амстердамъ, такъ какъ получено было извѣстіе, что д'Акоста сталъ благосклоннѣе относиться къ дочери и вѣроятно согласится на примиреніе съ нею. Мысль о разлукѣ двухъ дѣвушекъ составляла предметъ серьезнаго безпокойства для Гевита, тѣмъ болѣе, что по его мнѣнію пребываніе Франка Герберта въ Лондонѣ, при тѣхъ исключительныхъ условіяхъ, въ какихъ онъ находился, должно было тяжело отразиться на Оливіи. Поэтому, онъ сообщилъ о пріѣздѣ Герберта одной Мануэллѣ и откровенно высказалъ ей свои опасенія.

Но Мануэлла совершенно иначе отнеслась къ дѣлу, нежели ожидалъ священникъ. На лицѣ ея выразилась искренняя радость:

— Теперь ничтò не можетъ помѣшать ихъ сближенію, воскликнула она. О Боже, кто могъ ожидать этого!..

Гевить, занятый своими мыслями, не слышалъ отвѣта Мануэллы и вскорѣ ушелъ, говоря, что сегодня, вечеромъ, ожидаетъ къ себѣ Франка Герберта.

Но едва дверь закрылась за священникомъ, какъ радость въ душѣ Мануэллы смѣнилась чувствомъ глубокой тоски и такимъ упадкомъ духа, что она въ отчаяніи закрыла лицо обѣими руками. Ей предстояла послѣдняя и самая тяжелая борьба съ себялюбивыми желаніями и надеждами. Франкъ Гербертъ былъ единственною любовью ея жизни, олицетвореніемъ всего высокаго, прекраснаго и благороднаго въ мірѣ. Съ его именемъ были связаны лучшія мечты ея юности, хотя Франкъ своимъ поведеніемъ не давалъ ей ни малѣйшаго повода рассчитывать на взаимность. Сердце его съ первой минуты было отдано Оливіи, и онъ оставался вѣрнѣ этой привязанности, несмотря ни на какія испытанія. Но чтò мѣшало влюбленной дѣвушкѣ сознательно сдѣлать то, къ чему побуждало ее безотчетное стремленіе ранней юности, и создать жизнь независимую отъ всякихъ связывающихъ ее узъ. Красивой женщины дана безграничная сила, если она захочетъ воспользоваться ею, не разбирая средствъ. Какое значеніе имѣютъ для нея соперницы при желаніи достигнуть во чтò бы-то ни стало своей цѣли! Какой мужчина устоитъ противъ ея обольстительной улыбки, ласковаго взгляда прекрасныхъ глазъ, неистощимаго остроумія и капризовъ! Задача ея тѣмъ легче, если соперница беззащитная дѣвушка, все очарованіе которой въ молодости; и отъ нея нельзя ничего ожидать въ будущемъ, кромѣ семейныхъ добродѣтелей и качествъ хорошей хозяйки дома. Любовь Мануэллы къ Франку Герберту не могла угаснуть сама собой при ея живомъ и впечатлительномъ характерѣ. Воля нерѣдко оказывалась безсильной подъ наплывомъ непрощенныхъ чувствъ и ощущеній. Не мы создаемъ желанія, которыя иногда какъ демоны-искусители подступаютъ къ намъ. Они окрашиваютъ предметы въ блестящія краски, пока весь свѣтъ не сосредоточится на одномъ изъ нихъ и всѣ остальные погружаются во мракъ. Туда влечетъ насъ безуміе невыполненныхъ желаній, какъ ночную бабочку на огонь зажженной свѣчки, который кажется ей огненнымъ моремъ. Она бросается въ него, чтобы послѣ минутнаго наслажденія упасть мертвой. Счастливы тотъ, кого постигнетъ участь ночной бабочки, такъ какъ въ противномъ случаѣ его ожидаетъ тяжелое пробужденіе и невыносимыя муки раскаянія. Мануэлла вспомнила тотъ моментъ въ York-Hous'ѣ, когда она, увлеченная вѣвнимымъ порывомъ, призналась въ любви Франку Герберту. Она сдѣлала это бессознательно и безъ дурныхъ намѣреній. Но всегда ли были такъ безгрѣшны ея помыслы относительно Франка? спрашивала она себя съ отчаяніемъ. Сколько разъ

въ своихъ безумныхъ мечтахъ она готова была купить минуту счастья съ нимъ цѣною чести и дружбы дорогой подруги, которой она была обязана болѣе, чѣмъ жизнью. Вспоминая прошлое, она мысленно дала себѣ обѣтъ употребить всѣ усилія, чтобы соединить Оливію съ Гербертомъ.

Она поспѣшно встала съ мѣста и поднялась на лѣстницу; но дойдя до комнаты Оливіи, остановилась. Рядомъ была небольшая полуоткрытая дверь, которая вела въ молельню; лучи вечерняго солнца наполняли ее золотистымъ сіяніемъ.

— Господи, помоги мнѣ! внемли голосу моленія моего! воскликнула Мануэлла, преклонивъ колѣна на порогѣ; губы ея шептали слова молитвы.

Затѣмъ, она вошла въ комнату Оливіи.

— Я должна сообщить тебѣ неожиданную новость, сказала она спокойнымъ голосомъ; Франкъ Гербертъ опять въ Лондонѣ.

Оливія опустила глаза, чтобы скрыть свое волненіе, такъ какъ, подобно покойному баронету, она не любила выказывать своихъ чувствъ даже передъ самыми близкими людьми.

— Но Франкъ теперь не тотъ человѣкъ, какимъ ты видѣла его въ послѣдній разъ, продолжала Мануэлла; онъ уже не пользуется дружбой и милостью Кромвеля; надъ головой его поднять мечъ...

Оливія выпрямилась; яркая краска выступила на ея блѣдныхъ щекахъ.

— Говори все! воскликнула она; Франкъ несчастливъ, ему грозитъ опасность?

— Да, и ты одна можешь спасти его!

— О, Боже!.. если бы я знала, что могу я сдѣлать для него!

— Я слышала отъ Гевита, что онъ возсталъ противъ воли Кромвеля и навлекъ на себя его гнѣвъ.

Оливія, не помня себя отъ ужаса, поднялась съ кресла.

— Вѣроятно, этотъ жестокій человѣкъ приговорилъ его къ смерти, и ты скрываешь это отъ меня?

— Нѣтъ, онъ только требуетъ, чтобы Франкъ нѣкоторое время оставался въ бездѣйствіи и не принималъ никакого участія въ замыслахъ его враговъ.

— Вѣроятно, Франкъ исполнитъ желаніе протектора.

— Нѣтъ, потому что онъ не можетъ спокойно слышать имени Кромвеля.

— Значитъ еще не все потеряно! Пойдемъ къ нему Мануэлла; скажи мнѣ, гдѣ онъ? Я буду умолять его на колѣняхъ, чтобы онъ не противился Кромвелю; иначе его также приговорять къ смерти.

Рыданія прерывали голосъ Оливіи.

— Иди за мной, мы найдемъ его въ домѣ священника, сказала Мануэлла.

Оливія поспѣшно одѣлась; затѣмъ обѣ дѣвушки вышли на улицу.

Г Л А В А VII.

Въ приходскомъ домѣ.

Священникъ Гевитъ жилъ въ недалекомъ разстояніи отъ церкви, въ каменномъ домѣ, который былъ отданъ въ его полное распоряженіе родственниками умершаго владѣльца. Это былъ настоящій дворянскій домъ, съ широкими лѣстницами, темнымъ дубовымъ паркетомъ, высокими окнами и большими портретами на стѣнахъ. Вездѣ были видны слѣды прежняго великолѣпія; вкусъ прежняго жильца сказывался въ общемъ характерѣ всей обстановки, носившей на себѣ отпечатокъ прочности и спокойной неподвижности. Гевитъ не сдѣлалъ никакихъ перемѣнъ въ домѣ, такъ какъ, при своихъ скромныхъ потребностяхъ, жилъ въ одной комнатѣ, которая служила ему кабинетомъ.

Здѣсь проводилъ онъ свободные часы за чтеніемъ, отдыхая отъ дневныхъ трудовъ. На полкахъ стояли тѣ же ряды книгъ, которыя окружали его въ прежнемъ приходскомъ домѣ, только окна не выходили на холмъ и Чильдерлейскій замокъ. Изъ нихъ виднѣлось громадное зданіе собора св. Павла, освѣщеннаго вечерней зарей.

Видъ уютной комнаты священника съ ея скромной обстановкой, живо напоминалъ Герберту ихъ первую встрѣчу въ домѣ Чильдерлейскаго прихода. Въ первую минуту онъ былъ настолько взволнованъ этимъ, что не могъ произнести ни одного слова.

— Странное дѣло, сказалъ онъ, наконецъ, усаживаясь въ кресло, неужели мы одни должны мѣняться, тогда какъ неодушевленные вещи, окружающія насъ, имѣютъ передъ нами то преимущество, что остаются нетронутыми!

— Я не называю это преимуществомъ, сказалъ Гевитъ. Постоянныя перемѣны ведутъ къ прогрессу; въ нихъ заключается величайшая задача жизни. Горе человѣку, если застои не тяготятъ его, и онъ довольствуется однообразнымъ существованіемъ день-за-день.

— Но если его стремленія кончаются ни чѣмъ, и тамъ, гдѣ онъ думалъ служить высокой идеѣ, его услуги помогли только разрушить ее.

— Неужели ты серьезно думаешь это, спросилъ Гевитъ съ грустной улыбкой. Развѣ ты не признаешь, что идеи бессмертны, и ничто не можетъ убить или уничтожить ихъ? Они жили до тебя и переживутъ обоихъ насъ.

— Это плохое утѣшеніе, возразилъ Гербертъ, когда приходится погибать въ безплодной борьбѣ!

— Если бы дѣйствительно можно было назвать борьбу за идею бесплодной, то не стоило бы продолжать ее. Лучше добровольно лишить себя жизни...

— Я уже думалъ объ этомъ! возразилъ Гербертъ съ глубокимъ вздохомъ. Когда нѣтъ другаго средства избавиться отъ мучительнаго и ненавистнаго существованія, то нѣтъ другаго исхода, кромѣ самоубійства!

— Какое безумное ослѣпленіе! воскликнулъ Гевитъ. Вотъ куда привелъ тебя высокій полетъ твоихъ мыслей! Когда я въ первый разъ встрѣтился съ тобой послѣ долгой разлуки, я видѣлъ, что ты идешь по опасной дорогѣ. Ты признавалъ принципъ насилія и служилъ ему; когда онъ обратился противъ тебя, въ твоемъ сердцѣ заговорило недостойное чувство мести. Въ минуты безсилія, которыя слѣдуютъ за лихорадочными пароксизмами, ты приходишь до такого упадка духа, что готовъ рѣшиться на преступленіе. Вся ошибка такихъ мечтателей какъ ты, что вы хотите измѣнить законы, установленные самимъ Богомъ. Я не вижу логики въ вашихъ поступкахъ; слово «свобода» вашъ лозунгъ, а на дѣлѣ вы проводите терроризмъ!

— Ты рассуждаешь какъ священникъ и кабинетный ученый. Только оружіемъ, а не мирною проповѣдью можно освободить человечество отъ обмана, суевѣрія и мрачныхъ силъ прошлаго; это борьба на жизнь и смерть, требующая жертвъ закланія. Каждый человѣкъ, вступающій въ нее, можетъ заранѣе считать себя обреченнымъ на гибель; но его могила побуждаетъ слѣдующія поколѣнія къ новымъ подвигамъ героизма. Если меня мучитъ тяжелое сознаніе своей слабости и заблужденій, то это еще не доказываетъ, чтобы я сомнѣвался въ правотѣ дѣла. Я не думаю отречься отъ моего прошлаго; но до сихъ поръ не могу помириться съ мыслью, что цѣль, для которой я жилъ и боролся, опять отдалилась отъ меня. Я надѣялся, что мнѣ суждено въ числѣ другихъ дать свободу моимъ угнетеннымъ соотечественникамъ; но вмѣсто этого мнѣ пришлось поднять на своихъ плечахъ того, кто задушилъ ее въ зародышѣ. Дѣйствительно, моя жизнь представляетъ рядъ заблужденій; но, несмотря на горькое разочарованіе и всѣ испытанныя мною мученія, я буду стоять до послѣдней минуты за свои убѣжденія. Ты называешь меня мечтателемъ, но ничто не пробудитъ меня отъ мечты, называемой «свободой», и я буду вѣрить до конца въ возможность ея осуществленія въ будущемъ.

Грустный и задушевный тонъ рѣчи Франка Герберта глубоко тронулъ священника.

— Мы шли оба къ одной цѣли, но по разнымъ дорогамъ, сказала онъ, дружески пожимая руку товарищу юности. Намъ не суждено достигнуть ее; другіе будутъ продолжать борьбу и стре-

миться къ разрѣшенію тѣхъ же вопросовъ. Послѣ дурныхъ дней наступать хорошіе...

Легкій стукъ въ дверь прервалъ бесѣду друзей. Это были обѣ дѣвушки. Солнце садилось за лѣсомъ; башни св. Павла казались огненными при золотистомъ отблескѣ вечерней зари, который отражался на стѣнахъ уютной комнаты приходскаго дома. Оливія вошла первая, но остановилась въ нерѣшимости у дверей. Мысль, что Франкъ быть можетъ забылъ объ ея существованіи во время ихъ послѣдней долгой разлуки, настолько смутила ее, что она въ первую минуту ничего не могла различить, кромѣ яркаго свѣта наполнявшаго комнату. Она не замѣтила, какъ Франкъ Гербертъ, пораженный ея неожиданнымъ появленіемъ, всталъ съ мѣста и, послѣ минутнаго колебанія, бросился къ ея ногамъ. Звуки знакомаго голоса заставили ее очнуться.

— Оливія, ты ли это? воскликнулъ онъ, взявъ ее за руку. Радость и отчаяніе боролись въ его душѣ. Въ эту минуту онъ опять переживалъ безконечное блаженство своей кратковременной любви и горе долгихъ лѣтъ, проведенныхъ въ разлукѣ.

Она подняла голову и, взглянувъ на него, громко зарыдала.

Онъ поднялся на ноги и заключилъ ее въ свои объятія.

— Дорогая моя! говорилъ онъ, покрывая поцѣлуями ея бѣлокурыя волосы и разгорѣвшееся личико; ты моя навсегда, ничто не разлучитъ насъ!..

Оливія сдѣлала усиліе, чтобы освободиться изъ его страстныхъ объятій. Чувство безконечнаго счастья выражалось въ ея глазахъ и улыбкѣ. Она протянула руку Мануэллѣ.

— Тебѣ я обязана всѣмъ! сказала она вполголоса.

Гербертъ взялъ ее за руку и подвелъ къ Гевиту.

— Ты былъ другомъ ея отца, Джонъ, благослови насъ его именемъ?

Все случилось такъ неожиданно, что священникъ не могъ прійти въ себя отъ удивленія.

— Я не ожидалъ, сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ, чтобы мысль о бракѣ могла прійти вамъ въ голову послѣ столькихъ лѣтъ разлуки! Не ты ли Франкъ добровольно отказался отъ ея руки? Оливія, съ своей стороны, также, повидимому одобряла причины, побудившія тебя рѣшиться на такой поступокъ...

— Эти причины больше не существуютъ, робко возразила Оливія, опускающая глаза. Не говорите такъ сурово, мой дорогой другъ, и не осуждайте меня за необдуманнѣйшій шагъ. Я пришла сюда не для того, чтобы услышать слова, сказанныя Франкомъ... У меня была другая цѣль... Но такъ какъ это случилось, то...

— То, что же? дитя мое, ласково спросилъ Гевитъ, чтобы ободрить смущенную дѣвушку. Я имѣю право на твою откровенность. Помни, что я даю слово умирающему баронету быть твоимъ вѣрнымъ другомъ.

— Я не могу больше разстаться съ Франкомъ! отвѣтила краснѣя Оливія такимъ тихимъ шепотомъ, что только священникъ могъ слышать ея слова.

— Теперь позволь мнѣ, въ свою очередь, возразить на твое замѣчаніе, что я добровольно отказался отъ ея руки, сказалъ Гербертъ. Меня побудило къ этому только опасеніе навсегда закрыть себѣ путь къ счастью; которое было немислимо при извѣстныхъ условіяхъ. Но, клянусь честью, ни разу въ продолженіи долгихъ тяжелыхъ лѣтъ разлуки мнѣ не приходило въ голову отказаться отъ любви. Потеря любви и дружбы терзали меня даже въ тѣ блаженныя минуты, когда я воображалъ, что служу отечеству, и только вы оба можете утѣшить меня въ утратѣ моихъ идеаловъ.

— Мое сердце никогда не переставало любить тебя, Франкъ, сказалъ Гевитъ, протягивая ему руку, потому что я зналъ, что ты всегда останешься такимъ же безупречнымъ, чистымъ и великодушнымъ, какимъ я зналъ тебя въ пору нашей ранней юности. Но избранный тобою путь насилія и произвола оттолкнулъ меня; я видѣлъ, что ненависть и жажда мести все болѣе и болѣе ослѣпляютъ тебя. Вспомни нашу послѣднюю встрѣчу! Человѣкъ способенъ на все при томъ душевномъ состояніи, въ какомъ ты находился тогда...

— Насиліе и произволь были для меня только средствами къ достиженію благой цѣли, для которой я готовъ былъ пожертвовать личнымъ счастьемъ. Честолюбіе было чуждо моему сердцу; но когда я убѣдился, что служу орудіемъ для выполненія преступныхъ намѣреній властолюбца, то меня неотступно стала преслѣдовать мысль столкнуть его съ пьедестала славы, который я воздвигъ для него... Но тебѣ нечего бояться за меня, Джонъ! я чувствую въ себѣ достаточно силъ для борьбы съ собою и надѣюсь, что не запятнаю своего имени преступленіемъ...

Голосъ Герберта оборвался, онъ не могъ продолжать отъ волненія.

— Я пришла сюда Франкъ съ единственною цѣлью, чтобы услышать это отъ тебя, сказала Оливія, положивъ ему руку на плечо. Горе разлуки съ тобой было ничто въ сравненіи съ тѣмъ отчаяніемъ, которое овладѣло моимъ сердцемъ, когда я услышала о твоёмъ окончательномъ разрывѣ съ Кромвелемъ. Въ моей памяти вокресло все, что отнялъ у меня этотъ жестокій человѣкъ; мертвые ожили и протягивали ко мнѣ руки:— Спаси его, говорили они, Кромвель погубитъ послѣдняго дорогаго для тебя человѣка! Мнѣ казалось тогда, что тѣнь моего отца помирилась съ тобой...

Гербертъ нѣжно прижалъ взволнованную дѣвушку къ своему сердцу.

— Когда ты со мной, моя ненаглядная, сказалъ онъ, то чувство ненависти ослабѣваетъ въ моемъ сердцѣ. Пусть исторія су-

дить этого человекъ и очистить его имя отъ тѣхъ преступленій, въ которыхъ обвиняють его люди, близко стоящіе къ нему. Онъ со славой началъ свое поприще, и кто могъ ожидать тогда, что самый великій и гениальный поборникъ свободы потомъ обратится въ тирана! Ты можешь быть покойна, Оливія, если онъ призоветъ меня къ себѣ, то я въ точности исполню его приказанія. Если жизнь стала для меня дороже чести, то одно можетъ служить мнѣ утѣшеніемъ, что я дѣлаю это ради тебя..

Грустный тонъ, съ какимъ были сказаны эти слова, поразилъ священника; онъ счелъ нужнымъ напомнить своему другу объ его новыхъ обязанностяхъ.

— Я ничего не имѣю противъ того, чтобы дать вамъ благословеніе на бракъ, сказалъ онъ. Но не забывай Франкъ, что жизнь Оливіи будетъ теперь неразрывно связана съ твоей; поэтому, дай мнѣ слово не дѣлать ни одного шагу, который бы нарушилъ счастье и спокойствіе ея дальнѣйшей жизни!

— Я даю его, сказалъ Гербертъ, протягивая руку Оливіи. Священникъ благословилъ ихъ по обрядамъ епископальной церкви.

Нѣсколько дней спустя, Гербертъ повелъ свою невѣсту въ церковь св. Георга. Одна Мануэлла сопровождала ихъ. Она встала въ темномъ углу и машинально слѣдила за началомъ торжественнаго обряда. Ей казалось, что она видитъ сонъ: полуосвѣщенную церковь, пустые хоры, знакомыя фигуры дорогихъ для нея людей; въ ушахъ ея глухо раздавались слова священника и отвѣты новобрачныхъ. Наконецъ, Оливія своимъ твердымъ и кроткимъ голосомъ произнесла клятву въ вѣрности. Долго сдерживаемое рыданіе вырвалось изъ груди несчастной дѣвушки; она упала на колѣни, закрывъ лицо обѣими руками. Когда она встала, то кольца были обмѣнены; священникъ произносилъ послѣднія слова вѣнчальнаго обряда.

Оливія изъ объятій своего мужа, поспѣшила къ Мануэллѣ.

— Тебѣ, послѣ Бога, обязана я своимъ счастьемъ! сказала она, прижимая къ сердцу свою плачущую подругу.

Новобрачные изъ церкви отправились на улицу Duke-Street, чтобы поблагодарить гостепріимную семью, пріютившую дочь баронета, послѣ постигшаго ее несчастія. Затѣмъ, Оливія покинула домъ, гдѣ въ продолженіи долгихъ лѣтъ видѣла столько доброты и безкорыстной дружбы со стороны постороннихъ для нея людей.

ГЛАВА VIII.

Друзья дѣтства.

Мануэлла, проведивъ новобрачныхъ, вернулась въ свою комнату. Она долго и грустно смотрѣла имъ вслѣдъ изъ окна, такъ какъ чувствовала, что съ ними было связано все, что придавало блескъ ея жизни. Она мысленно прощалась со своей молодостью, съ ея обманчивыми мечтами и надеждами. Сердце ея сроднилось съ Оливіей въ теченіи многихъ лѣтъ; теперь ее разлучилъ съ нею человекъ, котораго она любила больше всего на свѣтѣ. Мечтательная жизнь кончилась, наступила серьезная дѣйствительность. Она вспомнила послѣдній вечеръ въ Чильдерлейскомъ замкѣ, имѣвшій рѣшительное вліяніе на ея дальнѣйшую судьбу. Какъ и тогда она смотрѣла на закатъ солнца и старалась подавить любовь въ своемъ сердцѣ. Теперь она была увѣрена, что ей не трудно будетъ справиться съ своими чувствами, такъ какъ угасъ послѣдній лучъ надежды. Мрачно собирались тучи на небѣ, предвѣстники близкой грозы; въ воздухѣ сдѣлалось свѣжо; солнце еще разъ выглянуло изъ-за тучъ и освѣтило землю багровымъ свѣтомъ.

Мануэлла услышала, что кто-то назвалъ ее по имени, и оглянувшись увидѣла Самуила, который въ нерѣшимости остановился у дверей. Она знала, что другъ дѣтства робѣетъ въ ея присутствіи, потому что понимаетъ ея душевное состояніе, и это еще болѣе увеличивало ея симпатію къ нему.

— Мануэлла, сказалъ онъ, тебѣ нечего скрывать отъ меня своего горя! Я умѣю молчать, когда...

Онъ запнулся, неокончивъ фразы. Мануэлла ласково взглянула на него своими большими грустными глазами.

— У меня мѣтъ тайны отъ тебя Самуиль! сказала она. Мы слишкомъ хорошо знаемъ другъ друга.

— Мануэлла, еслибы я могъ надѣяться! воскликнулъ онъ, взявъ ее за руку, но затѣмъ, какъ бы раскаиваясь въ своемъ побужденіи, добавилъ:— Нѣтъ, я не хочу пользоваться этой минутой, когда сердце твое переполнено горемъ. Тебя также легко уговорить теперь, какъ ребенка. Прежде, чѣмъ рѣшиться на что нибудь, ты должна выздороветь.

— Я уже рѣшилась.

— Такія внезапныя рѣшенія не могутъ имѣть значенія. Ты вынесла столько страданій, что тебѣ невыносимо видѣть мученія близкихъ тебѣ людей. Но я не могу пользоваться твоимъ великодушіемъ, хотя это было бы для меня величайшимъ счастьемъ, какое я могу представить себѣ въ этомъ мірѣ. Твое горе такъ велико, что ты должна оправиться отъ него?

— Не упрекъ ли это съ твоей стороны Самуиль. Можетъ быть ты хочешь сказать этимъ, что если женщина когда либо испытала сильное и глубокое чувство, то она не въ состояніи полюбить другого человѣка. Но въ бракѣ дружба, уваженіе и взаимное до-вѣріе едва-ли не болѣе имѣютъ значенія, нежели вспышка страсти...

— Ты не понимаешь меня Мануэлла; я говорилъ не о себѣ. Чтò я могу представить собой для такой женщины какъ ты. Все, чтò бы ты не дала мнѣ будетъ милостыня королевы!

— Въ тебѣ говорить гордость Самуиль. Неужели ты требуешь, чтобы я стала доказывать тебѣ насколько я нуждаюсь въ твоей помощи и ищу успокоенія! Мнѣ необходимо имѣть цѣль въ жизни и опредѣленныя обязанности. Развѣ ты хочешь, чтобы я на колѣняхъ просила тебя не отвергать моей руки?

— Ты знаешь, что я готовъ исполнить каждое твое приказаніе, а тѣмъ болѣе это, возразилъ улыбаясь влюбленный юноша, цѣлуя руку Мануэллы. Теперь я долженъ объяснить тебѣ цѣль моего прихода. Мы получили извѣстіе, что твой отецъ убѣдился, насколько онъ былъ несправедливъ къ тебѣ и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ твоего возвращенія, чтобы прижать тебя къ своему сердцу. Онъ поручилъ передать тебѣ это письмо.

Мануэлла взяла письмо дрожащими руками и торопливо распечатала его. Д'Акоста ласково звалъ къ себѣ дочь; въ немногихъ строкахъ выражалась глубокая тоска одинокаго старика, горе дол-гихъ лѣтъ разлуки и нетерпѣливое ожиданіе скорого свиданія.

Мануэлла была настолько взволнована письмомъ, что не въ состояніи была выговорить ни одного слова. Самуиль старался успокоить и развлечь ее.—Я могу сообщить тебѣ и другія, хотя менѣе утѣшительныя новости: переговоры относительно положенія евреевъ въ Англіи далеко не приняли такой быстрый и благоприятный оборотъ, какой можно было ожидать послѣ лестнаго приѣма, оказаннаго протекторомъ нашимъ депутатамъ. Коммисія, составленная изъ представителей духовенства, депутатовъ Сити и государственныхъ секретарей, собралась въ большой залъ Уайтголла. Много было толковъ и споровъ, самъ Кромвель принималъ участіе въ переговорахъ; никогда я не слыхалъ такого подавляющаго краснорѣчія; но онъ не убѣдилъ нашихъ противниковъ. Онъ былъ видимо опечаленъ этимъ и, по окончаніи послѣдняго засѣданія, сказалъ моему отцу: «Мы не должны падать духомъ; все исполнится по волѣ Божіей!» Я вполне раздѣляю мнѣніе Кромвеля, потому что не считаю наше дѣло потеряннымъ. Приѣздъ депутатовъ не прошелъ безслѣдно. Мнѣ услышалъ объ еврейскомъ вопросѣ, и вопросъ занялъ мѣсто въ числѣ другихъ, которые останутся на разрѣшеніе слѣдующихъ столѣтій. Однажды поднятый вопросъ не можетъ исчезнуть; рано или поздно онъ обратитъ на себя общее вниманіе...

Мануэлла разсѣянно слушала своего друга. Хотя она не менѣе

своихъ единовѣрцевъ интересовалась исходомъ переговоровъ въ Уайтголль; но въ данную минуту сердце такъ громко говорило въ ней, что заставило ее забыть весь міръ.

Самуиль занятый своими мыслями, не замѣтилъ душевнаго состоянія своей собесѣдницы и продолжалъ съ тѣмъ же воодушевленіемъ: — Само собою разумѣется, что не всѣ могутъ мириться съ такимъ положеніемъ вещей въ виду далекой будущности; многіе изъ депутатовъ уѣхали недовольные изъ Лондона; другіе упали духомъ и повидимому обвиняютъ моего отца въ неудачномъ исходѣ дѣла, хотя прямо не высказываютъ этого. Между тѣмъ вниманіе Кромвеля было отвлечено въ другую сторону; въ послѣднее время ему болѣе чѣмъ когда нибудь приходится вести усиленную борьбу противъ фанатизма и малодушія, его жизнь постоянно подвергается опасности, къ этому нужно еще прибавить войну съ испанцами. Однако, несмотря на всѣ эти, крайне неблагоприятныя условія, мой отецъ нашелъ опору въ себѣ самомъ и немногихъ друзьяхъ, которые остались вѣрны ему. Онъ составилъ докладную записку и съ помощью м-ра Никласа добился аудіенціи у протектора. На этотъ разъ Кромвель принялъ его запросто въ своемъ кабинетѣ; онъ былъ одинъ и разговаривалъ съ моимъ отцомъ какъ частное лицо.

— Вы видите почтенный раввинъ, сказалъ онъ, что общественное мнѣніе противъ васъ и вашихъ единовѣрцевъ. Я былъ бы плохимъ лоцманомъ, еслибы повернулъ корабль противъ вѣтра, не обращая вниманія на непогоду, такъ какъ этимъ надолго погубилъ бы ваше дѣло. Хотя я не вижу ни малѣйшей связи между правосудіемъ и вѣрой, но у парламента свои взгляды. Вы были свидѣтелемъ какой бурный протестъ вызвали мои предложенія въ засѣданіяхъ комисіи и насколько ими возбуждена была ненависть столичнаго населенія. Тѣмъ не менѣе я не могу допустить вопіющей несправедливости, и какъ протекторъ трехъ королевствъ обещаю вамъ свое покровительство. Вы можете спокойно пріѣзжать въ Англію и жить среди насъ. Вамъ дозволено будетъ открыто молиться Богу Израиля и погребать своихъ мертвыхъ на особомъ кладбищѣ. Хотя укрѣпленные города и деревни по прежнему будутъ закрыты для васъ, но никто не мѣшаетъ вамъ селиться въ самомъ Лондонѣ, въ такихъ пунктахъ, какъ Duke street и Bevis Marks. Я не оставлю васъ; и надѣюсь что послѣ моей смерти Господь не допуститъ, чтобы на васъ вновь было воздвигнуто гоненіе. Теперь вы должны довольствоваться небольшою синагогой, пока вамъ не разрѣшатъ соорудить обширный храмъ!.. Такъ говорилъ Кромвель...

Самуиль остановился, удивленный долгимъ молчаніемъ молодой дѣвушки. Она сидѣла на прежнемъ мѣстѣ у окна, печально опустивъ голову; но онъ не могъ разглядѣть ея лица при наступившихъ сумеркахъ.

— Мануэлла что съ тобой? спросилъ онъ съ искреннимъ участіемъ.

Глухія рыданія были отвѣтомъ на его вопросъ. Но черезъ минуту она бросилась къ нему на шею и проговорила взволнованнымъ прерывающимся голосомъ:— Самуиль я не стою тебя!.. Онъ нѣжно прижалъ ее къ своему сердцу: — Ты сказала, что нуждаешься въ моей помощи, отвѣтилъ онъ, твой вѣрный другъ всегда къ твоимъ услугамъ! Если ты не раскаиваешься въ своей рѣшимости, то повтори слова сказанныя тобой...

Не оставляй меня Самуиль, я не могу жить безъ тебя! отвѣтила Мануэлла, обвивая его шею обѣими руками.

Гордый амстердамскій банкиръ д'Акоста, при своемъ огромномъ богатствѣ и почетѣ, которымъ онъ пользовался среди амстердамскихъ евреевъ, въ первую минуту почувствовалъ себя оскорбленнымъ, услыхавъ о сватовствѣ молодаго бенъ-Израэля. Старыя раны раскрылись въ его сердцѣ. Онъ не могъ себѣ представить, что его дочь, для которой самыя видныя представители его народа казались ему недостаточно богатыми и знатными, сдѣлается женой бѣднаго ученаго. Онъ вспомнилъ, что незадолго до постигшей его катастрофы онъ съ гнѣвомъ спросилъ дочь: не намѣревается ли она выйти замужъ за сына школьнаго учителя? Но мало по малу желаніе вновь соединиться съ единственною дочерью взяло верхъ надъ другими чувствами, онъ искренно хотѣлъ сдѣлать ее счастливой послѣ всѣхъ вынесенныхъ ею страданій. Подъ этимъ впечатлѣніемъ онъ послалъ дочери большую сумму денегъ и письменно благословилъ ея бракъ, добавляя, что только старость и болѣзни лишаютъ его возможности самому пріѣхать на ея свадьбу.

Нѣсколько дней спустя послѣ этого письма, домъ Авраама украсился вѣнками и принялъ праздничный видъ по случаю свадьбы Самуила бенъ-Израэля и Мануэллы. Обрядъ вѣнчанія совершенъ былъ въ новой синагогѣ самимъ раввиномъ. Ревекка и Сара дель-Бланко вели невѣсту покрытую бѣлой вуалью, за ними слѣдовали женихъ съ Авраамомъ и гости, въ числѣ которыхъ былъ и м-ръ Никласъ съ огромнымъ букетомъ цвѣтовъ.

По окончаніи брачной церемоніи, всѣ вернулись въ домъ Авраама, гдѣ былъ поданъ парадно сервированный обѣдъ. Новобрачные сидѣли рядомъ.

— Я, исполнилъ твое желаніе! сказала вполголоса Самуиль, обращаясь къ Мануэллѣ, послѣ долгихъ поисковъ, мнѣ удалось узнать въ какой тюрьмѣ заключенъ Юргенъ Джойсъ.

Она поблагодарила его крѣпкимъ пожатіемъ руки.

— Я всѣмъ обязана этому человѣку, сказала она, и мнѣ было бы тяжело уѣхать изъ Лондона, не простившись съ нимъ. Можетъ

быть еще есть возможность спасти его. Надѣюсь, что ты не откажешься проводить меня къ нему.

— Развѣ ты можешь сомнѣваться въ этомъ? отвѣтилъ бенъ-Израэль съ ласковой улыбкой.

Г Л А В А XI.

Свиданіе Мануэллы съ Юргеномъ.

На слѣдующій день уже начинало смеркаться, когда Мануэлла вышла изъ дому съ своимъ мужемъ.

Тюрьма «Mews» была настолько извѣстной, что не трудно было отыскать ее. Она не имѣла ничего общаго съ Тоуеромъ, гдѣ ужасъ смѣшивался съ извѣстною торжественностью и мрачнымъ величіемъ, ни даже съ Peter-Haus'омъ, однимъ изъ старыхъ дворцовъ Сити, который былъ обращенъ Кромвелемъ въ мѣсто заключенія, такъ какъ ему нужно было много тюремъ, чтобы поддерживать порядокъ и обуздывать строптивые элементы населенія. Но изъ всѣхъ тюремъ «Mews» отличалась тѣмъ, что здѣсь всего меньше церемонились съ заключенными, такъ какъ они большею частью представляли собой отребье человѣческаго рода, и были только слѣпымъ орудіемъ другихъ въ политическихъ преступленіяхъ. Встарину короли содержали соколовъ въ зданіи «Mews»; затѣмъ оно было обращено въ конюшню, и только въ новѣйшее время получило свое настоящее назначеніе. При этомъ почти не было сдѣлано никакихъ измѣненій для новыхъ обитателей, которые ни въ какомъ случаѣ не могли похвалиться своимъ помѣщеніемъ въ смыслѣ удобства и опрятности.

На вопросъ Мануэллы объ Юргенѣ Джойсѣ, привратникъ отвѣтилъ, что лейтенантъ вѣроятно въ своей комнатѣ, пусть господа пройдутъ главный корридоръ и постучатся у третьей двери. Въ «Mews» не было никакихъ особенныхъ стѣсненій для узниковъ кромѣ тяжелыхъ засововъ закрывавшихъ входъ и рѣшетки кругомъ двора. Они могли свободно посѣщать другъ друга, прогуливаться по двору, принимать посѣтителей, читать, писать, и даже ѣсть и пить что угодно, если имѣли деньги.

Мануэлла представляла себѣ положеніе Джойса несравненно ужаснѣе, но ее поразилъ тяжелый запахъ на дворѣ, который былъ еще невыносимѣе въ зданіи тюрьмы. Пройдя корридоръ они остановились у большихъ дверей, которыя нѣкогда служили воротами конюшни. Въ комнатѣ слышенъ былъ говоръ. Мануэлла тотчасъ же узнала голосъ Юргена, хотя онъ сталъ совсѣмъ хриплымъ, но ее

поразилъ другой знакомый голосъ, который напомнилъ ей самое тяжелое время ея жизни. Ей было такъ непріятно слышать его, что она постучала въ дверь.

Въ комнатѣ послышался шумъ передвигаемыхъ стульевъ.

— Онъ вѣроятно прячетъ водку, подумала Мануэлла, онъ началъ съ этого, и она довела его до гибели!

Вслѣдъ затѣмъ отворилась дверь и на порогѣ показался Юргень. На немъ былъ надѣтъ широкій изодранный халатъ, покрытый толстымъ слоемъ жира и грязи, косматые волосы падали прядями на опухшее лицо съ багровымъ носомъ и стеклянными глазами. Онъ былъ такъ пропитанъ спиртнымъ запахомъ, что Мануэлла въ первую минуту съ отвращеніемъ отвернулась отъ него. Но бутылка съ водкой стояла на столѣ, рядомъ съ пустымъ стаканомъ и открытой библіей.

— Неужели это вы Юргень? невольно воскликнула она.

Но Юргень былъ такъ пораженъ ея неожиданнымъ появленіемъ, что едва не упалъ навзничь. Радость и испугъ возвратили ему сознаніе; углы рта стали подергиваться, онъ заплакалъ. Слезы пьяницы производятъ вообще удручающее впечатлѣніе на постороннихъ зрителей но на лицѣ Юргена выразилась при этомъ такая глубокая грусть, что сердце Мануэллы переполнилось состраданіемъ. Въ ея памяти воскресъ тотъ день, когда этотъ самый человѣкъ явился къ ней въ полномъ вооруженіи, и спасъ ее изъ башни Нам-Нанс'а. Она мысленно рѣшила во чтобы-то ни стало освободить его изъ тюрьмы и сдѣлать попытку вывести его на лучший путь.

Она окинула взглядомъ комнату, гдѣ на сырыхъ стѣнахъ дневной свѣтъ началъ уступать мѣсто наступающимъ сумеркамъ. Ее поразилъ запахъ гнилой соломы и грязнаго тряпья, у стола сидѣлъ Пиккерлингъ, дѣлая видъ, что погруженъ въ чтеніе библіи, онъ не поднималъ глазъ и, повидимому, старался остаться незамѣченнымъ.

— Если у васъ Юргень осталась хотя искра дружбы ко мнѣ, то вы удалите этого человѣка, сказала Мануэлла, указывая на дверь.

Благочестивый пуританинъ поспѣшилъ исполнить желаніе Мануэллы, которое давало ему возможность выйти изъ неловкаго положенія. Онъ взялъ шляпу и не оборачиваясь, молча вышелъ изъ комнаты.

Юргень вздохнулъ свободнѣе, когда Пиккерлингъ скрылся за дверью. — Ахъ, еслибы кто нибудь избавилъ меня отъ этого негодяя, который мучитъ меня текстами и всякой чепухой, воскликнулъ онъ, тяжело опускаясь на стуль.

— Скажите мнѣ откровенно, что сблизило васъ съ этимъ человекомъ? спросила Мануэлла положивъ руку на плечо Юргена.

— Онъ пришелъ сюда подѣ предлогомъ утѣшить меня въ одиночествѣ и предложилъ заняться вмѣстѣ съ нимъ чтеніемъ библіи; но въ дѣйствительности у него была другая цѣль: онъ притащилъ сюда негодныя бумаги...

— Какія бумаги? Вы не должны ничего скрывать отъ меня!..

Юргень сталъ перелистывать библію; въ ней были заложены листки разнаго формата и пакеты.

Мануэлла взяла клочокъ бумаги исписанный мелкимъ почеркомъ.— Не дотрагивайтесь до нихъ! воскликнулъ съ ужасомъ Юргень. За это одно можно попасть въ тюрьму или даже хуже этого...

— Какъ рѣшился онъ при своемъ благочестіи спрятать такія бумаги въ библію! воскликнула Мануэлла.

— Да, онъ принесъ ихъ въ библію! подтвердилъ Юргень. Онъ началъ бранить при мнѣ человекъ, котораго я когда-то любилъ всей душой, а потомъ возненавидѣлъ; и этимъ такъ подзадорилъ меня, что я согласился на все... Во всемъ виновата проклятая водка!

Съ этими словами Юргень такъ сильно ударилъ кулакомъ по столу, что бутылка едва не слетѣла на полъ. Затѣмъ, видимо раскаиваясь въ своей выходкѣ, онъ замолчалъ и опустилъ голову.

— За что сердитесь вы на Кромвеля? спросила Мануэлла.

— За то, что онъ обманулъ меня! Развѣ вы не читали моей брошюры? Впрочемъ протекторъ велѣлъ сжечь ее, такъ что она разошлась въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ. Если не ошибаюсь у меня уцѣлѣлъ одинъ изъ нихъ.

Онъ началъ рыться въ карманахъ и, наконецъ, вынувъ сложенный листъ бумаги подаль Мануэллѣ, которая съ любопытствомъ развернула его и пробѣжала глазами.

Это былъ печатный пасквиль на Кромвеля, состоящій изъ четырехъ страницъ и переполненный ругательствами. Авторъ въ самыхъ неприличныхъ выраженіяхъ обвинялъ протектора, что онъ не выполнилъ даннаго обѣщанія, но въ чемъ оно состояло—нельзя было понять изъ брошюры. Затѣмъ рѣчь шла о какихъ-то долгахъ; и слово «долги» повторялось такъ часто, что Мануэлла пришла къ убѣжденію, что въ этомъ заключалась главная причина недовольства Юргена и печальнаго положенія, въ какомъ онъ находился. Поэтому она безъ всякихъ оговорокъ спросила его:—Какая сумма денегъ можетъ возвратить вамъ свободу?

Юргень съ недовѣріемъ посмотрѣлъ на нее.

— Вамъ нечего стѣсняться со мной, продолжала Мануэлла; вы знаете, что я вѣчно буду въ долгу у васъ!

— Мнѣ ничего не нужно, отвѣтилъ нерѣшительно Юргень; я связанъ этими бумагами или вѣрнѣе сказать даннымъ словомъ.

— Кому дали вы слово?

— Врагамъ Кромвеля! Тѣмъ, которые желаютъ его гибели... смерти! добавилъ онъ шопотомъ, бросивъ печальный взглядъ на стоявшую передъ нимъ бутылку.

Но Мануэлла разслышала его слова и обомлѣла отъ ужаса.

— Юргень, воскликнула она, схвативъ его за рукавъ. Вы смѣете замышлять противъ его жизни! Помните, чѣмъ вы обязаны ему!..

— Дѣйствительно онъ вывелъ меня изъ ничтожества, отвѣтилъ задумчиво Юргень, въ короткое время произвелъ въ три чина, одинъ за другимъ. Но вслѣдъ затѣмъ онъ все-таки выгналъ меня изъ службы, не отдалъ слѣдуемыхъ мнѣ денегъ! благодаря ему, я вошелъ въ долги...

Мануэлла, глядя на фізіономію Юргена, невольно подумала, что причина долговъ и отрѣшенія отъ службы, вѣроятно, заключалась въ беспорядочной жизни, которую онъ велъ въ послѣднее время. Но не высказала своей мысли и сдѣлала попытку подѣйствовать на доброе сердце бѣдняка.

— Я не хочу слышать объ этомъ! сказала она. Развѣ вы забыли то, о чемъ столько разъ рассказывали мнѣ? Не онъ ли избавилъ васъ отъ висѣлицы?

Слова эти были громовымъ ударомъ для Юргена; въ первую минуту онъ не могъ выговорить ни одного слова.

— Да, правда, прошепталъ онъ, помню, на высотахъ Незби... ночью... насъ заставили бросить кости... я проигралъ, если бы не онъ, все было бы тогда кончено для меня... Горе мнѣ, что будетъ со мной! добавилъ онъ съ глухимъ стономъ.

— Вы хотите сдѣлаться убійцей того человѣка, которому вы обязаны жизнью! продолжала настойчиво Мануэлла.

— Еслибы возможно было вернуться къ старому! возразилъ съ уныніемъ Юргень. Нѣтъ... теперь слишкомъ поздно...

— Не поздно, потому что дѣло еще не совершилось. Кто мѣшаетъ вамъ, какъ тогда, броситься съ раскаяніемъ къ его ногамъ...

Хорошо, возразилъ Юргень послѣ минутнаго раздумья. Пусть будетъ, что будетъ! Я никогда не боялся людей; если приговорятъ меня къ смерти, то мнѣ легче умереть, чѣмъ выносить тѣ мученія, какія я испытываю теперь. Двѣсти фунтовъ стерлинговъ могутъ освободить меня изъ этой тюрьмы. Отсюда я отправлюсь прямо къ Кромвелю.

— Вы получите эти деньги сегодня вечеромъ, потому что каждая минута дорога.

— Вы правы Мануэлла, сказалъ Джойсъ. Неужели я вырвусь изъ этой тюрьмы и опять увижу свѣтъ Божій! Мнѣ не придется опускать глаза при встрѣчѣ съ честнымъ человѣкомъ, и я не буду называть себя убійцей и* измѣнникомъ!..

Съ этими словами онъ упалъ на колѣни передъ Мануэллой и въ порывѣ благодарности поцѣловалъ ея платье.

Мнѣ пора идти, сказала она, начинаетъ смеркаться. До свиданія Юргень. Я скоро уѣду отсюда, но помните, что вы всегда можете разсчитывать на мою дружбу и помощь.

— Знаю, отвѣтилъ Юргень Джойсъ взволнованнымъ голосомъ. Онъ вернулся въ свою комнату и, облокотившись на библію, залился горькими слезами.

Мануэлла и Самуилъ ушли. Два часа спустя Юргена выпустили изъ тюрьмы; а до полуночи всѣ подробности заговора были извѣстны Кромвелю.

ГЛАВА X.

Готовится ударъ.

Кромвель не ложился въ эту ночь и остался въ своемъ кабинетѣ, мрачно освѣщенномъ одной лампой. Начиная свѣтать; но онъ не чувствовалъ ни малѣйшей усталости. Была глубокая ночь, когда онъ отпустилъ государственнаго секретаря Турлоэ и остался одинъ. Долго послѣ того онъ сидѣлъ въ креслѣ и пристально смотрѣлъ на красноватый огонь камина, который казался ему окруженнымъ голубоватыми кругами. Ночная тишина прерывалась только шагами часоваго, который мѣрно ходилъ взадъ и впередъ передъ дверями его кабинета. Затѣмъ онъ всталъ и пересѣлъ къ письменному столу, гдѣ лежала куча сложенныхъ бумагъ; онъ съ нетерпѣніемъ оттолкнулъ ихъ отъ себя. Это была тайная корреспонденція съ шпионами при дворѣ Карла II, которые, получая жалованье съ двухъ сторонъ, ежедневно измѣняли своей партіи. Тутъ нѣтъ ничего новаго! пробормоталъ Кромвель, принимаясь за бумаги, приготовленныя государственнымъ секретаремъ. Всѣ эти сбивчивыя извѣстія были бы бесполезны для насъ, еслибы въ нашихъ рукахъ не было документовъ доставленныхъ Юргеномъ...

Кромвелю было давно извѣстно, что враги готовятся нанести ему рѣшительный ударъ, но нити заговора оставались до сихъ поръ неуловимы для него. Его извѣстили о пріѣздѣ Маркиза Ормонда, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ высадиться на берегъ Англии. Въ Лондонѣ за маркизомъ слѣдили шагъ за шагомъ, такъ что Кромвель узналъ до малѣйшихъ подробностей о секретныхъ свиданіяхъ роялистовъ въ тавернахъ и въ домѣ бывшего королевскаго лейбъ-медика, ихъ пирушкахъ и тостахъ за гибель протектора. Равнымъ образомъ до него дошли слухи, что готовится дви-

женіе въ южныхъ и юго-западныхъ графствахъ, что Карль II намѣренъ прїѣхать въ Англію и испанцы съ этой цѣлью хотять сосредоточить свою армію на фландрскомъ берегу. Но все это не особенно безпокоило Кромвеля; онъ рассчитывалъ на помощь Мазарини, чтобы справиться съ испанцами. Внутреннее возстаніе также не страшило его; крѣпости и пушки были въ порядкѣ; вновь назначенные генераль-маіоры зорко слѣдили за настроеніемъ населенія въ различныхъ округахъ Англіи. Поэтому онъ нашелъ возможнымъ выказать великодушіе относительно Ормонда, котораго всегда уважалъ за честность и безусловную храбрость. Онъ приказалъ предупредить маркиза, который незамѣтно исчезъ изъ города.

Вѣсть о прибытіи Бокингема въ Лондонъ серьезно встревожила его, тѣмъ болѣе, что онъ не зналъ куда направлена дѣятельность герцога, котораго считалъ способнымъ на все при его безумной смѣлости и склонности къ интригамъ. Но Бокингемъ ускользнулъ изъ его рукъ, такъ какъ Ферфаксъ взялъ его подъ свое покровительство. Бывшій главнокомандующій въ отвѣтъ на просьбу Кромвеля написалъ слѣдующее письмо:

«Его высочеству протектору

Англіи, Шотландіи, Ирландіи и пр.

«Къ сожалѣнію я не могу содѣйствовать исполненію Вашего приказа относительно ареста молодаго герцога, потому что со вчерашняго дня онъ сдѣбался мужемъ моей дочери. Сегодня вечеромъ мы оставили Лондонъ и ѣдемъ вмѣстѣ съ нимъ въ мое помѣстье Nun Appleton въ Йоркскомъ графствѣ

Имѣю честь быть Вашего высочества и пр.

Томась, лордъ Ферфаксъ».

Кромвель еще разъ прочиталъ это письмо, лежавшее на бумагахъ. Грустная улыбка пробѣжала по его лицу.—Ты знаешь, сказала онъ вполголоса, что мнѣ всего тяжелѣе принять какія либо мѣры строгости противъ стараго товарища по оружію и пользуешься моей слабостью! Но я не остановлюсь передъ этимъ, если того потребуетъ безопасность государства. Во всякомъ случаѣ, Ферфаксъ во- время увезъ своего зятя! Судя по бумагамъ, полученнымъ сегодня, Бокингемъ былъ однимъ изъ главныхъ зачинщиковъ заговора. Благо ему, что онъ сошелъ со сцены! Можно будетъ ограничиться относительно его временнымъ заключеніемъ въ Виндзорѣ или Тоуерѣ, чтобы удержать его отъ дальнѣйшихъ попытокъ. Но ничто не спасетъ васъ бѣдные обманутые люди, хотя вы не болѣе, какъ слѣпое орудіе въ рукахъ другихъ! Вы не подозреваете, что среди васъ измѣнникъ, которому вы повѣряете всѣ свои тайны.

Съ этими словами Кромвель взялъ со стола связку писемъ одного изъ тайныхъ корреспондентовъ, Симонда, который писалъ государственному секретарю подъ вымышленнымъ именемъ «Коркеръ» и считался между своими, надежнымъ роялистомъ. Онъ общалъ самыя подробныя извѣстія о намѣреніяхъ и планахъ своихъ друзей, съ точнымъ обозначеніемъ времени и мѣста, прилагая при этомъ подробные списки подозрительныхъ личностей.

— Негодяй! неволью вырвалось у Кромвеля, когда онъ убѣдился, что въ каждомъ письмѣ заключалось или требованіе денегъ или извѣщеніе о полученіи ихъ.

— Неужели всѣ эти униженія неизбежны для государственнаго человѣка, который мечтаетъ о счастіи и величіи своихъ соотечественниковъ? спрашивалъ себя Кромвель, расхаживая взадъ и впередъ по мрачной комнатѣ, стѣны которой покрытыя дорогими обоями, тускло освѣщались свѣтомъ одинокой лампы. Богу извѣстно, что все мое честолюбіе заключается въ томъ, чтобы заставить всѣхъ монарховъ Европы трепетать передъ Англіей и наполнить всю вселенную блескомъ ея имени... Если бы я былъ моложе лѣтъ на десять! Но ничто не возвратитъ мнѣ молодости и прежнихъ силъ!

Онъ остановился въ печальномъ раздумьи среди комнаты.

— Волосы мои посѣдѣли, я не тотъ, какимъ былъ прежде. Иногда на меня нападаетъ тяжелое предчувствіе, что мнѣ не удастся окончить начатое дѣло, которое еще не достаточно окрѣпло, чтобы устоять противъ времени и непостоянства людей. Во всякомъ случаѣ, одно останется неизмѣннымъ и ненарушимымъ, что дѣльный народъ единодушно потребовалъ правосудія и добился его. Ничто не изгладитъ этого факта изъ памяти людей!

Онъ открылъ окно, выходившее на площадь передъ Уайтголемъ. Наступало утро. Въ комнату пахнулъ свѣжій воздухъ. — Здѣсь стоялъ онъ на эшафотѣ, сказалъ Кромвель спокойнымъ голосомъ. Мы скоро увидимся съ тобою Карль, но я не боюсь твоей тѣни, и отвѣчу за свой поступокъ передъ Всевышнимъ! Пусть твоя смерть будетъ назидательнымъ примѣромъ для тѣхъ, которые подобно тебѣ осмѣляются нарушить права англійскаго народа!..

Съ этими словами Кромвель закрылъ окно, глаза его остановились на сверткѣ пергамента, лежавшемъ на столѣ въ углу комнаты. Англійскій парламентъ предлагаетъ мнѣ корону! проговорилъ онъ. Неужели и мой отказъ не убѣдитъ тѣхъ, которые такъ упорно толкуютъ о моемъ честолюбіи!..

Онъ сѣлъ къ письменному столу и занялся чтеніемъ бумагъ, доставленныхъ Юргеномъ. Прежде всего ему попалось письмо Джона Лильбурна, въ которомъ тотъ извѣщалъ своего бывшего товарища по оружію, Юргена Джойса, что многіе изъ видныхъ участниковъ междоусобной войны соединились съ приверженцами Стюарта, чтобы свергнуть иго тирана. Письмо это долженъ былъ доставить гер-

цогъ Бокингема, который ѣхалъ въ Лондонъ, чтобы заодно съ маркизомъ связать нити заговора. Джойсу обѣщана была большая награда, если онъ приметъ непосредственное участіе въ заговорѣ. Къ письму Лилльбурна приложенъ былъ патентъ предоставлявшій Юргену чинъ полковника, за подписью Карла Стюарта R. Патентъ становился дѣйствительнымъ съ того момента, когда начнется возстаніе въ Англіи.

Затѣмъ слѣдовалъ памфлетъ на англійскомъ языкѣ, напечатанный за границей и направленный противъ протектора, гдѣ неизвѣстный авторъ доказывалъ, что умерщвленіе похитителя престола составляетъ актъ правосудія и любви къ отечеству. Въ третьей бумагѣ, заключавшей печатную прокламацію Карла II, обращенную къ англійскому народу, проведена была та же мысль. Въ ней протекторъ названъ былъ человѣкомъ низкаго званія, который незаконно присвоилъ себѣ власть въ королевствѣ и «послѣ варварскаго убіенія короля обратилъ въ рабство свободныхъ подданныхъ».

— Довольно! сказалъ Кромвель, глубоко взволнованный, взявъ одну изъ слѣдующихъ бумагъ. Это было письмо того же Лилльбурна, написанное въ болѣе позднее время, онъ совѣтовалъ Джойсу обратиться за дальнѣйшими свѣдѣніями относительно заговора къ Станлею, который долженъ былъ снабдить его деньгами, необходимыми для его освобожденія.

— Станлей, сынъ моего друга, честнѣйшаго человѣка въ Англіи, который до конца своей жизни остался вѣренъ дѣлу свободы! воскликнулъ Кромвель. Какъ скоро сыновья забываютъ память своихъ отцовъ! Во всякомъ случаѣ я долженъ немедленно видѣть его...

Съ этими словами онъ всталъ съ своего мѣста и затушилъ лампу, такъ какъ уже совсѣмъ разсвѣло и на стѣнахъ видѣнь былъ отблескъ утренней зари. Затѣмъ онъ подалъ условленный знакъ. Слышно было какъ за стѣной караульный отдавалъ честь, почти одновременно съ этимъ отворилась дверь, и на порогѣ появился адъютантъ лейбъ-гвардіи. Кромвель приказалъ привести Юргена Джойса.

Бывшій лейтенантъ явился въ тѣхъ-же лохмотьяхъ, въ которыхъ его выпустили изъ тюрьмы.

— Когда ты назначилъ свиданіе Станлею? спросилъ Кромвель.

— Онъ ждетъ меня сегодня утромъ въ тавернѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда! отвѣтилъ почтительно Юргень.

— Я даю тебѣ полчаса, сказалъ Кромвель, взглянувъ на часы, висѣвшіе надъ каминомъ, ты арестуешь Станлея и приведешь его сюда. Ты можешь взять съ собой отрядъ лейбъ-гвардіи, онъ стоитъ внизу. Передай эту записку капитану...

Кромвель написалъ нѣсколько словъ на клочкѣ бумаги и отдалъ Юргену, который немедленно удалился.

Хотя Юргенъ Джойсъ болѣе чѣмъ кто нибудь могъ выполнить съ успѣхомъ подобное порученіе и Кромвель не сомнѣвался въ его распорядительности, но короткій назначенный имъ самимъ срокъ показался ему цѣлою вѣчностью. Наконецъ вопель Джойсъ съ плѣнникомъ и, оставивъ послѣдняго наединѣ съ Кромвелемъ, вышелъ изъ комнаты.

Молодой Станлей, плохо одаренный отъ природы, не отличался умомъ и нравственными качествами. Измѣнивъ дѣлу, которому служилъ его покойный отецъ, онъ постоянно мучился угрызеніями совѣсти и не имѣлъ достаточно силы воли, чтобы спокойно идти по избранному пути. Онъ залился слезами, когда Кромвель заговорилъ съ нимъ объ его отцѣ и потребовалъ именемъ умершаго откровенной исповѣди относительно всего, что ему было извѣстно о заговорѣ.

Станлей отвѣтилъ отказомъ, такъ какъ, несмотря на страхъ, который онъ чувствовалъ къ Кромвелю, не рѣшался измѣнить людямъ, оказавшимъ ему такое безусловное довѣріе.

— Какъ! воскликнулъ Кромвель, вы не хотите сообщить общій планъ заговора и назвать имена преступниковъ, которые были бы первыми врагами вашего отца, еслибы онъ остался живъ! Неужели его память менѣе дорога для васъ, нежели дѣло этихъ людей, которые обманываютъ васъ и думаютъ только объ удовлетвореніи своей личной мести! Горе мертвымъ, если живые люди отрекаются отъ нихъ!..

Несчастный человѣкъ не могъ долѣе выносить суроваго взгляда строгихъ глазъ устремленныхъ на него, каждое слово Кромвеля было для него ударомъ ножа по сердцу. Онъ не ожидалъ такой пытки и подавленный горемъ просилъ только объ одномъ, чтобы пощадили его жену и тещу, и заручившись обѣщаніемъ Кромвеля, объявилъ, что готовъ сознаться во всемъ.

До этой минуты Кромвель оставался наединѣ съ Станлеемъ, но теперь по его приказанію призванъ былъ государственный секретарь Турлоэ, чтобы составить протоколъ и записать показанія.

Кромвель заложивъ руки за спину ходилъ по комнатѣ. Станлей сдержалъ слово: онъ открылъ мельчайшія нити заговора, сообщил о принятыхъ мѣрахъ и началъ называть одно за другимъ имена заговорщиковъ.

Кромвель останавливаясь по временамъ, изъ груди его нѣсколько разъ вырывалось невольное восклицаніе: Неужели это правда? Онъ также принадлежитъ къ числу ихъ!..

— Да, съ увѣренностью отвѣчалъ Станлей, который повидимому лишился послѣдней капли воли. Списку не предвидѣлось конца. Кромвель съ глубокимъ огорченіемъ услышалъ изъ устъ малодушнаго человѣка имена своихъ прежнихъ товарищей въ тяжелой борьбѣ, съ которыми онъ считалъ себя связаннымъ неразрывными узами. «Остановитесь!» хотѣлъ онъ крикнуть нѣсколько разъ, но сознаніе

необходимости и невольное любопытство удерживали его. Всѣ друзья измѣнили ему, даже тѣ, къ которымъ онъ чувствовалъ искреннюю привязанность.

Станлей замолчалъ, такъ какъ силы начали измѣнять ему.

— Дальше, продолжайте! сказалъ Кромвель взволнованнымъ голосомъ.

Станлей повиновался, списокъ именъ, составляемый государственнымъ секретаремъ становился все длиннѣе.

Внезапно блѣдное лицо Кромвеля покрылось багровымъ румянцемъ.

— Ваша память измѣняетъ вамъ, молодой человѣкъ, крикнулъ онъ, дѣлая напрасныя усилія, чтобы скрыть овладѣвшую имъ ярость. Неужели и этотъ человѣкъ рѣшился поднять на меня руку. Хотя онъ принадлежалъ къ враждебной партіи, но зналъ меня лучше всѣхъ и понималъ, что дѣлалось въ моей душѣ. Я былъ всегда милостивъ къ нему, дозволилъ ему свободно исповѣдывать свою вѣру и отправлять богослуженіе... Онъ любилъ... Кромвель запнулся и продолжалъ послѣ минутнаго молчанія. Это невозможно, назовите еще разъ это имя!..

— Джонъ Гевитъ, священникъ приходской церкви св. Георга! повторилъ Станлей, затѣмъ, назвавъ еще нѣсколько именъ, остановился.

Списокъ былъ готовъ. Станлей не могъ ничего добавить къ своимъ показаніямъ.

Въ комнатѣ воцарилась мертвая тишина. Кромвель увидѣлъ съ ужасомъ, что заговоръ, очагъ котораго былъ въ Сити, по своимъ огромнымъ размѣрамъ, превосходилъ всѣ его ожиданія. Вся Англія была охвачена имъ, въ немъ принимали участіе всѣ партіи: роялисты, республиканцы, уравниатели (соціалисты того времени) и люди всѣхъ религіозныхъ оттѣнковъ. Одну минуту Кромвель пришелъ въ ужасъ отъ грандіознаго предпріятія своихъ враговъ, затѣмъ сказалъ.

— Да будетъ воля Господня!

Непоколебимая вѣра въ Провидѣніе, поддерживавшая его въ тяжелыя минуты заботъ и страданій, возвратила ему и теперь спокойную увѣренность въ свои силы, которая дѣлала его неподдѣлимымъ.

— Въ нашихъ рукахъ всѣ нити заговора! сказалъ онъ, обращаясь къ Турлоэ. Наша задача заключается въ томъ, чтобы дать ему созрѣть, а затѣмъ поразить всѣхъ однимъ ударомъ и лишить ихъ возможности вредить намъ. Ни одинъ виновный не уйдетъ отъ насъ; къ нему будетъ примѣнена вся строгость закона.

— Я вполне раздѣляю мнѣніе вашего высочества, отвѣтилъ государственный секретарь. Когда заговоръ будетъ подавленъ съ вашей помощью, для Англіи наступитъ миръ.

— Миръ кладбища! пробормоталъ Кромвель, затѣмъ обращаясь къ Станлею, сказалъ:

— Вы можете идти; но, чтобы отклонить отъ васъ подозрѣнія и избавить отъ соблазна, я совѣтую вамъ немедленно отправиться въ ваше помѣстье, въ графствѣ Суссексѣ. Только подѣ этимъ условіемъ вы можете сохранить свободу и имущество; вамъ дозволено будетъ вернуться въ Лондонъ, когда все будетъ кончено...

Станлей вышелъ; но въ сѣняхъ съ нимъ сдѣлалось дурно, такъ что прошло около часу, прежде чѣмъ онъ могъ собраться съ силами, чтобы выполнить приказаніе Кромвеля.

Затѣмъ призванъ былъ Юргенъ Джойсъ.

— Сегодня, вечеромъ, сказалъ Кромвель, обращаясь къ бывшему лейтенанту, ты отправишься въ таверну подѣ вывѣской «Морская Дѣва». Тамъ, въ восемь часовъ, назначено собраніе заговорщиковъ; слѣди внимательно за ихъ разговорами, ты пони-маешь меня!..

Юргенъ отвѣтилъ молчаливымъ поклономъ и поспѣшно уда-лился.

Кромвель остался наединѣ съ государственнымъ секретаремъ, который, исполнивъ свою обязанность, всталъ съ мѣста въ ожиданіи послѣднихъ приказаній.

— Савойцы опять жалуются на притѣсненія, сказалъ Кром-вель. Необходимо напомнить нашему союзнику, французскому ко-ролю, объ его обѣщаніи. Сдѣлайте одолженіе пришлите ко мнѣ немедленно сэра Мильтона, и кстати распорядитесь, чтобы отстав-ной полковникъ Франкъ Гербертъ явился сюда; онъ теперь въ Лондонѣ!..

ГЛАВА XI.

Ударъ разразился.

Наступилъ день отъѣзда Мануэллы изъ Лондона. Хотя она много лѣтъ ждала этого дня, но, тѣмъ не менѣе, глубокая тоска наполняла ее сердце. Она подошла къ окну, у котораго столько разъ сидѣла съ Оливіей и бросила прощальный взглядъ на обшир-ную равнину, знакомые холмы, сады, деревни и крыши домовъ. Съ тяжелымъ чувствомъ разставалась она съ почтенными стари-ками, которые впродолженіи долгихъ лѣтъ заботились о ней, какъ о родной дочери. Она молча сѣла съ ними въ карету, которая должна была ее отвести въ гавань; дома все болѣе и болѣе вы-ступали изъ утренняго тумана, который уже начиналъ исчезать.

На берегу Мануэлла встрѣтила Франка съ Оливіей. Обѣ подруги бросились въ объятія другъ друга; Оливія, долго не допускавшая мысли о разлукѣ, тѣмъ сильнѣе чувствовала потерю искренно преданнаго ей существа.

Наконецъ, Самуиль, пріѣхавшій раньше со своимъ отцемъ, подошелъ, чтобы разлучить плачущихъ женщинъ.

— Все готово! пора садиться на корабль, сказалъ онъ.

Въ этотъ моментъ, какъ бы въ подтвержденіе его словъ, слышался рѣзкій шумъ поднимаемаго якоря.

— Прощайте, сказалъ Франкъ Гербертъ взволнованнымъ голосомъ, взявъ руку Мануэллы. Ни время, ни разстояніе не могутъ порвать ту связь, которая существуетъ между нами! То, что вы сдѣлали для насъ, никогда не изгладится изъ нашей памяти; это былъ подвигъ величайшей дружбы!

— Вѣрнѣе сказать сильной любви, доходящей до самоотреченія! сказалъ вполголоса Самуиль.

Но Гербертъ разслышалъ эти слова; все стало сразу ясно для него. Онъ невольно взглянулъ на Оливію, но та стояла въ сторонѣ, погруженная въ свои мысли. Теперь только онъ вполнѣ понималъ и оцѣнилъ прекрасное существо, которое всегда казалось ему такимъ загадочнымъ.

— Мануэлла! воскликнулъ онъ, съ чувствомъ восторженнаго поклоненія.

Ему казалось почти невѣроятнымъ, чтобы можно было сохранить подобную тайну въ теченіи столькихъ лѣтъ и дойти до такого высокаго самоотверженія.

Неизвѣстно, слышала ли Мануэлла этотъ возгласъ, потому что она не оглянулась. Въ это время Самуиль подвелъ ее къ лодкѣ, которая должна была доставить ихъ на корабль. Вслѣдъ затѣмъ они вошли на палубу, гдѣ ихъ встрѣтилъ раввинъ бенъ-Израэль. На берегу, кромѣ Франка и Оливіи, стоялъ Авраамъ съ своей семьей и м-ръ Никласъ. Долго еще продолжался обмѣнъ поклонень, пока отчаливалъ корабль, и послѣ того началъ медленно пробираться между многочисленными судами, стоящими на якорѣ. Наконецъ, знакомыя фигуры на берегу стали принимать все болѣе и болѣе неопредѣленные очертанія; Мануэлла еще нѣкоторое время могла различить бѣлый платокъ Оливіи, который она держала въ поднятой рукѣ, но и онъ скоро исчезъ при поворотѣ рѣки.

— Прощайте, дорогіе друзья, невольно воскликнула Мануэлла, заливаясь слезами.

Между тѣмъ, въ отсутствіе Франка Герберта былъ полученъ приказъ, чтобы онъ немедленно явился къ Кромвелю. Оливія, по возвращеніи домой, была настолько поражена этимъ извѣстіемъ, что въ первую минуту не могла выговорить ни слова отъ испуга.

— Я давно ждалъ этого дня, сказалъ Франкъ, дѣлая надъ собой усилие, чтобы казаться спокойнымъ. По крайней мѣрѣ, онъ избавитъ меня отъ послѣднихъ оковъ!

— Или свяжетъ навсегда! Какъ бы я желала, Франкъ, чтобы скорѣе прошелъ этотъ день! воскликнула она, бросаясь къ нему на шею.

— Я не понимаю, почему это такъ беспокоитъ тебя, моя дорогая? спросилъ онъ безпечнымъ тономъ, который еще больше встревожилъ Оливю. Нужно радоваться такому почету! Дай мнѣ парадный мундиръ, красный съ золотомъ и шпагу, которая была на мнѣ въ битвѣ при Ворчестерѣ...

— Ради Бога, не дѣлай этого Франкъ; одѣнь простое платье! Ты еще больше разсердишь его; помни, съ кѣмъ ты имѣешь дѣло!

Но Франкъ Гербертъ былъ въ такомъ волненіи, что не слышалъ словъ Оливіи! Хотя онъ увѣрялъ, что давно ждалъ этого дня, но приказъ явиться къ Кромвелю засталъ его врасплохъ. Онъ торопливо поцѣловалъ жену и вышелъ изъ комнаты.

Оливія, не помня себя отъ безпокойства, незамѣтно послѣдовала за нимъ.

Кромвель не долго оставался одинъ въ своемъ кабинетѣ; вошелъ слѣпой въ темной одеждѣ пуританскаго покроя. Ему было около пятидесяти лѣтъ; темно-каштановые волосы, раздѣленные прямымъ проборомъ, окаймляли овальное лицо съ правильными изящными чертами. Онъ опирался на руку молодаго человѣка, который осторожно велъ его.

Это былъ знаменитый англійскій поэтъ, Джонъ Мильтонъ. Съ того мартовскаго вечера, когда его вывели изъ уединенія тихаго кабинета и оторвали отъ книгъ и созерцательной жизни, онъ посвятилъ всѣ свои силы и время государству. Въ брошюрахъ, исполненныхъ ѣдкаго остроумія и глубокой учености, онъ горячо защищалъ дѣло республики и громилъ ея недруговъ. Когда послѣдніе исчезли или сдѣлались безгласными, онъ принялъ на себя за вѣдываніе перепиской кромвелевскаго кабинета съ иностранными державами и ихъ посланниками. Языкъ тогдашнихъ дипломатовъ былъ латинскій, и Мильтонъ, какъ одинъ изъ самыхъ свѣдущихъ латинистовъ того времени, лучше чѣмъ кто-либо могъ вести переписку. Но усиленная служба молодому государству дорого стоила Мильтону, такъ какъ зрѣніе его, поврежденное долгимъ сидѣніемъ по ночамъ при свѣтѣ небольшой лампы, слабѣло съ каждымъ годомъ и, наконецъ, окончательно оставило, послѣ его знаменитаго сочиненія «Защита англійскаго народа», когда онъ еще разъ взялся за перо, чтобы сказать послѣднее слово о правахъ свободной націи.

Кромвель только въ тѣхъ случаяхъ призывалъ къ себѣ поэта, когда хотѣлъ спросить его совѣта или когда ему необходимо было

послать важную депешу коронованному лицу. Отъ всей остальной переписки Мильтонъ былъ давно избавленъ, а для немногихъ, случайно возлагаемыхъ на него работъ, ему былъ назначенъ помощникъ, по имени Марвель, который ввелъ его въ кабинетъ Кромвеля. Марвель, бывшій воспитатель Мери Ферфаксъ и впослѣдствіи занявшій довольно видное мѣсто среди англійскихъ поэтовъ, вполне раздѣлялъ политическія убѣжденія творца «Потеряннаго Рая», съ которымъ его связывала самая тѣсная и искренняя дружба.

Въ это время Мильтонъ, посѣщаемый немногими друзьями, велъ уединенную жизнь въ небольшомъ уютномъ домѣ, гдѣ изъ оконъ вѣяло свѣжестью воды и ароматомъ зелени и цвѣтовъ Сент-Джемскаго парка. Здѣсь Мильтонъ, рѣдко отвлекаемый дѣлами, снова предался давно покинувшей его элегической поэзіи. Хотя онъ не могъ видѣть лазури неба, богатства красокъ и земли, но тѣмъ роскошнѣе открывался передъ нимъ его внутренній міръ; слухъ его, воспримчивый къ музыкѣ, слышалъ среди ночной тишины мелодіи неземныхъ звуковъ.

Слѣпота его была мало замѣтна, когда онъ сидѣлъ, такъ какъ глаза сохранили прежній темно-сѣрый цвѣтъ. На лицѣ его вмѣстѣ съ выраженіемъ тихой грусти, видна была непоколебимая покорность судьбѣ вѣрующаго человѣка.

Когда доложили объ его приходѣ Кромвелю, онъ всталъ съ мѣста и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу слѣпому, взялъ его за обѣ руки, со словами:

— Благодарю васъ, сэръ Мильтонъ, что вы пришли!

Онъ подвелъ его къ стулу, стоявшему среди комнаты, и, усадивъ въ покойное кресло, сѣлъ напротивъ него. Марвель, по приглашенію Кромвеля, также занялъ мѣсто у стола.

— Я чувствую себя виновнымъ передъ вами, сэръ Мильтонъ, продолжалъ Кромвель, что оторвалъ васъ отъ вашихъ ученыхъ занятій, но время успокоенія наступитъ для всѣхъ насъ! добавилъ онъ съ печальной улыбкой.

— Господь да сохранить дни вашего высочества для безопасности этого государства и блага всѣхъ свободныхъ народовъ, отвѣтилъ Мильтонъ. Съ своей стороны, я считаю для себя особеннымъ счастьемъ, если могу, хотя до нѣкоторой степени, содѣйствовать своими слабыми силами осуществленію высокихъ и благородныхъ стремленій вашего высочества.

— Видите ли въ чемъ дѣло, сэръ Мильтонъ, сказалъ Кромвель, мы получили достовѣрные извѣстія, что, несмотря на всѣ торжественныя увѣренія и обѣщанія, опять начались преслѣдованія протестантовъ въ Савойи; послѣ страшной, произведенной тамъ рѣзни, черепа несчастныхъ жертвъ до сихъ поръ бѣлѣютъ на холмахъ. Необходимо положить этому конецъ! Его величество, французскій король, поручился за исполненіе договора, обезпечивающаго свободу

вѣроисповѣданія для савойцевъ. Но король, повидимому, совершенно забылъ о принятомъ имъ на себя обязательствѣ. Въ настоящую минуту онъ въ походѣ противъ испанцевъ и находится во Фландріи. Я послалъ туда корпусъ въ шесть тысячъ человекъ на помощь нашимъ союзникамъ. Они намѣрены осадить Дюнкирхенъ и требуютъ еще два полка; я не прочь исполнить ихъ желаніе, но не прежде, чѣмъ будетъ оказано правосудіе угнетеннымъ протестантамъ. Въ противномъ случаѣ, вмѣсто Дюнкирхена, я поведу свои войска противъ Рима. Я желалъ бы, чтобы все это было выражено въ письмѣ къ французскому королю!

— Если угодно, я могу продиктовать письмо Марвелю въ присутствіи вашего высочества, сказалъ Мильтонъ; вы прикажете измѣнить тѣ выраженія, которыя покажутся вамъ неумѣстными.

— Хорошо! сказалъ Кромвель облокотившись на столъ. Марвель взялъ перо и написалъ со словъ Мильтона:

«Serenissime potentissimeque Rex, amice ac foederate augustissime...»

Послышался легкій стукъ въ дверь; вслѣдъ затѣмъ, въ комнату вошелъ одинъ изъ Кромвелевскихъ адъютантовъ:

— Полковникъ Франкъ Гербертъ! почтительно доложилъ онъ, останавливаясь у дверей.

По лицу Кромвеля пробѣжала тѣнь неудовольствія.

— Позовите его сюда! отвѣтилъ онъ, затѣмъ, обращаясь къ Мильтону, сказалъ:—Прошу извиненія за небольшой перерывъ; не угодно ли вамъ будетъ пройти въ сосѣдную комнату!

Мильтонъ удалился, опираясь на руку Марвеля; вошелъ Франкъ Гербертъ.

Онъ былъ въ своемъ блестящемъ питомъ мундирѣ, съ шарфомъ черезъ плечо и со шпагой.

Въ душѣ Кромвеля шевельнулось чувство, похожее на состраданіе, когда онъ увидѣлъ своего бывшаго товарища по оружію, котораго онъ нѣкогда любилъ не менѣе своихъ сыновей.

— Ты давно въ Лондонѣ, Франкъ, сказалъ онъ, почему ты не пришелъ раньше, не дожидаясь моего зова.

— Quid Romal faciam?.. воскликнулъ Гербертъ, mentiri nescio. Я зналъ прежняго Кромвеля, но мнѣ нечего дѣлать во дворцѣ протектора!

Кромвель нахмурилъ свои густыя брови; его неприятно поразили вызывающій тонъ Герберта и выраженіе его лица.—Ты самъ не знаешь, что ты говоришь Франкъ, сказалъ онъ, дѣлая надъ собой усиліе, чтобы подавить вспышку гнѣва. Но я долженъ предупредить тебя, что мнѣ все извѣстно, ты опять сошелся съ моими врагами, хотя далъ клятву не имѣть съ ними никакихъ сношеній, пока я не призову тебя!..

— Нарушеніе клятвы—теперь самое обыкновенное явленіе, от-

вѣтили презрительно Гербертъ, даже люди, стоящіе во главѣ правленія и облеченные высшею властью, не считаютъ нужнымъ соблюдать ее въ болѣе серьезныхъ вопросахъ!

Кромвель сдѣлалъ движеніе, какъ будто хотѣлъ схватить за грудь своего дерзкаго противника, но еще разъ его желѣзная воля остановила этотъ невольный порывъ. — Опомнись безумный! сказалъ онъ спокойнымъ голосомъ; мнѣ говорили, что ты недавно женился, не губи себя и бѣдную Оливію.

Имя любимой женщины еще больше раздражило Герберта. — Неужели вы думаете, сэръ, что я дошелъ до такого униженія, что стану во имя кого бы-то ни было умолять васъ о пощадѣ! Никто не мѣшаетъ вамъ лишить меня жизни, если вы считаете это нужнымъ!

— Не стоитъ говорить съ тобой, Франкъ, потому что ты въ какомъ-то припадкѣ сумасшествія! Но быть можетъ то, что я скажу тебѣ, заставитъ тебя опомниться: открыть огромный заговоръ противъ моей особы. Измѣнники хотѣли воспользоваться для своихъ цѣлей помощью нашихъ теперешнихъ враговъ, испанцевъ; одинъ роялистъ, по имени Гарри Слингсби, намѣревался открыть имъ ворота укрѣпленнаго города, Гулля. Одновременно съ этимъ подготовлено возстаніе въ южныхъ графствахъ! Сигналомъ къ бунту въ столицѣ долженъ былъ послужить пожаръ, и здѣсь, среди общаго смятенія и рѣзни, предположено провозгласить королемъ Карла II. Намъ извѣстны имена заговорщиковъ, среди нихъ близкій тебѣ человекъ, Джонъ Гевитъ!

Гербертъ слѣдилъ за словами Кромвеля съ замираніемъ сердца. Но при имени Гевита онъ воскликнулъ съ досадою: Это ложь! Еслибы вы назвали мое собственное имя, то я сказалъ бы, что это скорѣе возможно. Но Гевитъ не способенъ принять участіе въ подобномъ предпріятіи! Хотя всякій тиранъ ненавистенъ для него въ принципѣ, но онъ никогда не рѣшится прибѣгнуть къ насилію, чтобы свергнуть его!

Кромвель былъ глубоко оскорбленъ выраженіями Герберта и недовѣріемъ къ его словамъ. — Мнѣ не нужно никакихъ увѣреній, сказалъ онъ съ нетерпѣніемъ; я не имѣю основанія сомнѣваться въ собранныхъ нами свѣдѣніяхъ, и могу сказать заранѣе, что судъ приговоритъ Гевита къ смерти!

Франкъ обомлѣлъ отъ ужаса при этой угрозѣ; у него едва не вырвалось замѣчаніе, что «Кромвель больше не нуждается въ предлогѣ, если хочетъ убить когонибудь!» Но боязнь безвозвратно погубить друга удержала его.

— Сжальтесь надъ нимъ, сказалъ онъ почти умоляющимъ голосомъ. Клянусь всѣмъ, что мнѣ дорого въ жизни, что этотъ человекъ не причастенъ тому, въ чемъ вы обвиняете его! Изъ насъ двухъ я скорѣе могу считать себя преступникомъ, такъ какъ не

разъ былъ виновенъ передъ вами, если не на дѣлѣ, то на словахъ. Гевитъ всегда горячо спорилъ со мной въ этихъ случаяхъ и силой убѣжденія заставилъ меня отказаться отъ всякой мысли объ убійствѣ.

— Довольно! сказалъ Кромвель. Въ тонѣ его слышалась холодная иронія, которая была гораздо опаснѣе для его враговъ, нежели самый сильный порывъ гнѣва.—Ты кстати напомнилъ мнѣ, что давно пора принять мѣры, чтобы оградить тебя отъ подобныхъ мыслей въ будущемъ. Я желалъ бы знать, по какому праву ты позволяешь себѣ носить мундиръ полка, который не существуетъ болѣе. Помимо всего остального этого, достаточно, чтобы я, какъ высшій военный начальникъ, потребовалъ твоей шпаги!

— Я получилъ ее отъ парламента, и только онъ можетъ потребовать ее отъ меня!

— Не тотъ ли парламентъ, который ты помогъ разогнать? спросилъ Кромвель суровымъ голосомъ. Повторяю тебѣ, отдай шпагу!

— Я отдамъ ее парламенту! отвѣтилъ Гербертъ. Терпѣніе Кромвеля истощилось; онъ выхватилъ изъ ноженъ шпагу, висѣвшую у пояса Герберта, наступилъ ногой на лезвіе и, переломивъ, швырнулъ на полъ.

Это было дѣломъ одной секунды. У Франка потемнѣло въ глазахъ отъ ярости; обѣщаніе, данное имъ Оливіи и священнику, не могло удержать его, такъ какъ онъ не думалъ ни объ одномъ изъ нихъ. Поднявъ съ полу рукоятку шпаги съ острымъ осколкомъ стали, онъ бросился на Кромвеля, но въ эту минуту отворилась дверь сосѣдней комнаты и вошелъ Мильтонъ. Видъ его обезоружилъ Герберта, рукоятка шпаги выпала изъ его рукъ; чувство глубокаго стыда и раскаянія овладѣло имъ. Мракъ разсѣялся въ его душѣ; передъ нимъ предстала въ неприглядной наготѣ сѣрая тоскливая дѣйствительность.

— Ты хотѣлъ быть руководителемъ народа, мысленно воскликнулъ онъ, и не имѣлъ настолько силы воли, чтобы совладать съ самимъ собой!..

Между тѣмъ, необычайный шумъ въ кабинетѣ привлекъ часовыхъ изъ сосѣднихъ корридоровъ. Когда Кромвель отворилъ дверь, то вездѣ видны были алебарды и сѣрые мундиры лейбъ-гвардіи.

— Уведите этого человѣка! сказалъ онъ.

Франкъ Гербертъ безъ всякаго сопротивленія послѣдовалъ за солдатами. Въ сѣняхъ онъ увидѣлъ Оливію; она бросилась къ нему на шею съ громкимъ плачемъ.

— Я не оставляю тебя Франкъ! проговорила она рыдая.

— Да проститъ Господь мою вину передъ тобой! сказалъ печально Гербертъ, обнимая ее. Моя участь рѣшена, но ты, моя дорогая, окажи мнѣ послѣднюю услугу! Онъ наклонился и шепнулъ ей на ухо:—Послѣдствуй къ Гевиту и передай ему отъ меня, чтобы онъ спасался бѣгствомъ, если дорожить жизнью...

Въ слѣдующую минуту Оливію вырвали изъ объятій ея мужа. Единственное, что она могла узнать отъ солдатъ—это, что Герберта увели въ военную тюрьму.

Между тѣмъ Кромвель, проводивъ глазами преступника, подошелъ къ Мильтону.

— Этотъ безумный человѣкъ, сказалъ онъ, самъ произнесъ надъ собою приговоръ!

Поэтъ ничего не отвѣтилъ, только лицо его приняло еще болѣе грустное выраженіе.

— Мы можемъ продолжать начатое письмо! сказалъ Кромвель.

Мильтонъ и его товарищъ сѣли у стола на прежнихъ мѣстахъ...

Г Л А В А XII.

Послѣднее свиданіе Гевита и сэра Гарри Слингби.

Оливія, почти обезумѣвшая отъ горя и испуга, была настолько поглощена постигшимъ ее несчастіемъ, что, прійдя къ Гевиту, долго не могла объяснить ему цѣли своего посѣщенія. Единственное, что онъ понялъ изъ ея безсвязныхъ словъ, что Франкъ былъ у Кромвеля и что его отвели въ тюрьму.—Мой бѣдный другъ воскликнулъ онъ, ты все-таки не избѣгнулъ твоей несчастной судьбы! Я напрасно надѣлся, что просьбы дорогихъ тебѣ людей и любовь жены избавятъ тебя отъ этой послѣдней ошибки!

Затѣмъ онъ обратилъ всю свою заботливость на бѣдную женщину, которая, слушая его утѣшенія, мало по малу пришла въ себя и печально смотрѣла на него. Наконецъ она отчетливо вспомнила послѣднія слова своего мужа: — Франкъ велѣлъ вамъ передать, сказала она взволнованнымъ голосомъ, чтобы «вы спасались бѣгствомъ, если дорожите жизнью!» Ради бога, не теряйте ни одной минуты...

Священникъ съ благодарностью пожалъ ея руку; но рѣшительно отказался отъ всякой попытки къ бѣгству.

— Мнѣ нечего бояться! возразилъ онъ. Въ теченіи девяти лѣтъ, которыя прошли со смерти моего добраго короля, я не сдѣлалъ ничего, что заслуживало бы особеннаго порицанія! Я терпѣливо переносилъ мои страданія и молился за бѣднаго изгнанника, который всегда останется для меня единственнымъ законнымъ королемъ Англіи. Съ другой стороны, если ничто не могло заставить

меня признать власть похитителя престола, то, я тѣмъ не менѣе, никогда не поднималъ на него руки и не возвышалъ голоса противъ него. Я буду до конца исполнять мои обязанности священнослужителя и останусь въ этомъ домѣ, чтобы быть къ услугамъ тѣхъ, которые нуждаются въ моей помощи. Вы должны отдохнуть и успокоиться, моя дорогая Оливія; если хотите, я провожу васъ до вашего дома!..

Между тѣмъ, заговорщики, не подозрѣвая измѣны, которая обрекала ихъ на вѣрную гибель, собрались въ назначенный часъ въ тавернѣ «Морская Дѣва». Появленіе Джойса было встрѣчено ими громкими изъявленіями радости, тѣмъ болѣе, что его изодранная одежда, носившая слѣды недавняго заключенія, увеличивала довѣріе къ нему. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ находился вблизи Кромвеля, зналъ всѣ его привычки, а равно и всѣ потаенные ходы и закоулки Уайтголля! На этомъ обстоятельствѣ главнымъ образомъ была основана надежда заговорщиковъ захватить Кромвеля живымъ или мертвымъ. Слѣдующая ночь была назначена для выполненія заговора; каждый къ этому времени обязанъ былъ находиться на своемъ постѣ. Вслѣдъ за взрывомъ пороховой бочки близъ Уайтголля, который долженъ былъ послужить сигналомъ, заговорщики намѣревались поджечь въ нѣсколькихъ мѣстахъ Сити и Тоуэръ, овладѣть городскими воротами, а затѣмъ съ барабаннымъ боемъ превозгласить королемъ Карла II. Одновременно съ этимъ предположено было послать гонцовъ въ южныя графства, гдѣ собрана была милиція подъ предводительствомъ роялистовъ, получившихъ офицерскіе патенты отъ короля-изгнанника. На сѣверѣ мятежники, съ помощью сэра Гарри Слингсби должны были овладѣть крѣпостью Гуль и употребить всѣ усилія, чтобы продержаться въ ней до тѣхъ поръ, пока испанская эскадра съ Карломъ II не высадится на берегъ при устьѣ Гумбера.

Джойсъ, исполняя въ точности возложенное на него порученіе, внимательно слѣдилъ за каждымъ словомъ заговорщиковъ и, по окончаніи засѣданія, поспѣшилъ въ Уайтголлъ, гдѣ былъ допущенъ къ Кромвелю, который съ нетерпѣніемъ ожидалъ его.

На слѣдующее утро ничто въ наружности Кромвеля и въ его образѣ жизни не выказывало того, что творилось въ его душѣ. Изъ близкихъ ему людей одинъ Турлоэ, составлявшій депени въ его кабинетѣ, зналъ о принятыхъ имъ мѣрахъ. Кромѣ того въ тайну посвященъ былъ Юргень Джойсъ, отъ распорядительности котораго зависѣлъ успѣхъ. Теперь все вниманіе послѣдняго было устремлено на то, чтобы оградить себя отъ подозрѣній Пиккерлинга, такъ какъ дѣло было бы потеряно, еслибы пуританинъ при своемъ тонкомъ чутьѣ почувствовалъ приближеніе грозы. Поэтому Юргень

неотступно слѣдилъ за нимъ, тѣмъ болѣе, что хотѣлъ воспользоваться случаемъ, чтобы покончить старые счеты. Онъ не могъ забыть тѣхъ страданій, которыя этотъ человѣкъ причинилъ ему и его друзьямъ. Съ холодной жестокостью и злорадствомъ, какое является иногда у самыхъ добродушныхъ людей послѣ многократныхъ и глубокихъ огорченій, онъ терпѣливо ждалъ удобнаго момента, чтобы погубить ненавистнаго для него лицемѣра.

Съ наступленіемъ вечера Пиккерлингъ долженъ былъ доставить бочку пороха на небольшую пристань, устроенную изъ двухъ связанныхъ между собою лодокъ, съ наброшенными на нихъ досками. Эта пристань находилась въ недалекомъ разстояніи отъ деревянныхъ пристроекъ Уайтголля; къ ней приставали рѣчныя суда, плававшія вверхъ и внизъ по Темзѣ. Въ этомъ мѣстѣ предполагено было зажечь первую бочку пороха, взрывъ которой былъ бы видѣнъ и слышенъ въ Сити. При этомъ достигалась и другая цѣль: огонь переброшенный горящими осколками долженъ былъ охватить деревянныя пристройки Уайтголля, около которыхъ въ сумерки выгружено было нѣсколько другихъ бочекъ съ порохомъ. Часовые не обратили на это особеннаго вниманія, такъ какъ суда часто выгружали свои товары у небольшой пристани для болѣе удобной доставки въ сосѣднія улицы и нерѣдко бочки и ящики оставались здѣсь на ночь.

— Какъ я радъ, что кончилась эта выгрузка, сказала Пиккерлингъ, обращаясь къ Джойсу, который, также какъ и онъ, былъ переодѣтъ матросомъ. Часовые сразу повѣрили, что это соль.

— Ты видишь все идетъ, какъ нельзя лучше, только не нужно терять мужества. Завтра Англія приметъ другой видъ, и ты сдѣлаешься великимъ человѣкомъ Пиккерлингъ, прошу не забывать меня своими милостями!..

Но благочестивому пуританину не особенно понравилась эта шутка; сердце его усиленно билось отъ страха, онъ не могъ привести ни одного текста изъ библіи, сколько нибудь подходящаго къ данному случаю.

Между тѣмъ, сумерки все болѣе и болѣе увеличивались. Наступила ночь. Кромвель надѣлъ панцырь и вооружился, какъ передъ битвой. На немъ былъ красный мундиръ, почернѣвшій отъ пороха, и шпага, бывшая на немъ при Марстонмурѣ; за поясомъ виднѣлись два пистолета; на столѣ передъ нимъ лежало заряженное ружье. Такъ ждалъ онъ часа, который долженъ былъ еще разъ доставить ему побѣду или предать въ руки враговъ, которые уже начали собираться въ Сити.

Къ вечеру на Гевита напало раздумье. Дружеское предостереженіе, переданное ему Оливіей, на которое онъ наканунѣ почти не

обратилъ вниманія, начинало серьезно беспокоить его. Чтобы разрѣшить свои сомнѣнія онъ отправился къ одной пожилой леди, по фамиліи Чампиніонъ, которая часто бывала въ церкви св. Георга и относилась къ нему съ самой искренней дружбой. Онъ иногда обѣдалъ у ней по воскресеньямъ. Ему было извѣстно, что эта почтенная леди была рьяная роялистка и поддерживала дѣятельныя сношенія съ дворомъ изгнанника. Нѣсколько разъ она убѣждала его принять участіе въ заговорахъ, составляемыхъ въ пользу Карла II, но онъ упорно отказывался, говоря, что всякіе заговоры противны его убѣжденіямъ и не совмѣстимы съ обязанностями священника.

Онъ засталъ леди Чампиніонъ въ сильномъ волненіи, такъ какъ ея зять Станлей исчезъ загадочнымъ образомъ изъ Лондона, и она не знала, чѣмъ объяснить подобный фактъ. Тѣмъ не менѣе она внимательно выслушала своего гостя, и тотчасъ же сообразила сущность дѣла.

— Разумѣется намъ измѣнили, и все извѣстно протектору! воскликнула старая леди взволнованнымъ голосомъ.

Гевитъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее, такъ какъ ничего не зналъ о заговорѣ и не придавалъ значенія планамъ роялистовъ, о которыхъ они открыто говорили въ тѣхъ обществахъ, гдѣ онъ бывалъ.

— Да сохранить васъ Господь отъ всякаго несчастія, продолжала леди, но вы должны быть крайне осторожны, м-ръ Гевитъ, чтобы не навлечь на себя лишнихъ подозрѣній!

— Какихъ подозрѣній? я не понимаю васъ миледи...

— У васъ спрятаны офицерскіе патенты, подписанные рукою его величества. Возвращайтесь домой и сожгите скорѣе эти бумаги!

— Они отданы мнѣ на сохраненіе сыномъ моего лучшаго друга, Джономъ Кутсъ, вмѣстѣ съ письмомъ короля, патенты лежатъ нетронутые.

— Все равно, вы должны немедленно истребить ихъ! иначе они будутъ стоить вамъ жизни. Въ настоящую минуту наши общіе друзья вѣроятно уже собрались въ тавернѣ «Морская Дѣва», если ихъ накроютъ, то вамъ не избѣжать обыска или даже хуже...

— Благодарю васъ, миледи, за вашу откровенность. Я сейчасъ пойду въ таверну и уговорю ихъ разойтись, если только будетъ возможно.

— Это ни къ чему не поведетъ, ихъ гибель неизбѣжна! воскликнула старая леди, безпокойство которой росло съ каждой минутой.

— Я не ожидалъ слышать это отъ васъ миледи, возразилъ Гевитъ.

— Ну такъ знайте же, сказала она заливаясь слезами, я не могу и не должна долѣе скрывать этого отъ васъ... Участники за-

говора, рассчитывая на вашу популярность, воспользовались вашимъ именемъ, чтобы придать большій вѣсъ своему дѣлу въ глазахъ нѣрѣшительныхъ людей... На списокѣ заговорщиковъ ваше имя...

Это извѣстіе въ первую минуту поразило священника, но затѣмъ онъ сказалъ спокойнымъ голосомъ:

— На все воля Божія! если люди дурно поступили со мной, то это не должно мѣшать исполненію моей обязанности! До свиданія миледи, я пойду на мѣсто сборища!

— Но прежде сожгите патенты!

— Нѣтъ, миледи, тутъ дорогá каждая минута!..

Священникъ ушелъ; леди Чампиніонъ заплакала: ее мучило раскаяніе.

Въ это время на улицахъ стали появляться болѣе или менѣе многочисленныя группы заговорщиковъ. Полиція, превосходно организованная при Кромвелѣ, не беспокоила ихъ, потому что она получила строгій приказъ оставаться въ бездѣйствіи. Множество любопытныхъ и праздныхъ людей, привлеченныхъ неопредѣленными слухами, сновали взадъ и впередъ. Толпа, все болѣе и болѣе увеличиваясь, заняла Сити и наполнила собой всѣ закоулки, дворы и таверны «Морской Дѣвы» на улицѣ Cheapside, этой главной артеріи промышленныхъ и торговыхъ кварталовъ города.

Одновременно съ этимъ, при наступленіи сумерекъ, во всѣхъ укрѣпленныхъ пунктахъ столицы собраны были войска, и начальникамъ ихъ отданъ приказъ быть готовыми къ выступленію. Къ вечеру, всѣ солдаты въ Тоуэрѣ должны были быть подъ ружьемъ, заряжены пушки и при нихъ поставлены канониры съ зажженными фитилями. Дальнѣйшія инструкціи заключались въ запечатанномъ пакетѣ, который въ десять часовъ былъ доставленъ коменданту Тоуэра, капитаномъ Кромвелевской лейбъ-гвардіи. Все это совершилось такъ тихо и быстро подъ прикрытіемъ ночи, что толпа, наполнявшая улицы, не замѣтила, какъ надъ нею стягивались петли желѣзной сѣти и обтянули ее со всѣхъ сторонъ.

Юргенъ Джойсъ и Пиккерлингъ явились въ назначенное время и заняли свой постъ подъ стѣнами Уайтголла, о которыя ударились волны Темзы. Была темная беззвѣздная ночь. Оба заговорщика должны были ждать, пока на башнѣ Вестминстера начнутъ бить часы; съ первымъ ударомъ они должны были зажечь нить пропитанную сѣрнымъ растворомъ, чтобы съ послѣднимъ десятымъ ударомъ огонь достигъ бочки съ порохомъ, приготовленной на плашкотной пристани.

— Пора, сказалъ шопотомъ Юргенъ, осталось всего четверть часа, мы должны протянуть нить съ берега!

Было такъ тихо, что слышны были мѣрные удары весель съ лодки, плившей на значительномъ разстояніи.

Пиккерлингъ не рѣшался взять въ руки конецъ нити, которую ему протягивалъ Юргень.

— Баба! крикнулъ этотъ съ досадой, но изъ боязни выдать себя понизилъ голосъ: Не забудь, что ты взялся прикрѣпить нить къ бочкѣ! остальное мое дѣло...

Пиккерлингъ боязливо оглянулся.

— Зачѣмъ у тебя багоръ въ рукѣ? спросилъ онъ.

— Страхъ туманить тебѣ голову! замѣтилъ со смѣхомъ Юргень. Ты вѣрно вспомнилъ прошлое? дѣйствительно я не разъ расправлялся съ тобой, но теперь клянусь честью я не дотронусь до тебя!

Юргень начиналъ терять терпѣніе, онъ не въ состояннн былъ продолжать долѣе въ томъ же тонѣ. Ну, проваливай, крикнулъ онъ грубо толкнувъ своего товарища на пристань. Принимайся скорѣе за дѣло, иначе я столкну тебя въ воду.

Пуританинъ взялъ въ руки конецъ нити, хотя у него тряслись колѣни отъ страха и онъ едва держался на ногахъ.

— Подлый трусъ! воскликнулъ съ презрѣніемъ Юргень, вступивъ на послѣднюю лодку, на носу которой стояла бочка съ порохомъ.

— Поверни ее бокомъ! сказалъ шопотомъ Юргень. — Теперь вытщи осторожно втулку, чтобы не посыпался порохъ и пропусти поглубже конецъ нити въ бочку... Отлично!...

Пиккерлингъ машинально повиновался, но едва успѣлъ онъ вложить обратнн втулку, какъ Юргень перескочилъ на лодку ближайшую къ берегу.

— Что ты дѣлаешь? крикнулъ съ испугомъ Пиккерлингъ, замѣтивъ, что почва колеблется подъ его ногами. Первою его мыслью было броситься къ берегу, но Юргень въ эту минуту оттолкнулъ багромъ ту часть пристани, на которой онъ стоялъ, канатъ связывавшій обѣ лодки съ шумомъ упалъ въ воду.

Несчастннй плылъ по теченію рѣки. Но кто въ состояннн описать ужасъ, охватившій его малодушное сердце, когда онъ увидѣлъ среди окружающаго мрака, искру сверкнувшую на берегу.

— Юргень!.. крикнулъ онъ такимъ голосомъ, что даже чловѣкъ болѣе жестокосердый, нежели Джойсъ, былъ бы тронутъ этимъ отчаяннымъ воплемъ.

Но уже было поздно. За медленно удалявшейся лодкой вилась огненная пылающая нить.

На башнѣ Вестминстера раздался первый ударъ часовъ.

— Прощай, воскликнулъ Юргень взволнованнымъ голосомъ, мысленно обращаясь къ своей жертвѣ. — Все кончено для тебя!

Второй ударъ часовъ вывелъ Пиккерлинга изъ состояннн оцѣпенія, въ какомъ онъ находился; онъ видѣлъ неминуемо грозившую ему опасность. Лодка была наполнена горючими веществами, огненная нить все приближалась къ нему. Какъ безумннй бѣгалъ онъ

взадъ и впередъ по доскамъ, вдоль лодки, отчаяніе его росло съ каждымъ ударомъ часовъ. — Намъ измѣнили... Я выдамъ всѣхъ! Спасите!.. кричалъ онъ неистовымъ голосомъ, но никто не могъ слышать его крика, такъ какъ онъ былъ на срединѣ рѣки.

Силы измѣнили ему, онъ упалъ на колѣни и равнодушно смотрѣлъ на огненную нить, которая почти подошла къ борту лодки, но черезъ секунду онъ съ страшнымъ воплемъ поднялся на ноги. Передъ нимъ стояла тѣнь Чильдерлейскаго баронета, она поднималась все выше и выше—огромная, бѣлая какъ туманъ на рѣкѣ. Она смотрѣла на него безжизненными глазами и протягивала руки, какъ будто хотѣла схватить его.

Несчастный упалъ навзничь. Онъ не слышалъ послѣдняго удара часовъ. Раздался грохотъ взорваннаго пороха, лодка взлетѣла на воздухъ, освѣтивъ багровымъ свѣтомъ зеркальную поверхность рѣки и темное ночное небо...

Вслѣдъ затѣмъ подъ аркой воротъ Уайтголля раздался первый выстрѣлъ.

Кромвель вышелъ въ полномъ вооруженіи, чтобы въ эту ночь самому осмотрѣть караулы. Едва затихъ первый выстрѣлъ, какъ послышались другіе изъ С. Джемса, *Sommerset-Haus'a Temple Bar'a* и, наконецъ, *Fleet-Street'a*, близъ Сити. Это была цѣпь постовъ, которыми Кромвель окружилъ площадь, занятую заговорщиками.

Затѣмъ на минуту все стихло, но тутъ внезапно раздался глухой шумъ, похожій на раскаты грома.

— Теперь Сити въ нашихъ рукахъ! сказалъ Кромвель.—Это, пушки Тоуэра.

Черезъ часъ все было кончено. Войска очистили улицы Сити, забравъ толпу плѣнныхъ. Немедленно по всѣмъ направленіямъ разосланы были гонцы съ депешами, которыя были наскоро написаны государственнымъ секретаремъ. Въ городѣ знали только, что сдѣлано неудачное покушеніе на жизнь протектора, и что зачинщики заговора арестованы въ тавернѣ, близъ *Cheapside'a*. На слѣдующій день жители Лондона узнали дальнѣйшія подробности изъ «*Mercurius politicus*», который, между прочимъ, извѣщалъ, что въ числѣ арестованныхъ находятся: Джонъ Гевитъ, священникъ приходской церкви св. Георга, и сэръ Гарри Слингси, и что послѣдняго привезутъ на дняхъ изъ Гулля.

Для слѣдствія и суда надъ виновными назначена была особая комсія, такъ называемый «верховный судъ», состоящій изъ ста тридцати членовъ. Засѣданія начались въ большой залѣ Вестминстера, подъ предсѣдательствомъ Брадшо, который былъ президентомъ въ процессѣ короля, такъ что обвиняемые не могли рассчитывать на пощаду.

Первоначально были вызваны судомъ только пятнадцать чело-вѣкъ, изъ нихъ священникъ Гевитъ и сэръ Гарри Слингсби возбудили къ себѣ особенную симпатію публики. Участъ ихъ интересовала даже высокопоставленныхъ лицъ, которыя употребили всѣ усилія, чтобы спасти имъ жизнь. Сэръ Гарри Слингсби былъ дядя лорда Фолкенбриджа, мужа Мери Кромвель, что же касается Гевита, то прибѣгли къ другимъ, болѣе дѣйствительнымъ средствамъ, чтобы тронуть сердце протектора. Но Кромвель оставался непоколебимымъ и отвѣтилъ, что судъ долженъ идти своимъ порядкомъ.

Такимъ образомъ Гевитъ явился передъ своими судьями. Онъ былъ немного блѣднѣе обыкновеннаго, но держалъ себя также спокойно, какъ и всегда, и съ чувствомъ собственнаго достоинства. На немъ была темная священническая одежда, онъ вошелъ въ плянъ и не снялъ ее, когда его подвели къ периламъ.

Президентъ замѣтилъ ему, что онъ не имѣетъ права стоять передъ высшимъ судилищемъ съ покрытой головой.

Священникъ отвѣтилъ вѣжливимъ, но рѣшительнымъ тономъ, что онъ не можетъ признать власти и правъ суда, который не былъ постановленъ законнымъ королемъ англій.

Президентъ велѣлъ снять шляпу съ подсудимаго. Гевитъ не сопротивлялся.—Я покоряюсь насилію! сказалъ онъ.

Затѣмъ прочитанъ былъ обвинительный актъ. Гевиту не стоило большого труда опровергнуть или ослабить главные пункты. Бумаги его, захваченныя при домашнемъ обыскѣ, не могли служить доказательствомъ государственной измѣны: въ письмахъ его къ Карлу II не заключалось ничего предосудительнаго, кромѣ общихъ выраженій преданности, что же касается офицерскихъ патентовъ, то они пролежали у него цѣлый годъ нетронутыми. Равнымъ образомъ, онъ могъ доказать съ помощью свидѣтелей, что онъ былъ совершенно непричастенъ къ послѣднему заговору. Для этого разумѣется необходимо было признать авторитетъ «верховнаго суда», но онъ наотрѣзъ отказался отъ этого, говоря, что никогда не рѣшится на подобную сдѣлку съ своей совѣстью.

Послѣ этого, съ 15-го мая до 1-го іюня, еще два раза приводили его къ допросу, и онъ каждый разъ заявлялъ тѣмъ же спокойнымъ и вѣжливимъ тономъ, что «не считаетъ нужнымъ отвѣчать передъ судомъ, не имѣющимъ законной силы».

То же повторилось при слѣдствіи надъ сэромъ Гарри Слингсби, который, равнымъ образомъ, отказался дать какія либо показанія. Послѣ этого ничего не оставалось, какъ произнести приговоръ, который былъ отложенъ до слѣдующаго утра.

По окончаніи засѣданія, Гевита отвели обратно въ его камеру, гдѣ онъ противъ всякаго ожиданія встрѣтилъ своего стараго знакомаго сэра Слингсби, такъ какъ болѣе не считали нужнымъ дер-

жать врозь обоихъ преступниковъ, которыхъ рѣшено было отправить немедленно въ Тоуэръ.

Они увидѣлись въ первый разъ послѣ вечера въ Чильдерлейскомъ замкѣ.

— Неи ме? Humana repressi sumus! воскликнулъ сэръ Гарри, дружески пожимая руку священника.

Слингсби значительно постарѣлъ впродолженіи послѣднихъ тринадцати лѣтъ; прежняя живость исчезла, онъ сдѣлался молчаливымъ и задумчивымъ.

— Гдѣ вы жили все это время, сэръ Гарри? спросилъ Гевитъ.

— Съ того дня, какъ король приказалъ мнѣ вернуться на родину, я почти не выѣзжалъ оттуда. Мнѣ приходилось скрываться въ собственномъ домѣ отъ преслѣдованій непріятели. Между тѣмъ, я узналъ, что король изъ Гольми отправился на островъ Уайтъ и, подъ конецъ, въ Уайтголь... Мы не должны роптать на свою судьбу, м-ръ Гевитъ, потому что насъ ожидаетъ та же участь, какая постигла нашего несчастнаго короля!

Ихъ свели съ лѣстницы, ведущей къ Темзѣ, гдѣ для нихъ была приготовлена крытая барка подъ охраной стражи, присланной изъ Тоуэра. Лѣтнее солнце отражалось на гладкой поверхности рѣки; слышенъ былъ мѣрный плескъ волнъ, разсѣкаемыхъ веслами. Барка тихо плыла по теченію; спокойно было на сердцѣ у обоихъ людей.

— Я жилъ вдали отъ міра, продолжалъ Слингсби, безъ опредѣленнаго дѣла и, по временамъ, въ видѣ развлеченія занимался охотой въ тѣсномъ районѣ, изъ котораго мнѣ не дозволено было выходить. Это—невинное и пріятное препровожденіе времени, когда человѣкъ лишень всякой другой дѣятельности. Сельское хозяйство также было недоступно для меня, потому что на мое помѣстье, принадлежавшее нашей фамиліи со времени Вильгельма-Завоевателя, наложенъ былъ секвестръ. Къ счастью, умъ нашъ остается свободнымъ при всякихъ условіяхъ; мое одиночество не особенно тяготитъ меня; въ минуты душевной тоски, я вспоминалъ прошлое и дорогихъ для меня людей. Къ числу ихъ принадлежитъ и покойный сэръ Товій.

— Бѣдный баронетъ; онъ умеръ у могилы своего короля, сказалъ священникъ съ невольнымъ вздохомъ. Въ послѣднія минуты своей жизни онъ съ благодарностью вспоминалъ о радушномъ гостепріимствѣ, который вы оказали его сыну.

Въ это время они увидѣли передъ собой стѣны и башни Тоуэра.

— Здѣсь, сказалъ сэръ Гарри, указывая на зеленый холмъ Tower Hill, погибли Страффордъ и Лодъ!

— Тутъ поставятъ и нашъ эшафотъ, сказалъ Гевитъ; во всякомъ случаѣ, мы можемъ утѣшать себя тѣмъ, что до конца остались вѣрны нашимъ убѣжденіямъ.

Барка причалила у мрачной стѣнной арки; привратникъ открылъ калитку рѣшетчатыхъ желѣзныхъ воротъ. Узники поднялись по сырýmъ ступенямъ и вскорѣ скрылись во мракѣ грозныхъ каменныхъ стѣнъ.

Г Л А В А XII.

Послѣдніе мѣсяцы жизни Кромвеля.

Въ тотъ же вечеръ другая барка остановилась передъ другими воротами Тоуэра, отъ которыхъ шли широкія ступени къ Темзѣ. Здѣсь всегда высаживались англійскіе короли, когда посѣщали Тоуэръ; отсюда шла широкая лѣстница, ведущая къ главной башнѣ. Барка была украшена шелковыми парусами; на флагѣ виднѣлся гербъ Кромвеля: крестъ и арфа; гребцы были въ пурпуровыхъ курткахъ, обшитыхъ золотымъ галуномъ. На берегъ вышла молодая красивая лѣди, одѣтая въ черное платье, съ блѣднымъ болѣзненнымъ лицомъ. Два лакея въ сѣрыхъ ливреяхъ, украшенныхъ серебромъ, слѣдовали за нею на почтительномъ разстояніи. Вездѣ, гдѣ она проходила, часовые отдавали ей честь; дежурный офицеръ предложилъ провести ее къ коменданту, который ожидалъ ее у воротъ такъ называемой «Бѣлой башни».

— Милэди, я къ вашимъ услугамъ, сказалъ комендантъ, прочитавъ бумагу, которую она подала ему. Его высочество протекторъ разрѣшаетъ вамъ имѣть свиданіе съ узникомъ Джономъ Гевитомъ и говорить съ нимъ наединѣ. Если вамъ угодно, то я провожу васъ до его темницы.

Они вернулись назадъ по двору и лугу «Tower-Green», который нѣкогда былъ обогрѣнъ кровію десятидневной королевы, Дженни Грей, мимо такъ-называемой «Кривавой башни», гдѣ были умерщвлены сыновья Эдуарда, и вошли въ сѣни башни «Beauchamp», отведенной для государственныхъ преступниковъ. Они поднялись по узкой винтовой лѣстницѣ, гдѣ на нихъ повѣяло холодомъ и мракомъ, хотя въ это время было лѣто и вездѣ цвѣли цвѣты. У коменданта въ рукахъ была большая связка ключей,бряканье которыхъ приводило въ ужасъ молодую лѣди, пока они шли по крутой лѣстницѣ. Онъ остановился передъ дверью, окованной желѣзомъ и, выбравъ большой ключъ, съ усиленіемъ открылъ замокъ. Затѣмъ, сдѣлавъ шагъ назадъ и, пропустивъ посѣтительницу, заперъ за нею дверь.

Узникъ сидѣлъ у стола, слабо освѣщеннаго узкимъ рѣшетчатымъ окномъ и читалъ библію. Услыхавъ шумъ, онъ повернулъ голову, затѣмъ поднялся съ мѣста.

— Елизавета! проговорилъ онъ съ усиленіемъ, не довѣряя собственнымъ глазамъ.

Медленно подошла къ нему блѣдная прекрасная женщина; она едва держалась на ногахъ; Гевитъ успѣшилъ подать ей стулъ.

— Елизавета, повторилъ онъ еще разъ, взявъ ея похолодѣвшую руку; въ эту минуту онъ не въ состояніи былъ преодолѣть чувство, съ которымъ успѣшно боролся въ продолженіи многихъ лѣтъ.

— Я съ радостью встрѣчу смерть послѣ того, какъ я видѣлъ тебя, сказалъ онъ прерывающимся голосомъ. Мысль, что ты приходила ко мнѣ, будетъ сопровождать меня въ могилу... Онъ внезапно остановился. Простите... воскликнулъ онъ, опуская ея руку, милэди Клейполь... дочь Кромвеля!

Она вздрогнула при имени своего отца, хотѣла отвѣтить ему, но слова замерли на ея губахъ.

Онъ видѣлъ ея тяжелое душевное состояніе и это глубоко взволновало его. Любовь и чувство долга боролись въ его душѣ; онъ мысленно молилъ Бога поддержать его силы до конца.

— Милэди... сказалъ онъ, нѣтъ... позвольте назвать васъ просто Елизаветой, какъ въ былыя времена, когда я такъ часто посѣщалъ домъ вашихъ родителей въ Сентъ-Ивсѣ. Объясните мнѣ, зачѣмъ вы пришли сюда?

— Чтобы спасти васъ, отвѣтила она глухимъ голосомъ, не поднимая глазъ.

— Слишкомъ поздно! Развѣ вы не знаете, что завтра будетъ произнесенъ смертный приговоръ?

— Но его могутъ отмѣнить! воскликнула съ живостью лэди Клейполь; ея прекрасные глаза, полные слезъ, съ любовью остановились на другѣ ея ранней юности. Умоляю васъ на колѣняхъ, не губите себя!

Съ этими словами она бросилась къ его ногамъ.

Гевитъ испытывалъ невыразимыя мученія.

— Я не знаю, чего вы требуете отъ меня, Елизавета? сказалъ онъ, ласково поднимая ее съ полу.

— Я прошу васъ объ одномъ, чтобы вы признали законность суда, потому что убѣждена въ вашей невинности!..

Лэди Клейполь остановилась и добавила вполголоса:

— Отецъ мой также не виноватъ... но его раздражаетъ вашъ отказъ признать власть верховнаго суда. Завтра васъ спросятъ еще разъ въ полномъ собраніи всѣхъ членовъ; скажите, что вы не признаете себя виновнымъ... произнесите только эти слова... въ этомъ нѣтъ лжи, и вамъ возвратятъ свободу...

Гевитъ молчалъ.

— Общайте мнѣ это! сказала она, и голосъ ея принялъ знакомый ему нѣжный оттѣнокъ, противъ котораго онъ не могъ устоять.

— Только передъ вами, Елизавета, я считаю себя обязаннымъ сдѣлать то признаніе, которое вы требуете отъ меня: я дѣйствительно не признаю себя виновнымъ въ тѣхъ преступленіяхъ, которыя перечислены въ обвинительномъ актѣ. Такъ, напримѣръ, меня считаютъ участникомъ заговора, цѣль котораго настолько возмущаетъ меня, что я не могу хладнокровно вспомнить о немъ. Затѣмъ, утверждаютъ, будто бы я велъ переговоры съ герцогомъ Ормондомъ, во время его тайнаго пребыванія въ Лондонѣ, и видѣлся съ его величествомъ въ Брюсселѣ или Бриджѣ (навѣрно не помню) и даже привезъ оттуда какіе-то письменные приказы и инструкціи. Но я говорю по совѣсти, что я ни разу въ моей жизни не встрѣчался съ почтеннымъ маркизомъ и, равнымъ образомъ, не могъ видѣться съ королемъ, потому что въ послѣдніе годы почти не выѣзжалъ изъ Сити и не былъ далѣе сосѣднихъ графствъ. Что же касается офицерскихъ патентовъ, которые хранились у меня, то они были переданы мнѣ сыномъ покойнаго сэра Товія, моего лучшаго друга, и съ того времени лежали у меня безъ всякаго употребленія. Теперь коснусь послѣдняго пункта, который считается главной уликой противъ меня, а именно, что меня нашли въ тавернѣ, среди заговошниковъ. Но даю вамъ честное слово, Елизавета, что я пошелъ туда съ единственною цѣлью предостеречь несчастныхъ обманутыхъ людей, такъ какъ передъ этимъ случайно узналъ о грозившей имъ опасности...

Лэди Клейполь не въ состояніи была выговорить ни одного слова, такъ какъ слезы душили ее.

Гевитъ продолжалъ:

— Разумѣется, нельзя оправдывать тѣхъ, которые безъ моего вѣдома впили мое имя въ ихъ дѣло, зная заранѣе, какой отвѣтственности они подвергаютъ меня. Но теперь, когда все кончено, мнѣ остается только молить Бога, чтобы онъ простилъ тѣхъ, которые были причиной ложныхъ обвиненій, взводимыхъ на меня. Да помилуетъ Господь и тѣхъ судей, которые, на основаніи ложныхъ фактовъ, рѣшаются приговорить меня къ смерти; но я не стану защищать себя передъ подобнымъ судилищемъ!

Лэди Клейполь еще разъ съ мольбой взглянула на него.

— Сдѣлайте это для меня, сказала она чуть слышнымъ шепотомъ.

— Еслибы вы знали, какъ мнѣ тяжело отказать вашей просьбѣ, но я не могу поступить иначе; лучше тысячу разъ умереть, чѣмъ купить себѣ жизнь измѣной и признать власть похитителя престола.

Лэди Клейполь громко вскрикнула и закрыло лицо руками.

— Онъ мой отецъ! прошептала она.

За дверью раздались торопливые шаги. Это былъ комендантъ,

который услышалъ крикъ лэди Клейполь и поспѣшилъ къ ней на помощь.

— Идутъ! сказали Гевитъ. Успокойтесь, соберитесь съ силами Елизавета. Господь да благословить васъ!

Дверь отворилась; комендантъ стоялъ на порогѣ.

— Милэди? сказалъ онъ, вопросительно взглянувъ на нее.

— Сейчас! сказала она спокойнымъ голосомъ, хотя блѣдное лицо ея казалось еще безцвѣтнѣе.—Такъ это ваше послѣднее слово м-ръ Гевитъ?

— Да, милэди.

Черезъ минуту, тяжелая кованная дверь раздѣлила на вѣки лэди Клейполь и Джона Гевита.

Процессъ пятнадцати главныхъ участниковъ заговора настолько поглотилъ общее вниманіе, что весьма немногіе интересовались участіемъ отставнаго полковника Франка Герберта, который былъ преданъ военному суду и приговоренъ къ разстрѣлянью. Но протекторъ замѣнилъ смертный приговоръ пожизненной ссылкой на одинъ изъ острововъ Вестъ-Индіи.

Трудно выразить словами всѣ тѣ мученія, какія испытала въ это время одинокая, беспомощная и всѣми покинутая Оливія. Только разъ допустили ее на свиданіе съ Франкомъ, но и то въ присутствіи тюремнаго смотрителя; всѣ ея хлопоты, чтобы получить доступъ къ Гевиту окончились полнѣйшей неудачей. Наконецъ она рѣшилась на послѣдній шагъ, и отправилась къ своей бывшей подругѣ Елизаветѣ Клейполь. Хотя она знала, что Франкъ никогда не допустилъ бы ее до этого, такъ какъ считалъ бы подобный поступокъ величайшимъ для себя униженіемъ. Но она утѣшала себя тѣмъ, что обратится къ дочери Кромвеля, а не къ нему лично, вдобавокъ она будетъ просить не о помилованіи Франка, а только о дозволеніи видѣться съ нимъ и сопровождать его въ изгнаніе.

Огромное зданіе Уайтголла со всѣмъ его великолѣпіемъ и массой наполнявшихъ его солдатъ привелъ ее въ трепетъ, когда она снова вошла въ него. Но на этотъ разъ ей казалось, что на немъ лежитъ какой-то неотразимо грустный отпечатокъ, уныло раздавалось въ ея ухахъ эхо шаговъ въ длинныхъ корридорахъ, на нее вѣяло могильнымъ холодомъ въ роскошно убранныхъ залахъ, гдѣ все напоминало несчастнаго Стюарта. Наступавшія сумерки еще болѣе усиливали ея мрачное настроеніе. Она вздрагивала при всякомъ неожиданномъ шумѣ.

Сердце ея усиленно билось, когда она дошла до комнатъ лэди Клейполь, ее тотчасъ же впустили, когда она назвала свою фамилію, подруга прежнихъ лѣтъ ласково встрѣтила ее. Но Оливія отступила въ ужасѣ, когда увидѣла лицо лэди Клейполь, оно было блѣдно и безжизненно какъ у восковой фигуры, одни глаза горѣли

лихорадочнымъ блескомъ; вѣки были красны отъ недавнихъ слезъ. Она лежала на кушеткѣ и была слишкомъ слаба, чтобы встать при входѣ Оливіи въ комнату.

Когда она узнала о цѣли посѣщенія своей прежней подруги, то лицо ея покрылось слабымъ румянцемъ:

— Помоги мнѣ встать сказала она, пойдѣмъ къ лорду протектору.

Затѣмъ, опираясь на руку Оливіи, она пошла къ отцу, комнаты котораго были рядомъ съ ея гостиной. Здѣсь не было часовыхъ, потому что протекторъ не могъ допустить мысли, чтобы кто либо или что либо отдѣляло его отъ любимой дочери, тѣмъ болѣе, что видѣлъ и ясно сознавалъ, что она не долго останется у него. Жизнь ея угасала съ каждымъ днемъ. Онъ не могъ быть постоянно при ней, но чувствовалъ сердечную потребность имѣть ее около себя. День за день онъ испытывалъ невыносимыя муки отца, который предвидитъ близкую потерю самаго дорогаго существа и напрасно простираетъ къ нему руки, чтобы удержать его.

Но и самъ Кромвель былъ серьезно боленъ. Это была не одна только физическая немощь, вызванная походомъ въ Шотландію, силы его были истощены чрезмѣрнымъ трудомъ, который тяготѣлъ надъ нимъ. Горе снѣдало его сердце, ничто не потрясло его въ такой степени, какъ послѣдній заговоръ и его послѣдствія. Несмотря на усталость, онъ проводилъ безсонныя ночи. Его крѣпкій организмъ не вынесъ всѣхъ испытаній, какія выпали на его долю, и только желѣзная воля поддерживала его въ присутствіи постороннихъ людей. Но когда онъ оставался одинъ, то чувствовалъ постоянно увеличивающійся упадокъ силъ.

— Цѣль не далека, говорилъ онъ въ этихъ случаяхъ, я хотѣлъ посвятить свою жизнь родинѣ, но дѣло не кончено... Господь призываетъ меня. Онъ не оставитъ своего народа...

Обѣ женщины застали его въ этомъ грустномъ состояніи духа. Онъ сидѣлъ одинъ въ своемъ кабинетѣ за письменнымъ столомъ, рука его лежала на большомъ листѣ бумагѣ, впалые глаза его были печально устремлены на полъ.

Услыхавъ шаги, онъ всталъ съ мѣста, неожиданное появленіе Оливіи настолько взволновало его, что краска выступила на блѣдномъ лицѣ и глаза зажглись-миллетнымъ огнемъ. Онъ быстро подошелъ къ ней и хотѣлъ взять ея руку, но она не дала руки и ушла передъ нимъ на колѣни.

— Ты пришла слишкомъ поздно! сказалъ Кромвель.

Оливія ничего не отвѣтила, она даже не въ состояніи была заплакать, такъ какъ присутствіе этого человѣка производило на нее леденящее впечатлѣніе.

Кромвель былъ оскорбленъ ея молчаніемъ, потому что увидѣлъ изъ этого, какая глубокая пропасть легла между ними. Чего ты хочешь отъ меня? сухо спросилъ онъ.

Леди Клейполь отвѣтила за нее:

— Жена Франка Герберта просить дозволенія сопровождать своего мужа въ изгнаніе.

Кромвель засмѣялся рѣзкимъ непріятнымъ смѣхомъ. Пристальный взглядъ его остановился на Оливіи.

— Если подобная участь кажется ей завидной, то она можетъ ѣхать.

Оливія поднялась съ полу и въ первомъ порывѣ благодарности хотѣла взять руки Кромвеля, но, вслѣдъ затѣмъ, въ испугѣ отступила назадъ, поспѣшно обняла леди Клейполь и скрылась за портьерой.

Кромвель проводилъ ее насмѣшливымъ взглядомъ.

— Неужели вы не понимаете, что для нея величайшее блаженство раздѣлить изгнаніе съ любимымъ человѣкомъ! сказала леди Клейполь, заливаясь слезами. Всѣ муки ада ничто, въ сравненіи съ тѣми страданіями, когда приходится хладнокровно ждать...

Она не кончила своей фразы и въ изнеможеніи опустила на кресло, стоявшее у стола.

Соберись съ духомъ, дитя мое! Горькая чаша скоро минуетъ тебя, какъ она миновала меня! сказалъ Кромвель, указывая на листъ, лежавшій на столѣ.

Леди Клейполь подняла голову, глаза ея широко раскрылись отъ ужаса, когда она увидѣла приговоръ верховнаго суда, осуждавшій на смертную казнь сэра Гарри Слингсби и д-ра богословія Джона Гевита.

Приговоръ былъ подписанъ крупными буквами: Оливеръ П. Но это не былъ обычный смѣлый почеркъ Кромвеля; рука его замѣтно дрожала, когда онъ подписывалъ приговоръ.

Ни одна черта не шевельнулась на лицѣ леди Клейполь, но когда Кромвель подошелъ къ ней, она протянула руку, чтобы отстранить его отъ себя. Это невольное движеніе поразило его въ самое сердце. Въ первую минуту онъ даже не могъ прійти на помощь дочери, которая лежала въ обморокѣ. Глядя на ея блѣдное лицо, осѣненное крыльями смерти, онъ живо представилъ себѣ дуга С. Ивсъ и хорошенькую дѣвочку, которую онъ такъ часто носилъ на своихъ могучихъ рукахъ. Вспомнилъ онъ и короткое время ея дѣвчества, когда достаточно было одного взгляда ея прекрасныхъ глазъ, чтобы разсѣять его отъ возрастающихъ заботъ...

Онъ наклонился къ ней и съ напряженіемъ прислушивался къ ея дыханію. Нѣсколько разъ онъ звалъ ее по имени, но все было напрасно.

Наконецъ, она открыла глаза и съ рыданіемъ бросилась на грудь отцу.

— Ты опять со мной, воскликнулъ онъ, нѣжно прижимая ее

къ своему сердцу; страхъ одиночества покинулъ меня! Надѣюсь, что Господь сжалятся надо мной и наша разлука будетъ непродолжительная...

Проводивъ больную дочь, онъ вернулся въ свой кабинетъ.

— Я долженъ еще окончить нѣкоторыя дѣла, задумчиво проговорилъ онъ. Посмотримъ сколько времени еще осталось у меня: июль, августъ, сентябрь... почти три мѣсяца до роковаго дня... 3-го сентября, была битва при Дунбарѣ, при Ворчестерѣ, это день открытія моего перваго парламента!.. Внутренній голосъ говоритъ мнѣ, что я доживу до этого дня...

Онъ открылъ дверь въ сосѣдную комнату, гдѣ его ждалъ Турлоэ.

— Что новаго, милордъ, спросилъ онъ, обращаясь къ государственному секретарю.

— Оба полка, которые назначены вашимъ высочествомъ во Фландрію, готовы къ отплытію.

— Хорошо, я сдѣлаю имъ сегодня смотръ, завтра они должны двинуться въ путь; по моему расчету Испанія положитъ оружіе черезъ четырнадцать дней, и Дюнкирхенъ останется за нами...

Джонъ Гевитъ и сэръ Гарри Слингсби были казнены 8-го іюня 1658 года. Три недѣли спустя умерла леди Клейполь среди ликовація Англіи по поводу блестящей побѣды, одержанной надъ испанцами и занятія Дюнкирхена. Въ Лондонъ прибыли посольства съ поздравленіями отъ иностранныхъ державъ; благородные соотечественники чествовали протектора великолѣпными празднествами, иллюминаціями, фейерверками. Но Кромвель чувствовалъ вокругъ себя тишину и безмолвіе кладбища. Онъ отказался отъ короны, предложенной ему парламентомъ, такъ какъ не нуждался во внѣшнихъ признакахъ величія при томъ ореолѣ, который окружалъ его голову. Онъ достигъ высоты своего могущества и славы, но потерялъ самое дорогое, что у него было на землѣ.

Оливеръ Кромвель скончался 3-го сентября 1658 года. Однимъ изъ первыхъ распоряженій новаго протектора, Ричарда Кромвеля, было помилованіе бывшаго драгунскаго полковника Франка Герберта. Вѣсть эта настигла изгнанниковъ у береговъ Англіи, гдѣ корабль, который долженъ былъ отвезти ихъ въ Вестъ-Индію, былъ задержанъ противными вѣтрами.

О ПОДПИСКѢ НА 1884 ГОДЪ НА

„ВСЕМІРНУЮ ИЛЛЮСТРАЦІЮ.“

БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

СЪ РАЗНЫМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Съ 1-го января 1884 г. журналъ «Всемирная Иллюстрація» начнетъ XVI годъ (т. е. томы XXXI и XXXII) своего существованія. Извѣстность, прибрѣтенная этимъ журналомъ, избавляетъ насъ отъ труда подробно распространяться о его достоинствахъ. Онъ будетъ выходить такъ-же аккуратно, какъ и въ прошлые годы, еженедѣльно (т. е. 52 нумера въ годъ), въ увеличенномъ форматѣ большаго двойнаго листа самой лучшей бумаги, и каждый нумеръ будетъ заключать въ себѣ 16—24 страницъ, изъ которыхъ половина будетъ наполнена роскошными рисунками изъ прошлой и современной жизни, исполненными лучшими художниками и граверами.

Программа „Всемирной Иллюстраціи“:

I. *Политическій обзоръ.* Современная исторія. Портреты и жизнеописанія современныхъ историческихъ дѣятелей. Славянскій обзоръ. — II. *Внутреннія извѣстія.* Портреты и жизнеописанія русскихъ современныхъ дѣятелей. Судебная лѣтопись. — III. *Изящная словесность.* Повѣсти, рассказы, очерки, стихи, сочиненія въ драматической формѣ, какъ оригинальныя, такъ и переводныя. — IV. *Науки и художества.* Историческіе очерки съ изображеніемъ лицъ и мѣстъ, которыя въ нихъ описываются. Очерки изъ естественныхъ наукъ, съ изображеніемъ предметовъ и явленій природы. Очерки современнаго и историческаго развитія художествъ, съ изображеніемъ зданій, картинъ, статуй и проч., съ портретами и жизнеописаніями художниковъ. Географическіе и этнографическіе очерки съ необходимыми рисунками и чертежами и т. п. — V. *Прикладныя науки и промышленность.* Новыя и старыя открытія и изобрѣтенія, съ изображеніемъ машинъ, мостовъ и пр. — VI. *Критика и библиографія.* Обзоръ замѣчательнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ, литературныхъ и ученыхъ произведеній. Литературная лѣтопись. Обзоръ журналовъ. — VII. *Театральный и музыкальный обзоръ.* Обзоръ художественныхъ выставокъ. Рисунки, изображающіе сцены изъ новыхъ оперъ, драмъ и т. п., русскихъ и иностранныхъ. — VIII. *Смѣсь и новости.* Мелкія литературныя, художественныя и ученые извѣстія; новыя книги. Разныя мелкія происшества и т. п. — IX. *Фельетонъ.* Очерки общественной жизни, нравовъ, увеселеній и пр. — X. *Юмористическій листокъ.* Каррикатуры. — XI. Шахматныя задачи, шарады, ребусы и т. п. — XII. Частныя объявленія.

Главная задача «Всемирной Иллюстраціи» — изображеніе, въ картинахъ и текстѣ, современныхъ событій во всѣхъ сферахъ политической и общественной жизни.

Полный годъ «ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ» представляетъ собою

ДВА РОСКОШНЫХЪ АЛЬБОМА.

каждый до 500 печатн. страницъ, съ 300—400 рисунками, и есть необходимое дополненіе каждой хорошей бібліотеки, а также одно изъ лучшихъ настоящихъ украшеній каждой гостиной.

Цѣна годовому изданію «Всемирной Иллюстраціи» на 1884 г.:

Безъ дост. въ Петербургѣ 13 р. — к. ● Съ дост. въ С.-Петербургѣ. 14 р. 50 к.
Безъ доставки въ Москвѣ 14 > 50 > ● Съ пер. въ Москву и др. гор. 16 > — >

Главная контора Редакціи «Всемирной Иллюстраціи» въ С.-Петербургѣ, Б. Садовая ул., № 16, противъ Гостиннаго Двора.

Отдѣленіе конторы находится въ Москвѣ, на Кузнецкомъ мосту, д. № 15.

1884 Г. „НУВЕЛЛИСТЪ“ 45-Й Г.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО

и

«МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА».

Съ 1-го января 1884 года «Нувеллистъ» вступаетъ въ 45-й годъ своего существованія.

Цѣль изданія «Нувеллиста» — доставить каждому семейству и каждому любителю музыки возможность получать по самой дешевой цѣнѣ значительный выборъ новѣйшихъ, лучшихъ и любимѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ для фортепиано, романсовъ и танцевъ. Чтобы удовлетворить такому назначенію, редакция находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ русскими композиторами и музыкальными издателями въ Европѣ и помѣщаетъ въ журналѣ приобретаемыя отъ нихъ наиболѣе избранныя новости, достойныя вниманія общества и по степени трудности доступныя для большинства публики.

Въ 1884 году „Нувеллистъ“ будетъ выходить, какъ и прежде, перваго числа каждаго мѣсяца тетрадями отъ 30 до 35 страницъ музыки, большого нотнаго формата, что составитъ въ годъ болѣе 400 страницъ избранной музыки.

КАЖДАЯ ТЕТРАДЬ ВУДЕТЪ СОДЕРЖАТЬ ВЪ СЕБѢ:

1) Четыре или пять салонныхъ пьесъ. 2) Одинъ или два танца. 3) Русскій романсъ. Сверхъ того въ теченіи года въ «Нувеллистѣ» будутъ помѣщены двѣ пьесы въ четыре руки и два превосходно исполненные портрета знаменитыхъ музыкальныхъ дѣятелей.

„МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА“

Будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

- 1) Руководящія статьи, посвященныя обзору всего примѣчательнаго въ области музыки и театра какъ въ Россіи, такъ и за границей.
- 2) Музыкально-театральная хроника: отчеты о новыхъ операхъ, концертахъ, театральныхъ пьесахъ и т. д.
- 3) Возможно полный сводъ новостей, касающихся музыки и сценическаго искусства.

«МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА» будетъ выходить въ продолженіи музыкальнаго сезона — въ январѣ, февралѣ, мартѣ, апрѣлѣ, сентябрѣ, октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ.

Кромѣ огромнаго количества музыкальныхъ пьесъ и восьми номеровъ «Музыкально-Театральной Газеты», подписчики получать въ декабрѣ мѣсяцѣ:

ПРЕМІЮ

полную оперу для фортепиано въ двѣ руки или другія музыкальныя сочиненія по ихъ выбору изъ 70-ти номеровъ.

Цѣна годовому изданію „НУВЕЛЛИСТА“:

съ «Музыкально-Театральною Газетою» и премією . . . . . 5 р.
съ доставкою и пересылкою . . . . . 6 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для лицъ, не состоящихъ подписчиками на «Нувеллистъ», годичная подписная цѣна на «Музыкально-Театральную Газету», назначается 1 рубль. Гг. иногородные прилагаютъ на пересылку 30 коп. почтовыми марками.

Въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ «Нувеллиста» при музыкальномъ магазинѣ М. ВЕРНАРДА, Поставщика Двора Е. И. Величества, Невскій проспектъ, № 10. Въ Москвѣ, въ музыкальномъ магазинѣ А. Б. Гутхейля, Поставщика Двора Е. И. Величества, Кузнецкій мостъ, домъ Юнкера. Въ Казани, въ музыкальномъ магазинѣ «Восточная Лира». Въ Харьковѣ, въ музыкальномъ магазинѣ Гергарда. Въ Одессѣ, у А. Цанотти. Въ Кіевѣ, у Корейво. Въ Тифлиств, у Ланко.

О ПОДПИСКѢ НА 1884 ГОДЪ

НА

НОВЫЙ РУССКІЙ БАЗАРЪ,

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

XVIII годъ.

XVIII годъ.

„Новый Русскій Базаръ“ въ 1884 г. будетъ выходить и разсылаться по прежнему четыре раза въ мѣсяцъ, т. е. въ количествѣ 48 номеровъ (24 модныхъ и 24 литературныхъ), каждый отъ 1-го до 2-хъ листовъ самаго большаго формата (in folio), въ трехъ изданіяхъ, различающихся единственно по числу парижскихъ модн. раскрашенныхъ картинокъ. Каждый подписчикъ 1-го изданія получаетъ ежемѣсячно одну раскр. картинку—1 числа; II-го изд. двѣ въ мѣсяцъ: 1 и 15 чиселъ; и III-го изд. — четыре, т. е. одну раскрашенную картинку съ каждымъ №.

Давая массу рисунковъ и описаній, какъ домашнихъ нарядовъ, такъ и костюмовъ для баловъ, визитовъ, вечеровъ, гулянья, маскарадовъ и проч., всякаго бѣлья и всевозможныхъ принадлежностей дамскаго и дѣтскаго туалета „НОВЫЙ РУССКІЙ БАЗАРЪ“ помѣщаетъ *своевременно* все, что выходитъ новаго и замѣчательнаго въ области моды.

Чтобы дать читательницамъ возможность постоянно знакомиться со всѣми новѣйшими явленіями модъ—„НОВЫЙ РУССКІЙ БАЗАРЪ“ помѣщаетъ и въ литературныхъ номерахъ модную хроникку съ прибавленіями рисунковъ новѣйшихъ модъ, такъ что подписчики получаютъ не 24, а 48 разъ въ годъ самыя новыя парижскія моды.

24 модныхъ номера въ годъ: около 3,000 рисунковъ парижскихъ модъ, дамскихъ туалетовъ, нарядовъ, разнаго бѣлья, обуви, уборовъ, шляпъ, причесокъ, дамскихъ костюмовъ и проч., и всевозможныхъ дамскихъ рукодѣлій и работъ, до 800 выкроекъ въ натуральную величину на 24 большихъ листахъ; изицно раскрашенныя парижскія модныя картинки; 24 вырѣзныя выкройки въ натуральную величину.

24 литературныхъ номера въ годъ съ роскошными иллюстраціями, составляющіе какъ-бы отдѣльный иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія, съ разнообразнымъ текстомъ (лучшіе романы, рассказы, повѣсти, стихотворенія, ноты, смѣсь (новости по женскому дѣлу), анекдоты, мысли, шарады и проч.).

Гг. подписчики получаютъ также нѣсколько **бесплатныхъ приложений**: раскрашенные узоры и пр.

О **бесплатной преміи** къ „Новому Русскому Базару“ на 1884 годъ будетъ объявлено въ самомъ журналѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

	безъ дост.	съ дост.	съ пер.
I-му изданію, съ 12 раскраш. парижск. модн. картинками	6 р.	7 р.	50 к. 8 р.
II-му > > 24 > > >	7 >	8 >	50 > 9 >
III-му > > 48 > > >	9 >	10 >	50 > 11 >

Подписка принимается въ конторѣ издателя **ГЕРМАНА ГОППЕ**: въ С.-Петербургѣ—на Большой Садовой ул., д. Коровина, № 16. Въ Москвѣ—на Кузнецкомъ мосту, д. 16.

О ПОДПИСКѢ НА 1884 ГОДЪ НА
МОДНЫЙ СВѢТЪ

и
МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДАМЪ

(Самый полный и дешевый модный и семейный иллюстрированный журналъ въ Россіи).
Съ 1-го января 1884 года «Модный Свѣтъ» начнетъ XVII годъ своего существованія и будетъ издаваться съ прежнею со стороны издателя заботливостію о наружныхъ и внутреннихъ его достоинствахъ.

Журналъ «МОДНЫЙ СВѢТЪ и МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ» въ 1884 году будетъ выходить также въ трехъ изданіяхъ.

въ количествѣ 48 номеровъ въ годъ, съ 24-мя экстренными приложеніями новѣйшихъ парижскихъ модъ

и будетъ заключать въ себѣ втеченіе года:

Болѣе 3,000 рисунковъ модныхъ платьевъ, костюмовъ, пардессю, пальто, рукавѣй и проч., въ текстѣ.

Рисунки и выкройки бѣлья мужскаго, дамскаго и дѣтскаго.

Рисунки канвовыхъ, тамбурныхъ и др. работъ. Рисунки въ русск. вкусѣ. Болѣе 300 выкроекъ на 12 большихъ листахъ.

24 вырѣзныхъ выкройки въ натуральную величину.

24 (или 12 для 1 изданія) модныхъ раскрашен. парижскихъ картинки для II изданія, исполненныя лучшими иностран. художниками.

36 раскрашенныхъ модныхъ парижскихъ картинокъ, исполненныхъ лучшими иностранными художниками, и специально для дѣтей особое приложеніе съ рисунками, выкройками, чтеніемъ для дѣтей и проч., подъ названіемъ «Дѣтскій отдѣлъ», для III изданія.

Новѣйшія музыкальныя пьесы (ноты) любимыхъ композиторовъ.

Коллекцію рисунковъ: изъ семейной жизни, модъ стараго времени, характерныхъ костюмовъ для маскарадовъ, портреты, типы и проч.

Новѣйшіе и лучшие повѣсти, романы, фельетоны, стихотворенія, анекдоты, хозяйственный отдѣлъ и разныя мелкія статьи.

«Хорошій тонъ» или совѣты и указанія на всѣ случаи общ. жизни женщины. Разныя отдѣльныя бесплатныя приложенія и «Почтовый ящикъ» съ самыми разнообразными полезными совѣтами.

Подписчикамъ «Моднаго Свѣта и Моднаго Магазина» на 1884 годъ Редакція дастъ слѣдующія бесплатныя преміи:

- 1) Руководство кройки. Выпускъ первый, со многими рисунками.
- 2) Дамскій календарь на 1885 г. со многими практич. и полезными совѣтами, памятнымъ листкомъ и проч. и проч.
- 3) Для подписчиковъ на III-е изданіе—12 номеровъ «Дѣтскаго отдѣла», со многими рисунками, вырѣзными выкройками, интереснымъ чтеніемъ для дѣтей, задачами, загадками, шарадами и проч. и проч.

Цѣна годовому изданію „Моднаго Свѣта и Моднаго Магазина“ на 1884 г.

I изданію, съ 12 раскрашен. парижск. картинками и со всѣми приложеніями: въ С.-Петербургѣ безъ доставки—5 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—6 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города Россійск. имперіи 7 р.

II изданію, съ 24 раскрашен. парижск. картинками и со всѣми приложеніями: въ С.-Петербургѣ безъ достав.—6 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ 7 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города Россійск. имперіи 8 руб.

III изданію, съ 36 раскрашен. парижск. картинками, 12 №№ «Дѣтскаго отдѣла» и со всѣми приложеніями: въ С.-Петербургѣ безъ дост.—8 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—9 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города Россійск. имперіи 10 р.

Редакція «Моднаго Свѣта» въ С.-Пб., Больш. Садовая ул., д. № 16, противъ Гостиннаго Двора.

«Модный Свѣтъ и Модный Магазинъ» выходитъ и разносается четыре раза въ мѣсяцъ

«Модный Свѣтъ и Модный Магазинъ» выходитъ и разносается четыре раза въ мѣсяцъ

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1883 года.

А.

Абдель-Кадеръ (Эль-Хаджи Абдель-Кадеръ-Улидъ-Магиддинъ), маскарскій эмиръ. Некрологъ его, т. XIII, 234, 235. Упомин. т. XIV, 604.

Абдулъ-Джанъ, наслѣдный принцъ авганскій, т. XI, 633, 634.

Абдулъ-Кодеръ-ханъ, авганскій казій, т. XI, 641.

Абдурахманъ-Ханъ, претендентъ на авганскій престолъ, т. XIV, 548.

Абель, англійскій докторъ. Библиографическая замѣтка о соч. его: «Slavic and latin», т. XIII, 474.

Абрамовъ, Я., писатель, псевдонимъ его (Федосъевецъ), т. XIII, 240.

Авеланъ, капитанъ-лейтенантъ, участвовавшій въ русской экспедициі въ Америку въ 1878 году, т. XI, 605.

Авель, крестьянинъ д. Акуловой, алексинскаго у., тульской губ., монахъ-предсказатель, т. XIII, 367—371.

Авраамъ (Шумилинъ), епископъ тульскій, вполнѣд. архіепископъ ярославскій, т. XIV, 558, 559.

Авѣенко, В. Г., писатель, т. XIV, 466.

Агѣевскій, писатель, псевдонимъ его (Шпора), т. XIV, 468.

Адамъ, авторъ «Руководства исторической литературы». Замѣтка о выходѣ этого изданія, т. XII, 232.

Адлербергъ, гр. Владим. Фѣдоров., генераль-адъютантъ, министр ъ импе-

раторскаго двора, т. XI, 716; т. XII, 634.

Адне, трагикъ французскаго театра въ Москвѣ, т. XIII, 651, 655.

Айвазовскій, Ив. Констант., русскій художникъ-маринистъ, т. XII, 707.

Акрэмъ-Ханъ, авганскій бекъ, т. XI, 627, 628.

Аксаковы:

— Константинъ Сергѣевъ, магистръ словесности, писатель, т. XI, 258.

— Сергѣй Тимоф., цензоръ, писатель, т. XIII, 151, 152, 157, 158, 160.

Аладьинъ, Егоръ Вас., русскій писатель и издатель, т. XIV, 529.

д'Аламберъ, Жанъ-ле Ронъ, французскій математикъ, сотрудникъ Дени Дидеро, т. XI, 658—661; т. XII, 327, 610.

Александра Павловна, великая княгиня, супруга эрцгерцога австрійскаго Юсифа, палатина венгерскаго, т. XII, 563.

Александрина, принцесса, вдова Луціана Бонапарте, т. XII, 456.

Александровичи:

— Дмитрій, малороссійскій писатель (Митро Омельковичъ), т. XIII, 72.

— Елена Фаддеев., рожд. Булгарина, т. XIII, 297.

— М. Н., малороссійскій писатель, т. XIII, 72.

Александровы:

— Викторъ, псевдонимъ писателя В. А. Крылова, т. XIII, 237.

— Вл., малороссийский писатель, т. XIII, 73.

Александръ:

— (Добрынинъ), ковельский епископъ, в послѣд. архіепископъ виленскій, т. XIV, 343, 346.

— Князь болгарскій (принцъ Баттенбергскій), т. XII, 479.

Александръ I Павловичъ, императоръ. Статьи: Александръ I и русская партія въ Польшѣ, т. XIV, 5—47. Путешествіе по Финляндіи въ 1819 году, т. XIV, 154—171. Упомин. т. XI, 240, 281—286, 670, 673; т. XII, 286, 376, 402, 424—438, 548, 553, 684; т. XIII, 230, 368, 369, 461, 480, 487, 648, 712, 713; т. XIV, 202, 460, 572, 573, 639.

Александръ II Николаевичъ, императоръ. Разсказъ о немъ. Т. XII, 643, 644. Залъ его имени въ самарской думѣ, т. XII, 706, 707. Вліяніе «Записокъ охотника» — Тургенева на законъ 19 февраля 1861 года, т. XIV, 457. Упомин. т. XI, 366, 382, 604, 607; т. XII, 62—64, 66—69, 71, 72, 79, 80, 137, 143, 286—290, 469; т. XIII, 212—214; т. XIV, 305, 481, 713, 714; т. XIV, 439, 506, 507.

Алексѣевы:

— Капитанъ-лейтенантъ, участвовавшій въ русской экспедиціи въ Америку въ 1878 году, т. XI, 605.

— Ларіонъ Спиридоновъ, статскій совѣтникъ, правитель кавказскаго намѣстничества, т. XII, 356.

— Марья Спиридоновъ, камеръ-юнкера Екатерины II, т. XIII, 556.

Алексѣй Антоновичъ, принцъ Брауншвейгскій, т. XI, 159.

Алексѣй Михайловичъ, царь московскій, т. XII, 274, 335; т. XIV, 26, 198, 200.

Алексѣй Петровичъ, цесаревичъ, т. XI, 9, 18; т. XIV, 231.

Алферьевъ, Владим. Ив., ротный командиръ, пострадавшій во время бунта новгородскихъ военныхъ поселенъ, т. XIII, 341.

Альбрехтъ:

— Бранденбургскій, первый герцогъ прусскій и послѣдній великій магистръ тевтонскаго ордена, т. XII, 196—201.

— Казначей петербургскаго театра, т. XIII, 141.

Альбрехтъ II Фридрихъ, герцогъ прусскій, т. XII, 201—204.

Альдобрандини, Инполитъ. См. Климентъ VIII.

Альфонсъ II, герцогъ феррарскій,

т. XIII, 424—426, 432, 434, 686, 690, 691, 698, 704.

Амбергъ, генераль. Библиографическая замѣтка о соч. его: Маршалъ де-Вобанъ, т. XII, 231.

Амвросій:

— (Моревъ), епископъ волынской, в послѣд. пензенскій, т. XIV, 642.

— (Юшкевичъ), архіепископъ новгородскій, т. XII, 282, 336.

Амфитеатровъ, кievскій митрополитъ. См. Филаретъ.

Анатолій, архимандритъ павло-георгиевскаго афонскаго монастыря, в послѣд. епископъ милитійскій. Докладная записка о немъ гр. А. П. Вестужева-Рюмина Екатерины II, т. XIII, 226.

Андре, актриса французскаго театра въ Москвѣ, т. XIII, 650, 655.

Андрее, Іоаннъ-Валентинъ, діаконъ, ученый. Соціализмъ въ его ученіи, т. XI, 177.

Андреевы:

— Иванъ, священникъ с. Тарадей, шацкой провинціи, т. XIII, 133.

— Оренбургскій протоіерей, т. XIII, 584.

Андріе, Фились, актриса французскаго театра въ Москвѣ, т. XIII, 650.

Аничковъ, шацкій карантинный смотритель, т. XIII, 116.

Анна Ивановна, (супруга Фридриха-Вильгельма, герцога Курляндскаго), русская императрица, т. XI, 9—17, 204; т. XII, 279—282, 332; т. XIV, 435.

Анна Леопольдовна (Елизавета-Екатерина-Христина, принцесса Брауншвейгъ-Люнебургская), правительница, т. XI, 12, 156—161; т. XII, 332.

Анна Петровна, царевна, герцогиня Голштинская, т. XI, 18.

Анненковы:

— Н., офицеръ, авторъ стихотворенія «Война въ Персіи», т. XII, 368.

— Никол. Никол., генераль-адъютантъ, генераль отъ инфантеріи, кievскій генераль-губернаторъ, т. XI, 340, 341; т. XIII, 354; т. XIV, 109—134.

— Пав. Вас., писатель, издатель сочиненій Пушкина, т. XII, 382; т. XIV, 472.

Апри, Шарль, бібліотекаръ парижскаго университета. Замѣтки: объ изданной имъ перешскѣ Коюдорсе и Тюрго, т. XII, 698; о предполагаемомъ изданіи писемъ и сочиненій Даламбера, т. XII, 701.

Антонелли, живописецъ, ремонтни-

ровавший петропавловский соборъ въ Петербургѣ, т. XIII, 483.

Антоній:

— Владимірскій старообрядческій архіепископъ, т. XIV, 318.

— (Григорій Рафальскій), митрополитъ петербургскій и новгородскій, т. XIV, 642.

— (Стаховскій), архіепископъ черниговскій и новгородсѣверскій, впоследствии митрополитъ сибирскій, т. XII, 92, 98.

— (Шокотовъ), кишиневскій архіепископъ. Оказавшійся послѣ его смерти бумаги, т. XI, 227—231.

Антоній Печерскій, преподобный, основатель кіево-печерской лавры. 1000-лѣтній юбилей его, т. XIV, 225.

Антоновичъ, Владим. Бонифантьев., докторъ русской исторіи, профессоръ кіевского университета. Библиографическая замѣтка о соч. его: Историческіе дѣятели юго-западной Россіи въ біографіяхъ и портретахъ, т. XII, 693, 694.

Антонъ-Ульрихъ, принцъ Брауншвейгъ-Люнебургскій, супругъ русской правительницы Анны Леопольдовны, генераллссимусъ, т. XI, 12, 159.

д'Антрөгъ, испанская грандеса. См. маркиза Гуадалказаръ.

Антроповъ, Л. Н., писатель, т. XIII, 237.

Анучинъ, Иванъ, псевдонимъ писателя К. М. Станюковича, т. XIII, 238.

Анчицъ, Владиславъ, славянскій народный писатель. Некрологъ его, т. XIII, 731, 732.

Апшельгрень, пасторъ въ Каянѣ, въ домѣ котораго останавливался Александръ I, т. XIV, 161, 164.

Апухтинъ, Никол. Захарьев., поміщикъ, т. XI, 31, 32.

Аракчеевъ, гр. Алексій Андреев., генераль-отъ-кавалеріи, военный министр, т. XIII, 210; т. XIV, 33.

Араповъ, генераль-лейтенантъ, пензенскій губернскій предводитель дворянства. Заявленіе его по поводу закрытія пензенскаго дворянскаго института, т. XI, 540—548.

Арашевъ, Артемій, псевдонимъ писателя В. П. Бунашева, т. XIII, 736.

Арендтъ, Богданъ, артиллеріи поручикъ, т. XIV, 482, 490.

Аристовы:

— Никол. Яков., статскій совѣтникъ, профессоръ и инспекторъ пѣ-

жинскаго историко-филологическаго института. Ст. его: Историческое значеніе сочиненій Гоголя, т. XIII, 489—527.

— Пугачевскій асаулъ, т. XIII, 350.

Аркадій:

— Инокъ никольскаго бабаевскаго монастыря, костромской губ., т. XIII, 367.

— Старообрядческій епископъ, т. XIV, 295.

Армстронгъ, В. Библиографическая замѣтка о его переводѣ Исторіи искусства въ древнемъ Египтѣ—Перро и Шилье, т. XII, 230.

Армфельдъ, гр. Густавъ-Морицъ, шведскій посланникъ въ Неаполѣ, впоследствии русскій сенаторъ, т. XII, 430, 433, 437.

Арсеній:

— (Мацѣвичъ), ростовскій архіепископъ (впоследствии мрянинъ Александръ), т. XIII, 623, 624, 637.

— (Москвинъ II), кіевскій митрополитъ, т. XIV, 121, 125, 131, 132, 261.

Арсеньевъ, А. В. Ст. его: Выгорѣцкіе совратители, изъ исторіи поморскихъ раскольниковъ, т. XIII, 601—645.

Артемовъ, дворовый человекъ гр. Воейковыхъ; участіе его въ распространѣніи слуховъ объ отношеніяхъ Анны Ивановны къ гр. Левенвольду, т. XI, 11—17.

Аскоченскій, Викторъ Ипатьев., коллеж. совѣтникъ, профессоръ кіевской духовной академіи, писатель и журналистъ, т. XIV, 466.

Астамуковъ, Иванъ, садовникъ, посланный въ Сибирь по дѣлу А. Л. Нарышкина, т. XI, 24.

Астафьевъ, Николай Александров., дѣйстви. статскій совѣтникъ, магистръ исторіи, ординарный профессоръ историко-филологическаго института въ Петербургѣ. Библиографическая замѣтка о сочин. его: Древности вавилоно-ассирійскія по новѣйшимъ открытіямъ, т. XI, 710, 711. Упомиг. т. XII, 647.

Атава, Сергій, псевдонимъ писателя С. Н. Терпигорева, т. XIII, 239.

Афанасій, старообрядческій епископъ, т. XIV, 317, 318.

Афанасьевъ, Акимъ, крестьянинъ с. Жукова, саскаго у., участникъ пугачевской шайки, т. XIII, 129.

Ахметъ, турецкій султанъ, т. XII, 251.

В.

Вагвувъ, Александръ Ѳеодор., генераль-отъ-кавалеріи. Некрологъ его, т. XII, 708, 709.

Вагратионы, князья:

— Начальникъ мѣховскаго военнаго отдѣла, т. XI, 96.

— Петръ Ив., генераль, герой бординской битвы, т. XII, 431, 437.

Ваденгаузенъ, капитанъ германскаго парохода «Шимбрія», бывшаго въ русской экспедиціи въ Америку въ 1878 году, т. XI, 609, 610, 617.

Важановы:

— Александра Ѳеодор., супруга протопресвитера В. В. Божанова, т. XIV, 560.

— Борисъ Сем., діаконъ с. Миротина, алексинскаго у., тульск. губ., отецъ протопресвитера, т. XIV, 558.

— Василій Борисов., докторъ богословія, протопресвитеръ, главный священникъ гвардейскихъ корпусовъ, членъ св. синода. Автобіографія его, т. XIV, 556—564.

— Марья Дмитріев., мать протопресвитера, т. XIV, 558.

— Ѳеодоръ Вас., отставной генераль-майоръ. Сообщ. автобіографію протопресвитера В. В. Божанова, т. XIV, 556—564.

Важина, С. И., писательница, псевдонимъ ея (Г—ва К.), т. XIII, 237.

Важулова, Авдотья; разсказъ о чародѣйствѣ ея, т. XI, 485, 488, 490, 491.

Вайдаровъ, Вадимъ, псевдонимъ писателя В. П. Бурнашева, т. XIII, 736.

Вайковъ, Илья Ив., лейбъ-кучеръ Александра I, т. XIV, 169.

Вай-мухаметь, султанъ Средней хивинской орды, вполѣд. генераль-майоръ русской службы, т. XIII, 590.

Вайрождаръ-паша, турецкій великій визирь, т. XII, 676, 678.

Вакунины:

— Мих. Александр., русскій агитаторъ, т. XII, 122, 143, 244.

— П., президентъ россійской академіи наукъ, т. XIV, 639.

— Павла Михайловна, родственница писателя кн. А. А. Шаховскаго, т. XIII, 138, 163.

Валадинъ, А. И., писатель, т. XIII, 237.

Валашовы:

— Александръ Дмитр., генераль, министръ полиціи. Свиданіе его съ Наполеономъ I, т. XII, 424—438.

— Захарь Ѳеодор., слуга И. С. Тургенева, т. XIV, 396.

Банкрофтъ, Губертъ. Библиографическая замѣтка о соч. его: Исторія сѣверо-американскихъ государствъ Тихаго океана. Т. XI, 714; т. XII, 231.

Банулеско-Водани, Григорій, митрополитъ. См. Гавриилъ.

Барбаро, Джузеппе. Библиографическая замѣтка о соч. его: Саванарола и его время, т. XII, 670, 671.

Барвинокъ, Анна, псевдонимъ писательницы А. М. Кулишъ. См. Кулишъ.

Варкер, филадельфійскій банкиръ, содѣйствовавшій приобрѣтенію крейсеровъ въ 1878 году, т. XI, 610—613.

Барклай-де-Толли, кн. Мих. Богданов., русскій генераль-фельдмаршалъ и военный министръ, т. XII, 430, 684, 685.

Барсуковъ, А. П. Библиографическая замѣтка объ изданіи его: Родъ Шереметевыхъ, т. XIV, 198—201.

Бартоновъ, Петръ Ив., редакторъ журнала «Русскій Архивъ», т. XII, 382; т. XIII, 239; т. XIV, 387.

Барцевскій, Ст. Ст., ротный командиръ, пострадавшій во время бунта новгородскихъ военныхъ поселенъ, т. XIII, 341.

Барыкова, А., писательница, т. XIV, 466.

Барятинскіе:

— Кн. Александръ Ив., генераль-фельдмаршалъ, намѣстникъ кавкаскій, т. XII, 80; т. XIII, 507.

— Екатер. Ѳеодор. См. Долгорукая.

Баталинъ, Н. Ѳ., писатель, псевдонимъ его (Оса), т. XIII, 239.

Батюшковы:

— Констант. Никол.; поэтъ. Стихотворное посланіе его къ А. И. Тургеневу. Т. XII, 236—238. Новое изданіе его сочиненій, т. XII, 241. Упомин. т. XIII, 152, 153.

— Помпей Никол., братъ предъидущаго. Объ изданіи имъ сочиненій поэта, т. XII, 241.

Баумгартенъ, Александръ Карлов., генераль-адъютантъ, генераль-отъ-кавалеріи, предсѣдатель общества Краснаго Креста. Некрологъ его, т. XII, 709.

Бауръ, Ѳеодоръ Вас., русскій инженеръ-генераль, управлявшій артилл. кадет. корпусомъ, т. XIII, 209.

Вауэнъ, авторъ «Описательнаго каталога историческихъ романовъ и повѣстей». Замѣтка о выходѣ этого изданія, т. XII, 232.

Вачманова, Екатер. Петр. См. Третьяковская.

Вашукій, А. П., т. XII, 403, т. XIV, 466.

де-ла-Ведольеръ, Эмиль, французскій писатель и историкъ. Некрологъ его, т. XII, 709, 710.

Вееръ, Адольфъ. Библиографическая замѣтка о соч. его: «Die Orientalische Politik Oesterreichs seit 1774», т. XIV, 528, 529.

Везбородко:

— Дворянскій домъ, т. XII, 333, 334, 348.

— Александръ Андреев., свѣтлѣйшій князь, дѣйствит. тайный совѣтникъ, государственный канцлеръ. Статья о немъ, т. XII, 326—352, 532—565.

— Андрей, малороссійскій генеральный писарь, а потомъ генеральный судья, т. XII, 337, 338.

— Евдокія Мих., рожд. Забѣлло, т. XII, 338.

— Гр. Илья Андреев., бригадиръ, впоследств. дѣйствит. тайный совѣтникъ, сенаторъ, основатель нѣжинскаго лицея его имени, т. XII, 347.

Бекетовъ, Владим. Никол., цензоръ, т. XIII, 316, 319.

Безъ, Августъ, нѣмецкій филологъ, профессоръ берлинскаго университета, т. XI, 390.

Belger. Замѣтка о статьѣ его: Preussische Jahrbücher. Т. XII, 699.

Бемъ, генераль польскихъ войскъ, повстанецъ, т. XI, 70, 72.

Бендерскій, топографъ, участвовав. въ посольствѣ въ Авангистанъ, т. XI, 622, 630, 640.

Бенедиктовъ, Владим. Григ., поэтъ, т. XIII, 316.

Венецкій, батареинный командиръ на Шинкѣ, т. XI, 361—364, 369.

Венкендорфъ, гр. Александръ Христофоров., генераль-адъютантъ, шефъ корпуса жандармовъ, т. XII, 368, 378, 379.

Венин, Артуръ, сынъ лютеранскаго пастора изъ Томашова-Равскаго, т. XIV, 509.

Венигсенъ, гр. Леонтій Леонтиев., генераль-отъ-кавалеріи, главнокомандующій русскою арміею, т. XII, 430, 437.

Вентковскіе:

— Владиславъ, помѣщикъ, польскій повстанецъ, т. XI, 93.

— Майоръ мѣховскаго военнаго отдѣла, т. XI, 96.

Венуа, французскій филологъ. Замѣтка о соч. его: «О предполагаемыхъ интерполяціяхъ въ текстѣ Гомера», т. XII, 233.

Вергъ, Никол. Вас. Ст. его: Генераль Антоній Езеранскій. Т. XI, 67—97. Возстаніе поляковъ на кругобайкальской дорогѣ. Т. XI, 558—574. Воспоминанія его объ И. С. Тургеневѣ, т. XIV, 366—377.

Верексъ, адъютантъ бригаднаго командира новгородскихъ поселеній, т. XIII, 335.

Верже, профессоръ парижскаго Faculté des lettres, т. XI, 582.

Верклей, философъ. Соціализмъ въ его романѣ, т. XI, 181.

Верманъ, Морицъ. Библиографическая замѣтка о соч. его: Oesterreich-Ungarn in neunzehnten Jahrhundert, т. XIV, 528.

Вернадотъ, Жанъ-Батистъ-Жюль, князь Понтекорво. См. Карлъ, т. XIV.

Вергаль, Алексій, псевдонимъ писателя И. А. Пескова, т. XIV, 466.

Вертевъ, собственникъ газеты Journal de Débats, т. XIV, 599.

Вестужевы:

— Александръ Александр. (Марлинскій), штабсъ-капитанъ, писатель, декабристъ, т. XII, 401; т. XIII, 583.

— Мих. Александр., штабсъ-капитанъ лейбъ-гв. московскаго полка, декабристъ, т. XII, 404.

— Никол. Александр., капитанъ-лейтенантъ, декабристъ, т. XII, 404.

— Прасковья Мих., рожд. Языкова, т. XIV, 528, 540.

Вестужевы-Рюминъ:

— Гр. Алексій Петр., государственный канцлеръ, генераль-фельдмаршалъ. Докладная записка его императрицѣ Екатеринѣ II о племянникѣ архіепископа Симона Тодорскаго, т. XIII, 226.

— Константинъ Никол., дѣйствит. статскій совѣтникъ, докторъ русской исторіи, профессоръ петербургскаго университета, т. XII, 708; т. XIII, 215.

Ведкій, Ив. Ив., дѣйствит. тайный совѣтникъ, президентъ академіи художествъ, т. XII, 126.

Везъ, Владим. Алексѣев., докторъ медицины, профессоръ кievскаго университета. Библиографическая замѣтка о соч. его: Историческіе дѣятели юго-западной Россіи въ біографіяхъ и портретахъ, т. XII, 693, 694.

Виберштейнъ, графъ, псевдонимъ малороссійскаго писателя Ф. Левицкаго, т. XIII, 74.

Вибиновы:

— Александръ Ильичъ, генераль-аншефъ, т. XIII, 347.

— Дмитрій Гаврил., генераль-адъютантъ, кievскій генераль-губернаторъ, вполнѣд. министръ внутреннихъ дѣлъ, т. XIV, 239, 242, 243, 253.

Видерманъ, Карл. Библиографическая замѣтка о соч. его: Германія въ XVIII вѣкѣ, т. XI, 465.

Вимовъ, Валентинъ, докторъ, т. XIII, 374.

Вире, Эдмондъ. Библиографическая замѣтка о сочиненіи его о Викторѣ Гюго, т. XIII, 473.

фонъ-Виронъ:

— Анна-Шарлотта-Доротея, рожд. фонъ-Медемъ, герцогиня курляндская. Статья объ ней, т. XIV, 565—575.

— Доротея, герцогиня курляндская и саганская. См. гр. де-Талейранъ, кн. Перигоръ, герц. Дино.

— Екатерина, герцогиня курляндская и саганская. См. гр. Шуленбургъ.

— Юганна. См. Пиньятелли-де-Вельмонте.

— Юганъ-Эрнстъ, герцогъ курляндскій, регентъ и правитель Россіи, т. XIV, 565, 567.

— Паулина. См. Гогенцоллернъ-Гехингенъ.

— Петръ, послѣдній герцогъ курляндскій, т. XIV, 567—574.

— Первая супруга предъидущаго, рожденная принцесса Вальдекъ, т. XIV, 567, 569.

— Евдокія Борис., вторая супруга предъидущаго, рожд. княж. Юсупова, т. XIV, 567, 569.

Висмаркъ-Шенгаузенъ, кн. Отто, прусскій государственный чиновникъ, т. XI, 193, 194; т. XII, 659—661; т. XIV, 205, 206.

Витнеръ, полковникъ, баталіонный командиръ въ оренбург. краѣ, т. XIII, 585.

Вилокопитой, малороссійскій писатель (псевдонимъ), т. XIII, 73.

Влазь, Люи-Жанъ-Жозефъ, французскій публицистъ и историкъ. Некрологъ его, т. XI, 235—237.

Вларамбергъ, полковникъ генеральнаго штаба, участникъ хивинской экспедиціи 1839 г., т. XIII, 590.

Влотъеръ, французскій писатель; отзывъ его о Пушкинѣ, т. XIV, 523.

Влудовъ, гр. Дмитр. Никол., дѣйствит. тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь, министръ внутреннихъ дѣлъ, а потомъ юстиціи, вполнѣд. главноуправляющій II отдѣленіемъ собств. е. и. в. канцеляріи и предсѣдатель государств. совѣта, т. XII, 69, 70.

В-мъ, статскій совѣтникъ, кievскій «почтовый люстраторъ», т. XIV, 239.

Вобрищевъ-Пушкинъ, Пав. Серг., поручикъ генеральнаго штаба, декабристъ, т. XI, 458.

Вобровъ, актеръ, т. XIII, 648.

Вогдановичи:

— Евгений Васильев., генераль-майоръ, церковный староста исаакievскаго собора, т. XIII, 481.

— Офицеръ, участникъ усмиренія пугачевского бунта, вполнѣд. капитанъ ополченія 1812 г., т. XIII, 133, 146.

Вогомоловъ, шацкій карантинный смотритель, т. XIII, 116.

Вогучаровъ, И., псевдонимъ Н. И. Костомарова, т. XIII, 237; т. XIV, 648.

Вогушъ, Францишекъ-Ксаверій, прелатъ виленской кафедръ, польскій писатель, т. XII, 606.

Воденштедтъ, Фридрихъ-Мартинъ, нѣмецкій писатель и поэтъ, учитель тифлисскаго педагогическаго института, т. XIII, 596.

Водяноскій, Осипъ Максим., профессоръ московскаго университета, т. XI, 256.

Войчухъ, малороссійскій писатель, т. XIII, 73.

Воккаровичъ, Мих. Никит., дѣйствит. статскій совѣтникъ, адъюнктъ московскаго университета, т. XII, 376.

Вокчай, князь трансильванскій, т. XII, 251, 252.

Волдыревъ, инсарскій воевода, т. XIII, 125.

Волеславъ Великій, король польскій и прусскій, т. XII, 193, 250.

Волеславъ III Еривоустый, король польскій и прусскій, т. XII, 193.

Воливаръ, Симонъ, основатель республики: Колумбія и Воливаръ. Столѣтній юбилей его, т. XIII, 729, 730.

Волховитиновъ, Евѳимій, кievскій митрополитъ. См. Евгений.

Вонапарты, французская династія. См. Александрина, Жеромъ-Наполеонъ, Теронимъ, Луціанъ, Наполеонъ I и Наполеонъ III.

Вонапарты. Замятка о статьѣ его объ останкахъ кардинала Ришелье, т. XII, 697.

Вордъе, бібліотекаръ національной бібліотеки въ Парижѣ, т. XI, 594—596.

Ворели. Библиографическая замѣтка о соч. его: Исторія города Гавра, т. XII, 231.

Борисовъ, другъ И. С. Тургенева, т. XIV, 389, 390.

Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, царь московскій, т. XII, 268, 335; т. XIII, 167.

Борнмюллеръ, Фр. Библиографическая замѣтка о его Биографическомъ лексиконѣ писателей настоящаго времени, т. XII, 214—216.

фонъ-Борнъ, подполковникъ, улеоборгскій гражданскій губернаторъ, т. XIV, 155.

Боровикъ, вологодскій епископъ. См. Онисиѳоръ.

Боровокъ, Семень, бунтовщикъ новгородскихъ военныхъ поселеній, т. XIII, 337.

Босвель, Джемсъ, лордъ, комендантъ крѣпости Дунбаръ, т. XI, 685, 688—693.

Боссе, французскій генераль, префектъ двора Наполеона I, т. XIII, 650, 654, 655.

Боткинъ, М. П. Библиографическая замѣтка о изданіи его: Двадцать пять лѣтъ русскаго искусства, т. XI, 462, 463.

Буомаъ, православный священникъ рижской епархіи, т. XIV, 258.

Брайтъ, Джонъ, англійскій государственный челоѣкъ. Сорокалѣтній юбилей его, т. XIII, 728, 729.

Брандесъ, Георгъ, писатель; отзывъ его о Тургеневѣ, т. XIV, 449, 450.

Брандтъ, штабсъ-капитанъ, преступникъ, т. XIII, 581.

Браницкіе, графы:

— Александръ, владѣлецъ имѣнія Ставици, таращан. у., кievск. губ., уѣздный предводитель дворянства, т. XIV, 111, 112, 126, 129.

— Владиславъ, владѣлецъ имѣнія Бѣлая Церковь, таращанскаго у., кievск. губ., т. XIV, 111, 112, 126, 129, 130.

— Константинъ, владѣлецъ имѣнія Богуславъ, каневского у., кievск. губ., т. XIV, 111, 112.

Брантъ, Леопольдъ Васильевъ, писатель, т. XIII, 289, 292.

Брауншвейгское семейство. Пребываніе его въ Холмогорахъ, т. XI, 154—161.

Брестъ, Юрій, фельдшеръ, свидѣтель по дѣлу А. Л. Нарышкина, т. XI, 20, 24.

Брютъ, Филиппъ, аптекарь въ Москвѣ (1644 г.), т. XIII, 373, 374.

Брокгаузъ, издательская фирма въ Лейпцигѣ. Библиографическая замѣтка о книгѣ: Начала искусства въ Греціи, т. XIII, 717, 718.

де-Брольи, герцогъ. Библиографическая замѣтка о соч. его: Frédéric II et Marie-Thérèse, т. XI, 465.

Бруннъ, директоръ капитолійскаго археологическаго института, впоследствии мюнхенскій профессоръ, т. XII, 119.

Брутъ, Фома, псевдонимъ писателя Д. Л. Мордовцева, т. XIII, 240.

Брэнъ, Феликсъ. Замѣтка о его переводѣ отрывковъ изъ цикла о герцогахъ Вильгельмѣ Коротконосомъ, т. XII, 233.

фонъ-деръ-Врюггенъ, Эрнстъ. Библиографическая замѣтка о соч. его: Аграрныя отношенія въ русскихъ балтійскихъ провинціяхъ, т. XIII, 716, 717.

фонъ-деръ-Врюггеръ, Фреернъ. Библиографическая замѣтка о соч. его: Евангелическо-религіозное движеніе въ Россіи, т. XI, 467.

Врюллоуъ, Карлъ Павловъ. русскій историческій живописецъ, т. XIII, 735.

Врюхатовы:
— Полковникъ, начальникъ коннаго отряда, снаряженнаго шацкимъ дворянствомъ противъ Пугачева, т. XIII, 123.

— Ротмистръ, участникъ пугачевской шапки, т. XIII, 130.

Буанвилль, Эдуардъ, французскій политическій писатель. Замѣтка объ изданномъ имъ Историческомъ обзорѣ собраній представителей французскаго народа, т. XII, 476, 477.

Буасьеръ, Густавъ, ректоръ алжирской академіи. Библиографическая замѣтка о соч. его: Algérie romaine, т. XII, 230.

Бубновы:
— Е., писатель, псевдонимъ его (Ев. Б—въ), т. XIII, 238.

— Майоръ, псевдонимъ писателя А. А. Соколова, т. XIV, 467.

Бужинскій, епископъ рязанскій. См. Гавриилъ.

Булацель, начальникъ авганскаго конвоя, т. XI, 642—644.

Булгаковы:
— Мих. Петровъ, московскій митрополитъ. См. Макарій.

— Ѳеодоръ Ильичъ. *Статьи его*: Соціализмъ въ романѣ, т. XI, 168—186. Народный трибуна, т. XI, 429—441. Отецъ новѣйшей критики (Фридрихъ-Мельхиоръ Гриммъ), т. XIV, 172—178.

Сообщилъ некрологъ К. А. Коссовича.

т. XI, 720, 721. *Библиографическія замѣтки*: Отчетъ императорской публичной бібліотеки за 1880 годъ, т. XI, 702—704. Путешествіе по Италіи въ 1875 и 1880 гг.—И. Цвѣтаева, т. XI, 708, 709. Древности вавилоно-ассирійскія по новѣйшимъ открытіямъ—Н. А. Астафьева, т. XI, 710, 711. Маркъ Туллій Цицеронъ—С. Манштейна, т. XII, 472, 473. Rivalrol et la société française pendant la révolution et l'émigration, par m-r de Lescurie, т. XIII, 706—709. Mémoires du marquis de Sourches sur es règne de Louis XIV, т. XIV, 430—432. *Псевдонимы его*, т. XIV, 467, 468. *Упомян.* т. XIII, 240.

Бугарины:

— Болеславъ, Владиславъ, Мечиславъ и Святославъ, сыновья литератора Ѡаддея Венедиктовича, т. XIII, 297.

— Елена Ѡаддеев. См. Александровичъ.

— Полковникъ польскихъ войскъ, повстанецъ, т. XI, 71.

— Ѡаддей Венедиктов., литераторъ и журналистъ. Послѣднее десятилетіе его жизни, т. XIII, 284—331. Упомян. т. XI, 355, 356; т. XII, 365, 368, 378; т. XIII, 155, 162, 491; т. XIV, 535.

Буличъ, Н. Н., писатель, т. XIII, 239.

Бультовъ, С. Б., англійскій писатель. Библиографическая замѣтка о соч. его: Русское государство, его начало и развитіе, т. XIV, 612, 613.

Буге, Никол. Христіанов., тайный совѣтникъ, членъ государственнаго совѣта, министръ финансовъ. Извѣстія иностранной печати о немъ, т. XI, 197.

Бунинъ, Аван. Ив., бѣлевскій помещикъ, отецъ поэта В. А. Жуковского, т. XI, 408, 700.

Буренинъ, В. П. Стихотвореніе его къ картиѣ Неврева: Смерть князя Гвоздева, т. XI, 129, 130. Библиографическая замѣтка о драмѣ его Медея, т. XI, 450—453. Псевдонимъ его (графъ Алексій Жасминовъ), т. XIII, 237.

Бурнашевъ. Владим. Петр., писатель; псевдонимы его (Викторъ Бурьяновъ, Борисъ Волжинъ, Зетсетовъ, Артемій Арбашевъ, Эргауловъ, Вадимъ Байдаровъ, Старый Петербуржецъ и Касьянъ Касьяновичъ Касьяновъ), т. XIII, 239, 736.

Бурьяновъ, Викторъ, псевдонимъ

писателя В. П. Бурнашева, т. XIII, 736.

Буслаевъ, Ѡедоръ Ив., профессоръ московскаго университета, авторъ сочиненій по языковѣдѣнію, т. XII, 372.

Бутаковъ, Григоръ. Ив. генералъ-адъютантъ, адмиралъ, т. XI, 602.

Бутаповичъ - Петрашевскій. См. Петрашевскій.

Вутковскіе:

— И. Я. *Статья его*: Тайственная экспедиція въ Америку въ 1878 году, т. XI, 601—618. *Библиографическая замѣтка его*: La Sorbonne et la Russie. Par le reverend pere Pierling, т. XI, 199—205. *Сообщилъ* французскіе стихи въ честь Петра Великаго, т. XIV, 633—634.

— Я. Н. *Статья его*: Изъ монахъ воспоминаній (польское возстаніе 1863 г.), т. XIV, 78—105, 325—365. *Поправка къ этой статьѣ*—А. Кокорева, т. XIV, 465, 466. *Сообщилъ* приказъ начальника главнаго морскаго штаба о причислѣ, т. XI, 223.

Вутковъ, Владим. Петр., дѣйствит. тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь, членъ государственнаго совѣта, т. XII, 80; т. XIII, 305.

Вутлеровъ, Александръ Мих., дѣйствит. статскій совѣтникъ, академикъ, профессоръ петербургскаго университета, т. XIII, 237.

Вутовичъ, кievскій уѣздный предводитель дворянства, т. XIV, 116.

Вутурлины:

— Гр., адъютантъ кн. Потемкина-Таврическаго, т. XII, 348.

— Дмитр. Петр., дѣйствит. тайный совѣтникъ, членъ государственнаго совѣта, сенаторъ и директоръ публичной бібліотеки, т. XII, 353, 354.

Вухъ, Максъ. Библиографическая замѣтка о соч. его: Финляндія и вопросъ о ея національностяхъ, т. XIII, 221.

Вудицскій, П. Н. Библиографическая замѣтка о сочин. его: О Богданѣ Хмельницкомъ, т. XII, 465—469.

дю-Вуше, Люи-Франсуа, маркизъ де-Суршъ. Библиографическая замѣтка объ изданномъ дневникѣ его, т. XIV, 430—432.

Вуше-Леклеркъ, французскій ученый. Библиографическая замѣтка о соч. его. Histoir de la divanation dans l'antiquité, т. XI, 712.

Вушманъ, авторъ «Картинъ изъ древняго Рима». Библиографическая замѣтка объ этомъ сочиненіи; т. XIII, 718.

Буяльский, Илья Васильев., хирбургъ, т. XIII, 294, 305, 306, 316.

Быковъ, П. В., авторъ Матеріаловъ для словаря псевдонимовъ, т. XIII, 236.

Бычковъ, Аванасій Оеодор., тайный совѣтникъ, академикъ, директоръ публичной бібліотеки. Библиографическая замѣтка о соч. его: Описание церковнославянскихъ рукописей публичной бібліотеки, т. XII, 474.

Вѣгичевъ, В. А., управляющій ковенскою палатою государственныхъ имуществъ, т. XIV, 326.

Вѣжецкій, А., псевдонимъ писателя А. Н. Маслова, т. XIII, 237.

Вѣлцекій, мировой посредникъ кievской губ., т. XIV, 117.

Вѣлиискіе:

— Виссар. Григ., критикъ, т. XII, 156; т. XIII, 285, 491; т. XIV, 368.

— Максимъ, псевдонимъ писателя І. І. Ясинскаго, т. XIII, 238.

Вѣлиньскій, мировой посредникъ кievской губ., т. XIV, 117.

Вѣловъ:

— Еганъ, московскій докторъ (1644 г.), т. XIII, 379.

— И. Д. Библиографическая замѣтка его: Боярская Дума древней Руси—В. Ключевскаго, т. XI, 214—221. Псевдонимъ его (И. В—въ), т. XIII, 238.

Вѣлозерскія:

— Александра Мих., писательница. См. Кулишъ.

— Н. А., писательница, псевдонимъ ея (Б. Гив.), т. XIII, 237.

Вѣлоостровъ, Иванъ, выгорѣцкій раскольникъ, т. XIII, 602.

Вѣлосельскій-Вѣлозерскій, кн. Александръ Мих., оберъ-шенкъ и членъ многихъ ученыхъ обществъ, т. XII, 605.

Вѣльчинскій, офицеръ хивинской экспедиціи 1839 г., т. XIII, 587.

Вѣлюгова, Вѣра Егоров., вдова учителя кишиневской семинаріи. Рассказъ ея о Пушкинѣ, т. XII, 394, 395.

Вѣляевы:

— Александръ Петр., офицеръ гвардейскаго экипажа, декабристъ, т. XII, 403.

— Василій, сосланный въ Сибирь по дѣлу А. Л. Нарышкина, т. XI, 24.

— Григ. Вас., крестыанинъ княг. Бутеро. См. Геннадій.

— Петръ Петр., мичманъ гвардейскаго экипажа, декабристъ, т. XII, 405.

Вѣхонскій, Войцѣхъ, повстанскій

коммисаръ краковскаго воеводства, т. XI, 93.

Вѣхтѣевъ, Евфимъ, сосланный въ Сибирь по дѣлу А. Л. Нарышкина, т. XI, 24.

Вѣконъ (Веруламскій), философъ. Соціализмъ въ его сочиненіи, т. XI, 177.

Вѣръ, Ар., профессоръ гейдельбергскаго университета, т. XI, 400.

Вѣрсей, директриса французскаго театра въ Москвѣ, т. XIII, 651, 652, 655.

Вѣлаторъ, польское повстанское семяйство близъ Ковно, т. XIV, 337.

В.

Вагнеръ:

— Н. П., псевдонимъ его (Коть Мурлыка), т. XIII, 238.

— Рихардъ, композиторъ, т. XIV, 206, 529.

Валигурскій, гр. Александръ, полковникъ шведской армии, впослѣд. польскій повстанскій генераль, т. XI, 93.

Валле, Леонъ. Замѣтка объ изданной имъ Библиографіи библиографій, т. XII, 702.

Валуевъ, гр. Петръ Александр., дѣйствит. тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь, министръ внутр. дѣлъ, впослѣд. государств. имуществъ и предсѣдатель комитета министровъ, т. XI, 331, 332, 533, 724, 726; т. XII, 71, 72, 78, 416, 419, 422, 423, 712; т. XIII, 237; т. XIV, 129, 133, 242, 312, 321, 322.

Вальберхъ:

— Ив. Ив., главный балетмейстеръ русскихъ императорскихъ театровъ, т. XIII, 139.

— Марья Ив., актриса, т. XIII, 370.

Вальдекъ, принцесса. См. фонъ-Виронъ.

Варрава, ковенскій уѣздный исправникъ, т. XIV, 343.

Вареоломей:

— Е. М., кишиневскій бояринъ, т. XII, 396.

— Пулхерія Егор., т. XII, 396.

Василій IV Ивановичъ, первый царь московскій (въ иночествѣ Варлаамъ), т. XII, 264.

Василій Ивановичъ Шуйскій, царь московскій, т. XII, 268; т. XIV, 200.

Васильевы:

— Андрей, священникъ с. Долгоруковщины, сторонникъ Пугачева, т. XIII, 122.

— Баронъ, государственный казначей, т. XII, 560, 561.

— В. А. Сообщ. замѣтку: къ словарю псевдонимовъ русскихъ писателей, т. XIV, 466—468. Псевдонимъ его (А. Овичъ), т. XIV, 466.

— Игнатій, священникъ Сергіевской церкви въ Петербургѣ, т. XIII, 613, 614.

— Иосифъ Вас., протоіерей, настоятель православной церкви въ Парижѣ, вполнѣд. предсѣдатель учебнаго комитета свят. синода, т. XII, 422.

— Никол. Ив., мастеровой тисовскаго завода, красноуфимскаго у., преслѣдовавшій раскольниковъ, т. XIV, 309—311.

— О. Ѳ., секретарь редакціи «Сѣверной Пчелы», т. XIII, 303, 309.

— Помѣщикъ, сторонникъ Пугачева, т. XIII, 122.

Васильчиковы, князья:

— Екатерина Алексѣев., рожденная княжна Щербатова, т. XIV, 121, 122, 132, 133.

— Илларионъ Илларионов., кievскій военный генералъ-губернаторъ, т. XIV, 106—108.

Васковъ, прапорщикъ, сторонникъ Пугачева, т. XIII, 122.

Васько, учитель рисованія, т. XII, 694.

Vatet. Замѣтка о сочин. его: Исторія госпожи Дюбари, т. XII, 697, 698.

Вашингтонъ, основатель сѣв.-американской независимости. Библиографическая замѣтка о соч. Массера — Washington et son oeuvre, т. XI, 442—445.

Веденяпинъ, Алексѣй, декабристъ, т. XIII, 582, 592.

Везиръ - Магометь-ханъ, авганскій министръ иностранныхъ дѣлъ, т. XI, 633, 637, 641, 642.

Везовскій, Н., писатель, псевдонимъ его (Шпажинскій), т. XIII, 240.

Вейль, Александръ. Библиографическая замѣтка о воспоминаніяхъ его о Гейнѣ, т. XIII, 473.

Вейнбергъ, П. И., писатель, т. XIV, 472.

Вельло, Люи, французскій литераторъ. Некрологъ его. Т. XII, 485, 486.

Велонскій, художникъ, авторъ памятника Яну Собѣскому въ Краковѣ, т. XIV, 461.

Вельяминовъ, А. А., командовавшій войсками на Кавказѣ, т. XII, 409.

Венгеровъ, Стенанъ, капитанармусъ л.-гв. московскаго батальона, сопро-

вождавшій А. Л. Нарышкина въ ссылку, т. XI, 23.

Вангеръ, православный священникъ рижской епархіи, т. XIV, 258.

Веніаминъ:

— (Карелинъ), рижскій епископъ, т. XIV, 260.

— (Щуцекъ-Григоровичъ), архіепископъ казанскій, вполнѣд. митрополитъ, т. XIII, 350.

Веронъ, Люи, докторъ медицины, директоръ парижской оперы, журналистъ, т. XII, 166—168; т. XIV, 602, 603.

Вертеймеръ, Э. Замѣтка объ этюдѣ его о бракѣ Наполеона I съ Маріей Луизой, т. XII, 698, 699.

Вертинскій, майоръ островскаго пѣхотнаго полка, т. XIV, 494, 495.

Веселовскіе:

— Авраамъ Павлов., дьякъ посольскаго приказа, предокъ англійскаго писателя Диксона, т. XIII, 712.

— Алексѣй Никол., докторъ исторіи и литературы, профессоръ петербургскаго университета. Библиографическая замѣтка о соч. его: Западное вліяніе въ новой русской литературѣ, т. XII, 227, 228. Упоми. т. XII, 11.

Wetschinger, Henri. Библиографическая замѣтка о соч. его: La censure sous le premièr Empire avec documents inédits, т. XII, 678—682.

Вешнякъ, малороссійскій писатель, т. XIII, 73.

Вигель, Ф. Ф., авторъ Воспоминаній, т. XIII, 164.

Вигиленскій, В. А., писатель, псевдонимъ его (Вій), т. XIV, 466.

Видеманъ. Библиографическая замѣтка о соч. его: Исторія реформаціи и контр-реформаціи въ странѣ подъ Эппсомъ, т. XII, 210—214.

Викторовъ, Алексѣй Егор., дѣйствит. статскій совѣтникъ, членъ археографическаго общества, хранитель отдѣленія рукописей московскаго румянцевскаго музея. Некрологъ его, т. XIII, 731.

Викулинъ, Данила, дьячекъ, основатель выгорѣцкаго общежительства, т. XIII, 477—479, 602, 603.

Вилинская, М. А. См. Маркевичъ. Вилліамсъ, англійскій генералъ-губернаторъ Гибралтара. Некрологъ его, т. XIII, 732.

Вилль, Яковъ Василев., баронетъ, дѣйств. тайный совѣтникъ, лейб-хирургъ, т. XIV, 156, 158, 161, 165.

Вильгельмъ I (Фридрихъ - Людовикъ), германскій императоръ, т. XI,

193, 194; т. XII, 254, 256, 660; т. XIII, 230; т. XIV, 375, 460, 574.

Вильде, М., музыкальный рецензент, т. XIII, 238.

Вильшанский, О., малороссийский писатель, т. XIII, 72.

Виницкий, Ома, повстанец, адъютант Езеранского, т. XI, 83, 93.

Виценгероде, гр. Фердинандъ Оедоров., генераль-адъютантъ, генераль-отъ-кавалеріи, т. XIII, 144.

Виртъ, Моринъ, авторъ сочиненія о Бисмаркѣ, Вагнерѣ и Родбертусѣ. Библиографическая замѣтка объ этомъ сочиненіи, т. XIV, 206.

Висковатый, Александръ Вас., генераль-маіоръ, авторъ Исторіи измайловскаго полка, т. XIII, 296.

Висневская, Анна, любовница польскаго повстанца Менкарскаго, т. XI, 562.

Виталий, мнимый раскольничій святой, т. XIII, 613—620.

Витавскій, Р., малороссийскій писатель, т. XIII, 73.

Витбергъ, Александръ Лаврент., русскій историческій живописецъ и архитекторъ, авторъ первоначальнаго проекта храма Спасителя въ Москвѣ, т. XIII, 230.

Витгенштейнъ-Зейяъ фонъ-Беглербургъ, Эмилій, свѣтлѣйшій князь, генераль-адъютантъ, генераль-маіоръ, т. XII, 62, 63.

Витковичъ, полякъ, политическій преступникъ, послѣдъ поручикъ, адъютантъ оренбург. воен. губернатора Перовскаго, т. XIII, 577, 578, 583—585.

Витольдъ, литовско-русскій великій князь, т. XII, 250.

Вишневскіе:

— **О. В.**, писатель, псевдонимъ его (Ф. Черниговецъ), т. XIII, 240.

— **О. Г.**, лейтенантъ гвардейскаго экипажа, декабристъ, т. XIII, 583.

Виардо:

— **Люи**, французскій писатель, директоръ италіанской оперы въ Парижѣ, переводчикъ соч. Пушкина, Гоголя и Тургенева. Некрологъ его. Т. XII, 710.

— **Полина**, рожденная Гарсія, французская пѣвица, т. XIII, 292; т. XIV, 368, 372, 377.

Віельгорскій, гр. Михаилъ, великій кучмиسترъ литовскій, барскій конфедератъ, т. XII, 606.

Владиміровъ, шацкій карантинный смотритель, т. XIII, 116.

Владиміръ Всеволодовичъ Моно-

махъ, великій князь кievскій, т. XII, 250, 252.

Владиславъ IV (VII), король польскій, т. XII, 205—208; т. XIV, 199.

Влодекъ, полковникъ, флигель-адъютантъ, т. XII, 685.

Вноровскій, варшавскій извозчикъ (дружкаръ), повстанецъ, т. XI, 562.

Вогюя, Евгений-Мельхиоръ. Библиографическая замѣтка о сочин. его: Un sectaire Russe, т. XI, 467.

Воейковъ, Александръ Оедоров., писатель, т. XIII, 150.

Волжинъ, Борисъ, псевдонимъ писателя В. П. Бурнашева, т. XIII, 736.

Волковы:

— **Алексій Яковлев.** довѣренный секретарь кн. А. Д. Меншикова, т. XII, 98, 101, 102.

— **Егоръ Егоров.**, цензоръ петербургскаго цензурнаго комитета, т. XII, 76.

— **Олонекскій гражданскій губернаторъ**, т. XIII, 479.

Волконскій, Петръ Михайл., свѣтлѣйшій князь, генераль-фельдмаршалъ, министр императорскаго двора, т. XIV, 155, 156, 158, 160, 161, 164—169.

Волынкiе:

— **Артемій Петр.**, оберъ-егермейстеръ и кабинетъ-министръ, т. XIV, 437.

— **Ив. Михайл.**, нижегородскій вице-губернаторъ, т. XIV, 436.

— **Н. Г.**, псевдонимъ писателя Косача. См. Косачъ.

Вильгеймъ да Фонсека, дипломатъ. Библиографическая замѣтка о соч. его: Новыя нескромности; сообщенія изъ тайной дипломатіи послѣднихъ тридцати лѣтъ, т. XIV, 630, 631.

Вольскій, Адольфъ Васильев., генераль-лейтенантъ, директоръ кievскаго кадетскаго корпуса, т. XIV, 121.

Вольтеръ, Франсуа-Мари, французскій писатель и энциклопедистъ, т. XII, 327, 610—612.

Вольфъ:

— **Маврикій Осипов.**, петербургск. книгопродавецъ и издатель. Некрологъ его, т. XI, 723.

— **Фердинандъ Богдан.**, штабъ-лекарь, декабристъ, т. XI, 458.

Воля, Лукьянъ, начальникъ польской мятежнической шайки. См. Зиллинскій.

Вордсвортъ, Чарльзъ, англиканскій епископъ. Библиографическая замѣт-

ка объ изданныхъ имъ историческихъ пьесахъ Шекспира, т. XI, 715.

Вороница:

— К. И. Библиографическая замѣтка о сочин. его: Народъ на опасномъ пути, т. XI, 709, 710.

— Янъ-Павелъ, варшавскій римско-католическій архіепископъ, польскій поэтъ, т. XIV, 10, 11.

Воронцовы:

— Гр. Александръ Романов., государств. канцлеръ, т. XII, 533, 535, 542; т. XIII, 713.

— Гр. Екатеръ Романов. См. Дашкова.

— Гр. Семень Романов., русскій посоль въ Англии, т. XII, 539, 541, 545; т. XIII, 458, 459, 712, 713.

— Гр. Романъ Илларионов., т. XIII, 457.

— Елизав. Романов., т. XIII, 460, 712.

— Кн. Семень Мих., т. XIII, 456, 710.

— Мих. Семен., свѣтлѣйшій князь, фельдмаршалъ, генераль-отъ-инфантерій, генераль-адъютантъ, кавказскій намѣстникъ, т. XII, 367, 368, 484; т. XIII, 456, 711.

Воронцовы-Дашковы, графы:

— Ив. Илларионов., т. XI, 728.

— Илар. Ив., генераль-адъютантъ, генераль-лейтенантъ, министр императорскаго двора и удѣловъ, т. XI, 197.

Воропоновъ, Ник. Ив., ротный командиръ, пострадавшій во время бунта новгородскихъ военныхъ поселянъ, т. XIII, 341.

Востоковъ (Остенѣкъ), Александръ Христофор., славянскій филологъ, членъ академіи наукъ, т. XIV, 639, 640.

Вощининъ, Д. П., саперный штаб-офицеръ, т. XIV, 121, 129.

Вронскій, польскій повстанецъ, т. XI, 573.

Вронченко, гр. Ѳед. Павлов., дѣйствит. тайный совѣтникъ, министр финансовъ, т. XII, 637, 638.

Врублевскій, начальникъ польской повстанской банды, т. XIV, 362.

Wssehrd, Schlehta. Библиографическая замѣтка о соч. его: Die Revolutionen in Constantinopel in den Jahren 1807 und 1808, т. XII, 673—678.

Выбрановскій, польскій повстанскій генераль, т. XI, 69, 70.

Высоцкій, капитанъ польскихъ войскъ, повстанецъ, т. XI, 70, 72, 92, 93.

Вышнеградскій, Никол. Алексѣев., профессоръ педагогическаго института, вполнѣд. начальникъ петербургскихъ женскихъ гимназій, т. XII, 136, 139, 153; т. XIII, 212.

де-Вьель-Кастель:

— Баронъ Шарль, французскій дипломатъ и писатель, т. XII, 162.

— Графъ Горасъ, французскій ученый, литераторъ и артистъ. По поводу записокъ его: о второй французской республикѣ, т. XII, 161—177; о первыхъ годахъ второй имперіи, т. XIV, 597—611.

— Гр. Люи, т. XIV, 606, 608.

Взрасъъ, французскій ученый. Соціализмъ въ его романѣ, т. XI, 175—180.

Вязевичъ, польскій авантюристъ, т. XII, 606.

Вяземскіе, князья:

— Леонидъ Дмитр., командиръ бригады болгарскаго ополченія, т. XI, 120—122, 127, 360, 368, 370.

— Петръ Андреев., поэтъ и критикъ. *Библиографическая замѣтка* о его сочиненіяхъ, т. XI, 705—708. *Упоми.* т. XIII, 150, 153.

Вахиревъ, Ксенофонтъ, крестьянинъ-живописецъ, старообрядческій священникъ, т. XIV, 296, 299, 301, 311, 317, 323.

Г.

Габинъ, православный священникъ рижской епархіи, т. XIV, 258.

Гавриловъ, Яковъ, кучеръ, сосланный въ Сибирь по дѣлу А. Л. Нарышкина, т. XI, 24.

Гавриль:

— (Бужинскій), архимандритъ ипатьевского монастыря, синодскій совѣтникъ школы и типографіи проректоръ, вполнѣд. епископъ рязанскій и муромскій, т. XII, 98, 102, 335.

— (Григорій Ванудеско-Бодани), митрополитъ кишиневскій, экзархъ молдавлахійскій, т. XII, 384—389.

— (Петровъ), митрополитъ новгородскій и петербургскій, т. XII, 285.

Гагарины, князья:

— Матв. Петр., сибирскій губернаторъ, т. XII, 471.

— Прасковья Юрьев., рожденная княж. Трубецкая, т. XIII, 357.

Гайзеръ, секундъ-майоръ, т. XIV, 477, 478, 481.

Галеви, Леонъ, французскій писатель. Некрологъ его, т. XIV, 648.

Галинъ, писатель, псевдонимъ его (Маркизь Тужуръ-Парту), т. XIV, 467.

Галлуа, Альбрехтъ, физиологъ и романистъ. Соціализмъ въ его романахъ, т. XI, 182.

Галль, Александръ Александр., генераль-лейтенантъ, адъютантъ великаго князя Николая Николаевича Старшаго, т. XIV, 90.

Галузенко, Ф., малороссійскій писатель, т. XIII, 73.

Гальфонъ, Эженъ. Замятка объ изданныхъ имъ письмахъ Генриха IV къ канцлеру Вельевру, т. XII, 477.

Гамбетта, Леонъ, президентъ французской палаты депутатовъ. *Некрологъ* его, т. XI, 232—235. Статья о немъ: Народный трибуналъ, т. XI, 429—441. *Упомян.* т. XIV, 382.

Ганецкіе:

— Ив. Степан., командиръ лейбъ-гв. флиляндскаго полка, воеводъ генераль-отъ-инфантеріи, комендантъ петербургской крѣпости, т. XIV, 98.

— Братъ предыдущаго, генераль-лейтенантъ, т. XIV, 362.

Ганзенъ, авторъ сочиненія: *Entwickelungsstufen aus der Geschichte der Menschheit*. Библиографическая замятка объ этомъ сочиненіи, т. XI, 694—698.

Ганчеръ, православный священникъ рижской епархіи, т. XIV, 258.

Ганъ:

— Александръ Федоров., генераль-майоръ, начальникъ штаба кievскаго воен. округа, воеводъ генераль-отъ-инфантеріи, главный начальникъ чешской военной богадѣльни, т. XIV, 107, 111.

— Е. А., русская писательница (Зинаида Р—ва), т. XII, 227.

Гардиновъ, І. Р., англійскій профессоръ. Замятка объ изданіи монографій его, т. XII, 475, 476.

Гарелинъ, почетный гражданинъ, издатель старинныхъ актовъ города Шуи, т. XII, 371.

Гарибальди, Джузеппо, освободитель Италіи и Сициліи, т. XIII, 176.

Гаррисъ, англійскій посланникъ въ Петербургъ, т. XII, 344, 345.

Гарсія, Полина, пѣвица. См. Вярдо.

Гартингтонъ, Джемсъ, англійскій публицистъ и ученый. Соціализмъ въ его ученіи, т. XI, 177, 178.

Гарцевичъ, Антонинъ, студентъ харьковскаго университета, т. XI, 553.

Гаршинъ, Евг. Мих. *Статьи* его:

Забитый писатель (кн. А. А. Шаховской), т. XIII, 136—173. Воспоминанія объ И. С. Тургеневѣ, т. XIV, 378—398. *Библиографическія замѣтки* его: Западное вліяніе въ новой русской литературѣ — А. Веселовскаго, т. XII, 227, 228. *Заграничныя литературныя новости*: т. XI, 464—467, 712—715; т. XII, 230—235, 475—482, 695—702; т. XIII, 218—223, 469—476, 716—724; т. XIV, 203—212, 444—452, 626—632. *Упомян.* т. XIII, 238.

Гауптъ, Морицъ, профессоръ берлинскаго университета, филологъ, т. XI, 388, 389.

Гацфельдъ, жандармскій полковникъ, т. XI, 90.

Гвоздевъ, директоръ хозяйственнаго департамента министерства внутрен. дѣлъ, т. XII, 241.

Гебгардтъ, Михаилъ, владѣлецъ кузницы въ Карлсбадѣ, въ которой работалъ Петръ I, т. XIV, 228.

Гедеоновъ, Александръ Мих., дѣйствит. тайный совѣтникъ, директоръ императорскихъ театровъ, т. XII, 379, 380.

Гедрицъ, русская фрейлина, томъ XIV, 31.

Гейне:

— Генрихъ, нѣмецкій поэтъ, т. XII, 701; т. XIII, 462—465, 473.

— Жюльета, жена поэта. Замятка по поводу статьи Карпельса о ней, т. XII, 701.

Геккеръ, авторъ сочиненія: «Подъ полумѣсяцемъ; изъ жизни Мольке». Замятка объ этомъ соч. т. XIV, 529, 530.

Гегсли, естествоиспытатель. Библиографическія замятки о соч. его: *Неписанная исторія*, т. XII, 695; т. XIII, 219.

Гельбихъ, саксонскій резидентъ въ Петербургѣ, т. XIII, 462.

Гельвецій, Кладъ-Адриенъ, французскій философъ и энциклопедистъ, т. XI, 660, 661.

Гельдель, Антонъ-Сигизмундъ, польскій ученый. Библиографическая замятка о монографіи о немъ, т. XII, 234.

Гемонъ, Феликсъ. Замятка объ изданной имъ биографіи поэта и драматурга Ротру, т. XII, 480.

Геннадій, пермскій старообрядческій епископъ (крестьянинъ княг. Бутеро, Григ. Вас. Вляевъ). Статья о немъ, т. XIV, 294—324.

Генрихъ Ивановичъ, рижскій книгоноша, т. XIV, 513, 517.

Георгъ, маркграфъ, прусскій ленный владѣтель, т. XII, 197—199, 202—204.

Геппертъ, нѣмецкій филологъ, профессоръ берлинскаго университета, т. XI, 389.

Гербановскіе:

— Исидоръ, учитель кишиневской дух. семинаріи, вполѣд. протоіерей, т. XII, 387.

— Николай Ив., писатель, т. XII, 387.

— Христофоръ Ив., учитель, т. XII, 387.

Гербель, Никол. Вас., русскій писатель и издатель. Некрологъ его, т. XII, 243.

Германікъ, авторъ брошюры «Второй парижскій крахъ». Замятка объ этой брошюрѣ, т. XIV, 631.

Герцезъ:

— Александръ Ив., русскій эмигрантъ, писатель, т. XII, 123; т. XIII, 238; т. XIV, 250.

— Сынъ предъдушаго, т. XII, 122, 123.

Герье, В. И., писатель и издатель, псевдонимъ его (Иф...ль), т. XIII, 238.

Гессе, Никол. Павлов., камергеръ, дѣйствит. статскій совѣтникъ, кievскій губернаторъ, т. XIV, 106, 108, 109.

Гете, Иоганъ-Вольфгангъ, нѣмецкій поэтъ, т. XIII, 140.

Гедлеръ, вѣнскій академикъ. Библиографическая замятка о соч. его: Эпоха славянской исторіи до 1526 г., т. XI, 206—209.

Гиббонъ, Эдуардъ. Библиографическая замятка о соч. его: Исторія упадка и разрушенія римской имперіи, въ перев. В. Н. Невѣдомскаго, т. XIV, 618, 619.

Гиллебрандъ, профессоръ нѣмецкой литературы въ Нанси, т. XI, 593.

Гильдемейстеръ, Отто. Библиографическая замятка о переводѣ его поэмы Нейстовый Роландъ, т. XI, 466.

Гильморъ, Джемсъ, миссіонеръ. Замятка объ изданіи соч. его: Среди Монголовъ, т. XII, 480.

Гирсъ, Никол. Карл., дѣйствит. тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь, сенаторъ, министръ иностранныхъ дѣлъ. Отзыви иностранной печати о немъ, т. XI, 194.

Глоголевскій, митрополитъ петербургскій. См. Серафимъ.

Гіероглифовъ, Александръ Степан., писатель. Шуточное стихотвореніе, т. XIV, 635—637.

Гладстонъ, Вильямъ-Эвартъ, англійскій министръ, т. XIV, 205—207.

Глазенапъ, С., писатель, т. XIII, 239.

Глечикъ, П., псевдонимъ писателя Н. В. Гоголя, т. XIII, 240.

Глинка:

— Дмитр. Павлов., философъ, полномочный министръ въ Лиссабонѣ. Некрологъ его, т. XIII, 235, 236.

— Мих. И., русскій композиторъ. Участъ его имѣнія, села Новоспаскаго, смоленской губ., т. XII, 707, 708. Закладка памятника ему, т. XIV, 456, 457.

— Фодоръ Никол., т. XIII, 322.

Глиноецкій, Никол. Павлов., генеральнаго штаба генераль-маіоръ. Библиографическая замятка о соч. его: Исторія русскаго генеральнаго штаба, т. XIII, 208—210.

Глѣбовы:

— Ив. См. С. Н. Шубинскій.

— Леонидъ Ив., учитель черноостровскаго дворянскаго училища, малороссійскій писатель. *Статья о немъ*, т. XIII, 98—100. *Упомян.* т. XIII, 73.

Гнатовскій, мировой посредникъ таращанскаго у., кievск. губ., т. XIV, 117.

Гнѣдичъ, Никол. Ив., писатель, т. XIII, 152—154.

Говоруха-Отрокъ, Г., писатель, псевдонимъ его (Юрко. Г.), т. XIII, 240.

Гогель, И. И., флигель-адъютантъ, т. XIII, 503.

Гогенцоллернъ-Гехингенъ, Паулина, принцесса, рожд. фонтъ-Биронъ.

Гоголь, Николай Вас., писатель. Историческое значеніе сочиненій его, т. XIII, 489—527. Замятка о портретѣ его, рисованномъ П. А. Каратыгинымъ, т. XIII, 734—736. Упомян. т. XIII, 240; т. XIV, 368.

Годуновы, цари московскіе. См. Ворысь и Фодоръ.

Гойская, Анна Тихоновна, рожд. Козинская, передавшая въ почтаевскую обитель чудотворную икону, т. XIV, 641.

Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій, кн. Михаилъ Ларионов., генеральфельдмаршалъ, т. XII, 684; т. XIII, 147, 148.

Голицыны, князья:

— Русскій княжескій домъ.

— Александръ Никол., статсъ-секретарь, оберъ-прокуроръ св. синода, главноуправляющій дѣлами иностранныхъ исповѣданій и министръ народ-

наго просвѣщенія, вполнѣд. канцлеръ
россійскихъ орденовъ, т. XI, 281,
283—285; т. XIII, 369.

— Александръ Федор., дѣйствит.
тайный совѣтникъ, председатель комис-
сии прошений, т. XI, 340, 556; т.
XII, 73.

— Дмитр. Мих., стольникъ, а по-
томъ дѣйствит. тайный совѣтникъ,
т. XI, 204.

Головачевъ, А., авторъ статей о
крестьянскомъ хозяйствѣ, т. XI, 456.

Головинъ, Александръ Вас., тай-
ный совѣтникъ, министръ народнаго
просвѣщенія, статсъ-секретарь, членъ
государственнаго совѣта. Мнѣніе его
о проектѣ закона о книгопечатаніи
1865 г., т. XI, 533—540. Упомян. т.
XI, 331; т. XII, 62, 63, 415—421, 712.

Голоушевъ, Фед. Никол., дѣйствит.
статскій совѣтникъ, строитель право-
славныхъ церквей въ остзейскомъ, а
потомъ привислинскомъ краѣ, т. XIV,
500.

Голубевы:

— Майоръ, дѣйствовавшій противъ
польскихъ повстанцевъ, т. XI, 90.

— С. П. Библиографическая замѣт-
ка о соч. его: Кіевскій митрополитъ
Петръ Могила и его сподвижники, т.
XIII, 466.

Голубковъ, московскій откущикъ,
т. XI, 243, 244.

Голышевъ, И. А., почетный граж-
данинъ, археологъ и литографъ. Виб-
лиографическая замѣтка объ изданіи
его: Памятники русской старины влад-
мирской губерніи. Т. XIV, 622, 623.

Гольбахъ, баронъ Павель-Генрихъ-
Фридрихъ, французскій натуралистъ
и энциклопедистъ, т. XI, 663, 664.

Гольдгоеръ, генераль-лейтенантъ,
начальникъ дивизіи въ Минскѣ, впол-
нѣдствіи командиръ лейбъ-гв. пав-
ловскаго полка, т. XIV, 91, 94, 95.

Гольдшмидтъ, В. Замѣтка о статьѣ
его объ И. С. Никитинѣ въ *Magasin*
für die Literatur, т. XII, 233.

фонъ-деръ-**Гольцъ, Кольмаръ,** май-
оръ прусскаго генеральнаго штаба.
Библиографическая замѣтка о соч. его:
Вооруженный народъ, т. XIII, 474,
475.

Гомъ, Люи. Замѣтка объ изданіи
соч. о японскомъ искусствѣ, т. XII,
482.

Гончаровы:

— Ив. Александр., писатель, т.
XIII, 304.

— Наталья Ник. См. Пушкина.

Горбовскій, Наполеонъ, уланъ поль-

скихъ войскъ, секретарь диктатора
Хлопицкаго, т. XI, 78, 82.

Горбунова, М. К., писательница, т.
XIII, 238.

Горва, И., малороссійскій писатель,
т. XIII, 73.

Горизонтовъ, И. П., писатель, псев-
донимъ его (Каменный Гость), т. XIII,
238.

Городецкій, митрополитъ кіевскій.
См. Платонъ.

Горчаковы:

— В. П., пріятель поэта Пушкина,
т. XII, 383.

— Свѣтлѣйшій князь Александръ
Мих., государственный канцлеръ и
министръ иностранныхъ дѣлъ. *Некро-*
логъ его, т. XII, 241, 245—247. *Упо-*
мян. т. XI, 357, 358.

Госсе, актеръ французскаго театра
въ Москвѣ, т. XIII, 651.

Готовцевъ, Дмитрій Валеріанов.,
управляющій минскою палатою го-
сударств. имуществъ, вполнѣд. тай-
ный совѣтникъ, сенаторъ, товарищъ
министра внутр. дѣлъ, т. XIV, 87.

Готорнь, Натаніэль, американскій
писатель. Замѣтка объ изданіи его
біографіи, т. XII, 481.

Готтлобъ, Адольфъ, докторъ. Виб-
лиографическая замѣтка о соч. его:
Karl's IV private und politische Be-
ziehungen zu Frankreich, т. XII, 231.

Грабина, Алексѣй, малороссійскій
писатель, т. XIII, 72.

Гравовскій, уполномоченный ком-
мисаръ жюнда народоваго, т. XI, 93.

Граманъ, Аргманъ, московскій док-
торъ (1644 г.), т. XIII, 379.

Гранье де-Кассаньякъ, Адольфъ,
французскій публицистъ и писатель,
т. XIV, 602.

Гречъ:

— Александръ Ив., офицеръ, братъ
писателя, т. XII, 375, 376.

— Алексѣй Никол., сынъ писателя,
т. XIII, 285, 307, 314, 325, 326.

— Никол. Ив., писатель и журна-
листъ, т. XI, 355, 356; т. XII, 375,
376, 378; т. XIII, 285—331, 491; т.
XIV, 535.

Грибоѣдовъ, Александръ Сергѣев.,
писатель и дипломатъ, т. XII, 400—
402; т. XIII, 154, 155, 734, 735.

Григоренковъ, хорунжій казакъ,
усмирявшихъ пугачевскій бунтъ, гра-
битель, т. XIII, 133.

Григорій:

— Иринеполюскій греческій архіе-
рей, т. XII, 388, 389.

— Герапольскій греческій архіерей, т. XII, 388, 389.

— (Постниковъ), докторъ богословія, казанскій архієпископъ, впослѣдъ митрополитъ петербургскій и новгородскій. Письмо его къ оберъ-прокурору синода гр. А. П. Толстому, т. XI, 230, 231.

— XIV (Сфондрато), римскій папа, т. XIII, 702.

Григоровичи:

— Н. И. авторъ сочиненія: Канцлеръ князя А. А. Безбородко въ связи съ событиями его времени, т. XII, 326—352, 532—565.

— Дмитр. Вас., писатель, т. XIV, 471.

— И. И. Библиографическая замѣтка о соч. его: Очерки новѣйшей исторіи (1815—1883), т. XII, 473, 474.

Григоровскій, Вас. Алексѣев., поручикъ, впослѣдъ полковникъ, т. XIV, 116, 121, 126.

Григорьевы:

— Аполлонъ Александр., писатель. Воспоминаніе о немъ А. П. Милюкова, т. XI, 98—109.

— Гавріиль, священникъ московскій. Разсказъ о немъ, т. XI, 265—271.

Гримъ:

— Александръ, библиотечаръ, т. XIV, 209.

— Баронъ Фридрихъ-Мельхіоръ, секретарь герцога Орлеанскаго, впослѣдъ русскій резидентъ въ Гамбургѣ. *Статья о немъ*: Отецъ новѣйшей критики, т. XIV, 172—178. Упомян. т. XII, 327, 610, 612, 614.

Гриценко, малороссійскій писатель, т. XIII, 74.

Гриценбергъ:

— Капитанъ-лейтенантъ. Командиръ крейсера «Европа», т. XI, 605—617.

— Севастьянъ, капитанъ главнаго штаба финляндскихъ войскъ. Воспроизведенное сочиненіе его: Путешествіе императора Александра I по Финляндіи въ 1819 году, т. XIV, 154—171.

Гродековъ, полковникъ, т. XI, 619.

Гротъ, Яковъ Карлов., тайный совѣтникъ, академикъ; псевдонимы его (Г., Л. В., Островитянинъ, Пассажиръ II класса, Русскій учитель и X), т. XIII, 237—240. Упомян. т. XII, 382.

Груберъ, генераль-іезуитскаго ордена, т. XIV, 459.

Грудзинская, Іоанна. См. Ловичъ, княгиня.

Грумъ-Гржимайло, Кондратій Ив., сотрудникъ газеты «Сѣверная Пчела», т. XIII, 294.

Гуадальказаръ, маркиза, рожденная д'Антрегъ, испанская грандеса, т. XII, 168, 169.

де-Губернатисъ, Анжело, итальянскій ученый. Библиографическая замѣтка о его Всеобщей исторіи литературы, т. XII, 232. Отзывъ его о Тургеневѣ, т. XIV, 446.

Гудовичъ, гр. Ив. Вас., тамбовскій генераль-губернаторъ, генераль-фельдмаршалъ, московскій главнокомандующій, членъ государств. совѣта, т. XII, 336, 435; т. XIII, 360, 362.

Гудонъ, Жанъ-Антоанъ, французскій скульпторъ, т. XII, 608.

Гумбольдтъ, бароны:

— Карлъ-Вильгельмъ, лингвистъ и эстетикъ. Открытіе памятника ему въ Берлинѣ, т. XIII, 233, 234.

— Фридрихъ-Вильгельмъ-Георихъ-Александръ, натуралистъ и путешественникъ. Открытіе ему памятника въ Берлинѣ, т. XIII, 233, 234. Упомян. т. XII, 169, 174; т. XIII, 583.

Гумилевскій, Дмитр. Григ., архієпископъ черниговскій. См. Филаретъ.

Гурко, Іосифъ Владимір., генераль-адъютантъ, генераль-отъ-кавалеріи, начальникъ отряда дѣйствующей арміи, впослѣдъ варшавскій генераль-губернаторъ, т. XI, 110, 114.

Гуровичъ, русскій ученый еврей, т. XI, 342.

Гуровскій, графъ, эмигрантъ, т. XI, 249.

Гусевъ, С. В., писатель, псевдонимы его (Г—с—в. и Слово Глаголь), т. XIII, 237, 239.

Гуссо, Арсенъ, французскій писатель, т. XIV, 604.

Густавъ IV, шведскій король, т. XII, 551.

Густавъ-де-Романъ, французскій префектъ, т. XII, 166.

Гусятниковъ, москвичъ, патриотъ 1812 г., т. XIII, 650.

Гюбнеръ, профессоръ берлинскаго университета, т. XI, 389.

де-Гюбнеръ, баронъ, французскій дипломатъ и писатель. Библиографическая замѣтка о соч. его о Сикстѣ Пятомъ, т. XII, 230.

Гюго, Викторъ-Мари, французскій поэтъ, т. XII, 170, 173; т. XIII, 473; т. XIV, 381, 382.

Д.

Даву, Люи - Никола, французскій маршалъ, т. XII, 426, 427.

Давыдовы:

— Денисъ Вас., генераль - лейтенантъ, партизанъ, писатель. Незданное стихотвореніе его, т. XI, 224. Упомин. т. XIV, 539, 540.

— Ив. Ив., членъ русскаго отдѣленія академіи наукъ, т. XIII, 301, 319. — Рожденная гр. Бутурлина, т. XII, 348.

Дагерръ, Люи - Жакъ - Манде, изобрѣтатель свѣтописи (дагерротипіи). Поставка памятника ему, т. XIV, 645.

Даль (Дуганскій), Владим. Ив., писатель, лексикографъ, т. XI, 728; т. XIV, 371, 372.

Дальмакъ, французскій актеръ въ Петербургѣ, т. XIII, 648.

Дамье, музыкальный рецензентъ газеты «Journal de St.-Petersbourg», т. XIII, 307.

Дандевиль, Викторъ Деизерьевъ, генераль-майоръ, наказной атаманъ уральскаго войска, т. XII, 504.

Данилевскіе:

— Григор. Петр., дѣйствит. статскій совѣтникъ, писатель. Разказъ его: Восемьсотъ двадцать пятый годъ, т. XIII, 5—30.

— Полковникъ, русскій генеральный консулъ въ Вѣлградѣ (1845 г.), т. XI, 249.

— Прохоръ, малороссійскій писатель, т. XIII, 72.

Даниловы:

— Ассесоръ въ Ригѣ. Дѣло о дракѣ его съ генераль-майоромъ кн. В. П. Долгоруковымъ, т. XIV, 473—491.

— Кирша, псевдонимъ В. Д. Спосовича, т. XIV, 467.

— Полковникъ лейбъ-гвардіи стрѣльцоваго баталіона, т. XIV, 334.

Данъ, Феликсъ, нѣмецкій писатель. Библиографическая замѣтка о его романѣ: Felicitas, т. XI, 465.

Дарлей, Генри Стюартъ, графъ Леннокъ, англійскій лордъ, 2-й супругъ Маріи Стюартъ, т. XI, 681, 682, 684—689.

Дашковы:

— Дм. В., т. XIII, 149.

— Княгиня Екатор. Романов., рожденная гр. Воронцова, президентъ російской академіи наукъ. Замѣтка о дачѣ ея—Кирьяново, т. XI, 426—428. Дополненіе къ этой замѣткѣ, т. XI, 728. Упом., т. XII, 605; т. XIV, 638, 639.

— Пав. Яков., собиратель русскіхъ гравюръ и автографовъ. *Сообщилъ:* Два неизданныхъ стихотворенія Пушкина, т. XI, 468, 469. Стихотворное посланіе Е. Н. Батюшкова къ А. И. Тургеневу, т. XII, 236—238. Упомин. т. XI, 427.

Дашъ, графиня, псевдонимъ французской писательницы виконтессы де-Сень-Марсъ. См. это слово.

Дверницкій, польскій повстанскій генераль, т. XI, 70; т. XIV, 642.

Дежневъ, Семень, старшина донскихъ казаковъ, открывшій проливъ, названный Беринговымъ, т. XII, 672.

Де-Лоне, губернаторъ Бастили, т. XII, 186.

Делоръ, Таксилъ, замѣтка о его иллюстрированной исторіи второй имперіи, т. XII, 699.

Дельвицъ, баронъ Антонъ Антонов., поэтъ, т. XIV, 530.

Деляновъ, Ив. Давыд., дѣйствит. тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь, сенаторъ, министръ народнаго просвѣщенія. Извѣстія иностранной печати о немъ, т. XI, 197.

Демертъ, Н. А., писатель, т. XIII, 237.

Денисовы:

— Андрей, изъ рода князей Мышецкихъ, основатель выгорѣцкаго общецелительства, т. XIII, 477—479, 602—604, 606.

— Симеонъ, изъ рода князей Мышецкихъ, выгорѣцкій раскольникъ, т. XIII, 477—479, 604, 609—612.

— Соломонія, выгорѣцкая старица, т. XIII, 604.

Депрерадовичъ, Федоръ Мих., генераль-майоръ, т. XI, 120—122, 124, 367, 369, 379.

Деревницкій, Н. М., негласный помощникъ и совѣтникъ ковенсакаго губернатора Н. В. Муравьева, т. XIV, 345, 348, 349.

Державинъ, Гавр. Роман., поэтъ и министръ юстиціи, т. XII, 553; т. XIII, 151.

Де-Роберти, цензоръ петербургскаго цензурнаго комитета, т. XII, 76.

Дорожнискій, Валер. Филип., генераль-майоръ, герой Шинки, т. XI, 115, 360—363, 367, 369.

Дестунисъ, Н. Д., псевдонимъ ея (Крылова Н.), т. XIII, 238.

Дживонсъ, Станли, англійскій профессоръ. Библиографическая замѣтка о соч. его: Системы социальной реформы, т. XIII, 206, 207.

Джунковскій, Степ. Семен., непре-

мѣнный секретарь импер. вольнаго экономического общества, т. XI, 670.

Джэмсъ, Генри (младшій), американскій писатель. Ст. его: Венеція, т. XIV, 576—596.

Дзвонковский, Ромуальдъ, чиновникъ варшавскаго магистрата, польскій повстанецъ, т. XI, 560.

Дидеро, Дени, французскій энциклопедистъ. Статья по поводу книги Морлея: «Дидеро и энциклопедисты», т. XI, 649—669. Упомян. т. XII, 327, 610; т. XIV, 176, 177, 209—211.

Дій, Артемій, московскій докторъ (1644 г.), т. XIII, 374.

Диксонъ, Вильямъ, англійскій писатель, т. XIII, 712.

Дилькъ, Чарльзъ, редакторъ Athenaeum'a; отзывъ его о Тургеневѣ, т. XIV, 447.

Дипонъ, французъ, кишиневскій садовникъ, т. XII, 389.

Діонисевъ, Д., псевдонимъ писателя Д. Л. Мордовцева, т. XIII, 237.

Дмитревскій, Ив. Аоанасьев., знаменитый актеръ, основатель русскаго театра, членъ россійской академіи, т. XIII, 647.

Дмитріевъ - Мамоновъ, гр. Александръ Матвѣев., генераль-лейтенантъ, фаворитъ Екатерины II, т. XII, 535—538.

Дмитріевы:

— Воевода г. Устюга, т. XI, 393.

— Ив. Ив., поэтъ, т. XIV, 536.

— М. А., авторъ статьи «Мелочи изъ запаса моей памяти», т. XII, 371.

Дмитрій:

— (Сулма) архіепископъ кишиневскій, т. XII, 384, 388—393.

— (Сѣченовъ), митрополитъ петербургскій и новгородскій, т. XII, 282.

Дмитрій Ивановичъ, великій князь московскій, владимірскій и новгородскій (род. 1483 г., † 1509 г.), т. XII, 261, 262, 264.

Дмитрій Святой, митрополитъ ростовскій и ярославскій, т. XII, 336.

Добржанскій, Янъ, редакторъ львовской газеты Gazeta Narodowa, т. XI, 67.

Доброва, Маруся, малороссійская писательница (Розова), т. XIII, 72.

Добровольскій, подполковникъ радомскаго военнаго отдѣла, впослѣд. генераль-маіоръ, убитый подъ Плевной, т. XI, 90.

Добролюбовъ, Никол. Александров., критикъ, т. XII, 157; т. XIII, 76.

Добротворскій, Ив. Мих., дѣйствит. статскій совѣтникъ, магистръ бого-

словскихъ наукъ, профессоръ казанскаго университета. Некрологъ его, т. XIV, 462, 463.

Добрынинъ, ковенскій епископъ, впослѣд. виленскій архіепископъ. См. Александръ.

Доде, Альфонсъ, французскій романистъ. Ссылка на соч. его: «Евангелистка», т. XII, 154, 155.

Долгорукіе, князья:

— Русскій княжескій домъ, т. XI, 9, 19, 202, 204.

— А. А., шацкій помѣщикъ, т. XIII, 119.

— Александра Григ. См. Салтыкова.

— Алексѣй Григ., сенаторъ, дѣйствит. тайный совѣтникъ, т. XI, 20—22; т. XIV, 436.

— Вас. Андреев., генераль-адъютантъ, управлявшій военнымъ министерствомъ, впослѣд. шефъ корпуса жандармовъ и управляющій III отдѣленіемъ собственной Е. В. канцеляріи, т. XI, 344; т. XII, 68, 72.

— Вас. Владим., стольникъ, а потомъ генераль-фельдмаршалъ, т. XI, 9—13.

— Владим. Петр., генераль-маіоръ, впослѣд. генераль-лейтенантъ и ливляндскій губернаторъ. Дѣло о дракѣ его съ ассесоромъ Даниловымъ, т. XIV, 473—491.

— Екатер. Ѳеодоров., рожден. Бяратинская, т. XIII, 357.

— Ив. Мих., тайный совѣтникъ, авторъ сатирическихъ стиховъ, т. XIII, 649.

— Ирина Петр., жена Сер. Петр., прозелитка, т. XI, 201, 204, 205.

— Сергій Григ., посланникъ въ Варшавѣ, т. XIV, 436.

— Сергій Петр., посолъ въ Голландіи, т. XI, 201.

— Убитый на дуэли княземъ Яшвилемъ, т. XIV, 347.

— Яковъ Ѳеодор., сенаторъ, т. XI, 10.

Долгорукій-Аргутинскій, князь, армянскій патриархъ, т. XII, 560.

Долэнго, предводитель польскихъ повстанцевъ въ Литвѣ. См. Сѣраковский.

Домбровскій, полковникъ, командиръ полка, расположенъ въ г. Борисовѣ, минск. губ., полякъ, участникъ въ подавленіи мятежа, т. XIV, 89, 90, 95.

Домейко, виленскій губернский предводитель дворянства, т. XIV, 335.

Донне, французскій кардиналъ, т. XIV, 604.

Доре, Густавъ, французскій художникъ и иллюстраторъ. Забѣтка о его рисункахъ къ соч. Шекспира, т. XII, 480.

Доротей, имя двухъ герцогинь курляндскихъ. См. фонъ-Биронъ и де-Талейранъ-Перигоръ.

Доросей, архимандритъ боровскаго пафлутіева монастыря, т. XI, 276.

Достоевскіе:

— Михаилъ Михайл., писатель, т. XI, 100.

— Федоръ Михайл., писатель, т. XI, 292; т. XIV, 381, 386—388.

Дреслеръ, православный священникъ рижской епархіи, т. XIV, 258, 262.

Дроздовскій, подполковникъ, т. XI, 360.

Дроздовъ, Васил. Мих., митрополитъ. См. Филаретъ.

Дройзень, Йоганъ-Августъ, нѣмецкій историкъ, профессоръ берлинскаго университета, т. XI, 390.

Дрыгальскій, А. Забѣтка о соч. его: «Русская армія въ войнѣ и мирѣ» и «Стратегическія кавалерійскія маневры генерала Гурко въ 1882 г. и стремленіе къ переформированію русской кавалеріи», т. XIV, 627.

Д—скій, Н. Библиографическая замѣтка его: Памятники русской старины владимірской губерніи—И. Голышева, т. XIV, 622, 623.

Дубасовъ, И. И. Ст. его: Чума и пугачевщина въ шацкой провинціи, т. XIII, 113—135.

Дубельтъ, Леонгій Вас., генераль-отъ-кавалеріи, управляющій III отдѣленіемъ собств. Е. В. канцеляріи, т. XIII, 320, 321.

Дубицкій, ротный командиръ, пострадавшій во время бунта новгородскихъ военныхъ поселянъ, т. XIII, 341, 342.

Дубовъ, поручикъ, пострадавшій во время бунта новгородскихъ военныхъ поселянъ, т. XIII, 341.

Дубровинъ, Н. О., членъ-корреспондентъ императорской академіи наукъ. Библиографическая замѣтка о сочин. его: Отечественная война въ письмахъ современниковъ, т. XII, 683—685. Упомян. т. XII, 425—438.

Дубянский, священникъ, духовникъ императрицы Елисаветы Петровны, т. XII, 336.

Дугласъ, древнѣйшая шотландская фамилія, т. XI, 691, 692.

Дункеръ, Максъ. Забѣтка объ его Исторіи древняго міра, т. XII, 695.

Духонина, сестра милосердія, т. XI, 375.

Дыдицкіе:

— Мих. Осипов., учитель кишиневской духов. семинаріи, т. XII, 387—389, 394.

— Целагея Вас., вдова учителя кишиневской духов. семинаріи. Разсказъ ея о Пушкинѣ, т. XII, 384—394.

Дымскій, Модестъ. малороссійскій писатель, т. XIII, 72.

Дѣдушицкій, графъ, предсѣдатель львовскаго археологическаго общества, писатель, т. XIII, 727, 728.

Дюбуа-Реймонъ, натуралистъ, ректоръ берлинскаго университета. Библиографическая замѣтка о вступительной рѣчи его, т. XI, 467.

Дювержье де-Горанъ, Поль, французскій публицистъ, т. XIV, 600.

Дюдеванъ, Аврора, рожд. Дюпень, французская писательница (Жоржъ-Зандъ), т. XIV, 370, 376.

Дюканъ, Максимъ. Библиографическая замѣтка о его Воспоминаніяхъ, т. XIII, 474.

Дюклеръ, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ. Разговоръ его о назначеніи гр. Игнатьева министромъ вн. дѣлъ и предсѣдателемъ совѣта министровъ, т. XI, 192.

Дюю, Теодоръ, французскій министръ, сенаторъ, т. XIV, 603.

Дюма:

— Александръ (сынъ), французскій писатель. Библиографическая замѣтка о брошюрѣ его въ защиту правъ незаконныхъ дѣтей, т. XIV, 208. Упомян. т. XIV, 601.

— Александръ (отецъ). Постановка ему памятника, т. XIV, 645, 646.

— Гр. Матье, французскій генералъ, смотритель московскаго кремля въ 1812 г., т. XIII, 652.

Дюпати, Люи-Эмануэль-Фелисите, Шарль Мерсье, французскій инженеръ и драматургъ, т. XII, 173, 174.

Дюпень:

— Аврора. См. Дюдеванъ.

— Андре-Мари-Жанъ-Жакъ, французскій государственннй челоувѣкъ и юристъ, т. XIV, 605.

Дюранъ-Гревиль, французскій писатель; отзывъ его о Тургеневѣ, т. XIV, 447.

Дюренъ, первый французскій актеръ въ Петербургѣ, т. XIII, 648.

Дюрюи, писатель. Библиографическая замѣтка о соч. его: Histoire des romains depuis les temps les plus re-

culés jusqu'à l'invasion des barbares, т. XI, 445—448.

Е.

Евгеній:

— Герцогъ виртембергскій; объ изданіи переписки его съ Гофманомъ, т. XIV, 529.

— (Евѣмій Болховитиновъ), митрополитъ кievскій и галицкій, т. XI, 283.

Евгеній-Людви́гъ, принцъ, впоследствии герцогъ виртембергскій, отецъ Маріи Ѳеодоровны, супруги Павла I, т. XII, 608, 609.

Евгеній Максимиліановичъ, герцогъ Лейхтенбергскій, т. XI, 114.

Евгенія-Марія де-Гусманъ (донна де-Монтихо), императрица французская, т. XIV, 606, 608, 610.

Евдокія Лукьяновна (Стрѣшневъ), вторая супруга царя Михаила Ѳеодоровича, т. XIV, 199, 201.

Евдокія Ѳеодоровна (Лопухина), первая супруга императора Петра I, въ иночествѣ Елена, т. XI, 9, 18.

Евстафій, митрополитъ солунскій, т. XI, 291.

Евстратовъ, пугачевскій полковникъ, т. XIII, 123.

Евѣевъ, атаманъ пугачевской шайки, т. XIII, 126, 127.

Евсюковъ, дворянинъ, карантинный смотритель, т. XIII, 116.

Ежова, Екатер. Ив., актриса, т. XIII, 143, 156, 158, 159.

Ѳздаковъ, поручикъ, участникъ хивинской экспедиціи 1839 г., т. XIII, 586, 587.

Езеранокій, Антоній, польскій повстанскій генераль. Статья о немъ, т. XI, 67—97.

Екатерина I Алексѣевна, императрица, т. XI, 19; т. XII, 254, 256, 276, 278, 279, 332.

Екатерина II Алексѣевна (Софія-Августа-Фредерика), принцесса Ангальтско-Цербстская), русская императрица. Отношенія ея къ Жанъ-Жакъ Руссо, т. XII, 603—617. Памятникъ въ Ирбитѣ, т. XII, 706. *Упомян.* т. т. XI, 202, 428, 670; т. XII, 9, 15, 24, 125, 126, 129, 232, 238, 277, 280, 282—284, 326—328, 331, 339, 340, 343—352, 528, 535—555; т. XIII, 127, 134, 145, 348, 351, 352, 358, 363—366, 368, 457—462, 480, 484, 712, 713; т. XIV, 5, 6, 209, 459, 569, 616, 638—641.

Екатерина Антоновна, принцесса Брауншвейгская, т. XI, 159,

Екатеринославецъ, псевдонимъ писателя Г. Паперъ, т. XIII, 238.

Елагинъ:

— Авд. Петровна, племянница В. А. Жуковского, т. XI, 701.

— Ив. Перфильевъ, директоръ театра, президентъ главной масонской ложи, т. XII, 548.

Елисавета (Тюдоръ), английская королева, т. XI, 680—682, 693,

Елисавета Алексѣевна (Луиза-Марія-Августа, принцесса Баденская), императрица, т. XIV, 572.

Елисавета Антоновна, принцесса Брауншвейгская, т. XI, 159—161.

Елисавета Петровна, императрица. Письма къ ней: Гр. А. И. Шувалова, т. XII, 238, 239; Гр. М. А. Румянцевой, т. XIV, 634, 635. *Упомян.* т. XII, 232, 260, 280, 282, 331, 332, 336, 624; т. XIII, 483.

Елиашевичъ, польскій повстанецъ, т. XI, 567—573.

Ельмурзинъ, татаринъ, начальникъ кремлевскихъ карауловъ въ 1812 г., т. XIII, 145.

Еникѣевъ, депутатъ темниковскаго уѣзда, повѣщенный пугачевцами, т. XIII, 127.

Ергардъ, прусскій епископъ, т. XII, 198.

Еремѣевъ, Антонъ, плотникъ, строитель шпича петропавловской колокольни въ Петербургѣ, т. XIII, 483.

Ермакъ Тимофѣевичъ, покоритель Сибири. Празднованіе трехсотлѣтія Сибири въ самой Сибири, т. XI, 473, 474.

Ермоловы:

— Алексій Петр., генераль отъ инфантеріи, членъ государственнаго совѣта, т. XIV, 11.

— Отставной сержантъ, сторонникъ Пугачева, т. XIII, 122.

Ерофеевъ, поручикъ, участникъ хивинской экспедиціи 1839 г., впоследствии капитанъ, т. XIII, 586, 587.

Ерошенко, А., писатель, т. XIII, 237.

Есиповъ, Григ. Васил. дѣйствит. статскій совѣтникъ. Статья его: Меншиковъ и видѣніе монаха Порфирія, т. XII, 85—102. *Сообщилъ:* Письма гр. А. И. Шувалова къ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, т. XII, 238, 239. Письмо Маріи-Терезы Левассеръ, вдовы Жанъ-Жака Руссо къ Екатеринѣ II, т. XII, 615—617. Проектъ князя Потемкина объ устройствѣ казацкаго войска изъ мѣшанъ и ямщицковъ, т. XIII, 224—226. Документы,

касающіеся гр. П. С. Потемкина, т. XIII, 345—371.

Ефремовъ, П. А., писатель, псевдонимъ его (О—нъ П.), т. XIII, 239.

Ефремъ:

— Митрополитъ казанскій, т. XII, 269—273.

— Настоятель саровской пустыни, т. XIII, 128.

Ж.

Жадовская, Юлія Валеріан. (Севенъ), писательница. Некрологъ ея, т. XIV, 463.

Жандръ, Андрей Андреев. дѣйствит. тайный совѣтникъ, сенаторъ, писатель и переводчикъ, т. XII, 403, 404; т. XIII, 154.

Жаненъ, Жюль-Габріель, французскій романистъ и журналистъ, т. XII, 173, 174.

Жасминовъ, гр. Алексісъ, псевдонимъ писателя В. П. Буренина, т. XIII, 237.

Жверждовскій, Людвигъ, капитанъ генеральнаго штаба, вполнѣд. начальникъ польской повстанской шайки (Топоръ), т. XI, 726.

Желъзновъ, Иосафъ Игнатъев. писатель-этнографъ, т. XII, 530.

Желъзнякъ, С., псевдонимъ автора «Материаловъ для словаря псевдонимовъ» Пономарева, т. XIII, 236, 240.

Желъзо, почтаевскій игумень. См. Оловъ.

Жерве, цензоръ министерства иностранныхъ дѣлъ, т. XIII, 307.

Жеребцовъ, Афанас. Петр., капитанъ, слѣдователь по расколу, т. XIII, 641—644.

Жеромъ - Наполеонъ Бонапартъ, французскій принцъ, т. XII, 172; т. XIV, 598, 602; 604, 609.

Жикмонъ, А., писатель, т. XIV, 466.

Жихаревъ, Степанъ Петр., тайный совѣтникъ, писатель, театралъ, т. XIII, 141, 142.

Жозефина, Марія-Роза Ташеръ-де-ля-Пажери, по первому браку Богарне, супруга Наполеона I Бонапарте, т. XIV, 606, 610.

Жоржъ, французская актриса въ Петербургѣ, т. XIII, 648.

Жоффрениъ, Марія-Терезія, т. XII, 327.

Жуковскіе:

— Вас. Андреев., поэтъ. Къ юбилею его, т. XI, 407—425. Конкурсъ на

сочиненіе о немъ, т. XII, 240. *Библиографическія замѣтки:* т. XI, 699—702; т. XII, 463—465. *Упоми.* т. XIII, 149, 162, 163, 735.

— Е. А., рожденная Рейтернъ, супруга поэта, т. XI, 422.

Жуковъ, полковникъ, командиръ сапернаго резервнаго баталіона, т. XIV, 115.

Журавскій, инженеръ, строитель шпича петропавловской колокольни, т. XIII, 583.

Жучковскій, жандармскій капитанъ, завѣдывавшій X-мъ павильономъ варшавской александровской цитадели, т. XI, 79, 80.

Жюбе, аббатъ, наставникъ кн. С. П. и И. П. Долгорукихъ, «миссіонеръ» въ Россіи, т. XI, 201—205.

де-**Жюбенвилъ, Арбуа,** профессоръ Collège de France. Замѣтка о соч. его: Введеніе къ изученію кельтской литературы, т. XII, 696, 697.

Жюль-Симонъ, французскій министръ просвѣщенія и писатель, т. XI, 587, 588.

З.

Забіелла, докторъ-полякъ въ Смоленскѣ въ холерное время 1830 г., т. XIV, 221, 223.

Забѣло, Евдокія Мих. См. Безбородко.

Завадовскій, гр. Петръ Вас., министръ народнаго просвѣщенія, а потомъ президентъ департамента законовъ госуд. совѣта, т. XII, 340, 543; т. XIII, 458, 459.

Завѣтный, бумажный фабрикантъ, т. XII, 375.

Загоринъ, П. Библиографическая замѣтка о соч. его: В. А. Жуковскій и его произведенія, т. XII, 463—465.

Загорѣцкій, Никол. Александров., поручикъ генеральнаго штаба, декабристъ, т. XII, 411.

Загоскинъ, Михаилъ Никол., писатель, драматургъ и романистъ, т. XIII, 150, 157, 161—163.

Зайцевы:

— Александръ Николаев., сотрудникъ газеты «Сѣверная Пчела», т. XIII, 290.

— Вароломей, русскій эмигрантъ, т. XIV, 509, 510.

Заюничекъ, намѣстникъ въ царствѣ польскомъ, т. XIV, 24, 26—28, 40.

Захревскіе:

— Гр. Арсеній Андреев., генераль-

адъютантъ, московскій генералъ-губернаторъ, т. XIV, 253.

— Прасковья Андреев. См. Потемкина.

Заленскій, А. И., подпоручикъ новгородскихъ военныхъ поселеній, т. XIII, 341.

Заломавинъ, Евсеій, приказный боровскаго пафнутіева монастыря, т. XI, 274, 275.

Заманъ-бекъ-Шихалибековъ, переводчикъ тюркскаго языка, участвовав. въ русскомъ посольствѣ въ Авганістанѣ, т. XI, 622, 644.

Замойскіе:

— Владиславъ, т. XI, 73, 75.

— Гр. Андрей, польскій политикъ и агрономъ, министръ внутреннихъ дѣлъ ц. п., т. XI, 81.

— Гр. Андрей (1716—1792 г.), сенаторъ и великій канцлеръ польскаго королевства, т. XIV, 16.

Зандъ, Жоржъ, писательница. См. Дюдеванъ.

Занкистъ, православный священникъ рижской епархіи, т. XIV, 258.

Запольскій, костромской епископъ. См. Самуилъ.

Зарудневъ, Ив. Ив., иконописецъ, супер-интендантъ, т. XIII, 482.

Зарудные:

— Митроф. Ив., юристъ. Некрологъ его, т. XII, 485.

— Писатель. псевдонимъ его (Погудяевъ), т. XIV, 467.

Захаревичъ, львовскій профессоръ, изслѣдователь галицкой старины, т. XIII, 727.

Зейдлицъ, К. К. Библиографическая замѣтка о сочин. его: Живъ и поэзія В. А. Жуковскаго, т. XI, 699—702.

Зеленовичъ, полякъ, политическій преступникъ, т. XIII, 577.

Зеленой, Александръ Алексѣев., генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи, министръ государств. имуществъ, членъ государственнаго совѣта, т. XIV, 78, 80, 97.

Зелинскій, главноуправляющій гр. Владислава Браицкаго, участникъ польскаго мятежа, т. XIV, 113, 114.

Зерновъ, костромской епископъ, впоследствии казанскій архіепископъ. См. Павелъ.

Зибель, профессоръ исторіи боннскаго университета, т. XI, 593.

Зигфридъ, шадскій врачъ, т. XIII, 116.

Зилинскій, подпоручикъ сапернаго баталіона, впоследствии начальникъ поль-

ской шайки подъ именемъ Лукьяна Воля, т. XIV, 115.

Златоустовъ, Александръ, диаконъ, авторъ Родословной Ростовскихъ князей, т. XIII, 468.

Злотницкій, мировой посредникъ сквирскаго у., кievск. г., т. XIV, 117, 124.

Знаменскій, Оедоръ, настоятель ревельскаго православнаго собора, т. XIV, 501.

Золотарева, Е. Д. См. Мацнева.

Зонтагъ:

— Анна Петр., рожденная Юшкова, писательница, т. XI, 702.

— Суперъ-интендентъ, т. XIII, 165.

Зотовы:

— Владим. Раф., писатель. *Статьи его:* Борьба за существованіе мысли, т. XI, 132—153; т. XII, 438—454; т. XIII, 435—455; т. XIV, 179—197. Энциклопедизмъ и журнализмъ (по поводу книги Морлея: «Дидеро и энциклопедисты»), т. XI, 649—669.

Последній годъ второй республики (по запискамъ де-Вьель-Кастеля), т. XII, 161—177. Погибшая цивилизація. Т. XII, 645—656. Последний гуманизмъ (И. С. Тургеневъ), т. XIV, 135—153.

Первые годы второй имперіи (по запискамъ де-Вьель Кастеля), т. XIV, 597—611. *Библиографическая замѣтка*

о его Исторіи всемірной литературы въ общихъ очеркахъ, біографіяхъ, характеристикахъ и образцахъ, т. XI, 221, 222. *Библиографическія замѣтки*

его: Полное собраніе сочиненій кн. Д. И. Одоевского, т. XI, 457, 458. Двадцать пять лѣтъ русскаго искусства, т. XI, 462, 463. Біографическій лексиконъ писателей настоящаго времени—Фр. Борнмюллера, т. XII, 214—216. Катакомбы, древнехристіанскія мѣста погребенія, ихъ исторія и памятники—В. Шульце, т. XII, 216, 217. Статьи для публлки по вопросамъ историческимъ, политическимъ, общественнымъ, философскимъ и проч.—В. И. Модестова, т. XII, 225—227. Луціанъ Бонапарте и его записки—Юнга, т. XII, 455—458. В. А. Жуковскій и его произведенія—П. Загорина, т. XII, 463—465. Очерки новѣйшей исторіи (1815—1883), т. XII, 473, 474. Описаніе неизданныхъ и малоизвѣстныхъ монетъ европейской Сармаціи, Таврическаго Херсонеса и Востора Климверійскаго изъ собранія А. М. Подшивалова, т. XII, 689, 690. Русская историческая бібліографія за 1865—76 г.—В. И. Ме-

жова, т. XII, 690, 691. Московский крестьянин И. Т. Посошковъ — И. Ремезова, т. XIII, 211, 212. Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ — Ю. В. Иверсена, т. XIII, 465, 466. Москва, историческій очеркъ — Агриппины Плечко, т. XIII, 467. Отчетъ императорской публичной библиотеки за 1881 годъ, т. XIII, 713—715. Собрание трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами — Ф. Мартенса, т. XIV, 201, 202. Изъ Зайсава черезъ Хами въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки, — третье путешествіе въ центральной Азіи Н. М. Пржевальскаго, т. XIV, 437—439. Исторія XIX вѣка — Ж. Мишле, т. XIV, 443. Отчетъ о занятіяхъ комисіи для изысканія мѣръ и улучшения преподаванія новыхъ языковъ въ средн. завед. кавказск. учебн. округа, т. XIV, 625. Упомян. т. XIII, 237.

— Камердинеръ Екатерины II, т. XII, 556.

— Рафаилъ Мих., писатель, т. XIII, 310, 311.

Зубовы, графы:

— Валеріанъ Александр., генераль-аншефъ, членъ государственнаго совѣта, т. XIII, 362.

— Платонъ Александр., генераль-адъютантъ, генераль-фельдцейхмейстеръ, членъ государ. совѣта, т. XII, 535—538, 541—544, 547—552; т. XIII, 461.

Зыковы:

— Авторъ соч. «Война 1877—1878 годовъ», поправки и дополненія къ этому сочиненію — генерала В. Д. Кренке, т. XI, 118, 125, 364, 369.

— Севастьянъ, секретарь московской дикастеріи, т. XI, 273.

И.

Ивановы:

— А. Ф., писатель, псевдонимы его (Классикъ и Старый воробей), т. XIII, 238, 239.

— Викторъ Мих., военный инженеръ-поручикъ, т. XI, 111—114, 117, 119, 123, 125, 361, 362, 370—374.

— Генераль туркестанскихъ войскъ, т. XI, 626.

— Григорій, крестьянинъ с. Великое-Село, новгородской губ., старо-вѣръ, т. XIII, 334, 335.

— Михаилъ, сторожъ москов. церкви всемилостив. спаса, свидѣтель без-

чинство свящ. Кирила Ѳеодорова, т. XI, 268, 269, 271, 272, 277.

— Николай, псевдонимъ писателя Н. И. Шульгина, т. XIII, 239.

— Ротный командиръ новгородскихъ военныхъ поселеній, т. XIII, 338, 339.

— Степанъ, даніловскій крестьянинъ, расколуучитель, т. XIII, 479.

— Трифонъ, строитель иконостаса въ петропавловскомъ соборѣ въ Петербургѣ, т. XIII, 482.

— Федоръ, астраханскій священникъ, сторонникъ Пугачева, т. XIII, 122.

Иванъ III Васильевичъ, великій князь московскій, т. XII, 262, 264, 620.

Иванъ IV Васильевичъ Грозный, царь московскій, т. XII, 264, 265, 335; т. XIV, 26.

Иванъ V Алексѣевичъ, царь московскій, т. XII, 274—276.

Иванъ VI Антоновичъ, императоръ, т. XII, 264, 609.

Иванютенковъ, И., писатель, псевдонимъ его (Хлѣбный Торговецъ), т. XIV, 468.

Иванкевичъ, полякъ, политическій преступникъ, впослѣд. пожалованный въ офицеры, т. XIII, 577, 578, 584, 585.

Иверсень, Ю. В. Библиографическая замѣтка объ изданіи его: Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ, т. XIII, 465, 466.

Игнатій (Смола), митрополитъ крутицкій, впослѣд. коломенскій, т. XI, 279.

Игнатовъ, дьячекъ, сторонникъ Пугачева, т. XIII, 132.

Игнатъевъ, гр. Никол. Павлов., генераль-адъютантъ, генераль-отъ-инфантеріи, министръ внутр. дѣлъ, членъ государственнаго совѣта. Отзыви и слухи иностранной печати о немъ, т. XI, 191—195, 197.

Измайловы:

— Александръ Мих., архангельскій вице-губернаторъ, баснописецъ, т. XIII, 154, 156.

— И. Н., писатель, псевдонимы его (Баровъ Миловзоровъ, Гамлетъ, Иксъ, и Ольгинъ), т. XIII, 237, 238, 736.

— Мих. Мих., генераль-аншефъ, московскій главнокомандующій, т. XIII, 363.

— Петръ Ив., капитанъ преображенскаго полка, преданный чело-вѣкъ императора Петра III, т. XIII, 459.

Икольниковы:

— Владим. Степ., профессоръ кievскаго университета, т. XIII, 237.

— Михайлъ, священникъ въ Вейсенбергѣ, а потомъ въ Ревелѣ, т. XIV, 494, 495.

Иксъ, псевдонимъ писателя И. Н. Измайлова, т. XIII, 238.

Иларіонъ, архимандритъ соловецкаго монастыря, т. XIII, 369.

Илецкій, Мих., псевдонимъ писателя М. Л. Михайлова, т. XIII, 238.

Илличевскій, Алекс. Демьян., писатель, т. XIV, 526.

Иловаяскіе:

— Дмитр. Ив., дѣйствит. статскій совѣтникъ, профессоръ, историкъ. Библиографическая замѣтка о его Очеркахъ и разсказахъ изъ всеобщей исторіи, т. XIII, 216, 217.

— Полковникъ донскаго № 30 полка, т. XI, 366.

Ильинскіе:

— Докторъ, замученный бунтовщиками новгородскихъ военныхъ поселеній, т. XIII, 342.

— Н. С., авторъ «Оды на взятіе Очакова», т. XIII, 238.

Имеретинскій, кн. Александръ Копстап., генералъ-лейтенантъ, командующій дивизіей, т. XI, 378, 379.

Изовъ, Ив. Никит., генералъ-отъ-инфантеріи, намѣстникъ бессарабской области и новороссійскій генералъ-губернаторъ, т. XII, 389—392, 395.

Инокентій (Кульчицкій), святой, епископъ иркутскій и нерчинскій, т. XII, 336.

Ираклій, царь карталинскій и катетинскій, т. XIII, 352.

Иринархъ (Поповъ), кишиневскій епископъ, т. XII, 386.

Иринеи (Ив. Гавр. Нестеровичъ), епископъ пензенскій и саранскій, вполсѣд. иркутскій, т. XI, 727; т. XII, 385—393.

Иродіонъ, священникъ села Гремячки, сторонникъ Пугачева, т. XIII, 122.

Исаакій, архимандритъ казанскаго нижнеомовскаго монастыря, торжественно встрѣтившій пугачевцевъ, т. XIII, 125.

Исидоръ (Никольскій), митрополитъ новгородскій, с.-петербургскій и финляндскій, т. XII, 75.

Иф . . . ль, псевдонимъ профессора В. И. Герье, т. XIII, 238.

І.**Іовъ:**

— (Желѣзо), первый игуменъ почтаевой обители, т. XIV, 641.

— Кавкаскій старообрядческій епископъ, т. XIV, 319.

Іорданъ, Ѳеодоръ Ив., тайный совѣтникъ, профессоръ гравированія, ректоръ петербургской академіи художествъ. Некрологъ его, т. XIV, 461, 462.

Іеронимъ, Бонапартъ, король вестфальскій, т. XIV, 14.

Іоакимъ, девятый патриархъ всероссійскій, т. XII, 274, 276.

Іоакимъ I Наполеонъ (наполеоновскій генералъ Муратъ), король Обѣихъ Сицилій, т. XIII, 654; т. XIV, 610, 611.

Іоанна - Елисавета, принцесса ангальтская - чербтская, мать Екатерины II, т. XIII, 459, 460.

Іоаннъ (Никитинъ), епископъ великоустюжскій, т. XI, 483, 484, 487—491.

Іоакимъ-Фридрихъ, маркграфъ бранденбургскій, временный правитель Пруссіи, т. XII, 204.

Іовъ, патриархъ всероссійскій, т. XII, 268.

Іоганъ-Альбрехтъ, герцогъ мекленбургскій, т. XII, 201.

Іосифъ:

— II, императоръ германскій, т. XII, 351.

— Пятый патриархъ всероссійскій, т. XII, 274.

І.

Іакобъ, Этьенъ. Соціализмъ въ его сочиненіяхъ, т. XI, 184—186.

Іаваньякъ, Эженъ-Люи, французскій военный министръ, т. XIV, 603.

Іавелинъ, Л. К., писатель, т. XIV, 467.

Іавуръ, гр. Камилъ ди-Бенсо, итальянскій министръ земледѣлія, вполсѣд. финансовъ и иностр. дѣлъ и президентъ министровъ. Библиографическая замѣтка объ изданныхъ письмахъ его. т. XI, 205, 206.

Іазати, французскій археологъ. Библиографическая замѣтка о соч. его: Fortis Etruria: Origine Etrusque du droit romain, т. XII, 230.

Іазиміръ:

— IV, король польскій, т. XII, 194.

— Польскій королевичъ, т. XII, 205, 207.

Казнаковъ, Никол. Геннадіев., кіевскій губернаторъ, вполсѣд., генералъ отъ инфантеріи, генералъ-губернаторъ западной Сибири, т. XIV, 109.

Калачовъ, Ник. Вас., археологъ, т. XI, 477.

Калиновскій, великоновгородскій и великолукскій архіепископъ. См. Стефанъ.

Калинскій, Я., писатель, т. XIII, 240.

Калицкій, офицеръ польск. войскъ, повстанецъ, т. XI, 71.

Каллай, докторъ, участникъ польскаго повстанія, т. XI, 71.

Камбассересъ, Жанъ-Жакъ Режисъ, герцогъ пармскій, французскій министръ юстиціи и архиканцлеръ, т. XIV, 609.

Камерата, французскій графъ, т. XIV, 609.

Кампанелла, Томасъ, монахъ доминиканскаго ордена, ученый. Замятка о его «Царствѣ солнца», т. XI, 174—176.

Каннио Муссиньяно, князь Шарль-Луцианъ-Жюль Лоренсъ Бонапартъ. См. Луцианъ Бонапартъ.

Каннисть:

— Графъ, т. XII, 422.

— Надворный совѣтникъ, т. XII, 532, 533.

Каратыгины:

— Александра Мих., рожденная Колосова, актриса, т. XIII, 154, 156.

— Петръ Андреевъ, русскій артистъ. Замятка о рисованномъ имъ портретѣ Н. В. Гоголя, т. XIII, 734, 735. Упомин. т. XIII, 298.

— П. П. Ст. его: Графъ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, т. XIII, 345—371. Замятка о портретѣ Н. В. Гоголя, рисованномъ П. А. Каратыгинымъ, т. XIII, 734—736.

Кардо-Сысоевъ, В. В., т. XII, 423.

Карелинъ, рижскій епископъ. См. Веніаминъ.

Карль:

— X (Филиппъ), король французскій, т. XIV, 604, 605.

— XII, шведскій король, т. XII, 219.

— XIV, шведскій король (Жанъ-Батистъ-Жюль Вернадотъ, князь Понтекорво), т. XII, 437.

Карновичъ, Евг. Петръ, литераторъ. См. его: Подданство Пруссіи Польшѣ въ былую пору, т. XII, 192—209. Государственный человѣкъ екатерининскихъ временъ (кн. А. А. Везбородко), т. XII, 326—352, 532—565. Наши го-

сударственные и національные цвѣта, т. XII, 618—623. Поправка къ этой статьѣ, т. XIII, 487, 488. Московскіе люди XVII вѣка, т. XIII, 241—283, 528—575; т. XIV, 48—77, 264—293. Двѣ герцогини курляндскія, т. XIV, 565—575. Замятка къ статьѣ: Московскіе люди XVII вѣка, т. XIV, 231. Библиографическая замятка его: Грамоты XIV и XV вв. московскаго архива м. ю.—Г. М. Мейчика, т. XIV, 620, 621. Упомин. т. XIII, 238.

Каро, французскій писатель. По поводу сочиненія его: «Современная критика и причины ея упадка», т. XII, 154—160.

Карпельсъ, Густавъ. Замятка по поводу статьи его о вдовѣ Генриха Гейне, т. XII, 701.

Карпинскій, офицеръ, составитель прошеній, поданныхъ Николаю I, т. XII, 639—641.

Карпъ, ковенскій губернский предводитель дворянства, т. XIV, 327.

Кастеляръ, французъ, поклонникъ Маріи Стюартъ, т. XI, 679, 680.

Кастельчикала, князь, т. XIII, 712.

Кастренъ, Робертъ, кандидатъ правъ, главный редакторъ газеты «Helsingfors Dagblad». Некрологъ его, т. XIV, 229, 230.

Касьяновъ, Касьянъ Касьяновичъ, псевдонимъ писателя В. П. Бурнашева, т. XIII, 736.

Катеновъ, Вячеславъ. Сообщ. замятки: Къ словарю псевдонимовъ русскихъ писателей, т. XIII, 236—240; т. XIV, 466—468, 648.

Катенинъ, Пав. Александр., писатель и переводчикъ, т. XIII, 154, 155; т. XIV, 537.

Катковъ, Мих. Никиф., тайный совѣтникъ, редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей». Возраженіе его цензурѣ въ 1859 году, т. XI, 352—356. Упомин. т. XII, 256; т. XIII, 485; т. XIV, 361, 507.

фонъ **Кауфманъ**, Констант. Петров., генералъ-адъютантъ, инженеръ-генералъ, виленскій, а потомъ туркестанскій генералъ-губернаторъ, т. XI, 638, 640—645; т. XIV, 130—132, 466.

Каховскіе:

— Вс., малороссійскій писатель, т. XIII, 72.

— Петръ Андреевъ, отставной гвардіи поручикъ, декабристъ, т. XII, 403.

Квашинъ-Самаринъ, О. Т., ассесоръ, слѣдователь по раскольничьимъ дѣламъ, т. XIII, 610—612.

Квятковскій, глава польской «мо-

лодой эмиграці», т. XI, 70, 71, 566, 567, 573.

фонъ-Кейзерлингъ, Германъ-Карль, президентъ петербургской академіи наукъ и посланикъ въ Польшу, т. XIII, 458, 460.

Кендзерскій, В. А., малороссійскій писатель, т. XIII, 73.

Кено, авторъ монографіи: «Berlin, Moskau, St. Petersburg, 1649 bis 1763», т. XII, 624.

Кешенъ, Федоръ. Забѣтка о соч. его: Молитке въ Малой Азии, т. XIV, 630.

Кесяковъ, подполковникъ, командиръ 1 болгарской дружины, т. XI, 121, 126, 381.

Кехли, Германъ, профессоръ гейдельбергскаго университета, т. XI, 400, 405, 406, 593, 594.

Кильбергъ, Никол. Петр., сотрудникъ «Голоса», «Пчелы» и др. журналовъ. Псевдонимы его (Густавъ-Надо и Реалистъ), т. XIII, 736.

Кине, Эдгаръ, авторъ соч. «Esprit pouceau», т. XIV, 502—504.

Киннеръ, В. Г. Забѣтка о соч. его: *Cruces Shakespearianae*, т. XII, 480.

Кирилинъ, чиновникъ военно-походной Е. И. В. канцеляріи, т. XIV, 443.

Кирилль:

— Архимандритъ бѣлозерскаго монастыря, слѣдователь по расколу, т. XIII, 611.

— Мнимый раскольникій святой, т. XIII, 613—620.

Киркоръ, А. К., редакторъ «Виленскаго Вѣстника»; а потомъ редакторъ-издатель газеты «Новое Время», т. XIII, 310, 327.

Киричниковы:

— Александръ Ив., докторъ исторіи всеобщей литературы, профессоръ. Ст. его: Древнехристіанскія катакомбы, т. XIV, 407—429. Библиографическая забѣтка: Биографія и переписка Генриха Гейне—В. Чуйко, т. XIII, 462—465.

— Пугачевскій «директоръ», т. XIII, 123.

Кириловъ, эсаулъ, дѣйствовавшій въ Болгаріи, т. XI, 118.

Кирѣевскіе:

— Ив. Вас., русскій писатель и журналистъ, т. XI, 257.

— Петръ Вас., изслѣдователь русской старины и народнаго быта, т. XI, 257; т. XIV, 535, 536, 538.

Киселевъ, гр., Пав. Дмитріев., генералъ-адъютантъ, министръ госу-

дарственныхъ имуществъ, т. XIII, 308.

Кисимскій, подпоручикъ артиллеріи, дѣйствовавшей въ Болгаріи, т. XI, 123, 360.

Кларти, Жюль, французскій писатель. Библиографическая забѣтка о соч. его: *Un enlèvement au XVIII siècle*, т. XI, 465.

Классовскій, Владим. Игнатъев., сотрудникъ газеты «Сѣверная Пчела», инспекторъ елисаветинскаго женскаго института, т. XIII, 292, 293.

Клейфъ, малороссійскій писатель (Кохнівченко), т. XIII, 74.

Клементьевскій, петербургскій митрополитъ. См. Никаноръ.

Клемминъ, директоръ стокгольмской королевской бібліотеки, т. XI, 703.

Климентъ VIII (Ипполитъ Альдобрандини), папа римскій, т. XIII, 703.

Клоппъ, Онно. Библиографическая забѣтка о соч. его: «1683 годъ и слѣдующая за нимъ турецкая война до карловицкаго мира 1699 г.», т. XIV, 626, 627.

Ключевскій, В. Библиографическая забѣтка о соч. его: *Воярская дума древней Руси*, т. XI, 214—221.

Кнаке, пасторъ. Библиографическая забѣтка объ изданіи сочиненій Лютера, т. XI, 712.

Кобеко, Д. Ф. Сообщ. дополненіе къ ст. «Кирианово, дача княгини Данской», т. XI, 728. Ст. его: Екатерина II и Жанъ-Жакъ Руссо, т. XII, 603—617.

Ковалевскіе:

— В. И., псевдонимъ его (К—скій В. И.), т. XIII, 238.

— Евграфъ Петр., русскій ориенталистъ, оберъ-прокуроръ свят. синода, т. XI, 353.

— П., писатель, т. XIV, 467.

— Полковникъ лейбъ-гвардіи егерскаго полка, т. XIV, 334.

Ковшевъ, псевдонимъ писателя кн. Ф. В. Кугушева, т. XIII, 238.

Кожанчиковъ, Д. Е., книгопродавецъ-издатель, т. XIV, 511.

Кожениковы:

— Декабристъ, т. XIII, 583.

— Минскій губернаторъ, т. XIV, 87, 91.

Козаковичъ, Петръ Вас., адмиралъ, генералъ-адъютантъ, главный командиръ кронштадтскаго порта и военный губернаторъ г. Кронштадта, т. XI, 604, 605.

Козинская, Анна Тих. См. Гойска.

Козловскій, Григ. Матв., примиритель супругов Потемкиных, родителей кн. Таврическаго, т. XIII, 346.

Козловы, Василий и Алексѣй, дворяне, свидѣтели по дѣлу А. Л. Нарышкина, т. XI, 20, 21, 24.

Козмянъ, Каеганъ, польскій литераторъ, т. XIV, 17, 26.

Козодавлевъ, Осипъ Петров., писатель, министр внутренних дѣлъ, т. XIII, 512.

Койгеристъ, православный священникъ рижской епархіи, т. XIV, 258.

Кокоревъ, Александръ. Записка его: Дорожные кресты въ Сѣверо-западномъ краѣ; поправка къ воспоминаніямъ Я. Н. Бутковскаго, т. XIV, 465, 466.

Кокшаровъ, К. Н., инженеръ-капитанъ, членъ пермскаго статистическаго комитета, т. XI, 469.

Кокшкынъ, Федоръ Федоров., писатель, т. XIII, 151, 157, 160, 161.

Коленкуръ, Арманъ-Августинъ-Людовикъ, герцогъ Виченскій, французскій посланникъ въ Россію, впоследствіи министр иностранных дѣлъ, перъ Франціи, т. XII, 436, 437.

Колесниковъ, Вас. Павл., португей-прапорщикъ, т. XI, 727.

Колзаковъ, генераль-адъютантъ. Приказъ его о прическѣ, т. XI, 223.

Колодзейскій, полякъ, покушавшійся на жизнь польскаго генерала Вема, т. XI, 72.

Коломнинъ, А. П. Сообщилъ: замѣтки къ исторіи крѣпостнаго права, т. XI, 470, 471. Докладную записку гр. А. П. Вестушева-Рюмина Екатерины II о племянникѣ архіепископа Симона Тодорскаго, т. XIII, 226.

Колосовы:

— Александра Мих. См. Каратыгина.

— М., студентъ харьковскаго университета, т. XI, 553.

Колунайно, офицеръ генеральнаго штаба, ковенскій дворянинъ, повстанецъ, т. XIV, 364.

Колычевъ, Степанъ Алексѣев., русскій посланникъ въ Берлинъ, Вѣнѣ и Парижѣ, т. XIII, 710.

Кольчугинъ, Г. Н., писатель, т. XIII, 238.

Командино, Федерико, итальянскій ученый и поэтъ, воспитатель Торкватто Тассо, т. XIII, 422.

Комаровы:

— М. Библиографическая замѣтка

о соч. его: Показчикъ новоукраинской литературы, т. XII, 691.

— Подполковникъ, пермскій жандармскій штабъ-офицеръ, т. XIV, 302, 306.

— Секундъ-маіоръ, слѣдователь по дѣлу о чародѣйствѣ, т. XI, 489, 490, 492, 493.

Комовскій, Вас. Дмитр., дѣйствит. статскій совѣтникъ, директоръ канцеляріи министра народн. проsv., редакторъ археологической комисіи, т. XIV, 528—542.

Кондаковъ, Никодимъ Пав., статскій совѣтникъ, докторъ теоріи и исторіи искусствъ, ординарный профессоръ новороссійскаго университета, т. XI, 714.

Конде, принцъ Людовикъ-Іосифъ Бурбонъ, командиръ корпуса эмигрантовъ, т. XIII, 140.

Кононь, старообрядческій епископъ, т. XIV, 295, 319.

Конрадъ II Казимировичъ, князь мазовецкій, т. XII, 193.

Консіансъ, Генрихъ, фламандскій беллетристъ и историкъ, предсѣдатель бельгійскихъ академій. Некрологъ его, т. XIV, 465.

Константиновичъ, Н., малороссійскій писатель, т. XIII, 74.

Константинъ Павловичъ, великій князь, т. XIII, 498, 577; т. XIV, 6, 24, 41, 42.

Контскіе:

— Антонъ, польскій пианистъ, т. XIII, 307, 311, 328.

— Аполлиарій, польскій скрипачъ, т. XIII, 295, 298, 311, 328.

Корелинъ, М. С. Статья его: Торкватто Тассо и его вѣкъ, т. XIII, 187—203, 419—434, 685—705.

Коренскій, ковенскій вице-губернаторъ, т. XIV, 345, 362.

Коржевникъ, елатомскій купецъ, стекольный заводчикъ, пострадавшій отъ пугачевцевъ, т. XIII, 131.

Корнилий, мнимый раскольничій святой, т. XIII, 613—620.

Корниловичъ, Александръ Осипов., штабъ-капитанъ генеральнаго штаба, декабристъ, т. XI, 458.

Короленко, Н., малороссійскій писатель, т. XIII, 72.

Корольковъ, керенскій секретарь, содѣйствовавшій пораженію пугачевской шайки, т. XIII, 127.

Корсаковы:

— А. Сообщ. поправку объ А. Н. Муравьевѣ, къ ст. «Русскій Лютре», т. XI, 726—728.

— Дмитр. Александр., докторъ русской исторіи, профессоръ казанскаго университета. Библиографическія замѣтки его: Поволожье въ XVII и въ началѣ XVIII вѣковъ — Перетятковича, т. XII, 686—689. Родъ Шереметевыхъ—А. П. Барсукова, т. XIV, 198—201. Очерки и рассказы изъ русской исторіи XVIII в., Царица Праксovia—М. И. Семеваго, т. XIV, 433—437. О лѣтописяхъ—А. И. Маркевича, т. XIV, 623, 624.

— Л. Θ., командиръ 6-го сапернаго баталіона, т. XIV, 113, 121, 130.

— Мих. Семен., генераль-губернаторъ восточной Сибири, впоследствии членъ государственнаго совѣта, т. XI, 573; т. XII, 64.

— Петръ Александр., писатель, псевдонимъ его (Коломенскій старожилъ), т. XIV, 467. Упомян. т. XIII, 648.

Борфъ:

— Баронъ Модестъ Андреев. (впоследствии графъ), статсъ-секретарь, главноуправляющій II отдѣленіемъ собственной Е. В. канцеляріи и членъ государств. совѣта, т. XII, 354, 371, 373; т. XIII, 301.

— Луиза. См. фонъ-Медемъ.

Коршъ, Валентинъ Федор., журналистъ и писатель. Некрологъ его, т. XIII, 485, 486. Упомян. т. XIII, 237.

Косачъ, писатель (Н. Г. Вольнскій), т. XIII, 101, 102.

Косменко, П., малороссійскій писатель (Кузьменко), т. XIII, 72.

Косовичъ, Казанъ Андреев., тайный совѣтникъ, докторъ сравнительнаго языковѣдѣнія, профессоръ петербургскаго университета. Некрологъ его, т. XI, 720, 721.

Костенецкіе:

— Артиллеріи генераль-лейтенантъ, т. XII, 630.

— Я. И. Сообщ. рассказы объ императорѣ Николаѣ I, т. XII, 630—644.

Костинъ, псевдонимъ писателя А. И. Сомова, т. XIV, 467.

Костливецъ, бригадиръ, повѣщенный пугачевцами, т. XIII, 124.

Костомаровъ, Никол. Ив., дѣйствит. статскій совѣтникъ, историкъ, членъ археографической комиссіи. Статьи его: Бытовые очерки изъ русской исторіи XVIII вѣка: Двѣ торговки, т. XI, 5—17. Царскій родичъ, т. XI, 17—24. Черви, т. XI, 481—494. Библиографическая замѣтка о его монографіи: Мазепа, т. XII, 218—222. Псевдонимъ его (Богучаровъ), т. XIV, 648.

Упомян. т. XI, 347; т. XII, 465, 466, т. XIII, 76, 93, 96, 97, 110—112.

Костюшко, Фаддей, послѣдній полководецъ польской Ржечи-Посполютой, т. XIV, 37—39.

Котковскіе:

— Владиславъ, аппликантъ варшавской таможи, повстанецъ, убійца начальника полиціи Фелькнера, т. XI, 560—573.

— Польскій ксендзь, повстанецъ, т. XI, 87.

Кохнівченко, псевдонимъ малоросскаго писателя Клейфа, т. XIII, 74.

Кохелевъ, Александръ Ив., редакторъ «Русской Вѣсѣды», т. XI, 354.

Копуть, венгерскій революціонеръ, т. XI, 73, 74.

Кояловичъ, Мих. Осипов., дѣйствит. статскій совѣтникъ, профессоръ с.-петербургской духовной академіи. Библиографическая замѣтка о соч. его: Историческая живучесть русскаго народа и ея культурныя особенности, т. XII, 223—225.

Краевскіе:

— Андрей Александр., издатель-редакторъ газеты «Голосъ» и издатель журнала «Отечественныя Записки». Воспоминанія П. С. Усова къ исторіи газеты «Голосъ», т. XI, 349—351; т. XII, 81—84. Упомян. т. XIII, 284, 289.

— Евгений Андреев., сынъ предѣлдушаго, сотрудникъ газеты «Голосъ». Некрологъ его, т. XII, 485.

Краняхъ, Лука, саксонскій живописецъ. Замѣтка объ изданіи монографіи его, т. XIV, 529.

Крапоткина, кн. Анна Мих. См. Потемкина.

Красинскіе:

— Гр. Валеріанъ, польскій министръ народнаго просвѣщенія, т. XIV, 28.

— Полковникъ польскаго легіона, впоследствии генераль, т. XIV, 8, 14, 15, 31, 32.

Красовскіе:

— Полковникъ, т. XI, 380.

— Совѣтникъ витебскаго губ. правленія, собиравшій контрибуцію въ 1812 г., т. XII, 685.

Красовъ, М. И., псевдонимъ писателя Л. Е. Оболенскаго, т. XIII, 233.

Крассъ, Оортъ, голландскій часовщикъ, строитель часовъ петропавловскаго собора въ Петербургѣ, т. XIII, 483.

Крауклисъ, православный священникъ рижской епархіи, т. XIV, 258.

Краушаръ, Александръ. Библиографическая замѣтка о соч. его: Семи-

лѣтіе главной школы варшавской, т. XII, 234, 235.

Крашевскій, Иосифъ, польскій писатель, т. XIV, 376.

Крейкъ, Генри, историкъ англійской литературы. Библиографическая замѣтка о соч. его: Біографія Джонатана Свифта, т. XII, 233.

Кренко, Викт. Данил., генералъ-лейтенантъ. Отрывки изъ воспоминаній его: Шипка въ 1877 году, т. XI, 110—123, 360—382. Усмирненіе польскаго мятежа въ кіевской губерніи въ 1863 году, т. XIV, 106—134.

Кругловъ, Ив. Ив., выгорѣцкій раскольникъ, т. XIII, 608, 611, 612, 637—645.

Крыжановскій, орловскій архіепископъ. См. Смарагдъ.

Крыловы:

— Александръ Лукичъ, цензоръ, т. XII, 291, 300, 301, 303, 308.

— В. А., писатель, псевдонимъ его (Викторъ Александровъ), т. XIII, 237.

— Ив. Андреев., баснописецъ, т. XIII, 152, 154.

— Н., псевдонимъ писательницы Н. Д. Дестунисъ, т. XIII, 238.

— Сем. Никит. и Ирина Анкул., свидѣтели по дѣлу А. Л. Нарышкина, т. XI, 20, 24.

Крюковы:

— Александр., нижегородскій губернаторъ, т. XII, 703, 704.

— Александр. Александр., поручикъ кавалергардскаго полка, адъютантъ гр. Витгенштейна, декабристъ, т. XII, 704.

— Левъ Александр., т. XII, 704.

— Мих. Вас., воевода. Грамота, пожалованная ему Михайломъ Федоровичемъ, т. XII, 703—705.

— Никол. Александр., поручикъ генеральнаго штаба, декабристъ, т. XII, 704.

— Никол. Александр., служащій бухгалтеромъ на фабрикѣ за границей, т. XII, 704.

Крюкъ, Тимофей Григорьев., бояринъ, родоначальникъ Крюковыхъ, т. XII, 703.

Ксенжниціе:

— Демьянъ, помѣщикъ переяславскаго у., полтав. губ., т. XII, 334, 337.

— Иванъ Демьянов., т. XII, 337.

— Польскіе дворяне, предки князей Безбородко, т. XII, 333, 334.

Кубаревъ, студентъ medico-хирургической академіи, участвов. въ войнѣ 1877 г., т. XI, 375.

Кугушевъ, кн. Ф. В., писатель, псевдонимъ его (Ковшевъ), т. XIII, 238.

Кузьменко, псевдонимъ малороссійскаго писателя П. Косменко, т. XIII, 72.

Кузнецовы:

— Александръ Григорьев., корректоръ «Сѣверной Пчелы», т. XIII, 293.

— Егоръ Гавр., раскольникъ, XIII, 606, 607.

Кузьминъ, Антоны, дворовый чело-вѣкъ, сторонникъ Пугачева, т. XIII, 124.

Кукольникъ, Несторъ Вас., писа-тель и журналистъ, т. XIII, 328.

Кукъ, Деттоны. Библиографическая замѣтка о сочиненіи его о Диккенсѣ, т. XIII, 472, 473.

Кулаковскій, Юліанъ. Библиографическая замѣтка о соч. его: Коллегія въ древнемъ Римѣ; опытъ по исторіи римскихъ учреждений, т. XII, 228, 229.

Куликъ, С. В., полтавскій учитель, малороссійскій писатель, т. XIII, 73, 74.

Кулишъ:

— Александра Мих. рожденная Бѣлозерская, писательница (Анна Барвинонь и А. Ничуй-Вітеръ), т. XIII, 72.

— Пантелейм. Александр., писа-тель, т. XIII, 73—76, 90, 93, 100.

Кульковъ, Вас. Ив., старообрядческій иподіаконъ, т. XIV, 301, 311, 324.

Кульчиціе:

— Русинъ, т. XIV, 461.

— Епископъ иркутскій. См. Иннокентій.

Кумундурось, президентъ греческой палаты депутатовъ. Некрологъ его, т. XII, 244.

Кунаковъ, Григорій, думный дьякъ, т. XII, 334.

Куницкій, Петръ, ректоръ кишиневской духовной семинаріи, т. XII, 387.

Кунъ, Германъ. Библиографическая замѣтка о его изслѣдованіи современнаго положенія Франціи, т. XIII, 221, 222.

Куракинъ, кн. Александръ Борис., вице-канцлеръ, впослѣд. посоль въ Парижѣ, т. XII, 425, 428, 429, 561.

Курдюковъ, Спиридонъ, бродяга-раскольникъ, т. XIV, 316, 319.

Курочкинъ, Вас. Степ., писатель, издатель-редакторъ журнала «Искра», т. XIII, 238.

Курціусъ, Эрнестъ. Библиографическая замѣтка о соч. его: Древность и современность, т. XI, 464.

Кутайсовъ, гр. Ив. Павлов., любимецъ Павла I, т. XII, 556.

Кутейниковы:

— Корабельный инженеръ, т. XI, 614.

— Н. С. Библиографическія замѣтки его: Историческая живучесть русскаго народа и ея культурныя особенности—Кояловгча, т. XII, 223—225. Памятная книжка Западной Сибири, т. XII, 471, 472. Обзоръ дѣятельности попечительства надъ арестантами с.-петербургской исправительной тюрьмы за 1871—1882 г., т. XIII, 217. *Псевдонимы его* (Н. К., Н. С. К., Любитель и Н. Поповскій), т. XIII, 239; т. XIV, 467.

Кутеповъ, поручикъ лейбъ-гв. стрѣльцоваго баталіона императорской фамиліи, т. XI, 376.

Кутелевъ, гр. Григ. Григ., адмиралъ, вице-президентъ адмиралтействъ-коллегии, т. XI, 238.

Кюстинъ, Астольфъ, маркизъ, французскій поэтъ и писатель, авторъ «La Russie en 1839», т. XII, 169.

Кюхельбекеръ, Вильгельмъ Карлов., поэтъ, декабристъ, т. XII, 403.

Л.

де-Лабордъ, Леонъ - Эмануэль - Симонъ-Жозефъ, хранитель луврскихъ музеевъ, т. XII, 164, 174.

Лабуле, Эдуардъ - Рене Лефевръ, французскій публицистъ, авторъ политико-сатирическихъ романовъ. Некрологъ его, т. XIII, 235.

Лавеле, Эмиль, французскій публицистъ и политико-экономистъ. Библиографическая замѣтка о его статьѣ о нейтрализаціи рѣки Конго, т. XIII, 223.

Лаврецкій, львовскій греко-уніатскій священникъ, изслѣдователь галицкой старины, т. XIII, 727.

Лавровскій, В. К., псевдонимъ его (Миртовскій), т. XIII, 238.

Лавровъ, П. Л., артиллерійскій офицеръ, впоследъ. политическій агитаторъ, т. XI, 107, 108.

де-Лагарпъ, Фредерикъ-Сезарь (Пет. Ивановичъ), воспитатель императора Александра I, т. XIV, 6, 7, 46.

де-Лагрене, Торшонъ, французскій посланникъ въ Китаѣ, т. XII, 165, 166.

Ладердель, Вильямъ. См. Майтлендъ.

Лакруа, Жюль. Библиографическая

замѣтка о переводѣ его сатиры Ювенала, т. XI, 466.

Ламанскій, В. И., профессоръ. Предисловіе его къ воспоминаніямъ Ф. В. Чижова, т. XI, 241, 242.

Ламартинъ, Альфонсъ, французскій поэтъ и государственный чловѣкъ, т. XII, 170.

Ламираль, актриса французскаго театра въ Москвѣ, т. XIII, 651, 654.

Ламорисьеръ, Христофъ-Леонъ-Люи Жюно, французскій военный министръ, главнокомандующій папскою арміею, т. XIV, 603.

Лангевичъ, Маріанъ, польскій повстанскій генераль, диктаторъ. Манифестъ его къ народу, т. XI, 94, 95. *Упомян.* т. XI, 86—96.

Лангеръ, коллежскій совѣтникъ, цензоръ петербургскаго цезурнаго комитета, т. XII, 362.

Ландау, М. Библиографическая замѣтка объ изданной имъ монографіи Луки Кранаха, т. XIV, 529.

Ланскіе:

— Н., писательница, т. XIII, 239.

— Предсѣдатель временнаго управленія герцогства варшавскаго, т. XIV, 28, 29.

Лаппа:

— Мировой посредникъ мннской губерніи, начальникъ польской банды, т. XIV, 88, 95, 96.

— Подпоручикъ лейбъ-гвардіи измайловскаго полка, декабристъ, т. XIII, 583.

Ларионовъ, М., писатель, т. XIII, 238.

де-Ларош-Жакеленъ, графъ Ганри, предводитель роялистской партіи вандейцевъ, т. XII, 189—191.

Ласси, гр. Петръ Петров., фельдмаршалъ, лифляндскій генераль-губернаторъ, т. XIV, 484, 486, 489.

Ластивка, Е., малороссійскій писатель, т. XIII, 72.

Латуръ-де-Мезере, французскій журналистъ, алжирскій префектъ, т. XII, 168.

Латухинъ, штабсъ-капитанъ пермской жандармской команды, т. XIV, 322, 323.

де-Лафайетъ, Мари-Жанъ-Поль-Рокъ Ивъ Жильберъ, маркизъ, защитникъ американской независимости, начальникъ французской національной гвардіи. Постановка памятникъ ему, т. XIV, 644, 645.

Лаферьеръ, французскій ученый. Библиографическая замѣтка о соч. его: Проекты бракосочетанія Елиса-

веты, королевы английской, т. XI, 712, 713.

Лебедевы:

— Герасимъ, первый русскій санскритологъ, т. XII, 457.

— Дмитрий Павлов. *Статьи его:* Женщина древней Греції, т. XIII, 386—418, 657—684. *Библиографическія замѣтки его:* Письма митрополита московскаго филарета къ роднымъ, т. XI, 449, 450. Народъ на опасномъ пути, — К. И. Воронича, т. XI, 709, 710. Коллегія въ древнемъ Римѣ; опыты по исторіи римскихъ учреждений, Юліана Кулаковскаго, т. XII, 223, 229. Исторія классическаго періода греческой литературы, — Дж. П. Вагафи, перев. А. Веселевской, т. XII, 691, 692. Очерки и рассказы изъ всеобщей исторіи, — Д. Иловайскаго, т. XIII, 216, 217.

— Н. К., писатель, псевдонимъ его (Морской Н.), т. XIII, 238.

— Петръ Семеновъ, подполковникъ, редакторъ «Русскаго Инвалида», впоследствии генераль-маіоръ, т. XIII, 305, 319, 320.

Лебединцевъ, О. Г., профессоръ, т. XIV, 262.

Лоблянь, Николай, французскій докторъ и химикъ. Постановка ему памятника, т. XIV, 646.

Левассеръ, Марія - Тереза. См. Руссо.

Левашовъ, гр. Никол. Вас., генераль-адъютантъ, генер.-лейтенантъ орловскій военный губернаторъ, впоследствии товарищъ шефа жандармовъ, т. XIV, 253.

фонъ-**Левенвольдь**, гр. Рейнгольдъ, гофмейстеръ, т. XI, 11—17.

Леврштернъ, адъютантъ кн. Барклай-де-Толли, авторъ записокъ о 1812 годѣ, т. XII, 685.

Левитская, Софья Августиновъ, перешка ея съ И. С. Тургеневымъ, т. XIV, 453—455.

Левиткіе:

— Ив. Семенъ, учитель сувальской женской гимназіи, а потомъ кишиневской мужской, малороссійскій писатель (Нечуй). Статья объ немъ, т. XIII, 90—98. *Упомян.* т. XIII, 72, 74.

— Ф., малороссійскій писатель (графъ Биберштейнъ), т. XIII, 72, 74.

Левковичъ, генераль-маіоръ, кievскій комендантъ, т. XIV, 128, 129.

Левшинъ, митрополитъ московскій. См. Платонъ.

Легрель, французскій писатель. Библиографическая замѣтка о соч.

его: Людовикъ XIV и Страсбургъ, т. XIV, 452.

Ледаковъ, А. З., псевдонимъ его (Художн. А. З. Лед-ъ), т. XIV, 466, 468.

Лезеръ, подполковникъ, измѣнникъ 1812 года, т. XII, 685.

Лей, русскій маіоръ, герой Измаила, т. XIII, 210.

Лейкинъ, Н. А., писатель и редакторъ журнала «Осколки», псевдонимъ его (Алекторъ, Касьянъ Ямановъ и Лкн.), т. XIII, 237, 238.

Лейстъ, Артуръ, грузинскій писатель. Библиографическая замѣтка о сочиненіяхъ его, т. XI, 714.

Лекенъ, актриса французскаго театра въ Москвѣ, т. XIII, 651.

Ленорманъ:

— Франсуа. Замѣтка о соч. его: Древняя исторія Востока, т. XII, 475.

— Шарль. Замѣтка о соч. его: A travers l'Apulie et Lucanie, т. XII, 696.

Леонидъ:

— Архимандритъ, намѣстникъ тропце-сергиевской лавры, т. XIV, 436.

— Епископъ сарскій и подонскій, т. XI, 278, 279.

Леонтьевъ, Пав. Михайл., профессоръ московскаго университета, журналистъ, т. XI, 390, 391.

Леонъ, Жоржъ. Замѣтка о его описаніи коронаціи 15 мая 1883 г., т. XIII, 221.

Леопольдъ I, римско-нѣмецкій императоръ, т. XII, 208.

Лепешкинъ, графъ, самозванецъ, бунтовщикъ новгородскихъ военныхъ поселеній, т. XIII, 339.

Лермонтовъ, Мих. Юрьевъ, поэтъ. Затерянные стихотворенія его, переводъ съ нѣмецкаго, т. XIII, 595—600. *Упомян.* т. XII, 410.

Леруа-Волье, Анатолий, французскій писатель. Замѣтки: о предположенномъ имъ изданіи писемъ Павла I, т. XI, 467; объ изданіи соч. его: L'empire des Tzars et les Russes на нѣмецкомъ языкѣ; т. XII, 700; Два первыхъ года царствованія Александра III; т. XIII, 221. *Упомян.* т. XIV, 627.

Ле-Руа-де-Сентъ-Арно, Жакъ, французскій министръ, впоследствии маршалъ, т. XIV, 608.

Лескюръ, авторъ сочин. Rivarol et la société française pendant la révolution et l'émigration. Библиографиче-

ская замѣтка объ этомъ сочиненіи, т. XIII, 706—709.

Лесовскій, Степ. Степ., генералъ-адъютантъ, адмиралъ, управлявшій морскимъ министерствомъ, членъ государственнаго совѣта, т. XI, 601.

Летнеръ, польскій повстанецъ, XI, 573.

Лефевръ, актеръ французскаго театра въ Москвѣ т. XIII, 651.

Лещинскій, Станиславъ, бывшій польскій король. Замѣтка о соч. его: *Entretiens d'un Européen avec un insulaire du royaume de Dimocala*, т. XI, 182. *Упомян.* т. XII, 219, 220.

Ливановъ, Федоръ Вас., авторъ сочиненія: *Раскольники и острожники*, т. XII, 422, 423.

Ливенъ, кн. Карлъ Андреев., генералъ-отъ-инфантеріи, министръ народнаго просвѣщенія, вполнѣ членъ государственнаго совѣта, т. XIV, 561.

Ливчакъ, Николай, протоиерей, законоучитель 1-й варшавской гимназіи, т. XIV, 457.

Лимаъ, натуралистъ, участникъ хивинской экспедиціи 1839 г., т. XIII, 590.

Линденбергъ, православный священникъ рижской епархіи, т. XIV, 258.

Линейкинъ, псевдонимъ малороссійскаго писателя М. Тулова, т. XIII, 72.

Лининскій, Александръ Гіосифов., полковникъ генер. штаба, вполнѣ генералъ-майоръ, начальникъ штаба 9-го корпуса, т. XI, 361—363, 367, 370, 381.

Липковскій, мировой посредникъ тарашанскаго у., кievск. губ., т. XIV, 117.

Липоманъ, мировой посредникъ кievской губ., т. XIV, 117.

Липранди, Ив. Петр., генералъ-лейтенантъ, пріятель поэта Пушкинна, т. XII, 382—384; т. XIII, 322, 327.

Лисскій, офицеръ польскихъ войскъ, повстанецъ, т. XI, 71.

де-Лирія, герцогъ, испанскій посланникъ въ Петербургъ, т. XI, 203, 204.

Лисицкій, Генрихъ. Библиографическая замѣтка о монографіи его: *Антонъ Сигизмундъ Гельцель*, т. XII, 234.

Литанъ, псевдонимъ писателя Г. А. Нивлянскаго, т. XIII, 238.

Лихаревъ, Владим. Никол., подпоручикъ генеральнаго штаба, декабристъ, т. XII, 408.

Лихновскій, кн. Феликсъ, австрійскій министръ, т. XIV, 575.

Лишнякъ, Г. А., писатель, псевдонимъ его (Шагри), т. XIV, 468.

Лійць, православный священникъ рижской епархіи, т. XIV, 258.

Лобановъ, М., писатель, т. XIV, 639, 640.

Лобода, М., (Лободовскій), малороссійскій писатель, т. XIII, 72, 73.

Ловичъ, княгиня Жанета Антоновна (Іоанна Грудзинская), супруга цесаревича Константина Павловича, т. XIV, 42.

Ломброзо, Чезаре, италіанскій ученый. Библиографическая замѣтка о соч. его: «Геній и безуміе» и «Два трибуна, изслѣдуемые аленистомъ», т. XIII, 721—724.

Ломонъ, капитанъ-лейтенантъ, участвовавшій въ русской экспедиціи въ Америку въ 1878 году, т. XI, 605.

Ломоносовъ, Михаилъ Вас., академикъ, писатель. Замѣтка о мѣстѣ рожденія его (д. Денисовкѣ), т. XI, 161.

Лонгиновъ, Мих. Никол., орловскій губернаторъ, потомъ начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, т. XII, 684; т. XIII, 351.

Лонгфелло, Генрихъ Вадсвортъ, американскій поэтъ. Замѣтка объ изданіи сочиненій его во француз. переводѣ и биографіи, т. XII, 481.

Лонперъ, французскій археологъ. Библиографическая замѣтка объ изданіи его сочиненій, т. XI, 712.

Лопатинскій, тверской епископъ. См. Теофилактъ.

Лопатинъ, воевода шацкой провинціи, т. XIII, 117, 120, 125.

Лопухины:

— Анна, двѣица, помѣщица. Жестокое обращеніе ея съ дворовыми людьми, т. XI, 470, 471.

— Первая супруга Петра I. См. Евдокія Федоровна.

— Петръ Вас., свѣтлѣйшій князь, генералъ-прокуроръ, т. XII, 560, 562.

Лоредонъ-Марше, хранитель Мазариновой бібліотеки. Библиографическая замѣтка о соч. его: *Патріотическія мемуары*, т. XI, 713.

Лореръ, Никол. Ив., майоръ, декабристъ, т. XII, 408, 411.

Лосевъ, довѣренный дьякъ кн. А. Д. Меншикова, т. XII, 97, 98.

Лососевъ, Семень, повѣнецкій раскольникъ, т. XIII, 607.

Лосіевскій, М. В. Сообщ. Записки Песляка, т. XIII, 576—594.

Лохвицкий, Александръ Блад., профессоръ въ рижельскомъ, а потомъ въ александровскомъ лицей, т. XI, 351.

Лопкаревъ, Александръ Григор., генералъ-лейтенантъ, пермскій военный губернаторъ, впоследъ. членъ совѣта министра внутр. дѣлъ, т. XIV, 299, 303—308, 311—313, 320—324.

Луба, полякъ, самозванецъ, выдававший себя за сына Лжедмитрія, т. XIV, 199.

Луганскій, казакъ, псевдонимъ писателя В. И. Дала. См. Даль.

Лукницкій, авторъ комедіи: «Деньщикъ-виртуозъ», т. XIII, 142.

Лутовиновы:

— Варвара Петр., мать И. С. Тургенева. См. Тургенева.

— И. И., внучатый дядя И. С. Тургенева, т. XIV, 393.

Луцианъ Бонапартъ, Шарль-Жюль-Лоренсъ, князь Канино и Муссньяно, французскій министръ внутрен. дѣлъ, посланникъ въ Мадридъ, а потомъ членъ трибуны. Знакомство его съ русскимъ писателемъ Ф. В. Чижовымъ, т. XI, 250. Библиографическая замѣтка о запискахъ его, т. XII, 455—458. Упомин. т. XII, 172.

Львовы:

— Сергій Лаврентьев., генералъ отъ инфантеріи, т. XI, 427.

— Непремѣнный членъ ковенскаго губ. по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, впоследъ. ковенскій вице-губернаторъ, т. XIV, 345.

— Подполковникъ, командиръ 9-й болгарской дружины, т. XI, 374, 378.

— Пугачевскій полковникъ, т. XIII, 123.

— Сергій, майоръ, пострадавшій отъ Пугачева, т. XIII, 122.

Льсковъ, Никол. Семен., писатель. *Статьи его:* Поповская чехарда и приходская прихоть; церковно-бытовые нравы и картины, т. XI, 263—293. Литературное общество, т. XII, 154—160. Народники и расколовѣды на службѣ, nota bene къ воспоминаніямъ П. С. Усова о П. И. Мельниковѣ, т. XII, 415—423. Коварный приемъ—два слова «Вѣстнику Европы», т. XII, 487, 488. Русскіе дѣтели въ Остзейскомъ краѣ, т. XIV, 237—263, 492—519. *Библиографическая замѣтка:* Утилитаризмъ и о свободѣ—Дж. Ст. Мила, т. XI, 459, 460. *Псевдонимы его:* (Докторъ Фрейшюцъ и Н. Л.), т. XIII, 237 и 239. Упомин. т. XII, 712.

Любавской, помѣщикъ с. Кривой Луки, убитый пугачевцами, т. XIII, 124.

Любегиль, Карлъ Іоакимов., профессоръ петербургскаго университета, т. XI, 391.

Людовикъ:

— XIV, король французскій, т. XIV, 452.

— XVI, король французскій, т. XII, 181—191.

— XVII (Карль), король французскій, т. XII, 187—189.

— XVIII (Филиппъ, графъ д'Артуа), король французскій, т. XII, 621; т. XIV, 604—607.

Лютеръ, Мартинъ, религіозный реформаторъ, основатель ученія его имени. Четырехсотлѣтній юбилей его, т. XIII, 730, 731, т. XIV, 642—644. Замятка объ изданіи его сочиненій, т. XII, 480.

Люценко, кievскій помѣщикъ, т. XIV, 121.

Лядовъ, Григ., малороссійскій писатель, т. XIII, 72.

Лядовскій, Павелъ, польскій повстанецъ, «штилетникъ», т. XI, 564.

М.

Магафи, Дж. П., профессоръ дублинскаго университета. Библиографическая замѣтка о соч. его: Исторія классическаго періода греческой литературы, т. XII, 691, 692.

Магницкій, Мих. Леонт., дѣйстви. статскій совѣтникъ, повечитель казанскаго учебнаго округа, т. XI, 705, 706.

Мазена, Ив. Степ., малороссійскій гетманъ. Библиографическая замѣтка о соч. Н. И. Костомарова: «Мазена», т. XII, 218—222.

Мазюкевичъ, малороссійскій писатель, т. XIII, 73.

Майковъ, Апполонъ Никол., замѣтка о предполагаемомъ изданіи соч. его: «Три смерти» въ Америкѣ, т. XII, 702.

фонъ-Майлатъ, Георгъ, предсѣдатель верховнаго суда и верхней палаты въ Венгріи. Некрологъ его, т. XII, 487.

Майновъ, В. Н., Библиографическая замѣтка о соч. его: Результаты антропологическихъ изслѣдованій среди Мордвы-Эрвы, т. XIII, 215 216.

Майнъ-Ридъ, капитанъ, романистъ. Некрологъ его, т. XIV, 648.

Майтлендъ (Ладердаль), Вильямъ, секретарь королевы Маріи Стюартъ, т. XI, 678, 682, 688.

Макарій (Мих. Петр. Булаковъ), митрополитъ московскій и коломенскій, т. XI, 292.

Мак-Картъ, англійскій историкъ, Замятка о соч. его: Исторія нашего времени для дѣтей и соч. сына его: Очеркъ исторіи Ирландіи, т. XII, 479.

Маклеланъ. Ст. его: Древняя и современная Сицилія, т. XIII, 174—186.

Маковъ, Левъ Саввичъ, статсъ-секретарь, дѣйств. тайный совѣтникъ, министръ внутр. дѣлъ, а потомъ почтъ и телеграфовъ и членъ государств. совѣта. Некрологъ его, т. XII, 241, 242.

Максимовы:

— Владим. Ив., писатель, т. XII, 70.

— Серг. Вас., писатель—этнографъ. Ст. его: Плавня, т. XII, 489—531.

Макушевъ, Викентій Вас., докторъ славянской филологіи, профессоръ варшавскаго университета. Некрологъ его, т. XII, 242, 243.

Малевинскій, пореводчикъ англійскаго языка, участвовалъ въ посольствѣ въ Авангистанъ, т. XI, 622.

Малъевы:

— Алексій Семенов., полковникъ, бригадный командиръ новгородскихъ военныхъ поселеній; т. XIII, 332—341, 344.

— Мавра Ив., рожден. княжна Путьятина, т. XIII, 333, 336—341.

Малдревскій, К., малороссійскій писатель, т. XIII, 74.

Мамоновъ, Ник. Евграфов., дѣйств. статскій совѣтникъ, директоръ медицинскаго департамента мин. внутр. дѣлъ, т. XIII, 373.

Манассеинъ, Никол. Авксентьев., тайный совѣтникъ, сенаторъ. Значеніе его ревизій прибалтійскихъ губерній по отзывамъ иностранной печати, т. XI, 195, 196. Упомят. т. XIV, 495.

Манштейнъ, Сергій. Библиографическая замятка о соч. его: Маркъ Туллій Цицеронъ, т. XII, 472, 473.

Маньковская, Богуслава. Библиографическая замятка о ея мемуарахъ, т. XII, 235.

Марина Мнишекъ, жена лже-царя, самозванца Дмитрія, т. XII, 268.

Марія (Стюартъ), королева Шотландіи. Статья объ ней по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, т. XI, 676—693.

Марія Александровна, великая княгиня, герцогиня Эдинбургская, т. XI, 602.

Марія Александровна (Максимиліана-Вильгельмина-Августа-Софія-Марія, принцесса Дармштатская), императрица, т. XII, 137, 138, 142.

Марія-Антуанета, французская королева. Библиографическая замятка объ изданіи ея портретовъ, т. XI, 713. Упомят., т. XII, 185, 187.

Марія Николаевна, великая княгиня, супруга Максимиліана-Евгенія-Іосифа-Наполеона, герцога лейхтенбергскаго и эйхштадскаго, т. XIV, 563.

Марія Федоровна (Доротея-Софія-Августа-Луиза, принцесса вюртембергская), вторая супруга императора Павла Петровича, т. XI, 419; т. XII, 130, 131, 284, 608.

Маркадь, Огюстъ. Замятка о соч. его: Таллейранъ священникъ и епископъ, т. XII, 698.

Маркевичъ:

— А. И. Библиографическая замятка о соч. его: О лѣтописяхъ, т. XIV, 623, 624.

— В. М., писатель; псевдонимы его (Волна и Мэри Вемъ), т. XIII, 237; т. XIV, 467.

— М. А., рожденная Вилинская, писательница (Марко-Вовчокъ). Статья объ ней, т. XIII, 74—90. Упомят., т. XIII, 70, 72.

Марко-Вовчекъ, псевдонимъ писательницы Маркевичъ. См. это слово.

Марковы:

— Гр. Аркадій Ив., членъ коллегіи иностр. дѣлъ, вполнѣд. государств. совѣта, т. XII, 543, 544, 547, 548, 551, 564.

— Ротный командиръ, убитый бунтовщиками новгородскихъ военныхъ поселенъ, т. XIII, 341.

— Саватѣй, пономарь с. Высокаго, пугачевскій офицеръ, т. XIII, 131.

Марксъ, Карлъ, профессоръ берлинскаго и боннскаго университетовъ, вполнѣд. социалистическій писатель и агитаторъ. Некрологъ его, т. XII, 243, 244.

Марлинскій, псевдонимъ писателя А. А. Вестужева. См. Вестужевъ.

Марта, французская актриса, т. XIV, 609.

Мартенсъ, Фромгольдъ Федор., дѣйствит. статскій совѣтникъ, профессоръ петербургскаго университета. Библиографическая замятка объ изданіи его: Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россією съ иностранными державами, т. XIV, 201, 202.

Мартенъ, Анри. Замятка о выходѣ его Популярной исторіи Франціи, т. XII, 477.

Мартинау, прапорщикъ по квартирмейстерской части, т. XIV, 158, 161, 165.

Мартини, піанистъ въ Москвѣ, т. XIII, 654.

Мартьяновъ, недоросль, участникъ пугачевской шайки, т. XIII, 130.

Мартышевъ, Иванъ Назаров., крестьянинъ слободы Ирбитъ (нынѣ городъ), возведенный въ дворянство, т. XII, 706.

Мартьяновъ, петербургскій старовѣръ поморскаго толка, т. XII, 420.

Мартюшовъ, Захаръ Ив., крестьянинъ; рассказъ о чародѣйствѣ его, т. XI, 486, 488, 491.

Марцинкевичъ, Іосифъ, чиновникъ варшавскаго магистрата, польскій повстанецъ, т. XI, 560, 562.

Марчевскій, Витольдъ, польскій повстанецъ, т. XI, 82, 83.

Марца Ивановна (Романова), мать царя Михаила Ѳеодоровича, «великая старица», т. XIV, 199.

Масловы:

— А. Н., писатель (псевдонимъ его: А. Вѣжецкій), т. XIII, 237.

— А. М., воронежскій губернаторъ, т. XIII, 114.

— Иванъ, московскій посадскій человекъ, участіе его въ распространеніи слуховъ объ отношеніяхъ Анны Ивановны къ гр. Левенвольду, т. XI, 13—17.

— Мировой посредникъ кіевск. губ., т. XIV, 114, 115.

— Михаилъ Николаевъ, капитанъ стрѣльцоваго баталіона, габровскій окружной начальникъ, т. XI, 112, 113, 366, 373, 376.

Мастаи-Феретти, графъ. См. Пій IX.

Матейко, Янъ, польскій художникъ; по поводу картины его: Голдовничество Пруссіи; т. XIV, 192—209. *Упомин.*, т. XIV, 461.

Маттеи, Фридрихъ, офицеръ саксонской арміи. Библиографическая замятка о соч. его: Экономическія средства Россіи и ихъ значеніе для настоящаго времени и для будущности, т. XII, 460—462.

Матусевичъ, польскій министръ, т. XIV, 13, 21.

Матушинскій, А. М., псевдонимъ его (Эмъ), т. XIV, 468.

Матеювъ, Василій, священникъ, слѣдователь по дѣлу о чародѣйствѣ, т. XI, 489, 490.

Массера, французскій писатель. Библиографическая замятка о соч. его: Washington et son oeuvre, т. XI, 442—445.

Массонъ, Фридрихъ, бібліотекаръ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Замятка о соч. его: Дипломаты революціи, т. XII, 698.

Мацейовскій, Вацлавъ Александр., профессоръ бывшаго варшавскаго университета. Некрологъ его, т. XI, 719, 720.

Мацкевичъ, ксендзь, начальникъ польской бадды, т. XIV, 334, 351, 363, 364.

Мацнева, Е. Д., рожденная Золотарева. Стихотвореніе Д. И. Давыдова, посвященное ей, т. XI, 224.

Мацѣвичъ, ростовскій архіепископъ. См. Арсеній.

Мацѣвичъ, Л. С. Сообщилъ: Матеріалы для исторіи отношеній между православіемъ и расколомъ въ прошлое царствованіе, т. XI, 227—231. Кишиневскія преданія о Пушкинѣ, т. XII, 381—397.

Мачинскій, помѣщикъ, арестованный пугачевцами, т. XIII, 126.

Машкевичъ, капитанъ польскихъ войскъ, т. XIV, 10.

Махмудъ II, турецкій султанъ, т. XII, 676—678.

Мевертъ, Эрнестъ, писатель-путешественникъ. Замятка о соч. его: Годъ верхомъ, странствованія по Паргвау, т. XIV, 631.

Медемъ, баронъ, генераль-маіоръ, предсѣдатель военно-цензурнаго комитета, впослѣд. петербургскаго цензурнаго комитета, т. XI, 356.

фонъ-Медемъ:

— Анна-Шарлотта-Доротея, герцогиня курляндская. См. фонъ-Биронъ.

— Юганъ-Фридрихъ, курляндскій дворянинъ, т. XIV, 565, 566.

— Коврадъ, гермейстеръ курляндскій, т. XIV, 566.

— Луиза, рожд. Корфъ, т. XIV, 566.

— Луиза Шарлота, рожд. Цегефонъ-Мангейфель, по первому браку фонъ-Нольде, т. XIV, 565, 566.

— Элиза. См. фонъ-дербъ-Рекке.

Межовъ, В. И., бібліографъ. Замятки: О предположенномъ составленіи бібліографическаго указателя русской журналистики, т. XI, 476, 477. О Русской исторической бібліографіи за 1865—76 г., т. XII, 690, 691. *Упомин.* т. XIII, 137.

Мезенцова, Ѳеодосья; обвиненіе ея въ чародѣйствѣ, т. XI, 488, 491.

Мей, Левъ Александр., писатель. Воспоминаніе о немъ А. П. Милюкова, т. XI, 98—109.

Мейеръ:

— Авторъ сочиненія: Періодъ процессовъ противъ вѣдьмъ. Библиографическая замѣтка объ этомъ соч., т. XII, 458—460.

— Рудольфъ, докторъ. Библиографическая замѣтка о соч. его: Общинныя и мѣстныя сельско-хозяйственныя учрежденія Соединенныхъ Штатовъ, Канады, Россіи, Китая, Индіи, Румыніи, Сербіи и Англіи, т. XIV, 204, 205.

Мейчикъ, Д. М. Библиографическая замѣтка о соч. его: Грамоты XIV и XV вв. московскаго архива м. ю., т. XIV, 620, 621.

Мельгуновъ, А., писатель, т. XIII, 238.

Мельниковъ, Павелъ Ив. (Андрей Печерскій), писатель. Некрологъ его, т. XI, 719. Замѣтки къ воспоминаніямъ о немъ. П. С. Усова, т. XII, 415—423, 712. Упомин. т. XIII, 239.

Мельникъ, Н., Малороссійскій писатель, т. XIII, 74.

Менаръ, Рене, авторъ Исторіи изящныхъ искусствъ. Библиографическая замѣтка объ этомъ сочиненіи, т. XII, 481.

Менкарскій, Иванъ, анликантъ варшавскаго магистрата, тысяцкій «народной» организаціи, т. XI, 560, 561.

Меньшиковы, князья:

— Александръ Данил., генералиссимусъ и рейхсъ-маршалъ. Статья о немъ и о видѣніи монаха Порфирія, т. XII, 85—102. Упомин. т. XI, 19; т. XII, 330, 335.

— Александръ Сергѣев., финляндскій генераль-губернаторъ, членъ государств. совѣта, адмираль, т. XII, 356, 358, 366; т. XIII, 308, 498.

Меньковъ, генераль-майоръ, главный редакторъ Военнаго Сборника, т. XII, 59.

Мерберъ, писательница, псевдонимъ ея (Северинъ), т. XIV, 468.

Мерлина, Лукерья, помѣщица, повѣшенная пугачевцами, т. XIII, 124.

Мерсье, депутатъ французской палаты, т. XIV, 606.

Мерцскіе, князья:

— В., издатель-редакторъ журнала «Гражданинъ», писатель, т. XIII, 237, 238.

— Элимъ Петр., камеръ-юнкеръ, путешественникъ и писатель, т. XIII, 158, 164—173.

Микошевскій, польскій ксендзь, повстанецъ, т. XI, 82.

Микельсонъ, православный священникъ рижской епархіи, т. XIV, 258.

Микѣшинъ, Мих. Осипов., художникъ-академикъ, т. XII, 466, 706; т. XIII, 726.

Милларъ, А. Г., шотландскій историкъ. Замѣтка объ изданіи его: «Исторія Робъ-Роя», т. XII, 231.

Миллеръ, метръ-дотель Александра I, т. XIV, 156, 158.

Миловзоровъ, баронъ, псевдонимъ писателя И. Н. Измайлова, т. XIII, 237.

Милорадовичи:

— Гр. Мих. Андреев., петербургскій военный генераль-губернаторъ, т. XII, 403; т. XIII, 154—156.

— Григ. Петров., т. XII, 538.

— П. В., дмитровскій помѣщикъ, т. XIII, 503.

Миль, Джонъ Стюартъ, англійскій политико-экономъ. Библиографическая замѣтка о соч. его: Утилитаризмъ и о свободѣ, т. XI, 459, 460.

Мильгеферъ, приватъ-доцентъ геттингенскаго университета. Библиографическая замѣтка о соч. его: «Начала искусства въ Греціи», т. XIII, 717, 718.

Мильчъ, Джемсъ. Библиографическая замѣтка объ описаніи циклопическихъ сооружений Карнака, т. XIII, 220, 221.

Милюковъ, Александръ Петров. Отрывокъ изъ воспоминаній его: А. А. Григорьевъ и А. А. Мей, т. XI, 98—109. Библиографическая замѣтка: Жизнь и повѣя В. А. Жуковскаго — К. К. Зейдлица, т. XI, 699—702. Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, изд. гр. С. Д. Шереметева, т. XI, 705—708.

Милютини:

— Гр. Дмитрій Алексѣев., генераль-адъютантъ, генераль-отъ-инфантеріи, военный министр, т. XII, 59.

— Никол. Алексѣев., товарищъ министра внутрен. дѣлъ, вносльдъ. статсъ-секретарь по дѣламъ Царства Польскаго, членъ государств. совѣта, т. XI, 727.

Минаевъ, Д. Д., писатель. Переводъ его стихотвореній Лермонтова съ гѣмецкаго языка, т. XIII, 595—600. Псевдонимъ его (Дмитрій Минъ и Общій другъ), т. XIII, 237; т. XIV, 467. Упомин. т. XIV, 635, 636.

Миנדловъ, Рудольфъ Иванов., дѣйствит. статскій совѣтникъ, консерва-

торъ публичной библиотеки. Некрологъ его, т. XIV, 647, 648.

Миртовскій, псевдонимъ В. К. Лавровскаго, т. XIII, 238.

Михайловъ, М. Л., писатель, псевдонимъ его (Илецкій Мих.), т. XIII, 238.

Михайловскій, Н., писатель, т. XIII, 239.

Михайлъ Николаевичъ, великій князь, председатель государственнаго совѣта, т. XII, 406, 407.

Михайлъ Павловичъ, великій князь, т. XII, 403; т. XIII, 507; т. XIV, 38, 41.

Михайлъ Ѳеодоровичъ, царь московскій и всея Руси, основатель династїи Романовыхъ. Грамота его М. В. Крюкову, т. XII, 703—705. *Упомян.* т. XII, 206, 256, 263, 269—273; т. XIII, 380, 475; т. XIV, 198—201.

Михневичъ, Вл. Ос. *Сообщилъ* грамоту царя Михаила Ѳеодоровича М. В. Крюкову, т. XII, 703—705. *Статья* его: Съ сильными не борись, т. XIV, 473—491. *Библиографическія замѣтки* его: Мазепа, историческая монографія Н. И. Костомарова, т. XII, 218—222. О Богданѣ Хмельницкомъ—П. Н. Буцинскаго, т. XII, 465—469. *Псевдонимъ* его (Мих. Н—евичъ), т. XIII, 238.

Мицкевичъ, Адамъ, польскій поэтъ, т. XI, 246—248.

Мишле:

— Жюль, французскій историкъ. Библиографическая замѣтка о соч. его: Исторія XIX вѣка, т. XIV, 443.

— Карль-Людвигъ, нѣмецкій филозофъ, профессоръ берлинскаго университета, т. XI, 389, 390.

Мишо, бернскій профессоръ. Замѣтка о выходѣ соч. его о Людовикѣ XIV и папѣ Иннокентїи XI, т. XII, 476.

Мишкевъ, жена лже-Дмитрія. См. Марина.

Модестовъ, В. И. Заграничныя воспоминанія его, т. XI, 382—406, 575—600; т. XII, 103—124. Библиографическая замѣтка о соч. его: Статьи для публики по вопросамъ историческимъ, политическимъ, общественнымъ, философскимъ и проч., т. XII, 225—227.

Мойеръ:

— Марья Андреев., рожденная Протасова, невѣста Жуковскаго, т. XI, 409—414, 700, 701.

— Ив. Филиппов., докторъ, т. XI, 412, 413; т. XIV, 524.

фонъ-Мольтке, гр. Гельмутъ Карль-

Бернгардъ, прусскій генераль-фельдмаршалъ и начальникъ генеральнаго штаба. Замѣтка объ изданїи сочиненій о немъ, т. XIV, 529, 530.

Моммзенъ, германскій профессоръ, т. XI, 593.

Монгольфьеръ, братья Иосифъ и Этьеннь. Открытіе памятника имъ въ Аннонѣ, т. XIV, 228.

Монгюионъ, членъ французскаго жокей-клуба, т. XIV, 599.

Монферанъ, Огюсть Рикаръ, архитекторъ исаакіевскаго собора, т. XIII, 480.

де-Мопассанъ, Гюи, французскій писатель; отзывъ его о Тургеневѣ; т. XIV, 446.

Мордовцевъ, Д. Л., писатель, псевдонимы его (Б. Гив., Верне изъ Бердичева, Діонисьевъ и Ѳома Брутъ), т. XIII, 237, 240. *Упомян.* т. XIII, 72; т. XIV, 648.

Моревъ, епископъ волынской. См. Амвросїи.

Морели, аббатъ, писатель. Социализмъ въ его романѣ, т. XI, 182, 183.

Морлей, Джонъ, англійскій литераторъ и публицистъ; по поводу книги его: «Дидеро и энциклопедисты», т. XI, 649—669.

Моригеймъ, секретарь вел. кн. Константина Павловича по званію намѣстника въ ц. п., т. XIV, 24.

Морни, гр. Шарль-Огюсть-Люи-Жозефъ, президентъ французскаго законодательнаго корпуса, впоследствии сенаторъ и посланникъ въ Петербургъ, т. XIV, 599, 603.

Морозовы:

— Борисъ Ив., дядька и любимецъ царя Алексѣя Михайловича, т. XIV, 200.

— Н., писатель, псевдонимъ его (Протопоповъ М. А.), т. XIII, 239.

Морской, Н., псевдонимъ писателя Н. К. Лебедева, т. XIII, 238.

Морусъ, Томасъ, англійскій дипломатъ и ученый. Замѣтка о его «Утопїи», т. XI, 171—174.

Морфилъ, профессоръ оксфордскаго университета. Замѣтка объ изслѣдованїяхъ его о поэтѣ Пушкинѣ, т. XII, 701, 702; т. XIV, 211, 212.

Мосинъ-ханъ (Маметь-ханъ), дѣтїнъ (эсаулъ) авганскихъ войскъ, т. XI, 626, 629, 631, 632, 645—647.

Москвинъ II, митрополитъ кїевскій. См. Арсенїи.

Мосоловъ, помѣщикъ с. Балакирева, убитый пугачевцами, т. XIII, 124.

Мостовскій, гр., польскій министръ

внутреннихъ дѣлъ, т. XIV, 23—25, 38.

Мочаловъ, знаменитый трагикъ, т. XIII, 158, 649, 650.

Мошениковъ, Ив. Григ., раскольникъ даниловскаго скита, т. XIII, 618.

Мощицкій, графъ, кievскій помѣщикъ, т. XIV, 129.

Мстиславскій, кн. Ѳеодоръ Ив., старѣйшій воевода, т. XIV, 200.

Музовскій, протопресвиторъ, духовникъ Царской Фамиліи, т. XIV, 563.

Муляржъ («Каменьщикъ»), Янъ, польскій повстанецъ, т. XI, 560—562.

Муравьевы:

— Александръ Николаев., архангельскій, а потомъ нижегородскій губернаторъ. Замятка о немъ, т. XI, 726—728.

— Гр. Мих. Никол., генераль-отъ-инфантеріи, виленскій генераль-губернаторъ. Замятка по поводу записокъ его, т. XI, 724—726. *Упомян.* т. XIV, 80, 81, 94—105, 122, 131, 326—333, 340, 341, 344, 349, 356—365, 465, 466.

— Никита Мих., корнетъ кавалергардскаго полка, декабристъ, т. XI, 458.

— Никол. Мих., рязанскій, а потомъ ковенскій губернаторъ, т. XIV, 326—335, 343—345, 348, 354—357, 360.

Мурзакевичъ, Никол. Никиф., вице-президентъ одесскаго общества исторіи и древностей. Некрологъ его, т. XIV, 646, 647.

Мурингъ, докторъ, пострадавшій во время бунта новгородскихъ военныхъ поселянъ, т. XIII, 342.

Муромцевъ, Сергѣй Андреев., докторъ гражданскаго права, профессоръ московскаго университета, т. XIV, 471.

Муррей:

— А. С. Замятка о его Исторіи греческой скульптуры, т. XII, 696.

— Гр. Джемсъ Стюартъ, побочный сынъ англійскаго короля Якова V, т. XI, 678, 682, 684—692.

Мусия-Пушкины, графы:

— Алексѣй Ив., дѣйствит. тайный совѣтникъ, президентъ академіи художествъ, т. XI, 704.

— Л. А., супруга предъидущаго, т. XI, 704.

— Мих. Никол., дѣйствит. тайный совѣтникъ и сенаторъ, попечитель петербургскаго учебнаго округа, т. XIII, 301, 308, 309, 320.

Мусницкій, генераль-лейтенантъ, кievскій комендантъ, т. XIV, 128.

Мусса-паша, турецкій великій визирь, т. XII, 677.

Мутонъ, французъ, осужденный въ 1812 году въ Россіи; т. XII, 685.

Мухановы:

— Оберъ-форшнейдеръ, управлявшій министерствомъ народн. просвѣщенія, т. XII, 145.

— Петръ Александр., штабсъ-капитанъ лейбъ-гв. измайловскаго полка, декабристъ, т. XI, 458.

Мысловскій, польскій повстанецъ, т. XI, 571.

Мышецкіе, князья. См. Денисовы.

Мышковскій, польскій повстанецъ, т. XI, 573.

Мѣдниковъ, полковникъ, начальникъ замосцьско-грубешовскаго военнаго отдѣла, т. XI, 97.

Мэатъ, Эрிகъ, каянскій гражданинъ, проводникъ Александра I во время путешествія его по Финляндіи, т. XIV, 165, 168.

Мюрать, генераль. См. Іоакимъ I Наполеонъ.

Н.

Навроцкій, А., малороссійскій писатель, т. XIII, 73.

Надаржинскій, Тимофей, священникъ, духовникъ Петра Великаго, т. XII, 335.

Назаровъ, переводчикъ персидскаго языка, участвовав. въ посольствѣ въ Авангистанъ, т. XI, 622, 629, 633.

Назимовы:

— Владим. Ив., генераль-адъютантъ, генераль-отъ-инфантеріи, попечитель московскаго учебнаго округа, впослѣд. виленскій генераль-губернаторъ и членъ государств. совѣта, т. XII, 71, 72, 142; т. XIII, 213; т. XIV, 87, 94.

— Владим. Никол., генераль-майоръ, директоръ брестскаго кадетскаго корпуса, впослѣд. генераль-отъ-инфантеріи, членъ военнаго совѣта, т. XI, 717, 718.

— Мих. Александр., штабсъ-капитанъ, декабристъ, т. XII, 408—410.

Наполеоны:

— I, Бонапартъ, императоръ французъ. Свиданіе съ нимъ генерала Балашева, т. XII, 424—438. Упомян. т. XII, 256, 258, 261, 456, 457, 679—682, 684, 698, 699; т. XIII, 144, 146, 148, 487, 650, 652—655; т. XIV, 7—25, 30—32, 41, 46, 202, 572, 606, 609.

— III (Людовикъ), императоръ французъ, т. XI, 575—579, 594, 595—597; т. XII, 162—168, 172, 174—177,

246, 254, 456, 457, 486; т. XIV, 597—611.

Нарская, Е., псевдонимъ писательницы книг. Е. Шаликовой, т. XIII, 239.

Нарышкины:

— А. А., оберъ-шенкъ, т. XI, 426.

— Александръ Львов., тайный со-вѣтникъ, т. XI, 18—24, т. XIII, 139, 140.

— Дмитр. Львов., гофмейстеръ, т. XIII, 365.

— Левъ Александр., оберъ-штаб-мейстеръ, т. XI, 426.

— Левъ Кириллов., бояринъ, начальникъ посольскаго приказа, т. XI, 18.

— Мих. Мих., полковникъ, декабристъ, т. XII, 405, 411.

— Семень Григ., генераль-аншефъ, т. XI, 18, 19, 24.

Насмичъ, Джемъ, англійскій механикъ и астрономъ. Библиографическая замѣтка о его автобиографіи, т. XIII, 719—721.

Неваховичъ, Левъ Никол., писатель, т. XIII, 150.

Невѣдомскій, В. Н. Библиографическія замѣтки о переводахъ его: Утилитаризмъ и о свободѣ, соч. Дж. Ст. Мила, т. XI, 459, 460. Исторія упадка и разрушенія римской имперіи, соч. Эдуарда Гиббона, т. XIV, 618, 619.

Невѣлинскій, мировой посредникъ кievской губ., т. XIV, 117.

Незеленовъ, А. И. *Статья его:* Александръ Николаевичъ Радищевъ, т. XII, 5—27. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: А. С. Пушкинъ въ его поэзіи (1799—1826), т. XI, 210—214. *Библиографическая его замѣтка:* А. Н. Радищевъ—М. И. Сухомлинова, т. XIV, 614—617.

Нейкъ - Магометь - ханъ, сердаръ, братъ авганскаго эмира, т. XI, 646.

Нейлизъ, поручикъ, т. XIV, 475, 476, 481.

Некрасовъ, Никол. Алексѣев., поэтъ, т. XIII, 240; т. XIV, 369.

Нелидовъ, Александръ Ив., тайный совѣтникъ, посланникъ въ Константинополь, т. XI, 189, 190.

Немировичъ-Данченко, В. И., писатель, т. XIII, 237; т. XIV, 467.

Неофитъ:

— Греческій митрополитъ (XVI в.), привезшій почаевскую икону, т. XIV, 641.

— Пермскій архіепископъ, т. XIV, 313, 314, 316, 317.

— Эфесскій митрополитъ (XII в.), т. XII, 250.

Непокойчицкій, Артуръ Адамов., генераль-адъютантъ, генераль-отъ-инфантеріи, т. XI, 375, 379.

Нессельроде, гр. Карлъ Вас., министр иностранныхъ дѣлъ и государств. канцлеръ, т. XI, 356, 357.

Нестеровичи:

— Агафія, въ монашествѣ Аполлинарія, мать епископа Ириней, т. XII, 385.

— Гавриилъ, священникъ с. Дмитрушки, кишинев. у., отецъ епископа Ириней, т. XII, 385.

— Ив. Гавр., епископъ иркутскій. См. Ириней.

Нечаевъ, писатель, псевдонимъ его (Огоньковъ), т. XIV, 467.

Нечуй, псевдонимъ малороссійскаго писателя Левицкаго. См. это слово.

Нейловъ, надворный совѣтникъ, темниковскій воевода, бѣжавшій отъ шайки Пугачева, т. XIII, 124.

Нивлянскій, Г. А., писатель, псевдонимъ его (Литанъ), т. XIII, 238.

Никаноръ (Клементьевскій), архіепископъ варшавскій, впоследствіи митрополитъ новгородскій и петербургскій. Письмо его къ московскому митрополиту Филарету, т. XI, 229.

Никитенко, Александръ Вас., профессоръ петербургскаго университета, писатель, редакторъ журнала «Современникъ» и газеты «Сѣверная Почта», т. XII, 358.

Никитины:

— В. Н. Библиографическая замѣтка о соч. его: Обзоръ дѣятельности попечительства надъ арестантами с. петербургкой исправительной тюрьмы за одиннадцать лѣтъ, т. XIII, 217.

— Епископъ великоустюжскій и тотемскій. См. Иоаннъ.

— Ив. Саввичъ, воронежскій поэтъ. Замѣтка по поводу статьи о немъ В. Гольдшмидта въ Magasin für die Literatur, т. XII, 233.

Никитскій, Климъ И., учитель кишиневской духовной семинаріи, т. XII, 393.

Никифоровы:

— Капитанъ орловскаго полка, т. XI, 370.

— Н. К., писатель, псевдонимы его (Нико-Ники и Коля Персіаниновъ), т. XIII, 239, т. XIV, 467.

Николаевъ, Г. И. Замѣтки и поправки его по поводу Записокъ гр. М. Н. Муравьева, т. XI, 724—726.

Николай Максимиліановичъ, герцогъ Лейхтенбергскій, т. XI, 114.

Николай Николаевичъ, великій князь, т. XI, 110, 111, 366, 373, 377—379, 382.

Николай Павловичъ, императоръ. Прическа въ его царствованіе, т. XI, 223, 240. Воспоминанія объ немъ, т. XI, 716—718; т. XII, 378. Разказы объ немъ, т. XII, 630—644. *Упомин.* т. XI, 255, 359, 727; т. XII, 69, 266, 286, 353, 355—378, 393, 400, 403, 404, 408, 560; т. XIII, 230, 316, 334, 335, 481, 496—507, 510—522, 647, 720, 735, 736; т. XIV, 33, 96, 248, 347, 505, 561—564, 611, 639.

Николарадо. Библиографическая замѣтка о соч. его: Непогрѣшимый Теофилъ Готье, т. XIII, 473, 474.

Никольскіе:

— Владим. Вас., магистръ, преподаватель петербургской духовной семинаріи, училища правовѣдѣнія, николаевского института и коммерческаго училища. Некрологъ его, т. XII, 244, 245.

— Митрополитъ с.-петербургскій. См. Исидоръ.

Нильскій, Ив. Фед., профессоръ петербургской духовной академіи, т. XII, 417.

Нитцшъ, Карлъ-Вильгельмъ. Библиографическая замѣтка о соч. его: «Исторія нѣмецкаго народа», т. XIII, 718.

Новаковскій, Карлъ, польскій повстанецъ, сочинитель главныхъ манифестаций, т. XI, 564.

Новодворскій, А. О., писатель, псевдонимъ его (Осиповичъ А.), т. XIII, 239.

Новоселовы:

— Александръ Григорьев., директоръ московской четвертой гимназіи, т. XI, 390.

— С. К., полковникъ, участникъ въ усмирении польскаго мятежа, впоследствии генералъ, т. XIV, 347.

Новосильцевъ, гр. Никол. Никол., императорскій комиссаръ въ королевствѣ польскомъ, впоследствии председатель государственнаго совѣта и комитета министровъ, т. XIV, 42—44.

фонъ-Нольде, Луиза-Шарлотта. См. фонъ Медемъ.

Нордега, малороссійскій писатель (Степенко и Цисъ), т. XIII, 72.

Норденшильдъ, баронъ Адольфъ-Ерихъ, путешественникъ. Библиографическая замѣтка о соч. его: Обходъ

Азіи и Европы на «Вегѣ», т. XII, 672, 673.

Норовъ, Авраамъ Сергѣев., министръ народнаго просвѣщенія, путешественникъ, т. XII, 59, 143, 356; т. XIV, 209.

Носова, пѣвица, т. XIII, 649.

Носъ, С. Д., малороссійскій писатель, т. XIII, 72.

Нурригъ, еврейка, ковенская красавица, т. XIV, 353, 354.

О.

Оболенскій, Л. Е., писатель, псевдонимъ его (Красовъ М. И., Кр—въ М. И., Л...н., Л. О. и О—ій Л.), т. XIII, 238, 239.

Обольяниновъ, Петръ Хрисанфов., генераль-прокуроръ. Письмо къ нему гр. И. П. Салтыкова, т. XI, 470, 471. *Упомин.* т. XIV, 459.

Овичъ, А., псевдонимъ писателя В. А. Васильева, т. XIV, 466.

Одоевскіе, князья:

— Александръ Ив., поэтъ, декабристъ. Биографическій очеркъ, т. XII, 398—414. Библиографическая замѣтка о полномъ собраніи сочиненій его, собранныхъ бар. А. Е. Розеномъ, т. XI, 457, 458.

— Владим. Федор., сенаторъ и литераторъ, т. XI, 457.

— Ив. Александр., отецъ поэта, т. XII, 399, 408—410.

Озеровъ, Владим. Александр., писатель, т. XIII, 142.

Окрѣйшъ, С. С., писатель, редакторъ-издатель журнала «Лучъ», псевдонимъ его (Ок—цъ С. С.), т. XIII, 239.

Оларъ, Ф. А., французскій историкъ. Замѣтки: о соч. его: Ораторы учредительнаго собранія, т. XI, 713; объ открытой имъ драмѣ «Тиръ и Сидонъ», т. XII, 701.

Оленьковичъ, Дмитрій, псевдонимъ малороссійскаго писателя Д. Александровича, т. XIII, 72.

Оленинъ, Алексѣй Никол., директоръ публичной бібліотеки и президентъ академіи художествъ, т. XI, 424, 425; т. XIII, 152, 169.

Олесовъ, суконный фабрикантъ въ селѣ Разказовѣ, арестованный пугачевскую шапку, т. XIII, 130.

Олсуфьевъ, Емельянъ Дмитр., разкольникъ, т. XIII, 624, 627.

Ольга Святая (въ крещеніи Елена), правительница Руси, первая русская христианка. Тысячелѣтній ея юбилей, т. XIII, 725, 726.

Ожальскій, герцогъ. Замѣтка о соч. его: Исторія принцевъ Конде, т. XII, 476.

Омеръ-бей, начальникъ штаба турецкаго главнокомандующаго Сулеймана-паши, т. XI, 365.

Омулевскій, псевдонимъ писателя И. В. Оедорова, т. XIII, 239.

Онисифоръ (Боровикъ), вологодскій епископъ, т. XI, 283.

Онукъ, Маркъ, малороссійскій писатель, т. XIII, 72.

Опочинины:

— Ив. Мих., ярославскій дворянинъ. Предсмертное завѣщаніе его, т. XI, 224—226.

— Оедоръ Констант., мышкинскій уѣзд. предводитель дворянства, т. XI, 226.

Ординъ, Н. Г., докторъ, т. XI, 703.

Ордынскій, Леонардъ Викентьев., дѣйств. статскій совѣтникъ, т. XIII, 302.

Орликъ, генеральный писарь малороссійскаго гетмана Мазепы, т. XII, 86.

Орловы:

— Гр. Владиміръ Григ., президентъ академіи наукъ, т. XII, 604, 605.

— Гр. Григ. Григ., генераль-фельдцейхмейстеръ, т. XII, 604.

— Кн. Алексѣй Оедор., генераль-адъютантъ, шефъ корпуса жандармовъ. Замѣтка о разговорѣ его съ императоромъ Николаемъ I, т. XII, 378. *Упомин.*, т. XI, 716; т. XII, 69, 70, 354, 355, 359, 631.

Орловъ-Чесменскій, графъ Алексѣй Григор., главный начальникъ флота, т. XIII, 711, 712.

Орфановъ, М. И., писатель, псевдонимъ его (Мишля), т. XIII, 238.

Орѣшковъ, штабсъ-капитанъ, т. XI, 372.

Осиновичъ, А., псевдонимъ писателя А. О. Новодворскаго, т. XIII, 239.

Осиновъ, Стахій, выгорѣнскій раскольничій стряпчій, т. XIII, 606—608, 610.

Оссовскій, Готфридъ, малороссійскій писатель, т. XIII, 72.

Останковичъ, ротный командиръ, убитый бунтовщиками новгородскихъ военныхъ поселеній, т. XIII, 341.

Остенъкъ, Александръ. См. Востокъ.

Остерманъ, гр. Ив. Андреев., канцлеръ, начальникъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, т. XI, 12, 20—23; т. XII, 345, 347, 533.

Отрощенко, маіоръ новгородскихъ

военныхъ поселеній, т. XIII, 335, 336 340.

Отто, авторъ сочиненія: «Подъ лумбѣсцемъ; изъ жизни Мольте». Замѣтка объ этомъ соч., т. XIV, 529, 530.

Оттонъ III, римско-нѣмецкій императоръ, т. XII, 250.

Охлебининъ, помѣщикъ, арестованный пугачевцами, т. XIII, 126.

Очеретяный, малороссійскій писатель, т. XIII, 72.

Очкинъ, Амплій Никол., издатель-редакторъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», т. XII, 358.

II.

Павель:

— Великій герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій, супругъ вел. кн. Анастасіи Михайловны, т. XII, 486, 487.

— (Зерновъ), костромскій епископъ, впоследств. казанскій архіепископъ, т. XIII, 367.

— Епископъ коломенскій и каширскій, т. XIII, 601.

— (Саббатовскій) епископъ астраханскій и енотаевскій, т. XIV, 215.

Павель I Петровичъ, императоръ. Столкновение его съ адмираломъ Чичаговымъ, т. XI, 137—240. *Упомин.* т. XI, 467, 471; т. XII, 254, 260, 284—286, 345, 438, 552—565, 610, 621, 622; т. XIII, 139, 210, 368, 459, 480; т. XIV, 459, 460, 639.

Павловъ, Никол. Филипов., редакторъ газетъ «Наше Время» и «Русскія Вѣдомости», т. XII, 66.

Павловскій, офицеръ хивинской экспедиціи 1839 г., т. XIII, 587.

Павлусъ, малороссійскій писатель (псевдонимъ), т. XIII, 73.

Паксій, іеромонахъ краснослободскій, торжественно встрѣтившій пугачевцевъ, т. XIII, 124.

Палаузовъ, Спиридонъ Никол., ученый болгаринъ, т. XI, 352.

Палень, гр. Петръ, петербургскій генераль-губернаторъ, т. XI, 239.

Палицынъ, прапорщикъ артиллеріи, т. XIV, 332, 354.

де-Пальеро, маркизъ, сардинскій посланникъ въ Петербургъ, т. XII, 340.

Пальмерстонъ, Генри - Джонъ - Темплъ, англійскій министръ, т. XII, 176.

Пальминъ, Л. И., писатель, псевдонимы его (Марало Іерихонскій и Трефовый король), т. XIII, 238, 239.

Панаевы:
— Владим. Ив., директор канцелярии министерства двора, писатель, т. XIII, 287.

— Ив. Ив., писатель, редактор журнала «Современник», т. XIV, 369.

Панины, графы:
— Викт. Никит., действ. тайный советник, министр юстиции, т. XII, 634.

— Петр Ив., усмиритель пугачевского мятежа, т. XIII, 132, 133.

Панковский, польский повстанец, т. XI, 568, 573.

Пановы:
— Ив. Степан., художник. Некролог его, т. XIV, 463, 464.

— Русский ученый, путешественник, т. XI, 258.

Панчулидзева, тайный советник, пензенский губернатор, т. XI, 543.

Паперь, Г., писатель, псевдоним его (Екатеринославец), т. XIII, 238.

Паркеръ, Джонъ-Генри. Записка о соч. его: Via sacra, т. XII, 696.

Паскевичи:
— Ив. Федор., свѣтлѣйшій князь Варшавскій, графъ Эриванскій, генералъ-фельдмаршалъ, намѣстникъ въ Царствѣ Польскомъ, т. XI, 716—718; т. XII, 336.

— Федоръ, отецъ предъидущаго, т. XII, 564.

Пасекъ, Анастасія Ив. См. княг. Шаховская.

Паткановъ, Керапа Петров., действ. статскій советникъ, профессоръ петербургскаго университета, т. XII, 647.

Паукеръ, инженеръ - капитанъ, т. XIII, 483.

Паулуччи:
— Маркизь, генералъ - лейтенантъ, начальникъ тайной полиціи въ Варшавѣ, т. XI, 758, 559.

— Филиппъ, маркизь, ливонскій и курляндскій генералъ-губернаторъ, впоследствии губернаторъ Генуи, т. XIII, 165, 498.

Пафнуцій, старообрядческій епископъ, т. XIV, 302, 303, 305—307, 318.

Паць, литовскій воевода, основатель православнаго монастыря близъ Нѣмана, т. VI, 346.

Пашковы:
— Вас. Александр., т. XI, 467.

— И. А., писатель, псевдонимъ его (Влад—овъ), т. XIII, 237.

— Петръ, шацкій помѣщикъ, владѣлецъ с. Гагарина, т. XIII, 121.

П—вы, владѣльцы имѣнія Михѣево;

— Иоасафъ Николаев. Разсказъ о немъ С. Т. Славутинскаго, т. XI, 25—66, 294—329, 495—525; т. XII, 28—56, 290—325, 566—602; т. XIII, 31—69.

— Михайлъ Ероооев., Надежда Ив. и Никол. Михайл. См. ст. С. Т. Славутинскаго: Исторія моего дяди.

Пенко, Эмиліо. Библиографическая записка о соч. его: Франческо Петрарка, т. XII, 682.

Перевощиковъ, профессоръ дерптскаго университета, т. XIV, 521, 592.

Перегусихна, Марья Савишна, любимая камеръ-юнгфера Екатерины II, т. XII, 556.

Перетатовичъ. Библиографическая записка о соч. его: Поволожье въ XVII и началъ XVIII вѣковъ, т. XII, 686—689.

Перигон, актриса французскаго театра въ Москвѣ, т. XIII, 651.

Перинки:
— Владим. Кондрат., крестьянинъ-д. Поляковъ, пермской губ., приверженецъ старообрядческаго епископа Геннадія, т. XIV, 308—311.

— Титъ Кондрат., крестьянинъ-старообрядецъ. т. XIV, 309—311.

Перовскіе:
— Гр. Левъ Алексѣев., министръ внутреннихъ дѣлъ, т. XII, 69, 70.

— Вас. Алексѣев., генералъ-адъютантъ, оренбургскій военный губернаторъ, т. XIII, 584, 586.

Пероне, актеръ французскаго театра въ Москвѣ, т. XIII, 655.

Персианъ, Жанъ-Жильберъ - Викторъ, герцогу де-Фіаленъ, французскій министръ внутреннихъ дѣлъ, потомъ посланникъ въ Лондонъ, т. XIV, 600, 601.

Перскій, керенскій воевода, т. XIII, 126, 127.

Перу, французскій актеръ въ Москвѣ, XIII, 651.

Перфильевы:
— М. О. Ст. его: Медицинское дѣло въ Россіи въ первую половину XVII столѣтія, историко-библиографическій этюдъ, т. XIII, 372—385.

— Степ. Степ., действит. статскій советникъ, правитель канцелярии министра внутрен. дѣлъ, впоследствии директоръ почтоваго департамента, т. XII, 241.

Песковъ, И. А., писатель, псевдонимы его (Алексѣй Берталь, Иванъ Краткій и Mezzo Tenore), т. XIV, 466, 467.

Песлякъ, Алопзій С., польскій ссыль-

ный, впоследствии бирский городничий и мировой посредникъ. Записки его, т. XIII, 576—594.

Пестеревъ, екатеринбургскій полицмейстеръ, т. XIV, 299, 300, 303, 304, 308, 312, 313, 315.

Пестюнь, историкъ литературы. Библиографическая замѣтка о соч. его: Греческія поэты, т. XI, 714.

Пестовъ, помѣщикъ с. Тростянки, убитый пугачевцами, т. XIII, 124.

Петерсенъ, Владим. Карлов. Ст. его: За ключами Индіи, т. XI, 619—648. Библиографическая замѣтка: История русскаго генеральнаго штаба—Н. П. Глиноецкаго, т. XIII, 208—210. *Упомян.* т. XIII, 237.

Петрашевскій (Бутаевичъ-Петрашевскій), М. В., писатель, т. XII, 69.

Петровы:

— Мануилъ, выгорѣцкій раскольникій стряпчій, т. XIII, 609—611, 621.

— Митрополитъ петербургскій. См. Гавриилъ.

— Никол. Ив., профессоръ кievской духовной академіи. Ст. его: Очеркъ изъ украинской литературы, т. XIII, 70—112. Библиографическія замѣтки его: Грековосточная церковь въ периодъ вселенскихъ соборовъ—Ф. А. Терновскаго, т. XI, 461, 462. Киевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники—С. П. Голубева, т. XIII, 466.

— П. Н., писатель, т. XIV, 467.

— Приказчикъ д. Беклемишевки, повѣщенный пугачевцами, т. XIII, 124.

Петруша-Коленченко, М. П., писатель, т. XIII, 236.

Петръ (Могила), кievскій митрополитъ, т. XIII, 466.

Петръ I Алексѣевичъ, императоръ. Описание портрета его въ Берлинѣ, т. XII, 624, 628, 629. Память о немъ въ Карлсбадѣ, т. XIV, 227, 228. Французскіе стихи въ честь его, т. XIV, 633—634. *Упомян.* т. XI, 9, 10, 18, 200, 288, 426; т. XII, 97, 219—222, 274—276, 278, 279, 329, 330, 335; т. XIII, 140, 167, 169, 172, 229, 230, 480, 482—484, 488, 603; т. XIV, 435.

Петръ II Алексѣевичъ, императоръ, т. XI, 19—24; т. XII, 279.

Петръ III Фёдоровичъ (Карлъ-Петръ-Ульрихъ, герцогъ голштейн-готторпскій) императоръ, т. XII, 264, 608, 609; т. XIII, 460, 461, 487.

Петръ Антоновичъ, принцъ Брауншвейгскій, т. XI, 159.

Петръ Георгиевичъ, принцъ Ольденбургскій, т. XII, 136—139; т. XIII, 212.

Пекольдъ, Л. Замѣтка о переводѣ имъ соч. Леруа-Болье о Россіи, т. XIV, 627.

Печерскій, Андрей, псевдонимъ писателя-этнографа П. И. Мельникова. См. Мельниковъ.

Пикювъ, петербургскій старовѣръ еодосѣвскаго толка, т. XII, 420.

Пиленко, приставъ 1 стана васильковского у., кievск. губ., участникъ усмиренія польскаго мятежа, т. XIV, 112.

Пилецкій, станціонный смотритель въ с. Бѣлоярскомъ, екатеринбургскаго у., т. XIV, 297.

Пименовъ, русскій купецъ въ Ригѣ, т. XIV, 256.

Пиньятели-де-Бельмонте, Иоганна, герцогиня д'Аачеранца, рожд. фонъ-Биронъ, т. XIV, 573.

Пирлингъ, иезуитъ. Библиографическая замѣтка о сочиненіяхъ его, т. XI, 713.

Пироговъ, Никол. Ив., тайный совѣтникъ, профессоръ медико-хирургической академіи, т. XI, 399; т. XIII, 294; т. XIV, 107—109, 519.

Писаревскій, Никол. Григ., полковникъ, редакторъ-издатель газеты «Современное Слово» и редакторъ газеты «Русскій Ивалидъ», т. XII, 58.

Писаревы:

— Александръ Ив., водевилистъ, т. XIII, 157, 158, 161.

— Дмитрій Ив., критикъ, т. XII, 156.

Писемскій, Алексѣй Теофилакт., писатель. Къ биографіи его, т. XII, 374. Псевдонимъ его (Не стыжусь), т. XIII, 239. *Упомян.* т. XII, 423; т. XIV, 636.

Писторъ, русскій генералъ-квартирмейстеръ, т. XIII, 209, 210.

Питиримъ, нижегородскій архіепископъ, т. XIV, 436.

Пичъ, нѣмецкій писатель; отзывъ его о Тургеневѣ, т. XIV, 446.

Пицальниковы:

— Никита Прокоф., расколо-учитель, т. XIII, 614, 624, 626—630, 635—645.

— Прокофій Андр., раскольникъ, т. XIII, 624—626, 635, 636, 638.

Пій IX (гр. Мاستан Феретти), римскій папа, т. XII, 658.

Платеръ, Иосифъ, польскій графъ, помѣщикъ сѣверо-западнаго края, т. XIV, 84, 85.

- Платонъ:**
— (Городецкій), рижскій архієпископъ, нынѣ митрополитъ кievскій и галичскій, т. XIV, 253, 258—260, 499.
— Греческій философъ. Соціализмъ въ его ученіи, т. XI, 169—171.
— (Левшинъ), законоучитель великаго князя Павла Петровича, впоследствии митрополитъ московскій и коломенскій, т. XII, 286, 554.
- Плетневъ, Петръ Алексѣев.,** профессоръ петербургскаго университета, т. XIV, 367.
- Плечко, Агриппина.** Библиографическая замѣтка о соч. ея: Москва, историческій очеркъ, т. XIII, 467.
- Плещеевъ, А. А.,** писатель, псевдонимъ его (Скалозубъ), т. XIII, 239.
- Плонъ, Евгеній.** Библиографическая замѣтка объ изслѣдованіи его о Челлинѣ, т. XIII, 718, 719.
- Повалишинъ, Андрей Ив.,** егорьевскій уѣздный предводитель дворянства, т. XII, 298, 569, 574, 576—578.
- Погодинъ, Мих. Петр.,** профессоръ, историкъ и публицистъ, т. XI, 256.
- Подвысоцкій, начальникъ** тайной полиціи въ Варшавѣ, т. XI, 559.
- Псдлубный, И. Сообч.** Эпизодъ изъ бунта военныхъ поселянъ въ 1831 году, т. XIII, 332—344.
- Подушка, Ив.,** малороссійскій писатель, т. XIII, 74.
- Подшиваловъ, А. М.,** нумизматъ, т. XII, 689, 690.
- Повняковъ, московскій** театралъ, т. XIII, 650.
- Покровский, Ефимъ,** торопецкій соборный дьяконъ; безчинство его, т. XI, 282.
- Полевые:**
— Никол. Алексѣев., писатель и журналистъ, т. XIII, 491.
— Петръ Никол., писатель, редакторъ-издатель журнала «Живописное Обзоріе», т. XIII, 239; т. XIV, 232.
- Поливановъ, Левъ.** Библиографическая замѣтка объ изданіи его: В. А. Жуковский и его произведенія, т. XII, 463—465.
- Поликарпъ (Радкевичъ),** орловскій епископъ, т. XIV, 253.
- Половцовъ, А. А.,** предсѣдатель русскаго историческаго общества, т. XII, 708.
- Полонскій, Яковъ Петр.,** поэтъ, т. XIV, 472.
- Полторацкій, Сергій Дмитріев.,** знатокъ русской библиографіи, т. XIII, 302.
- Полъновъ, В. А.,** русскій законовѣдъ, т. XII, 603, 604.
- фонъ-Поммарнъ, Аяна Ив.,** жена садовника, свидѣтельница по дѣлу А. Л. Нарышкина, т. XI, 20—22, 24.
- Пономаревъ, С. (Жельзнягъ),** авторъ «Материаловъ для словаря псевдонимовъ», т. XIII, 236, 240.
- Понтекорво, князь.** См. Карлъ XIV.
- Понятовскіе:**
— Браты, кievскіе помѣщики, т. XIV, 133.
— Евгр. П., кишиневскій протоіерей, т. XI, 227.
— Станиславъ - Августъ, польскій король. См. это слово.
- Поплавскій, польскій** повстанецъ, т. XI, 571.
- Поновскій, Н.,** псевдонимъ писателя Н. С. Кутейникова, т. XIV, 467.
- Поповы:**
— Дьячекъ с. Нестерова, сторонникъ Пугачева, т. XIII, 122.
— Кишиневскій епископъ. См. Иринархъ.
— Л. Б., писатель, псевдонимъ его (Эльпе), т. XIV, 468.
— Русскій консулъ въ Бѣлградѣ, т. XI, 76.
— Русскій ученый, славистъ, т. XI, 257.
- Порошинъ, Фѣдоръ Фѣдор.,** русскій посолъ въ Бранденбургѣ. Портретъ его въ Берлинѣ, т. XII, 625, 626.
- Порухевичи:**
— Вас. Вас., протоіерей кишиневскаго кафедральнаго собора, т. XII, 384, 393.
— Викторъ Вас., протоіерей, ректоръ кишиневской семинаріи, т. XII, 392, 393.
— Даниилъ Вас., т. XII, 393.
- Порфирій, іеромонахъ** новгородскаго спасскаго монастыря. Видѣніе его, т. XII, 85—102.
- Посникова, Гальяна Никол.,** вдова сержанта шлиссельбургскаго пѣхот. полка, московская торговка. Слѣдственное дѣло о распространеніи ею ложныхъ слуховъ объ Аннѣ Ивановнѣ, т. XI, 7—17.
- Посошковъ, Ив. Тихонов.,** крестьянинъ, водочный мастеръ, политико-экономическій писатель. Библиографическія замѣтки, т. XII, 692, 693; т. XIII, 211, 212.
- Постниковы:**
— Митрополитъ петербургскій. См. Григорій.
— Чиновникъ особыхъ порученій

при ковенскомъ губернаторѣ Н. М. Муравьевѣ, т. XIV, 357, 358.

Посъеть, Константинъ Николаев., капитанъ-лейтенантъ, впоследѣ адмиралъ, генераль-адъютантъ, министръ путей сообщения и членъ государственнаго совѣта, т. XIII, 304.

Потаповъ, полковникъ, адъютантъ фельдмаршала Паскевича, т. XI, 717.

Потѣбня, польскій повстанецъ, т. XI, 90.

Потемкинъ-Таврическій, кн. Григ. Александр., фельдмаршалъ, новороссійскій генераль-губернаторъ. Проектъ его объ устройствѣ казацкаго войска изъ мѣщанъ и ямщиковъ, т. XIII, 224—226. *Упомян.* т. XI, 469; т. XII, 344, 345, 347, 348, 352, 533, 534, 537—544; т. XIII, 209, 210, 346, 352, 353, 357, 358, 461; т. XIV, 6.

Потемкины:

— Александръ Вас., отецъ князя Таврическаго, т. XIII, 346.

— Анна Мих., рожден. княж. Крапоткина, т. XIII, 346.

— Гр. Пав. Сергѣев., намѣстникъ кавказскій и астраханскій, впоследѣ генераль-аншефъ. Биографическій очеркъ его, т. XIII, 345—371. *Упомян.* т. XII, 614, 615.

— Григ. Павл., т. XIII, 353, 359, 360, 366.

— Дарья Вас., т. XIII, 346.

— Мих. Серг., генераль крингсъ-комисаръ, т. XIII, 346.

— Прасковья Андреев., рожд. Закровская, т. XIII, 353, 357, 359—361, 363—370.

— Сергѣй Дмитр., секундъ-майоръ, т. XIII, 346.

— Сергѣй Павлов., т. XIII, 359, 366, 367, 370.

Потоцкій, Адамъ, полковникъ польскихъ войскъ, т. XIV, 10.

Прасковья Федоровна (Салтыкова), супруга царя Ивана Алексѣевича, т. XIV, 433—437.

Правовъ, псевдонимъ его (Профанъ), т. XIV, 467.

Пржевальскій, Никол. Мих., полковникъ, ученый путешественникъ. Библиографическая замѣтка: Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки, — третье путешествіе въ Центральной Азии, т. XIV, 437—439.

Приклонскіе:

— Подпоручикъ, свирѣбный экзекуторъ при усмирении пугачевского бунта, т. XIII, 134.

— Помѣщикъ шацкой провинціи,

пострадавшій отъ пугачевцевъ, т. XIII, 134.

Прокоповичи:

— Архіепископъ новгородскій. См. Теофанъ.

— Иванъ, студентъ харьковскаго университета, т. XI, 553.

Прокофьевъ, В. А., писатель, псевдонимъ его (Прокопъ), т. XIII, 239.

Протоасовы:

— Гр. Н. А., оберъ-прокуроръ св. синода, т. XIV, 563.

— Екатор. Аван., т. XI, 409—411.

— Марья Андреев. См. Мойеръ.

Протопоповы:

— М. А., псевдонимъ писателя Н. Морозова, т. XIII, 239.

— Перфилий, розыскныхъ раскольничьихъ дѣлъ канцеляристъ. Столкновеніе его съ священникомъ Кириломъ Федоровымъ, т. XI, 266—281.

— Рижскій епископъ. См. Серафимъ.

Прохаска, авторъ сочиненія: Народы Австро-Венгрии. Библиографическая замѣтка объ этомъ сочиненіи, т. XIII, 472.

Пругавицъ, А. С. Сообщ. «Губернаторское описаніе выгорѣцкаго обществительства», т. XIII, 477—479. Статья его: Одинъ изъ суздальскихъ узниковъ, т. XIV, 194—324.

Прунгуль:

— Алеко, т. XII, 383.

— Ив. Константъ, членъ верховнаго совѣта, т. XII, 383.

— Костаки, т. XII, 383.

— Пананты, т. XII, 383.

— Скарлатъ (Карлъ) Ив., бессарабскій дворянинъ, т. XII, 383, 384.

Пугачевъ, Емельянъ, самозванецъ лже-Петръ III. Нападеніе его шапки на шацкую провинцію, т. XIII, 119—135. *Упомян.* т. XII, 706; т. XIII, 348—352.

Пуль, Фр. Замѣтка о выходѣ его указателя къ періодическимъ изданіямъ, т. XII, 234.

Пустовойтова, Анна-Генрика, ренегатка, адъютантъ польскаго генерала Дангевича, т. XI, 86, 87; т. XIV, 335.

Путинъ, Александръ Мих., временно-обязанный крестьянинъ гр. Строгоновой, старообрядческій священникъ, т. XIV, 307, 308.

Путкаммеръ, прусскій министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, т. XII, 668.

Путянины:

— Ефимъ Вас., генераль-адъютантъ, впоследѣ графъ, министръ народнаго

просвѣщенія и членъ государств. со-
вѣта. Некрологъ его, т. XIV, 647.
Упомин. т. XIII, 304.

— Княж. Мавра Ив. См. Малѣва.

Пуцекъ-Григоровичъ, архіепископъ
казанскій. См. Вениаминъ.

Пушкины:

— Адрианъ, еретикъ. Некрологъ его,
т. XIV, 231.

— Александръ Серг., поэтъ. Би-
блиографическая замѣтка: Первый и
второй періоды жизни и дѣятельности
его (1799—1826) — А. Незеленова, т.
XI, 210—214. Два неизданныхъ сти-
хотворенія его, т. XI, 468, 469. Ки-
шиневскія преданія о немъ, т. XII,
381—397. Замѣтка по поводу изслѣ-
дованій о немъ оксфордскаго профес-
сора Морфиля, т. XII, 701, 702; т.
XIV, 211, 212. Отзывы современни-
ковъ о немъ, т. XIV, 520—542. *Упомин.*
т. XI, 704, 706; т. XII, 26; т. XIII,
77, 153—155; т. XIV, 392, 617.

— Вас. Львов., поэтъ, дядя А. С.
Пушкина, т. XI, 706; т. XII, 238; т.
XIII, 153.

— Левъ Сергѣев., артиллерійскій
подполковникъ, т. XII, 410.

— Наталья Ник., рожд. Гончарова,
супруга поэта, т. XIV, 530.

Пчѣлка, О., малороссійскій писатель,
т. XIII, 73.

Пыляевъ, М. И. Сообщ. неизданное
стихотвореніе Д. И. Давыдова, т. XI,
224. Отрывокъ изъ исторіи русскаго
театра: Нашъ театръ въ эпоху оте-
чественной войны, т. XIII, 646—656.

Пыстина, Авдотья Андреев., раз-
сказъ о чародѣйствѣ ея, т. XI, 485,
491.

Пыхачевъ, Ив. Григ., помѣщикъ с.
Могутава, бузулукскаго у., т. XIV,
539.

Пыхтинъ, Егоръ, крестьянинъ пе-
черской волости, яренскаго уѣзда; раз-
сказъ о чародѣйствѣ крестьянина Ро-
манова, т. XI, 483, 484, 488, 490, 491.

Пьерлингъ, иезуитъ. Библиографиче-
ская замѣтка о соч. его: *La Sorbonne*
et la Russie, т. XI, 199—205.

Пьерсонъ, Вильямъ Ст. его: Марія
Стюартъ по новѣйшимъ изслѣдова-
ніямъ, т. XI, 676—693.

Пьянковъ, Илларионъ Семен., кре-
стьянинъ, старообрядческой священ-
никъ, т. XIV, 307, 308.

Пясецкій, военный докторъ, т. XI,
375.

Пятковский, А. П. Библиографиче-
ская замѣтка о соч. его: Обзоръ дѣя-
тельности попечительства надъ аре-

стантами с.-петербургской исправи-
тельной тюрьмы за одиннадцать лѣтъ,
т. XIII, 217.

Пятошинъ, Дмитр. Ив., романов-
скій купецъ, раскольникъ, т. XIII,
626—630.

Р.

Рабинскій, Станиславъ, гимназистъ,
польскій повстанецъ, т. XI, 560, 562.

Рагузинскій, графъ, русскій посоль
въ Китаѣ, т. XII, 471.

Радецкій, Федоръ Федор., генераль-
адъютантъ, корпусный командиръ 8-го
корпуса, т. XI, 115, 363, 365, 366,
371—374, 379, 381.

Раджибъ-Али, авганскій караванъ-
баши, т. XI, 626.

Радзивиллъ, Альбрехтъ-Станисл.,
польскій князь, т. XII, 205.

Радищевъ, Александръ Николаев.,
управляющій петербургскою тамо-
жею, авторъ «Путешествія изъ Пе-
тербурга въ Москву». Литературная
характеристика его, т. XII, 5—27.
Библиографическая замѣтка, т. XIV,
614—617. *Упомин.* т. XII, 613, 614.

Радкевичъ, орловскій епископъ.
См. Поликарпъ.

Разгоновъ, полковникъ, впослед-
ствіи генераль-майоръ, участвовав. въ по-
сольствѣ въ Авганістанъ, т. XI, 622,
633, 635—647.

Разинъ, авторъ сочин. «Миръ Бо-
жій», т. XI, 351.

Разумовскіе, графы:

— Алексѣй Григ., фельдмаршалъ,
morganатическій супругъ Елисаветы
Петровны, т. XII, 336.

— Кириллъ Григ., камеръ-юнкеръ,
президентъ академіи наукъ, послѣдній
гетманъ Малороссіи, т. XII, 336, 604,
605.

Райнеръ, Яковъ, польскій повста-
нецъ, т. XI, 567, 568, 573.

Ральстонъ, англійскій писатель,
другъ И. С. Тургенева, т. XIV, 447,
448.

Рамелофъ, шацкій врачъ, т. XIII,
116.

де-Рамзай, шевалье. Соціализмъ въ
его романѣ, т. XI, 180, 181.

Рангъ, авторъ предосудительной
корреспонденціи въ Петербургскія
Вѣдомости (1869 г.), т. XIII, 486.

Раухъ, Антонъ Егоров., генераль-
майоръ, командующій 1-й гв. пѣхот-
ной дивизіи, т. XI, 114.

Рафаель Санціо д'Урбино, знаменитѣйшій живописецъ. Замятка о 400 лѣтнемъ юбилеѣ его, т. XII, 484, 485.

Рафаловичъ, авторъ брошюры: «Финансы Россіи со времени послѣдней восточной войны». Библиографическая замятка объ этомъ сочиненіи, т. XIII, 471, 472.

Рафальскій, Григорій, кременецкій протоіерей. См. Антоній.

Рафле-фонъ-Рихтенбергъ, Генрихъ, великій магистръ тевтонскаго ордена, т. XII, 195.

Рашель, Элиза-Феликсъ, французская трагическая актриса, т. XII, 167; т. XIV, 603, 604.

Р-ва, Зинаида, псевдонимъ русской писательницы Е. А. Ганъ. См. это слово.

Ребиндереъ, гр. Робертъ-Германъ, министръ статсъ-секретарь Финляндіи, т. XIV, 155, 156.

Ребриковъ, полковникъ, участвовавшій въ усмиреніи пугачевского бунта, т. XIII, 133.

Ревиль, Альбертъ, профессоръ Collège de France. Замятка о его Исторіи религіи нецивилизованныхъ народовъ, т. XII, 695.

Рейналь, Гильомъ Томасъ, французскій писатель, т. XI, 664, 665.

Рейссъ-фонъ-Плауенъ, Генрихъ, великій магистръ тевтонскаго ордена, т. XII, 195.

Рейтеръ, Е. А. См. Жуковская. фонъ-деръ-Рекке, Элиза, рожденная фонъ-Медемъ, т. XIV, 566, 571.

Ремезовъ, И. С., издатель народныхъ книгъ. Библиографическая замятка о соч. его: Московскій крестьянинъ И. Т. Посошковъ, т. XIII, 211, 212.

Ренанъ, Эрнестъ-Жозефъ, французскій историкъ и филологъ, критическій изслѣдователь религіи. Библиографическая замятка о соч. его: О первоначальномъ тождествѣ и постепенномъ разьединеніи еврейства и христіанства, т. XIII, 218, 219. *Упомин.*, т. XIII, 227, 228.

Ренниъ, кн. Николай Вас., генералъ-фельдмаршалъ, т. XIII, 210.

Ретифъ-де-ла-Вретонъ, Николая, французскій романистъ и драматургъ. Карриатура въ социалистическомъ его романѣ, т. XI, 183, 184.

Рець, Жанъ Франсуа, Поль де-Гонди, кардиналъ. Библиографическая замятка объ изданныхъ мемуарахъ его, т. XI, 464.

Рибера, доминиканскій монахъ при

испанскомъ посольствѣ въ Петербургѣ, т. XI, 203.

Ривароль, гр. Антуанъ, французскій писатель, революціонеръ и эмигрантъ. По поводу сочиненія о немъ Лескюра, т. XIII, 706—709.

Ризенкампфъ, главный дѣятель коммисіи законовъ, т. XIV, 35.

Рисъ, французъ, московскій книгопродавецъ, т. XIII, 148.

Рихтеръ, Германъ-Мишель, нѣмецкій историкъ. Библиографическая замятка о соч. его: Исторія нѣмецкаго народа, т. XI, 465.

Ричль, Фридрихъ, профессоръ боннскаго университета, т. XI, 392—395, 595.

Ричціо, Давидъ, секретарь Марія Стюартъ, т. XI, 684, 685.

Ришелье, Арманъ Дюплесси, герцогъ, кардиналъ, правитель Франціи. Замятка объ останкахъ его, т. XII, 697.

де-Роганъ, Екатерина, рожд. фонъ Биронъ, герцогиня курляндская и саяганская. См. Шуденбургъ.

Родзianko, И. Г., псевдонимы его (Послѣдній Трубадуръ и Странствующій рыцарь), т. XIV, 467, 448.

Родионовъ, Симонъ, дворцовый челоувѣкъ с. Жукова, спасскаго у., участникъ Пугачевской шайки, т. XIII, 129.

Рождественскій, Сергѣй Егор., дѣйствит. статскій совѣтникъ, директоръ народныхъ училищъ петербургской губ., т. XI, 472.

Рожновъ, Евген. Петр., генералъ-лейтенантъ, предсѣдатель слѣдственной коммисіи въ Варшавѣ, впослѣд. варшавскій губернаторъ и сенаторъ, т. XI, 80.

Розень, баронъ Андр. Евген., декабристъ. Библиографическая замятка о собранныхъ имъ сочиненіяхъ кн. А. И. Одоевского, т. XI, 457, 458. *Упомин.* т. XII, 405, 408, 411.

Розова, малороссійская писательница. См. Добрава.

Роллеръ, Теофилъ, авторъ соч. о римскихъ катакомбахъ, т. XII, 216.

Романовы: — Герасимъ, крестьянинъ; рассказъ о чародѣйствѣ его, т. XI, 483—485, 488.

— Владим. Александр., подпоручикъ 7 сапернаго баталіона дѣйствующей арміи, т. XI, 111—114, 119, 125, 360, 363, 368, 370.

— Феодоръ Никитичъ, патріархъ. См. Филаретъ.

де-Росси, Джанъ Батиста, италианскій археологъ, т. XIV, 409.

Россини, Джакомо-Антонио, композиторъ, т. XIV, 611.

Россовскій, писатель, псевдонимъ его (Кобзарь), т. XIV, 467.

Ростовцевъ, Яковъ Ив., главный начальникъ военно-учебныхъ заведений и председатель комитета объ устройствѣ крестьянъ, т. XIII, 305, 320, 321.

Ростопчинъ, гр. Фѳдоръ Вас., главнокомандующій Москвы и оберъ-камергеръ, т. XII, 555, 556, 559—561, 563, 565, 615, 684; т. XIII, 147, 148, 650.

Рошотъ, Дезире-Рауль, французскій археологъ и антикварій, профессоръ, т. XII, 174.

Руданскій, Степанъ, врачъ, малороссійскій писатель. Статья объ немъ, т. XIII, 101—106. Упомян. т. XIII, 73, 74.

Ружмонъ, авторъ поэмы въ честь Наполеона I, т. XII, 680.

Румянцевъ-Задунайскій, гр. Петръ Александр., русскій полководецъ, малороссійскій генералъ-губернаторъ, т. XII, 339; т. XIII, 209.

Румянцевы, графы:

— Марія Андреев. Письма ея къ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, т. XIV, 634, 635.

— Никол. Петр., государственный канцлеръ, основатель музея его имени, т. XII, 432, 434.

Руничъ, Пав. Степан., владимірскій губернаторъ, впоследствии сенаторъ, т. XIII, 351.

Руссо:

— Жанъ-Жакъ, французскій энциклопедистъ. Отношенія къ нему Екатерины II, т. XII, 603—617. Упомян. т. XIV, 173—178.

— Марія-Тереза Левассеръ, жена энциклопедиста. Письмо ея къ Екатеринѣ II, т. XII, 615—617.

— Пьеръ, издатель «Journal encyclopédique», т. XII, 478.

Рутвенъ, англійскій лордъ, убійца секретаря Маріи Стюартъ, Риччио, т. XI, 684.

Рыкуновъ, угличскій соборный священникъ, безчинство его, т. XI, 282.

Рылѳевъ, Кондр. Фѳд., поэтъ, декабристъ, т. XI, 212; т. XII, 401, 404.

Рынкевичъ, подполковникъ, т. XI, 363, 365.

Рѳткинъ, помѣщикъ с. Никольскаго, захваченный пугачевской шайкой, т. XIII, 131.

Рюкертъ, Фридрихъ, нѳмецкій поэтъ, берлинскій профессоръ, т. XI, 332.

Рюльеръ, Клодъ-Шарлеманъ, франц. историкъ, секретарь французскаго посольства въ Петербургѣ, т. XII, 608—611.

С.

Саббатовскій, епископъ астраханскій. См. Павель.

Сабуровъ, московскій актеръ, т. XIII, 137.

Саванаевскій, З. О., писатель, псевдонимъ его (Странствующій рыцарь), т. XIV, 468.

Савва, игуменъ, настоятель никольскаго бабаевского монастыря, костромской губ., т. XIII, 367.

Савельевъ-Ростиславичъ, писатель, т. XIV, 468.

Савельевы:

— А. И. Замѣтка его: Законодательство изувѣченія, т. XI, 477—480.

— Кирилла, крѣпостной г-жи Лопухиной. Жестокое съ нимъ обращеніе помѣщицы, т. XI, 470, 471.

Савиновъ, Вас. Ив., отставной кавказскій офицеръ, сотрудникъ газеты «Сѣверная Пчела», т. XIII, 303.

Савины:

— Алексѣй, конюхъ, сосланный въ Сибирь по дѣлу А. Л. Нарышкина, т. XI, 24.

— Макарь, священникъ с. Богдановки, участникъ пугачевского бунта, т. XIII, 134.

Савичъ, Алексѣй Никол., тайный совѣтникъ, докторъ философіи, профессоръ петербургскаго университета. Некрологъ его, т. XIV, 230, 231.

Савлучинскій, П., малороссійскій писатель, т. XIII, 72.

Садовниковъ, Д. Н. Ст. его: Отзывъ современниковъ о Пушкинѣ, т. XIV, 520—542.

Салъ-ханъ, братъ персидскаго шаха Ага-Магомета, искавшій приюта въ Россіи, т. XIII, 355, 356, 362.

Саловъ, И. А., писатель (псевдонимъ Авъ), т. XIII, 237.

Салтыковы:

— Русскій дворянскій домъ, т. XIV, 199.

— Гр. Александра Григор., рожд. княжна Долгорукая, т. XIV, 435, 436.

— Гр. Вас. Фѳдор., кравчій, т. XIV, 435.

— Гр. Ив. Петр., московскій глав-

покомандуюцій. Письмо его къ генералъ-прокурору Оболянинову, т. XI, 470, 471.

— Гр. Никол. Ив., генераль-аншефъ, воспитатель Александра I, т. XI, 670, 672.

— Мих. Глѣбов., русскій бояринъ и воевода, т. XI, 221.

— Мих. Евгр., писатель-сатирикъ (Щедринъ), псевдонимъ его (Стыдливый библиографъ), т. XIV, 468.

— Царица. См. Прасковья Федоровна.

Сальха, турчанка, при крещеніи Елисавета Дементьевна, мать В. А. Жуковского, т. XI, 700.

Самаринъ, Юрій Федоров., писатель, т. XII, 11, 12; т. XIV, 238—257, 494—500, 502, 504, 505.

Самойловы:

— Графиня, т. XIII, 357.

— Графъ Александръ Никол., т. XIII, 360, 368.

— Вас. Мих., актеръ, т. XIII, 647.

Самуилъ (Запольскій), костромской епископъ, т. XI, 283.

де-Савгленъ, Яковъ Ив., начальникъ тайной полиціи. Поправки къ его запискамъ, т. XI, 237—240, 726.

Сандуновы:

— Актеръ, т. XII, 685.

— Елисавет. Семенов., пѣвица, т. XIII, 647, 656.

Сансе, графъ, редакторъ газеты «Journal de St.-Petersbourg», т. XIII, 310.

Салъга, Адамъ, польскій князь. Библиографическая замѣтка о его Письмахъ о Кроаціи, т. XII, 235. Упоми. т. XI, 97.

Сарду, Викторъевъ. Библиографическая замѣтка о брошюрѣ его въ защиту литературной собственности, т. XIV, 208, 209.

Сармать, авторъ сочиненія: Польскій театръ войны, т. XIV, 204.

Сафоновъ, тайный совѣтникъ, сенаторъ, т. XI, 543.

Свенторжецкій, помѣщикъ минской губ., предводитель польской банды, т. XIV, 94.

Свербѣва, Екат. Алексѣев., родственница поэта Языкова, т. XI, 258, 259.

Сверчковъ, майоръ, обнаруживавшій въ шацкой провинціи манифестъ по поводу пугачевщины, т. XIII, 122.

Свищевскій, полковникъ, командиръ 5 сапернаго баталіона, т. XI, 382.

Свищовъ, кирсановскій помѣщикъ, т. XIII, 116.

Свѣчинъ, шацкій карантинный смотритель, т. XIII, 116.

Святопольскій - Мирскій 2-й, кн. Никол. Ив., генераль-лейтенантъ, генераль-адъютантъ, начальникъ 9 пѣхотной дивизіи, т. XI, 112, 115.

Севенъ, Юлія Валеріан., писательница. См. Жадовская.

Сеидъ - Мозафаръ - Эддинъ - Ханъ, эмиръ бухарскій, т. XI, 626.

Сеймуръ-Шифъ, пианистъ-импровизаторъ, т. XIII, 305.

Селимъ III, турецкій султанъ, т. XII, 676—678.

Селиховъ, прокуроръ шацкой провинціи, т. XIII, 125.

Селуискій, краснопободскій воевода, убитый пугачевцами, т. XIII, 124.

Семевскій, Мих. Ив., тайный совѣтникъ, редакторъ журнала «Русская Старина». Библиографическая замѣтка о соч. его: Очерки и рассказы изъ русской исторіи XVIII вѣка — Царица Прасковья, т. XIV, 433—437.

Семеновы:

— К. С., трагическая актриса, т. XIII, 647, 648.

— Петръ, поручикъ, участникъ пугачевской шайки, т. XIII, 130.

Семеновъ Т., М., малороссійскій писатель, т. XIII, 74.

Семечкинъ, Леонидъ Пав., капитанъ 1 ранга, адъютантъ е. в. вел. кн. Константина Николаевича, т. XI, 603—617.

Сенковский, Осипъ Ив., профессоръ петербургскаго университета, писатель и критикъ (баронъ Брамбеусъ), т. XIII, 295, 491.

де-Сен-Марсъ, виконтеса, французская писательница (графиня Дашъ), т. XII, 168.

Сентсбери, Д. Библиографическая замѣтка о его Исторіи французской литературы, т. XIV, 441, 442.

Сентъ-Арно, Жакъ. См. Ле-Руа-де-Сентъ-Арно.

Сенявинъ, директоръ департамента министерства внутрен. дѣлъ, т. XII, 241.

Серапіонъ, архимандритъ московскаго знаменскаго монастыря, т. XI, 273.

Серафимъ:

— (Глаголевскій), митрополитъ новгородскій и петербургскій, т. XII, 286; т. XIV, 563.

— (Протопоповъ), рижск. епископъ, т. XIV, 260, 262.

Сербина, А., писатель, псевдонимъ его (П—цъ), т. XIII, 239.

Сергѣевичъ, Вас. Иван., дѣйстви-
тельного совѣтникъ, докторъ государ-
ственного права, профессоръ петер-
бургскаго университета, т. XIII, 214.

Сергѣевъ, Яковъ Григ., расколо-
учитель, т. XIII, 622.

Сестренцевичъ-Вогушъ, Станиславъ,
митрополитъ римско-католическихъ
церквей въ Россіи, т. XIV, 459.

Сибилістъ, Венделинъ, докторъ, т.
XIII, 377, 379.

Сигизмундъ:

— I, король польскій, т. XII, 196—
201.

— III, король польскій и шведскій,
т. XII, 204.

Сигизмундъ II Августъ, король
польскій, т. XII, 200—202.

Симоновъ, М. Т., малороссійскій
писатель (Номисъ), т. XIII, 72.

Симонъ, парижскій башмачникъ,
коммунаръ, «воспитатель» Людовика
XVII, т. XII, 187—189.

Сипягинъ, генераль-поручикъ, т.
XIII, 146.

Сиротининъ, А. Н. Статья его:
Князь А. И. Одоевскій, біографическій
очеркъ, т. XII, 398—414.

Скабичевскій, критикъ, т. XIII, 76.

Скаблыкъ, Григорій, русинъ, т. XIV,
461.

Скворцовъ, И. А., писатель, псевдо-
нимъ его (Старовъ), т. XIV, 468.

Скобелевъ, Мих. Дмитр., генераль-
адъютантъ; генераль-отъ-кавалеріи.
Иностранная печать о причинахъ его
смерти, т. XI, 198. Письмо его изъ
Кокана отъ 26-го января 1877 года,
заключающее въ себѣ проектъ похода
въ Индію, т. XIV, 543—555.

Скоропадскій, Иванъ Ильичъ, ма-
лороссійскій гетманъ, т. XII, 97.

Скрейшовскій, І. С., чешскій патріотъ,
редакторъ газеты «Ерочна». Некро-
логъ его, т. XIV, 464.

Скульскій, комиссаръ IX циркула
г. Варшавы, т. XI, 76, 78, 79.

Славутинскій, С. Т. Семейная хро-
ника его: Історія моего дяди, т. XI,
25—66, 294—329, 495—525; т. XII,
28—56, 291—325, 566—602; т. XIII,
31—69.

Словцевъ, Ив. Яков., директоръ тю-
менскаго реальнаго училища. Забѣт-
ка объ археологическихъ его откры-
тіяхъ, т. XIV, 226.

Слѣпцовы:

— Вас. Ал., писатель, т. XIV, 509.

— Крестянинъ, сторонникъ Пуга-
чева, т. XIII, 132.

Смагина, подполковница, пострадав-
шая отъ пугачевцевъ, т. XIII, 129.

Смайльсъ, Самуэль. Библиографиче-
ская замѣтка объ изданной имъ авто-
біографіи Джемса Насмита, т. XIII,
719—721.

Смарагдъ (Крыжановскій), орлов-
скій, а потомъ рязанскій архіепис-
копъ, т. XIV, 253.

Смирдинъ, Александръ Филипп., кни-
гопродавецъ-издатель, т. XIV, 538.

Смирновы:

— А. А., писатель, псевдонимъ его
(Шурупъ), т. XIV, 468.

— И. Н., доцентъ казанскаго уни-
верситета. *Статья его:* Изъ історіи
«культуркампфа» въ Пруссіи, т. XII,
657—669. *Библиографическія замѣтки*
его: Эпохи славянскій історіи до 1526
года—Гейфлера, т. XI, 206—209. Ва-
шингтонъ—Массера, т. XI, 442—445.
Історія римлянъ—Дюрюи, т. XI,
445—448. Государственный Архивъ,
т. XI, 448. Ступени развитія чело-
вѣчества—Ганзена, т. XI, 694—698.
Історія реформаціи и контръ-рефор-
маціи въ странѣхъ подъ Эйнсомъ—Ви-
демана, т. XII, 210—214. Періодъ про-
цессовъ противъ вѣдмъ—Мейера, т.
XII, 458—460. Саванарола и его вре-
мя—Джузеппе Барбаро, т. XII, 670,
671. Die Revolutionen in Constanti-
nopol in den Jahren 1807 und 1808—
Jehlechts Wssehrd, т. XII, 673—678.
La censure sous le premier Empire
avec documents inedits—Henri Wet-
schinger, т. XII, 678—682. Francesco
Petragca—Emilio Penco, т. XII, 682.

— Н. М., авторъ воспоминаній о
Пушкинѣ, т. XII, 382.

Смола, митрополитъ коломенскій.
См. Игнатій.

Смѣховскій, полковникъ польскихъ
войскъ, предводитель повстанской
банды, т. XI, 84, 88.

Собоко, Никол. Петров. Библиогра-
фическая замѣтка о соч. его: Двад-
цать пять лѣтъ русскаго искусства,
т. XI, 462, 463. Псевдонимъ его, т.
XIV, 468.

Соболевскіе:

— А. И. Библиографическія замѣт-
ки его: А. С. Пушкинъ въ его поэзіи
(1799—1826)—А. Незеленова, т. XI,
210—214. Показчикъ нової украин-
ської літератури (1798—1883 р.)—
М. Комарова, т. XII, 691. *Упоми.*
т. XIII, 237.

— Пріятель поэта Пушкина, т. XIV,
528.

Собѣскій, Янъ, король польскій, т. XIV, 460, 461.

Совѣтовъ, Александръ Вас., дѣйствит. статскій совѣтникъ, профессоръ петербургскаго университета и секретарь императорскаго военно-экономическаго общества, т. XIII, 237.

Созоновъ, Ѳ. А., писатель, псевдонимъ его (С—въ Ѳ.), т. XIII, 239.

Соколинскій, генералъ польскихъ войскъ, т. XIV, 9, 10.

Соколовы:

— А. А., писатель, псевдонимы его (Празднотающійся, Театральный нигилистъ и Маюръ Бубновъ), т. XIII, 239; т. XIV, 467.

— А. И., писатель, т. XIII, 237.

— Петръ Ив., членъ и секретарь академіи наукъ, т. XIV, 639.

Соловьевъ, Серг. Мих., исторіографъ, профессоръ, т. XII, 344.

Соломка, ватемейстеръ императора Александра I, т. XIV, 169.

Соме, православный священникъ рижской епархіи, т. XIV, 258.

Сомовы:

— А. И., писатель, псевдонимы его (А. С. и Костинъ), т. XIII, 237, 467.

— Орестъ Мих., издатель журналовъ «Подсѣжникъ» и «Сѣверные цвѣты», т. XIV, 535.

Сорбонъ, Робертъ, ученый докторъ. Библиографическая замѣтка о соч. Шерлинга: La Sorbonne et la Russie, т. XI, 199—205.

Сорель, Альберъ. Библиографическая замѣтка объ его историческихъ и критическихъ очеркахъ, т. XII, 231, 232.

Сосницкій, Ив. Иванов., актеръ, т. XIII, 137, 149.

Спасовичъ, Владим. Данилов., адвокатъ и писатель, псевдонимъ его (Кирша Даниловъ), т. XIV, 467.

Сперанскій, гр., Мих. Мих., русскій юристъ, государственный секретарь, т. XI, 705; т. XII, 336, 371, 434; т. XIV, 34—36, 45—47.

Сперансовъ, священникъ вологодской епархіи, безчинство его, т. XI, 282.

Спичинскій, Семень, оберъ-кригсъкомиссаръ, т. XIV, 473—478, 481, 482, 485, 490.

Стажинскій, генералъ польскихъ войскъ, т. XIV, 10.

Станиславъ-Августъ (Понятовскій), польскій король, т. XII, 351; т. XIII, 457, 460, 461; т. XIV, 460, 571, 572.

Стаюковичъ, К. М., писатель, псев-

донимъ его (Иванъ Анучинъ), т. XIII, 238.

Старицкій, Мих. Петр. (Стариченко), малороссійскій писатель. Статья обо немъ, т. XIII, 107—112. Упомян. т. XIII, 73.

Старовъ, псевдонимъ писателя И. А. Скворцова, т. XIV, 468.

Старушенко, малороссійскій писатель, т. XIII, 74.

Стасовъ, В. В., писатель, т. XIV, 466, 468.

Стасюлевичъ, М. М., редакторъ журнала «Вѣстникъ Европы», т. XIV, 472.

Статилій, Янъ, ученый аббатъ, посолъ короля венгерскаго въ Польшу, т. XII, 197.

Стаховскій, архіепископъ черниговскій, вполнѣд. митрополитъ сибирскій. См. Антоній.

Стахоновъ, помѣщикъ с. Кудюки, убитый пугачевцами, т. XIII, 124.

Сташицъ, Ксаверій - Станиславъ, польскій ксендзъ и литераторъ, государственный министръ и президентъ комисіи заслуженныхъ чиновниковъ, т. XIV, 16—29, 40.

Стендеръ, Филиппъ Филип., попечитель казанскаго учебнаго округа, т. XI, 349—351.

Степановы:

— Акулина, вдова двороваго человека гг. Телешневыхъ, московская торговка. Слѣдственное дѣло о распространени ю ложныхъ слуховъ объ Аннѣ Ивановнѣ, т. XI, 7—17.

— Еврей-фабрикантъ, влаждѣющій усадьбой поэта Н. М. Языкова, т. XIV, 536.

Стерлиговъ, однодворецъ, предводитель пугачевской шайки, т. XIII, 131.

Стефановы:

— Захарій, выгорѣцкій раскольникъ, т. XIII, 603.

— Петръ, московскій дьяконъ, свидѣтель безчинствъ свящ. Кирила Оедорова, т. XI, 268—272, 277.

Стефанъ:

— (Баторій-де-Сомлю), седмиград. князь, вполнѣд. король польскій, т. XII, 202.

— (Калиновскій), великоновгородскій и великолущкій архіепископъ, т. XIII, 631.

— (Семень Яворскій), митрополитъ рязанскій и муромскій вполнѣд. экзархъ патріаршаго престола, блюститель и администраторъ, т. XII, 335.

Стеценко, псевдонимъ малороссійскаго писателя Нордеги, т. XIII, 72.

Stokes, G. G. Замятка о статьѣ его о Валландистахъ, т. XII, 701.

Столповской, трионкій воевода, убитый пугачевцами, т. XIII, 124.

Столятовъ, Никол. Григ., генераль-майоръ, начальникъ болгарскаго ополченія, т. XI, 115, 117—121, 124, 126, 127, 360—363, 367—372, 381, 619—648.

Стоянинъ, В. Я. Ст. его: Образование русской женщины; по поводу двадцатипятилѣтія русскихъ женскихъ гимназій, т. XII, 125—153.

Стояновъ, болгаринъ проводникъ и переводчикъ генерала В. Д. Кренке, вполсѣд. болгарскій государств. чело-вѣкъ, т. XI, 112.

Стровъ, Владим. Мих.; псевдонимы его (Родственникъ Магомета, Р. М. и В. В. В.), т. XIII, 736.

Стройновскій, польскій повстанецъ, т. XI, 85.

Стюартъ:

— Генри. См. Дарнлей.

— Джемсъ, графъ. См. Муррей.

— Марія, королева Шотландіи. См. Марія Стюартъ.

Субботинъ, Н., писатель, т. XIII, 239.

Суворинъ, Алексѣй Сергѣев., издатель газеты «Новое Время». Библиографическая замѣтка о драмѣ его: Медея, т. XI, 450—453.

Суворовы-Рымникскіе, графы:

— Александръ Аркадьев., князь Италійскій, генераль-адъютантъ, генераль-отъ-инфантеріи, генераль-инспекторъ пѣхоты, т. XI, 382; т. XIV, 237—257, 492—500, 505, 513, 514, 519.

— Александръ Вас., князь Италійскій, генералиссимусъ, т. XIII, 350—352.

— Аркадій Александр., князь Италійскій, генераль-адъютантъ, с.-петербургскій военный генераль-губернаторъ, т. XII, 68, 71; т. XIV, 104.

Суковнинъ, чиновникъ военно-походной Е. И. В. канцеляріи, т. XIV, 443.

Судейманъ-паша, главнокомандующій турецкой арміей. Некрологъ его, т. XII, 710, 711. Упомин. т. XI, 116, 119—121, 365, 380.

Сулима, архіепископъ кишиневскій. См. Дмитрій.

Суровцовы:

— Секретарь рижскаго портоваго сбора, т. XIV, 476—478, 480—483, 490, 491.

— Шапскій карантинный смотритель, т. XIII, 116.

— де-Суршъ, маркизь. См. дю-Буше.

Сухомлиновъ, Мих. Ив., дѣйствит. статскій совѣтникъ, академикъ, заслуженный профессоръ петербурскаго университета. Библиографическая замѣтка о соч. его: А. Н. Радищевъ, авторъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву», т. XIV, 614—617. Упомин. т. XIV, 639, 640.

Сухотскій, полякъ, политическій преступникъ, т. XIII, 577, 578, 581.

Сухтеленъ, графы:

— Павелъ Петр., русскій генераль, оренбургскій губернаторъ, т. XIII, 584.

— Петръ Корнилов., инженеръ-генераль, вполсѣд. русскій посланникъ въ Стокгольмъ, т. XIII, 210.

Сушинскій, П., профессоръ. Библиографическая замѣтка о соч. его: Женщина-врачъ въ Россіи, т. XII, 469, 470.

Сфондрато, кардиналъ. См. Григорій XIV.

Сычуговъ, художникъ - академикъ, т. XIII, 726.

Сѣраковскій, офицеръ генеральнаго штаба, вполсѣд., предводитель польскихъ повстанцевъ въ Литвѣ (Долэнго), т. XIV, 100, 101.

Сѣриковъ, Каленикъ, протоіерей въ г. Рени, т. XII, 387.

Сѣченовъ, митрополитъ петербургскій. См. Дмитрій.

Св, Леонъ, министръ финансовъ французской республики, членъ академіи. Замятка о его «Финансовомъ Словарѣ», т. XIV, 632.

Сютаевъ, тверской сектантъ, т. XI, 467.

Т.

Табусинъ, П. М., писатель, т. XIV, 467.

Таволга-Мокрицкій, малороссійскій писатель, т. XIII, 73.

де-Талейранъ, кн. Перигоръ:

— Гр. Доротея, герцогиня Дино, рожд. фонъ-Биронъ, герцогиня курляндская и саганская. Статья объ ней, т. XIV, 565—567.

— Гр. Люи-Наполеонъ, герцогъ саганскій, т. XIV, 575.

— Гр. Эдмондъ, герцогъ Дино, т. XIV, 573, 574.

— Шарль-Морисъ, отенскій епископъ, а потомъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, т. XIV, 574.

Тальма, Франсуа-Жозефъ, замѣчательный французскій актеръ, т. XIII, 141.

Тамъ, православный священникъ рижской епархii, т. XIV, 258.

Талпертъ, Вильгельмъ. Замятка о соч. его: «Richard Wagner, sein Leben und seine Werke» и «Wagner Lexicon», т. XIV, 529.

Таракановъ, Иванъ, сосланный въ Сибирь по дѣлу А. Л. Нарышкина. т. XI, 24.

Тарасенко - Отрѣшковъ, Наркизь Ив., камеръ-юнкеръ, сотрудникъ газеты «Сѣверная Пчела», т. XIII, 299.

Тарбѣевъ, Петръ Петр., тайный со-вѣтникъ, сенаторъ, т. XIII, 365.

Таркиню, италянскій пѣвецъ, преподаватель пѣнія въ Москвѣ, т. XIII, 654.

Тарновскіе:

— В. В., т. XII, 693, 694.

— Гр. Станиславъ, профессоръ краковскаго университета, т. XI, 722.

Тассо:

— Бернардо, отецъ поэта, т. XIII, 421—423.

— Торквато, знаменитый италянскій поэтъ. Статья о немъ, т. XIII, 187—203, 419—434, 685—705.

Таубе, баронъ Вас. Оеод., вице-адмиралъ, директоръ инспекторск. департамента морскаго министерства, членъ глав. военно-тюремн. комитета и комитета морск. учебн. заведеній, т. XI, 605.

Таше-де-ля-Пажери, графъ, первый камергеръ императрицы Евгеніи, т. XIV, 610.

Твиссъ-Траверсъ, Замятка о соч. его: Записка Лейбница о Египтѣ, т. XII, 698.

Твороговъ, пугачевскій есаулъ, т. XIII, 352.

Telfer, Buchan, англійская писательница. Замятка о переводѣ ея Капитанской дочки Пушкина на англійскій языкъ, т. XII, 481.

Телушкинъ, Петръ, крестьянинъ-кровельщикъ, исправившій шпиль петропавловской колокольни, т. XIII, 483.

Телѣга, Иванъ, строитель иконостаса въ петропавловскомъ соборѣ въ Петербургѣ, т. XIII, 482.

Телятниковъ, Алексѣй, авторъ корреспонденціи изъ Варшавы, помѣщенной въ № 69 Петербургскихъ Вѣдомостей 1862 г., т. XII, 63.

Тервоненъ, Генрихъ, финляндскій крестьянинъ, депутатъ на сеймѣ въ Борго. «майнуайскій король», т. XIV, 158, 160, 166.

Тенишевы:

— Маіоръ, пугачевскій воевода въ г. Инзарѣ, т. XIII, 126.

— Поручикъ, повѣщенный пугачевцами, т. XIII, 124.

Тепловы:

— Вас. Вас., студентъ кievскаго университета, записавшій рассказы о Пушкинѣ, т. XII, 395.

— Елена Оед., рожденная Фези. Рассказъ ея о Пушкинѣ, т. XII, 395.

Теплякова, Александра Алексѣев., сестра милосердія общины св. Георгія, т. XI, 375.

де-Терассонъ, французскій абатъ. Замятка о его сочин., т. XI, 181.

Тернеръ, Карлъ Ив., лекторъ англійскаго языка петербургскаго университета и преподаватель Александровскаго лицея, т. XII, 700.

Терновскій, Фил. Алексѣев., профессоръ кievской духовной академіи. Библиографическая замятка о чтеніяхъ его: Гречовосточная церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ, т. XI, 461, 462.

Терпигоревъ, Сергѣй Никол., писатель, псевдонимы его (Ванька Хрѣновъ и Сергѣй Атава), т. XIII, 237, 239.

Тизенгаузенъ, графиня, фрейлина, т. XIV, 30, 31.

Тизенгаузь, Антоній, подскарбій литовскій, т. XII, 606.

Тимофеевы:

— Алексѣй Вас., поэтъ. Некрологъ его, т. XIII, 486. Псевдонимъ его (Г-а-ф-а), т. XIV, 466.

— Стефанъ, священникъ с. Жукова, спасскаго у., сторонникъ Пугачева, т. XIII, 129.

Тино-Пашино, П. А., писатель, псевдонимъ его (Сибирскій казакъ), т. XIII, 239.

Тирса, малороссійскій писатель, т. XIII, 73.

Тиссо, Викторъ, французскій писатель. Замятка о выходѣ сочин. его: «Россия и Русскіе», т. XII, 232.

Титовъ, А. А., членъ московскаго археологическаго общества. Библиографическая замятка о его «Ростовской Старинѣ», т. XIII, 468.

фонъ-Тифонъ, Янъ, велик. магистръ тевтонскаго ордена, т. XII, 195.

Тихенко, Владиміръ Андреев., капитанъ 6-го сапернаго баталіона, впоследствии полковникъ, т. XIV, 118.

Тихорскій, Н., писатель, т. XIV, 467.

Тищенко, В., малоросійський писатель, т. XIII, 72.

Тогольскій, Д., писатель, псевдонимъ его (Дядя Митяй), т. XIV, 466.

Толбинъ, В. В., писатель, т. XIV, 466, 468.

Толмачевъ, Аванасій Емельянов., генераль-лейтенантъ, т. XIII, 589.

Толстые:

— Гр. Александръ Петр., генераль-адъютантъ, оберъ-прокуроръ свят. синода, т. XI, 352, 353.

— Гр. Дмитр. Андреев., дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, министр народнаго просвѣщенія, вполнѣд. президентъ академій наукъ и министр внутреннихъ дѣлъ, т. XI, 195, 197, 287.

— Гр. Левъ Никол., писатель, т. XI, 292; т. XIV, 388—392.

— Гр. Мих. Павлов., полковникъ, флигель-адъютантъ, т. XI, 361, 368, 370, 381.

— Гр. Никол. Никол., писатель, т. XIV, 388.

— Ю. В., т. XII, 708.

— О. М., писатель, т. XIII, 240.

Томицкій, Петръ, польскій епископъ, подканцлеръ королевскій, т. XII, 198.

Топъ, К. А., русскій архитекторъ, т. XIII, 230.

Топильскій, директоръ канцелярій министерства юстиціи, т. XII, 634.

Тормасовъ, гр. Александръ Петр., генераль, т. XII, 431.

Торсонъ, Конст. Петр., адъютантъ начальника морскаго штаба, декабристъ, т. XI, 458.

Торсукова, племянница любимой камеръ-юнгферы Екатерины II Перекусиной, т. XII, 556.

Турбинскіе:

— Александръ Максимов., управляющій петербургскою таможеню, т. XII, 636—639.

— Екатер. Петров., рожденная Бачманова, т. XII, 639.

Трезинъ, архитекторъ, строитель петропавловскаго собора въ Петербургѣ, т. XIII, 482.

Треповъ, Оедор. Оедор., генераль-адъютантъ, генераль-отъ-кавалеріи, т. XIV, 123.

Трефоловъ, Леонидъ Никол. Сообщ. замѣтку: Предсмертное завѣщаніе русскаго атеиста, т. XI, 224—226.

Троцинскій, Дмитр. Прокофьев., статсъ-секретарь, вполнѣд. сенаторъ, министръ удѣловъ и юстиціи, т. XII, 547; т. XIII, 363, 364.

Трубецкіе, князья:

— Екатерина, рожд. фонъ-Виронъ, герцогиня курляндская и саганская. См. гр. Шуленбургъ.

— Елизавета, т. XI, 467.

— Петръ Ив., орловскій губернаторъ, т. XIV, 253.

— Прасковья Юрьев. См. Гагарина.

Труворовъ, Аскалонъ. Замятка его по поводу статьи «Наши государственные и національные цвѣта», т. XIII, 487, 488.

Трухессъ-фонъ-Ветцшаузенъ, Мартинъ, великій магистръ тевтонскаго ордена, т. XII, 195.

Трасковскій, Конст. Лавр., библиотечарь кишиневскій публичной библиотеки, т. XII, 396.

Тузовъ, русскій купецъ въ Ригѣ, т. XIV, 256.

Тулиновъ, суконный фабрикантъ въ с. Разказовѣ, арестовавшій пугачевскую шайку, т. XIII, 130.

Туловъ, М., малоросійскій писатель (Линейкинъ), т. XIII, 72.

Тургеневы:

— Александръ Ив., дѣйствит. статскій совѣтникъ, писатель. Стихотворное посланіе къ нему К. Н. Батюшкова, т. XII, 236—238. Упоми. т. XI, 419; т. XIV, 540, 541.

— Варвара Петр., рожд. Лутовинова, мать писателя, т. XIV, 366, 371, 372.

— Елизавета Алексѣев., орловская помѣщица, т. XIV, 372, 373.

— Ив. Серг., писатель. Некрологъ его, т. XIII, I—IV. Статья о немъ: Последній гуманизмъ, т. XIV, 135—153.

Портреты его, т. XIV, 232. Воспоминанія о немъ: Н. В. Берга, т. XIV, 366—377; Е. М. Гаршина, т. XIV, 378—398. Литературная его дѣятельность, т. XIV, 399—406. Отзывы о немъ иностранныхъ писателей, т. XIV, 444—451. Переписка его С. А. Левитской, т. XIV, 453—455. Вліяніе «Записокъ охотника» на законъ 19 февраля 1864 г., т. XIV, 457. Похороны его, т. XIV, 469—472. Упоми. т. XII, 710; т. XIII, 238, 292.

— Никол. Сер., братъ писателя, т. XIV, 371.

— Петръ Никол., помѣщикъ орловской губ., дядя писателя, т. XIV, 372.

— Сергій Никол., отецъ писателя, т. XIV, 366.

Туровъ, подпоручикъ 16 стрѣлковаго баталіона, т. XI, 376, 377.

де-**Туртулоуъ, баронъ.** Замятка о предпринимаемомъ имъ изданіи «Обозрѣніе романскаго міра», т. XII, 478.

Туруновы:

— М. Н., т. XII, 422.

— Яковъ Никол., редакторъ «Военнаго Журнала», впоследствии сотрудникъ «Северной Пчелы», т. XIII, 293.

Турчаниновы:

— Алексѣй Федор., владѣлецъ Сысертскихъ горныхъ заводовъ. Замятка о немъ, т. XI, 469, 470.

— Учитель петербургской 1-й гимназій, т. XIV, 562.

Тутолинъ, Ив. Акинфьев., чиновникъ, прославившійся охраненіемъ въ 1812 г. вѣтреннаго ему московскаго воспитат. дома, т. XIII, 146.**Тутчевъ,** генераль-майоръ, комендантъ г. Варшавы, т. XI, 76.**Тухолка,** генераль-майоръ, предсѣдатель слѣдственной комиссіи въ Варшавѣ, т. XI, 80, 563, 564.**Тучинъ,** Ив. Федор., раскольникъ поморскаго согласія, т. XIII, 613—623, 631.**Тхуржницкій,** полковникъ польскихъ войскъ, повстанецъ, т. XI, 71, 72.**Тьеръ,** Людвикъ-Адольфъ, французскій министр., впоследствии президентъ республики. Замятка объ изданіи его рѣчей, т. XII, 477. Упомян. т. XIV, 603.**Тэкелій,** Павелъ Абрамов., генераль-аншефъ, т. XIII, 356.**Тюдоръ,** англійская династія. См. Елисавета.**Туринъ,** Кузьма, дворовый чело-вѣкъ, сосланный въ Сибирь по дѣлу А. Л. Нарышкина, т. XI, 24.**Тютрюмовъ,** краснослободскій секретарь, убитый пугачевцами, т. XIII, 124.**Тютчевъ,** Федоръ Ив., чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, поэтъ, т. XII, 377.**Тюфякинъ,** кн., директоръ петербургскихъ театровъ, т. XIII, 155, 649.**У.****Уваровъ,** гр. Сергѣй Семен., дѣйствит. тайный совѣтникъ, членъ государственнаго совѣта, министръ народнаго просвѣщенія, т. XI, 260; т. XII, 354—357, 359, 362; т. XIV, 367, 540.**Уманецъ,** Ѳ. М. Ст. его: Александръ I и русская партія въ Польшѣ, т. XIV, 5—47.**Урусовъ,** кн., дѣйствит. статскій совѣтникъ, оберъ-прокуроръ свят. синода, т. XI, 355.

Усовъ, Пав. Степанов., публицистъ и писатель. Воспоминанія его, т. XI, 330—359, 526—557; т. XII, 57—84, 353—380. *Статьи его:* Заграничная печать о Россіи въ 1882 г., т. XI, 187—198. Ѳ. В. Булгаринъ въ послѣднее десятилетіе его жизни, т. XIII, 284—331. Свиданіе генерала Балашова съ Наполеономъ, т. XII, 424—438. Замятка по поводу воспоминаній его о П. И. Мельниковѣ, т. XII, 415—423, 712. *Библиографическія замѣтки:* Переписка Кавура, т. XI, 205, 206. Опыты изученія общественнаго хозяйства и управленія городовъ—М. П. Щепкина, т. XI, 460, 461. Экономическія средства Россіи и ихъ значеніе для настоящаго времени и для будущности—Ф. Маттеи, т. XII, 460—462. Обходъ Азіи и Европы на «Вегѣ»—барона А. Е. Норденшильда, т. XII, 672, 673. Отечественная война въ письмахъ современниковъ—Н. Дубровина, т. XII, 683—685. Статистическій перечень колоній и другихъ владѣній Великобританіи, т. XIII, 204—206. Системы социальнаго реформы и другія статьи—Станли Дживонса, т. XIII, 206, 207. Двадцатипятилѣтіе с.-петербургскихъ женскихъ гимназій въѣдомства учрежденій императрицы Маріи, 19 апрѣля 1858—1883 г., т. XIII, 212—214. Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. XIII, 214, 215. Архивъ князя Воронцова, т. XIII, 456—462, 710—713. *Псевдонимъ его,* т. XIII, 239.

Ушаковъ, гр. Андрей Ив., генераль-аншефъ, генераль-адъютантъ, сенаторъ, начальникъ тайной розыскной канцеляріи, т. XI, 14—16.

Ф.

Фабриціусъ, М. П. Библиографическая замятка о соч. его: Кремль въ Москвѣ, очерки и картины прошлаго и настоящаго, т. XIV, 439—441.

Фалькъ, докторъ, прусскій министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, т. XII, 660—663, 668.

Фаресовъ, А. И. Библиографическія замятки: Письма изъ деревни—А. И. Энгельгардта, т. XI, 453—456. Женщина-врачъ въ Россіи—проф. П. Суцинскаго, т. XII, 469, 470.

Федоровы:

— М. П., писатель, псевдонимы его (Мепефе и Ф.), т. XIV, 467, 468.

— Статскій совѣтникъ, чиновникъ особыхъ порученій кievскаго генералъ-губернатора, т. XIV, 121.

Федуловъ, пугачевскій есауль, т. XIII, 352.

Фези:

— Е. О. См. Теплова.

— М. Е. по первому браку Эйхвальдъ, т. XII, 395.

Фелькнеръ:

— Генералъ, главный начальникъ горныхъ заводовъ на Уралѣ, т. XIV, 296, 303—307.

— Инспекторъ школъ въ Липнѣ, а потомъ начальникъ тайной полиціи въ Варшавѣ, т. XI, 559—562.

Фельшманъ, вахмистръ, пугачевскій посолъ въ городъ Керенскъ, т. XIII, 125, 126.

Фененко, русскій эмигрантъ въ Парижѣ, т. XIV, 364, 365.

Фердинандъ I, король венгерскій, послѣд. императоръ австрійскій, т. XI, 68.

Фетъ, А. И., поэтъ. См. Шеншинъ.

Филадельфъ, архимандритъ, ректоръ кишиневской духовной семинаріи, т. XII, 390, 393.

Филаретъ:

— (Амфитеатровъ), докторъ богословія, митрополитъ кievскій и галичскій, т. XIV, 253, 573.

— (Василій Мих. Дроздовъ), митрополитъ московскій. Письмо его къ митрополиту петербургскому Никанору, т. XI, 228, 229, 283. Библиографическая замѣтка объ изданныхъ письмахъ его къ роднымъ, т. XI, 449, 450. Столѣтній юбилей его, т. XI, 474—475. Упоми. т. XIV, 253, 563.

— (Дмитрій Григ. Гумилевскій), архіепископъ рижскій, послѣд. черниговскій, т. XIV, 258—261, 494, 499.

— Настоятель стороженскаго монастыря, т. XIII, 631.

— (Филаретовъ), рижскій епископъ, т. XIV, 244, 260—263, 500.

Филипповы:

— Василій, священникъ с. Рузановки, сторонникъ Пугачева, т. XIII, 122.

— Иванъ, авторъ Исторіи выговской старообрядческой обители, т. XIII, 603, 606, 611, 621; т. XIV, 511.

— Недоросль, участникъ пугачевской шайки, т. XIII, 130.

— Поручикъ, командиръ судна съ арестантами, т. XIII, 117.

— Родіонъ, мордвинъ, пугачевскій офицеръ, т. XIII, 131.

— Саратовскій житель, первый по-

неръ пугачевщины въ шацкой провинціи, т. XIII, 121.

— Трофимъ, керенскій пономарь, разбившій пугачевскую шайку, т. XIII, 127.

Филопonti, Квинто, италіанскій историкъ. Замятка о соч. его: Всеобщая исторія и исторія Италіи въ частности, т. XII, 696.

Фитингофъ, баронъ, колоновожатый, т. XIII, 210.

Фландеръ, бургомистръ г. Каяны, вполѣд. герадсгевдингъ калянскаго уѣзда, т. XIV, 162, 170, 171.

Флоберъ, Густавъ, французскій писатель и литераторъ; переписка И. С. Тургенева съ С. А. Левитской о памятникѣ ему, т. XIX, 453—455.

Фокъ, декабристъ, т. XIII, 583.

Фолльмеллеръ, англійскій профессоръ. Замятка объ изданныхъ имъ памятникахъ англійской литературы и языка въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ, т. XII, 701.

Фонвизинъ, Денисъ Ив., русскій писатель, т. XII, 607, 608.

Форе, Эли-Фредерикъ, французскій генералъ, вполѣд. маршалъ, т. XII, 175, 176.

Фохтъ:

— Вильгельмъ. Замятка о соч. его: Баварская политика во время крестьянскихъ войнъ, т. XII, 475.

— Декабристъ, т. XII, 408.

Фоме, Леонъ, французскій публицистъ, археологъ и политико-экономъ, вполѣд. министръ публичныхъ работъ и внутреннихъ дѣлъ, т. XII, 167, 173, 176.

Францискъ II, французскій король, мужъ Маріи Стюартъ, т. XI, 677.

Францъ-Йосифъ, австрійскій императоръ, т. XI, 716—718; т. XII, 254.

Фрейгангъ:

— Цензоръ, т. XIII, 308.

— Андрей Вас., контръ-адмиралъ, т. XIV, 506—508.

Фрейшюцъ, докторъ, псевдонимъ писателя Н. С. Лѣскова, т. XIII, 237.

Фридрихъ:

— Герцогъ саксонскій, великій магистръ тевтонскаго ордена, т. XII, 195, 196.

— Князь Липницкій, т. XII, 198, 199.

Фридрихъ-Вильгельмъ:

— III, король прусскій, т. XIV, 202.

— IV, король прусскій, т. XIV, 574.

— Курфирстъ-brandенбургскій, вполѣд. герцогъ прусскій, основатель

прусскаго королевства, т. XII, 205—209.

Фридрихъ-Францъ II, великій герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій, русскій генераль-фельдмаршалъ и шефъ московскаго гренадерск. полка, отецъ вел. кн. Маріи Павловны. Некрологъ его, т. XII, 486, 487. Объ изданіи біографіи его, т. XIV, 529.

фонъ-Фрикенъ, авторъ соч. о римскихъ катакомбахъ, т. XIV, 410.

Фриманъ, англійскій историкъ. Замятка о соч. его: Палата лордовъ, т. XII, 699.

Фроловъ-Вагреевъ, тапкій карантинный смотритель, т. XIII, 116.

Фроудъ, Джемсъ, англійскій историкъ. Замятка о сборникъ его: Краткіе этюды о большихъ сюжетахъ, т. XII, 696.

Фуанье, Габріэль, францисканскій монахъ. Соціализмъ въ его романъ, т. XI, 180.

Фульдъ, Ашиль, французскій министръ финансовъ, т. XIV, 609—611.

Фуше, Жозефъ, герцогъ Отрантскій, директоръ французской полиціи, впоследствии глава временнаго правленія, т. XII, 679.

Фузи, Луиза, французская актриса въ Москвѣ, т. XIII, 651—655.

Х.

Хабибъ-Улла-ханъ, авганскій سردаръ, братъ эмира Ширъ-Али-Хана, т. XI, 632.

Халтуринъ, Петръ, дьячекъ, обличитель выгорѣдскихъ раскольниковъ, т. XIII, 606—608, 619.

Хвольсонъ, Данилъ Авраамов., дѣйствит. статскій совѣтникъ, профессоръ петербургскаго университета, т. XII, 647.

Хлопова, Марія, невѣста царя Михаила Федоровича, т. XIV, 199, 200.

Хлѣбниковъ, Ив. Варооломеевъ, дорогобужскій мѣщанинъ, излечивавшій холеру въ 1830 г., т. XIV, 215, 216, 218—220.

Хмельницкій, Богданъ, гетманъ малороссійскій. Библиографическая замятка о сочиненіи о немъ Буцинскаго, т. XII, 465—469. Памятникъ ему въ Кіевѣ, т. XIII, 726, 727.

Ходневъ, Алексій Ив., тайный совѣтникъ, докторъ физики и химіи, секретарь императорскаго вольнаго экономич. общества. Некрологъ его, т. XII, 242.

Хоменко, подполковникъ, командовавшій орловскимъ полкомъ на Шинкѣ, т. XI, 122, 360.

Хомяковы:

— Алексій Степ., писатель, т. XI, 257.

— Екатор. Мих., рожд. Языкова, т. XIV, 529.

Худековъ, С. Н., писатель, псевдонимъ его (Ха), т. XIV, 468.

Худобашевъ, кишиневскій полковникъ; портретъ его въ стихахъ, т. XII, 396, 397.

Хшановскій Леонъ, польскій повстанецъ, т. XI, 93.

Ц.

Царевскій, А., доцентъ казанской духовной академіи. Библиографическая замятка о соч. его: Посошковъ и его сочиненія, т. XII, 692, 693.

Цвѣтаевъ, И. Библиографическая замятка о соч. его: Путешествіе по Италіи въ 1875 и 1880 гг., т. XI, 708, 709.

Цвѣдницкій, Адамъ Игнатъев., генераль-лейтенантъ, генер.-адъютантъ, т. XI, 372, 376.

Цибрикова, М. К. Библиографическая замятка о переводѣ ея: Исторія XIX вѣка—Ж. Мишле, т. XIV, 443.

Цего-фонъ-Мантейфель, Луиза-Шарлота. См. фонъ-Медемъ.

Церетелевъ, кн. Алексій Никол., русскій генеральный консулъ въ Филиппополѣ. Некрологъ его, т. XIV, 230.

Цисъ, псевдонимъ малороссійскаго писателя Нордега, т. XIII, 72.

Цольнеръ, Гуго. Ст. его: Панамскій перешеекъ, т. XI, 162—167.

Цѣлинскій, польскій повстанецъ, ратникъ дружины Мирославскаго, т. XI, 564—568, 570—573.

Ч.

Чайка, М., малороссійскій писатель, т. XIII, 72.

Чайковскій (Садыекъ-Паша), польскій эмигрантъ, т. XI, 75.

Чапскій, графъ. отставной лейбъ-гусарь, мировой посредникъ западнаго края, т. XIV, 84.

Чарторижскіе, князья:

— Адамъ, австрійскій фельдмаршалъ, «генераль подольскихъ земель», т. XIII, 460.

— Адамъ-Юрій, министр иностранныхъ дѣлъ, почитель виленаго учебнаго округа, вполсѣд. глава польской эмиграціи въ Парижѣ, т. XIV, 19—23, 29, 37, 38, 45.

Чаховскій, предводитель польской повстанской банды, т. XI, 89.

Чекки, Петръ—Леопольдъ. Статья по поводу соч. его: Торквато Тассо, т. XIII, 187—203, 419—434, 685—705.

Челлини, Бенвенуто, флорентійскій скульпторъ и медальеръ. По поводу сочиненія о немъ Е. Плона, т. XIII, 718, 719.

Челюскинъ, штурманъ, описавшій сѣв. оконечность Азіи, названную его именемъ, т. XII, 672.

Ченгери, полковникъ, начальникъ келецкаго военнаго отдѣла, т. XI, 90, 96.

Черепановъ, С. И., писатель, псевдонимъ его (Сибирскій казакъ), т. XIII, 239.

Черито, французская танцовщица, т. XIV, 603.

Черкасовъ, бар. Алексѣй Ив., лейтенантъ, декабристъ, т. XII, 408.

Черкасскій, кн. Владим. Александр., дѣйствит. статскій совѣтникъ, главный директоръ правительственной комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ въ Ц. П., вполсѣд. управляющій гражданскою частью въ Болгаріи, т. XI, 118, 725; т. XIV, 543.

Чернавкинъ, Ив. Дмитріев., диаконъ, первый учитель протопресвитера В. Б. Важанова, т. XIV, 558.

Черни, писатель, псевдонимъ его (День-день и Знакомый незнакомецъ), т. XIV, 466.

Черниговецъ, Ф. псевдонимъ писателя Ѳ. В. Вишневаго, т. XIII, 240.

Чернышевъ-Кругликовъ, кн., флигель-адъютантъ, т. XI, 381.

Черняевъ, казацкій полковникъ, начальникъ надъ ссылными рабочими на кругобайкальской дорогѣ, т. XI, 565, 567.

Чечкинъ, Ив. Ив., государственный крестьянинъ, старообрядческій священникъ, т. XIV, 307, 308.

Чижовъ, Федоръ Вас., магистръ математическихъ наукъ писатель. Воспоминанія его, т. XI, 241—262. Упомин. т. XIV, 520.

Чистяковъ, капитанъ, ротный командиръ 6-го сапернаго баталіона, т. XIV, 114.

Чичаговъ, Пав. Вас. знамен. русскій мореходецъ, морской министр,

адмиралъ. Столкновение его съ Павломъ I, т. XI, 237—240.

Чуваковы:

— Колыванскій купецъ, укрыватель раскольниковъ, т. XIV, 299—302, 324.

— Тимошей, крестьянинъ бѣлоярской волости, екатеринбург. у., раскольникъ, т. XIV, 297, 298.

Чуйко, Влад. Библиографическая замѣтка о соч. его: Біографія и переписка Генриха Гейне, т. XIII, 462—465.

Чулковъ, помѣщикъ с. Перевоза, убитый пугачевцами, т. XIII, 124.

Чумаковъ, пугачевскій есаулъ, т. XIII, 352.

III.

Шадура, Иванъ, крестьянинъ с. Гребенки, васильков. у., кievск. губ., волостной старшина, разбившій шайку польскихъ мятежниковъ, т. XIV, 114.

Шаликова, Е., княгиня, писательница, псевдонимъ ея (Нарская Е.), т. XIII, 239.

Шамборъ, графъ Генрихъ-Карль-Фердинандъ-Марія Діедоннэ д'Артуа-Бурбонъ, герцогъ Бордосскій. Некрологъ его, т. XIII, 732—734.

Шангарье, Никола-Анна-Теодуль, французскій генералъ, т. XIV, 602, 603.

Шаловала, Кузьма, псевдонимъ малороссійскаго писателя К. Шохина, т. XIII, 72.

Шаниъ, аббатъ, путешественникъ по Россіи, т. XII, 612.

Шарамовичъ, польскій повстанецъ кievской губерніи, т. XI, 564, 566—574.

Шараневичъ, докторъ, изслѣдователь галицкой старины, т. XIII, 727, 728.

Шастель, М. Е., женевскій ученый. Замѣтка о соч. его: Исторія христіанства, т. XII, 697.

Шаховскіе:

— Александръ Александр., членъ театральнаго комитета, писатель. Статья объ немъ, т. XIII, 136—173. Упомин. т. XIII, 655.

— Александръ Ив., помѣщикъ с. Беззаботы, смоленской губ., камергеръ польскаго короля Станислава-Августа, отецъ предъидущаго, т. XIII, 138.

— Анастасія Ив., рожденная Пасекъ, мать писателя т. XIII, 138.

Шацъ, инженеръ-полковникъ, на-

чальникъ надъ ссыльными рабочими на кругобайкальской дорогѣ, т. XI, 565, 567.

Шведовъ, Н. К. Библиографическая замѣтка о соч. его: Историческій очеркъ военно-походной Е. И. В. канцелярии съ 1797 по 1882 годъ, т. XIV, 442, 443.

Шверницкій, польскій ксендзъ, настоятель иркутской католической часовни, т. XI, 574.

Швиккеръ, докторъ. Замѣтка объ изслѣдованіи его цыганъ Венгрии и Семигради, т. XIV, 528.

Шевченко:

— Атаманъ плѣнныхъ турокъ и черкесъ, находившихся въ пугачевской шайкѣ, т. XIII, 131.

— В. Г., родственникъ поэта, т. XIV, 457.

— Тарасъ Григорьевъ, поэтъ и художникъ. Могилъ его, т. XIV, 457. *Упомин.* т. XIII, 75, 79; т. XIV, 250, 251.

Шевыревъ, Степ. Петр., русскій ученый, профессоръ, т. XI, 257.

Шекспиръ, Вильямъ. англійскій драматургъ Библиографическія замѣтки объ изданіи его сочиненіи, т. XI, 715.

Шеландръ, Жанъ, авторъ драмы Тиръ и Сидонъ. Замѣтка объ открытіи этой драмы, т. XII, 701.

Шелль, Адольфъ, нѣмецкій писатель. Библиографическая замѣтка о сочин. его о Гете, т. XI, 466, 467.

Шено, Э. Замѣтка о его Исторіи англійской живописи, т. XII, 481.

Шеншинъ, А. И. (Фетъ), поэтъ, т. XI, 99; т. XIV, 389.

Шереметевы:

— Русскій дворянскій домъ. Библиографическая замѣтка: Родъ Шереметевыхъ—А. П. Барсукова, т. XIV, 198—201.

— Василій Петр., свѣяжскій, а потомъ казанскій воевода, т. XIV, 200.

— Гр. Борисъ Петр., бояринъ, генералъ - фельдмаршалъ, завоеватель Лифляндіи, т. XIII, 209; т. XIV, 201.

— Гр. Ник. Петр., дѣйствит. тайный совѣтникъ и оберъ-камергеръ, основатель странно-примнаго дома въ Москвѣ, т. XIII, 360.

— Гр. Сергѣй Дмитр., издатель сочиненій кн. П. А. Вяземскаго. Библиографическая замѣтка объ этомъ изданіи, т. XI, 705—708.

— Ив. Петр., казанскій воевода, т. XIV, 200.

— Петръ Никит., бояринъ, т. XIV, 200.

— Феодоръ Ив., бояринъ, въ иночествѣ Феодосій, т. XIV, 198—201.

Шерпскансъ, улеборгскій гражданскій губернаторъ, т. XIV, 171.

Шерюль, Библиографическая замѣтка о соч. его: Исторія Франціи при Мазаринѣ, т. XII, 231.

Шетневъ, воронежскій губернаторъ, т. XIII, 120, 123.

Шибоевъ, капитанъ, убитый бунтовщикомъ — новгородскимъ военнымъ поселяниномъ, т. XIII, 343, 344.

Шибутко, Н., малороссійскій писатель, т. XIII, 74.

Ширинскій-Шахматовъ, кн., министръ народнаго просвѣщенія, т. XII, 69, 36; т. XIII, 301.

Ширъ-Али-Ханъ, эмиръ авганскій, т. XI, 625, 629, 632—645; т. XIV, 548, 554.

Шинкинъ, русскій посолъ при Сѣверо-Американскихъ штатахъ, т. XI, 602, 611, 615.

Шинковъ, Александръ Семен., генералъ-адъютантъ, вице-адмиралъ, президентъ россійской академіи и министръ народнаго просвѣщенія. Ссылка на записки его, т. XI, 238. *Упомин.* т. XII, 368; т. XIV, 639.

Шкларевскій, Александръ Андрев., писатель. Некрологъ его, т. XIV, 647.

Шлегель, Фридрихъ, нѣмецкій писатель. Библиографическая замѣтка объ изданнымъ юношескихъ произведеніяхъ его, т. XI, 466.

Шлейденъ, Магיאсъ-Якобъ, знаменитый ботаникъ, профессоръ дерптскаго, а потомъ іенскаго университета. Дѣло о религіозности его, т. XI, 330—339.

Шликъ, австрійскій генералъ, т. XI, 72.

Шлякинъ, Ив. Библиографическія замѣтки: Описаніе церковнославянскихъ рукописей императорской публичной бібліотеки—А. О. Бычкова, т. XII, 474. Посошковъ и его сочиненія — А. Царевскаго, т. XII, 692, 693.

Шмидтъ, Юліанъ, писатель; отзывъ его о Тургеневѣ, т. XIV, 449.

Шмитъ, Генрихъ, польскій историкъ. Некрологъ его, т. XIV, 464.

Шнейдеръ, Луи, чтець прусскаго короля, корреспондентъ газеты «Сѣверная Пчела», т. XIII, 289.

Шонинъ, М. Разсказъ его о Пушкинѣ, т. XII, 395.

Шохинъ, К., малороссійскій писатель (Кузьма Шаповала), т. XIII, 72.

Шпажнскій, псевдонимъ Н. Везовскаго, т. XIII, 240.

Шпильгагенъ, Фридрихъ, нѣмецкій романистъ. Замятка обо его изслѣдованіяхъ теоріи и техники романа, т. XII, 233.

Шрамъ, бременскій протестанскій пасторъ. Замятка о соч. его: *Italienische Skizzen. Wanderungen durch Rom und Neapel*, т. XIV, 631.

Шрейдеръ, Данило, оберъ-квартирмейстеръ въ Ригѣ, т. XIV, 479—482.

Штакельбергъ, баронъ Олафъ Ром, контръ-адмиралъ, т. XI, 613.

Штейнъ, Генрихъ-Фридрихъ-Карлъ, прусскій государственный человѣкъ, служившій въ 1812 году Россіи, т. XII, 430, 433, 435.

Штельцль. Замятка о его статьѣ по исторіи развода, т. XII, 697.

Штендманъ, Георгій Фёдоровъ, секретарь императорскаго русскаго историческаго общества, т. XIII, 214.

Штыве, Феликсъ. Библиографическая замятка о его исторіи тридцатилѣтней войны, т. XIV, 627.

Штюрмеръ, генераль-маіоръ, военный цензоръ, т. XII, 57, 61, 62, 79.

Шубинскій, Сергій Никол. *Статьи и замятки его*: Холмогорская старина, т. XI, 154—161. Павелъ I и Чичаговъ, т. XI, 237—240. Предисловіе его къ воспоминаніямъ Ф. В. Чижова, т. XI, 242. Кирьяново, дача княгини Дашковой, т. XI, 426—428. Александра дача, т. XI, 670—675. *Библиографическія замятки*: Альбомъ Московской Пушкинской выставки, т. XI, 704. Историческіе дѣятели юго-западной Россіи въ біографіяхъ и портретахъ—В. Антоновича и В. Веца, по коллекціи В. В. Тарновскаго, т. XII, 693, 694. Ростовская старина—А. А. Титова, т. XIII, 468. *Псевдонимъ его*, т. XIII, 239.

Шуваловы, графы:

— Александръ Ив., генераль-аншефъ, управляющій тайною канцелярією, впослѣд. генераль-фельдмаршалъ. Письма его къ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, т. XII, 238, 239.

— Андрей Петр., дѣйствит. тайный совѣтникъ, управляющій банкомъ для раздѣла ассигн., писатель, т. XII, 605.

— Ив. Ив., дѣйствит. тайный совѣтникъ, оберъ-камергеръ, попечитель московскаго университета, т. XII, 605; т. XIII, 457.

— Павелъ Андреевъ, т. XIII, 710.

Шуйскіе:

— Иосифъ, польскій писатель. Некрологъ его, т. XI, 721—723.

— Царь московскій. См. Василій Ивановичъ.

Шуклота, владѣлецъ мѣстечка Лопе, ковенской губ., начальникъ польской банды, виновникъ уничтоженія околицы Ибяны, т. XIV, 357.

Шуленбургъ, гр. Екатерина, рожд. фонъ-Биронъ, по первому браку кн. де-Роганъ, а по второму кн. Трубенская, герпогина курляндская и саганская, т. XIV, 573, 574.

Шуликъ, Павло, малороссійскій писатель, т. XIII, 72.

Шульгинъ:

— Виталій Яков., профессоръ кievскаго университета и редакторъ газеты «Кіевлянинъ», т. XIV, 238, 239, 498.

— Кузьма, подъячій, доносъ его на А. Л. Нарышкина, т. XI, 19, 24.

— Н. И., писатель, псевдонимъ его (Николай Ивановъ), т. XIII, 239.

Шульце, Викторъ, доцентъ лейпцигскаго университета. Библиографическая замятка о соч. его: Катакомбы, древнехристіанскія мѣста погребенія, ихъ исторія и памятники, т. XII, 216, 217. Извлеченіе изъ этого сочиненія, т. XIV, 407—429.

Шульце-Деличъ, членъ германскаго рейхстага, основатель рабочихъ товариществъ въ Германіи. Некрологъ его, т. XII, 711.

Шульцъ, сынъ чиновника варшавскаго губернскаго правленія, польскій повстанецъ, т. XI, 560—563.

Шумилинъ, архієпископъ ярославскій. См. Авраамъ.

III.

Щановъ, Аванасій Прокофьевъ, профессоръ казанской духовной академіи, а потомъ казанскаго университета, писатель, т. XII, 417, 420.

Щеголовъ, Д.; замячанія министра внутр. дѣлъ (1862 г.) на статью его: Временныя правила по дѣламъ книгопечатанія, т. XI, 526—531.

Щепкины:

— М. П. Библиографическая замятка о соч. его: Опыты изученія общественаго хозяйства и управленія городовъ, т. XI, 460, 461.

— Мих. Семеновъ, актеръ, т. XIII, 158.

Щербакъ, М. Г., т. XIII, 101.
Щербатова, княж. Екат. Алексѣев.
 См. Васильчикова.

Э.

Эберсъ, Георгъ, нѣмецкій романистъ.
 Библиографическія замѣтки о соч. его:
 Ein Wort, т. XI, 465. Описаніе Египта,
 т. XIII, 220.

Эвансъ, Джонъ. Библиографическая
 замѣтка объ описаніи орудій, укра-
 шеній и утвари бронзоваго вѣка, т.
 XIII, 220.

Эггеръ, Эмиль. Библиографическая
 замѣтка объ его журнальныхъ ста-
 тьяхъ и запискахъ, т. XII, 478, 479.

Эйлеръ, Леонардъ, знаменитый ма-
 тематикъ, академикъ. Столѣтняя го-
 дощина его смерти, т. XIV, 642.

Эймелеусъ, каянскій пасторъ, т.
 XIV, 163, 170.

Эйхвальдъ, М. Е. См. Фези.

Экебладъ, дѣйствит. статскій совѣт-
 никъ, директоръ нѣжинскаго лицея,
 т. XII, 643.

Эльмитъ, баронесса, фрейлина им-
 ператрицы Екатерины II, т. XIII,
 348.

Энгель, Эдуардъ, нѣмецкій писа-
 тель. Библиографическія замѣтки о
 его сочиненіяхъ, т. XI, 714; т. XII,
 702.

Энгельгардтъ:

— А. Н., профессоръ химіи, агро-
 номъ. Библиографическая замѣтка о
 соч. его: Письма изъ деревни, т. XI,
 453—456.

— Ковенскій губернаторъ, т. XIV,
 326, 330, 344.

— Софья Александр., сестра мило-
 сердія общины св. Георгія, т. XI,
 375, 377.

Эпингеръ, русскій архитекторъ, т.
 XI, 243, 244.

д'Эпине, Элиза - Флорансъ - Петро-
 ниль, другъ Ж. Ж. Руссо и Ф. М.
 Гримма, т. XIV, 173—178.

д'Эрико, Шарль, французскій писа-
 тель. Статья по поводу соч. его: «La
 revolution 1789—1882», т. XII, 178—
 191.

фонъ-Эрлихгаузенъ, Людвигъ, ве-
 ликій магистръ тевтонскаго ордена,
 т. XII, 195.

Эртауловъ, псевдонимъ писателя
 В. П. Бурнашева, т. XIII, 736.

Эссень, лифляндскій губернаторъ,
 т. XIV, 247.

Эстуаль, авторъ журналовъ-мемуа-

ровъ. Замѣтка объ изданіи ихъ, т.
 XII, 476.

Ю.

Юнгъ, французскій полковникъ. Би-
 блиографическая замѣтка о соч. его:
 Лупіанъ Бонапарте и его записки, т.
 XII, 455—458.

Юнеліусъ, И., капитанъ купеческаго
 корабля, т. XIV, 155, 158, 161, 162,
 165.

Юракъ, Марья Александр., гувер-
 нантка, т. XIII, 333, 336.

Юргенсъ, Константинъ, докторъ, т.
 XII, 216.

Юркевичъ, М., малороссійскій пи-
 сатель, т. XIII, 74.

Юрко, Г., псевдонимъ писателя Го-
 ворухи-Отрока, т. XIII, 240.

Юрьевъ, Владим. Серг., поручикъ
 дѣйствующей арміи, т. XI, 111, 125,
 361, 363, 368, 370—373.

Юсупова, кн. Евдокія Борисов. См
 фонъ-Биронъ.

Юханцева, Ольга Николаев., сестра
 милосердія общины св. Георгія, т.
 XI, 375.

Юшкевичъ, новгородскій архіепи-
 скопъ. См. Амвросій.

Юшкова, Анна Петров. См. Зонтагъ.

Я.

Яворскіе:

— И. Л., докторъ, авторъ моногра-
 фій: Путешествіе русскаго посоль-
 ства по Авангистану и Бухарскому
 ханству въ 1878—1879 г., т. XI, 619,
 620, 622—636, 640—648.

— Семень, митрополитъ. См. Сте-
 фанъ.

Ягелло или Ягайло, великій князь
 литовскій, вполѣдъ король польскій,
 основатель династіи Ягеллоновъ, т.
 XII, 194.

Ягужинскій, гр. Пав. Ив., оберъ-
 прокуроръ сената, вполѣдъ кабинетъ-
 министръ, т. XIII, 605, 607.

Языковы:

— Александръ Мих., братъ поэта,
 т. XIV, 520, 523—542.

— Д. Д. Ст. его: Литературная дѣ-
 тельность И. С. Тургенева, т. XIV,
 399—406.

— Екатер. Мих. См. Хомякова.

— Никол. Мих., поэтъ. Извлеченіе
 изъ литературной переписки его: От-
 зывы современниковъ о Пушкинѣ, т.
 XIV, 530—552. Упомян. 257, т. XI, 258.

— Павелъ Александр., племянникъ поэта, т. XIV, 520.

— Прасковья Мих. См. Бестужева.
Я—кая, Е. М., сестра И. С. Тургенева по имѣнію, мѣнская помѣщица, т. XIV, 394, 396.

Якоби:

— Борисъ, студентъ харьковскаго университета, т. XI, 553.

— Ив. Варооломеев., наѣбтникъ сибирскій, вполѣд. генераль-отъ-инфантеріи, т. XII, 533; т. XIII, 352.

Яковлевъ, Никол. Мих., свойственникъ П. С. Потемкина, т. XIII, 360.

Якубовичъ, П., писатель, т. XIII, 239.

Якубъ-ханъ, сынъ авганскаго эмира Ширъ-Али-Хана, правитель Кабула, т. XI, 639.

Ямановъ, Касьянъ, псевдонимъ писателя Н. А. Лейкина, т. XIII, 238.

Янковичъ де-Миріево, Ѳеодоръ Ив., первый директоръ народныхъ училищъ. Замѣтка по поводу столѣтія дирекціи, т. XI, 472, 473.

Яновскій, новгородскій епископъ. См. Ѳеодосій.

Яновъ, псевдонимъ писателя Н. В. Гоголя, т. XIII, 240.

Янушкевичъ, А. М., польскій ссыльный, т. XII, 407.

Янчевскій, полякъ, политическій преступникъ, вполѣд. офицеръ и шавельскій уѣзд. предводитель дворянства, т. XIII, 577.

Янъ, Отто, нѣмецкій археологъ и филологъ, профессоръ лейпцигскаго, а потомъ боннскаго университета, т. XI, 392, 394, 395, 397.

Янъ-Казиміръ, польскій король, т. XII, 208.

Янъ-Сигизмундъ, маркграфъ и курфиртъ бранденбургскій, вполѣд. герцогъ прусскій, т. XII, 204, 205.

Ясинскій, І. І., писатель, псевдонимъ его (Максимъ Бѣлинскій и Я—ій І.), т. XIII, 238, 240.

Яфимовичъ, генераль, состоявшій при генераль-губернаторѣ остзейскаго края, т. XIV, 246.

Яшвилъ, князь, генераль-лейтенантъ, участникъ въ усмирении польскаго мятежа, т. XIV, 346, 357, 358.

Яценко, Л., малороссійскій писатель, т. XIII, 72, 73.

Ѳеодоровы:

— Артиллерійскій столяръ, участіе его въ распространении слуховъ объ отношеніяхъ Анны Ивановны къ гр. Левенвольду, т. XI, 13—17.

— В. М., писатель, т. XIV, 466.

— И. В., писатель, псевдонимъ его (Омулевскій), т. XIII, 239.

— Иванъ, пономарь московской церкви всемоштив. спаса, свидѣтель безчинствъ свящ. Кирила Ѳеодорова, т. XI, 267—270.

— Кириль, московскій священникъ. Разсказъ о немъ, т. XI, 265—285.

Ѳеодоръ Алексѣевичъ, царь московскій. Портретъ его въ Берлинѣ, т. XII, 626—627. Упомин. т. XII, 272, 274, 275.

Ѳеодеръ Борисовичъ Годуновъ, московскій царь, т. XII, 264.

Ѳеодоръ Ивановичъ, московскій царь, т. XII, 261, 265, 266, 268.

Ѳеодосій (Яновскій), новгородскій епископъ, т. XII, 278, 336.

Ѳеодосіевецъ, псевдонимъ писателя Я. Абрамова, т. XIII, 240.

Ѳеодотовскій, писарь бѣлоярскаго волостнаго правленія, екатеринбург. у., содѣйствовавшій къ открытію раскольниковъ, т. XIV, 298.

Ѳеодтиста, крѣпостная дѣвушка, любовница И. С. Тургенева, т. XIV, 373, 374.

Ѳеофанъ (Прокоповичъ), архіепископъ новгородскій, т. XI, 201—203, 279; т. XII, 279, 280, 335.

Ѳеофилактъ (Лопатинскій), епископъ тверской, ректоръ московской духовной академіи, т. XI, 279.

УКАЗАТЕЛЬ

ГРАВЮРЪ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1883 г.

ПОРТРЕТЫ:

- Александръ I Павловичъ**, императоръ, съ рѣдкой гравюры Больта, грав. Паннемакеръ (на отдѣльномъ листѣ), т. XIV, 472.
- Бажановъ**, Вас. Борис., докторъ богословія, протопресвиторъ, главный священникъ гвардейскихъ корпусовъ, членъ св. синода, т. XIV, 559.
- Везбородко**, Александръ Андреев., свѣтлѣйшій князь, дѣйстви- тельный тайный совѣтникъ, государственный канцлеръ, грав. А. И. Зубчаниновъ (на отдѣльномъ листѣ), т. XII, 488.
- фонъ-Виронъ**, Анна-Шарлотта-Доротея, рожд. фонъ-Медемъ, герцогиня курляндская, съ портрета Графа, т. XIV, 567.
- Гамбетта**, Леонъ, президентъ французской палаты депутатовъ, грав. А. И. Зубчаниновъ, т. XI, 431.
- Гоголь**, Никол. Вас., писатель, съ портрета, рисованнаго съ натуры актеромъ П. А. Каратыгинымъ, грав. Паннемакеръ (на отдѣльномъ листѣ) т. XIII, 488.
- Доротея**, двѣ герцогини курляндскія. См. фонъ-Виронъ и де-Талейранъ-Перигоръ.
- Екатерина II Алексѣевна**, императрица, съ рѣдкой гравюры Болта, грав. Паннемакеръ (на отдѣльномъ листѣ), т. XIV, 472.
- Жуковский**, Вас. Андреев., поэтъ; съ гравированнаго портрета Уткина, рѣз. на деревѣ А. И. Зубчаниновъ (на отдѣльномъ листѣ), т. XI, 240.
- Людовикъ:**
— XVI, король французскій, т. XII, 182.
— XVII (Карль), король французскій, т. XII, 188.
- Марія Антуанета**, королева французская, т. XII, 185.
- Марія Стюартъ**, королева Шотландіи, съ рѣдкаго современнаго гравированнаго портрета, грав. Бренд-Амуръ, т. XI, 679.

- Одоевскій**, кн. Александръ Ив., поэтъ, декабристъ, т. XII, 399.
- Павель I Петровичъ**, императоръ, съ рѣдкой гравюры Больта, грав. Паннемакеръ (на отдѣльномъ листѣ), т. XIV, 472.
- Петръ I Алексѣевичъ**, императоръ, съ портрета, находящагося въ берлинскомъ королевскомъ замкѣ, т. XII, 628.
- Порошинъ**, Федоръ Федор., русскій посолъ въ Бранденбургѣ, съ портрета, находящагося въ гогенцоллернскомъ музеѣ въ Берлинѣ, т. XII, 625.
- Радищевъ**, Александръ Никол., управляющій петербургскою таможеню, авторъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву», съ гравированнаго портрета Алексѣева, грав. Паннемакеръ (на отдѣльномъ листѣ), т. XII, 4.
- Симонъ**, парижскій башмачникъ, коммунаръ, «воспитатель» Людовика XVII, т. XII, 189.
- Стюартъ**, Марія, королева Шотландіи. См. Марія Стюартъ.
- де-Талейранъ**, кн. Перигоръ, гр. Доротея, герцогиня Дино, рожд. фонъ-Виронъ, герцогиня курляндская и саганская, съ портрета Вечера, т. XIV, 571.
- Тургеневъ**, Ив. Серг., писатель, съ фотографіи Бергамаско: 1-й, грав. А. И. Зубчаниновъ (на отдѣльномъ листѣ), т. XIV, 4; 2-й, грав. Паннемакеръ, т. XIV, 139.
- Шаховской**, кн. Александръ Александр., членъ театральнаго комитета, писатель, т. XIII, 141.
- Федоръ Алексѣевичъ**, царь московскій, съ портрета, находящагося въ гогенцоллернскомъ музеѣ въ Берлинѣ, т. XII, 627.

СНИМКИ СЪ КАРТИНЪ:

- Взятіе Бастиліи**, т. XII, 180.
- Вѣнчаніе на царство царя Михаила Федоровича**, факсимиле рисунка, находящагося въ «Книгѣ объ избраніи на царство царя Михаила Федоровича», т. XII, 263.
- Ларошжакеленъ и шуаны**, грав. Паннемакеръ, т. XII, 190.
- Людовикъ XVI въ національномъ собраніи**—4 февраля 1790 года, т. XII, 181.
- Марія Антуанета въ темницѣ**, т. XII, 187.
- Мвропомазаніе императрицы Екатерины II**, съ рисунка, находящагося въ «Описаніи коронованія Екатерины II», грав. А. И. Зубчаниновъ, т. XII, 277.
- Пріемъ императрицей Екатериной II поздравленій послѣ коронованія**, съ рисунка, находящагося въ «Описаніи коронованія Екатерины II», грав. А. И. Зубчаниновъ, т. XII, 283.
- Путешествіе Александра I по Финляндіи** (грав. А. И. Зубчаниновъ), т. XIV:
 — Восхожденіе на развалины каянаборгскаго замка, 165.
 — Встрѣча съ крестьяниномъ Генрихомъ Тервоненомъ, 157.
 — Коюшня—столовая, 159, 170.
 — Плаваніе по озеру Улео, 161.
 — Переправа черезъ рѣку, 167.
 — Пріѣздъ въ г. Каяну, 163.
- Смерть князя Гвоздева, шута Іоанна Грознаго**, картина Неврева, грав. Паннемакеръ (на отдѣльномъ листѣ), т. XI, 5.
- Шествіе императора Александра II въ успенскій соборъ для коронованія**, съ современнаго рисунка, грав. А. И. Зубчаниновъ, т. XII, 287.
- Энциклопедисты у Дидро**, картина Месонье, грав. А. И. Зубчаниновъ (на отдѣльномъ листѣ), т. XI, 480.

ВИДЫ ГОРОДОВЪ, МѢСТНОСТЕЙ И ЗДАНИЙ:

- Александрова дача** (грав. А. И. Зубчаниновъ), томъ XI:
 — Видъ дома и грота, 672.
 — Видъ храма Фелицы, 673.
 — Видъ храма Цереры, 674.
- Аѳины**, томъ XIII:
 — Видъ съ мѣловыхъ скалъ Пирея, 405.
 — Видъ съ дороги въ Элевзисъ, 661.
 — Паренонъ во время Перикла, 411.
 — Прошлей, 409.
 — Улица, 407.
- Ваденъ-Ваденъ:**
 — Вилла И. С. Тургенева, т. XIV, 143.
 — Домъ, въ которомъ умеръ Жуковский, т. XI, 423.
- Воарская усадьба** въ XVII столѣтїи, грав. А. И. Зубчаниновъ, т. XIII, 263.
- Венеція**, томъ XIV:
 — Балконъ, 579.
 — Барки съ сѣномъ, 589.
 — Буцентавръ—государственный катеръ, 591.
 — Видъ изъ сада на островъ Сан-Лаццаро, 594.
 — Домъ Дездемоны, 584.
 — Кормленіе голубей въ скверѣ св. Марка, 580.
 — Мостъ вздоховъ, 581.
 — Мостъ Ріальто, построенный А. ди-Понте, 585.
 — На память о Венеціи, 595.
 — Пьяццета (la Piazzetta), 583.
 — Scala antica—старинная лѣстница во дворѣ дома Гольдони, 588.
 — Соборъ св. Марка и Компонила, 582.
 — Узкій каналъ, 587.
 — Церковь Санъ-Джорджіо Маджіоре, 586.
- Виль д'Авре**,—дача, гдѣ умеръ Гамбетта, т. XI, 439.
- Выгорѣцкая старообрядческая пустынь** въ XVIII столѣтїи, грав. М. Ра-шевскій, т. XIII, 617.
- Голирудъ**, замокъ, томъ XI:
 — Комната Дарилая, 687.
 — Общій видъ, 683.
 — Спальня Марїи Стюартъ, 686.
- Денисовка**, деревня архангельской губ., мѣсто рожденія Ломоносова, грав. А. И. Зубчаниновъ и М. Рашевскій, т. XI, 159, 160.
- Додонъ**, мѣстоположеніе его, т. XIII, 389.
- Древнехристіанскія катакомбы**, т. XIV, 414, 417.
- Дубы на Парнасъ**, т. XIII, 393.
- Итака**, островъ, т. XIII, 417.
- Кагоръ**, французскій городъ,—домъ, въ которомъ родился Гамбетта, т. XI, 435.
- Кирьяново**, дача княгини Дашковой, грав. М. Рашевскій, т. XI, 427.
- Колонъ**, городъ, т. XI, 166.
- Москва:**
 — Кремль въ XVII столѣтїи, грав. М. Рашевскій, т. XIII, 247.
 — Нѣмецкая слобода, т. XIV, 71, 75.
 — Печатный дворъ въ XVII столѣтїи, грав. Винклеръ, т. XIV, 269.
 — Площадь въ XVII столѣтїи, грав. А. И. Зубчаниновъ, т. XIII, 265.
 — Посольскій домъ въ XVII столѣтїи, грав. Паннемакеръ, т. XIV, 275.
 — Торговая лавка въ XVII столѣтїи, грав. Паннемакеръ, т. XIII, 539.

- Улица въ XVII столѣтїи, грав. Паннемакеръ, т. XIII, 267.
- Церковь Василя Блаженнаго, т. XIII, 545.
- Негрятинская деревня** на рѣкѣ Шагресъ, т. XI, 162.
- Палермо**, томъ XIII:
  - Ворота «Porta Nuova», мѣстопребываніе Гарибальди, 175.
  - Ворота «Porta Felice», 177.
  - Входъ въ соборъ, 180.
  - Катакомбы, 182.
  - «La Ziza», 179.
  - Общій видъ, 174.
  - Часть мозаики въ соборѣ Монреале, 181.
- Панама**, общій видъ, т. XI, 162.
- Развалины Дельфъ**, т. XIII, 675.
- Развалины Трои**, т. XIII, 403.
- Сицилія**, т. XIII:
  - «Ухо Діонисія», 185.
  - Храмъ Сегесты, 183.
- Спасское-Лутовиново**, имѣніе И. С. Тургенева (мценскаго у., орловской губ.), грав. А. И. Зубчаниновъ, т. XIV:
  - Господскій домъ, 385.
  - Кабинетъ И. С. Тургенева, 395.
  - Церковь и школа, 391.
- Холмогоры**: Спасо-преображенскій соборъ и успенскій монастырь, грав. А. И. Зубчаниновъ, т. XI, 155.
  - Комната Анны Леопольдовны въ успенскомъ монастырѣ, гравир. М. Ращевскій, т. XI, 157.
- Шагресъ**, рѣка (около Шамбоа), т. XI, 163.

БЫТОВЫЕ И ДРУГІЕ РИСУНКИ:

- Артемедя**, богиня охоты, т. XIII, 671.
- Венера капитолійская**, т. XIII, 390.
- Венера милосская**, т. XIII, 413.
- Виньетка изъ изданія „Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ“**—Жуковского, грав. М. Ращевскій, т. XI, 409.
- Герольдъ въ уборѣ**, съ рисунка, находящагося въ «Описаніи коронованія Елизаветы Петровны», т. XII, 273.
- Государственное знамя или паниръ**, съ рисунка находящагося въ «Описаніи древняго російскаго музея», т. XII, 255.
- Греческія женщины и дѣвушки**, т. XIII, 401, 415, 659, 663, 665, 667, 677, 683.
- Держава**, съ рисунка, находящагося въ «Описаніи древняго російскаго музея», т. XII, 251.
- Заглавный листъ** къ поэмѣ «Александрова дача», грав. А. И. Зубчаниновъ, т. XI, 671.
- Заросли папоротника** въ Сициліи, т. XIII, 183.
- Императорскія регалїи** при коронованіи императора Александра II, съ современнаго рисунка, грав. А. И. Зубчаниновъ, т. XII, 289.
- Казни въ Россїи**:
  - Публичныя наказанія въ XVII столѣтїи, грав. А. И. Зубчаниновъ, т. XIII, 551.
  - Повѣшенїемъ за ребро и закапыванїемъ въ землю, грав. Паннемакеръ, т. XIV, 239.

- Башка** (заставка) изъ изданія «Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ»—Жуковскаго, т. XI, 413.
- Большага старинная**, т. XIII, 552.
- Лампы и канделябры древней Греціи**, т. XIII, 679.
- Планъ шипкинской позиціи** (9 августа 1877 г.), т. XI, 112.
- Помянки русскихъ въ XVII столѣтіи**, грав. А. И. Зубчаниновъ, т. XIV, 285.
- Похороны русскихъ въ XVII столѣтіи**, грав. А. И. Зубчаниновъ, т. XIII, 258.
- Присяга русскихъ въ XVII столѣтіи**, грав. А. И. Зубчаниновъ, т. XIV, 61.
- Растительность въ окрестностяхъ Панама**, т. XI, 165.
- Свадебный пиръ въ XVII столѣтіи**, грав. А. И. Зубчаниновъ, т. XIII, 532.
- Свиданіе жениха съ невѣстой**, грав. А. И. Зубчаниновъ, т. XIII, 282.
- Символы христіанскихъ катакомбъ**, т. XIV, 419, 421, 423.
- Скипетръ и Государственный мечъ**, съ рисунковъ, находящихся въ «Описаніи древняго російскаго музея», т. XII, 253.
- Снаряженіе невѣсты къ свадьбѣ въ древней Греціи**, т. XIII, 399.
- Сосудъ и стручень для св. мѣропомазанія**, съ рисунка, находящагося въ «Описаніи коронаванія императрицы Елизаветы Петровны», т. XII, 269.
- Стрѣльцы**, грав. М. Рашевскій, т. XIII, 260, 261.
- Танцовщица древней Греціи**, т. XIII, 395.
- Троны русскихъ царей**, т. XII:
- Старинный, съ рисунка, находящагося въ «Описаніи древняго російскаго музея», 257.
  - Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, съ рисунка, находящагося въ томъ же изданіи, 267.
  - Царя Михаила Ѳедоровича, съ рисунка, находящагося въ томъ же изданіи, грав. А. Зубчаниновъ, 259.
- Увеселенія русскихъ въ XVII столѣтіи**, грав. А. И. Зубчаниновъ, т. XIII, 271.
- Флаконы, зеркала, опахала древней Греціи**, т. XIII, 681.
- Шапка (корона) Владиміра Мономаха**, съ рисунка, находящагося въ «Описаніи древняго російскаго музея», т. XII, 249.

ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“,

ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ Г. КІЕВѢ.

1884-й годъ.

(ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ).

Журналъ „Кіевская Старина“, посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1884 году, ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ, по той же программѣ и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, рассказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также бібліографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложеніяхъ—изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, равно памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за 12 книжекъ, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ 10 руб., на мѣстѣ 8 руб. 50 коп. На заграничную пересылку прибавляется 1 руб. Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ 5 руб., по выходѣ IV книжки 3 руб. и VI—2 руб.—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882 и 1883 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11-й. Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель **О. Г. Лебединцевъ.**

Въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» въ Петербургѣ (Невскій, д. 38) и въ Москвѣ (Кузнечный мостъ, д. Третьяковыхъ)

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

ВОРОНЫ.

Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ Анри Бекка. Переводъ съ предисловіемъ **О. И. Булгакова.** Цѣна 75 коп.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКИЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „**Новаго Времени**“, Кузнечкій мостъ, домъ Третьякова.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ, или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 11 — 2

